This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

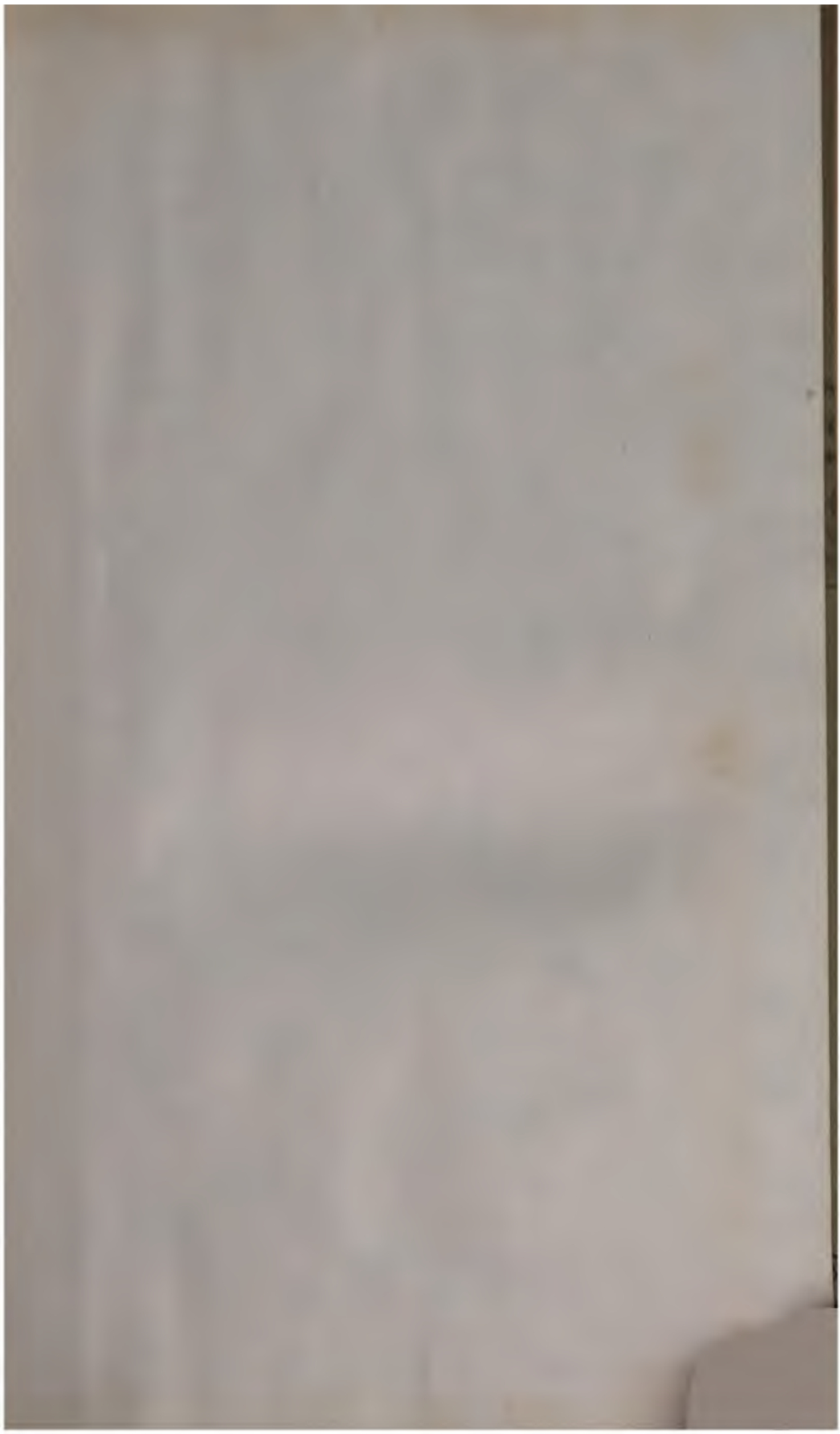
- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

STANFORD
UNIVERSITY
LIBRARIES
LELAND STANFORD JUNIOR UNIVERSITY
ORGANIZED 1891

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES



МF 78

НАБЛЮДАТЕЛЬ

ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И УЧЕНЫЙ.

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

А. И. ПЯТКОВСКАГО.

ГОДЪ IV. АПРѢЛЬ. 1885 ГОДЪ.

ПЕРМСКАЯ ГОРОДСКАЯ БИБЛІОТЕКА
17 МАЙ 1917
№ 115152

ПРОВЕРЕНО
Книгохранилище
1935 г.

(245 стр.)

СОДЕРЖАНІЕ:

I. По градамъ и весямъ. (Изъ исторіи нашего времени). Романъ. Книга 2-я. Гл. IV—VII. **Вологдина** 5

II. Джіакомо Леопарди. Критическій этюдъ. (*Окончаніе*). **В. В. Чуйко.** 50

III. Пѣвцу. Стихотвореніе **А. И. Орлова.** 69

IV. Накипь Парижа. (*Окончаніе*). **Альберта Вольфа.** 70

V. Тайная надежда. Стихотвореніе **Ѳ. Э. Ромера.** 113

VI. Александръ Васильевичъ Дружининъ. (Изъ воспоминаній стараго журналиста). **А. В. Старчевскаго.** 114

VII. Скряга Мортибой. (*Окончаніе*). Романъ **Вальтера Безанта и Джемса Райса.** 129

VIII. Похороны. Историческій романъ. (*Продолженіе*). **Д. Л. Мордовцева.** 187

IX. Приговоръ. Стихотвореніе **Ф. Андреева.** 214

X. Жерминаль. (*Продолженіе*). Романъ **Эмиля Золя** 215

XI. Въ лѣсу. Стихотвореніе **Н. Иваницкаго.** 302

XII. Тѣни и пятна петербургской нравственности. II. Пьянство и разгулъ. **В. О. Михневича.** 303

XIII. Филистеры. Романъ **Германа Шульце-Делича** 319

XIV. Южный вѣтеръ. Стихотвореніе **К. Фофанова.** 344

(см. на оборотѣ).

№ 4 «*Наблюдателя*» вышелъ 15-го Апрѣля 1885 года.

Современное Обозрѣніе.

XV. **За океаномъ. (Американскія письма). П. Попова.** 1

Двадцать второй президентъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ.—Демократическая партія въ управленіе прежнихъ президентовъ.—Клевеландъ до его избранія.—Сложный механизмъ президентскихъ выборовъ.—День четвертаго марта въ Вашингтонѣ.—Рѣчь Клевеланда.—Новое министерство.—Офиціальный балъ.—Перемѣна въ управленіи.—Погоня за мѣстами.—Будущая политика.

XVI. Обзоръ историческихъ журналовъ 12

Журналистика историческая и обще-литературная.—Наши историческіе журналы.—„Чтенія Общества Исторіи“ и „Кіевская Старина“.—„Русскій Архивъ“.—Его общій характеръ.—Жуковскій о революціи 1848 года.—Гр. Бенкендорфъ о польскомъ возстаніи.—Самоубійство Герштенцвейга.—Вступленіе на престолъ Императора Александра II. — Къ біографіи Д. В. Веневитинова.—„Русская Старина“. — Записки Н. И. Пирогова. — „Морской Сборникъ“.—Кудравцевъ.—А. И. Подолинскій.

XVII. Наши внутреннія дѣла 22

Столѣтіе дворянской грамоты.—Исторія происхожденія русскаго дворянства.—Древняя дружина.—Служилый людъ московскаго періода.—Возрожденіе высшаго сословія при Петрѣ. — Истинный смыслъ екатерининской реформы. — Идеалы лучшей части русскаго дворянства. — Возрожденіе духа сословности.—Неудачные проэкты.—Государственный земельный банкъ и кахановская комисія.—Неожиданная преграда нашему внутреннему развитію и неподготовленность къ войнѣ.—Характеристика того настроенія, съ которымъ встрѣчается опасность войны.

XVIII. Политическая хроника. 41

Столкновеніе русскихъ съ афганцами. — Было ли оно неожиданнымъ? — Бой на Кушкѣ и его значеніе.—Подстрекательство англичанъ.—Дипломатическія и парламентскія разъясненія.—Мѣсяцъ угрозъ и военныхъ приготовленій.—Причины воинственности англійскаго премьера.—Неодобрительные отзывы германской прессы о задорѣ англичанъ.—Противники войны въ англійской печати.—Гдѣ начинается и гдѣ оканчивается Афганистанъ?—Австрійскіе совѣты и венгерская ненависть. — Египетское финансовое соглашеніе. — Созывъ резервовъ и милиціи въ Англіи и мобилизація англо-индійскихъ войскъ.—Уступки въ предѣлахъ возможнаго.—„Коварство Россіи“, или съ больной головы на здоровую.—Наши союзники въ заграничной печати.—Неудачи французовъ въ Тонкинѣ.—Паденіе министерства Ферри.—Буржуазія, низвергающая въ соединеніи съ радикалами своего представителя.—Министерство Бриссона. — Юбилей князя Бисмарка. — Внутренніе раздоры въ Австріи.—Неудавшееся торжество въ Велеградѣ.

XIX. Новыя книги: 1) *Фаминцынъ, А. С.* **Божества древнихъ славянъ.** Вып. I. Спб. 1884 г. 2) *Каблуковъ, Н.* **Вопросъ о рабочихъ въ сельскомъ хозяйствѣ.** М. 1884 г. 3) **Прогрессъ и бѣдность** Генри Джорджу. Политико-экономическій этюдъ. *С. Цвѣта.* Спб. 1884 г. 4) **Сказки Мельпомены.** Шесть разсказовъ *А. Чехонте.* Москва. 1884 г. 5) **Положеніе желѣзнодорожнаго инженера передъ обществомъ и судомъ.** Составилъ *Н. Марковъ.* Москва. 1884 г. 6) **Наше учебное вѣдомство и начальная школа.** *Н. Г. Дебольскаго.* Спб. 1885 г. 59

XX. Фонографъ (фельетонъ „*Наблюдателя*“): 1) И смѣхъ и горе. (Литературныя и житейскія замѣтки). **Ефима Простосердова.** 73

Весенній подарокъ Петербургу: выставка ловчихъ птицъ и собакъ.—„Ловцы людей“ и проэктъ выставки лучшихъ экземпляровъ: 1) блудодѣй мысли; 2) желѣзнодорожный концессіонеръ; 3) „лидахтуръ-издатель“ и 4) „первоклассный“ пастуховско-вольфовскій писатель.

2) Въ альбомъ одному газетному „человѣку“. Стихотвореніе **Эндиміона Вампирова.** 79

НАБЛЮДАТЕЛЬ

ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И УЧЕНЫЙ,

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

А. П. ПЯТКОВСКАГО.

ОБЩЕСТВЕННАЯ
ВЪ ПЕРМИ
БИБЛІОТЕКА

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

№ 4-й. АПРѢЛЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Редакція и главная контора журнала: Поварской пер., д. № 5.
1885.

Типографія и Хромолитографія А. Траншеля. Стремянная, № 12.

ОБЪ ИЗДАНІИ ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА

„НАБЛЮДАТЕЛЬ“

ВЪ 1885 ГОДУ (ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ).

Журналъ издается подъ прежней редакціей, при участіи прежнихъ и новыхъ сотрудниковъ, **безъ предварительной цензуры.**

Въ журналѣ, за время его изданія, принимали участіе: *проф. И. Е. Андреевскій, Ф. А. Андреевъ, В. П. Безобразовъ, С. А. Бердяевъ, П. И. Бларамбергъ, П. Д. Боборыкинъ, П. В. Быковъ, В. В., И. Ф. Василевскій* (Буква), *Е. А. Вернеръ, П. И. Вейнбергъ, Вологдинъ, Г*, д-ръ А. С. Виреніусъ, проф. В. Н. Даневскій, И. Н. Денисовъ, Ю. Г. Зависѣцкій, проф. А. И. Загоровскій, В. Р. Зотовъ, д-ръ Ивинъ, проф. А. Ѳ. Кистяковскій, Е. П. Карновичъ, баронъ Н. А. Корфъ, А. В. Кругловъ, В. А. Крыловъ, Н. С. Курочкинъ, проф. Ѳ. И. Леонтовичъ, П. Лѣтневъ, С. В. Максимовъ, В. Л. Марковъ, Н. Мизантроповъ, Н. Минскій, В. О. Михневичъ, Д. Л. Мордовцевъ, П. О. Морозовъ, В. И. Немировичъ-Данченко, М. В. Неручевъ, Ф. Д. Нефедовъ, В. Н. Никитинъ, Омулевскій, Л. И. Пальминъ, Я. Л. Паперъ, М. Л. Песковскій, Л. К. Поповъ, Я. П. Полонскій, проф. В. И. Сергѣевичъ, Д. Сибирякъ, А. В. Старчевскій, Д. И. Стахѣевъ, В. Я. Стоюнинъ, Л. Н. Трефолевъ, Н. Флеровскій, В. В. Чуйко, С. С. Шашковъ* и др.

„*Наблюдатель*“ выходитъ ежемѣсячно, 15-го числа. Объемъ книгъ, значительно увеличенный въ прошломъ году (такъ что къ концу года подписчики, сравнительно съ 1883 годомъ, получили чтенія больше на 22 печатныхъ листа, т. е. на цѣлую ежемѣсячную книгу), будетъ еще болѣе увеличенъ въ 1885-мъ году и дойдетъ отъ 22-хъ до 30 печатныхъ листовъ, вмѣсто прежнихъ 20—25-ти. Цѣна же остается прежняя.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

За годъ:		За полгода.	
Безъ доставки	12 р.	Безъ доставки	7 р.
Съ доставкою въ С.-Петербургѣ	13 р.	Съ доставкою въ С.-Петербургѣ	7 р. 50
Съ перес. въ другія мѣста Имперіи	14 р.	Съ пер. въ другія мѣста Россіи	8 р.
Съ пересылкою за границу	16 р.	Съ пересылкою за границу	9 р.

Гг. подписчики (не заграничные), высылающіе **17 р. с.**, получаютъ, кромѣ годоваго экземпляра *Наблюдателя*: 1) **Сборникъ иностранныхъ романовъ**, изд. ред., въ которомъ помѣщены *три* романа: **Баккалавръ**, *Жюля Валлеса*; **Фостэнъ**, *Э. Гонкура*, и **Эгоистъ**, *Вернера*. 2) **Гансъ-Филинъ**, романъ *Ф. Шпильгагена* и 3) **Утѣха жизни**, романъ *Э. Золя*. Всѣ эти романы въ отдѣльной продажѣ стоятъ **4 руб. 50 коп.**

Разсрочка платы допускается *исключительно* для гг. служащихъ, по третямъ, за поручительствомъ казначеевъ, причемъ вносится:

	при подпискѣ.	къ 1 мая.	къ 1 сент.
Безъ доставки	5 р.	4 р.	3 р.
Съ доставкою	6 р.	4 р.	3 р.
Съ пересылкою	6 р.	5 р.	3 р.
Съ перес. за гран.	8 р.	5 р.	3 р.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ Главной Конторѣ редакціи (Поварской переулокъ, д. № 5). Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку изданія только передъ тѣми изъ своихъ подписчиковъ, которые подпишутся въ Главной Конторѣ журнала.

LIBRARIES
STACKS
FEB 20
A P50 V. 4:4

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

1) Редакція проситъ гг. подписчиковъ изъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ нѣтъ почтовыхъ конторъ, обозначать въ своихъ адресахъ *ближайшее почтовое мѣсто*, куда можно было бы прямо адресовать книги журнала. Въ противномъ случаѣ, редакція *не можетъ ручаться за исправную доставку журнала* и не принимаетъ на себя никакихъ хлопотъ по сношенію съ петербургскимъ почтамтомъ. 2) Если журналъ своевременно не получается подписчикомъ, редакція, въ виду скорѣйшаго удовлетворенія жалобы, покорнѣйше проситъ заявлять объ этомъ *не позже полученія слѣдующей книги*, такъ какъ газетная экспедиція, на основаніи почтовыхъ правилъ, позже этого времени жалобъ не принимаетъ. 3) При перемѣнѣ адреса, необходимо присылать *старый печатный адресъ* или же его нумеръ, и при каждомъ заявленіи прилагать три семикопѣечныя почтовыя марки за напечатаніе новаго адреса. 4) При перемѣнѣ городскаго адреса на иногородный, уплачивается *1 р. 50 к.*; при перемѣнѣ же иногороднаго на городской *1 р.* Перемѣны адресовъ сообщаются исключительно въ Главную Контору редакціи. 5) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ редакцію, благоволятъ прилагать почтовыя марки для отвѣтовъ. 6) Редакція проситъ присылать рукописи не иначе, какъ *четко* переписанными. Рукописи, признанныя неудобными къ напечатанію, хранятся не болѣе полугода и, по истеченіи этого срока, если не будутъ вытребованы обратно—уничтожаются. Мелкія статьи менѣе 10 листовъ писчей бумаги и стихотворенія вовсе не возвращаются. По поводу доставляемыхъ стихотвореній редакція не вступаетъ *ни въ какую переписку съ авторами*, хотя бы и были приложены марки для отвѣтовъ. Для возвращенія обратно рукописей иногороднымъ, должны быть приложены почтовыя марки, соразмѣрно стоимости пересылки заказнымъ письмомъ или посылкою. Рукописи, доставленныя безъ опредѣленія условій гонорара, считаются безплатными. Рукописи должны быть присылаемы въ редакцію *заказными* (а не простыми) *письмами*, т. е. съ *доставленіемъ* ихъ въ Главную Контору журнала. Рукописи, принятыя *безъ обозначенія срока помѣщенія*, печатаются *исключительно* по усмотрѣнію редакціи. 7) Для личныхъ объясненій съ редакторомъ, просятъ обращаться по воскреснымъ днямъ, отъ 1 до 2 ч. пополудни, въ Главную Контору (Поварской пер., № 5). Контора открыта ежедневно отъ 10 до 4 часовъ, а по воскресеньямъ отъ 12 до 2-хъ. 8) Объявленія для напечатанія въ журналѣ принимаются съ платою: за страницу 15 руб. и за $^1/_2$ стр.—8 руб. 9) *Всякія денежныя выдачи въ Главной Конторѣ производятся только два раза въ мѣсяцъ:* **5 и 20 числа, отъ 1 до 2-хъ** часовъ. Если эти числа приходятся на праздники или воскресенья, то выдачи отлагаются до слѣдующаго дня. *Авансы за рукописи, хотя и принятыя, но не напечатанныя въ журналѣ, не допускаются.*

ВЪ КОНТОРѢ ИМѢЮТСЯ ВЪ ПРОДАЖѢ СЛѢДУЮЩІЯ ИЗДАНІЯ РЕДАКЦІИ:

1) **Баккалавръ**, *Жюля Валлеса.*
2) **Фостэнъ**, *Э. Гонкура.*
3) **Эгоистъ**, *Вернера.*

} въ одномъ томѣ. 2 р.

4) **Гансъ-Филинъ**, *Ф. Шпильгагена.* Одинъ томъ. 1 р. 50 к.
5) **Утѣха жизни**, *Э. Золя.* Одинъ томъ. 1 р.

На пересылку каждой книги прилагается марками 21 к. Для подписчиковъ всѣ эти книги высылаются за *три* руб.

Кромѣ поименованныхъ романовъ, въ конторѣ имѣются на складѣ, въ небольшомъ количествѣ, слѣд. книги, составляющія нынѣ библіографическую рѣдкость:

1) Сочиненія *Д. В. Веневитинова.* Изд. 3-е, съ біографіей и портретомъ автора. Цѣна 1 р. 50 к. съ пересылкой.
2) *Князь В. Ѳ. Одоевскій.* Литературно-біографическій очеркъ, съ портретомъ. Цѣна 75 коп. съ пересылкой.

Общественной въ Пермѣ библіотеки

ПО ГРАДАМЪ И ВЕСЯМЪ.

(Изъ исторіи нашего времени).

РОМАНЪ.

КНИГА ВТОРАЯ.

IV.

Синица въ небѣ.

Въ воскресенье, въ висящевскомъ домѣ, дотолѣ погруженномъ въ затишье, вдругъ разразилась страшная буря, съ громомъ и молніею.

— Подлецы! Негодяи! Они меня... Ха! Да я ихъ... хриплымъ голосомъ ревѣлъ на всю залу Василій Петровичъ, когда Верюгинъ вошелъ въ переднюю.

Не желая натолкнуться на непріятную сцену, Ѳеофанъ Михайловичъ зашелъ въ бильярдную и сталъ перекатывать шары. Онъ уже наканунѣ зналъ, что Зоринъ въ воскресенье собирался на именинный обѣдъ къ одному изъ сосѣдей—и поэтому не думалъ, чтобы сцена протянулась долго, ибо былъ уже первый часъ, именинный пирогъ могъ простыть. Но Василій Петровичъ не унимался и, ругаясь, тяжелыми шагами продолжалъ ходить по залѣ... Сельскій староста—среднихъ лѣтъ и средняго роста мужикъ, смугловатый и загорѣлый, въ сѣромъ армякѣ, подпоясанномъ для праздника или ради барина пестрымъ кушакомъ,—стоялъ въ залѣ у дверей, переминаясь съ ноги на ногу и поглаживая свои волосы, подстриженные въ скобку.

— Такъ и не отдаютъ? спросилъ баринъ, на минуту оста-

нѣтъ прежняго добродушія и самодовольствія. Нынѣ въ рѣчахъ собесѣдниковъ слышатся озабоченность, недовольство, досада, даже злость. Нерѣдко также рѣчи касаются политики и матерій важныхъ. Жалобы замѣнили прежнее хвастовство и бахвальство; безграничная, иногда даже несознаваемая спѣсь уступила мѣсто чувству оскорбленнаго достоинства, чувствамъ жолчнымъ.

Василій Петровичъ поспѣлъ во время, то есть когда гости закусывали передъ обѣдомъ. Разговоръ шелъ о хозяйствѣ. Жалобамъ и сѣтованіямъ, какъ водится, не было конца...

— Я, господа, совсѣмъ согрѣшилъ съ народомъ! витійствовалъ одинъ изъ ораторовъ, толстякъ Бахрушовъ, уже успѣвшій выпить и теперь закусывавшій за обѣ щеки. Да какъ же, помилуйте! Рожь переспѣла, того гляди—вытечетъ... Зову, зову, и ни одной собаки не могу дозваться... Не идутъ! У нихъ, видите, сѣнокосъ еще не убранъ, у самихъ дѣла много... (При этихъ словахъ, въ тонѣ оратора послышалась иронія). Ну, что вы подѣлаете? Нѣтъ, они сначала еще свое сожнутъ, а вы ждите... Просто, я вамъ скажу, безвыходное положеніе... Хоть китайцевъ выписывай!

— Праздниковъ-то у нихъ нынѣ что-то ужь очень много! замѣтилъ юркій сѣденькій старичокъ, извѣстный и въ литературѣ, и во многихъ сельско-хозяйственныхъ обществахъ, Иванъ Федоровичъ Шманкъ. Недѣли, кажется, не проходитъ, чтобы у нихъ гдѣ нибудь въ околодкѣ не было праздника. И вѣдь праздничаютъ не день, а два-три дня... Вы посмотрите: вѣдь пьянство повальное... А работы, между тѣмъ, стой, дожидайся! Теперь и понятно: откуда у насъ эта бѣдность, о которой такъ плачутъ либеральные петербургскіе писаки. А бѣдность и преступленія противъ чужой собственности, какъ уже извѣстно, идутъ рядомъ... воровство, грабежъ, все—что хотите...

— А духовенство изъ своихъ личныхъ выгодъ ни слова не говоритъ противъ этихъ праздниковъ! замѣтилъ молодой помѣщикъ, слывшій между своими за либерала. Вмѣсто того, чтобы священникамъ поговорить въ проповѣди о вредѣ праздности и лѣни, они читаютъ старинныя поученія Златоуста, поученія, утомительно-длинныя и вдобавокъ еще непонятныя народу. Вѣдь народъ—страшно неразвитъ... Онъ не понимаетъ того, что отъ этихъ праздниковъ ему же самому вредъ...

— Да какъ же! Разумѣется! подхватило нѣсколько голосовъ.

Либералъ остался очень доволенъ тѣмъ, что ему удалось вверпуть словечко.

Въ то же время, въ другой кучкѣ закусывавшихъ гостей шли горячіе толки о необыкновенной склонности крестьянъ къ преступленіямъ противъ чужой собственности.

— Хуже нашихъ Опалимовскихъ крестьянъ я, право, не знаю! звонкимъ теноромъ кричалъ хозяинъ. Воръ на ворѣ... Помните: въ прошлую зиму стогъ-то сѣна украли въ степи? Теперь оказывается: это—ихъ дѣло... Ихъ, ихъ!...

— Ну ужь, куманекъ, извините! Мои Михайловскіе вашимъ не уступятъ! замѣтилъ Зоринъ. Ужь такіе тоже соколы ясные... я вамъ скажу...

И тутъ, по поговоркѣ: „у кого что болитъ, тотъ о томъ и говоритъ“, Василій Петровичъ со всѣми подробностями описалъ слушателямъ только что случившуюся съ нимъ исторію. Слушатели, разумѣется, сочувствовали ему и казались возмущенными...

Почти вся мужская часть общества сосредоточилась теперь около закуски. Только исправникъ и земскій врачъ, какъ истые дамскіе угодники, увивались около барынь.

Врачъ, monsieur Вавиловъ,—молодой человѣкъ, очень недурной собою, съ темными глазками и съ темными волосами, нависшими надо лбомъ—разыгрывалъ изъ себя какого-то разочарованнаго уѣзднаго Чайльдъ-Гарольда и любилъ, чтобы за нимъ ухаживали. Исправникъ же предпочиталъ самъ волочиться за „хорошенькими“, не дожидаясь, когда тѣмъ угодно будетъ самимъ снизойти до него. Исправникъ, Алексѣй Николаевичъ Жбаповъ, былъ довольно видный, представительный мужчина, съ румянцемъ на щекахъ, съ маслянистыми глазками и одѣтый безукоризненно-изящно, насколько, разумѣется, изящество совмѣстимо съ свѣтлыми форменными пуговицами и съ позолоченнымъ галуномъ. Особенное вниманіе этой административной особы, повидимому, было обращено на волосы, тщательнѣйшимъ образомъ расчесанные, напомаженные и съ англійскимъ проборомъ на затылкѣ. Столь же старательно были закручены и усы, кончики которыхъ были, можно сказать, идеально прямы и *тонки*, какъ нить, едва видимая простымъ

невооруженнымъ глазомъ. M-eur Вавиловъ, напротивъ, ерошилъ и крутилъ свои короткіе волосы, лѣзшіе ему на лобъ. Онъ, вѣроятно, уже зналъ силу своихъ чаръ, и поэтому было незамѣтно, чтобы онъ занимался своимъ галстухомъ, прическою и т. п. Но зато онъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ особъ, умѣлъ дѣлать „такіе глазки“, умѣлъ принимать такія привлекательныя поз ы, — небрежныя и въ небрежности своей очаровательныя,— что въ этомъ отношеніи исправникъ совершенно пасовалъ передъ нимъ. Да, правду сказать, Жбанову въ его мундирѣ и неудобно было бы. напримѣръ, забраться съ ногами на кресло или на диванъ, à l'enfant, если онъ желалъ сохранить свое достоинство. M-eur Вавиловъ былъ убѣжденъ, что родился въ сорочкѣ, и уповалъ на свое счастье. Жбановъ долженъ былъ возлагать всѣ надежды только на свои полувоенныя манеры, на мягкій, вкрадчивый голосъ и на идеально закрученные усы... Онъ былъ человѣкъ общительный „разбитной, обязательный“; дамы его звали „нашимъ милымъ Алексѣемъ Николаевичемъ“. Онъ—отставной военный, человѣкъ ловкій, и умѣлъ нравиться разношерстному провинціальному обществу. Очень мало было такихъ, которые втихомолку называли его „іезуитомъ“ и говорили, что онъ, какъ „Блонденъ, ходитъ по канату, вѣчно балансируя между „вашими“ и „нашими“, и стараясь угодить тѣмъ и другимъ“... Ошибались тѣ, которые полагали, что Жбановъ съ умысломъ, сознательно балансировалъ между „вашими“ и „нашими“. Онъ былъ плохой чиновникъ, человѣкъ безхарактерный, даже подчасъ малодушный, находившійся подъ сильнымъ вліяніемъ одной всевѣдущей *жены*. Вообще же дамы любили его любовью платоническою, вовсе не опасною для чести и спокойствія ихъ мужей...

Съ любовью болѣе пылкою относились дамы къ m-eur Вавилову. Этотъ поѣдомъ ѣлъ женскія сердца и съ томною небрежностью переносилъ зато косые взгляды ихъ мужей и родственниковъ. Поговаривали о какихъ-то семейныхъ непріятностяхъ, происшедшихъ изъ-за него...

M-eur Вавиловъ получалъ отъ земства 1500 рублей жалованья, но крестьяне рѣдко видали его, а если и видали, то не иначе, какъ пролетающимъ подобно метеору. Всѣмъ завѣдывали фельдшера. Зато m-eur Вавиловъ по нѣскольку

дней гащивалъ въ помѣщичьихъ усадьбахъ, пріятно проводя время за рамсомъ или стуколкой, а затѣмъ, на упреки въ небреженіи къ народному здравію, резонно отговаривался тѣмъ, что ему надо было постановить очень трудный діагнозъ и прослѣдить нѣкоторое время за дѣйствіемъ лѣкарствъ на больномъ субъектѣ. Какъ бы то ни было, но—благодаря связямъ и угодливости передъ власть имущими—онъ нерѣдко получалъ отъ земства благодарность и награды...

Наконецъ общество двинулось къ обѣденному столу, шумно задвигались стулья и гости усѣлись. Сначала, какъ водится, только и было слышно брянчанье ложекъ да звяканье вилокъ и ножей. Но мало по малу рты начали освобождаться, и стали завязываться отрывочные разговоры...

— Вотъ, вы говорите... началъ Шманкъ, обращаясь къ Бахрушову. А тутъ еще эти непрошенные ходоки въ народъ... книжки всякія тамъ... Развѣ, спрошу я васъ, это не умственный развратъ своего рода? Чего *имъ* надо? Знаемъ мы: чего *имъ* надо!...

— Ну, у насъ, слава Богу, ихъ еще не слыхать, Иванъ Ѳедоровичъ! замѣтилъ хозяинъ.

— Вездѣ они нынѣ есть! Вездѣ... съ убѣжденіемъ проговорилъ толстякъ Бахрушовъ, обращая къ хозяину свое раскраснѣвшееся лицо. Я даже, знаете, не увѣренъ: нѣтъ ли *какого нибудь* здѣсь, съ нами, вотъ въ этой самой комнатѣ... Да-съ! Вы не смѣйтесь... *Они* такое общество составили—вездѣ, вездѣ... Въ Петербургѣ даже знатные люди имъ деньгами помогаютъ. Это такъ! Они нынѣ вездѣ снуютъ...

— Мало ли что врутъ! Всѣхъ сплетенъ не переслушаешь! замѣтилъ мировой судья, Васеньевъ, человѣкъ среднихъ лѣтъ съ чудесною окладистою бородой. Знаете поговорку: пуганная ворона куста боится...

— Ладно, ладно! Разсказывайте... А знаете, Василій Петровичъ, вашъ-то землемѣръ... обратился толстякъ къ Зорину. Онъ, кажется, тоже изъ такихъ...

— Полноте, пожалуста! съ азартомъ заревѣлъ тотъ черезъ столъ, въ отвѣтъ ему. Прекрасный молодой человѣкъ! Я его хорошо знаю. Нѣтъ, нѣтъ!

— Ну, какъ же „нѣтъ“! Что вы мнѣ говорите! съ досадою огрызнулся толстякъ. Вѣдь онъ же замѣшанъ былъ въ

нѣтъ прежняго добродушія и самодовольствія. Нынѣ въ рѣчахъ собесѣдниковъ слышатся озабоченность, недовольство, досада, даже злость. Нерѣдко также рѣчи касаются политики и матерій важныхъ. Жалобы замѣнили прежнее хвастовство и бахвальство; безграничная, иногда даже несознаваемая спѣсь уступила мѣсто чувству оскорбленнаго достоинства, чувствамъ жолчнымъ.

Василій Петровичъ поспѣлъ во время, то есть когда гости закусывали передъ обѣдомъ. Разговоръ шелъ о хозяйствѣ. Жалобамъ и сѣтованіямъ, какъ водится, не было конца...

— Я, господа, совсѣмъ согрѣшилъ съ народомъ! витійствовалъ одинъ изъ ораторовъ, толстякъ Бахрушовъ, уже успѣвшій выпить и теперь закусывавшій за обѣ щеки. Да какъ же, помилуйте! Рожь переспѣла, того гляди—вытечетъ... Зову, зову, и ни одной собаки не могу дозваться... Не идутъ! У нихъ, видите, сѣнокосъ еще не убранъ, у самихъ дѣла много... (При этихъ словахъ, въ тонѣ оратора послышалась иронія). Ну, что вы подѣлаете? Нѣтъ, они сначала еще свое сожнутъ, а вы ждите... Просто, я вамъ скажу, безвыходное положеніе... Хоть китайцевъ выписывай!

— Праздниковъ-то у нихъ нынѣ что-то ужъ очень много! замѣтилъ юркій сѣденькій старичокъ, извѣстный и въ литературѣ, и во многихъ сельско-хозяйственныхъ обществахъ, Иванъ Федоровичъ Шманкъ. Недѣли, кажется, не проходитъ, чтобы у нихъ гдѣ нибудь въ околодкѣ не было праздника. И вѣдь праздничаютъ не день, а два-три дня... Вы посмотрите: вѣдь пьянство повальное... А работы, между тѣмъ, стой, дожидайся! Теперь и понятно: откуда у насъ эта бѣдность, о которой такъ плачутъ либеральные петербургскіе писаки. А бѣдность и преступленія противъ чужой собственности, какъ уже извѣстно, идутъ рядомъ... воровство, грабежъ, все—что хотите...

— А духовенство изъ своихъ личныхъ выгодъ ни слова не говоритъ противъ этихъ праздниковъ! замѣтилъ молодой помѣщикъ, слывшій между своими за либерала. Вмѣсто того, чтобы священникамъ поговорить въ проповѣди о вредѣ праздности и лѣни, они читаютъ старинныя поученія Златоуста, поученія, утомительно-длинныя и вдобавокъ еще непонятныя народу. Вѣдь народъ—страшно неразвитъ... Онъ не понимаетъ того, что отъ этихъ праздниковъ ему же самому вредъ...

— Да какъ же! Разумѣется! подхватило нѣсколько голосовъ.

Либералъ остался очень доволенъ тѣмъ, что ему удалось ввернуть словечко.

Въ то же время, въ другой кучкѣ закусывавшихъ гостей шли горячіе толки о необыкновенной склонности крестьянъ къ преступленіямъ противъ чужой собственности.

— Хуже нашихъ Опалимовскихъ крестьянъ я, право, не знаю! звонкимъ теноромъ кричалъ хозяинъ. Воръ на ворѣ... Помните: въ прошлую зиму стогъ-то сѣна украли въ степи? Теперь оказывается: это—ихъ дѣло... Ихъ, ихъ!...

— Ну ужь, куманекъ, извините! Мои Михайловскіе вашимъ не уступятъ! замѣтилъ Зоринъ. Ужь такіе тоже соколы ясные... я вамъ скажу...

И тутъ, по поговоркѣ: „у кого что болитъ, тотъ о томъ и говоритъ“, Василій Петровичъ со всѣми подробностями описалъ слушателямъ только что случившуюся съ нимъ исторію. Слушатели, разумѣется, сочувствовали ему и казались возмущенными...

Почти вся мужская часть общества сосредоточилась теперь около закуски. Только исправникъ и земскій врачъ, какъ истые дамскіе угодники, увивались около барынь.

Врачъ, monsieur Вавиловъ,—молодой человѣкъ, очень недурной собою, съ темными глазками и съ темными волосами, нависшими надо лбомъ—разыгрывалъ изъ себя какого-то разочарованнаго уѣзднаго Чайльдъ-Гарольда и любилъ, чтобы за нимъ ухаживали. Исправникъ же предпочиталъ самъ волочиться за „хорошенькими“, не дожидаясь, когда тѣмъ угодно будетъ самимъ снизойти до него. Исправникъ, Алексѣй Николаевичъ Жбановъ, былъ довольно видный, представительный мужчина, съ румянцемъ на щекахъ, съ маслянистыми глазками и одѣтый безукоризненно-изящно, насколько, разумѣется, изящество совмѣстимо съ свѣтлыми форменными пуговицами и съ позолоченнымъ галуномъ. Особенное вниманіе этой административной особы, повидимому, было обращено на волосы, тщательнѣйшимъ образомъ расчесанные, напомаженные и съ англійскимъ проборомъ на затылкѣ. Столь же старательно были закручены и усы, кончики которыхъ были, можно сказать, идеально прямы и тонки, какъ нить, едва видимая простымъ

невооруженнымъ глазомъ. M-eur Вавиловъ, напротивъ, ерошилъ и крутилъ свои короткіе волосы, лѣзшіе ему на лобъ. Онъ, вѣроятно, уже зналъ силу своихъ чаръ, и поэтому было незамѣтно, чтобы онъ занимался своимъ галстухомъ, прическою и т. п. Но зато онъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ особъ, умѣлъ дѣлать „такіе глазки“, умѣлъ принимать такія привлекательныя позы, — небрежныя и въ небрежности своей очаровательныя,— что въ этомъ отношеніи исправникъ совершенно пасовалъ передъ нимъ. Да, правду сказать, Жбанову въ его мундирѣ и неудобно было бы, напримѣръ, забраться съ ногами на кресло или на диванъ, à l'enfant, если онъ желалъ сохранить свое достоинство. M-eur Вавиловъ былъ убѣжденъ, что родился въ сорочкѣ, и уповалъ на свое счастье. Жбановъ долженъ былъ возлагать всѣ надежды только на свои полувоенныя манеры, на мягкій, вкрадчивый голосъ и на идеально закрученные усы... Онъ былъ человѣкъ общительный, „разбитной, обязательный“; дамы его звали „нашимъ милымъ Алексѣемъ Николаевичемъ“. Онъ—отставной военный, человѣкъ ловкій, и умѣлъ нравиться разношерстному провинціальному обществу. Очень мало было такихъ, которые втихомолку называли его „іезуитомъ“ и говорили, что онъ, какъ „Блонденъ, ходитъ по канату, вѣчно балансируя между „вашими“ и „нашими“, и стараясь угодить тѣмъ и другимъ“... Ошибались тѣ, которые полагали, что Жбановъ съ умысломъ, сознательно балансировалъ между „вашими“ и „нашими“. Онъ былъ плохой чиновникъ, человѣкъ безхарактерный, даже подчасъ малодушный, находившійся подъ сильнымъ вліяніемъ одной всевѣдущей *жены*. Вообще же дамы любили его любовью платоническою, вовсе не опасною для чести и спокойствія ихъ мужей...

Съ любовью болѣе пылкою относились дамы къ m-eur Вавилову. Этотъ поѣдомъ ѣлъ женскія сердца и съ томною небрежностью переносилъ зато косые взгляды ихъ мужей и родственниковъ. Поговаривали о какихъ-то семейныхъ непріятностяхъ, происшедшихъ изъ-за него...

M-eur Вавиловъ получалъ отъ земства 1500 рублей жалованья, но крестьяне рѣдко видали его, а если и видали, то не иначе, какъ пролетающимъ подобно метеору. Всѣмъ завѣдывали фельдшера. Зато m-eur Вавиловъ по нѣскольку

дней гащивалъ въ помѣщичьихъ усадьбахъ, пріятно проводя время за рамсомъ или стуколкой, а затѣмъ, на упреки въ небреженіи къ народному здравію, резонно отговаривался тѣмъ, что ему надо было постановить очень трудный діагнозъ и прослѣдить нѣкоторое время за дѣйствіемъ лѣкарствъ на больномъ субъектѣ. Какъ бы то ни было, но—благодаря связямъ и угодливости передъ власть имущими—онъ нерѣдко получалъ отъ земства благодарность и награды...

Наконецъ общество двинулось къ обѣденному столу, шумно задвигались стулья и гости усѣлись. Сначала, какъ водится, только и было слышно брянчанье ложекъ да звяканье вилокъ и ножей. Но мало по малу рты начали освобождаться, и стали завязываться отрывочные разговоры...

— Вотъ, вы говорите... началъ Шманкъ, обращаясь къ Бахрушову. А тутъ еще эти непрошенные ходоки въ народъ... книжки всякія тамъ... Развѣ, спрошу я васъ, это не умственный развратъ своего рода? Чего *имъ* надо? Знаемъ мы: чего *имъ* надо!...

— Ну, у насъ, слава Богу, ихъ еще не слыхать, Иванъ Ѳедоровичъ! замѣтилъ хозяинъ.

— Вездѣ они нынѣ есть! Вездѣ... съ убѣжденіемъ проговорилъ толстякъ Бахрушовъ, обращая къ хозяину свое раскраснѣвшееся лицо. Я даже, знаете, не увѣренъ: нѣтъ ли *какого нибудь* здѣсь, съ нами, вотъ въ этой самой комнатѣ... Да-съ! Вы не смѣйтесь... *Они* такое общество составили—вездѣ, вездѣ... Въ Петербургѣ даже знатные люди имъ деньгами помогаютъ. Это такъ! Они нынѣ вездѣ снуютъ...

— Мало ли что врутъ! Всѣхъ сплетенъ не переслушаешь! замѣтилъ мировой судья, Васеньевъ, человѣкъ среднихъ лѣтъ съ чудесною окладистою бородой. Знаете поговорку: пуганная ворона куста боится...

— Ладно, ладно! Разсказывайте... А знаете, Василій Петровичъ, вашъ-то землемѣръ... обратился толстякъ къ Зорину. Онъ, кажется, тоже изъ такихъ...

— Полноте, пожалуста! съ азартомъ заревѣлъ тотъ черезъ столъ, въ отвѣтъ ему. Прекрасный молодой человѣкъ! Я его хорошо знаю. Нѣтъ, нѣтъ!

— Ну, какъ же „нѣтъ“! Что вы мнѣ говорите! съ досадою огрызнулся *толстякъ*. Вѣдь онъ же замѣшанъ былъ въ

Кунявинскомъ дѣлѣ... Развѣ вы не слыхали? Тамъ съ Маркушихой они что-то порядочно напроказили. Какъ же! Военная команда потребовалась... Алексѣй Николаевичъ! Вы не слыхали?

— О чемъ это? переспросилъ исправникъ, оборачиваясь къ нему и небрежно играя своимъ золотымъ pince-nez. О Кунявинскомъ-то дѣлѣ?

— Нѣтъ! О землемѣрѣ, который замѣшанъ тамъ...

— О землемѣрѣ ничего не слыхалъ... осторожно, но, повидимому, совершенно беззаботно проговорилъ исправникъ. Да что... entre nous soit dit, тамошній исправникъ во всемъ виноватъ! Вѣдь знаете Епанчина... распустилъ становыхъ ни на что не похоже. Изъ мухи слона сдѣлали и нашумѣли такъ, зря...

— Не знаю! Говорятъ, по крайней мѣрѣ... Слухомъ земля полнится! оправдывался Бахрушовъ. А присматривать, я вамъ скажу, все таки не мѣшаетъ... Знаете, дорогой мой, Василій Петровичъ,— время нынѣ такое, что ни за кого поручиться нельзя. Я, вонъ, съ роднымъ братомъ пересталъ видаться... Невозможно! Какъ разъ влетишь... И хитры же *они* нынѣ стали, о-охъ хитры!

— Вздоръ, вздоръ! не слушая его, кричалъ Василій Петровичъ. Прекрасный молодой человѣкъ... А кстати, обратился онъ къ хозяину,—на бильярдѣ отлично играетъ! Нѣтъ, нѣтъ! (снова обращаясь къ Бахрушову). Онъ—славный малый! Нѣтъ въ немъ, знаете, этой фанаберіи... Весельчакъ! Не молчитъ, не хмурится, не задумывается про себя, какъ тотъ, напримѣръ... ильяшевскій учитель...

— Ахъ, терпѣть не могу такихъ! пришепетывая, замѣтила одна дама. Благородные люди никогда не думаютъ...

Бахрушовъ промолчалъ на слова Василія Петровича и лишь пожалъ плечами, какъ бы желая промолвить: „Изъ ума, видно, голубчикъ, выживать сталъ!“... А Зоринъ такъ горячо защищалъ землемѣра вовсе не потому, что сильно полюбилъ его или былъ, дѣйствительно, увѣренъ въ немъ вполнѣ. Нѣтъ! Что, бывало, онъ заберетъ себѣ въ голову, съ тѣмъ и носится, пока ему не надоѣстъ... Онъ иногда уподоблялся тому ослу, который, не смотря ни на какія побужденія и побои, не хотѣлъ перейти моста и упирался до тѣхъ поръ, пока догадли-

вые люди изо всей мочи не потянули его за хвостъ прочь отъ моста... тогда, какъ извѣстно, оселъ рванулся, со всѣхъ ногъ бросился на мостъ и живо перескакалъ его.

Чѣмъ болѣе пустѣли бутылки, тѣмъ пуще развязывались языки. Наконецъ, рѣчи приняли очень жгучій и нѣсколько легкомысленный, сумасбродный характеръ.

— Дали крестьянамъ волю, такъ давайте же и намъ что нибудь! не твердо выговаривая, хрипѣлъ Василій Петровичъ, стуча по столу черенкомъ ножа. Что-жъ, въ самомъ дѣлѣ, это такое? Какіе же мы нынче столпы, прости Господи! Подпорки какія-то изъ насъ подѣлали... Только по губамъ мажутъ, мажутъ...

— Нѣтъ, господа, безъ шутокъ... Въ случаѣ, еслибы... кого, примѣрно, выбрали бы мы?... со смѣхомъ возгласилъ хозяинъ, обращаясь къ гостямъ.

Золотушный господинъ—либералъ—при этомъ до того взволновался, что даже вдругъ покраснѣлъ, какъ вареный ракъ.

— Неужели же у насъ нѣтъ людей? Люди нашлись бы... Не безпокойтесь! засуетился онъ, какъ будто бы дѣло было уже наканунѣ выборовъ.

— На войнѣ и генералы являются! добавилъ мировой судья.

— Но, право, серьезно, я не знаю: кого бы мы выбрали... въ задумчивости проговорилъ Скорбѣевъ, одной рукою облокачиваясь о столъ. Щербачева? Нельзя,—даромъ, что умница... обокрадетъ!

— Ну, что вы! Кого же ему тамъ-то обокрасть? разсудительно замѣтилъ мировой судья.

— Да ужь не знаю—кого, а только непремѣнно обокрадетъ... упорствовалъ хозяинъ. Иваншинъ годился бы, пожалуй, да выпить любитъ... Того и гляди, всю сессію проспитъ гдѣ нибудь въ трактирѣ... Травинскій—польское отродье! Этого ни подъ какимъ видомъ!... Ромашковъ?

— Куда ему! со смѣхомъ воскликнулъ Василій Петровичъ Двухъ словъ связно не скажетъ... „того“, да „этого“ — начнетъ ковырять, и никто ничего не пойметъ у него... Срамъ! Какой онъ—къ чорту—депутатъ... Pardon!

Гости и хозяинъ весело расхохотались.

— Конечно, *Иванъ Ѳедоровичъ* не откажется быть нашимъ

первымъ депутатомъ... замѣтилъ хозяинъ. Объ этомъ ужь, разумѣется, не можетъ быть и рѣчи, никакихъ споровъ... Но вѣдь это еще только одинъ! Кого же мы еще пошлемъ? А?

При провозглашеніи имени перваго депутата отъ Т-ской губерніи, либерала всего передернуло; онъ заёрзалъ на стулѣ и закашлялся...

— Да неужели же такъ-таки и некого? завизжалъ онъ въ негодованіи, стараясь своимъ визгомъ заглушить общій говоръ.

— За чѣмъ же дѣло стало! Выберите Илью Яковлевича... Петрищева! ироническимъ тономъ предложилъ ему Бахрушовъ. Вѣдь вы—либералы... вамъ и чортъ не братъ! Посылайте Илью Яковлевича, если ужь больно захотѣлось... Онъ вамъ такую пугачевщину устроитъ, что и вы съ нимъ вмѣстѣ на воздухъ взлетите! Вотъ что-съ!... Терпѣть не могу такого пустословія...

— Да ужь извѣстно... Вамъ воротить бы николаевскія времена! съ горечью проворчалъ либералъ, схвативъ рюмку и какъ бы желая въ винѣ утопить свое раздраженіе.

— Какъ-то вы, Иванъ Ѳедоровичъ, станете представлять насъ тамъ?... Какъ-то вы станете защищать наши интересы? обратился хозяинъ къ Шманку.

Тотъ, очевидно, чувствовалъ себя польщеннымъ. Какая-то глупая, младенческая улыбка бродила по его сухимъ старческимъ губамъ. На щекахъ его, старательно выбритыхъ, выступалъ легкій румянецъ—то ли отъ душевнаго волненія, то ли отъ выпитаго за обѣдомъ вина. Его темные глазки бойко посматривали на собесѣдниковъ изъ-подъ сѣдыхъ нависшихъ бровей... Довольно большой, тонкій носъ и острый подбородокъ придавали ему сходство съ птицею, особенно когда онъ начиналъ торопливо поворачивать головою то въ ту, то въ другую сторону.

— Я, господа, какъ извѣстно, на первомъ планѣ всегда ставлю вопросы экономическіе, вопросы сельскаго хозяйства! откашлявшись, началъ Иванъ Ѳедоровичъ, обводя взглядомъ почтенное собраніе. (По тону и по всѣмъ ухваткамъ его сейчасъ можно было видѣть въ немъ завзятаго оратора, человѣка, привыкшаго колотить языкомъ гдѣ угодно и когда угодно). Съ этого, господа, и слѣдуетъ начать. Экономическій вопросъ, если позволено такъ выразиться, фундаментъ, осно-

ваніе! (Ораторъ слегка наклоняетъ голову и изподлобья оглядываетъ слушателей). Это—камень, на которомъ зиждется благосостояніе государства, общества, семьи и отдѣльнаго индивида. . Причины какъ упадка, такъ равно и процвѣтанія государствъ многоразличны. Но при тщательнѣйшемъ анализѣ, онѣ въ своемъ многообразіи могутъ быть сведены къ двумъ-тремъ причинамъ. То же самое могу сказать я и относительно насъ... Спросимъ себя: въ чемъ наше спасеніе? Наше спасеніе не въ общинѣ, не въ коммунѣ, какъ утверждаютъ нѣкоторые безумцы! (Взглядъ по направленію мироваго судьи и золотушнаго либерала) Наше спасеніе не въ разнуздапности сельскаго населенія, не въ демократическихъ тенденціяхъ, заимствованныхъ изъ западной Европы и абсолютно, могу сказать, противныхъ исторіи и духу нашего народа. Будемъ говорить конкретными образами. Спасеніе Россіи зависитъ прежде всего и главнымъ образомъ, само собою разумѣется, отъ твердой, ни передъ чѣмъ не останавливающейся внутренней политики. Затѣмъ, нисходя къ ближайшимъ причинамъ, мы, не обинуясь, можемъ сказать, что Россію спасутъ: каналы, быкъ и барда...

— Qu'est ce que c'est барда? вполголоса спросила одна дама хозяйку.

— А это... на винныхъ заводахъ остатки какіе-то... ими еще, знаете, кормятъ коровъ... пояснила хозяйка.

— Не смѣйтесь, не смѣйтесь, господа! Я могу это сейчасъ же доказать... горячо заговорилъ Шманкъ, намѣреваясь, повидимому, продолжать свою чудесную рѣчь до безконечности.

Но, увы! подвыпившіе и плотно пообѣдавшіе слушатели представляли собою весьма неблагодарную аудиторію. Они вовсе не были расположены наслаждаться ораторскимъ искусствомъ г-на Шманка...

— Все это, конечно, такъ... все это—вѣрно насчетъ коммуны... крикнулъ хозяинъ. А надо будетъ непремѣнно поднять вопросъ о заложенныхъ имѣніяхъ и вообще объ отношеніяхъ къ банкамъ. Что жъ это такое? Всѣ наши земли къ нѣмцамъ да къ жидамъ перейдутъ! Правительство должно же прійти къ намъ на помощь. Не можемъ же мы, въ самомъ дѣлѣ, вовсе безъ земли остаться...

— Разумѣется! Разумѣется! подхватили собесѣдники, причемъ голосъ Василія Петровича, подобно шуму бури, покрывалъ собою весь этотъ дружный концертъ.

— Вотъ кого выбрать-то надо! Вотъ это такъ! одобрительно гаркнулъ Василій Петровичъ, кивая головой на Скорбѣева. А послушалъ бы я, какъ ты началъ бы тамъ орудовать...

И гость и хозяинъ громко расхохотались.

— Алексѣй Николаевичъ... Господинъ исправникъ! Призовите же къ порядку! Вы развѣ не слышите, о какихъ вещахъ говорятъ при васъ? своимъ обычнымъ, вялымъ, лѣнивымъ тономъ обратился Вавиловъ къ исправнику, между тѣмъ какъ тотъ любезничалъ съ женой акцизнаго и показывалъ видъ, что не слышитъ происходящаго кругомъ него сумасброднаго разговора.

— Что такое? спросилъ исправникъ съ гримасою, какъ будто недовольный тѣмъ, что его отрывали отъ пріятной бесѣды съ молодой интересной дамочкой, на которую, по его подозрѣніямъ, уже имѣлъ виды Вавиловъ.

— А послушайте-ка, о чемъ толкуютъ! продолжалъ Вавиловъ съ усмѣшкою. Развѣ позволяется этакъ, а? Да еще—при васъ... Ну, какая же вы послѣ того администрація...

— Ничего я не слышу! отнѣкивался исправникъ, вскидывая на носъ свое золотое pince-nez, и, посмотрѣвъ на собесѣдниковъ, опять обратился къ своей интересной сосѣдкѣ.

За столомъ послышался смѣхъ.

— Алексѣй Николаевичъ у насъ — молодецъ! прохрипѣлъ Василій Петровичъ, подмигивая своему vis-à vis. Онъ знаетъ: когда ему нужно золотомъ уши завѣшивать... Ха-ха-ха!

— Ну, посуесловили и довольно! съ досадою замѣтилъ Бахрушовъ, когда стулья съ шумомъ задвигались и гости отправились благодарить хозяевъ за хлѣбъ-за соль.

Такого рода разговоры въ описываемое время изрѣдка заходили на помѣщичьихъ собраніяхъ. Старые и пожилые люди относились къ нимъ въ шутливо-насмѣшливомъ тонѣ, какъ къ пустой, несбыточной мечтѣ. Они,—какъ люди степенные, благонамѣренные, по ихъ мнѣнію,—могли дозволить себѣ позубоскалить по поводу этой противозаконной мечты. Вѣдь ничего же не приключится оттого, что они промежъ

собою поиграютъ „въ депутаты“! Молодежь же, въ родѣ мироваго судьи и золотушнаго либерала, относилась къ этимъ разсужденіямъ не какъ къ праздной болтовнѣ на сытый желудокъ—pour passer le temps, но какъ къ серьезнымъ предположеніямъ, которымъ не сегодня-завтра суждено сбыться. Называли даже имя того профессора, которому, будто бы, было поручено осуществленіе этихъ предположеній на бумагѣ. Молодежи очень не нравилось, что старики такъ легкомысленно, со смѣхомъ и съ шуткой относились къ этимъ важнымъ вопросамъ, но сами они, между тѣмъ, пальцемъ не шевелили для того, чтобы подвинуть эти вопросы къ желаемому разрѣшенію. Они какъ будто разсчитывали на то, что все случится къ лучшему, по щучьему велѣнью. И, дѣйствительно, хотя они на словахъ, вмѣстѣ съ прочими, очень энергично ругали „злоумышленниковъ“, но въ душѣ, тѣмъ не менѣе, очень желали чужими руками жаръ загрести. Это были все тѣ же неисправимые, вѣчные Маниловы.

Черезъ нѣсколько минутъ, уже и помину не было о политикѣ... Толковали о дупеляхъ и вальдшнепахъ, о собакахъ и лошадяхъ, о томъ, что хорошо было бы собраться за зайцами“. Немного погодя, карточные столы раскрыли свое зеленое поле для желающихъ. Желающихъ, по обыкновенію, нашлось много. Даже и Шманкъ, разгорячившійся было по поводу спасенія Россіи, сѣлъ играть въ преферансъ съ хозяиномъ и успѣлъ уже объявить девять безъ козырей... Раздались звуки стараго виртовскаго рояля, и жена акцизнаго чиновника очень недурно, „съ душой“, какъ говорили, пропѣла:

„Отчего такъ задумчива ты,
Отчего взоръ твой полонъ тоскою?
Разскажи про свои мнѣ мечты!
Грусть-тоску раздѣлю я съ тобою“...

Жбановъ сидѣлъ на балконѣ посреди дамъ и, безъ преувеличенія говоря, вертѣлся, какъ бѣсъ передъ заутреней. M-eur Вавиловъ съ какою-то барышнею подъ-руку углубился въ тѣнистую аллею, засунувъ въ петлицу прекрасную алую розу.

Когда въ комнатахъ уже стемнѣло, а надъ садомъ ложились синія тѣни вечернихъ сумерекъ, одинъ изъ гостей, старичокъ, степнякъ-помѣщикъ, вдругъ объявилъ, что онъ будетъ

пѣть—и вокругъ него собрались слушатели. Съ глубокимъ чувствомъ, какого въ немъ нельзя было предположить, старикъ запѣлъ: „Въ старину живали дѣды веселѣй своихъ внучатъ“... Съ каждымъ стихомъ голосъ его, казалось, крѣпчалъ, становился все звучнѣе, глубже, выразительнѣе. Въ пѣніи, дѣйствительно, какъ будто слышалась грусть, слышалось сожалѣніе о добромъ старомъ времени, когда...

Возвратившись домой, Василій Петровичъ, между прочимъ, сказалъ женѣ:

— Опять всякій вздоръ городили... Э-эхъ, право! Плетутъ, плетутъ, а ничего, кажется, изъ того не выйдетъ...

Онъ вздохнулъ и съ досадой махнулъ рукою. Потомъ онъ передалъ „ma chère“ слышанное имъ о землемѣрѣ, и „ma chère“ совершенно согласилась съ нимъ, что все это — „пустяки“...

V.

Скитающіяся души.

Хотя мерцали звѣзды и мѣсяцъ свѣтилъ, но лѣтняя ночь была темна, какъ вообще бываютъ темны въ той сторонѣ лѣтнія ночи Верюгинъ, возвратившись въ свой флигель, почиталъ немного и затѣмъ, погасивъ свѣчу, вышелъ на крыльцо. Ему не хотѣлось спать. Онъ присѣлъ на ступеньки и, задумавшись, сталъ безцѣльно смотрѣть на разстилавшійся передъ нимъ дворъ и на большой барскій домъ, сѣрою громадой рисовавшійся сквозь ночной сумракъ съ противоположной стороны двора. Густыя, темныя тѣни ложились отъ дома на пустынный дворъ, озаренный мѣсячнымъ сіяніемъ, словно подернутый серебристою паутиною. Деревья при мѣсяцѣ принимали какія-то странныя, причудливыя очертанія.

Висящево заснуло. Нигдѣ не видно было огня и все затихло. Только деревья въ рощѣ надъ головою Верюгина шушукались чуть слышно... Вдругъ собаки съ лаемъ бросились отъ конюшень къ воротамъ. Верюгинъ сталъ всматриваться

по тому направленію, куда кинулись собаки, и у приворотнаго столба увидѣлъ какую-то неясную тѣнь. Тѣнь эта, повидимому, задабривала собакъ, желая ихъ успокоить, и подзывала ихъ къ себѣ. „Кто нибудь изъ дворовыхъ возвращается домой съ гулянки, или какой нибудь прохожій“... разсѣянно подумалъ Верюгинъ. А гулящихъ людей въ тотъ праздничный вечеръ проходило немало мимо барскаго двора. Шли съ пѣснями; порой слышалась гармоника... Собаки, между тѣмъ, не унимались и тѣнь не трогалась съ мѣста. Желая выручить несчастнаго изъ неловкаго положенія, Ѳеофанъ Михайловичъ направился къ воротамъ и началъ присвистывать къ себѣ собакъ, уже успѣвшихъ хорошо познакомиться съ нимъ, такъ какъ онъ нерѣдко бросалъ имъ куски хлѣба. Собаки отступились отъ прохожаго и, помахивая хвостомъ, побѣжали къ Верюгину. Только одинъ глупый, молодой щенокъ не поддавался на его свистъ и продолжалъ наступать на незнакомца.

— Жучка! Жучка! крикнулъ, наконецъ, на него Верюгинъ.

— Тебя-то мнѣ и надо! вполголоса проговорила тѣнь. Убери ихъ, пожалуста, да заставь замолчать!

— А-а! протянулъ Верюгинъ, подходя къ незнакомцу, стоявшему у воротъ. Пойдемъ!—и, взявъ пришельца за рукавъ, повелъ его во флигель.

Собаки тотчасъ же разбѣжались, какъ бы удовольствовавшись его рекомендаціею. Указавъ гостю на дверь, Верюгинъ на минуту пріостановился на крыльцѣ и осмотрѣлся по сторонамъ. Въ домѣ по прежнему было темно и тихо. Только взглянувъ на окно мезонина, онъ мелькомъ увидалъ, что бѣлая занавѣска въ окнѣ какъ будто на минуту была отдернута и затѣмъ быстро опустилась. Впрочемъ, быть можетъ, это почудилось ему...

— Какъ ты меня нашелъ здѣсь? спросилъ онъ гостя, входя во флигель и запирая за собою дверь.

А гость той порою, уже развалился на кровати.

— Да какъ! Промахнулъ въ Вязовку по твоему старому адресу... медленно заговорилъ онъ, отчеканивая каждое слово и сильно упирая на „о“, причемъ рѣчь его звучала грубо, но была чрезвычайно выразительна. Твоя барыня осмотрѣла

меня съ ногъ до головы, какъ какого нибудь звѣря, нахмурилась, а адресъ все таки дала... Что она—ручная?

— Да, не совсѣмъ дикая... Не написала ли съ тобою посланія? спросилъ Верюгинъ.

— Нѣтъ, не писала... скажите, говоритъ, ему низкій поклонъ! все тѣмъ же размѣреннымъ тономъ промолвилъ гость. А я у тебя день пробуду! До смерти усталъ...

— Можно!

Не зажигая огня, въ потемкахъ, долго бесѣдовали они.

— А что такое—Зоринъ? Важный баринъ? спросилъ, между прочимъ, гость.

— Нѣтъ, далеко не важный...

— А кучера ему не нужно?

— Кучера здѣсь есть...

Гость тихо засмѣялся, какъ бы про себя... Говорили они о своихъ товарищахъ, о знакомыхъ, переговорили о многомъ. Ночныя тѣни начали сбѣгать, звѣзды гасли и небо свѣтлѣло. Румяная заря загоралась на востокѣ, за рощей, виднѣвшейся въ окно, и деревья уже ясно обрисовывались со своими раскидистыми вѣтвями на красномъ пылающемъ фонѣ.

— Скоро солнце выглянетъ! Не пора ли спать? замѣтилъ Верюгинъ.

— А это бы хорошо! согласился гость.

Въ комнаткѣ становилось уже довольно свѣтло, и въ утреннемъ полусвѣтѣ можно было разсмотрѣть невысокую, коренастую фигуру незнакомца, стоявшаго посреди комнаты. Онъ былъ въ дорожномъ платьѣ, весь въ пыли. Его длинные сапоги до колѣнъ были забрызганы грязью. По костюму незнакомецъ походилъ на странствующаго купеческаго прикащика. Его черные волосы были гладко подстрижены. Лицо у него было загорѣлое, выразительное: большой, гладкій лобъ, носъ нѣсколько широкій, глаза бойкіе, умные; губы довольно толстыя, крѣпко сжатыя. Когда онъ говорилъ или смѣялся особеннымъ своимъ смѣхомъ, „про себя“, тогда были видны бѣлые блестящіе зубы. Онъ носилъ небольшую, но густую, окладистую бородку и небольшіе усы. Рѣшимость—рѣшимость почти отчаянная, до дерзости—и желѣзная сила воли были написаны на этомъ лицѣ, не красивомъ, но бившемъ въ глаза...

Клементьевъ былъ давнишнимъ пріятелемъ Верюгина по Петербургу.

— Я, братъ, тебя здѣсь спать не положу: мухъ больно много,—а уведу наверхъ, въ мѣста злачныя! Тамъ и сиди, пока я не возвращусь съ работъ... А возвращусь я сегодня рано... сказалъ Верюгинъ.

У этого флигеля вверху была галлерея, выходившая на дворъ. На эту галлерею единственный ходъ велъ съ чердака черезъ полукруглое слуховое окно. На ней разсыпали для сушки рожь, кукурузу, хмѣль и всякую хозяйственную всячину. По узенькой, животрепещущей лѣстницѣ Верюгинъ провелъ гостя на чердакъ. Здѣсь было темно и такъ низко, что надо было ходить, сгорбившись въ три погибели, и притомъ все таки ходившіе принуждены были касаться кровельныхъ балокъ. Утренній свѣтъ смутно пробивался въ полукруглое окно.

— А глянемъ-ка сюда! промолвилъ Клементьевъ, указывая на окно,—и пріятели выползли на галлерею. Вотъ это хорошо... сказалъ гость, ухвативъ одной рукою толстую липовую вѣтвь, протянувшуюся изъ рощи на галлерею, почти къ самому окну. Можно и въ рощѣ погулять, если вздумается...

Клементьевъ тихо засмѣялся... Ухватившись за вѣтвь, дѣйствительно, можно было по липѣ спуститься въ рощу— при нѣкоторомъ умѣньѣ и ловкости.

На чердакѣ оказались охапки прошлогодняго хмѣля, груды старой овечьей шерсти, два-три какихъ-то старыхъ полушубка и кучи всякаго хлама и сора. Ночлегъ живо приготовили. Ложе изъ хмѣля и шерсти оказалось очень мягко, даже слишкомъ мягко для странника, привыкшаго ночевать гдѣ Богъ послалъ—и на землѣ, и на голыхъ доскахъ. Верюгинъ принесъ ночлежнику воды, хлѣба и кусокъ сухаго сыру.

— Теперь будемъ высыпаться! проговорилъ Клементьевъ, растянувшись на своемъ ложѣ во весь ростъ и заложивъ руки за голову.

Было видно, что этотъ человѣкъ уже привыкъ къ скитальческой жизни, ко всѣмъ мытарствамъ. Подъ всякимъ неприхотливымъ кровомъ онъ былъ, какъ дома. Безпечно, съ наслажденьемъ развалился онъ теперь на старыхъ полушубкахъ. Своя песокрушимая философія, должно быть, была у этого человѣка...

Въ обычное время Ѳеофанъ Михайловичъ отправился на межовку. По своемъ возвращеніи съ работъ, не измѣняя разъ заведеннаго обыкновенія, онъ зашелъ въ большой домъ (такъ называлъ онъ барскій висящевскій домъ) и засталъ всю семью въ сборѣ, за вечернимъ чаемъ. Надя, допивъ свою чашку, пригорюнившись, сидѣла на порогѣ балкона. Ея вѣрный Бюффонка лежалъ съ нею рядомъ, положивъ ей на колѣни свою мягкую, прекрасную голову. Верюгинъ не безъ удивленія замѣтилъ, что Надя съ какимъ-то страннымъ любопытствомъ, пристально посмотрѣла на него, когда онъ вошелъ въ комнату. „Что бы это значило?“ подумалъ онъ и въ свою очередь посмотрѣлъ на дѣвушку. Тутъ въ первый разъ глаза ихъ встрѣтились, но не надолго. Дѣвушка поникла головою и принялась гладить собаку, запустивъ въ ея мягкую, волнистую шерсть свою миніатюрную бѣлую ручку. Верюгинъ успѣлъ таки уловить взглядъ этой дикарки... Она смотрѣла на него съ недоумѣніемъ и съ такимъ видомъ, какъ будто въ первый разъ увидала его передъ собою. Взглядъ ея темныхъ глазъ о чемъ-то настойчиво допытывалъ. „Что такое?“ спросилъ онъ самого себя, искоса поглядывая на дѣвушку. На этотъ разъ онъ наскоро выпилъ чай и сталъ прощаться.

—А на бильярдѣ, Ѳеофанъ Михайловичъ, развѣ не сыграемъ? встревожившись, спросилъ его Зоринъ.

Нѣтъ! Сегодня ему надо работать, много дѣла накопилось... Уходя, онъ опять замѣтилъ, что Надя задумчивымъ взглядомъ провожала его изъ столовой.

— Надя у насъ, кажется, начинаетъ интересоваться monsieur Верюгинымъ! насмѣшливо промолвила Серафимочка, замѣтивъ долгій, пристальный взглядъ сестры.

Василій Петровичъ, по обыкновенію, громко расхохотался... Надя, молча, сердито взглянула на сестру, вскочила и въ сопровожденіи Бюффона вышла въ садъ. Легкій румянецъ игралъ на ея щекахъ, когда она шла по аллеѣ къ рѣкѣ.

Сбѣжавъ съ берега, Надя вскочила въ лодку и, отпихнувшись съ отмели, поплыла по теченію. На носу лодки, какъ статуя, сидѣлъ неподвижно Бюффонъ, поднявъ морду и смотря въ даль своими карими глазами... И лодка съ этими двумя

пассажирами, плывшая по голубой, прозрачной рѣкѣ между зеленѣющими берегами, поросшими кое-гдѣ ветлами ярко озаренными вечернимъ багровымъ свѣтомъ—представляла собою очень красивую картину.

Въ двухъ верстахъ отъ Висящева, на берегу той же рѣки, Большой Жингари, раскинулось Тепеньковское, небольшая бѣдная деревенька, дворовъ въ 20. Черезъ полчаса барышня, причаливъ лодку къ берегу, была уже въ деревнѣ и, наклонившись, входила въ черную покривившуюся избушку. Въ избушкѣ было сумрачно, грязно, душно. Солнечный лучъ пробивался сюда въ единственное оконце, позалѣпленное бумагой, и краснымъ пятномъ игралъ на закоптѣлой бревенчатой стѣнѣ. Мальчуганъ лѣтъ трехъ, съ бѣлыми, льняными волосиками, худенькій и грязный, замотанный въ какое-то тряпье, сидѣлъ на полу, играя пучкомъ завядшихъ полевыхъ цвѣтовъ Дѣвочка, въ платкѣ, сдвинутомъ на лобъ, сгорбившись, сидѣла на лавкѣ у окна и ѣла корку черстваго ржанаго хлѣба, обмакивая ее въ чашку съ квасомъ.

— Здравствуй, Степа! проговорила Надя, подходя къ мальчугану.

Она сѣла къ нему на полъ и горячо поцѣловала его въ лобъ.

— Ну, что? Какъ онъ? освѣдомилась Надя у пѣступьи, которая даже не пошевелилась при ея входѣ, вѣроятно, уже достаточно привыкши къ такимъ посѣщеніямъ.

— Да все кàвкаетъ... *) отвѣтила та, жуя свою корку. Иной разъ, просто, думаешь, помираетъ... кавкаетъ, кавкаетъ, даже задохнется... и глазки закатитъ.

— Скажи Маринѣ, какъ съ работы-то воротится, чтобы по ложкѣ давала пить вотъ этого... утромъ и вечеромъ каждый день... сказала барышня, подавая пѣступьѣ зеленую склянку. А это, вотъ, чай и сахаръ .. А вотъ сальный огарокъ—въ бумажкѣ... Пускай ему въ чай немножко сала накаплетъ! Это тоже хорошо...

— Ладно, скажу! проговорила дѣвочка.

— Что ты, мой бѣдный? Что ты, мой хорошій? Иди-ка

*) Кашляетъ.

ко мнѣ! обратилась барышня къ мальчугану, беря его къ себѣ на руки. Степа боленъ? Да?

— Больно тутъ... прошепталъ ребенокъ, указывая на горло.

— Ну, погоди, потерпи немного... пройдетъ! утѣшала его Надя, ласково гладя по головкѣ и цѣлуя его. Какой худенькій сталъ у меня Степа... говорила она, грѣя въ своихъ рукахъ его холодныя ножонки Совсѣмъ извели бѣднягу...

Ребенокъ, очевидно, любилъ гостью и былъ очень доволенъ ея приходомъ. Невнятымъ шопотомъ бормоталъ онъ ей что-то на своемъ ласковомъ дѣтскомъ языкѣ, сообщая вѣроятно, какія нибудь новости. И дѣвушка понимала его... Наконецъ, еще разъ повторивъ пѣстуньѣ свое наставленіе и поцѣловавъ на прощанье Степу, дѣвушка вышла изъ смрадной избы на вольный свѣтъ. Тутъ она остановилась еще у одной избы и постучавъ въ оконницу, крикнула: „Эй! Кто тутъ есть?“

На зовъ ея скоро показался на порогѣ старикъ; сгорбленная фигура его рѣзко обрисовалась на фонѣ темныхъ сѣнецъ. Старикъ былъ очень дряхлъ, кривъ на одинъ глазъ, плѣшивъ и съ большою сивою бородою лежавшей у него на груди.

— Лошадь-то, Андріянъ, нашли? спросила у него Надя.

— Нашли, нашли, матушка! зашамкалъ тотъ своими беззубыми челюстями. За Большимъ Болотомъ нашли... Ужь такого-то мы страху натерпѣлись—просто, бѣда!... Да ты что не присядешь? Садись, посиди у насъ! Молочка не хошь ли, а? говорилъ старикъ, сметая рукою пыль съ лавочки, стоявшей у двери.

— Пожалуй, дѣдушка... Давай! промолвила Надя, усаживаясь на лавку.

Лицо ея, какъ обыкновенно, было грустно, задумчиво. Теперь она засмотрѣлась на соломенную кровлю, поразметанную вѣтрами и непогодой. Пять ласточкиныхъ гнѣздъ лѣпились подъ кровлею

— А правда, Андріянъ, что ласточки счастье приносятъ тому дому, у котораго гнѣзда вьютъ? спросила она, когда старикъ явился изъ избы съ крынкою молока, съ ложкою и съ

такимъ толстымъ ломтемъ хлѣба, какой обыкновенно отрѣзывается на завтракъ взрослому рабочему.

— Говорятъ, матушка, что правда... отвѣтилъ тотъ, поставивъ передъ нею на лавочку свои съѣстные припасы.

— А если правда, такъ отчего же вамъ особеннаго счастья нѣтъ?.. замѣтила дѣвушка. Живете вы въ бѣдности...

— Ой, голубушка! Да какъ же не въ бѣдности! воскликнулъ Андріянъ. Извѣстно, какое у насъ, у мужиковъ, счастье... Ну, кушай же, матушка! Кушай на здоровьице... Утрешняго удоя молочко-то, холодное, прямо съ погрѣбицы...

Старикъ очень радушно угощалъ барышню. А барышня, напившись молока, сказала ему „спасибо“ и утерла ротъ рукавомъ, „по мужицки“,—какъ навѣрно замѣтила бы, еслибы увидала, ея maman.

— Что же хлѣбца-то нашего не покушала, а? Не хошь? шамкалъ дѣдъ.

— А Егоръ дома? спросили барышня.

— Нѣту! Его на три дня отрядили по очереди ходить съ землемѣромъ!

— А-а! съ землемѣромъ?... протянула Надя и затѣмъ, распрощавшись со старикомъ, направилась къ лодкѣ.

Большая Жингарь, не смотря на свое мелководье, была рѣчка очень быстрая. Теперь дѣвушкѣ пришлось плыть по ней вверхъ, противъ теченія, но она, какъ лодочница уже искусная, не могла устать. Тихо плыла она вдоль берега, неторопливо, мѣрно взмахивая веслами... Наступилъ вечеръ. Солнце уже закатилось за степью, и лучи мѣсяца, стоявшаго невысоко надъ землей, серебристымъ снопомъ, дрожа и колеблясь, отражались въ струяхъ рѣки. Дѣвушка задумчиво смотрѣла на зеленые берега и словно прислушивалась къ мѣрному плеску веселъ. Ветлы на берегу темнѣли, и темнѣла подъ ними вода. Свѣжій вѣтерокъ дулъ дѣвушкѣ прямо въ лицо и развѣвалъ ея короткіе волнистые волосы.

Какъ и всегда, задумчива, серьезна, возвращалась она изъ своихъ странствованій по крестьянскимъ избамъ и полямъ. Теперь Надя была одна ни одинъ людской глазъ не подкарауливалъ за нею. Холодное, рѣзкое выраженіе, иногда замѣчавшееся въ ея лицѣ, теперь, казалось, исчезло безслѣдно. Кроткая, любящая, нѣжная душа сказывалась въ ея юномъ

— Разумѣется! Разумѣется! подхватили собесѣдники, причемъ голосъ Василія Петровича, подобно шуму бури, покрывалъ собою весь этотъ дружный концертъ.

— Вотъ кого выбрать-то надо! Вотъ это такъ! одобрительно гаркнулъ Василій Петровичъ, кивая головой на Скорбѣева. А послушалъ бы я, какъ ты началъ бы тамъ орудовать...

И гость и хозяинъ громко расхохотались.

— Алексѣй Николаевичъ... Господинъ исправникъ! Призовите же къ порядку! Вы развѣ не слышите, о какихъ вещахъ говорятъ при васъ? своимъ обычнымъ, вялымъ, лѣнивымъ тономъ обратился Вавиловъ къ исправнику, между тѣмъ какъ тотъ любезничалъ съ женой акцизнаго и показывалъ видъ, что не слышитъ происходящаго кругомъ него сумасброднаго разговора.

— Что такое? спросилъ исправникъ съ гримасою, какъ будто недовольный тѣмъ, что его отрывали отъ пріятной бесѣды съ молодой интересной дамочкой, на которую, по его подозрѣніямъ, уже имѣлъ виды Вавиловъ.

— А послушайте-ка, о чемъ толкуютъ! продолжалъ Вавиловъ съ усмѣшкою. Развѣ позволяется этакъ, а? Да еще—при васъ... Ну, какая же вы послѣ того администрація...

— Ничего я не слышу! отнѣкивался исправникъ, вскидывая на носъ свое золотое pince-nez, и, посмотрѣвъ на собесѣдниковъ, опять обратился къ своей интересной сосѣдкѣ.

За столомъ послышался смѣхъ.

— Алексѣй Николаевичъ у насъ — молодецъ! прохрипѣлъ Василій Петровичъ, подмигивая своему vis-à vis. Онъ знаетъ: когда ему нужно золотомъ уши завѣшивать... Ха-ха-ха!

— Ну, посуесловили и довольно! съ досадою замѣтилъ Бахрушовъ, когда стулья съ шумомъ задвигались и гости отправились благодарить хозяевъ за хлѣбъ-за соль.

Такого рода разговоры въ описываемое время изрѣдка заходили на помѣщичьихъ собраніяхъ. Старые и пожилые люди относились къ нимъ въ шутливо-насмѣшливомъ тонѣ, какъ къ пустой, несбыточной мечтѣ. Они,—какъ люди степенные, благонамѣренные, по ихъ мнѣнію,—могли дозволить себѣ позубоскалить по поводу этой противозаконной мечты. Вѣдь ничего же не приключится оттого, что они промежъ

собою поиграютъ „въ депутаты“! Молодежь же, въ родѣ мироваго судьи и золотушнаго либерала, относилась къ этимъ разсужденіямъ не какъ къ праздной болтовнѣ на сытый желудокъ—pour passer le temps, но какъ къ серьезнымъ предположеніямъ, которымъ не сегодня-завтра суждено сбыться. Называли даже имя того профессора, которому, будто бы, было поручено осуществленіе этихъ предположеній на бумагѣ. Молодежи очень не нравилось, что старики такъ легкомысленно, со смѣхомъ и съ шуткой относились къ этимъ важнымъ вопросамъ, но сами они, между тѣмъ, пальцемъ не шевелили для того, чтобы подвинуть эти вопросы къ желаемому разрѣшенію. Они какъ будто разсчитывали на то, что все случится къ лучшему, по щучьему велѣнью. И, дѣйствительно, хотя они на словахъ, вмѣстѣ съ прочими, очень энергично ругали „злоумышленниковъ“, но въ душѣ, тѣмъ не менѣе, очень желали чужими руками жаръ загрести. Это были все тѣ же неисправимые, вѣчные Маниловы.

Черезъ нѣсколько минутъ, уже и помину не было о политикѣ... Толковали о дупеляхъ и вальдшнепахъ, о собакахъ и лошадяхъ, о томъ, что хорошо было бы собраться за зайцами“. Немного погодя, карточные столы раскрыли свое зеленое поле для желающихъ. Желающихъ, по обыкновенію, нашлось много. Даже и Шманкъ, разгорячившійся было по поводу спасенія Россіи, сѣлъ играть въ преферансъ съ хозяиномъ и успѣлъ уже объявить девять безъ козырей... Раздались звуки стараго виртовскаго рояля, и жена акцизнаго чиновника очень недурно, „съ душой“, какъ говорили, пропѣла:

„Отчего такъ задумчива ты,
Отчего взоръ твой полонъ тоскою?
Разскажи про свои мнѣ мечты!
Грусть-тоску раздѣлю я съ тобою“...

Жбановъ сидѣлъ на балконѣ посреди дамъ и, безъ преувеличенія говоря, вертѣлся, какъ бѣсъ передъ заутренею. M-eur Вавиловъ съ какою-то барышнею подъ-руку углубился въ тѣнистую аллею, засунувъ въ петлицу прекрасную алую розу.

Когда въ комнатахъ уже стемнѣло, а надъ садомъ ложились синія тѣни вечернихъ сумерекъ, одинъ изъ гостей, старичокъ, степнякъ-помѣщикъ, вдругъ объявилъ, что онъ будетъ

пѣть—и вокругъ него собрались слушатели. Съ глубокимъ чувствомъ, какого въ немъ нельзя было предположить, старикъ запѣлъ: „Въ старину живали дѣды веселѣй своихъ внучатъ“... Съ каждымъ стихомъ голосъ его, казалось, крѣпчалъ, становился все звучнѣе, глубже, выразительнѣе. Въ пѣніи, дѣйствительно, какъ будто слышалась грусть, слышалось сожалѣніе о добромъ старомъ времени, когда...

Возвратившись домой, Василій Петровичъ, между прочимъ, сказалъ женѣ:

— Опять всякій вздоръ городили... Э-эхъ, право! Плетутъ, плетутъ, а ничего, кажется, изъ того не выйдетъ...

Онъ вздохнулъ и съ досадой махнулъ рукою. Потомъ онъ передалъ „ma chère“ слышанное имъ о землемѣрѣ, и „ma chère“ совершенно согласилась съ нимъ, что все это — „пустяки“...

V.

Скитающіяся души.

Хотя мерцали звѣзды и мѣсяцъ свѣтилъ, но лѣтняя ночь была темна, какъ вообще бываютъ темны въ той сторонѣ лѣтнія ночи Верюгинъ, возвратившись въ свой флигель, почиталъ немного и затѣмъ, погасивъ свѣчу, вышелъ на крыльцо. Ему не хотѣлось спать. Онъ присѣлъ на ступеньки и, задумавшись, сталъ безцѣльно смотрѣть на разстилавшійся передъ нимъ дворъ и на большой барскій домъ, сѣрою громадой рисовавшійся сквозь ночной сумракъ съ противоположной стороны двора. Густыя, темныя тѣни ложились отъ дома на пустынный дворъ, озаренный мѣсячнымъ сіяніемъ, словно подернутый серебристою паутиною. Деревья при мѣсяцѣ принимали какія-то странныя, причудливыя очертанія.

Висящево заснуло. Нигдѣ не видно было огня и все затихло. Только деревья въ рощѣ надъ головою Верюгина шушукались чуть слышно... Вдругъ собаки съ лаемъ бросились отъ конюшень къ воротамъ. Верюгинъ сталъ всматриваться

по тому направленію, куда кинулись собаки, и у приворотнаго столба увидѣлъ какую-то неясную тѣнь. Тѣнь эта, повидимому, задабривала собакъ, желая ихъ успокоить, и подзывала ихъ къ себѣ. „Кто нибудь изъ дворовыхъ возвращается домой съ гуляньки, или какой нибудь прохожій“... разсѣянно подумалъ Верюгинъ. А гулящихъ людей въ тотъ праздничный вечеръ проходило немало мимо барскаго двора. Шли съ пѣснями; порой слышалась гармоника... Собаки, между тѣмъ, не унимались и тѣнь не трогалась съ мѣста. Желая выручить несчастнаго изъ неловкаго положенія, Ѳеофанъ Михайловичъ направился къ воротамъ и началъ присвистывать къ себѣ собакъ, уже успѣвшихъ хорошо познакомиться съ нимъ, такъ какъ онъ нерѣдко бросалъ имъ куски хлѣба. Собаки отступились отъ прохожаго и, помахивая хвостомъ, побѣжали къ Верюгину. Только одинъ глупый, молодой щенокъ не поддавался на его свистъ и продолжалъ наступать на незнакомца.

— Жучка! Жучка! крикнулъ, наконецъ, на него Верюгинъ.

— Тебя-то мнѣ и надо! вполголоса проговорила тѣнь. Убери ихъ, пожалуста, да заставь замолчать!

— А-а! протянулъ Верюгинъ, подходя къ незнакомцу, стоявшему у воротъ. Пойдемъ!—и, взявъ пришельца за рукавъ, повелъ его во флигель.

Собаки тотчасъ же разбѣжались, какъ бы удовольствовавшись его рекомендаціею. Указавъ гостю на дверь, Верюгинъ на минуту пріостановился на крыльцѣ и осмотрѣлся по сторонамъ. Въ домѣ по прежнему было темно и тихо. Только взглянувъ на окно мезонина, онъ мелькомъ увидалъ, что бѣлая занавѣска въ окнѣ какъ будто на минуту была отдернута и затѣмъ быстро опустилась. Впрочемъ, быть можетъ, это почудилось ему...

— Какъ ты меня нашелъ здѣсь? спросилъ онъ гостя, входя во флигель и запирая за собою дверь.

А гость той порою, уже развалился на кровати.

— Да какъ! Промахнулъ въ Вязовку по твоему старому адресу... медленно заговорилъ онъ, отчеканивая каждое слово и сильно упирая на „о“, причемъ рѣчь его звучала грубо, но была чрезвычайно выразительна. Твоя барыня осмотрѣла

меня съ ногъ до головы, какъ какого нибудь звѣря, нахмурилась, а адресъ все таки дала... Что она—ручная?

— Да, не совсѣмъ дикая... Не написала ли съ тобою посланія? спросилъ Верюгинъ.

— Нѣтъ, не писала... скажите, говоритъ, ему низкій поклонъ! все тѣмъ же размѣреннымъ тономъ промолвилъ гость. А я у тебя день пробуду! До смерти усталъ...

— Можно!

Не зажигая огня, въ потемкахъ, долго бесѣдовали они.

— А что такое—Зоринъ? Важный баринъ? спросилъ, между прочимъ, гость.

— Нѣтъ, далеко не важный...

— А кучера ему не нужно?

— Кучера здѣсь есть...

Гость тихо засмѣялся, какъ бы про себя... Говорили они о своихъ товарищахъ, о знакомыхъ, переговорили о многомъ. Ночныя тѣни начали сбѣгать, звѣзды гасли и небо свѣтлѣло. Румяная заря загоралась на востокѣ, за рощей, виднѣвшейся въ окно, и деревья уже ясно обрисовывались со своими раскидистыми вѣтвями на красномъ пылающемъ фонѣ.

— Скоро солнце выглянетъ! Не пора ли спать? замѣтилъ Верюгинъ.

— А это бы хорошо! согласился гость.

Въ комнаткѣ становилось уже довольно свѣтло, и въ утреннемъ полусвѣтѣ можно было разсмотрѣть невысокую, коренастую фигуру незнакомца, стоявшаго посреди комнаты. Онъ былъ въ дорожномъ платьѣ, весь въ пыли. Его длинные сапоги до колѣнъ были забрызганы грязью. По костюму незнакомецъ походилъ на странствующаго купеческаго прикащика. Его черные волосы были гладко подстрижены. Лицо у него было загорѣлое, выразительное: большой, гладкій лобъ, носъ нѣсколько широкій, глаза бойкіе, умные; губы довольно толстыя, крѣпко сжатыя. Когда онъ говорилъ или смѣялся особеннымъ своимъ смѣхомъ, „про себя“, тогда были видны бѣлые блестящіе зубы. Онъ носилъ небольшую, но густую, окладистую бородку и небольшіе усы. Рѣшимость—рѣшимость почти отчаянная, до дерзости—и желѣзная сила воли были написаны на этомъ лицѣ, не красивомъ, но бившемъ въ глаза...

Клементьевъ былъ давнишнимъ пріятелемъ Верюгина по Петербургу.

— Я, братъ, тебя здѣсь спать не положу: мухъ больно много,—а уведу наверхъ, въ мѣста злачныя! Тамъ и сиди, пока я не возвращусь съ работъ... А возвращусь я сегодня рано... сказалъ Верюгинъ.

У этого флигеля вверху была галлерея, выходившая на дворъ. На эту галлерею единственный ходъ велъ съ чердака черезъ полукруглое слуховое окно. На ней разсыпали для сушки рожь, кукурузу, хмѣль и всякую хозяйственную всячину. По узенькой, животрепещущей лѣстницѣ Верюгинъ провелъ гостя на чердакъ. Здѣсь было темно и такъ низко, что надо было ходить, сгорбившись въ три погибели, и притомъ все таки ходившіе принуждены были касаться кровельныхъ балокъ. Утренній свѣтъ смутно пробивался въ полукруглое окно.

— А глянемъ-ка сюда! промолвилъ Клементьевъ, указывая на окно,—и пріятели выползли на галлерею. Вотъ это хорошо... сказалъ гость, ухвативъ одной рукою толстую липовую вѣтвь, протянувшуюся изъ рощи на галлерею, почти къ самому окну. Можно и въ рощѣ погулять, если вздумается...

Клементьевъ тихо засмѣялся... Ухватившись за вѣтвь, дѣйствительно, можно было по липѣ спуститься въ рощу—при нѣкоторомъ умѣньѣ и ловкости.

На чердакѣ оказались охапки прошлогодняго хмѣля, груды старой овечьей шерсти, два-три какихъ-то старыхъ полушубка и кучи всякаго хлама и сора. Ночлегъ живо приготовили. Ложе изъ хмѣля и шерсти оказалось очень мягко, даже слишкомъ мягко для странника, привыкшаго ночевать гдѣ Богъ послалъ—и на землѣ, и на голыхъ доскахъ. Верюгинъ принесъ ночлежнику воды, хлѣба и кусокъ сухаго сыру.

— Теперь будемъ высыпаться! проговорилъ Клементьевъ, растянувшись на своемъ ложѣ во весь ростъ и заложивъ руки за голову.

Было видно, что этотъ человѣкъ уже привыкъ къ скитальческой жизни, ко всѣмъ мытарствамъ. Подъ всякимъ неприхотливымъ кровомъ онъ былъ, какъ дома. Безпечно, съ наслажденьемъ развалился онъ теперь на старыхъ полушубкахъ. Своя несокрушимая философія, должно быть, была у этого человѣка...

Въ обычное время Ѳеофанъ Михайловичъ отправился на межовку. По своемъ возвращеніи съ работъ, не измѣняя разъ заведеннаго обыкновенія, онъ зашелъ въ большой домъ (такъ называлъ онъ барскій висящевскій домъ) и засталъ всю семью въ сборѣ, за вечернимъ чаемъ. Надя, допивъ свою чашку, пригорюнившись, сидѣла на порогѣ балкона. Ея вѣрный Бюффонка лежалъ съ нею рядомъ, положивъ ей на колѣни свою мягкую, прекрасную голову. Верюгинъ не безъ удивленія замѣтилъ, что Надя съ какимъ-то страннымъ любопытствомъ, пристально посмотрѣла на него, когда онъ вошелъ въ комнату. „Что бы это значило?“ подумалъ онъ и въ свою очередь посмотрѣлъ на дѣвушку. Тутъ въ первый разъ глаза ихъ встрѣтились, но не надолго. Дѣвушка поникла головою и принялась гладить собаку, запустивъ въ ея мягкую, волнистую шерсть свою миніатюрную бѣлую ручку. Верюгинъ успѣлъ таки уловить взглядъ этой дикарки... Она смотрѣла на него съ недоумѣніемъ и съ такимъ видомъ, какъ будто въ первый разъ увидала его передъ собою. Взглядъ ея темныхъ глазъ о чемъ-то настойчиво допытывалъ. „Что такое?“ спросилъ онъ самого себя, искоса поглядывая на дѣвушку. На этотъ разъ онъ наскоро выпилъ чай и сталъ прощаться.

—А на бильярдѣ, Ѳеофанъ Михайловичъ, развѣ не сыграемъ? встревожившись, спросилъ его Зоринъ.

Нѣтъ! Сегодня ему надо работать, много дѣла накопилось... Уходя, онъ опять замѣтилъ, что Надя задумчивымъ взглядомъ провожала его изъ столовой.

— Надя у насъ, кажется, начинаетъ интересоваться monsieur Верюгинымъ! насмѣшливо промолвила Серафимочка, замѣтивъ долгій, пристальный взглядъ сестры.

Василій Петровичъ, по обыкновенію, громко расхохотался... Надя, молча, сердито взглянула на сестру, вскочила и въ сопровожденіи Бюффона вышла въ садъ. Легкій румянецъ игралъ на ея щекахъ, когда она шла по аллеѣ къ рѣкѣ.

Сбѣжавъ съ берега, Надя вскочила въ лодку и, отпихнувшись съ отмели, поплыла по теченію. На носу лодки, какъ статуя, сидѣлъ неподвижно Бюффонъ, поднявъ морду и смотря въ даль своими карими глазами... И лодка съ этими двумя

пассажирами, плывшая по голубой, прозрачной рѣкѣ между зеленѣющими берегами, поросшими кое-гдѣ ветлами, ярко озаренными вечернимъ багровымъ свѣтомъ—представляла собою очень красивую картину.

Въ двухъ верстахъ отъ Висящева, на берегу той же рѣки, Большой Жингари, раскинулось Тепеньковское, небольшая бѣдная деревенька, дворовъ въ 20. Черезъ полчаса барышня, причаливъ лодку къ берегу, была уже въ деревнѣ и, наклонившись, входила въ черную покривившуюся избушку. Въ избушкѣ было сумрачно, грязно, душно. Солнечный лучъ пробивался сюда въ единственное оконце, позалѣпленное бумагой, и краснымъ пятномъ игралъ на закоптѣлой бревенчатой стѣнѣ. Мальчуганъ лѣтъ трехъ, съ бѣлыми, льняными волосиками, худенькій и грязный, замотанный въ какое-то тряпье, сидѣлъ на полу, играя пучкомъ завядшихъ полевыхъ цвѣтовъ. Дѣвочка, въ платкѣ, сдвинутомъ на лобъ, сгорбившись, сидѣла на лавкѣ у окна и ѣла корку черстваго ржанаго хлѣба, обмакивая ее въ чашку съ квасомъ.

— Здравствуй, Степа! проговорила Надя, подходя къ мальчугану.

Она сѣла къ нему на полъ и горячо поцѣловала его въ лобъ.

— Ну, что? Какъ онъ? освѣдомилась Надя у пѣстуньи, которая даже не пошевелилась при ея входѣ, вѣроятно, уже достаточно привыкши къ такимъ посѣщеніямъ.

— Да все кàвкаетъ... *) отвѣтила та, жуя свою корку. Иной разъ, просто, думаешь, помираетъ... кавкаетъ, кавкаетъ, даже задохнется... и глазки закатитъ.

— Скажи Маринѣ, какъ съ работы-то воротится, чтобы по ложкѣ давала пить вотъ этого... утромъ и вечеромъ каждый день... сказала барышня, подавая пѣстуньѣ зеленую склянку. А это, вотъ, чай и сахаръ .. А вотъ сальный огарокъ—въ бумажкѣ... Пускай ему въ чай немножко сала накаплетъ! Это тоже хорошо...

— Ладно, скажу! проговорила дѣвочка.

— Что ты, мой бѣдный? Что ты, мой хорошій? Иди-ка

*) Кашляетъ.

ко мнѣ! обратилась барышня къ мальчугану, беря его къ себѣ на руки. Степа боленъ? Да?

— Больно тутъ... прошепталъ ребенокъ, указывая на горло.

— Ну, погоди, потерпи немного... пройдетъ! утѣшала его Надя, ласково гладя по головкѣ и цѣлуя его. Какой худенькій сталъ у меня Степа... говорила она, грѣя въ своихъ рукахъ его холодныя ножонки Совсѣмъ извели бѣднягу...

Ребенокъ, очевидно, любилъ гостью и былъ очень доволенъ ея приходомъ. Невнятымъ шопотомъ бормоталъ онъ ей что-то на своемъ ласковомъ дѣтскомъ языкѣ, сообщая вѣроятно, какія нибудь новости. И дѣвушка понимала его... Наконецъ, еще разъ повторивъ пѣстуньѣ свое наставленіе и поцѣловавъ на прощанье Степу, дѣвушка вышла изъ смрадной избы на вольный свѣтъ. Тутъ она остановилась еще у одной избы и постучавъ въ оконницу, крикнула: „Эй! Кто тутъ есть?“

На зовъ ея скоро показался на порогѣ старикъ; сгорбленная фигура его рѣзко обрисовалась на фонѣ темныхъ сѣнецъ. Старикъ былъ очень дряхлъ, кривъ на одинъ глазъ, плѣшивъ и съ большою сивою бородою лежавшей у него на груди.

— Лошадь-то, Андріянъ, нашли? спросила у него Надя.

— Нашли, нашли, матушка! зашамкалъ тотъ своими беззубыми челюстями. За Большимъ Болотомъ нашли... Ужь такого-то мы страху натерпѣлись—просто, бѣда!... Да ты что не присядешь? Садись, посиди у насъ! Молочка не хошь ли, а? говорилъ старикъ, сметая рукою пыль съ лавочки, стоявшей у двери.

— Пожалуй, дѣдушка... Давай! промолвила Надя, усаживаясь на лавку.

Лицо ея, какъ обыкновенно, было грустно, задумчиво. Теперь она засмотрѣлась на соломенную кровлю, поразметанную вѣтрами и непогодой. Пять ласточкиныхъ гнѣздъ лѣпились подъ кровлею

— А правда, Андріянъ, что ласточки счастье приносятъ тому дому, у котораго гнѣзда вьютъ? спросила она, когда старикъ явился изъ избы съ крынкою молока, съ ложкою и съ

такимъ толстымъ ломтемъ хлѣба, какой обыкновенно отрѣзывается на завтракъ взрослому рабочему.

— Говорятъ, матушка, что правда... отвѣтилъ тотъ, поставивъ передъ нею на лавочку свои съѣстные припасы.

— А если правда, такъ отчего же вамъ особеннаго счастья нѣтъ?.. замѣтила дѣвушка. Живете вы въ бѣдности...

— Ой, голубушка! Да какъ же не въ бѣдности! воскликнулъ Андріянъ. Извѣстно, какое у насъ, у мужиковъ, счастье... Ну, кушай же, матушка! Кушай на здоровьице... Утренняго удоя молочко-то, холодное, прямо съ погрѣбицы...

Старикъ очень радушно угощалъ барышню. А барышня, напившись молока, сказала ему „спасибо“ и утерла ротъ рукавомъ, „по мужицки“,—какъ навѣрно замѣтила бы, еслибы увидала, ея maman.

— Что же хлѣбца-то нашего не покушала, а? Не хошь? шамкалъ дѣдъ.

— А Егоръ дома? спросили барышня.

— Нѣту! Его на три дня отрядили по очереди ходить съ землемѣромъ!

— А-а! съ землемѣромъ?... протянула Надя и затѣмъ, распрощавшись со старикомъ, направилась къ лодкѣ.

Большая Жингарь, не смотря на свое мелководье, была рѣчка очень быстрая. Теперь дѣвушкѣ пришлось плыть по ней вверхъ, противъ теченія, но она, какъ лодочница уже искусная, не могла устать. Тихо плыла она вдоль берега, неторопливо, мѣрно взмахивая веслами... Наступилъ вечеръ. Солнце уже закатилось за степью, и лучи мѣсяца, стоявшаго невысоко надъ землей, серебристымъ снопомъ, дрожа и колеблясь, отражались въ струяхъ рѣки. Дѣвушка задумчиво смотрѣла на зеленые берега и словно прислушивалась къ мѣрному плеску веселъ. Ветлы на берегу темнѣли, и темнѣла подъ ними вода. Свѣжій вѣтерокъ дулъ дѣвушкѣ прямо въ лицо и развѣвалъ ея короткіе волнистые волосы.

Какъ и всегда, задумчива, серьезна, возвращалась она изъ своихъ странствованій по крестьянскимъ избамъ и полямъ. Теперь Надя была одна ни одинъ людской глазъ не подкарауливалъ за нею. Холодное, рѣзкое выраженіе, иногда замѣчавшееся въ ея лицѣ, теперь, казалось, исчезло безслѣдно. Кроткая, любящая, нѣжная душа сказывалась въ ея юномъ

лицѣ, свѣтилась въ ея глазахъ. Да! Теперь ни maman не станетъ читать ей правилъ вѣжливости и приличій, ни сестры не станутъ смѣяться надъ нею, ни отецъ не пристанетъ къ ней съ разспросами изъ празднаго любопытства, ни горничныя не станутъ таращить на нее глазъ Теперь она можетъ быть самой собою... Порою, налегая на весло, она тяжело вздыхала.— не отъ усталости, не отъ какой нибудь физической боли—нѣтъ! Смутные помыслы. какъ передразсвѣтныя тѣни, вопросы, догадки томили ее. Только одно ясно вставало передъ нею: семья чужда ей, она не можетъ быть счастлива на тотъ манеръ, на какой счастливы окружающіе ее, она не можетъ жить такъ, какъ живутъ всѣ кругомъ нея.. Даже сестрѣ Сашѣ не рѣшается повѣрять она своихъ думъ и мечтаній послѣ того, какъ та однажды расхохоталась ей въ лицо надъ ея дѣтски-наивными признаніями, что если не жить, то, по крайней мѣрѣ, умереть хотѣлось бы ей „получше“...„Какъ же это такъ?“ спросила ее Сашенька.—„Все равно, какъ ни умереть! Хоть бы на крестѣ!...“ почти со слезами крикнула Надя и, рыдая, уткнулась лицомъ себѣ въ колѣна... Да! Сестра смѣялась надъ нею, называла ее „горячею головою“. Правда: горячая голова у нея... но что же ей дѣлать со своею головою! Сестра, смѣясь, совѣтовала ей принять лавро-вишневыхъ капель, совѣтовала успокоиться, лечь спать. Охъ, еслибы эти капли исцѣлили ея бѣдную, горячую голову! Еслибы заснуть ей крѣпкимъ, крѣпкимъ сномъ!...

Съ тѣхъ поръ Надя спряталась, замкнулась въ самой себѣ, какъ улитка въ раковинкѣ. Не съ кѣмъ ей было дѣлиться своими думами... Такъ она и стала дѣвушкою молчаливою, нелюдимою, то страшно робкою, то рѣзкою до грубости; но дома—при *своихъ*—она всегда прежде всего оставалась гордою и неприступною, такъ что отецъ, за ея вѣчно нахмуренныя брови, часто звалъ ее „бутусомъ“. Легче чувствовала она себя, вырываясь изъ дому въ поле, въ лѣсъ, на рѣку; даже въ грязныхъ, душныхъ избахъ она чувствовала себя лучше, нежели въ своемъ большомъ барскомъ домѣ. Ей было скучно, нестерпимо подъ роднымъ кровомъ: ее манило дальше отъ него— къ простымъ людямъ. на просторъ, на волю, въ уединеніе... Но ни простые люди, ни уединеніе не просвѣтляли ея смутныхъ догадокъ, а дома для нея уже окончательно царство-

вала тьма кромѣшная. Вопросы, догадки и сомнѣнія оставались неразрѣшенными и кошмаромъ тяготили впечатлительную первую дѣвушку...

Надю можно было сравнить съ туго-туго натянутою арфою, до того чувствительною и воспріимчивою, что не только грубое прикосновеніе руки, но даже легкое дыханіе перелетнаго вѣтерка заставляло дрожать ея струны, и съ нихъ поднимались жалобные, трепетные звуки. Если же на эту арфу налеталъ порывъ вѣтра посильнѣе, тогда она разражалась такимъ бурнымъ аккордомъ, какъ будто всѣ струны ея въ одну минуту готовы были съ трескомъ порваться. Вотъ самое вѣрное сравненіе... Съ этой дѣвушкой такъ и слѣдовало обращаться, какъ съ страшно чувствительнымъ, нѣжнымъ инструментомъ, который отъ малѣйшаго грубаго прикосновенія могъ разстроиться и поломаться. Но развѣ жизнь станетъ разбирать!.. Судьба иногда, какъ нарочно, осыпаетъ всяческими нѣжностями дрянную балалайку, а арфу безжалостно раскалываетъ въ щепы...

Правда, родныхъ Нади нельзя было упрекнуть въ жестокости или грубости. Они—люди недальніе, люди простой, топорной работы, люди—самые обыкновенные, но не изверги, не злодѣи. Для нихъ Надя являлась просто капризной, странною, причудливою дѣвушкой, очень разсѣянной, мечтательной или, по словамъ Юліи Вячеславовны, „думающей Богъ вѣсть о чемъ.“ Мамашѣ хотѣлось видѣть въ ней барышню, приличную во всѣхъ отношеніяхъ, съ хорошими манерами, въ родѣ ея несравненной Серафимушки. Поэтому она съ жаромъ занималась исправленіемъ Нади до тѣхъ поръ, пока не отчаялась въ успѣхѣ и не махнула на нее рукой. Теперь она ограничивалась лишь тѣмъ, что въ интимныхъ бесѣдахъ распространялась съ глубокимъ сожалѣніемъ объ упрямствѣ дочери и очень мрачными красками рисовала ея будущее. „Ой, бѣда, бѣда!“ говаривала она. „Ужь сломитъ она себѣ шею... Когда нибудь наживемъ мы съ нею хлопотъ...“

Немудрено, что, благодаря муштрованью, Юлія Вячеславовна, съ ея грошовою моралью и съ вѣчными указаніями, какъ дѣвица должна вести себя—надоѣла и наскучила Надѣ. И хотя теперь дѣвушка не слыхала уже отъ матери нравоученій, но, по воспоминаніямъ *о вынесенныхъ* непріятностяхъ, не могла

переломить себя и оставалась холодною къ своей родительницѣ. Къ отцу она относилась безразлично... Старшая сестра вѣчно витала въ мірѣ свѣтскихъ удовольствій. Избалованная въ семьѣ, упоенная лестью и дешевыми успѣхами въ обществѣ, убѣжденная въ могуществѣ своихъ прелестей, Серафимушка съ чужихъ словъ и сама, наконецъ, стала считать себя славою и гордостью своей семьи. Съ высоты ея воздушнаго пьедестала, ей казалось, что она составляетъ чуть ли не центръ всего извѣстнаго ей человѣчества. Узкій эгоизмъ, развившійся въ ней до крайней степени, ставшій ея религіей, нашептывалъ ей, что все должно служить *ей* и быть у *ея* ногъ. И съ удивительною наивностью выказывала она свой эгоизмъ во всей его безобразной наготѣ. Надя чувствовала, что между нею и Серафимушкою лежала пропасть... Сестра Сашенька своею практичностью отталкивала ее отъ себя и охлаждала ея порывы откровенности. Благодаря такой обстановкѣ, произошло то, что по природѣ пылкая, страстная, живая дѣвочка стала мало по малу дѣвушкою молчаливою, сосредоточенною въ самой себѣ, рѣзкою въ обращеніи съ семьянами и притомъ дѣвушкою болѣзненною. Жаръ ея, не находя себѣ исхода, сжигалъ ее самоё, какъ на медленномъ огнѣ. Она становилась все болѣе и болѣе грустною, раздражительною, и эта раздражительность должна была неминуемо отражаться на ея слабомъ здоровьѣ...

Арфа надломилась...

Верюгинъ не счелъ нужнымъ представлять Зоринымъ своего захожаго пріятеля. Въ тотъ же вечеръ, когда Надя посѣщала Тепеньковское, только немного позже, Ѳеофанъ Михайловичъ провожалъ своего гостя. Около полуночи, когда огни уже погасли и все заснуло въ усадьбѣ, они отправились къ рѣкѣ. Густыя облака, высоко нагромоздившіяся, какъ горы, и теперь, ночью, казавшіяся совсѣмъ черными, заволакивали мѣсяцъ. и оттого тѣни еще больше сгущались надъ землею. Въ воздухѣ было тихо; листъ на деревьяхъ не шевелился. Неподвижно и мрачно высились деревья въ саду. словно объятыя дремотою Порою лишь доносились издалека стоны перепела и завыванія какой-то ночной птицы...

Когда пріятели пришли на берегъ, рѣка въ ночномъ сумракѣ казалась совершенно черною, какъ будто вмѣсто воды въ нее были налиты чернила. Сѣли въ лодку и тихо, осторожно стали пробираться по мелководью. Верюгинъ еще не зналъ хорошо мѣстъ въ рѣкѣ, и поэтому лодка часто набѣгала на камни, а въ концѣ концовъ быстриною ихъ отнесло гораздо ниже того мѣста, куда они разсчитывали пристать. Верюгину удалось, впрочемъ, довольно ловко завернуть подъ ветлы, нависшія надъ берегомъ... Блестящій край мѣсяца въ ту минуту выглянулъ изъ-за облака, но подъ ветлами, гдѣ остановилась лодка, по прежнему царствовалъ мракъ...

— Если уѣду съ утреннимъ поѣздомъ, то завтра къ вечеру буду въ Ряжскѣ?... полувопросительно замѣтилъ Клементьевъ.

Верюгинъ, молча, кивнулъ ему головою.

Гость на прощанье крѣпко сжалъ ему руку, выпрыгнулъ изъ лодки и, продравшись сквозь ветельникъ, въ тотъ же мигъ потонулъ въ ночномъ мракѣ, плотно окутывавшемъ степь...

VI.

Клубокъ разматывается.

На другой день, вечеромъ, послѣ работъ, Верюгинъ нашелъ на балконѣ одну Александру Васильевну, страшно усталую.

— Вы совсѣмъ кажетесь мученицей! замѣтилъ онъ, садясь съ нею рядомъ.

— Да, вотъ кстати... Помните, мы говорили съ вами... начала Сашенька. Вотъ теперь видите: каково легко достается мнѣ!... Иногда сама сѣно пошевелишь, погребешь; иной разъ немного пожнешь,—скучно вѣдь такъ-то сидѣть безъ дѣла. Право, придешь вечеромъ иной разъ домой такая усталая, такая разбитая,—точно руки и ноги отнимаются... Къ тому же, и работы у насъ еще производятся такимъ патріархальнымъ манеромъ, что люди иногда, дѣйствительно, мучатся...

— Теперь вы не злитесь... за то же и я съ вами поговорю серьезно... Хотите? сказалъ Верюгинъ, взглядывая на свою со-

бесѣдницу. Ваши поиски за настоящимъ дѣломъ возбуждаютъ къ вамъ участіе... Мнѣ жаль васъ! Если между нами условлено говорить откровенно... вѣдь, кажется, условлено? пріостановился Верюгинъ.

Дѣвушка, молча, кивнула ему головой.

— Такъ я вамъ скажу, что вы со своимъ теперешнимъ дѣломъ напоминаете крыловскую басню: „Крестьянинъ и Мартышка"... Вы помните ее?

Сашенька помнила эту басню...

Затѣмъ Верюгинъ сталъ говорить о „безплодномъ толченіи воды" въ Петербургѣ и вообще въ большихъ городахъ, о томъ, что время „болтовни" уже проходитъ, что люди стали убѣждаться въ безсиліи „щучьяго велѣнья, да нашего прошенья", что само на свѣтѣ ничего не сдѣлается.

— Здѣсь, въ Висящевѣ, вѣдь вы отрѣшены отъ міра живыхъ! замѣтилъ онъ. Вы не можете слѣдить за ходомъ общественнаго движенія. О настоящемъ вы судите по прошедшему, котораго образчики вамъ приходилось видѣть. Теперь уже произошли большія перемѣны... Вы слишкомъ рано ударились въ отчаяніе!

Въ это время Надя, выйдя на балконъ, вдругъ—къ великому удивленію Верюгина—присѣла на ступеньку у ногъ сестры и спросила:

— Я вамъ не помѣшаю?

— Я думаю, что у насъ секретовъ нѣтъ! промолвилъ Верюгинъ, взглядывая на Сашеньку.

— Конечно! согласилась и та, впрочемъ, съ оттѣнкомъ легкой досады.

— Вы ухватились за сельское хозяйство, какъ за якорь спасенія! продолжалъ Верюгинъ. Я очень хорошо понимаю васъ... но не можетъ быть, чтобы вы были довольны собой...

— Я сама чувствую, что мнѣ не выдержать долго этой роли! перебила его дѣвушка. Я уже подумывала все это бросить и ѣхать въ Петербургъ на медицинскіе курсы...

— Въ чемъ же дѣло? подхватилъ Верюгинъ. Очень хорошо быть врачемъ! Дорога удобная... Но, разумѣется, званіе врача не должно быть единственною цѣлью...

— Конечно! Но прежде всего—учиться и учиться... съ жаромъ заговорила дѣвушка. Ну, что я знаю? Что я могу сдѣ-

лать хорошаго?.. Согласитесь!.. Положимъ, я читала много. Но все таки иной самый простой вопросъ можетъ поставить меня втупикъ! А все оттого, что я не получила систематическаго, основательнаго образованія.

— Боюсь я... началъ Верюгинъ. Я зналъ въ своей жизни людей, которые начинали учиться съ доброю цѣлью и учились такъ долго и такъ прилежно, что наконецъ, повидимому, совсѣмъ забывали эту добрую цѣль. И люди дѣлались самодовольными филистерами, иногда, правда, очень учеными... но что-жъ изъ того!

— Нѣтъ! возразила Сашенька. Я хочу быть полезною и для того хочу знать по возможности больше, потому что безъ знаній я не могу приносить пользы.

— Но вѣдь у васъ уже есть знанія... Подѣлитесь же съ другими тѣмъ, что у васъ есть! замѣтилъ Верюгинъ.

— А если я сама сознаю недостаточность своихъ знаній! упорствовала дѣвушка.

— А сколько народа лишено даже и такихъ неполныхъ, недостаточныхъ знаній, какими обладаете вы! возражалъ онъ. Да, впрочемъ, что жъ... учитесь!.. Только не забудьте: для чего стали учиться...

Все это время Надя внимательно прислушивалась къ разговору, не проронивъ изъ него, повидимому, ни одного слова.

Она ничего не спросила, ничего не сказала. Но зато съ какимъ восторгомъ, сидя въ тотъ вечеръ на берегу, на своемъ любимомъ бугоркѣ подъ елями, сознавала она, что наконецъ-то темная завѣса готова подняться передъ нею, что нашелся человѣкъ, могущій указать ей азбуку для пониманія тѣхъ заколдованныхъ грамотъ, которыя длинною хартіей начинали развиваться передъ нею въ тѣ минуты, когда она сегодня вечеромъ слушала его горячія, убѣдительныя рѣчи. Тѣ рѣчи находили отзывъ въ ея душѣ... Она крѣпко прижимала руки къ груди и пристально всматривалась въ быстро текущія у ногъ ея синія волны, съ однообразнымъ, тихимъ шопотомъ плескавшіяся на песчаную отмель. Вѣчно-юныя, вѣчно-зеленыя ели свѣшивали надъ нею свои мохнатыя, темныя вѣтви. „Онъ скажетъ *правду*! Онъ все скажетъ“... невольно вслухъ вырвалось у Нади. А сердце ея билось такъ быстро-быстро...

А Сашенька? Куда дѣвалась ея строптивость, ея увлеченіе

ко мнѣ! обратилась барышня къ мальчугану, беря его къ себѣ на руки. Степа боленъ? Да?

— Больно тутъ... прошепталъ ребенокъ, указывая на горло.

— Ну, погоди, потерпи немного... пройдетъ! утѣшала его Надя, ласково гладя по головкѣ и цѣлуя его. Какой худенькій сталъ у меня Степа... говорила она, грѣя въ своихъ рукахъ его холодныя ножонки Совсѣмъ извели бѣднягу...

Ребенокъ, очевидно, любилъ гостью и былъ очень доволенъ ея приходомъ. Невнятнымъ шопотомъ бормоталъ онъ ей что-то на своемъ ласковомъ дѣтскомъ языкѣ, сообщая вѣроятно, какія нибудь новости. И дѣвушка понимала его... Наконецъ, еще разъ повторивъ пѣстуньѣ свое наставленіе и поцѣловавъ на прощанье Степу, дѣвушка вышла изъ смрадной избы на вольный свѣтъ. Тутъ она остановилась еще у одной избы и постучавъ въ оконницу, крикнула: „Эй! Кто тутъ есть?“

На зовъ ея скоро показался на порогѣ старикъ; сгорбленная фигура его рѣзко обрисовалась на фонѣ темныхъ сѣнецъ. Старикъ былъ очень дряхлъ, кривъ на одинъ глазъ, низенекъ и съ большою сивою бородою лежавшей у него на груди.

— Лошадь-то, Андріянъ, нашли? спросила у него Надя.

— Нашли, нашли, матушка! зашамкалъ тотъ своими беззубыми челюстями. За Большимъ Болотомъ нашли... Ужь такого-то мы страху натерпѣлись—просто, бѣда!... Да ты что не присядешь? Садись, посиди у насъ! Молочка не хошь ли, а? говорилъ старикъ, сметая рукою пыль съ лавочки, стоявшей у двери.

— Пожалуй, дѣдушка... Давай! промолвила Надя, усаживаясь на лавку.

Лицо ея, какъ обыкновенно, было грустно, задумчиво. Теперь она засмотрѣлась на соломенную кровлю, поразметанную вѣтрами и непогодой. Пять ласточкиныхъ гнѣздъ лѣпились подъ кровлею

— А правда, Андріянъ, что ласточки счастье приносятъ тому дому, у котораго гнѣзда вьютъ? спросила она, когда старикъ явился изъ избы съ крынкою молока, съ ложкою и съ

такимъ толстымъ ломтемъ хлѣба, какой обыкновенно отрѣзывается на завтракъ взрослому рабочему.

— Говорятъ, матушка, что правда... отвѣтилъ тотъ, поставивъ передъ нею на лавочку свои съѣстные припасы.

— А если правда, такъ отчего же вамъ особеннаго счастья нѣтъ?.. замѣтила дѣвушка. Живете вы въ бѣдности...

— Ой, голубушка! Да какъ же не въ бѣдности! воскликнулъ Андріянъ. Извѣстно, какое у насъ, у мужиковъ, счастье... Ну, кушай же, матушка! Кушай на здоровьице... Утрешняго удоя молочко-то, холодное, прямо съ погрѣбицы...

Старикъ очень радушно угощалъ барышню. А барышня, напившись молока, сказала ему „спасибо“ и утерла ротъ рукавомъ, „по мужицки“,—какъ навѣрно замѣтила бы, еслибы увидала, ея maman.

— Что же хлѣбца-то нашего не покушала, а? Не хошь? шамкалъ дѣдъ.

— А Егоръ дома? спросили барышня.

— Нѣту! Его на три дня отрядили по очереди ходить съ землемѣромъ!

— А-а! съ землемѣромъ?... протянула Надя и затѣмъ, распрощавшись со старикомъ, направилась къ лодкѣ.

Большая Жингарь, не смотря на свое мелководье, была рѣчка очень быстрая. Теперь дѣвушкѣ пришлось плыть по ней вверхъ, противъ теченія, но она, какъ лодочница уже искусная, не могла устать. Тихо плыла она вдоль берега, неторопливо, мѣрно взмахивая веслами... Наступилъ вечеръ. Солнце уже закатилось за степью, и лучи мѣсяца, стоявшаго невысоко надъ землей, серебристымъ снопомъ, дрожа и колеблясь, отражались въ струяхъ рѣки. Дѣвушка задумчиво смотрѣла на зеленые берега и словно прислушивалась къ мѣрному плеску веселъ. Ветлы на берегу темнѣли, и темнѣла подъ ними вода. Свѣжій вѣтерокъ дулъ дѣвушкѣ прямо въ лицо и развѣвалъ ея короткіе волнистые волосы.

Какъ и всегда, задумчива, серьезна, возвращалась она изъ своихъ странствованій по крестьянскимъ избамъ и полямъ. Теперь Надя была одна ни одинъ людской глазъ не подкарауливалъ за нею. Холодное, рѣзкое выраженіе, иногда замѣчавшееся въ ея лицѣ, теперь, казалось, исчезло безслѣдно. Кроткая, любящая, нѣжная душа сказывалась въ ея юномъ

лицѣ, свѣтилась въ ея глазахъ. Да! Теперь ни maman не станетъ читать ей правилъ вѣжливости и приличій, ни сестры не станутъ смѣяться надъ нею, ни отецъ не пристанетъ къ ней съ разспросами изъ праздная любопытства, ни горничныя не станутъ таращить на нее глазъ Теперь она можетъ быть самой собою... Порою, налегая на весло, она тяжело вздыхала.— не отъ усталости, не отъ какой нибудь физической боли—нѣтъ! Смутные помыслы. какъ передразсвѣтныя тѣни, вопросы, догадки томили ее. Только одно ясно вставало передъ нею: семья чужда ей, она не можетъ быть счастлива на тотъ манеръ, на какой счастливы окружающіе ее, она не можетъ жить такъ, какъ живутъ всѣ кругомъ нея.. Даже сестрѣ Сашѣ не рѣшается повѣрять она своихъ думъ и мечтаній послѣ того, какъ та однажды расхохоталась ей въ лицо надъ ея дѣтски-наивными признаніями, что если не жить, то, по крайней мѣрѣ, умереть хотѣлось бы ей „получше“...„Какъ же это такъ?“ спросила ее Сашенька.—„Все равно, какъ ни умереть! Хоть бы на крестѣ!...“ почти со слезами крикнула Надя и, рыдая, уткнулась лицомъ себѣ въ колѣна... Да! Сестра смѣялась надъ нею, называла ее „горячею головою“. Правда: горячая голова у нея... но что же ей дѣлать со своею головою! Сестра, смѣясь, совѣтовала ей принять лавро-вишневыхъ капель, совѣтовала успокоиться, лечь спать. Охъ, еслибы эти капли исцѣлили ея бѣдную, горячую голову! Еслибы заснуть ей крѣпкимъ, крѣпкимъ сномъ!...

Съ тѣхъ поръ Надя спряталась, замкнулась въ самой себѣ, какъ улитка въ раковинкѣ. Не съ кѣмъ ей было дѣлиться своими думами... Такъ она и стала дѣвушкою молчаливою, нелюдимою, то страшно робкою, то рѣзкою до грубости; но дома—при *своихъ*—она всегда прежде всего оставалась гордою и неприступною, такъ что отецъ, за ея вѣчно нахмуренныя брови, часто звалъ ее „бутусомъ“. Легче чувствовала она себя, вырываясь изъ дому въ поле, въ лѣсъ. на рѣку; даже въ грязныхъ, душныхъ избахъ она чувствовала себя лучше, нежели въ своемъ большомъ барскомъ домѣ. Ей было скучно, нестерпимо подъ роднымъ кровомъ: ее манило дальше отъ него— къ простымъ людямъ. на просторъ, на волю, въ уединеніе... Но ни простые люди, ни уединеніе не просвѣтляли ея смутныхъ догадокъ, а дома для нея уже окончательно царство-

вала тьма кромѣшная. Вопросы, догадки и сомнѣнія оставались неразрѣшенными и кошмаромъ тяготили впечатлительную нервную дѣвушку...

Надю можно было сравнить съ туго-туго натянутою арфою, до того чувствительною и воспріимчивою, что не только грубое прикосновеніе руки, но даже легкое дыханіе перелетнаго вѣтерка заставляло дрожать ея струны, и съ нихъ поднимались жалобные, трепетные звуки. Если же на эту арфу налеталъ порывъ вѣтра посильнѣе, тогда она разражалась такимъ бурнымъ аккордомъ, какъ будто всѣ струны ея въ одну минуту готовы были съ трескомъ порваться. Вотъ самое вѣрное сравненіе... Съ этой дѣвушкой такъ и слѣдовало обращаться, какъ съ страшно чувствительнымъ, нѣжнымъ инструментомъ, который отъ малѣйшаго грубаго прикосновенія могъ разстроиться и поломаться. Но развѣ жизнь станетъ разбирать!.. Судьба иногда, какъ нарочно, осыпаетъ всяческими нѣжностями дрянную балалайку, а арфу безжалостно раскалываетъ въ щепы...

Правда, родныхъ Нади нельзя было упрекнуть въ жестокости или грубости. Они—люди недальніе, люди простой, топорной работы, люди—самые обыкновенные, но не изверги, не злодѣи. Для нихъ Надя являлась просто капризной, странною, причудливою дѣвушкой, очень разсѣянной, мечтательной или, по словамъ Юліи Вячеславовны, „думающей Богъ вѣсть о чемъ.“ Мамашѣ хотѣлось видѣть въ ней барышню, приличную во всѣхъ отношеніяхъ, съ хорошими манерами, въ родѣ ея несравненной Серафимушки. Поэтому она съ жаромъ занималась исправленіемъ Нади до тѣхъ поръ, пока не отчаялась въ успѣхѣ и не махнула на нее рукой. Теперь она ограничивалась лишь тѣмъ, что въ интимныхъ бесѣдахъ распространялась съ глубокимъ сожалѣніемъ объ упрямствѣ дочери и очень мрачными красками рисовала ея будущее. „Ой, бѣда, бѣда!“ говаривала она. „Ужь сломитъ она себѣ шею... Когда нибудь наживемъ мы съ нею хлопотъ...“

Немудрено, что, благодаря муштрованью, Юлія Вячеславовна, съ ея грошовою моралью и съ вѣчными указаніями, какъ дѣвица должна вести себя—надоѣла и наскучила Надѣ. И хотя теперь дѣвушка не слыхала уже отъ матери нравоученій, но, по воспоминаніямъ *о вынесенныхъ* непріятностяхъ, не могла

переломить себя и оставалась холодною къ своей родительницѣ. Къ отцу она относилась безразлично... Старшая сестра вѣчно витала въ мірѣ свѣтскихъ удовольствій. Избалованная въ семьѣ, упоенная лестью и дешевыми успѣхами въ обществѣ, убѣжденная въ могуществѣ своихъ прелестей, Серафимушка съ чужихъ словъ и сама, наконецъ, стала считать себя славою и гордостью своей семьи. Съ высоты ея воздушнаго пьедестала, ей казалось, что она составляетъ чуть ли не центръ всего извѣстнаго ей человѣчества. Узкій эгоизмъ, развившійся въ ней до крайней степени, ставшій ея религіей, нашептывалъ ей, что все должно служить *ей* и быть у *ея* ногъ. И съ удивительною наивностью выказывала она свой эгоизмъ во всей его безобразной наготѣ. Надя чувствовала, что между нею и Серафимушкою лежала пропасть... Сестра Сашенька своею практичностью отталкивала ее отъ себя и охлаждала ея порывы откровенности. Благодаря такой обстановкѣ, произошло то, что по природѣ пылкая, страстная, живая дѣвочка стала мало по малу дѣвушкою молчаливою, сосредоточенною въ самой себѣ, рѣзкою въ обращеніи съ семьянами и притомъ дѣвушкою болѣзненною. Жаръ ея, не находя себѣ исхода, сжигалъ ее самоё, какъ на медленномъ огнѣ. Она становилась все болѣе и болѣе грустною, раздражительною, и эта раздражительность должна была неминуемо отражаться на ея слабомъ здоровьѣ...

Арфа надломилась...

Верюгинъ не счелъ нужнымъ представлять Зоринымъ своего захожаго пріятеля. Въ тотъ же вечеръ, когда Надя посѣщала Тепеньковское, только немного позже, Ѳеофанъ Михайловичъ провожалъ своего гостя. Около полуночи, когда огни уже погасли и все заснуло въ усадьбѣ, они отправились къ рѣкѣ. Густыя облака, высоко нагромоздившіяся, какъ горы, и теперь, ночью, казавшіяся совсѣмъ черными, заволакивали мѣсяцъ, и оттого тѣни еще больше сгущались надъ землею. Въ воздухѣ было тихо; листъ на деревьяхъ не шевелился. Неподвижно и мрачно высились деревья въ саду, словно объятыя дремотою. Порою лишь доносились издалека стоны перепела и завыванія какой-то ночной птицы...

Когда пріятели пришли на берегъ, рѣка въ ночномъ сумракѣ казалась совершенно черною, какъ будто вмѣсто воды въ нее были налиты чернила. Сѣли въ лодку и тихо, осторожно стали пробираться по мелководью. Верюгинъ еще не зналъ хорошо мѣстъ въ рѣкѣ, и поэтому лодка часто набѣгала на камни, а въ концѣ концовъ быстриною ихъ отнесло гораздо ниже того мѣста, куда они разсчитывали пристать. Верюгину удалось, впрочемъ, довольно ловко завернуть подъ ветлы, нависшія надъ берегомъ... Блестящій край мѣсяца въ ту минуту выглянулъ изъ-за облака, но подъ ветлами, гдѣ остановилась лодка, по прежнему царствовалъ мракъ...

— Если уѣду съ утреннимъ поѣздомъ, то завтра къ вечеру буду въ Ряжскѣ?... полувопросительно замѣтилъ Клементьевъ.

Верюгинъ, молча, кивнулъ ему головою.

Гость на прощанье крѣпко сжалъ ему руку, выпрыгнулъ изъ лодки и, продравшись сквозь ветельникъ, въ тотъ же мигъ потонулъ въ ночномъ мракѣ, плотно окутывавшемъ степь...

VI.

Клубокъ разматывается.

На другой день, вечеромъ, послѣ работъ, Верюгинъ нашелъ на балконѣ одну Александру Васильевну, страшно усталую.

— Вы совсѣмъ кажетесь мученицей! замѣтилъ онъ, садясь съ нею рядомъ.

— Да, вотъ кстати... Помните, мы говорили съ вами... начала Сашенька. Вотъ теперь видите: каково легко достается мнѣ!... Иногда сама сѣно пошевелишь, погребешь; иной разъ немного пожнешь,—скучно вѣдь такъ-то сидѣть безъ дѣла. Право, придешь вечеромъ иной разъ домой такая усталая, такая разбитая,—точно руки и ноги отнимаются... Къ тому же, и работы у насъ еще производятся такимъ патріархальнымъ манеромъ, что люди иногда, дѣйствительно, мучатся...

— Теперь вы не злитесь... за то же и я съ вами поговорю серьезно... Хотите? сказалъ Верюгинъ, взглядывая на свою со-

бесѣдницу. Ваши поиски за настоящимъ дѣломъ возбуждаютъ къ вамъ участіе... Мнѣ жаль васъ! Если между нами условлено говорить откровенно... вѣдь, кажется, условлено? пріостановился Верюгинъ.

Дѣвушка, молча, кивнула ему головой.

— Такъ я вамъ скажу, что вы со своимъ теперешнимъ дѣломъ напоминаете крыловскую басню: „Крестьянинъ и Мартышка“... Вы помните ее?

Сашенька помнила эту басню...

Затѣмъ Верюгинъ сталъ говорить о „безплодномъ толченіи воды“ въ Петербургѣ и вообще въ большихъ городахъ, о томъ, что время „болтовни“ уже проходитъ, что люди стали убѣждаться въ безсиліи „щучьяго велѣнья, да нашего прошенья“, что само на свѣтѣ ничего не сдѣлается.

— Здѣсь, въ Висящевѣ, вѣдь вы отрѣшены отъ міра живыхъ! замѣтилъ онъ. Вы не можете слѣдить за ходомъ общественнаго движенія. О настоящемъ вы судите по прошедшему, котораго образчики вамъ приходилось видѣть. Теперь уже произошли большія перемѣны... Вы слишкомъ рано ударились въ отчаяніе!

Въ это время Надя, выйдя на балконъ, вдругъ—къ великому удивленію Верюгина—присѣла на ступеньку у ногъ сестры и спросила:

— Я вамъ не помѣшаю?

— Я думаю, что у насъ секретовъ нѣтъ! промолвилъ Верюгинъ, взглядывая на Сашеньку.

— Конечно! согласилась и та, впрочемъ, съ оттѣнкомъ легкой досады.

— Вы ухватились за сельское хозяйство, какъ за якорь спасенія! продолжалъ Верюгинъ. Я очень хорошо понимаю васъ... но не можетъ быть, чтобы вы были довольны собой...

— Я сама чувствую, что мнѣ не выдержать долго этой роли! перебила его дѣвушка. Я уже подумывала все это бросить и ѣхать въ Петербургъ на медицинскіе курсы...

— Въ чемъ же дѣло? подхватилъ Верюгинъ. Очень хорошо быть врачемъ! Дорога удобная... Но, разумѣется, званіе врача не должно быть единственною цѣлью...

— Конечно! Но прежде всего—учиться и учиться... съ жаромъ заговорила дѣвушка. Ну, что я знаю? Что я могу сдѣ-

лать хорошаго?.. Согласитесь!.. Положимъ, я читала много. Но все таки иной самый простой вопросъ можетъ поставить меня втупикъ! А все оттого, что я не получила систематическаго, основательнаго образованія.

— Боюсь я... началъ Верюгинъ. Я зналъ въ своей жизни людей, которые начинали учиться съ доброю цѣлью и учились такъ долго и такъ прилежно, что наконецъ, повидимому, совсѣмъ забывали эту добрую цѣль. И люди дѣлались самодовольными филистерами, иногда, правда, очень учеными... но что-жъ изъ того!

— Нѣтъ! возразила Сашенька. Я хочу быть полезною и для того хочу знать по возможности больше, потому что безъ знаній я не могу приносить пользы.

— Но вѣдь у васъ уже есть знанія... Подѣлитесь же съ другими тѣмъ, что у васъ есть! замѣтилъ Верюгинъ.

— А если я сама сознаю недостаточность своихъ знаній! упорствовала дѣвушка.

— А сколько народа лишено даже и такихъ неполныхъ, недостаточныхъ знаній, какими обладаете вы! возражалъ онъ. Да, впрочемъ, что жъ... учитесь!.. Только не забудьте: для чего стали учиться...

Все это время Надя внимательно прислушивалась къ разговору, не проронивъ изъ него, повидимому, ни одного слова.

Она ничего не спросила, ничего не сказала. Но зато съ какимъ восторгомъ, сидя въ тотъ вечеръ на берегу, на своемъ любимомъ бугоркѣ подъ елями, сознавала она, что наконецъ-то темная завѣса готова подняться передъ нею, что нашелся человѣкъ, могущій указать ей азбуку для пониманія тѣхъ заколдованныхъ грамотъ, которыя длинною хартіей начинали развиваться передъ нею въ тѣ минуты, когда она сегодня вечеромъ слушала его горячія, убѣдительныя рѣчи. Тѣ рѣчи находили отзывъ въ ея душѣ... Она крѣпко прижимала руки къ груди и пристально всматривалась въ быстро текущія у ногъ ея синія волны, съ однообразнымъ, тихимъ шопотомъ плескавшіяся на песчаную отмель. Вѣчно-юныя, вѣчно-зеленыя ели свѣшивали надъ нею свои мохнатыя, темныя вѣтви. „Онъ скажетъ *правду*! Онъ все скажетъ“... невольно вслухъ вырвалось у Нади. А сердце ея билось такъ быстро-быстро...

А Сашенька? Куда дѣвалась ея строптивость, ея увлеченіе

сельско-хозяйственными задачами?.. Правду сказать, она еще до встрѣчи съ Верюгинымъ уже порядочно охладѣла къ хозяйству, не найдя въ немъ того, чего искала и что могло бы соотвѣтствовать либеральному образу ея мыслей. Нападеніе Верюгина вызвало съ ея стороны отпоръ лишь единственно въ силу привычки, да ради упрямства. Ей показалось что Верюгинъ смѣется надъ нею, хочетъ поучать ее. Она не терпѣла вмѣшательства въ свои дѣла и не выносила нравоученій — особенно отъ посторонняго человѣка. Притомъ же Верюгинъ показался ей однимъ изъ тѣхъ праздношатающихся людей, которыхъ немало развелось въ наше время и которые на словахъ „города берутъ“, а на дѣлѣ – ни съ мѣста. Впрочемъ, со временемъ ей пришлось разубѣдиться относительно Верюгина и признаться въ своей ошибкѣ... Еще до встрѣчи съ нимъ, дѣвушка уже готова была сдѣлать поворотъ отъ своей сельскохозяйственной дѣятельности,—и его разсужденія, сначала принятыя ею враждебно, дали лишь толчокъ ея рѣшимости. Послѣдній же разговоръ покончилъ всѣ ея колебанія... Въ концѣ іюля она поѣдетъ въ Петербургъ. Она, какъ институтка, надѣялась поступить на курсы безъ экзамена. Со стороны родныхъ ей не пришлось выдерживать особенной бури... Юлія Вячеславовна уже дошла до того, что для нея—„хоть трава не расти“.

— Часъ отъ часу не легче! со вздохомъ замѣтила она, услыхавъ отъ Сашеньки объ ея новомъ намѣреніи, и съ кислою усмѣшкою покачала головой.

Въ самомъ дѣлѣ, развѣ ей не все равно: съ мужиками-ли дочь ея будетъ возиться, или станетъ рѣзать трупы, знаться со студентами и „съ тѣми противными стриженными женщинами!“... Эта несчастная maman уже не могла болѣе ничего потерять: кромѣ Серафимушки, дочери были для нея уже потеряны давно— съ тѣхъ поръ, какъ она убѣдилась воочію, что изъ нихъ не удастся сдѣлать барышень съ хорошими манерами, барышень „авантажныхъ“,—по ея собственному выраженію.

— Ха, ха, ха! Это еще что такое! загоготалъ Василій Петровичъ. Опять у тебя новыя выдумки пошли... Не въ политикѣ ли участвовать захотѣлось? Драть бы васъ всѣхъ хорошенько!

— Что это, папаша, какой вздоръ вы городите! хладнокровно возразила ему дѣвушка. Просто, я хочу учиться! Вѣдь

не я—первая, не я—послѣдняя. Вонъ, генеральскія дочери нынѣ учатся...

Неглупая дѣвица была Александра Васильевна. Знала она, какимъ оружіемъ надо было ей сражаться съ отцомъ.

— Ну, что же! топомъ ниже продолжалъ тотъ. И генеральскія дочери всякія бываютъ на свѣтѣ... Только дѣло не въ томъ! Неужто вы думаете, что васъ станутъ приглашать лѣчить? Полно, пожалуйста! Да я первый не позволю дѣвкѣ лѣчить себя! Да это, просто, скандалъ... И неужто вы думаете, что будете хорошими докторами? Никогда!.. Во-первыхъ, у васъ силенки нѣтъ... А, знаешь, иногда доктору-то какую силу нужно имѣть при операціи?

— Ну, хирургію и откиньте! согласилась Сашенька. Хоть о силѣ-то еще можно поспорить... (вставила она между словъ). А лѣченье всѣхъ другихъ болѣзней совершенно доступно женщинѣ. Женщина будетъ даже лучшимъ врачемъ, чѣмъ мужчина... Повѣрьте!

— Никогда не повѣрю, никогда!.. возражалъ Зоринъ. Ни во вѣки вѣковъ не повѣрю... Помилуйте—скажите! А если такой лѣкарь самъ забеременѣетъ... Ну, какъ же тутъ?.. Нѣтъ! Я допускаю, что женщины могутъ быть только акушерками... ну-у! лѣчить, пожалуй, отчасти женскія болѣзни... Это имъ пристало. А при остальныхъ больныхъ быть имъ только—сидѣлками!..

— Ученые люди не такъ рѣшили! замѣтила Сашенька.

— Ваши ученые люди заврались! въ тонъ ей пропѣлъ отецъ. Пусть они сначала сдѣлаютъ, чтобъ вы не брюхатѣли... Вотъ что!

— Василій Петровичъ! Да пощадите же! умоляющимъ тономъ воскликнула Юлія Вячеславовна.

— Ты-то чего кипятишься! съ досадою огрызнулся на нее муженекъ. Сама не брюхатѣла, что ли? (Василій Петровичъ любилъ иногда какимъ нибудь рѣзкимъ словомъ или вольной шуткой „вгонять въ краску“ свою жонушку, помѣшанную на приличіяхъ и бонтонности). Ужь если дѣвицы нынѣ слушаютъ про это, глазомъ не моргнувъ, такъ тебѣ-то и подавно нечего тутъ ахать...

— Я сгорѣла бы со стыда... зашептала Юлія Вячеславовна, копаясь надъ своей рабочей корзинкой.

— Ну, и сгорай себѣ на здоровье, коли охота! съ серьез-

ной комичностью проговорилъ мужъ.—Нѣтъ, матушка! обратившись къ Сашенькѣ, продолжалъ онъ. Сама природа поставила вамъ въ беременности и во всякихъ вашихъ немощахъ такую преграду, что ее же не прейдеши...

— А какъ же бабы-крестьянки до послѣдняго дня работаютъ, а на другой день послѣ родовъ опять ужь принимаются за работу! возразила дѣвушка.

— Нечего сказать—сравнила! воскликнулъ отецъ. Мало-ли что—крестьянки... Вонъ, деревенскіе-то ребятишки зимою бѣгаютъ босикомъ по снѣгу... А вы развѣ пробѣжите!

Василій Петровичъ собственно спорилъ потому, что былъ врагъ всякой эмансипаціи. Даже самое это слово казалось ему ненавистнымъ... Если дѣвица убѣгала съ любовникомъ и дѣлалась его содержанкой, — Василій Петровичъ называлъ ее просто дурой. „Таковская и есть!“... Если жена уходила отъ мужа, тоже была дура, которую слѣдовало бы подвергнуть домашнему наказанію. Но все это были проступки обыкновенные, за которые, по его мнѣнію, казни не полагалось. Но женщина эмансипированная, студентка... Бррр! При этихъ ужасныхъ словахъ, его бросало даже въ холодъ. Понятіе объ эмансипированной женщинѣ „вообще“ являлось для него еще въ довольно расплывчатомъ видѣ. Но студентки... О! *эти* представлялись ему въ самомъ зловѣщемъ свѣтѣ. Стриженыя, въ короткомъ платьѣ, въ очкахъ—хуже, мерзѣе всякихъ кіевскихъ вѣдьмъ. Онъ не видалъ ни разу студентки въ дѣйствительности и не самъ, конечно, выдумалъ ее въ такомъ видѣ: онъ вычиталъ ея описаніе у какого-то романиста... Ему представлялось, что студентка ходитъ, непремѣнно размахивая руками, громко смѣется, заговариваетъ на улицѣ съ мужчинами, приглашаетъ ихъ къ себѣ; вступаетъ въ какія-то „партіи“, участвуетъ въ заговорахъ, въ разныхъ уличныхъ безпорядкахъ, безъ церемоніи бываетъ бита и вообще отличается отъ публичной женщины лишь тѣмъ, что занимается политикой и носитъ очки. Дѣйствительно, такимъ образомъ одинъ романистъ описывалъ нигилистку своего времени (студентокъ тогда еще не было, и онѣ не могли попасть подъ перо размашистаго бытописателя); Василій Петровичъ почему-то разомъ и навсегда черты нигилистки перенесъ и на студентку.

Теперь, отпуская дочь въ Петербургъ, онъ оставался глубоко

убѣжденъ въ томъ, что его Сашенька — вовсе не то, что другія, что она воспитана въ *такихъ* правилахъ (въ какихъ? онъ собственно и самъ не зналъ), что она не можетъ сбиться съ пути истиннаго и „пойти на совѣтъ нечестивыхъ". Онъ никакъ не могъ представить свою дочь въ томъ отвратительномъ, позорномъ видѣ, въ какомъ грезились ему студентки. Для него дочь не будетъ студенткою, но останется по прежнему „Сашенькой". Булькнулъ же онъ ей про политику, просто, ради краснаго словца, а совсѣмъ не потому, чтобы боялся: какъ бы его Сашенька „не попалась". Тѣ, что „попадаются",—дрянныя дѣвчонки, люди совсѣмъ инаго сорта... Нѣтъ! Его безпокоила лишь та мысль: что скажутъ сосѣди, что заговорятъ?... Но замѣчаніе Сашеньки о „генеральскихъ дочеряхъ" попало въ цѣль, заставивъ его утѣшиться и отбросить прочь свои опасенія.

Вечеромъ, возвратившись съ работъ, Верюгинъ нашелъ Сашеньку въ саду на скамьѣ, съ книгою на колѣняхъ. Дѣвушка вкратцѣ передала ему свой разговоръ съ родителями и затѣмъ съ досадою принялась рѣзко критиковать отцовскія воззрѣнія на женскій вопросъ.

— Этакіе допотопные взгляды только и можно, кажется, встрѣтить въ нашей поганой глуши! говорила она. Мнѣ даже просто совѣстно за него, когда онъ начинаетъ такъ говорить...

— Напрасно вы волнуетесь! возражалъ Верюгинъ. Ничего новаго онъ не сказалъ... Онъ повторилъ лишь то, о чемъ уже издавна трубятъ на всѣ лады...

Въ эту минуту, за разговаривавшими послышался легкій шорохъ, и Верюгинъ оглянулся, запнувшись на полусловѣ. За ними стояла Надя.

— Что тебѣ?.. спросила ее сестра.

— Я пришла посидѣть съ тобою... отвѣтила та, не глядя на Верюгина, и тихо присѣла на край скамейки.

Верюгинъ на минуту остановилъ на ней свой взглядъ. Надя сидѣла, слегка опустивъ голову; по ея неловкимъ движеніямъ, по блѣдному, взволнованному лицу можно было догадаться, что ей стоило не малаго труда подойти къ разговаривающимъ. Только страстное желаніе и необыкновенная рѣшимость могли заставить ее преодолѣть ея нелюдимость.

— Я васъ предупреждаю, продолжалъ Ѳеофанъ Михайловичъ, что вездѣ—и въ Петербургѣ—вы можете легко столк-

нуться съ противниками женской самостоятельности, и отъ нихъ вы услышите то же самое, что говорилъ вамъ папаша, только съ тою разницею, можетъ быть, что они станутъ выражаться помягче. Даже между учеными вы найдете противниковъ... Чего же вы хотите отъ степняковъ, изъ которыхъ не всѣ даже и въ гимназіяхъ-то поучились, ограничившись лишь уѣзднымъ училищемъ или какимъ нибудь гувернеромъ. Они только и знаютъ свой „Домострой“... Они прямо говорятъ, что женщина—слаба, глупа и годится только въ кухарки или въ наложницы. Они не сами дошли до этого своимъ умомъ, но получили въ наслѣдство отъ своихъ предковъ вмѣстѣ со всякимъ прочимъ хламомъ. Рабство женщины, это — большое историческое недоразумѣніе. Оно слагалось вѣками, и одному или двумъ поколѣніямъ не подъ силу вырвать его изъ жизни. Нужно, чтобы люди сознали несправедливость и невыгоду этого рабства. Сознаніе—первый шагъ... Въ дѣйствительности, это сознаніе, переходя въ дѣло, можетъ встрѣтить много препятствій, и препятствій до того сильныхъ, что не въ состояніи будетъ разомъ осуществиться на практикѣ. И идея принуждена будетъ на время отступить, но только — „на время“... Идея, разъ сознанная умами, — уже никогда не умираетъ, не исчезаетъ изъ міра. Она постоянно будетъ пытаться перейти изъ области отвлеченной въ жизнь дѣйствительную, будетъ пытаться до тѣхъ поръ, пока не сдѣлается фактомъ, за который станетъ большинство, а противъ котораго очутится лишь незначительная кучка „послѣднихъ могиканъ“... Я, разумѣется, говорю не о женскихъ курсахъ, но вообще о развитіи идеи... Впрочемъ, я, кажется, слишкомъ распространился... Я хотѣлъ только сказать, что вамъ не за что сердиться на папашу и волноваться изъ-за его шутокъ... Право, такъ! Вы смотрите на его рѣчи, какъ на шутки!

— Совершенно согласна съ вами! отозвалась Сашенька. Но вѣдь досадно же слушать, какъ онъ относится къ учащимся женщинамъ. Онъ сравниваетъ ихъ чуть ли не съ самыми дурными женщинами... Иногда даже дрожь возьметъ со злости, какъ онъ начнетъ честить ихъ!... Это ужасно!

— Ничего нѣтъ ужаснаго! перебилъ ее спокойно Верюгинъ. А вотъ вы такъ, кажется,—нервная барышня... Какъ-то ужъ вы съ cadaver'омъ будете ладить! Право... Васъ

смущаетъ грубость, руготня... Да вѣдь вы же знаете, что представителей каждой новой идеи большинство всегда гнало, потому что возвѣщаемая ими идея шла въ разрѣзъ съ установившимся порядкомъ вещей! Развѣ вы не знаете, что такихъ людей въ темницахъ томили, жгли на кострахъ, терзали, мучили,—и каждый, казалось, старался добиться счастія бросить въ нихъ камнемъ или придушить?... Старая исторія! Что же при этомъ значатъ глумленіе и какія нибудь плоскія, глупыя насмѣшки! Сущій вздоръ!... Скажемъ такъ: если вы ищите богатства, почестей, славы,—той славы, что офиціально, такъ сказать, въ трубу трубитъ,—то не сходите съ проторенной широкой дороги, по которой идутъ всѣ. Если вы дорожите родственными узами, личными привязанностями, добрымъ людскимъ мнѣніемъ о себѣ, то опять таки не сходите съ широкой дороги. Людское мнѣніе васъ не пощадитъ... Въ этомъ отношеніи нечего глаза закрывать! Мало того, что перетолкуютъ ваши побужденія, переврутъ самыя ваши дѣйствія... васъ еще оклевещутъ! Станутъ бросать въ васъ не только камнями, но и грязью... Это ужь—такъ!... Впрочемъ, повторяю: это не идетъ къ вашему положенію. Поступить на женскіе курсы можно нынче не только безопасно, но еще, пожалуй, можно стяжать за то одобреніе и похвалы со стороны либераловъ. Развѣ какая нибудь старосвѣтская Пульхерія Ивановна возстаетъ нынче противъ этихъ курсовъ.

Верюгинъ при этомъ повернулся къ своей собесѣдницѣ. Та сидѣла, понуривши, а изъ-за плеча ея онъ увидѣлъ Надю, пристально смотрѣвшую на него. Верюгинъ уловилъ ея лихорадочно горѣвшій взглядъ, яркій румянецъ, разлившійся по щекамъ и, словно, розовымъ налетомъ покрывшій ея шею. Ея рѣсницы слегка дрожали,—будто на глаза ея набѣгали слезы... Дѣвушка быстро отвернулась отъ него, но было уже поздно... Онъ уже видѣлъ свою гудоновскую Діану живою, видѣлъ ее сошедшею съ холоднаго мраморнаго пьедестала. Вотъ тутъ, въ зеленой тѣни деревьевъ, вдругъ очутилась она передъ нимъ во всей силѣ, во всемъ могуществѣ своей классической красоты...

— Конечно, только отсталый человѣкъ можетъ говорить противъ курсовъ! замѣтила Александра Васильевна.

— Но я все таки *повторяю* вамъ: не сердитесь на нихъ!

у бѣдительно проговорилъ Верюгинъ. Во время оно, они васъ подвергли бы пыткамъ, отодрали бы кнутомъ и изувѣченную, пожалуй, еще сожгли бы на кострѣ. Нынче они могутъ только безсильно злобствовать и изрыгать хулы. Оставьте же имъ ихъ насмѣшки и ругательства, если они могутъ утѣшиться тѣмъ въ своемъ пораженіи! Оставьте имъ хоть что нибудь за всѣ ихъ потери—прошлыя, настоящія—и еще болѣе ожидающія ихъ въ близкомъ будущемъ!

— Хорошо резонерствовать, когда вамъ не приходится выслушивать такихъ милыхъ рѣчей! возразила ему Александра Васильевна. Вѣроятно, вы не оставались бы такъ спокойны и разсудительны, еслибы были сегодня утромъ на моемъ мѣстѣ...

— Гм! Неужто вы думаете, что мнѣ не приходилось на своемъ вѣку слыхать ничего подобнаго? усмѣхаясь, заговорилъ Верюгинъ. Приходилось,—увѣряю васъ... и теперь приходится нерѣдко слышать... Сначала я тоже спорилъ, горячился. И меня пронимала дрожь, когда при мнѣ несли всякій вздоръ и чепуху, и мнѣ хотѣлось зажать ротъ противнику однимъ рѣзкимъ словомъ. Да! Повторяю: я самъ волновался... Поэтому я и говорю вамъ теперь, чтобы вы успокоились и понапрасну не впадали въ неистовство... Я убѣдился въ томъ, что ни Демосѳенъ, ни Цицеронъ не могли бы сломить упрямства и живучести человѣческихъ заблужденій. Бороться съ рутиною на словахъ тяжело: рутина слѣпа, глуха и глупа... Сколько есть такихъ людей, которые упрутся въ стѣну лбомъ и преусердно бодаютъ твердый камень. Иному вы докажете его ошибку ясно, убѣдительно, а онъ все таки упрется, какъ быкъ, и—ни съ мѣста!... Неубѣжденные бываютъ двухъ сортовъ: одни изъ нихъ дѣйствительно, изъ-за чада своихъ заблужденій, не видятъ свѣта; другіе же, въ душѣ уже сложившіе оружіе, изъ болѣзненно развитаго самолюбія, продолжаютъ отрицательно качать головою. Первые —жалки, вторые—смѣшны и противны, какъ вообще всякіе лицемѣры. Первые могутъ быть людьми съ очень сильнымъ характеромъ, людьми дѣятельными, по своему честными,—то есть могутъ быть *добрыми* язычниками. Сдѣлавшись обращенными, они становятся ревностными проповѣдниками истины, въ родѣ апостола Павла... Вторые—ни рыба, ни мясо, ни въ городѣ Богданъ—ни въ

селѣ Селифанъ, люди безхарактерные, сотканные изъ тщеславія, легкомыслія и горделивости самой низшей пробы... Да! Такъ вы думаете: вокругъ меня мало такого, что̀ могло бы вывести меня изъ терпѣнія, будь я помоложе... Студентами, бывало, мы цѣлыя ночи спорили. Кто изъ насъ не помнитъ этихъ лихорадочныхъ безсонныхъ ночей! Тутъ и философія, и политика, и идеалы, и жизнь съ ея беззаконіями и безобразіями, жизнь, почти діаметрально противоположная идеалу, вопросы о скудости и богатствѣ, о свободѣ, о братствѣ, — все тутъ обсуждалось рѣзко, горячо, до устали, до изнеможенія... Все это бывало прежде, а теперь прошло!

— А что жъ теперь? спросила Сашенька.

— Теперь діалектическій турниръ меня уже не манитъ, потому что—должно признаться—въ ту пору нѣкоторые изъ насъ немало таки упражнялись въ діалектикѣ. Теперь я узналъ, что мысль, широкіе планы и рѣшимость для ихъ осуществленія родятся и зрѣютъ въ тиши уединенья и вовсе не нуждаются въ шумномъ обществѣ... Будда, Моисей, Магометъ, Аполлоній Тіанскій принесли свое ученіе людямъ не изъ академій, не изъ какихъ нибудь Аѳинъ,—они принесли его изъ безмолвія пустынь, изъ одиночества. И люди, распространявшіе ихъ ученіе и умиравшіе въ мукахъ были не академики, но простые рыбари, люди, жившіе лицомъ къ лицу съ природою и оттого такіе сильные, смѣлые и могучіе...

— Еслибы теперь я могъ также волноваться, какъ во дни о̀ны,—да я просто могъ бы съ ума сойти, немного помолчавъ, проговорилъ Верюгинъ.—Грубыя, циничныя слова вашего папаши, просто, цвѣточки въ сравненіи съ тѣми ягодками, какія разсыпаются вокругъ насъ открыто, устно и печатно...

— Вотъ какъ! Папаша̀ въ васъ еще нашелъ защитника! съ улыбкою сказала Сашенька.

— Еще бы! Вы посмотрите, что̀ пишется нынѣ... продолжалъ онъ. Вы читали кого нибудь изъ нашихъ новѣйшихъ борзописцевъ?

Онъ назвалъ нѣсколько именъ. Дѣвушка отрицательно качнула головой.

— Нѣтъ? Напрасно! съ усмѣшкою промолвилъ Верюгинъ. А вѣдь это—наши *патентованные* мудрецы... Ихъ слушаютъ,

ихъ читаютъ... Вашъ папаша въ сравненіи съ ними болтливый добрякъ—и больше ничего! Онъ скажетъ слово, да тотчасъ же и забудетъ его—ради картъ или охоты. А тѣ—современные фарисеи—только вѣдь тѣмъ и живутъ, что инсинуируютъ, клевещутъ и затемняютъ умы. Въ этомъ, повидимому, ихъ призваніе и слава... Теперь я смотрю на нихъ спокойно, какъ на необходимое зло! Вѣдь мы не сердимся же, напримѣръ, лѣтомъ на мухъ, на комаровъ, на мошекъ! А это—точно такая же тля, живущая какъ бы одинъ лишь вечеръ—въ сравненіи съ вѣчностью... Каждою своею печатною строчкой, каждымъ своимъ словомъ, они даютъ лишь поводъ обличать себя въ лукавствѣ и невѣжествѣ... съ сугубою ясностью.

— Что же, Ѳеофанъ Михайловичъ... На бильярдѣ-то мы сыграемъ съ вами? крикнулъ въ эту минуту съ балкона Василій Петровичъ. Неужто мои дѣвчата еще не наскучили вамъ? Онѣ, пожалуй, рады весь день балагурить... А вы смотрите: партнера у меня не отбивать! грозя пальцемъ барышнямъ, добродушно добавилъ онъ.

— Слышите? Ну, развѣ же это—злодѣй! вполголоса промолвилъ Верюгинъ, усмѣхнувшись и укоризненно посмотрѣвъ на Сашеньку.

Онъ поднялся съ мѣста и пошелъ на зовъ своего любезнаго хозяина.

Въ бильярдной уже были зажжены лампы, и Иванъ Степановичъ, разставивъ шары, помѣстился въ амбразурѣ окна въ ожиданіи игры.

— Удивляюсь: что такое сдѣлалось съ Надей... говорилъ Василій Петровичъ, старательно натирая мѣломъ кончикъ своего кія.

— А что такое? спросилъ Верюгинъ и, слегка прищурившись, выставилъ свой шаръ прямо противъ желтаго.

— Да какъ же! околдовали вы ее, что ли? отозвался хозяинъ. Вѣдь она у насъ не только чужихъ людей—даже своихъ дичится... Право!... Э-э, батенька, вижу, вижу: куда вы мѣтите! Да не удастся... нѣтъ!... и Василій Петровичъ при этомъ прогналъ желтаго вдаль къ самому борту.

— Она, признаться сказать, и меня сторонится... Я, ка-

жется, съ ней еще двухъ словъ не сказалъ... проговорилъ Ѳеофанъ Михайловичъ, кладя краснаго въ уголъ.

— Нѣтъ! Какъ можно... Она васъ не чурается. Я ужь не первый разъ вижу, какъ она сидитъ съ вами и сестрой.... О-о! Это ужь много значитъ... говорилъ Зоринъ. Да вы что же это... обыгрывать! А-а, наконецъ-то!... и ему удалось сдѣлать дуплетъ въ уголъ—его любимый ударъ...

Верюгинъ ужь и самъ не разъ удивлялся, что его „степная Діана "не бѣжитъ отъ него, а напротивъ, повидимому, интересуется его бесѣдами съ Александрой Васильевной. Василій Петровичъ теперь еще болѣе подстрекнулъ его любопытство... Но баринъ окончательно увлекся игрой, и разговоръ о Надѣ, оборвавшись на полусловѣ, уже не продолжался болѣе въ тотъ вечеръ за бильярдомъ.

VII.

Типы нашихъ захолустій.

Надя все пуще и пуще интересовала Верюгина.

Галлерея лицъ, встрѣченныхъ имъ на распутіяхъ жизни, велика, и въ ней есть много прекрасныхъ лицъ, но немногія изъ нихъ поражали его такъ глубоко, такъ полно, какъ образъ этой блѣдной, симпатичной деревенской дѣвушки. И Верюгинъ при всякомъ удобномъ случаѣ разспрашивалъ о ней, когда, разумѣется, приходилось кстати. Онъ уже зналъ, какъ опасно для мужчинъ показаться заинтересованнымъ какою бы то ни было молодою дѣвушкой. Онъ зналъ, что заговори хоть языкомъ ангеловъ—и все таки не увѣришь кумушекъ (мужскаго и женскаго пола) въ томъ, что въ головѣ и мысли нѣтъ объ „амурахъ"... „Разсказывайте сказки! Знаемъ мы!" скептически усмѣхаясь, замѣтятъ ему проницательные читатели. „Старушкою, небось, не заинтересуетесь"... И Верюгину, дѣйствительно, ни за что не убѣдить этихъ глупо хихикающихъ и вѣчно подозрѣвающихъ кумушекъ—въ томъ, что онъ также точно интересовался бы Надей и въ томъ случаѣ, еслибы она была надѣлена всѣми ужасами безобразія... Никто въ мірѣ, кажется, менѣе Верюгина не обращалъ вниманія на красивую оболочку и не придавалъ ей цѣны больше той, какой она заслуживала

по справедливости. Нѣтъ! Въ его Діанѣ было что-то сильнѣе, обаятельнѣе обыкновенныхъ женскихъ прелестей.

— Ваша младшая сестра, кажется,—очень молчаливая особа! сказалъ онъ однажды вечеромъ Александрѣ Васильевнѣ, встрѣтившись съ нею въ саду.

— Да! Она у насъ какая-то странная, Богъ ее знаетъ... отвѣчала ему та.—И совершенный еще ребенокъ.. Мужчинъ, напримѣръ, терпѣть не можетъ. Когда, бывало, посмѣются надъ нею, укажутъ на какого нибудь молодаго человѣка, какъ на ея жениха, или скажутъ: „вотъ ужъ замужъ ее выдадимъ!"— такъ вѣдь, просто, бѣда! Скандалъ!... Покраснѣетъ, взбѣсится, наговоритъ дерзостей—прямо въ лицо, ничѣмъ не постѣснится... Щекотлива-до глупости.

— А давно она по деревнямъ-то странствуетъ? спросилъ Верюгинъ довольно разсѣянно, какъ бы вовсе не интересуясь отвѣтомъ.

— Давно... съ малыхъ лѣтъ она все съ ребятишками... сказала барышня Насъ, вотъ, хоть въ институтъ отдали; мы хоть тамъ кое-чего понахватались, а она—все дома. Она была дѣвочка очень хилая. Все думали, что умретъ... Ну, по причинѣ слабаго здоровья, ее и не отдали въ институтъ и гувернантки съ нея меньше спрашивали, чѣмъ съ насъ. Вотъ и вышло изъ нея такое чудушко... А какъ вы ее находите: не правда ли, вѣдь она очень неразвита? Она не знаетъ самыхъ обыденныхъ вещей, которыя знакомы любому гимназисту перваго или втораго класса...

— Я, право, такъ мало ее знаю, что ничего не могу сказать! уклончиво отозвался Верюгинъ.

— Всѣ родные почему-то думаютъ, что она—не жилица на бѣломъ свѣтѣ... послѣ небольшой паузы продолжала Сашенька. Я этого не думаю... Скрипучее дерево долго живетъ... А мнѣ кажется, что она такъ и останется навсегда полубарышнею,полумужичкою—какою-то дикаркою...

— Она откровенна съ вами? перебилъ ее собесѣдникъ.

— Нѣтъ! усмѣхнувшись, отвѣтила Сашенька. Прежде она говаривала со мной... И, знаете, любимое время для разговоровъ у нея было по ночамъ. Усядется, бывало, ко мнѣ на постель въ ночномъ костюмѣ или вдругъ заходитъ по комнатѣ—и ходитъ, ходитъ... Но однажды я, грѣшный человѣкъ,

посмѣялась надъ ея признаніями. Съ тѣхъ поръ и отъ меня она заперлась на замокъ. Ни гу-гу!.. Упряма, чортъ знаетъ какъ!.. „Ничего же я тебѣ больше не скажу!“ крикнула, знаете, съ такимъ сердцемъ, вся вспыхнула, расплакалась, разрыдалась... Помню: всю ночь тогда она не спала и все что-то бормотала: „Никого, никого“... И сдержала свое слово. Наши разговоры по ночамъ прекратились, и я лишилась навсегда ея довѣрія... съ комическою важностью закончила Сашенька.

Вообще, послѣднему разсказу она придала какой-то смѣшной оттѣнокъ.

— Что же, она передавала вамъ свои мечты, свои планы на будущее? спросилъ Верюгинъ.

— Да! Бредни всякія... нехотя отвѣтила дѣвушка. Не любо—не слушай... Ужасный сумбуръ у нея въ головѣ... Я говорю, напримѣръ: Надя, тебѣ учиться надо: ты ничего не смыслишь!—А вы, говоритъ, съ сестрою учились, да умнѣе оттого не стали... И это у нея выходитъ какъ бы не дерзость, а просто она свое мнѣніе *такъ* высказываетъ!..

— О чемъ же—ея мечты? перебилъ Верюгинъ.

— Да все глупость... Впрочемъ, становится сыро. Пойдемте-ка домой! проговорила Александра Васильевна.

Около этого времени Верюгину случайно пришлось познакомиться съ „Медвѣдемъ“, который впослѣдствіи оказался очень полезнымъ господиномъ.

„Медвѣдемъ“ въ околодкѣ звали Илью Яковлевича Петрищева. Это былъ холостякъ, помѣщикъ средней руки, помѣщиками нелюбимый и многими даже не признаваемый себѣ за рѣвню. Онъ былъ отщепенцемъ, жилъ особнякомъ, на дворянскихъ съѣздахъ его не видали, ни въ какихъ барскихъ затѣяхъ онъ не участвовалъ. Какъ своимъ костюмомъ и образомъ жизни, такъ и своими взглядами и дѣятельностью онъ отличался отъ окрестнаго помѣщичества. Онъ былъ человѣкъ неглупый, кое-чему поучившійся и страшно самолюбивый. Сначала онъ рѣшительно не видалъ никакихъ средствъ для того, чтобы затмить прочихъ своихъ собратьевъ или, по

крайней мѣрѣ, выдѣлиться изъ среды ихъ и внушить къ себѣ чувство уваженія или страха.

Начать съ его наружности... Онъ—средняго роста, худощавъ, съ длинными руками, сутуловатъ,—ходитъ, слегка прихрамывая и вздергивая лѣвое плечо выше праваго. Лицо у него—блѣдновато-желтое, слегка изрытое оспой и съ грубыми, топорными чертами; носъ толстый, въ видѣ груши, сѣрые глаза, при волненіи становившіеся красными—отъ прилива крови; длинные, черные усы съ просѣдью, опущенные книзу; волосы—тоже темные съ просѣдью, всегда выстриженные подъ гребенку, сухіе и жосткіе, стоящіе торчкомъ, какъ щетина. Не смотря на свою неуклюжесть, онъ былъ человѣкъ очень живой, ловкій, подвижной, не лишенный своего рода грубой граціи и довольно сильный, — особенно сильны были его большія и длинныя руки... Но какъ бы то ни было — наружностью онъ не могъ взять. Илья Яковлевичъ и самъ сознавалъ это...

Богатствомъ своимъ онъ также никого удивить не могъ: имѣньице ему досталось отъ отца небольшое, разоренное. Нельзя ему было заводить блестящіе экипажи и ухорскія тройки и а такимъ образомъ сорить деньги. Онъ не могъ ни устраивать пировъ, ни заводить парадныхъ костюмовъ. Служилъ онъ недолго и не надѣялся выслужить никакихъ почестей, ибо онъ былъ человѣкъ честный, правдивый и притомъ страшно упрямый... Лѣтъ 20 тому назадъ, поселившись въ своей Дербенькѣ, Илья Яковлевичъ тотчасъ же увидалъ, что ему придется спрятать свое самолюбіе въ карманъ, если онъ не захочетъ перемѣнить обычнаго барскаго образа жизни. И вотъ понемножку сталъ онъ отдаляться отъ общества помѣщиковъ. Сосѣди рѣдко навѣщали его; онъ и того рѣже показывался къ нимъ. Ему непріятно было разъѣзжать по барскимъ усадьбамъ на парѣ своихъ неказистыхъ лошадокъ, въ досчатой таратаечкѣ; также непріятно было ему показывать и скудость своей домашней обстановки. Мѣстные зубоскалы подсмѣивались надъ его старымъ домомъ съ соломенной кровлей, острили надъ его вихрастыми, толстоногими лошадками, надъ его Аниской, служившимъ ему поваромъ, кучеромъ, плотникомъ, камердинеромъ, скотникомъ и т. д. Илья Яковлевичъ очень хорошо сознавалъ, что онъ не глупѣе и не смѣшнѣе тѣхъ, которые глумились надъ

нимъ. Онъ не могъ и не желалъ прослыть ни подлипалой, ни приживалкой, ни смиреннымъ бѣднякомъ. Самолюбіе не допускало его смириться до унизительной роли—до самоуничиженія... Между тѣмъ, на дворянскихъ съѣздахъ и собраніяхъ ему не давали рта разинуть: никто не слушалъ его, никто вниманія на него не обращалъ, какъ на „мелкопомѣстнаго"... Его постоянно оттирали на задній планъ... Губернскій предводитель однажды въ своемъ кругу съ удивленіемъ подсмѣивался надъ тѣмъ, что Петрищевъ здоровался съ нимъ за руку.

— Илюшка, Илюшка-то... туда же—съ рукою лѣзетъ! говорилъ онъ.

„Ну, ладно! Наплевать же, коли такъ!" сказалъ Петрищевъ самому себѣ и, замкнувшись въ своей Дербенькѣ, сталъ отщепенцемъ, отростилъ бороду, ходилъ по мужицки—лѣтомъ въ сѣромъ полукафтаньѣ, зимою въ дубленомъ полушубкѣ, работалъ на полѣ, научился хорошо пахать, охотился на зайцевъ, на волковъ... Но тутъ, въ минуты одиночества, ему какъ-то пришло на мысль, что жить отшельникомъ—не слѣдъ, что жить такъ, какъ живетъ онъ, тоскливо и безполезно. Онъ вовсе не желалъ, чтобы его забыли и считали мертвымъ, какъ бы похороненнымъ въ его Дербенькѣ. Напротивъ, ему хотѣлось, чтобы о немъ помнили даже и тогда, какъ онъ дѣйствительно ляжетъ въ могилу. Поэтому-то, отрѣшившись отъ барскаго общества, онъ задумалъ пристать къ мужикамъ. Не по знакомству съ исторіей Юлія Цезаря, но собственнымъ умомъ дошелъ онъ до той мысли, что лучше быть первымъ между крестьянами, чѣмъ послѣднимъ среди баръ—и сталъ сближаться съ мужиками. Самъ грубый и нетребовательный, онъ легко вошелъ въ крестьянскую среду. По праздникамъ, онъ ѣздилъ къ знакомымъ мужикамъ въ гости, ходилъ съ ними на охоту, пилъ вмѣстѣ чай и водку и бесѣдовалъ за панибрата, какъ свой человѣкъ. Говорилъ онъ пословицами, поговорками, да не избѣгалъ и крѣпкаго словца. Ему не приходилось „поддѣлываться", ломаться: самъ онъ въ душѣ былъ мужикъ... Крестьяне ходили къ нему за рублями, за лѣкарствомъ, за совѣтомъ. Илья Яковлевичъ хотя не получилъ университетскаго образованія, но все таки знаній у него было больше, чѣмъ у крестьянъ. Онъ даже читалъ газеты... Сколько умѣлъ и сколько могъ, онъ дѣлалъ добро

крестьянамъ. Тутъ-то, заручившись вліяніемъ въ крестьянствѣ, онъ увидалъ, что его личныя цѣли совершенно совпадали съ исконными требованіями справедливости. Онъ почувствовалъ, что нашелъ ту силу, которая—безъ ухарскихъ троекъ съ блестящими переметами, безъ знатности и красоты—можетъ вынести его на верхъ волны житейскаго моря, можетъ дать значеніе ему—„мелкопомѣстному“, можетъ утѣшить его взамѣнъ потери прочихъ земныхъ благъ и, между прочимъ, можетъ даже отомстить за него тупоголовымъ собратьямъ...

И мало по малу въ околодкѣ заговорили объ Ильѣ Яковлевичѣ, какъ о „мужицкомъ предводителѣ“, заговорили такъ шибко, что про него скоро узналъ весь уѣздъ. Онъ былъ избранъ въ земскіе гласные и на собраніяхъ сидѣлъ не съ помѣщиками, не на „почетныхъ“ переднихъ скамьяхъ, но оставался посреди крестьянъ. Въ то время, о которомъ идетъ рѣчь въ моемъ разсказѣ, Петрищевъ справедливо хвалился, что въ земскомъ собраніи его партія—самая большая. Дѣйствительно, крестьяне-гласные составляли почти двѣ трети земскаго собранія. Во время антрактовъ, Илья Яковлевичъ добросовѣстно разъяснялъ крестьянамъ значеніе того или другаго предложенія... Помѣщики по прежнему звали его „Медвѣдемъ“, но смѣялись надъ нимъ уже не спроста, не шутки ради, а со злости и досады. Его ненавидѣли, но уже не могли презирать, ибо съ нимъ приходилось считаться, да еще часто считаться безуспѣшно и нести пораженія... Петрищевъ добился таки своего.

Когда онъ нападалъ на земскую управу или ратовалъ за крестьянскіе интересы противъ предложеній гласныхъ-дворянъ, тогда стоило посмотрѣть на него. Густымъ басомъ гремѣлъ онъ со своей скамьи, не краснорѣчиво, не блестяще, но сильно и метко поражая своихъ противниковъ... Онъ размахивалъ своими длинными ручищами, взбивалъ свою сивую бороду и ужасно ерошилъ свои и безъ того всегда взъерошенные волосы. Въ эти минуты онъ казался выше и красивѣе, чѣмъ былъ на самомъ дѣлѣ... Онъ говорилъ просто, кратко, но иногда съ повтореніями—для того чтобы усилить свою мысль и вѣрнѣе довести ее до сознанія слушателей. Крестьяне разумѣли каждое его слово...

Однажды, когда Верюгинъ былъ на работахъ, день выдался

ясный и жаркій. Верюгину страшно хотѣлось пить, а въ степи, гдѣ онъ ходилъ на ту пору, какъ на грѣхъ, не встрѣчалось ни одного родника. Въ полуверстѣ виднѣлся хуторъ— и туда-то отправился за водою Ѳеофанъ Михайловичъ со своей походною фляжкою. Онъ уже узналъ, что это—Дербенька, резиденція „мужицкаго предводителя", и шелъ теперь на хуторъ не безъ тайной надежды увидать это странное существо, о которомъ уже немало слыхалъ диковинокъ и отъ m-me Маркушевой, и отъ Зориныхъ.

Хуторъ глядѣлъ съ виду очень простовато. Господскій домъ съ соломенною кровлею представлялъ собою избу, лишь съ тою разницей, что при ней не имѣлось крытаго двора, да окна въ ней были побольше, чѣмъ въ обыкновенной крестьянской избѣ. Въ старомъ, низкомъ и очень длинномъ строеніи— неподалеку отъ дома—помѣщались: каретникъ, конюшни и скотный дворъ. Между этимъ строеніемъ и домомъ находилась погребушка, вырытая въ землѣ и покрытая дерномъ... Хуторъ стоялъ посреди голой степи, на юру: ни сада, никакого другаго жилья при немъ не было видно. Двѣ-три жалкія ветелки зеленѣли позади барскаго дома, а за ними тянулась рига съ ворохами соломы. Дворъ отъ степи ничѣмъ не отгораживался, и на дворѣ противъ дома находился большой колодецъ.

Въ то время какъ Верюгинъ пришелъ на хуторъ, подлѣ колодца стоялъ самъ хозяинъ, опершись ногою на колодезный срубъ и покуривая трубку. Онъ былъ безъ шапки, въ свѣтлой ситцевой рубахѣ „на выпускъ", въ какой-то желтовато-грязной поддёвкѣ и въ сѣрыхъ штанахъ, заправленныхъ въ длинные сапоги. Изъ-подъ руки посмотрѣлъ онъ на приближавшагося Верюгина, не перемѣняя позы и не выпуская изо рта трубочки. По желтовато-блѣдному лицу, по длиннымъ чернымъ усамъ и по одеждѣ Верюгинъ тотчасъ же догадался, что видитъ передъ собой самого „мужицкаго предводителя".

— За водой пришелъ къ вамъ... До смерти пить хочется! промолвилъ онъ, подходя къ колодцу и поздоровавшись съ хозяиномъ.

— Сами достанете или вамъ начерпать? спросилъ тотъ.

Верюгинъ сказалъ, что онъ съумѣетъ достать самъ. Пока онъ пилъ и наполнялъ свою фляжку студеною водою, Медвѣдь пристально, съ недовѣрчивостью, искоса посматривалъ на него.

— Вѣроятно, вы—землемѣръ? спросилъ хозяинъ.

Верюгинъ отвѣчалъ утвердительно. Землемѣръ, повидимому, понравился Медвѣдю, потому что морщины на лбу его поразгладились и сѣрые глаза его, до тѣхъ поръ смотрѣвшіе угрюмо, стали посвѣтлѣе.

— Устали? Не хотите ли зайти въ домъ? предложилъ онъ.

Верюгинъ усталъ, вспотѣлъ, не прочь былъ выкурить папиросу гдѣ нибудь въ тѣни и думалъ, что онъ можетъ на минуту зайти въ домъ, такъ какъ ничто, кромѣ его соломенной кровли, здѣсь не давало тѣни.

— Я слышалъ, вы—у Зориныхъ теперь... Ну, что—какъ „машеры“ поживаютъ? грубо-насмѣшливо говорилъ Петрищевъ, пока они шли къ дому.

Верюгинъ сказалъ, что Зорины живы и здоровы.

— Знаю я ихъ... взбалмошные, съ придурью! Впрочемъ, есть хуже ихъ... отрывисто говорилъ хозяинъ. Самъ-то лежебокъ, а жонушка все нюни распускаетъ... Дочерей не знаю... Старшую только видалъ въ городѣ... Настоящая герцогиня! Хвостъ—во-о какой!.. (Петрищевъ широко размахнулъ руками). Подоломъ пыль такъ и мететъ... Ха!

— Садитесь лучше на лавку! Стулья-то всѣ поломаны... сказалъ Илья Яковлевичъ, вводя гостя въ комнату.

Комната была довольно большая, съ бревенчатыми стѣнами и съ самою разнокалиберною мебелью. Тутъ были стулья съ плетеными и деревянными сидѣньями, шкапъ съ полустекляннною дверью, красный, грубо выкрашенный столъ и лавки кругомъ стѣнъ. На стѣнахъ висѣли: картинка, написанная масляными красками, изображающая Лазаря у порога богача, старинная гравюра—видъ могилы Наполеона I на островѣ св. Елены и портретъ генерала Ермолова. Въ переднемъ углу, вмѣсто образовъ, висѣлъ большой старинный мѣдный крестъ, съ изображеніемъ на немъ распятаго Христа. За крестомъ была заткнута сухая верба... Въ растворенныя двери видна была другая—маленькая комната въ одно окно, съ простымъ деревяннымъ столомъ, очевидно, служившая кабинетомъ; тутъ стояла деревянная некрашеная кровать, съ одной кожаною подушкою и съ войлокомъ вмѣсто постели. На стѣнѣ видно было нѣсколько ружей, пистолетовъ, охотничій рогъ, а стѣна

около кровати была вся завѣшена темнобурою шкурою большаго, „матёраго“ медвѣдя.

— Хата у меня не велика, да и я не великъ человѣкъ... Съ меня будетъ! говорилъ Петрищевъ, садясь противъ гостя на лавку. Живу одинъ... Только вотъ нынче племянникъ пріѣхалъ погостить на лѣто... Кончилъ въ гимназіи, отдохнуть захотѣлъ... Убѣжалъ теперь куда-то въ поле. Замучили, говоритъ, древніе языки... Да скоро ли же ихъ, въ самомъ дѣлѣ, уберутъ? Пора бы, кажется... Побаловались—и шабашъ!..

Верюгинъ намѣревался просидѣть „минуту“, а просидѣлъ между тѣмъ часа два и не видалъ, какъ прошло время. Онъ наконецъ взглянулъ на часы и собрался уходить...

— Ну, я свое дѣло сдѣлалъ, предостерегъ васъ... теперь ужь вы сами, какъ знаете... говорилъ Медвѣдь, провожая его на крыльцо.

— Спасибо, спасибо! промолвилъ тотъ, пожимая хозяину руку.

— Право! продолжалъ Петрищевъ. Вѣдь у насъ изъ мухи слона дѣлаютъ...

— А зато слона не примѣчаютъ... съ усмѣшкою отозвался Верюгинъ.—Надѣюсь видѣться съ вами въ городѣ... добавилъ онъ.

— Очень, очень радъ! пробасилъ Медвѣдь, крѣпко потрясая ему руку.

— А когда у васъ начнется сессія?

— Въ началѣ октября! отвѣтилъ хозяинъ. Не забудьте же: я останавливаюсь у мѣщанина Непьянова, противъ склада.

„Нашего полку отовсюду прибываетъ!“ говорилъ про себя Верюгинъ, идя по раскаленной степи, подъ горячими лучами яркаго лѣтняго солнца...

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ КНИГИ.

ДЖІАКОМО ЛЕОПАРДИ.

(*Окончаніе.*)

Леопарди вообще больше жалѣлъ людей, чѣмъ издѣвался надъ ними. Онъ даже извинялъ ихъ, если только въ порокахъ людей могъ найти тему выступить противъ природы, судьбы. Леопарди не столько мизантропъ, сколько теофобъ. Вотъ почему онъ чаще всего возвращается къ несчастіямъ людей. Вотъ, напр., „Dialogo della Terra e della Luna". Праздношатающаяся Земля желаетъ знать, что происходитъ на Лунѣ, и удивляется, узнавъ, что Луна населена существами, которыя ни въ чемъ не похожи на людей, которыя не знаютъ ни войнъ, ни земледѣлія. Въ этомъ лунные народы, дѣйствительно, замѣчательны; но когда Земля спрашиваетъ, знаютъ ли лунныя существа пороки, преступленія, страданія, старость и проч., то Луна сознается, что они—жертва всѣхъ этихъ золъ, и, по ея свѣдѣніямъ, то же самое происходитъ и въ остальныхъ частяхъ вселенной. Итакъ, по Леопарди, страданіе есть та основная черта, которая одинаково присуща всѣмъ вообще существамъ.

Сойдемъ на землю и посмотримъ, въ чемъ заключается „Пари Прометея" (La scomessa di Prometeo). Прометей недоволенъ. Музы надѣлили вѣнками Вакха, Минерву, Вулкана за то, что они изобрѣли: одинъ—вино, другая—масло, третій—печь, а фабрикантъ людей не удостоился даже почетнаго отзыва. Онъ жалуется Момусу, и такъ какъ этотъ послѣдній недовѣрчиво покачиваетъ головой, то Прометей обязуется немедленно показать ему все превосходство своего изобрѣтенія. Устраивается пари, и оба отправляются за свѣдѣніями. Въ Америкѣ они встрѣчаютъ дикаго, который закусываетъ своимъ сыномъ, причемъ объясняетъ имъ, какъ его собственная семья служитъ ему пищей. Оба спорщика отправляются въ Индію, гдѣ видятъ, какъ молодая жена погибаетъ на кострѣ своего мужа,—пьяницы, котораго она терпѣть не могла. Прометей не хочетъ сдаться и говоритъ: „это варвары". Они являются въ Лондонъ,

въ самый центръ цивилизаціи. Передъ дверью дома они видятъ толпу людей. Путешественники входятъ и видятъ три трупа. Оказывается, что это—англійскій лордъ, который, въ припадкѣ силина, убилъ двухъ своихъ сыновей и, поручивъ вниманію друга двухъ своихъ собакъ, застрѣлился. Прометей отказывается отъ дальнѣйшихъ путешествій и признаетъ себя побѣжденнымъ. Леопарди замѣчаетъ, что вся эта исторія не выдумана, а дѣйствительно была, и заключаетъ, обвиняя не безуміе или порочность людей, а природу, которая сдѣлала ихъ такими несчастными.

Итакъ, отъ природы исходитъ все зло; но зачѣмъ, съ какой цѣлью? Безсиліе это или просто хитрость? Вотъ что̀ именно спрашиваетъ странствующій исландецъ у самой природы (Dialogo della Natura e di un Islandese), встрѣтивъ ее въ Африкѣ, убѣгая отъ прелестей жизни въ Исландіи. Этотъ исландецъ, рѣшительно напоминающій самого Леопарди, весьма недоволенъ природой и начинаетъ съ формальнаго обвинительнаго акта. Убѣжденный съ дѣтства въ невозможности быть счастливымъ, онъ ограничивается желаніемъ не быть несчастнымъ. Противъ общественныхъ золъ онъ нашелъ лѣкарство—уединеніе; но ничто не могло его гарантировать противъ природы. Онъ принужденъ былъ задыхаться отъ жары лѣтомъ, зимой дрожать отъ холода. Напрасно искалъ онъ страну, гдѣ бы можно было жить: въ одномъ мѣстѣ вѣчные льды, въ другомъ—невозможный жаръ, вездѣ бури, землетрясенія, дикіе звѣри, невыносимыя насѣкомыя; однимъ словомъ, вездѣ—невозможность существовать. Онъ находитъ, что природа, отправивъ его жить въ этомъ мірѣ, должна была бы позаботиться объ немъ, но она этого не дѣлаетъ. На это Природа отвѣчаетъ ему, что она занята вертѣніемъ колеса вселенной, гдѣ смерть питается насчетъ жизни, а жизнь—насчетъ смерти. Тогда исландецъ спрашиваетъ, зачѣмъ это надо? Неизвѣстно, что̀ отвѣчала бы на это Природа, еслибы два льва не явились весьма кстати и не съѣли исландца, въ ожиданіи того момента, когда сами они погибнутъ отъ голода. Основная мысль этого памфлета, можетъ быть, была взята Леопарди у Брунето Латини, который встрѣчаетъ Природу на верхушкѣ Пиринеевъ; вѣроятно, однако, что Леопарди заимствовалъ идею изъ того мѣста „Лузіады“, гдѣ появляется великанъ бурь,—на это мѣсто указываетъ самъ Леопарди. Впрочемъ, эта тема до такой степени обща и всемірна, — что было бы излишне искать заимствованій; Леопарди могъ ее встрѣтить въ собственномъ сердцѣ, и для этого ему не нужно было искать ее ни у Брунето Латини, ни у Камоэнса, ни у Плинія, ни у Бюффона, ни даже у Іова.

Жизнь—зло;—прекрасно; но бываетъ ли она зломъ въ каж-

дый моментъ существованія? Можетъ ли счастіе, какъ бы оно ни было мгновенно, найти въ ней мѣсто? Вотъ вопросъ, который разрабатываетъ Леопарди послѣдовательно въ другихъ памфлетахъ. Вотъ, напр., „Dialogo di Malambruno et di Farfarello". Малам-бруно, волшебникъ, имѣетъ къ своимъ услугамъ всѣ адскія силы. Онъ требуетъ отъ чертенка, который прибѣгаетъ на его зовъ,— не богатства, не величія, не удовольствій, но только одного момента счастія. Чертенокъ по всей совѣсти объявляетъ ему, что это невозможно, ибо желаніе счастія неутолимо, и нельзя быть счастливымъ, пока это желаніе не удовлетворено. Чертенокъ, между прочимъ, порядкомъ прохаживается насчетъ женщинъ. „Не хочешь ли ты, чтобы я отдалъ въ твое распоряженіе женщину, болѣе мудрую, чѣмъ Пенелопа?—Нѣтъ, отвѣчаетъ волшебникъ; думаешь ли ты, что на такое дѣло нужна помощь чорта?" Итакъ, если счастіе невозможно, то поищемъ, нѣтъ ли средства быть возможно менѣе несчастнымъ. Прежде всего, само собою разумѣется, что было бы безуміемъ стараться продлить жизнь: это то и сообщаетъ одинъ метафизикъ физику, нашедшему всемірную панацею (Dialogo di un Fisico e di un Metafisico). Въ ожиданіи смерти, мудрецъ ищетъ средствъ какъ нибудь забыть жизнь: въ сущности, всѣ люди озабочены только этимъ. Здѣсь опять таки Леопарди встрѣчается съ Паскалемъ; оба говорили одинаково краснорѣчиво о скукѣ, оба считали ее высшимъ недугомъ человѣка и какъ бы печатью его превосходства. Леопарди не разъ говоритъ, что даже страданіе предпочитаетъ скукѣ; тѣмъ болѣе предпочитаетъ онъ волненія, безпокойства и даже опасности активной жизни. Такимъ образомъ, этотъ одинокій созерцатель, не находящій въ своихъ теоретическихъ воззрѣніяхъ никакой цѣли для человѣческой дѣятельности,—отыскиваетъ этимъ косвеннымъ путемъ здравый смыслъ и совѣтуетъ пользоваться временемъ, съ цѣлью избѣжать тяжелаго сознанія бездѣлья. Опасность, по его мнѣнію, даже лучшее лѣкарство противъ скуки, чѣмъ трудъ. Ту же идею онъ уже высказалъ раньше въ одѣ побѣдителю игры въ мячъ (A un vincitore nel pallone); ее же мы находимъ въ памфлетѣ, озаглавленномъ: „Dialogo di Cristoforo Colombo e di Pietro Gutierrez". Берегъ новаго свѣта точно убѣгаетъ отъ смѣлаго мореплавателя; его товарищи приходятъ въ уныніе, да и самъ онъ принужденъ сознаться, что успѣхъ предпріятія несовсѣмъ несомнѣненъ. „Но даже и въ томъ случаѣ,—говоритъ онъ,—когда мы изъ этого мореплаванія не извлечемъ никакой пользы, то и тогда оно принесетъ намъ пользу, ибо оно развлечетъ насъ отъ скуки, примиритъ насъ съ жизнью и заставитъ цѣнить такія вещи,

на которыя прежде мы не обращали никакого вниманія". Такая точка зрѣнія, еслибы она давала право рисковать жизнью и другихъ,—не всѣмъ, очевидно, пришлась бы по вкусу. Что сказали бы мы о завоевателѣ, который оправдывалъ бы свои завоеванія тѣмъ, что онъ искалъ развлеченія?

Тѣмъ не менѣе, остается еще одна иллюзія: легче отрѣшиться отъ любви къ жизни, чѣмъ отъ любви къ славѣ. „Обаяніе славы такъ велико,—говоритъ Паскаль,—что къ чему бы мы ее ни привязывали, даже къ смерти,—мы ее все таки любимъ". Леопарди и самъ не разъ сознается, что имѣетъ слабость къ славѣ. Поэтому, желая въ корнѣ уничтожить эту иллюзію, онъ пишетъ цѣлый, довольно пространный трактатъ („Il Parini, ovvero della Gloria"),—опять таки въ формѣ памфлета. Въ этомъ памфлетѣ онъ пользуется всею своею діалектикой. Мы не имѣемъ трактата о славѣ, написаннаго Цицерономъ и потерянаго въ XIV столѣтіи однимъ изъ друзей Петрарки; но можно навѣрное сказать, что трактатъ на тотъ же сюжетъ Леопарди—есть формальное опроверженіе Цицерона. Прежде всего, Леопарди ограничиваетъ вопросъ литературной славой, которую объявляетъ,ссылаясь на древнихъ, приманкою болѣе низшаго порядка, чѣмъ слава великихъ дѣлъ. Но, можетъ быть,эти лавровые вѣнки втораго порядка легче пріобрѣтаются? Совсѣмъ нѣтъ. Сколько трудовъ мы должны преодолѣть, прежде чѣмъ сдѣлаемся писателями! Сколько приходится устранять затрудненій, сколько завистниковъ приходится заставить молчать, прежде чѣмъ писатель сдѣлается извѣстнымъ публикѣ съ какой либо надеждой на безпристрастный судъ! Масса читателей зѣваетъ надъ книгой или же хвалитъ, не читая. Для того чтобы судить о стилѣ, нужна цѣлая наука, и это обстоятельство значительно сокращаетъ число знатоковъ. Если, къ тому же, принять во вниманіе, что рядомъ съ формою есть еще содержаніе, и что всякое значительное сочиненіе требуетъ отъ критика спеціальнаго знанія,—то легко понять, какъ долженъ быть ничтоженъ трибуналъ, призванный рѣшать достоинства писателя. Но справедливъ-ли этотъ трибуналъ? И, во-первыхъ, всякій критикъ—даже компетентный—судитъ, подчиняясь минутному впечатлѣнію, вкусамъ, образовавшимся годами и обстоятельствами. Молодой человѣкъ любитъ блескъ, старикъ—нечувствителенъ къ блеску. Извѣстность пріобрѣтается въ большихъ городахъ, а тамъ-то именно, какъ сердце, такъ и умъ, болѣе чѣмъ гдѣ бы то ни было истасканы. Такимъ образомъ, первое ложное сужденіе можетъ сдѣлаться окончательнымъ, ибо, если справедливо, что хорошія сочиненія нужно перечитывать, то не менѣе справед-

ливо и то, что въ наше время никто не перечитываетъ хорошихъ книгъ. Но предположимъ самый благопріятный случай: писатель, благодаря компетентному суду нѣкоторыхъ изъ своихъ современниковъ,—находится на пути сдѣлаться великимъ человѣкомъ. Что такое великій человѣкъ? Звукъ пустой, вскорѣ ничего не означающій. Представленіе о прекрасномъ измѣняется вмѣстѣ съ временемъ, и литературная слава подвержена этимъ измѣненіямъ; что же касается до сочиненій научныхъ, то они роковымъ образомъ старѣютъ и забываются. Самый плохой математикъ нашего времени гораздо лучше знаетъ математику, чѣмъ Галилей или Ньютонъ. Поэтому слава—пустая тѣнь, а геній—даръ, гибельный для того, кто его получилъ. Такова, приблизительно, сѣть аргументовъ, съ помощью которыхъ Леопарди намѣревается охватить и затѣмъ парализовать благороднѣйшіе инстинкты человѣка; но къ нимъ нельзя прикоснуться, не раздирая самой сѣти. Писать противъ славы невозможно, не впадая въ противорѣчіе, ибо, какъ сказалъ Паскаль, послѣ Цицерона и Монтэня, „даже философы любятъ славу, а тѣ, которые пишутъ противъ славы, тайно стараются заслужить славу хорошихъ писателей.“

Впрочемъ Леопарди не думаетъ обманывать ни себя, ни другихъ. Его личность свободнѣе и вѣрнѣе запечатлѣлась въ „Detti memorabili di Filippo Ottonieri,“—сборникѣ отрывочныхъ мыслей, чуть-чуть связанныхъ внѣшнимъ содержаніемъ, на манеръ Ксенофонта. Тутъ новый Сократъ является самымъ неисправимымъ пессимистомъ, совершенно не заботящимся о существованіи, но когда онъ проэктируетъ свою эпитафію, то старается дать понять, что хотя онъ и жилъ безполезнымъ и безвѣстнымъ, но чувствовалъ себя „рожденнымъ для добродѣтели и для славы“. Послѣ всего этого злословія противъ жизни, Леопарди старается украсить цвѣтами входъ въ могилу. Смерть—далеко не то, что думаетъ толпа: — послѣднее и самое ужасное страданіе; это — скорѣе сонъ, начинающійся пріятной слабостью и продолжающійся въ вѣчномъ покоѣ уничтоженія. Спросите этихъ мумій, которыя просыпаются на четверть часа въ кабинетѣ доктора Рюйша (Dialogo di Federico Ruysch e delle sue Mummie): онѣ воспѣваютъ безсознательный досугъ, доставляемый имъ смертью, и засыпаютъ снова, не жалѣя жизни.

Леопарди могъ ошибаться, но онъ былъ безусловно искренъ, и это обстоятельство оправдываетъ его въ глазахъ потомства. Тѣмъ не менѣе, онъ какъ бы опасался нападеній и строгости критики. Въ свою защиту или, вѣрнѣе, въ свое оправданіе онъ написалъ „Dialogo di Timandro e di Eleandro“. Но едва ли эта

защита могла ему послужить на пользу. Элеандръ, т. е. самъ Леопарди, страшно обманывается насчетъ окончательнаго впечатлѣнія, которое должны произвести его философскія произведенія. Онъ считаетъ себя вторымъ Демокритомъ: онъ, въ самомъ дѣлѣ, полагаетъ, что вышутилъ все зло человѣчества, чтобы не плакать надъ нимъ, и боится только одного—чтобы не подумали, что онъ издѣвался въ самомъ дѣлѣ. Существуетъ и другое обвиненіе, противъ котораго онъ защищается еще слабѣе. Ужь если онъ увѣренъ, что истина — врагъ счастія, если онъ совѣтуетъ тѣмъ, кто хочетъ быть счастливымъ,—сохранять свои иллюзіи, то проповѣдывая то, что онъ считаетъ истиной, развѣ не работаетъ онъ для увеличенія страданій людей? Во всякомъ случаѣ, въ этомъ памфлетѣ онъ не отступается ни отъ одного изъ своихъ мнѣній. Онъ заявляетъ, что его отчаяніе „полно, постоянно, основано на зрѣломъ сужденіи и на увѣренности.“ Съ этимъ рѣшительнымъ видомъ новая философія вышла въ міръ въ 1827 году.

Въ это, приблизительно, время онъ жилъ во Флоренціи, гдѣ познакомился съ Манцони. Нибуръ предлагалъ ему каѳедру въ берлинскомъ университетѣ, но состояніе его здоровья не только не позволило принять это предложеніе, но и жить дольше во Флоренціи. Онъ возвратился въ Реканати, окончивъ съ трудомъ свою „Поэтическую хрестоматію“. Пребываніе въ Реканати имѣло свое обычное слѣдствіе: страстное желаніе удалиться изъ этого ненавистнаго ему мѣста, тѣмъ болѣе, что его братъ Карло женился въ 1829 году, и такимъ образомъ онъ лишился единственнаго человѣка, съ которымъ могъ говорить по душѣ. Къ тому же и друзья его не давали ему покоя. Джіордани спрашивалъ его: неужели онъ думаетъ, въ самомъ дѣлѣ, окончательно похоронить себя въ Реканати? Коллета ожидалъ его во Флоренціи, чтобы окончательно привести въ порядокъ его „Исторію Неаполитанскаго королевства“, профессоръ Томазини совѣтовалъ ему климатъ Пармы. Одно время, дѣло шло о томъ, чтобы дать Леопарди каѳедру естественной исторіи въ Пармскомъ университетѣ,—единственную каѳедру, бывшую вакантной: такъ была велика вѣра въ обширность его ума и въ универсальность его способностей. Но ни одинъ изъ этихъ проэктовъ не могъ быть приведенъ въ исполненіе. Приговоренный болѣзнью къ бездѣйствію, Леопарди создавалъ въ своемъ воображеніи цѣлыя новыя произведенія и проэкты, которымъ не суждено было осуществиться. Его худоба была чрезвычайна и нѣчто въ родѣ нервной лихорадки не давало ему покоя ни днемъ, ни ночью. Въ такомъ состояніи, онъ снова принялся за поэзію. Онъ считалъ себя на краю гроба и захотѣлъ еще разъ

пережить лучшіе моменты своей жизни; отсюда его „Ricordanze". Стихотвореніе это превосходно знакомитъ читателя съ поэтомъ и, кромѣ того, въ немъ лучше и полнѣе, чѣмъ въ другихъ, искусство сливается съ біеніемъ его сердца. Позволяю себѣ, поэтому, привести его цѣликомъ, въ дословномъ переводѣ:

„Прелестныя звѣзды Медвѣдицы, я не думалъ, что возвращусь еще къ привычкѣ поглядѣть, какъ вы блестите надъ отцовскимъ садомъ, и бесѣдовать съ вами черезъ окно этого жилища, гдѣ прошло мое дѣтство и гдѣ я увидѣлъ конецъ всѣхъ моихъ радостей. Сколько образовъ, сколько грёзъ вызывалъ въ моей душѣ вашъ видъ и видъ свѣтилъ, сопровождающихъ васъ, въ то время, когда, молча, сидя на зеленой травѣ, я имѣлъ привычку проводить большую часть вечеровъ въ созерцаніи неба и въ слушаніи кваканья лягушекъ, спрятанныхъ вдали, въ полѣ! Свѣтлякъ блуждалъ вдоль изгороди, по верхушкѣ борозды; вѣтеръ шумѣлъ въ благоухающихъ аллеяхъ и качалъ кипарисы въ лѣсу; въ отцовскомъ домѣ слышны были голоса и видно было, какъ слуги заняты своимъ дѣломъ. Какія широкія мысли, какіе обаятельные сны внушалъ мнѣ видъ этого отдаленнаго моря, этихъ синихъ горъ, которыя видны отсюда и черезъ которыя я надѣялся пройти, чтобы достичь невѣдомыхъ міровъ, невѣдомаго блаженства, о которомъ мечталъ! Я не зналъ моей судьбы, я не зналъ, что не разъ пожелаю отдать за смерть эту голую, печальную жизнь."

„Сердце не говорило мнѣ, что я проведу мою молодость въ этомъ дикомъ городкѣ, гдѣ я родился среди грубыхъ людей, для которыхъ знаніе и наука—одни лишь слова, а часто—предметъ насмѣшекъ и шутокъ; которые ненавидятъ меня и бѣгаютъ отъ меня, не изъ зависти, потому что они не считаютъ меня выше себя, но потому что они предполагаютъ, что въ глубинѣ сердца я дѣйствительно думаю это, хотя и не оспариваю этого никакимъ наружнымъ признакомъ. Здѣсь я провожу годы, оставленный, похороненный,безъ любви, безъ жизни; время ожесточаетъ меня противъ этой враждебной толпы; я теряю привязанности и добродѣтель и принимаюсь презирать людей, судя о нихъ по той толпѣ, которая меня окружаетъ; и въ это время драгоцѣнный возрастъ юности уходитъ,—драгоцѣннѣе славы и лавроваго вѣнка, чище дневнаго свѣта, чище самой жизни. Я теряю тебя, безъ радостей, безполезно, въ этомъ дикомъ мѣстѣ, единственный цвѣтокъ бытія!"

„Вѣтеръ приноситъ мнѣ звукъ часовъ, ударяющихъ на башнѣ. Этотъ звонъ,—помню,—успокоивалъ меня во время моихъ дѣтскихъ ночей, когда, забравшись въ мракъ моей комнаты, пугаемый по-

стоянными ужасами, я бодрствовалъ, дожидаясь утра. Все, что поражаетъ здѣсь мой взоръ или слухъ,—все возбуждаетъ во мнѣ образы прошлаго или дорогія воспоминанія, дорогія сами по себѣ; но боль примѣшивается къ нимъ съ мыслью о настоящемъ, съ безплоднымъ сожалѣніемъ прошлаго, при печальномъ словѣ: я былъ! Эта терраса, обращенная къ догорающимъ лучамъ солнца, эти стѣны, гдѣ кисть изобразила стада и восходящее солнце надъ пустыннымъ пространствомъ: всѣ эти предметы увлекали мое бездѣятельное воображеніе, когда, слѣдя за мной рядомъ иллюзій, бесѣдовали со мною и подавляли меня. Въ этихъ античныхъ залахъ, при отблескахъ снѣга, когда вѣтеръ бушевалъ у этихъ громадныхъ оконъ, раздавались мои игры и радостныя восклицанія, въ тотъ возрастъ, когда жестокая, ужасная тайна вещей кажется намъ полною привлекательности. Подобно неопытному любовнику, юноша привѣтствуетъ взорами эту обманчивую жизнь,—еще не тронутую, не замаранную;—и восторгается божественною красотою, которую онъ самъ же и создаетъ."

„О, надежда, надежда! Прелестныя иллюзіи моего сердца! всегда, какъ только начинаю говорить, обращаюсь къ вамъ, потому что, не смотря на ходъ времени, мѣняя привязанности и мысли, я не въ состояніи забыть васъ. Я понимаю, что слава и честь—призраки; удовольствія, блага ограничиваются желаніемъ: жизнь не имѣетъ плодовъ,—это безплодная нищета. И хотя мои годы пусты, мое существованіе—одиноко и безвѣстно,—я вижу, судьба мало что отнимаетъ у меня. Но увы! Всякій разъ, когда я думаю о васъ, мои прежнія надежды, и объ улыбающихся образахъ моихъ первыхъ грёзъ, и когда, потомъ, я посмотрю на мою бѣдную, печальную жизнь, думая, что изъ всѣхъ этихъ надеждъ одна лишь смерть осталась мнѣ теперь—я чувствую, какъ сердце мое сжимается, и чувствую, что не могу примириться съ судьбою. И даже тогда, когда смерть, не разъ призываемая, будетъ у моего изголовья, и я буду близокъ къ концу моихъ страданій, когда земля сдѣлается для меня чуждой долиной и когда отъ взоровъ моихъ улетитъ будущее,—я все таки буду помнить о васъ, мои надежды; и это воспоминаніе все еще будетъ вызывать мой вздохъ, будетъ заставлять меня сожалѣть, что я напрасно жилъ, и примѣшаетъ послѣднюю печаль къ сладости кончины."

„И въ первомъ уже возбужденіи моихъ радостей, печалей и желаній, наполнявшихъ юное сердце,—я не разъ призывалъ смерть; я долгіе часы проводилъ тамъ, на берегу источника, съ желаніемъ потопить въ немъ мои надежды и мое страданіе. Потомъ, ограниченный жизнью, постоянно угрожаемый неизвѣстнымъ

недугомъ, я оплакивалъ мою прекрасную юность и цвѣтъ моихъ бѣдныхъ дней, такъ рано обезцвѣченныхъ. Часто, въ поздніе часы, сидя на кровати, единственный свидѣтель своихъ слезъ, печально изливая мои стихи при блѣдномъ свѣтѣ лампы, я оплакивалъ среди безмолвія ночи мою жизнь, готовую потухнуть, и, чувствуя слабость, пѣлъ самому себѣ похоронную пѣснь."

„Кто безъ вздоха можетъ вспомнить васъ, о, первый расцвѣтъ юности, прелестные дни, непередаваемые, когда молодыя дѣвушки начинаютъ улыбаться восторженному юношѣ! Все тогда улыбается ему: зависть молчитъ, усыпленная еще или снисходительная; точно кажется, что міръ (о, чудо!) протягиваетъ ему руку помощи, извиняетъ его ошибки, празднуетъ вступленіе его въ жизнь, точно принимая его за господина и привѣтствуя его этимъ титуломъ. Кратковременные дни! Они исчезли подобно молніи. И какой человѣкъ можетъ обойтись безъ несчастій, когда онъ оставилъ уже за собою эту радостную пору, если это чудное время, если юность, увы! юность погибла?"

„О, Нерина! Развѣ не слышу я, какъ эти мѣста мнѣ говорятъ о тебѣ? Думаешь ли ты, что твое воспоминаніе исчезло изъ моей памяти? Куда ушла ты, моя милая подруга, если здѣсь я нахожу лишь воспоминаніе о тебѣ? Она не видитъ тебя, эта родная земля; это окно, изъ котораго ты имѣла привычку говорить со мною и гдѣ печально свѣтитъ отблескъ звѣздъ,—оно пустынно. Гдѣ ты, если я не слышу твоего голоса, какъ прежде, когда, какъ бы далеко ни было, малѣйшій звукъ, сбѣгавшій съ твоихъ устъ, заставлялъ блѣднѣть мое лицо? Того времени уже нѣтъ. Дни твои уже прошли, моя любовь. Ты прошла. Другая теперь наступитъ и заселитъ эти благоухающіе холмы. Но ты прошла скоро! Твоя жизнь была точно сновидѣніе. Ты прожила ее, рѣзвясь. На челѣ твоемъ свѣтилась радость: во взорахъ твоихъ виднѣлось то довѣрчивое воображеніе, этотъ свѣтъ юности, въ ту минуту, когда судьба потушила ее и похоронила тебя въ гробу. О, Нерина! въ сердцѣ моемъ все еще живетъ по прежнему моя любовь. Если по временамъ я отправляюсь на какой либо праздникъ, въ какое нибудь собраніе,—я говорю себѣ: о, Нерина, ты не одѣваешься уже на праздники и собранія: ты не ходишь на нихъ. Когда приходитъ май, и влюбленные предлагаютъ молодымъ дѣвушкамъ зеленыя вѣтки и пѣсни, я говорю: о, моя Нерина, для тебя нѣтъ уже ни весны, ни любви! При каждомъ ясномъ днѣ, при каждомъ цвѣтущемъ полѣ, которое я созерцаю, при каждомъ удовольствіи, которое я испытываю, я говорю: у Нерины нѣтъ уже удовольствій: ни полей, ни неба она уже не видитъ. Увы! Ты прошелъ, мой

вѣчный вздохъ, ты прошелъ, и ко всѣмъ моимъ мечтамъ, ко всѣмъ моимъ нѣжнымъ чувствамъ, и печальнымъ и дорогимъ движеніямъ моего сердца, я всегда буду примѣшивать это горькое воспоминаніе."

Вскорѣ, однако, здоровье Леопарди поправилось: онъ точно возродился къ жизни и воспѣлъ свое собственное „Воскресеніе" (Il risorgimento). Въ началѣ 1830 года онъ уѣхалъ изъ Реканати во Флоренцію. Леопарди надѣялся испробовать послѣднее средство, рекомендованное ему докторомъ Томазини,—пребываніе въ Пармѣ, но въ эту минуту Италія была охвачена революціоннымъ движеніемъ. Потрясеніе, возникшее вслѣдствіе паденія монархіи во Франціи, отозвалось и въ Италіи. Въ то время какъ Франція сажала на свой престолъ младшую линію Бурбоновъ, въ Италіи движеніе, сначала сдержанное, возникло въ началѣ 1831 года. Первая возстала Модена; пармезанцы послѣдовали за нею,—эрцгерцогиня Марія-Луиза бѣжала; возстала наконецъ и Болонья и сдѣлалась центромъ революціоннаго правительства, во главѣ котораго былъ поставленъ Вичини, другъ Джіордани. Вскорѣ наступила реакція,—и эта реакція была ужасна. Тяжелая рука Австріи придушила въ самомъ началѣ революцію. Послѣдовали аресты и казни, и молчаніе снова воцарилось въ Италіи. Но въ это время Леопарди, охваченный личнымъ страданіемъ, не былъ въ состояніи слѣдить за политическими обстоятельствами. Онъ все больше и больше сосредоточивался въ самомъ себѣ: онъ ждалъ смерти, не будучи въ состояніи освободиться отъ обаянія жизни, и сердце снова заговорило въ немъ. Исторіи этой послѣдней любви поэта мы не знаемъ. Въ октябрѣ 1831 года Леопарди убѣжалъ въ Римъ, не предупредивъ даже своихъ друзей. Можно предположить, что онъ влюбился въ Шарлотту Бонапарте, которой его представилъ Джіордани. Въ Римѣ Леопарди снова погрузился въ свой вѣчный мечтательный идеалъ: онъ не только не отступился отъ того, что̀ прежде писалъ о любви, онъ ее, напротивъ того, поставилъ на новый недосягаемый идеалъ. Изъ этого, однако, не слѣдуетъ, чтобы онъ оказался снисходительнымъ къ тому живому предмету, на которомъ его идеалъ остановился на минуту. Страсть слишкомъ потрясла его: онъ не могъ молчать и, спустя два года, написалъ одну изъ лучшихъ своихъ вещей,—*Аспазію*,—въ которой презрѣніе какъ бы сливается съ страстнымъ желаніемъ.

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія не одинъ Леопарди былъ поэтомъ отчаянія и пессимизма. Рядомъ съ нимъ стоятъ: Байронъ, Шелли, Сенанкуръ. Шелли ближе къ спинозизму; Сенанкуръ, ра-

зачарованный, несчастный, смотритъ, подобно Гамлету, на міръ, какъ „на опустѣлый садъ, негодныхъ травъ пустое достоянье". Байронъ, чувствующій и любящій античный міръ, ближе къ Леопарди. По справедливому замѣчанію Сен-Бёва, Леопарди можно считать гражданиномъ героической Греціи или свободнаго Рима, но родившимся, къ несчастію для него, въ наше время. Леопарди былъ убѣжденъ, что только въ эпоху античнаго міра человѣкъ могъ вполнѣ располагать своими силами и способностями. Онъ стремился къ античной общественной жизни, и въ этой полнотѣ жизни видѣлъ счастіе. Онъ забывалъ, что уже Сократъ говорилъ что честному человѣку нѣтъ никакой возможности заниматься общественными дѣлами, и что уже Симонидъ оплакивалъ роковыя несчастія людей. Но Леопарди былъ также и человѣкомъ своего времени. Съ такой страстью, какъ онъ, древніе не привязывались ни къ *любви*, ни къ *смерти*. Одна изъ послѣднихъ его элегій, въ которой выразился, можетъ быть, наиболѣе полно поэтическій геній Леопарди, именно озаглавлена: „Amore e Morte". Вся она какъ бы пропитана греческой граціей. „Смерть и Любовь,—говоритъ онъ въ этой элегіи,—двѣ сестры: природа создала ихъ въ одно и то же время. Въ мірѣ нѣтъ ничего прекраснѣе этихъ двухъ сестеръ. Отъ одной родится счастіе, самое высокое наслажденіе, существующее въ морѣ бытія; другая усыпляетъ великія страданія, уничтожаетъ самыя жгучія боли. Прекрасная молодая дѣвушка, пріятная на видъ,—не такая, какою представляютъ ее себѣ трусы,—она любитъ по временамъ сопровождать молодую любовь; онѣ носятся вмѣстѣ надъ человѣческой жизнью и являются вѣрнѣйшими утѣшительницами сердца." Тутъ поэтъ одинаково далекъ какъ отъ античнаго, такъ и отъ христіанскаго вдохновенія. Конечно, еще Езопъ говорилъ: „Какъ безъ смерти избѣжать тебя, о жизнь? Безконечны страданія, которыя ты носишь съ собой, и также трудно избѣжать какъ и вынести ихъ"; но нигдѣ Езопъ не изображаетъ смерть пріятной. Лукрецій хочетъ, чтобы человѣкъ умиралъ довольный жизнью и примирившійся съ уничтоженіемъ; но сравнивъ жизнь съ праздникомъ, онъ не требуетъ, чтобы пирующій, пресыщенный пиромъ, находилъ сладкимъ сонъ, которымъ природа пользуется, чтобы отнять у него жизнь: спокойный индиферентизмъ достаточенъ. Виргилій не думаетъ, чтобы любовь была сладчайшимъ изъ повелителей, а смерть — лѣкарствомъ отъ всѣхъ золъ: онъ показываетъ намъ несчастныхъ любовниковъ, которыхъ на тотъ свѣтъ сопровождаютъ страданія. Тибуллъ желаетъ, чтобы смерть пощадила его и пришла только въ поздніе годы. Даже тѣ, которые повторяли вмѣстѣ съ Менандромъ: „Кто любимъ богами—тотъ уми-

раетъ молодымъ", смотрѣли на смерть, какъ на зло менѣе великое, чѣмъ жизненныя печали,—но все таки, какъ на зло. Съ другой стороны, христіанство, уменьшая земныя иллюзіи, не окрашиваетъ радужными цвѣтами входъ въ вѣчность. Наконецъ, разочарованные герои, созданные современной фантазіей, которые многими провозглашаются какъ бы продуктомъ восемнадцати вѣковъ мистицизма, ищутъ въ смерти лишь печальнаго конца своей печальной жизни. Напротивъ того, Леопарди смотритъ на желаніе смерти, какъ на неизбѣжное слѣдствіе любви, въ одно и то же время чистой и страстной, которая уноситъ душу въ возвышенныя сферы и уничтожаетъ ее, чтобы она не упала. Онъ словно схватилъ и выразилъ удивительно поэтическими чертами этотъ лирическій порывъ, созданный какъ бы изъ страсти и разочарованности, изъ желанія и упадка силъ,—безсильная аспирація къ безконечному, которую никогда не поймутъ обыкновенныя натуры и которая обнаруживаетъ „благородную красоту смерти". „Когда въ глубинѣ сердца начинаетъ зарождаться любовь,—въ груди въ то же время растетъ желаніе смерти, желаніе, полное уныніе и томленія. Какимъ образомъ? Я не знаю, но таково слѣдствіе сильной и чистой любви. Можетъ быть, тогда эта пустыня устрашаетъ взоръ; можетъ быть, тогда человѣкъ считаетъ невозможнымъ жить на землѣ безъ этого новаго, единственнаго, безконечнаго блаженства, сознаннаго его мыслью; предчувствуя страшныя страданія, которыя неизбѣжно причинитъ сердцу любовь, онъ стремится къ покою; онъ спѣшитъ найти убѣжище отъ этого жгучаго желанія, которое сгущаетъ вокругъ него мракъ."

Казалось бы, что послѣ этого Леопарди, въ самомъ дѣлѣ, остается только одно: умереть. Онъ, дѣйствительно, быстрыми шагами приближался къ смерти. Теперь въ Флоренціи, куда онъ пріѣхалъ въ 1830 году,—ничто его не удерживало болѣе. Декретомъ великаго герцога Тосканскаго, журналъ, въ которомъ онъ работалъ: „Antologia", былъ запрещенъ, вслѣдствіе статьи, которая вызвала гнѣвъ императора Николая. Небольшой литературный кружокъ, среди котораго онъ жилъ,—распался; вся пишущая братія была заподозрѣна въ карбонаризмѣ. Реакція привела Тоскану въ то же положеніе, въ которомъ находилась остальная Италія. Въ то время какъ Джіордани, изгнанный изъ Флоренціи, направлялся въ Парму, гдѣ его ожидалъ арестъ, Леопарди, вмѣстѣ съ Раньери, отправился въ Неаполь, гдѣ его ожидала смерть.

Въ Неаполѣ появилась холера; Раньери долженъ былъ везти своего друга въ Портичи: въ самый моментъ отъѣзда, 14-го іюня 1837 г. въ пять часовъ вечера, Леопарди внезапно умеръ, не отъ

холеры, а отъ водянки. Ему было съ небольшимъ тридцать девять лѣтъ. За нѣсколько часовъ до смерти, по просьбѣ друга, онъ написалъ нѣсколько стиховъ. Стихотвореніе называется „Il Tramonto della Luna". Подобно лунѣ, которая, уходя за горизонтъ, оставляетъ пустынными и печальными поля и воды, которыя передъ тѣмъ она серебрила и наполняла мелькающими образами,—молодость, уходя, оставляетъ жизнь пустынной и мрачной. Тѣмъ не менѣе, и берега и холмы не останутся долго во мракѣ; они вскорѣ встрѣтятъ на той сторонѣ горизонта новую зарю, за которой послѣдуетъ радостное солнце. И Леопарди прибавлялъ: „Но жизнь человѣческая, съ той минуты какъ исчезла молодость, никогда уже не окрашивается другой зарей; она остается вдовой до конца, и въ концѣ этой ночи, которая покрываетъ мракомъ все прошлое, боги поставили могилу."

Ma la vita mortal, poi che la bella
Giovinezza spari, non si colora
D'altra luce giammai, ne d'albra aurora
Vedova è insino al fine; ed alla notte
Che l'altre etadi oscura,
Segno poter gli Dei la sepoltura.

Поэтическое вдохновеніе утопаетъ въ блѣдныхъ краскахъ этой „ночи", но успокоеніе воображенія подъ конецъ освободило до извѣстной степени правильность сужденія, которое было нарушено у Леопарди слишкомъ неправильнымъ употребленіемъ и которое, подъ конецъ жизни поэта, стремилось возвратить себѣ свою прежнюю силу. Кажется, что послѣднія прозаическія произведенія поэта, сохраняя по прежнему это страстное упорство, остановившееся на одномъ одностороннемъ философскомъ положеніи,—обнаруживаютъ болѣе трезвыя идеи и усиліе ограничить всѣ теоріи пессимизма—неизлѣчимымъ, но совершенно личнымъ страданіемъ „Вы правы—писалъ Леопарди Бунзену,—говоря, что въ моихъ прозаическихъ произведеніяхъ меланхолія, можетъ быть, слишкомъ велика и даже подчасъ затемняетъ мое сужденіе... Мой собственный опытъ учитъ меня, что съ лѣтами, среди столькихъ измѣненій, которыя совершаются въ человѣкѣ, измѣняется также и философская доктрина" (Ungedrückte Briefe, XVI). По всему видно, что это не была простая уступка, сдѣланная изъ вѣжливости, а дѣйствительно сознаваемая мысль, потому что въ „Dialogo di Tristano e di un Amico",—заключающемъ книгу его философскихъ памфлетовъ,—Тристано, т. е. самъ Леопарди,—отнесясь отрицательно къ прогрессу, насмѣявшись надъ поверхностной наукой XIX столѣтія, надъ болтовней газетъ, демократическимъ инстинктомъ,—бросая

вдругъ иронію, сознается своему собесѣднику, что его произведенія—„выраженіе несчастной жизни ихъ автора; ибо, между нами, мой другъ, я думаю, что вы счастливы, что всѣ другіе также счастливы, но что касается меня, то, съ вашего позволенія и съ позволенія вѣка, я несчастенъ и никакія газеты обоихъ полушарій не переубѣдятъ меня въ этомъ... Кромѣ того, говорю вамъ прямо, что не примиряюсь съ моимъ несчастіемъ, что я склоняю голову передъ судьбой и не пасую передъ нею, какъ дѣлаютъ другіе; я осмѣливаюсь желать смерти, и желать ее больше всего въ мірѣ, съ жаромъ и искренностью, съ которыми немногіе,—я въ этомъ увѣренъ,—желаютъ ее... Я чувствую, что путь, который остается мнѣ сдѣлать, будетъ не длиненъ. И это,—могу сознаться,—единственная мысль, еще поддерживающая меня... Прежде я завидовалъ судьбѣ невѣждъ и тѣхъ, которые имѣютъ высокое о себѣ мнѣніе,—и я бы охотно помѣнялся съ ними. Теперь я не завидую ни дуракамъ, ни мудрецамъ, ни великимъ, ни малымъ. Я завидую умершимъ и помѣнялся бы только съ ними... Еслибы мнѣ предложили съ одной стороны богатство и славу Цезаря или Александра, чистыя отъ всякаго пятна, а съ другой—умереть сегодня же, и еслибы мнѣ приходилось выбирать,—то я бы сказалъ: „Умереть, умереть сегодня же!“ И мнѣ не потребовалось бы долгаго времени, чтобы рѣшиться на этотъ выборъ.“

Тутъ мы имѣемъ какъ бы послѣднее слово Леопарди: онъ понялъ, что счастіе и несчастіе есть нѣчто совершенно относительное и не можетъ обойтись безъ констатированія опытомъ. Онъ, поэтому, какъ бы отрекается отъ положенія, что „жизнь есть зло“.

Леопарди былъ маленькаго роста, худощавый и нѣсколько горбатый. Его голова, слишкомъ большая, но очень красивая, какъ бы носила на себѣ печать его страданій, а глаза, огромные, сильно углубленные, какъ бы освѣщали страннымъ блескомъ лицо съ тонкими чертами и пріятной улыбкой,—чрезвычайно блѣдное. Леопарди производилъ пріятное и очень сильное впечатлѣніе на всѣхъ, кто встрѣчался съ нимъ, но вслѣдствіе своего рѣзкаго тона въ обхожденіи, вслѣдствіе того, что онъ никогда не могъ снисходительно относиться къ предразсудкамъ или къ тщеславію людей,—онъ былъ немногими любимъ. Сперва презираемый, потомъ жестоко преслѣдуемый, оклеветанный, осмѣянный своими соотечественниками, которыхъ политическій и религіозный квіетизмъ онъ волновалъ, Леопарди возбудилъ противъ себя такую вражду, которая не погасла и съ его смертью. Даже отецъ его, позволивъ похоронить его чужими руками, преслѣдовалъ память сына своимъ злопамятствомъ. Нашелся чело-

вѣкъ, который, въ формѣ письма, напечатаннаго въ одномъ неаполитанскомъ католическомъ журналѣ (Scienza e Fede), заявилъ, что Леопарди, за нѣсколько времени до смерти, формально отказался отъ своихъ философскихъ заблужденій, исповѣдывался и даже пожелалъ вступить въ братство іезуитовъ. Эта дерзкая и пошлая клевета, подписанная нѣкіимъ Франческо Скарпа, была распространяема повсюду весьма настойчиво. Этимъ средствомъ желали уменьшить все болѣе и болѣе увеличивающееся вліяніе его философскихъ доктринъ, но друзья поэта постарались обнаружить эту клевету. Раньери печатно доказалъ, что предполагаемое обращеніе Леопарди было—клевета и католическая интрига. Еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ 1880 году, въ небольшомъ сочиненіи, подъ заглавіемъ: „Sette anni di Sodalizio con Giacomo Leopardi", другъ поэта разсказалъ во всѣхъ подробностяхъ и съ откровенностью, можетъ быть, даже излишнею, исторію послѣднихъ годовъ несчастнаго поэта. Среди странныхъ причудъ и капризовъ больнаго, по временамъ необъяснимыхъ мы видимъ, что Леопарди до послѣдней минуты своей жизни остался вѣренъ своимъ убѣжденіямъ, безъ малѣйшаго сомнѣнія, безъ всякой попытки къ повороту, точно увѣренный, что приближается къ истинѣ, по мѣрѣ приближенія смерти... Онъ уснулъ съ чистой совѣстью въ этомъ покоѣ безъ надеждъ, который онъ пріобрѣлъ цѣною столькихъ страданій.

Леопарди несомнѣнно принадлежитъ къ школѣ новаторовъ въ современной итальянской поэзіи, какъ античной простотою своего стиха, такъ и удивительнымъ совершенствомъ своей прозы. Если онъ не оставилъ послѣ себя школы, то вліяніе его, во всякомъ случаѣ, было значительно и чувствуется даже понынѣ. Его литературная слава установилась прочно. Воскресшая Италія вспомнила о томъ, кто такъ страстно любилъ ее и кто такъ нападалъ на нее, когда она бездѣйствовала. Современныя поколѣнія съ восторгомъ повторяютъ его патріотическія оды, напоминающія имъ тѣхъ, которые такъ страстно защищали дѣло свободы. Имя Леопарди окончательно записано въ главѣ лирической плеяды XIX столѣтія, рядомъ, если не выше, съ именемъ Манцони. Нѣтъ повода предполагать, чтобы на будущее время онъ сошелъ съ этого пьедестала, на который поставило поэта сознаніе современной Италіи. Его стихъ, чрезвычайно сжатый, необыкновенной красоты въ своей почти античной простотѣ, въ которомъ форма есть не болѣе какъ энергія глубокой мысли,—не изъ тѣхъ, которые блекнутъ и тускнѣютъ отъ времени; возникшій изъ сосредоточенной

въ одномъ душевномъ фокусѣ страсти, изъ сильныхъ эмоцій, заключенный въ гармоническій ритмъ,—онъ остается лучшимъ памятникомъ современной итальянской литературы.

Но рядомъ съ художникомъ есть еще человѣкъ, т. е. извѣстный душевный, психическій строй; и этотъ-то послѣдній можетъ быть понятъ лучше теперь, чѣмъ прежде. Въ немъ есть нѣчто изъ сатанинской гордости лорда Байрона въ соединеніи съ филантропическимъ чувствомъ Жанъ-Жака Руссо, съ разочарованіемъ, сомнѣніями, обезсиленіемъ душевной энергіи Шатобріана и Сенанкура. Такой характеръ всегда останется чѣмъ-то исключительнымъ въ Италіи, мало понятнымъ итальянцамъ, темпераментъ которыхъ не мирится съ этой формой романтизма, процвѣтавшей въ началѣ нынѣшняго столѣтія,—романтизма, создавшаго Рене, Обермана, Вертера, Корсара, Манфреда. Но по сю сторону горъ, среди народовъ средней и сѣверной Европы, гдѣ традиціи романтизма сохранились во всей своей чистотѣ до послѣдняго времени, гдѣ типъ опечаленнаго страдальца,—въ формѣ ли Обермана, или Манфреда,—еще живетъ, какъ литературная концепція, имѣющая цѣлую исторію умственнаго броженія,—въ этихъ странахъ извѣстность Леопарди будетъ расти съ каждымъ годомъ и встрѣтитъ симпатіи установившихся литературныхъ преданій.

Самъ Леопарди имѣлъ, до извѣстной степени, сознаніе этого несоотвѣтствія своего художественнаго генія съ геніемъ своей родины. Онъ чувствовалъ, что находится въ чуждой ему средѣ. Онъ думалъ, что найдетъ эту среду, оставляя Реканати; но ни въ Болоньѣ, ни въ Миланѣ, ни въ Римѣ, ни въ Неаполѣ, ни даже во Флоренціи,—гдѣ онъ послѣдовательно жилъ, онъ не встрѣтилъ того, чего искалъ. Одно время, онъ серьезно мечталъ окончательно бросить Италію и поселиться или въ Германіи, или во Франціи, и, по всей вѣроятности, исполнилъ бы это, еслибы средства позволили ему. Вездѣ и всюду въ Италіи онъ встрѣчалъ отвращеніе къ новаторству, къ смѣлости, къ парадоксу; онъ вездѣ видѣлъ традиціи и преданія, которыя захватываютъ людей въ извѣстныя, разъ установившіяся, неподвижныя формы мысли и чувства, и съ которыми боролись и борятся въ Европѣ мыслители, имѣющіе во главѣ своей Руссо. Точно кажется, что итальянецъ родится дисциплинированнымъ,—конечно, въ лучшемъ смыслѣ слова,—врагомъ всякихъ крайностей, неспособнымъ слишкомъ увлекаться. Онъ не понимаетъ религіи безъ культа, философіи безъ практической цѣли, литературы безъ традиціонныхъ правилъ и кодексовъ, хотя всегда сохраняетъ настолько проницательности и живости, что не безъ остроумія вышучиваетъ фанатиковъ,

доктринеровъ и педантовъ. Въ каждой категоріи знаній онъ какъ бы оставляетъ для собственнаго личнаго обихода маленькій пустой уголокъ, гдѣ живетъ его скептицизмъ и куда онъ помѣщаетъ, безъ особенной торопливости, результаты новыхъ наблюденій и выводовъ. Средняя и сѣверная Европа имѣетъ другой общественный темпераментъ; и тамъ традиція и преданіе играютъ значительную роль, но пытливый умъ, особенно въ извѣстныя эпохи, ломаетъ эти перегородки, и творческая дѣятельность ума принимается строить новое зданіе смѣло и энергично. Этимъ темпераментомъ объясняются и Руссо, и Шатобріанъ, и Мюссе, и Шиллеръ, и Гёте, и Байронъ, этимъ же объясняется и все романтическое движеніе.

Леопарди, воспитанный цѣликомъ въ школѣ древнихъ, не подчинился вполнѣ этому движенію романтической мысли, но почерпалъ въ ней смѣлость мысли и всѣ свои противорѣчія. На первомъ планѣ—его любовь къ родинѣ, его страстный и суровый патріотизмъ имѣютъ своимъ источникомъ не современный строй мысли, а античную традицію. Въ двадцать лѣтъ, онъ вспоминаетъ Маркоини и Саломини,—онъ призываетъ своихъ соотечественниковъ къ борьбѣ за независимость и освобожденіе. Шесть лѣтъ спустя,—иллюзіи пропали, но патріотизмъ все еще живетъ въ немъ, и онъ бы желалъ покончить жизнь самоубійствомъ, подобно Бруту, лишь бы не переживать позора. Это патріотическое чувство никогда вполнѣ не покидало ученика грековъ и Альфіери: иногда оно выливалось въ чувство презрѣнія къ „выродившемуся племени“, но никогда въ чувство индиферентизма. Этимъ-то именно Леопарди и отличается отъ тѣхъ умовъ, съ которыми онъ чувствовалъ свое внутреннее родство. Байронъ, покинувшій Англію, старался личнымъ примѣромъ доказать, что можно обойтись безъ родины; что же касается Альфреда де-Мюссе, то онъ хвастаетъ, что ему совершенно чуждо чувство, которое онъ называетъ простою глупостью. Леопарди же, напротивъ того, не стыдился своей любви къ родинѣ и служилъ ей, насколько достало его силъ, не замыкаясь въ односторонность патріотизма и не становясь индиферентнымъ ко всему остальному человѣчеству. Человѣчество онъ любитъ нѣсколько на манеръ Руссо, отдавая ему какъ бы лишь одну часть своего сердца, и обѣщаясь отдать все сердце, когда человѣчество измѣнится по тому идеальному образцу, который онъ носилъ въ своей душѣ. Онъ не составилъ себѣ окончательнаго и прочнаго мнѣнія о людяхъ и обществѣ. Конечно, онъ *увѣренъ*, что человѣчество вырождается; онъ думаетъ, кромѣ того, *что это вырожденіе* есть вина общества, которое онъ опредѣ-

лилъ какъ „лигу плутовъ противъ честныхъ людей“,—но онъ не идетъ дальше по слѣдамъ Руссо и не вѣритъ въ превосходство первобытнаго состоянія: дикіе, созданные воображеніемъ Шатобріана, можетъ быть, и нравятся ему, но настоящіе людоѣды внушаютъ ему отвращеніе. Леопарди, не смотря на свою мизантропію,—все таки филантропъ: онъ не отдаляетъ себя отъ человѣчества; онъ, подобно Рене, не изображаетъ себя „одинокимъ на землѣ“, „оттолкнутымъ обществомъ“, или въ положеніи одинокаго льва, въ которомъ намъ представляется Байронъ. Онъ, безъ всякаго сомнѣнія, считаетъ себя самымъ несчастнымъ человѣкомъ въ мірѣ, и людей принимаетъ за товарищей по несчастію.

Вся душевная горечь Леопарди только тогда становится вполнѣ понятною, когда прочитаешь фразу Раньери: „Этотъ человѣкъ, во всѣхъ отношеніяхъ достойный лучшаго вѣка, до могилы сохранилъ свою дѣвственность и по той же причинѣ любилъ два раза (хоть и безъ всякой надежды), какъ никогда еще на землѣ не любилъ другой молодой человѣкъ“. Но эту горечь онъ умѣлъ украшать идеальными созданіями своего воображенія. Онъ имѣлъ друзей, но дружба не утѣшаетъ и къ тому же она слишкомъ поздно отвлекла Леопарди отъ печальныхъ воспоминаній дѣтства. Въ его „Pensieri“ мы встрѣчаемъ краснорѣчивую страницу, въ которой онъ подробно излагаетъ причины, дѣлающія человѣка, не освободившагося во время отъ отцовской власти,—неспособнымъ къ великой дѣятельности, къ самостоятельности мысли. Онъ прибавляетъ, что то же подавляющее вліяніе имѣетъ и бѣдность. Теокритъ говоритъ, что бѣдность пробуждаетъ искусство; положимъ, но она скоро перестаетъ быть стимуломъ и становится помѣхой, и, какъ кажется, она никогда не благопріятствовала поэтамъ. Умъ, который хочетъ быть независимымъ, нуждается, по крайней мѣрѣ, въ обезпеченномъ кускѣ хлѣба. По мнѣнію Пиндара, „золото есть сынъ Зевса“;—продолжая сравненіе, можно прибавить, что оно—братъ музъ.

Всѣ эти случайныя и личныя причины несомнѣнно участвовали въ образованіи и развитіи того пессимизма и мизантропіи, которыя сдѣлались какъ бы отличительнымъ характеромъ всей поэзіи Леопарди; но были и другія причины, которыя лежали въ самой натурѣ и душевномъ его организмѣ. Вообще, для того, чтобы уравновѣсить такого рода сильное душевное давленіе,—необходимо имѣть въ своемъ распоряженіи или значительное точное знаніе, обогащенное научнымъ міровоззрѣніемъ и сводящее лишь на второстепенную дѣятельность роль воображенія, или же твердую вѣру въ высшее всемогущество, которая способна была бы *облегчить несчастіе* именно перспективою идеальныхъ

благъ. Но точное знаніе и, въ особенности, научное міровоззрѣніе—удѣлъ далеко не многихъ и требуетъ въ самомъ психическомъ строѣ извѣстнаго предрасположенія, а вѣра зачастую принимаетъ форму воспринимающаго ее ума: такъ вѣрованія, въ которыхъ такъ расцвѣтало сердце Лейбница, были мученіемъ и лишнимъ давленіемъ въ сердцѣ Паскаля. Леопарди же, при всѣхъ своихъ большихъ и несомнѣнно благотворныхъ занятіяхъ филологіей и греческой археологіей, никогда не пріучалъ свой умъ къ точному знанію и не воспитывалъ въ себѣ научнаго міровоззрѣнія. Что же касается до вѣрованій, то въ христіанствѣ онъ всегда видѣлъ лишь мрачную сторону. Во всякомъ случаѣ, въ той формѣ, въ которую вылился геній Леопарди,—этотъ абсолютный, безусловный, неспособный на уступки и компромиссы съ совѣстью, характеръ ума,—составляетъ оригинальную, ему лишь принадлежащую организацію. Изъ всѣхъ мечтателей, которыхъ съ нимъ можно сравнить, одинъ лишь онъ остался абсолютно вѣренъ своей idée fixe и, преслѣдуя прямолинейно разъ намѣченную цѣль, постоянно удалялся съ поразительною настойчивостью отъ общаго человѣческаго типа.

В. Чуйко.

Пѣвцу.

Пѣвецъ! когда захочешь ты
Повѣдать намъ свои мечты,
Свои надежды и желанья,
Своей любви волшебный сонъ
Иль сердца раненнаго стонъ
Свои восторги и страданья;
Завѣтныхъ думъ своихъ языкъ,
Вражды и ненависти крикъ
Иль красоты очарованье,—
Пусть дышетъ силой пѣснь твоя
И въ полумракѣ бытія
Звѣздой намъ свѣтитъ путеводной;
Въ душѣ свободной рождена,
Пусть помогаетъ намъ она
Идти дорогою свободной:
Не надо намъ пугливыхъ грёзъ,
Безсильныхъ стоновъ, рабскихъ слезъ
И смутныхъ, ноющихъ сомнѣній!
Что намъ они? Мы тонемъ въ нихъ...
Нѣтъ! Не того мы отъ твоихъ
Ждемъ вдохновенныхъ пѣснопѣній!
Намъ не учиться—слёзы лить,
Вздыхать, роптать, безсильно ныть,
Цѣпями робко потрясая,
Или на помощь грёзу звать
И, упиваясь ей, дремать,
Стенаньемъ сонъ свой прерывая...
Нѣтъ! этихъ ранъ не растравляй,
Но духъ въ насъ бодрый оживляй,
Чтобъ бытіемъ намъ не томиться,
Чтобъ тяготу его презрѣть,
Бороться, гордо умереть,—
Или свободно примириться!

А. Орловъ.

НАКИПЬ ПАРИЖА.

Альберта Вольфа.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Жертвы правосудія.

Семейство преступника.—Исторія мясника Лебёфа.—Мнимая отравительница.—Сынъ убійцы.—Невиновный арестантъ Мазасской тюрьмы.

I.

Семейство преступника.

Восьмаго октября 1876 г., въ Нейльи, произошелъ слѣдующій случай. Нѣкто Куртфуа явился на квартиру своего знакомаго Годфруа, которому онъ приписывалъ свое разореніе. Куртфуа угрожалъ своему противнику подать на него жалобу въ судъ съ обвиненіемъ въ утайкѣ денегъ и подлогѣ. Послѣ этихъ словъ, раздался пистолетный выстрѣлъ, и обвинитель упалъ мертвымъ къ ногамъ обвиняемаго имъ человѣка.

Дурная репутація Годфруа и другія крайне важныя обстоятельства исключали всякую мысль о самоубійствѣ. На основаніи этихъ данныхъ, хозяинъ квартиры, гдѣ произошла катастрофа, былъ арестованъ и обвиненъ въ предумышленномъ убійствѣ.

Судебное разбирательство, дѣйствительно, подтвердило всѣ нелестные отзывы о подсудимомъ. Личность Годфруа, сама по себѣ, не внушала ни малѣйшаго сочувствія; каковъ бы ни былъ вердиктъ присяжныхъ, преступникъ не могъ разсчитывать на сожалѣніе общества. Послѣ приговора, его заключили въ тюрьму, куда нерѣдко попадаютъ люди, менѣе заслуживающіе презрѣнія, чѣмъ этотъ Альфонсъ изъ парфюмерной лавки; въ немъ рѣшительно нѣтъ симпатичныхъ сторонъ. Однако, не смотря на все это, дѣло Годфруа необыкновенно интересовало Парижъ; причиною тому являлось крайне неправильное веденіе судебнаго процесса. Примѣръ такой ошибки, имѣвшей очень печальныя послѣдствія,

можно найти только въ процессѣ Желѣзной Каски,—человѣка, которому приписывали соучастіе въ убійствѣ. Оскорбленный суровымъ обращеніемъ предсѣдателя на судѣ присяжныхъ, этотъ необразованный бродяга очень метко сказалъ:

— Я имѣю полное право быть невиновнымъ!

И на самомъ дѣлѣ онъ оказался такимъ.

О подсудимомъ Годфруа, конечно, нельзя сказать того же, но здѣсь законъ не удовольствовался наказаніемъ одного преступника; судьи привлекли къ отвѣтственности и семью убійцы.

Этотъ процессъ,—какъ мы, по крайней мѣрѣ, надѣемся,—заставитъ, наконецъ, юристовъ оглянуться на наше уголовное судопроизводство и подвергнуть его тщательному измѣненію. Что же однако слѣдуетъ въ немъ измѣнить? На подобный вопросъ нелегко найти удовлетворительный отвѣтъ, и я не позволилъ бы себѣ легкомысленно и неосновательно высказываться о такомъ важномъ предметѣ. Въ данномъ случаѣ я служу только отголоскомъ общественнаго мнѣнія, потому что вопіющее дѣло Годфруа вызвало громкіе протесты во всѣхъ слояхъ парижскаго общества. Такое единодушное требованіе пересмотра судебныхъ уставовъ необходимо такъ или иначе довести до свѣдѣнія лицъ, отъ которыхъ оно зависятъ. У насъ есть нѣсколько сотъ депутатовъ. Можетъ быть, хоть одинъ изъ нихъ придетъ, наконецъ, къ здравому убѣжденію, что въ нашей гражданской жизни стоитъ на очереди не мало серьезныхъ вопросовъ, представляющихъ бо́льшую важность, чѣмъ безполезное переливаніе изъ пустаго въ порожнее на засѣданіяхъ палаты.

Несомнѣнно только одно: нынѣшній порядокъ вещей не можетъ продолжаться долѣе. Въ уголовномъ судопроизводствѣ чувствуется какой-то пробѣлъ, чувствуется, что законодатель не имѣлъ въ виду настоящаго ошибочнаго примѣненія судебныхъ уставовъ. Онъ представлялъ себѣ судъ присяжныхъ состоящимъ изъ слѣдующихъ лицъ: изъ обвиняемаго, котораго долженъ поддерживать адвокатъ, искусный въ борьбѣ съ обвинительною властью; изъ прокурора республики, служащаго представителемъ общества, встревоженнаго совершеннымъ въ его средѣ преступленіемъ и преслѣдующаго дѣйствительнаго или мнимаго виновника; изъ президента суда—представителя правосудія, которое не должно ни обвинять, ни защищать, а только хладнокровно взвѣсить всѣ данныя и доискаться истины путемъ судебныхъ преній, чтобы двѣнадцать гражданъ, выбранныхъ по жребію, могли съ спокойнымъ духомъ и по совѣсти произнести свой рѣшающій приговоръ. Но развѣ такъ бываетъ на самомъ дѣлѣ? Поднимая этотъ жгучій вопросъ, мы вовсе не намѣ-

рены возставать противъ правосудія; въ данномъ случаѣ отвѣтственности подлежитъ, пожалуй, самый законъ, можетъ быть, ошибочный въ принципѣ и не опредѣляющій въ достаточной степени правъ и обязанностей каждаго. Важные преступники не внушаютъ мнѣ особаго сожалѣнія, но я пишу эти строки въ интересахъ порядочныхъ людей, попадающихъ по роковой случайности на скамью подсудимыхъ. Это можетъ произойти съ каждымъ изъ насъ, даже безъ нашего вѣдома.

Поэтому слѣдуетъ спросить себя: нормально ли положеніе обвиняемаго, поставленнаго на судѣ присяжныхъ между обвиненіемъ и защитою, и согласно ли оно съ требованіями справедливости? По моему, нѣтъ. По крайней мѣрѣ, процессъ Годфруа служитъ краснорѣчивымъ опроверженіемъ всякихъ иллюзій на этотъ счетъ. Обратите вниманіе на обвиняемаго: противъ него направлено тщательное судебное слѣдствіе, резюмированное въ обвинительномъ актѣ, гдѣ все сводится къ доказательству его виновности: безъ этого, конечно, не было бы и судебнаго процесса; кромѣ того, противъ него выступаетъ обвинительная власть въ лицѣ прокурора, который зорко слѣдитъ за поведеніемъ обвиняемаго на судѣ и ловитъ каждое слово, чтобы воспользоваться имъ, какъ орудіемъ для достиженія своей цѣли; если же ко всему этому прибавить враждебное отношеніе къ обвиняемому со стороны президента суда присяжныхъ, если, въ лицѣ его, само правосудіе сходитъ съ своего пьедестала и забываетъ присущее ему безпристрастіе,—что̀ остается дѣлать въ данномъ случаѣ обвиняемому? Надѣяться на краснорѣчіе защитника, когда ему позволятъ заговорить. Иногда эта процедура дѣйствуетъ на присутствующихъ самымъ удручающимъ образомъ. Послѣ чтенія обвинительнаго акта предсѣдатель вдругъ начинаетъ презрительно относиться къ обвиняемому, увлекаясь чисто личными чувствами. Защитникъ хочетъ встать, желая противодѣйствовать невыгодному впечатлѣнію, которое способно возстановить присяжныхъ противъ его кліента.

— Вы будете говорить послѣ, отвѣчаютъ ему представители правосудія: завтра или послѣ завтра, однимъ словомъ, когда придетъ ваша очередь.

И это все? Нѣтъ, у насъ есть еще врачебная экспертиза, необходимая для уясненія научныхъ вопросовъ. Если дѣло идетъ объ отравленіи, она должна отыскать ядъ, — должна опредѣлить свойство ранъ при наружныхъ знакахъ насилія. Роль врача-эксперта кажется мнѣ также неопредѣленною; онъ какъ-то невольно обращается въ новаго обвинителя подсудимаго; появляясь передъ судомъ, врачъ сообщаетъ о результатѣ своихъ изслѣдованій, въ чемъ

и состоитъ его обязанность, но при этомъ онъ косвенно доказываетъ виновность подсудимаго, на что, пожалуй, въ сущности, не имѣетъ права. Въ процессѣ Годфруа докторъ производилъ опыты надъ кусками человѣческой кожи; онъ выразилъ мнѣніе, что выстрѣлъ былъ произведенъ на разстояніи болѣе двадцати сантиметровъ. Все это прекрасно; однако отсюда слишкомъ рискованно выводить заключеніе, что о самоубійствѣ въ данномъ случаѣ не могло быть и рѣчи. Зачѣмъ было этому эксперту вмѣшиваться въ подобный вопросъ, когда ему слѣдовало ограничиться только сообщеніемъ результата своихъ изслѣдованій, предоставивъ прокурору сухую задачу вывести изъ его словъ роковыя для обвиняемаго заключенія? Но этимъ дѣло еще не кончилось. Противъ подсудимаго явился четвертый обвинитель: адвокатъ гражданскаго истца. Онъ не ограничился одними заявленіями въ интересахъ своихъ кліентовъ, но въ своей рѣчи назвалъ подсудимаго убійцею, презрѣннымъ и безчестнымъ человѣкомъ. Можетъ быть, онъ вправѣ позволить себѣ это, но во всякомъ случаѣ подобныя оскорбленія по адресу обвиняемаго не входятъ въ кругъ его обязанностей. Такимъ образомъ, противъ одного защитника подсудимаго выступило четыре обвинителя. Ясно, что здѣсь борьба далеко не равна, что наше уголовное судопроизводство настоятельно нуждается въ измѣненіяхъ.

Мною было сказано выше, что на судѣ находился только одинъ обвиняемый; это невѣрно: къ отвѣтственности была привлечена, кромѣ Годфруа, его теща, не имѣвшая никакого отношенія къ убійству Куртфуа. Положимъ, ея личность не внушаетъ особеннаго сочувствія. Эта романическая особа писала любовныя письма въ стилѣ комической оперы и напоминала собою нравственный обликъ опереточной дуэньи; еслибы ея похожденія не были отвратительны, они могли бы, пожалуй, показаться забавными. Между тѣмъ, въ это дѣло замѣшанъ тесть обвиняемаго, добрый, но недальновидный человѣкъ, который и не подозрѣвалъ, что на уголовномъ процессѣ зятя выяснится супружеская невѣрность его жены и что его дочь узнаетъ о любовной связи родной матери съ ея мужемъ. Справедливо сказано, что во всѣхъ житейскихъ обстоятельствахъ смѣшное примѣшивается къ печальному. Правосудіе, обязанное открывать и карать преступленія, въ этомъ комическомъ дѣлѣ не удовольствовалось карою одного виновнаго; оно покарало вмѣстѣ съ нимъ двухъ несчастныхъ, вполнѣ достойныхъ сочувствія. Конечно, теща Годфруа является здѣсь отталкивающею личностью: эта истерическая старуха внесла развратъ въ семью родной дочери и не заслуживаетъ ни малѣйшаго снисхож-

денія; еслибы здѣсь дѣло шло о томъ, чтобы уличить ее на судѣ, то жестокость прокурора, обнаружившаго потрясающія семейныя тайны, была бы еще понятна, хотя такое открытіе тяжело отозвалось на другихъ невиновныхъ людяхъ; между тѣмъ Годфруа обвинялся въ убійствѣ, а не въ измѣнѣ супружескому долгу; противъ него было столько вѣскихъ уликъ, что доказать виновность подсудимаго было, въ сущности, очень легко. Однако представитель оскорбленнаго общества, какъ принято выражаться въ данномъ случаѣ, вздумалъ, безъ всякой надобности, вмѣшаться въ домашнюю жизнь обвиняемаго и обнаружить на судѣ ужасную тайну, которой тесть и жена Годфруа вовсе не подозрѣвали, такъ что подобное неожиданное открытіе поразило ихъ прямо въ сердце. Несчастный старикъ Клей узналъ, что его жена развратная женщина, а г-жа Годфруа была принуждена видѣть въ лицѣ родной матери свою соперницу.

Такимъ образомъ, къ длинному ряду жертвъ правосудія прибавилось еще двое. Для обманутаго мужа было недостаточно видѣть своего зятя на скамьѣ подсудимыхъ, обвиняемаго въ убійствѣ,—ему сообщили, въ присутствіи многочисленной публики, о невѣрности его жены, засвидѣтельствовали чудовищный фактъ, что въ ихъ семьѣ есть ребенокъ, который приходится Годфруа одновременно родною дочерью и свояченицей. Какой позоръ обрушился при подобномъ открытіи на совершенно неповиннаго человѣка! Сколько ему пришлось выстрадать, какую нравственную пытку принесло это разоблаченіе грязной закулисной тайны! Если даже допустить устарѣлое мнѣніе, будто бы обманутые мужья вызываютъ только смѣхъ, то положеніе жены подсудимаго, неповинной ни въ мошенничествѣ, ни въ убійствѣ, ни въ обнаруженномъ на судѣ отвратительномъ прелюбодѣяніи, все таки должно показаться всякому крайне трагическимъ. Кто можетъ равнодушно отнестись къ несчастію этой женщины, которая оплакивала мужа, обвиняемаго въ убійствѣ, и къ довершенію горя узнала, что ея мать рѣшилась на самый низкій поступокъ противъ дочери. Такимъ образомъ, г-жѣ Годфруа не осталось въ утѣшеніе даже счастливыхъ воспоминаній прошлаго, ни одной свѣтлой точки, ничего отраднаго, на чемъ бѣдная женщина могла бы отдохнуть душою, спасаясь отъ удручающей душевной муки. А бѣдныя дѣти? Чѣмъ они виноваты, что ихъ имя покрыли позоромъ? Мало того, что отецъ ихъ сдѣлался убійцей, они научились еще презирать людей, которые были имъ близки и дороги съ самой колыбели. На это мнѣ могутъ возразить, что у правосудія есть свои

жестокія обязанности. Пожалуй, такъ, но въ глубинѣ души я возмущаюсь такимъ вопіющимъ фактомъ.

Допустимъ, что Годфруа обвинялся бы въ другомъ преступленіи, напримѣръ, въ покушеніи на цѣломудріе. Въ интересахъ истины, правосудію неизбѣжно пришлось бы рыться въ грязи: разоблачать тайны алькововъ, гдѣ происходятъ скабрезныя сцены, опускаться въ клоаки, гдѣ самое отвратительное сладострастіе сталкиваетъ вмѣстѣ оба пола. Но подобные судебные процессы разсматриваются обыкновенно при закрытыхъ дверяхъ; правосудіе находитъ безполезнымъ доводить до свѣдѣнія публики отвратительныя подробности преступленія и, въ интересахъ нравственности, судебныя пренія происходятъ втайнѣ; оглашается только приговоръ суда и мѣра назначеннаго наказанія. Если въ скандальномъ процессѣ замѣшаны, по чужой винѣ, честные и порядочные люди, то газеты не предаютъ гласности ихъ именъ. Ни одного грязнаго пятна не ложится на невиновныхъ. Но процессъ Годфруа, гдѣ поднятъ вопросъ о семейной чести, разбирался при открытыхъ дверяхъ, и всѣ домашнія тайны семьи были преданы широкой гласности. Вся Франція была посвящена въ эту ужасную оргію, поглотившую честь матери, спокойствіе отца и отравившую цѣлую жизнь несчастной госпожѣ Годфруа съ ея дѣтьми. Еслибы дѣло шло о насиліи надъ несовершеннолѣтнею дѣвочкою, о какомъ нибудь изъ тѣхъ истерическихъ безумствъ, которыя обращаютъ человѣка въ самое свирѣпое животное, то публика не была бы допущена въ залу суда, потому что подобныя вещи вполнѣ основательно считаются неудобными для огласки въ интересахъ общественной нравственности. Общество узнаётъ только о совершонномъ преступленіи и о карѣ закона. Но почему же въ дѣлѣ Годфруа президентъ не прибѣгнулъ къ своей дискреціонной власти, чтобы спасти честь невинной семьи? Развѣ онъ не былъ обязанъ защитить ее отъ позора и отчаянія? Развѣ ему не слѣдовало, карая виновнаго, пощадить его близкихъ?

Но если судебная власть была не въ силахъ этого сдѣлать, скажу болѣе, если законодатели не уполномочили ее поступить такимъ образомъ, то, слѣдовательно, наше уголовное судопроизводство далеко отъ совершенства. Неужели цивилизованное общество можетъ хладнокровно допустить, чтобы правосудіе, карая виновнаго, разбивало въ то же время всю жизнь другимъ людямъ, не сдѣлавшимъ ничего противозаконнаго? Если таково мнѣніе моихъ читателей, то мнѣ, разумѣется, остается только замолчать. Однако я не думаю,чтобы люди, способные сочувствовать незаслуженному несчастію, могли равнодушно отнестись къ судьбѣ г-жи Годфруа,

ея дѣтей и старика Клея,—ко всѣмъ этимъ неповиннымъ жертвамъ возмутительнаго процесса, вызывающаго чувство глубокой жалости и вмѣстѣ съ тѣмъ отвращенія. Если порядочная семья унижена нравственнымъ паденіемъ одного или нѣсколькихъ изъ ея членовъ, то правосудіе обязано защитить честь остальныхъ. Процессъ Годфруа былъ чудовищнымъ явленіемъ, и безполезная огласка семейныхъ обстоятельствъ, не имѣвшихъ никакого отношенія къ убійству Куртфуа, какъ извѣстно, вызвала громкіе протесты со стороны парижскаго общества. Если мужъ совершилъ преступленіе, то изъ-за этого вовсе не слѣдуетъ отравлять жизнь женѣ. Жены убійцъ нерѣдко снова занимали почтенное положеніе въ обществѣ. Примѣромъ тому можетъ служить г-жа Лапоммерэ, грустную исторію которой я уже передалъ моимъ читателямъ.

II.

Исторія мясника Лебёфа.

— Арестую васъ именемъ закона, всякое сопротивленіе безполезно! сказалъ начальникъ охранительной полиціи, въ февралѣ 1874 года, мяснику Лебёфу.

Тотъ, къ кому обращались съ этими словами,былъ еще очень молодой человѣкъ, прикащикъ изъ мясной лавки, по фамиліи Лебёфъ, и полиція арестовала его по подозрѣнію въ томъ, что онъ принималъ участіе въ цѣломъ рядѣ преступленій, ужаснувшихъ Лимуръ. Сыщики болѣе недѣли дѣятельно разыскивали виновнаго. Трупы убитыхъ были на лицо; требовалось, во что бы то ни стало, отыскать убійцу. Съ большимъ трудомъ агенты полиціи нашли этого несчастнаго, который былъ такъ испуганъ ихъ появленіемъ, что не могъ выговорить ни слова.

Полицейскіе воспользовались замѣшательствомъ убійцы и надѣли ему ручныя колодки. Злодѣй не думалъ даже сопротивляться и не могъ этого сдѣлать, потому что неожиданный приходъ полиціи парализовалъ его геркулесовскую силу; волненіе мѣшало ему говорить. Лебёфъ не успѣлъ опомниться, какъ его посадили въ арестантскую повозку и отправили въ полицейское депо.

Такова исторія мясника Лебёфа, который цѣлый мѣсяцъ считался убійцею.

Вотъ онъ въ префектурѣ. Его ведутъ въ канцелярію; Лебёфъ увѣряетъ, что онъ невиненъ, клянется, что не знаетъ причины своего ареста. Но полицейскіе равнодушны къ его протестамъ, такъ какъ убійцы рѣдко сознаются въ совершонныхъ ими пре-

ступленіяхъ; въ префектурѣ съ утра до вечера разыгрываются потрясающія сцены, и агенты къ нимъ привыкли. Они увѣрены, что Лебёфъ лицемѣритъ, стараясь обмануть правосудіе. Въ тюрьму тебя, негодяй! Можешь объясняться съ судебнымъ слѣдователемъ!

Наконецъ ошеломленный молодой человѣкъ остается одинъ, въ тюремной каморкѣ, среди тишины и мрака. Когда ему сказали, въ чемъ его подозрѣваютъ, онъ заревѣлъ, какъ дикій звѣрь, отъ стыда и негодованія, но потомъ вдругъ затихъ, точно осужденный на смерть при видѣ гильотины. Въ префектурѣ ему объяснили, что уличный посыльный Дезирэ указалъ на него передъ смертью, какъ на одного изъ злодѣевъ, совершившихъ рядъ убійствъ въ Лимурѣ. Кто могъ усомниться въ вѣрности этого доноса? Посыльный, принадлежавшій къ шайкѣ, повѣсился, какъ говорили, изъ страха наказанія, но прежде чѣмъ покончить съ собою, онъ оговорилъ непричастнаго къ дѣлу мясника.

Итакъ Лебёфъ въ тюрьмѣ, одинъ со своими горькими размышленіями. Молодой человѣкъ въ недоумѣніи спрашиваетъ себя, не сошелъ ли онъ съ ума, вытираетъ крупныя капли пота со своего лба, желая убѣдиться, что это не бредъ; наконецъ у него является сознаніе своего ужаснаго положенія; онъ падаетъ на постель, рыдаетъ, какъ заблудившійся, покинутый ребенокъ; онъ спрашиваетъ себя, чего отъ него хотятъ, почему его преслѣдуетъ слѣпая судьба. Его оклеветалъ посыльный, котораго Лебёфъ не видалъ пятнадцать лѣтъ и котораго даже не помнилъ.

Отчаяніе несчастнаго смѣнилось бѣшенствомъ; его рыданія перешли въ дикій вой; могучая грудь, казалось, была готова разорваться; онъ принялся колотить руками и ногами объ стѣны, въ безумномъ желаніи разрушить ненавистную тюрьму и схоронить свой позоръ подъ ея развалинами; онъ зоветъ на помощь, проситъ, умоляетъ, наконецъ доходитъ до угрозъ.

— Сидите смирно! кричитъ ему сторожъ въ дверное отверстіе, а не то...

Мнимый убійца ободрился. Думая, что каждое человѣческое существо должно сочувствовать его ужасному положенію и что первый встрѣчный по его лицу непремѣнно пойметъ, что онъ не преступникъ, мясникъ Лебёфъ шепчетъ умоляющимъ, ребяческимъ тономъ:

— Но вѣдь я ни въ чемъ не виноватъ!

— Ладно, отвѣчаетъ ему сторожъ, завтра вы объяснитесь съ судебнымъ слѣдователемъ. А до тѣхъ поръ сидите смирно; у насъ есть особая темная камера для буйныхъ арестантовъ; помните это и не кричите, какъ пьяный.

Окошко затворяется. Все стихло; потомъ до слуха заключеннаго долетаетъ звукъ мѣрныхъ шаговъ часоваго. Лебёфъ въ слезахъ падаетъ на жалкую тюремную постель. Неужели никто не хочетъ его спасти? Неужели онъ всѣми забытъ и покинутъ на произволъ судьбы?

Но что это?.. Шаги у входа... все ближе, ближе... Конечно, это товарищи пришли заступиться за него, вырвать невиннаго изъ этой отвратительной ямы...

Тяжелая дверь скрипитъ на желѣзныхъ петляхъ и снова съ шумомъ захлопывается: въ полицейское депо привели еще одного арестованнаго. Опять настаетъ томительная, беззвучная тишина.

Еслибы Лебёфъ могъ себя видѣть, то испугался бы собственнаго мертвенно-блѣднаго лица съ налившимися кровью глазами; бѣшенство, стыдъ, смертельная тоска душили его. Видя, что ему нечего ждать отъ людей, несчастный обращается съ молитвою къ Богу. „Всемогущій сердцевѣдецъ, защити меня, помоги!—молится онъ, опускаясь на колѣни. Сжалься надо мною, отпусти мнѣ невольные грѣхи!“

Но и молитва не приноситъ утѣшенія въ такія ужасныя минуты. Между тѣмъ неестественное возбужденіе арестанта смѣняется полнымъ упадкомъ силъ: этотъ геркулесъ лежитъ неподвижно, какъ инертная масса, безъ воли, почти безъ сознанія... Его вѣки закрываются; онъ спитъ. Передъ нимъ въ тревожномъ сновидѣніи проносится вся его жизнь: онъ снова переживаетъ свое дѣтство, видитъ нѣжный взглядъ матери; чувствуетъ прикосновеніе ея руки къ своему лбу, на которомъ выступаютъ капли лихорадочнаго пота.

За дѣтствомъ слѣдуетъ отрочество: счастливыя минуты этой беззаботной поры съ поразительною ясностью воскресаютъ въ его памяти; растроганный до глубины души, Лебёфъ рыдаетъ во снѣ: вдругъ въ его каморкѣ раздается хриплый крикъ: изъ темноты передъ нимъ выростаетъ призракъ Дезирэ, съ веревкою на шеѣ. Самоубійца протягиваетъ къ нему блѣдную руку и говоритъ:

— Несчастный, ты будешь казненъ за чужое преступленіе.

На другой день заключеннаго ведутъ къ допросу. Наконецъ-то, думаетъ онъ, меня освободятъ! Онъ подходитъ къ судебному слѣдователю, увѣряетъ въ своей невиновности съ такою силою убѣжденія, которая въ состояніи тронуть каждаго. Однако судебный слѣдователь остается безстрастнымъ, не обращая вниманія на такіе пустяки. Въ частной жизни онъ можетъ быть прекраснѣйшимъ человѣкомъ, но исполненіе ужасныхъ служебныхъ обязан-

ностей ожесточило его сердце. Этотъ чиновникъ не похожъ на другихъ людей, изъ крови и плоти, доступныхъ обыкновеннымъ человѣческимъ чувствамъ,—это статуя, ходячій сводъ законовъ; его главная обязанность состоитъ не въ оправданіи невиновныхъ, а въ отысканіи преступниковъ; короче, судебный слѣдователь въ данномъ случаѣ служитъ представителемъ встревоженнаго, подозрительнаго общества, испуганнаго цѣлымъ рядомъ звѣрскихъ преступленій въ Лимурѣ. Въ виду своей отвѣтственной задачи, судьѣ неприлично поддаваться чувствительности; кромѣ того, ему приходилось имѣть дѣло съ такою массою злодѣевъ, что преступникъ Лебёфъ напрасно теряетъ время, толкуя о своей чести и благонамѣренности. Въ подтвержденіе этихъ словъ, обвиняемый ссылается на свое безупречное прошлое. Забавный чудакъ! самые закоренѣлые злодѣи говорили то же самое; почти всѣ они и передъ слѣдователемъ, и на судѣ, даже въ виду гильотины, увѣряли въ своей невиновности. Между тѣмъ, если посыльный донесъ на Лебёфа, то, вѣроятно, имѣлъ къ тому основаніе.

Какъ выйти изъ подобной дилеммы? Если судья добрый человѣкъ, чему бываетъ немало примѣровъ, то онъ прибѣгаетъ къ увѣщаніямъ, уговаривая убійцу сознаться; онъ станетъ толковать этому неповинному человѣку о снисхожденіи правосудія къ добровольно покаявшимся преступникамъ. Если обвиняемый выйдетъ изъ себя, ему напомнятъ объ уваженіи къ закону въ лицѣ судебнаго слѣдователя; если онъ молчитъ, ему заявляютъ, что упорство можетъ только ухудшить его положеніе. Когда арестованный станетъ говорить взволнованнымъ тономъ, его тревогу объясняютъ угрызеніями совѣсти; если онъ возмущается, о немъ скажутъ, что этотъ человѣкъ закоренѣлый злодѣй и что онъ оскорбляетъ правосудіе.

Судебнаго слѣдователя, конечно, нельзя легкомысленно обвинять въ данномъ случаѣ, такъ какъ онъ и не можетъ поступать иначе; ему не позволяется слушать голоса своего собственнаго „я“; на допросѣ обвиняемаго личныя чувства и убѣжденія судьи совершенно стушевываются, потому что на немъ лежитъ тяжелая отвѣтственность передъ обществомъ. Общество отдало ему въ руки свою безопасность, неприкосновенность личности и имущества, такъ что онъ отвѣчаетъ за жизнь и спокойствіе своихъ согражданъ не только передъ непосредственнымъ начальствомъ, но и передъ всею страною. Пока обвиняемый не подтвердитъ своей невиновности на основаніи неопровержимыхъ доказательствъ, онъ остается въ глазахъ судьи преступникомъ. Посыльный Дезирэ донесъ на Лебёфа передъ смертью; много данныхъ за то, что до-

посъ былъ основателенъ. Противъ такого аргумента возражать очень трудно, и обстоятельства самымъ роковымъ образомъ сложились противъ обвиняемаго.

Борьба между нимъ и судебнымъ слѣдователемъ продолжается цѣлые часы, цѣлые дни, наконецъ растягивается на недѣли и мѣсяцы; она постоянно возобновляется между противниками далеко не равной силы: искуснымъ въ діалектикѣ юристомъ и необразованнымъ человѣкомъ, который въ свое оправданіе повторяетъ неизмѣнно одно и то же: „я не виновенъ!“ Слѣдователь прибѣгаетъ къ тонкимъ дипломатическимъ уловкамъ, чтобы вызвать у арестанта сознаніе, а Лебёфъ, запуганный тюрьмою, одиночествомъ и присутствіемъ судьи съ самоувѣренною и плавною рѣчью, окончательно сбивается съ толку. Послѣ долгихъ часовъ томительнаго допроса настаетъ ночь, и молодой человѣкъ, несправедливо подозрѣваемый въ гнусномъ преступленіи, теряетъ всякую надежду на оправданіе. Трудно описать такое отчаяніе, такую пытку, едва ли не самую ужасную изъ всѣхъ.

Въ это время товарищи Лебёфа сидятъ въ шинкѣ. „Если полиція его арестовала, то вѣрно онъ виноватъ“, толкуютъ они между собою и, пожалуй, прибавляютъ: „я всегда остерегался этого негодяя!“ Или: „помнишь, еще въ прошломъ году я говорилъ тебѣ, что Лебёфъ дурной малый!“ Одинъ находитъ, что у молодаго мясника были злые глаза, другой не разъ видалъ, какъ онъ бродилъ по улицамъ въ глухую ночь, когда всѣ добрые люди спятъ у себя по домамъ. Болѣе добросовѣстные изъ знакомыхъ Лебёфа, можетъ быть, и не считаютъ его убійцей, но все таки не осмѣливаются сказать ни слова въ защиту обвиняемаго. Не смотря на отсутствіе явныхъ уликъ, обстоятельства все таки складываются противъ него. Если у арестованнаго есть мать, то онъ можетъ разсчитывать на сочувствіе хоть одной человѣческой души; если же молодой человѣкъ совершенно одинокъ, то ему не остается и этого утѣшенія.

Наконецъ, въ одинъ прекрасный день невиновность мнимаго преступника доказывается самымъ очевиднымъ образомъ. Слѣдователь оправдываетъ себя передъ своею совѣстью тѣмъ, что онъ только исполнялъ долгъ службы, подвергая медленной пыткѣ честнаго человѣка, что этотъ долгъ для него самого былъ и тяжелъ, и ужасенъ, но отъ него все таки было невозможно уклониться.

Арестъ отмѣняется; передъ Лебёфомъ отворяютъ тюремныя двери. Ты свободенъ, говорятъ ему. И дѣло кончено.

Но тутъ-то именно и должна заговорить человѣческая совѣсть;

все, что̀ есть въ насъ хорошаго и великодушнаго, должно быть оскорблено такимъ возмутительнымъ фактомъ. Неужели дѣло несправедливо обвиненнаго могло кончиться съ отмѣною его ареста? Общество лишило его свободы, держало цѣлый мѣсяцъ подъ замкомъ, доводило до крайнихъ предѣловъ отчаянія, запятнало его честь. И послѣ такихъ чудовищныхъ поступковъ, совершонныхъ въ защиту собственной безопасности, что̀ же дѣлаетъ это общество для искупленія своей вины? Предусмотрѣнъ ли такой случай закономъ? Существуетъ ли въ нашемъ кодексѣ статья, въ силу которой возстановляется поруганная честь незаслуженно опозоренаго человѣка? Что дѣлаемъ мы, чтобы возвратить ему уваженіе окружающихъ? Отведетъ ли его полицейскій комисаръ въ тотъ кварталъ, гдѣ прежде жилъ мнимый преступникъ, и заявитъ ли онъ, во имя нравственности и правды, передъ лицомъ Бога и людей, что Лебёфъ честный юноша, достойный почтенія своихъ согражданъ? Нѣтъ! Странная вещь: между тѣмъ компрометированный купецъ обыкновенно оправдывается на торжественномъ публичномъ засѣданіи. Помнятъ ли мои читатели эту сцену, разсказанную Бальзакомъ? Почтенному человѣку, перенесшему тяжелыя испытанія, возвращаютъ несправедливо отнятую честь, и это дѣлается всенародно, торжественно. Невозможно безъ волненія читать этихъ краснорѣчивыхъ страницъ: столько въ нихъ прекраснаго, высокаго, истинно-гуманнаго.

Но когда человѣка несправедливо заподозрили въ злодѣйствѣ и продержали цѣлый мѣсяцъ подъ замкомъ, передъ нимъ просто отворяютъ тюремную дверь и говорятъ:

— Иди съ Богомъ, ты можешь возвратиться къ твоимъ занятіямъ. Нечего дѣлать, если твоя честь до извѣстной степени запятнана тюремнымъ заключеніемъ и если нѣкоторые изъ твоихъ знакомыхъ, пожалуй, скажутъ при встрѣчѣ съ тобою: „его выпустили на свободу по недостатку уликъ“. Мы не можемъ защитить тебя. Мы дѣйствовали въ интересахъ общества и не виноваты передъ тобою. Ступай своей дорогой!

Не будучи ни законникомъ, ни судьею, а простымъ писателемъ, который судитъ на основаніи здраваго смысла и по чувству человѣколюбія, я нахожу просто чудовищнымъ, что администрація имѣетъ право арестовать честнаго человѣка, взвести на него самое ужасное обвиненіе и потомъ, вмѣсто всякаго возмездія за такой позоръ, только объявить его оправданнымъ по суду и неподлежащимъ преслѣдованію закона. Когда судьи собираются для обвиненія преступника, обстановка суда постоянно отличается особою внушительною торжественностью. Красныя мантіи судеб-

наго персонала, осѣняемаго изображеніемъ Христа, производятъ поразительный эффектъ. Двери судилища отворены настежъ, чтобы проходящій народъ могъ видѣть, какимъ образомъ совершается правосудіе въ его отечествѣ. Все это прекрасно само по себѣ, но не слѣдовало ли тѣмъ же судьямъ собираться вмѣстѣ на такое же торжественное засѣданіе, чтобы всенародно подтвердить невиновность и неподсудность несчастнаго, который цѣлый мѣсяцъ считался убійцею? Если подобное требованіе неосновательно, то я не буду понапрасну терять своихъ словъ. Пусть все остается по старому. Но пускай также общество пеняетъ само на себя, если, занимаясь мелочами и пренебрегая серьезными вопросами, оно доведетъ угнетенный, безотвѣтный народъ до неизбѣжнаго кризиса. Что оно будетъ дѣлать, когда слабые и безпомощные люди возмутятся противъ существующаго порядка, встрѣчая повсюду вопіющее равнодушіе къ своей суровой долѣ, отчаявшись въ людскомъ состраданіи и божественномъ милосердіи? Что оно отвѣтитъ имъ, когда они громко потребуютъ признанія своихъ правъ и въ ожесточеніи будутъ восклицать:

— Гдѣ же ты, Боже правый?

III.

Мнимая отравительница.

Никогда Парижъ не былъ такъ прекрасенъ, какъ 30-го іюня 1878 г., когда онъ отдохнулъ послѣ пережитыхъ несчастій и принарядился къ открытію выставки. Весь городъ привѣтствовалъ это событіе радостными восклицаніями, потому что оно возвратило столицѣ Франціи ея прежній блескъ и великолѣпіе. Парижъ буквально сіялъ. Этотъ памятный день его жизни совпадаетъ, между прочимъ, съ днемъ оправданія одной несчастной женщины, несправедливо обвинявшейся въ отравленіи.

Рано утромъ, среди пушечныхъ выстрѣловъ и военной музыки, привѣтствовавшихъ праздникъ, раздался страдальческій, болѣзненный крикъ, но его никто не замѣтилъ: онъ былъ заглушенъ барабаннымъ боемъ, звукомъ трубъ, пѣснями, хлопаньемъ фейерверочныхъ петардъ; въ своемъ понятномъ опьяненіи, Парижъ не разслышалъ этого крика боли.

Въ то время, когда всѣ журналы были наполнены программами предстоящихъ празднествъ, печать констатировала, между прочимъ, чудовищный фактъ, что невинный человѣкъ можетъ быть осужденъ за преступленіе, котораго онъ не совершалъ, что его

голова можетъ упасть подъ топоромъ гильотины, или, при самомъ счастливомъ исходѣ, смертная казнь будетъ замѣнена каторгою, на основаніи простой экспертизы аптекаря, призваннаго рѣшать научные вопросы передъ судомъ присяжныхъ.

Я говорю о процессѣ вдовы Лерудо, которую обвинили въ отравленіи мужа и приговорили, за полгода до открытія парижской выставки, къ двадцатилѣтнему сроку принудительныхъ работъ. Ея дѣло разбиралось въ Версали, и только краснорѣчіе адвоката Лашо спасло ей жизнь; знаменитый защитникъ все таки не могъ оправдать обвиняемую, хотя она была совершенно невиновна. Что скажутъ на это мои читатели? Не правда-ли, что въ виду подобныхъ фактовъ невольно начинаешь бояться за свою собственную безопасность?

Вдова Лерудо была невиновна, однако версальскій аптекарь заставилъ присяжныхъ вынести ей обвинительный вердиктъ. Замѣчательный химикъ-фармацевтъ, украшающій собою департаментъ Сены и Уазы, категорически заявилъ, что смерть фермера Лерудо произошла отъ отравленія щавелевою кислотою, содержащеюся между прочимъ въ безвредномъ растеніи—кислый щавель, rumex acetosa, по словамъ версальскаго кладезя науки. Когда полиція поручила ему изслѣдовать трупъ мнимо-отравленнаго человѣка, то мудрый аптекарь, не колеблясь, призналъ отравленіе.

Улики были противъ вдовы Лерудо изъ Шатофора. На судѣ присяжныхъ химикъ съ такою энергіею поддерживалъ свое мнѣніе, что избранные по жребію двѣнадцать гражданъ, хотя и были растроганы рѣчью знаменитаго Лашо, все таки вынесли подсудимой обвинительный приговоръ, на основаніи котораго мнимую преступницу приговорили къ двадцатилѣтнему сроку принудительныхъ работъ.

Такимъ образомъ, въ тотъ вечеръ, когда увѣнчанный лаврами аптекарь, способствовавшій раскрытію ужаснаго преступленія, мирно покоился на своемъ супружескомъ ложѣ, можетъ быть, мечтая о томъ, какую популярность пріобрѣтетъ послѣ этого процесса его лавочка, невинно осужденная женщина металась по арестантской каморкѣ, предаваясь порывамъ глубокаго отчаянія. Версальскому аптекарю стоило поддержать на судѣ свое обвиненіе, и правосудіе тотчасъ перешло на сторону его экспертизы. Въ Шатофорѣ, пожалуй, даже находили, что судьи выказали слишкомъ много снисхожденія къ преступницѣ. Такой злодѣйкѣ слѣдовало бы умереть на гильотинѣ.

Простой случай, незначительная мелочь, эта знаменитая песчинка, о которую споткнулось громкое реноме самаго славнаго

изъ аптекарей департамента Сены и Уазы, спасла жизнь несчастной женщинѣ. Благодаря незначительному нарушенію формальностей, кассаціонный судъ постановилъ снова разобрать дѣло вдовы Лерудо на судѣ присяжныхъ департамента Сены. Президентъ суда, Севестръ, на этотъ разъ не нашелъ нужнымъ обращаться къ учености великаго химика-фармацевта, который, говоря по правдѣ, не принесъ особенной чести своему городу. Слѣдствіе было поручено Вюльпіану и Вюрцу, а къ нимъ присоединился еще извѣстный въ судебной медицинѣ докторъ Бержеронъ. Эти трое ученыхъ единогласно заявили, что щавелевая кислота, приснившаяся версальскому аптекарю, была не причемъ въ смерти скоропостижно скончавшагося Лерудо, который умеръ просто отъ болѣзни. На этотъ разъ мнимая отравительница была оправдана.

Трудно себѣ представить, что̀ произошло въ головѣ версальскаго аптекаря послѣ этого приговора. Торговля лѣкарствами, конечно, не исключаетъ добросовѣстности. Можно продать своимъ современникамъ много гранъ висмута, не дойдя при этомъ до сердечнаго ожесточенія. Если у великаго ученаго Сены и Уазы были густые волоса, что̀ мнѣ, къ сожалѣнію, неизвѣстно, то въ данную минуту онъ долженъ быть совершенно плѣшивъ. Одно изъ двухъ: удивительный аптекарь или долженъ остаться при своемъ убѣжденіи, что онъ оказалъ услугу обществу, заставивъ осудить невинную женщину, или же ему пришлось замѣнить изящнымъ парикомъ свои природные волосы, собственноручно вырванные имъ въ припадкѣ понятнаго отчаянія. Во всякомъ случаѣ, можно быть увѣреннымъ, что за его громкій подвигъ на версальскомъ судѣ присяжныхъ этотъ аптекарь не будетъ выбранъ въ члены академіи наукъ. Вюльпіану, декану медицинскаго факультета въ Парижѣ, и Вюрцу, знаменитому химику, нечего бояться, что ихъ ученую славу въ скоромъ времени можетъ затмить фармацевтъ изъ города, бывшаго свидѣтелемъ блестящихъ празднествъ Людовика XIV.

Теперь мнѣ нужно сдѣлать одно замѣчаніе, которое, пожалуй, многіе изъ моихъ читателей найдутъ излишнимъ. Однако я исхожу изъ того мнѣнія, что не всякій коротко знакомъ съ устройствомъ нашихъ судовъ. Немало людей до сихъ поръ думаютъ, будто бы кассаціонный департаментъ есть нѣчто въ родѣ апеляціоннаго суда, куда поступаетъ на разсмотрѣніе уголовный процессъ, какъ въ высшую инстанцію. Это невѣрно. Кассаціонный судъ не занимается сущностью процесса; онъ не разсматриваетъ вопроса о степени виновности осужденнаго и обязанъ только провѣрить, законнымъ ли порядкомъ разбиралось на судѣ присяжныхъ уго-

ловное дѣло; въ случаѣ юридическихъ ошибокъ, рѣшеніе кассируется, однако безъ оправданія подсудимаго. Въ дѣлѣ вдовы Лерудо было неточно передано показаніе одного эксперта. Такого незначительнаго нарушенія формальности оказалось, однако, достаточно для пересмотра процесса. Безъ этого подсудимая отправилась бы на каторгу, а заслуженная слава версальскаго аптекаря перешла бы къ отдаленнымъ потомкамъ. Этотъ аптекарь однимъ прыжкомъ могъ попасть въ галлерею знаменитыхъ ученыхъ; онъ, пожалуй, подарилъ бы міру глубокомысленный трактатъ о щавелевой кислотѣ и былъ бы избранъ нѣкоторыми академіями членомъ-корреспондентомъ. Случай извлекъ его изъ неизвѣстности,—точно добрый геній въ театральной фееріи, покровительствующій сказочному принцу. Передъ скромнымъ аптекаремъ неожиданно открылась блестящая будущность.

Но „слава—звукъ пустой".

Теперь, возвративъ достойнаго фармацевта мраку неизвѣстности, откуда ему никогда не слѣдовало выходить, поговоримъ объ этомъ грустномъ дѣлѣ серьезно. Процессъ вдовы Лерудо представляетъ болѣе чѣмъ поучительный фактъ: онъ даетъ намъ право громко требовать пересмотра устава о производствѣ уголовныхъ слѣдствій, потому что этотъ уставъ давно устарѣлъ. Смѣшно предполагать, будто бы наши законы внушаютъ зависть цѣлой Европѣ. Тщеславіе французовъ въ этомъ отношеніи доходитъ до смѣшнаго, потому что мы стараемся видѣть во всемъ свое мнимое превосходство передъ остальнымъ свѣтомъ. Гондинэ, съ его необыкновеннымъ умомъ, очень удачно схватилъ эту черту нашего національнаго характера. Дѣйствующее лицо въ одной изъ его пьесъ, говоря о новой парижской оперѣ, восклицаетъ въ умиленіи:

— Вотъ лѣстница, которой завидуетъ вся Европа!

Несомнѣнно, что Европа можетъ позавидовать многому во Франціи, но вы, пожалуй, очень удивитесь, когда я скажу, что относительно производства уголовныхъ слѣдствій намъ не мѣшало бы поучиться у такой незначительной страны, какъ Бельгія. Тамъ слѣдствіе не производится секретно; на немъ допущены пренія; обвиняемаго не заключаютъ въ тюрьму, предоставляя ему защищаться, какъ онъ умѣетъ, въ неравной борьбѣ съ судебнымъ слѣдователемъ, искуснымъ въ раскрытіи преступленій, и съ аптекаремъ, усвоившимъ себѣ оригинальныя понятія о щавелевой кислотѣ. Какъ только кончится первое слѣдствіе, обвиняемаго подвергаютъ допросу съ двухъ сторонъ: съ одной стороны его допрашиваетъ судебный слѣдователь, съ другой—совѣтъ обвиняемаго. Въ Бельгіи подсудимый свободенъ, ему позволено искать защиты у науки

и слова. Только по выслушаніи мнѣнія обѣихъ сторонъ и всѣхъ pro и contra подозрѣваемый въ преступленіи, предается суду. При такой системѣ, превосходство которой отлично подтверждается процессомъ фермерши Лерудо, эта несчастная женщина съ перваго момента имѣла бы уже возлѣ себя защитника, и ея адвокатъ немедленно обратился бы къ содѣйствію ученаго эксперта, который тотчасъ же могъ опровергнуть передъ судебнымъ слѣдователемъ нелѣпую экспертизу аптекаря-химика. Тогда обвиняемой не пришлось бы томиться въ предварительномъ заключеніи и, вѣроятно, она не попала бы на судъ присяжныхъ и не была приговорена къ принудительнымъ работамъ на двадцать лѣтъ. Теперь моимъ читателямъ, надѣюсь, стало ясно, чѣмъ иногда можетъ кончиться негласное производство уголовнаго слѣдствія, какимъ жестокимъ страданіямъ подвергаетъ оно несправедливо обвиненнаго человѣка и къ какимъ роковымъ ошибкамъ приводитъ правосудіе.

Законодатель, занявшійся этимъ важнымъ вопросомъ и передѣлкою устава уголовнаго слѣдствія, навѣрно, пріобрѣлъ бы громкую извѣстность.

Теперешній уставъ отжилъ свое время. Конечно, когда его внесли въ наше законодательство, онъ былъ, въ свою очередь, либеральнымъ нововведеніемъ, но никакой законодатель не можетъ думать, что имъ сказано послѣднее слово по всѣмъ юридическимъ вопросамъ. Вселенная подвергается безпрестаннымъ измѣненіямъ; ничто изъ того, что мы видимъ, слышимъ и одобряемъ, не можетъ быть вѣчнымъ и представляетъ только переходную ступень къ новымъ явленіямъ. Каждый день приноситъ намъ съ собою новыя неожиданности, каждая эпоха предъявляетъ свои особыя требованія. Возмутительное дѣло вдовы Лерудо служитъ краснорѣчивымъ доказательствомъ, что существующій порядокъ оставляетъ многаго желать.

Пересмотръ уголовнаго судопроизводства обязателенъ въ видахъ бо̀льшей безопасности для обвиняемаго. Весь день 30-го іюня злополучный процессъ Лерудо не выходилъ у меня изъ головы. Я не переставалъ думать о несчастной женщинѣ среди всеобщаго ликованія; эта мысль отравляла мнѣ всякое удовольствіе, всякое отрадное чувство; съ утра до вечера, я ежеминутно вспоминалъ о невинно осужденной; среди веселаго уличнаго оживленія и праздничнаго шума мнѣ слышался крикъ душевной боли, слышались рыданія женщины, которую признали отравительницею двѣнадцать честныхъ гражданъ при содѣйствіи аптекаря, и все это случилось изъ-за того, что, вопреки требованіямъ современной

цивилизаціи, подсудимой не было позволено опровергнуть на слѣдствіи неосновательные выводы какого-то недоучки, разыгрывающаго роль въ провинціи.

Необходимость реформы нашего уголовнаго судопроизводства слишкомъ очевидна и представляетъ настоящую злобу дня. Оправданіе вдовы Лерудо, приговоренной присяжными къ двадцатилѣтнему сроку принудительныхъ работъ за преступленіе, котораго она не совершала, должно бы, кажется, принести свои плоды; позволительно было думать, что послѣ такой чудовищной юридической ошибки, наша администрація прежде всего займется реформою уголовнаго судопроизводства; однако у нашихъ законодателей, повидимому, есть другія заботы, помимо неприкосновенности чести и жизни своихъ согражданъ, къ чему они должны стремиться путемъ реформъ, требуемыхъ временемъ. Казалось бы, что магистратура съ своей стороны должна была особенно добиваться измѣненія уголовнаго судопроизводства. Чѣмъ бо̀льшими гарантіями будетъ обставленъ обвиняемый, тѣмъ больше возвысится въ глазахъ общества и само правосудіе, и судейскій авторитетъ. Безъ краснорѣчивой защиты адвоката Лашо, вдова Лерудо была бы приговорена къ смерти,—а не случись въ процессѣ маленькой формальной ошибки, кассаціонный судъ не уничтожилъ бы перваго рѣшенія; такимъ образомъ предполагаемая отравительница рисковала умереть на гильотинѣ и давно истлѣть въ землѣ, не смотря на наши либеральные законы. При мысли объ этомъ, я невольно спрашиваю себя, неужели, въ виду подобныхъ фактовъ, еще возможно защищать смертную казнь?

IV.

Сынъ убійцы.

Можно съ достовѣрностью сказать, что мы живемъ въ удивительную эпоху. Еслибы наши отцы вернулись съ того свѣта, то навѣрно были бы сильно поражены современнымъ прогрессомъ рѣшительно во всемъ. Такъ, благодаря возрастающей цивилизаціи, убійство приняло у насъ необыкновенные размѣры. Злодѣй нашего времени передъ прежнимъ убійцей—то же, что̀ крупный фабрикантъ обуви передъ жалкимъ башмачникомъ, который починиваетъ дырявые башмаки въ своей лавчонкѣ. Теперь преступники значительно расширили свои операціи и если еще не примѣнили употребленія пара къ своимъ злодѣйствамъ и не составили анонимныхъ компаній, то скоро, навѣрно, дойдутъ и до этого.

Въ то время, когда въ Дургамѣ, въ Англіи, судили женщину,

по имени Мери-Анна Коттонъ, отравившую до тридцати человѣкъ, въ томъ числѣ троихъ ея мужей, во Франціи передъ судомъ присяжныхъ въ Бордо явился уличный посыльный Іоганесъ Мано, обвинявшійся въ томъ, что 10-го апрѣля 1872 г. онъ убилъ ударами пики на мызѣ въ Тату свою жену, тестя, тещу и двоихъ родныхъ дѣтей.

Прежній убійца, отправлявшій на тотъ свѣтъ людей по одиночкѣ, повидимому, исчезъ изъ нашихъ нравовъ. Въ современный цивилизованный вѣкъ, преступленія совершаются оптомъ; они почти не останавливаются на подробностяхъ, и мы до того привыкли слышать о громадномъ количествѣ злодѣйствъ, совершонныхъ однимъ человѣкомъ, что простое убійство, занесенное въ газетный дневникъ приключеній, дѣйствуетъ на насъ не сильнѣе извѣстія о собакѣ, раздавленной омнибусомъ.

Процессъ Мано представляетъ одно изъ самыхъ поразительныхъ уголовныхъ дѣлъ, потому что этотъ разбойникъ былъ, такъ сказать, осужденъ своимъ собственнымъ сыномъ, семилѣтнимъ мальчикомъ.

Никогда романистъ не выдумывалъ болѣе ужасной исторіи; никакой драматургъ не написалъ для театра болѣе потрясающей сцены. Ребенокъ былъ свидѣтелемъ преступленія и не вскрикнулъ, представляясь спящимъ, пока отецъ убивалъ его мать. Онъ передалъ всѣ подробности происшествія съ большою точностью и такимъ хладнокровіемъ, которое заставляло присутствующихъ невольно содрогаться. Это показаніе маленькаго Бернардина Мано противъ роднаго отца представляетъ одну изъ самыхъ ужасныхъ страницъ нашей судебной хроники; оно возмущаетъ душу, заставляя снисходительнѣе относиться даже къ такимъ озвѣрѣвшимъ злодѣямъ, какъ уроженецъ Бордо, знаменитый убійца Тропманъ.

Изъ этихъ двухъ существъ, связанныхъ между собою самыми тѣсными узами крови, меня больше ужасаетъ сынъ.

Ему всего только семь лѣтъ; Бернардинъ—цвѣтущій, свѣженькій мальчикъ; судя по внѣшности, онъ самый обыкновенный ребенокъ, но, въ дѣйствительности, это феноменъ, какіе, къ счастью, встрѣчаются очень рѣдко. Его мать умерла подъ ударами убійцы. Убійцею былъ родной отецъ Бернардина, но мальчикъ, вмѣсто того, чтобы съ плачемъ броситься на шею первому жандарму, попавшемуся на дорогѣ, молчитъ и никому не открываетъ случившагося. У этого семилѣтняго ребенка зрѣетъ въ головѣ кровавый планъ мести: онъ возьметъ ножъ, наточитъ его въ кузницѣ и постарается убить своего отца. Онъ самъ признается въ своемъ замыслѣ, который не былъ приведенъ въ исполненіе только благо-

лари аресту Мано; не случись этого, маленькое чудовище постаралось бы осуществить свою идею.

Сынъ Мано не былъ вызванъ на судъ въ качествѣ свидѣтеля, потому что законъ не позволяетъ этого; но такъ какъ наши судебные уставы очень эластичны, то предсѣдатель суда, пользуясь своею неограниченною властью, разрѣшилъ выслушать ребенка, какъ бы подъ видомъ наведенія справокъ. Это различіе имѣетъ мало значенія для человѣка незнакомаго съ юридическими тонкостями; здѣсь бросается въ глаза только одно, что сынъ своими показаніями или объясненіями—здѣсь слово не измѣняетъ сущности дѣла—можетъ привести отца на гильотину и заставить его умереть подъ топоромъ палача.

Этотъ ребенокъ, на самомъ дѣлѣ, маленькое чудовище. Его не пугаетъ ни присутствіе судей, ни внушительная, торжественная обстановка суда; его слова отличаются замѣчательною ясностью, его обвиненіе непогрѣшимо относительно формы; онъ не волнуется инстинктивнымъ чувствомъ робости и недовѣрія. Бернардинъ равнодушно смотритъ и на многочисленную публику, и на отца, сидящаго между двухъ жандармовъ; онъ основательно отвѣчаетъ на всѣ вопросы. Ребенокъ былъ свидѣтелемъ убійства и не думалъ кричать и плакать, а представлялся спящимъ; изумительное хладнокровіе!

Очевидно, это необыкновенный мальчикъ; онъ явился на свѣтъ съ любопытными инстинктами и его не слѣдовало бы оставлять безъ надзора. Невинность не говоритъ его устами, и въ этой маленькой головкѣ зрѣетъ ужасное зерно. Невольно задаешь себѣ вопросъ, что за человѣкъ выйдетъ изъ этого мальчишки, который въ семь лѣтъ не признаётъ уже другаго закона, кромѣ древняго, выразившагося въ извѣстной формулѣ: „око за око, зубъ за зубъ“.

Впечатлѣніе, вынесенное имъ изъ суда присяжныхъ, не можетъ развить въ маленькомъ Бернардинѣ великодушныхъ чувствъ. Конечно, я далекъ отъ мысли ставить въ вину магистратурѣ эту варварскую сцену. Судья повинуется не своей личной волѣ и своимъ личнымъ вкусамъ: онъ орудіе закона, онъ не имѣетъ права слѣдовать влеченію сердца; только одинъ долгъ, неумолимый и строгій, долженъ руководить его поступками.

Но если предсѣдатель суда присяжныхъ въ департаментѣ Жиронды имѣетъ собственныхъ дѣтей, онъ долженъ жестоко страдать изъ-за того, что законъ принудилъ его противъ воли допрашивать семилѣтняго ребенка, каждое слово котораго, такъ сказать, оттачивало топоръ палача. Волненіе предсѣдателя было очевидно, и, конечно, процедура этого безбожнаго допроса остает-

ся для него однимъ изъ самыхъ тяжелыхъ воспоминаній его судейской карьеры. Когда ребенокъ передалъ сцену убійства, президентъ поспѣшилъ вторично предложить ему тѣ же вопросы, и на этотъ разъ въ самой благопріятной формѣ для подсудимаго. Какая драматическая сцена! Еще при входѣ Бернардина въ залу суда, публика невольно содрогнулась, а несчастный Мано задыхался отъ волненія и страшно поблѣднѣлъ; онъ понималъ, что его судьба зависитъ отъ показанія сына. Ребенка ввели; сначала онъ смутился; секретарю пришлось немного выдвинуть его впередъ. Въ эту минуту подсудимый не спускалъ съ него глазъ, точно умоляя о сожалѣніи; губы Мано дрожали отъ этой невысказанной мольбы; каждое слово ребенка могло быть смертнымъ приговоромъ отцу. Не ужасно-ли это?

Пусть самъ убійца не заслуживаетъ никакого состраданія, но вѣдь ребенокъ ни въ чемъ не виноватъ. По какому праву его заставляютъ обличать отца? Зачѣмъ его дѣтскую совѣсть отягощаютъ такимъ бременемъ? Что отвѣтитъ ему общество, если въ двадцать лѣтъ онъ сдѣлается негодяемъ и скажетъ въ одинъ прекрасный день:

— Вы спрашиваете меня, почему я поступаю противозаконно? Видите-ли: мнѣ было семь лѣтъ, когда мой отецъ совершилъ преступленіе. Тогда меня привели въ судъ и стали допрашивать. Безсознательно я выдалъ его. Придя въ возрастъ, я принялся разсуждать о случившемся. Сознаніе, что изъ-за меня отецъ пошелъ на каторгу, отравило мнѣ жизнь, и я отвернулся отъ общества, которое потребовало отъ семилѣтняго ребенка исполненія такой жестокой и безчеловѣчной обязанности.

Общество, конечно, отвѣтитъ ему въ свою очередь:

— Что-же дѣлать? Того требовалъ законъ!

Но и обществу можно возразить, что оно не имѣетъ права создавать такихъ жестокихъ законовъ и по временамъ должно допускать извѣстные компромиссы.

На это законодатель можетъ замѣтить въ свое оправданіе:

— Я далъ предсѣдателю право допрашивать сына убійцы, но въ то же время позволилъ защитнику и подсудимому отклонить этотъ допросъ. Такъ, адвокатъ Кремьё однажды заставилъ кассировать рѣшеніе суда присяжныхъ на томъ основаніи, что въ свидѣтели былъ вызванъ сынъ преступника.

Публика, которая судитъ по непосредственному впечатлѣнію и здравому смыслу, не придаетъ значенія такимъ юридическимъ тонкостямъ, но между тѣмъ защитникъ хорошо знаетъ, что, от-

водя свидѣтеля, онъ внушаетъ этимъ присяжнымъ засѣдателямъ новыя подозрѣнія противъ своего кліента.

Что касается подсудимаго Мано, то онъ, вѣроятно, разсчитывалъ, что ребенокъ растеряется при видѣ обстановки суда. Такъ или иначе, но ужасное положеніе обвиняемаго не позволяло ему воспротивиться допросу ребенка; такой шагъ былъ равносиленъ сознанію въ преступленіи. Въ уголовномъ процессѣ, гдѣ недостаетъ прямыхъ уликъ, гдѣ мнѣніе присяжныхъ колеблется туда и сюда, подсудимый долженъ прежде всего остерегаться неблагопріятнаго впечатлѣнія на присутствующихъ, потому что это ведетъ къ самымъ пагубнымъ послѣдствіямъ. Такимъ образомъ, протестуя противъ допроса сына, Мано обнаружилъ бы явную боязнь, что слова ребенка откроютъ истину, а этого было бы достаточно для убѣжденія присяжныхъ въ его несомнѣнной виновности.

Вѣрность этого замѣчанія очевидна и совершенно ясно показываетъ, почему ни защитникъ, ни обвиняемый не отвели такого опаснаго свидѣтеля, какъ маленькій Бернардинъ. Но именно это обстоятельство и дѣлаетъ особенно тяжелою удручающую сцену обвиненія отца роднымъ сыномъ. Никогда ни одинъ драматургъ не описывалъ болѣе потрясающаго момента. Какъ бы ни былъ антипатиченъ Мано, нельзя не сознаться, что его наказаніе было ужасно. Отецъ отстаиваетъ передъ закономъ свою голову. Если ребенокъ заговоритъ, онъ погибъ, если же онъ не допуститъ сына до показаній, такой шагъ будетъ равносиленъ сознанію въ преступленіи. Не думаю, чтобы можно было представить себѣ болѣе жестокое, болѣе трагическое положеніе.

Нужно заглянуть въ душу Мано, чтобы понять, какую пытку онъ перенесъ. Раньше показаній Бернардина судебныя пренія не выяснили виновности подсудимаго; все зависѣло отъ допроса ребенка. Всякій изъ насъ вправѣ протестовать и возмущаться такимъ фактомъ, но обвиняемый не смѣетъ сказать ни слова. Мы имѣемъ возможность заявить, что, во имя нравственности и человѣколюбія, не допускаемъ свидѣтельства сына противъ отца; Мано лишенъ даже этого послѣдняго ресурса. Стоитъ ему сказать слово противъ появленія сына, какъ его признаютъ виновнымъ; между тѣмъ, если онъ не отведетъ опаснаго свидѣтеля, то отдастъ свою жизнь въ ненадежныя руки ребенка.

Можно ли придумать что нибудь болѣе драматическое, болѣе потрясающее? Занесена ли въ лѣтописи суда присяжныхъ болѣе тяжелая и, говоря откровенно, болѣе возмутительная сцена?

Наконецъ, ребенокъ заговорилъ и притомъ съ такою самоувѣренностью, которая уничтожаетъ всякое сомнѣніе въ истинѣ его

показаній. Подобныхъ вещей нельзя выдумать въ семь лѣтъ. Обвиненіе оказывается вполнѣ яснымъ, подавляющимъ, и присяжнымъ остается только удалиться въ залу совѣщаній. Что тамъ происходитъ, читатели, конечно, догадываются по смыслу приговора. Двѣнадцать почтенныхъ людей возмущены при мысли, что преступникъ кончитъ жизнь на эшафотѣ, благодаря родному сыну. Не смотря на вопіющія злодѣйства Мано, присяжные не хотятъ брать на свою совѣсть вѣчнаго упрека и объявляютъ подсудимаго виновнымъ, но при смягчающихъ обстоятельствахъ, что спасаетъ преступника отъ смертной казни. Благодаря этому, ребенокъ, сдѣлавшись взрослымъ человѣкомъ, не будетъ упрекать себя въ томъ, что послалъ роднаго отца на эшафотъ. Мано кончитъ жизнь на каторгѣ, а его сынъ выростетъ и со временемъ потребуетъ у общества отчета въ безнравственномъ поступкѣ, который его заставили совершить въ силу закона, допускающаго дѣтей свидѣтельствовать противъ родителей.

V.

Невиновный въ Мазасѣ.

Представьте себѣ, читатель, слѣдующее происшествіе. Какой нибудь человѣкъ, возвращаясь къ себѣ домой глухою ночью, былъ смертельно раненъ въ пустынной улицѣ. На мѣсто преступленія подоспѣла полиція, и пострадавшій, умирая, обвинилъ въ убійствѣ, положимъ, васъ или меня. Объ этомъ было немедленно донесено полицейскому мэру и на слѣдующіе сутки мнѣ или вамъ пришлось ночевать въ Мазасѣ. Вы скажете, что это невозможно. Однако такой случай произошелъ съ юношею безупречнаго поведенія, по имени Пьеромъ Бюссакомъ, на котораго донесъ полиціи аптечный ученикъ, смертельно раненый ночью въ своей лавкѣ. Вотъ какъ было дѣло. Въ апрѣлѣ 1877 г., тотчасъ послѣ полуночи, раздался звонокъ въ аптеку; незнакомый человѣкъ спросилъ лѣкарства, и пока ученикъ занялся его приготовленіемъ, вошедшій нанесъ ему нѣсколько ударовъ палкою съ свинцовымъ набалдашникомъ и затѣмъ скрылся. Полиція, призванная на мѣсто катастрофы, узнаётъ слѣдующее: пострадавшему показалось, будто-бы его ранилъ Пьеръ Бюссакъ, служившій раньше въ той же аптекѣ при лабораторіи. Его немедленно арестовали и заключили въ тюрьму. Онъ, конечно, доказывалъ свою невиновность, божился и клялся, что никого не думалъ убивать: но всѣ злодѣи прибѣгаютъ къ этой уловкѣ, и *потому никто не обратилъ* вниманія на протесты арестанта. Не ве-

лика важность, что онъ посидитъ въ тюрьмѣ; судебный слѣдователь разберетъ, правъ онъ или виноватъ. На слѣдующее утро весь Парижъ узналъ изъ газетъ, что виновникъ злодѣйскаго покушенія на убійство сидитъ подъ замкомъ, благодаря расторопности Жакоба, бывшаго въ то время шефомъ охранительной полиціи. Какой исполнительный человѣкъ! твердили парижане.

Въ настоящемъ случаѣ я вовсе не думаю нападать на личность, а порицаю цѣлую систему; сегодня ее примѣняетъ одинъ человѣкъ, завтра другой; здѣсь дѣло не въ имени. Люди мѣняются, но тѣ или другіе административные пріемы продолжаютъ держаться.

Простой здравый смыслъ, чувство собственной безопасности и самые элементарные принципы человѣколюбія возмущаются тѣмъ фактомъ, что полиція имѣетъ право арестовать огуломъ всѣхъ и каждаго. Если Пьеръ Бюссакъ обвиненъ въ преступленіи, то можно поручить его тайному надзору полицейскихъ и въ то же время начать разслѣдованіе дѣла по горячимъ слѣдамъ. Если подозрѣваемый можетъ представить alibi или, напримѣръ, очевидно докажетъ, что въ моментъ преступленія онъ спокойно спалъ въ своей постели, какъ это было съ Пьеромъ Бюссакомъ, тогда ему не придется понапрасну сидѣть въ тюрьмѣ. Публично обезчестить невиновнаго преждевременнымъ арестомъ—не бездѣлица, и едва-ли позволительно легкомысленно относиться къ такимъ распоряженіямъ полиціи. Между тѣмъ, у насъ на подобныя вещи смотрятъ безъ малѣйшаго скептицизма. Пьера Бюссака преспокойно арестовали, привели сначала въ полицейское депо, а потомъ посадили въ тюрьму. Такимъ образомъ, молодой человѣкъ, ни за что, ни про что, очутился въ одиночномъ заключеніи, представляющемъ новое изобрѣтеніе нашей цивилизованной эпохи; онъ посаженъ подъ замокъ, лишенъ общества, какъ завзятый злодѣй въ родѣ Муайо, о которомъ было достовѣрно извѣстно раньше суда, что онъ дѣйствительно убилъ малютку, родную дочь, и покушался на убійство своей жены и тестя. Между тѣмъ, въ настоящемъ случаѣ невинный человѣкъ подвергается участи преступника. Честный юноша попадаетъ въ число злодѣевъ. Стоитъ только переступить порогъ Мазасской тюрьмы въ сопровожденіи двухъ агентовъ охранительной полиціи, чтобы прослыть виновнымъ до отмѣны ареста.

Кто побывалъ въ Мазасѣ, тотъ можетъ понять ужасъ положенія Пьера Бюссака. Его заперли въ такъ называемую секретную камеру въ нѣсколько квадратныхъ метровъ вмѣстимостью; два раза въ день сторожъ подаетъ ему пищу въ узкое отверстіе надъ дверью, точно *дикому звѣрю. Я* видѣлъ это кормленіе животныхъ

въ Мазасской тюрьмѣ; по рельсамъ, смазаннымъ саломъ во избѣжаніе шума, везутъ телѣжку по пустымъ и тихимъ коридорамъ тюремнаго зданія. У каждой камеры сторожъ останавливается, отворяетъ форточку надъ дверью и подаетъ въ нее кушанье. Снаружи видны двѣ руки, берущія посуду, потомъ отверстіе снова запирается. Если арестантъ важный преступникъ, то ему даютъ товарища, чтобы заставить его высказаться. Честный человѣкъ, подозрѣваемый въ убійствѣ, лишенъ даже этого утѣшенія: онъ сидитъ одинъ въ свой каморкѣ. Изолированный отъ живаго міра, лишенный свободы до тѣхъ поръ, пока правосудіе соблаговолитъ признать его невиновность, онъ къ тому же подвергается настоятельнымъ допросамъ со стороны судебнаго слѣдователя и шефа охранительной полиціи, который имѣетъ даръ смягчать самыхъ закоренѣлыхъ преступниковъ, доставляя имъ различныя льготы.

Пьеръ Бюссакъ провелъ довольно дней въ этомъ аду, рядомъ съ величайшими злодѣями своего времени. До сихъ поръ его жизнь была безупречна, но это все таки не помѣшало ему посидѣть въ Мазасѣ. Если, подавленный своимъ горемъ, онъ не вполнѣ удовлетворительно отвѣчаетъ слѣдователю, про него говорятъ: „это закоренѣлый преступникъ“. Если онъ оправдывается, плачетъ, его называютъ лицемѣромъ; если онъ возмущается противъ насилія надъ его личностью, ему грозятъ наказаніемъ,—а тюремный уставъ очень суровъ и буйнымъ арестантамъ не даютъ потачки.

Мнѣ возразятъ, что тюремная дисциплина естественно должна быть основана на строгихъ мѣрахъ. Не спорю, хотя противъ этого можно представить много возраженій. Въ настоящемъ случаѣ я только указываю на то, что въ тюрьму можетъ попасть и невинный. Представьте себѣ его положеніе въ секретной камерѣ. Мы часто упускаемъ изъ виду, до чего можетъ довести честнаго человѣка одиночное заключеніе: во время послѣдней имперіи, одна женщина, чтобы выйти изъ этого ада, созналась во взводимомъ на нее преступленіи и оставалась на каторгѣ до тѣхъ поръ, пока случайно не былъ найденъ настоящій преступникъ: принудительныя работы менѣе страшили несчастную, чѣмъ одиночество въ Мазасской тюрьмѣ. Это понятно, потому что нѣтъ ничего болѣе варварскаго, какъ подобная система заключенія, которая въ такомъ ходу у современныхъ цивилизованныхъ націй. Законъ присуждаетъ васъ только къ лишенію свободы, но тюремный уставъ прибавляетъ сюда запрещеніе говорить и сообщаться съ другими арестантами. Если важный преступникъ подвергается предварительному наказанію, оно ему зачитывается при опредѣленіи настоящаго наказанія, по приговору суда. Послѣ того, ка-

кимъ же именемъ назвать это ужасное несчастіе, если оно обрушивается на невиннаго?

Какимъ образомъ честный юноша Пьеръ Бюссакъ не сошелъ съ ума отъ горя и бѣшенства, попавъ по чужой ошибкѣ въ одиночную камеру Мазаса? Что должно происходить въ отуманенномъ мозгу несчастнаго человѣка, посаженнаго въ тюрьму по несправедливому доносу? Кто можетъ описать его тоску, его терзанія и жестокое отчаяніе? Онъ даже не видитъ уголка неба, чтобы поддержать свою падающую энергію. Днемъ въ слуховое окно проникаетъ самый слабый свѣтъ, а ночью вокругъ арестанта глубокая тьма. Если несчастному чудятся призраки, если ему мерещится судъ, каторга и онъ начнетъ кричать подъ вліяніемъ безумнаго страха, тогда сторожъ, видѣвшій не мало такихъ примѣровъ, приказываетъ ему замолчать; заключенный не смѣетъ даже плакать: его рыданія могутъ нарушить обязательную тишину, которая, въ силу тюремнаго устава, должна господствовать въ арестантскихъ камерахъ. Какимъ образомъ невинный можетъ пережить такую пытку? Не одинъ инстинктъ самосохраненія совершаетъ это чудо: дѣло въ томъ, что заключенному очень трудно осуществить планъ самоубійства. Противъ такихъ попытокъ арестанта тюремная администрація принимаетъ всевозможныя мѣры. Одинъ разъ я видѣлъ альбомъ самоубійцъ Мазасской тюрьмы; эти рисунки были исполнены бойкимъ и изящнымъ карандашемъ тюремнаго аптекаря. Видъ такой любопытной коллекціи заставляетъ невольно содрогаться. Въ арестантской камерѣ нѣтъ ни гвоздя, чтобы повѣситься, никакаго остраго орудія, чтобы покончить съ собою; нѣкоторые самоубійцы дѣлали веревочку изъ оторванныхъ лоскутковъ своей одежды, привязывали ее къ ножкѣ стола, привинченнаго къ полу, ложились на спину и отчаяннымъ усиліемъ затягивали на шеѣ мертвую петлю.

Я не утопистъ и не вмѣняю обществу въ обязанность, чтобы оно снабжало каждаго арестанта особымъ помѣщеніемъ съ гостинной, уборной и бильярдной; я готовъ помириться съ суровымъ тюремнымъ уставомъ, когда онъ примѣняется къ негодяямъ, ежедневно попадающимъ подъ арестъ. Для меня важно только то, что безупречно-честный человѣкъ, попавъ въ заключеніе по ложному доносу, можетъ хотя бы только одинъ сутки подвергаться ужасамъ этого заточенія.

Въ одинъ прекрасный день дѣло Пьера Бюссака вполнѣ выяснилось; alibi молодаго человѣка было несомнѣнно доказано; его новый хозяинъ, также аптекарь, былъ разбуженъ ночью, когда совершилось преступленіе; чтобы попасть въ аптеку, ему при-

показаній. Подобныхъ вещей нельзя выдумать въ семь лѣтъ. Обвиненіе оказывается вполнѣ яснымъ, подавляющимъ, и присяжнымъ остается только удалиться въ залу совѣщаній. Что тамъ происходитъ, читатели, конечно, догадываются по смыслу приговора. Двѣнадцать почтенныхъ людей возмущены при мысли, что преступникъ кончитъ жизнь на эшафотѣ, благодаря родному сыну. Не смотря на вопіющія злодѣйства Мано, присяжные не хотятъ брать на свою совѣсть вѣчнаго упрека и объявляютъ подсудимаго виновнымъ, но при смягчающихъ обстоятельствахъ, что спасаетъ преступника отъ смертной казни. Благодаря этому, ребенокъ, сдѣлавшись взрослымъ человѣкомъ, не будетъ упрекать себя въ томъ, что послалъ роднаго отца на эшафотъ. Мано кончитъ жизнь на каторгѣ, а его сынъ выростетъ и со временемъ потребуетъ у общества отчета въ безнравственномъ поступкѣ, который его заставили совершить въ силу закона, допускающаго дѣтей свидѣтельствовать противъ родителей.

V.

Невиновный въ Мазасѣ.

Представьте себѣ, читатель, слѣдующее происшествіе. Какой нибудь человѣкъ, возвращаясь къ себѣ домой глухою ночью, былъ смертельно раненъ въ пустынной улицѣ. На мѣсто преступленія подоспѣла полиція, и пострадавшій, умирая, обвинилъ въ убійствѣ, положимъ, васъ или меня. Объ этомъ было немедленно донесено полицейскому мэру и на слѣдующіе сутки мнѣ или вамъ пришлось ночевать въ Мазасѣ. Вы скажете, что это невозможно. Однако такой случай произошелъ съ юношею безупречнаго поведенія, по имени Пьеромъ Бюссакомъ, на котораго донесъ полиціи аптечный ученикъ, смертельно раненый ночью въ своей лавкѣ. Вотъ какъ было дѣло. Въ апрѣлѣ 1877 г., тотчасъ послѣ полуночи, раздался звонокъ въ аптеку; незнакомый человѣкъ спросилъ лѣкарства, и пока ученикъ занялся его приготовленіемъ, вошедшій нанесъ ему нѣсколько ударовъ палкою съ свинцовымъ набалдашникомъ и затѣмъ скрылся. Полиція, призванная на мѣсто катастрофы, узнаётъ слѣдующее: пострадавшему показалось, будто-бы его ранилъ Пьеръ Бюссакъ, служившій раньше въ той же аптекѣ при лабораторіи. Его немедленно арестовали и заключили въ тюрьму. Онъ, конечно, доказывалъ свою невиновность, божился и клялся, что никого не думалъ убивать: но всѣ злодѣи прибѣгаютъ къ этой уловкѣ, и потому никто не обратилъ вниманія на протесты арестанта. Не ве-

лика важность, что онъ посидитъ въ тюрьмѣ; судебный слѣдователь разберетъ, правъ онъ или виноватъ. На слѣдующее утро весь Парижъ узналъ изъ газетъ, что виновникъ злодѣйскаго покушенія на убійство сидитъ подъ замкомъ, благодаря расторопности Жакоба, бывшаго въ то время шефомъ охранительной полиціи. Какой исполнительный человѣкъ! твердили парижане.

Въ настоящемъ случаѣ я вовсе не думаю нападать на личность, а порицаю цѣлую систему; сегодня ее примѣняетъ одинъ человѣкъ, завтра другой; здѣсь дѣло не въ имени. Люди мѣняются, но тѣ или другіе административные пріемы продолжаютъ держаться.

Простой здравый смыслъ, чувство собственной безопасности и самые элементарные принципы человѣколюбія возмущаются тѣмъ фактомъ, что полиція имѣетъ право арестовать огуломъ всѣхъ и каждаго. Если Пьеръ Бюссакъ обвиненъ въ преступленіи, то можно поручить его тайному надзору полицейскихъ и въ то же время начать разслѣдованіе дѣла по горячимъ слѣдамъ. Если подозрѣваемый можетъ представить alibi или, напримѣръ, очевидно докажетъ, что въ моментъ преступленія онъ спокойно спалъ въ своей постели, какъ это было съ Пьеромъ Бюссакомъ, тогда ему не придется понапрасну сидѣть въ тюрьмѣ. Публично обезчестить невиновнаго преждевременнымъ арестомъ—не бездѣлица, и едва-ли позволительно легкомысленно относиться къ такимъ распоряженіямъ полиціи. Между тѣмъ, у насъ на подобныя вещи смотрятъ безъ малѣйшаго скептицизма. Пьера Бюссака преспокойно арестовали, привели сначала въ полицейское депо, а потомъ посадили въ тюрьму. Такимъ образомъ, молодой человѣкъ, ни за что, ни про что, очутился въ одиночномъ заключеніи, представляющемъ новое изобрѣтеніе нашей цивилизованной эпохи; онъ посаженъ подъ замокъ, лишенъ общества, какъ завзятый злодѣй въ родѣ Муайо, о которомъ было достовѣрно извѣстно раньше суда, что онъ дѣйствительно убилъ малютку, родную дочь, и покушался на убійство своей жены и тестя. Между тѣмъ, въ настоящемъ случаѣ невинный человѣкъ подвергается участи преступника. Честный юноша попадаетъ въ число злодѣевъ. Стоитъ только переступить порогъ Мазасской тюрьмы въ сопровожденіи двухъ агентовъ охранительной полиціи, чтобы прослыть виновнымъ до отмѣны ареста.

Кто побывалъ въ Мазасѣ, тотъ можетъ понять ужасъ положенія Пьера Бюссака. Его заперли въ такъ называемую секретную камеру въ нѣсколько квадратныхъ метровъ вмѣстимостью; два раза въ день сторожъ подаетъ ему пищу въ узкое отверстіе надъ дверью, точно дикому звѣрю. Я видѣлъ это кормленіе животныхъ

въ Мазасской тюрьмѣ; по рельсамъ, смазаннымъ саломъ во избѣжаніе шума, везутъ телѣжку по пустымъ и тихимъ коридорамъ тюремнаго зданія. У каждой камеры сторожъ останавливается, отворяетъ форточку надъ дверью и подаетъ въ нее кушанье. Снаружи видны двѣ руки, берущія посуду, потомъ отверстіе снова запирается. Если арестантъ важный преступникъ, то ему даютъ товарища, чтобы заставить его высказаться. Честный человѣкъ, подозрѣваемый въ убійствѣ, лишенъ даже этого утѣшенія: онъ сидитъ одинъ въ свой каморкѣ. Изолированный отъ живаго міра, лишенный свободы до тѣхъ поръ, пока правосудіе соблаговолитъ признать его невиновность, онъ къ тому же подвергается настоятельнымъ допросамъ со стороны судебнаго слѣдователя и шефа охранительной полиціи, который имѣетъ даръ смягчать самыхъ закоренѣлыхъ преступниковъ, доставляя имъ различныя льготы.

Пьеръ Бюссакъ провелъ довольно дней въ этомъ аду, рядомъ съ величайшими злодѣями своего времени. До сихъ поръ его жизнь была безупречна, но это все таки не помѣшало ему посидѣть въ Мазасѣ. Если, подавленный своимъ горемъ, онъ не вполнѣ удовлетворительно отвѣчаетъ слѣдователю, про него говорятъ: „это закоренѣлый преступникъ“. Если онъ оправдывается, плачетъ, его называютъ лицемѣромъ; если онъ возмущается противъ насилія надъ его личностью, ему грозятъ наказаніемъ,—а тюремный уставъ очень суровъ и буйнымъ арестантамъ не даютъ потачки.

Мнѣ возразятъ, что тюремная дисциплина естественно должна быть основана на строгихъ мѣрахъ. Не спорю, хотя противъ этого можно представить много возраженій. Въ настоящемъ случаѣ я только указываю на то, что въ тюрьму можетъ попасть и невинный. Представьте себѣ его положеніе въ секретной камерѣ. Мы часто упускаемъ изъ виду, до чего можетъ довести честнаго человѣка одиночное заключеніе: во время послѣдней имперіи, одна женщина, чтобы выйти изъ этого ада, созналась во взводимомъ на нее преступленіи и оставалась на каторгѣ до тѣхъ поръ, пока случайно не былъ найденъ настоящій преступникъ: принудительныя работы менѣе страшили несчастную, чѣмъ одиночество въ Мазасской тюрьмѣ. Это понятно, потому что нѣтъ ничего болѣе варварскаго, какъ подобная система заключенія, которая въ такомъ ходу у современныхъ цивилизованныхъ націй. Законъ присуждаетъ васъ только къ лишенію свободы, но тюремный уставъ прибавляетъ сюда запрещеніе говорить и сообщаться съ другими арестантами. Если важный преступникъ подвергается предварительному наказанію, оно ему зачитывается при опредѣленіи настоящаго наказанія, по приговору суда. Послѣ того, ка-

кимъ же именемъ назвать это ужасное несчастіе, если оно обрушивается на невиннаго?

Какимъ образомъ честный юноша Пьеръ Бюссакъ не сошелъ съ ума отъ горя и бѣшенства, попавъ по чужой ошибкѣ въ одиночную камеру Мазаса? Что должно происходить въ отуманенномъ мозгу несчастнаго человѣка, посаженнаго въ тюрьму по несправедливому доносу? Кто можетъ описать его тоску, его терзанія и жестокое отчаяніе? Онъ даже не видитъ уголка неба, чтобы поддержать свою падающую энергію. Днемъ въ слуховое окно проникаетъ самый слабый свѣтъ, а ночью вокругъ арестанта глубокая тьма. Если несчастному чудятся призраки, если ему мерещится судъ, каторга и онъ начнетъ кричать подъ вліяніемъ безумнаго страха, тогда сторожъ, видѣвшій не мало такихъ примѣровъ, приказываетъ ему замолчать; заключенный не смѣетъ даже плакать: его рыданія могутъ нарушить обязательную тишину, которая, въ силу тюремнаго устава, должна господствовать въ арестантскихъ камерахъ. Какимъ образомъ невинный можетъ пережить такую пытку? Не одинъ инстинктъ самосохраненія совершаетъ это чудо: дѣло въ томъ, что заключенному очень трудно осуществить планъ самоубійства. Противъ такихъ попытокъ арестанта тюремная администрація принимаетъ всевозможныя мѣры. Одинъ разъ я видѣлъ альбомъ самоубійцъ Мазасской тюрьмы; эти рисунки были исполнены бойкимъ и изящнымъ карандашемъ тюремнаго аптекаря. Видъ такой любопытной коллекціи заставляетъ невольно содрогаться. Въ арестантской камерѣ нѣтъ ни гвоздя, чтобы повѣситься, никакаго остраго орудія, чтобы покончить съ собою; нѣкоторые самоубійцы дѣлали веревочку изъ оторванныхъ лоскутковъ своей одежды, привязывали ее къ ножкѣ стола, привинченнаго къ полу, ложились на спину и отчаяннымъ усиліемъ затягивали на шеѣ мертвую петлю.

Я не утопистъ и не вмѣняю обществу въ обязанность, чтобы оно снабжало каждаго арестанта особымъ помѣщеніемъ съ гостиной, уборной и бильярдной; я готовъ помириться съ суровымъ тюремнымъ уставомъ, когда онъ примѣняется къ негодяямъ, ежедневно попадающимъ подъ арестъ. Для меня важно только то, что безупречно-честный человѣкъ, попавъ въ заключеніе по ложному доносу, можетъ хотя бы только одинъ сутки подвергаться ужасамъ этого заточенія.

Въ одинъ прекрасный день дѣло Пьера Бюссака вполнѣ выяснилось; alibi молодаго человѣка было несомнѣнно доказано; его новый хозяинъ, также аптекарь, былъ разбуженъ ночью, когда совершилось преступленіе; чтобы попасть въ аптеку, ему при-

шлось проходить черезъ лабораторію, служившую спальнею его помощнику; во время покушенія на убійство, которое приписывали Бюссаку, подозрѣваемый крѣпко спалъ на своей постели. Все это какъ нельзя болѣе просто; спрашивается, зачѣмъ же несчастный юноша просидѣлъ цѣлую недѣлю въ тюрьмѣ, терзаясь пыткою неизвѣстности, если для доказательства его невиновности было достаточно пяти минутъ?

Правосудіе—возразятъ мнѣ на это—имѣетъ свои жестокія обязанности и бываетъ нерѣдко вынуждено прибѣгать къ крайнимъ мѣрамъ изъ опасенія выпустить изъ рукъ преступника. Съ этою цѣлью иногда приходится арестовать и не виноватыхъ, если на нихъ взводятъ серьезныя обвиненія. Пусть будетъ такъ. Я не хочу разбирать логику подобнаго правила. Но въ данномъ случаѣ все таки было легко избѣжать ошибки. При первомъ извѣстіи объ арестѣ своего служащаго, хозяинъ заявилъ полиціи, что Бюссакъ не могъ быть причастенъ ко взводимому на него преступленію, потому что находился въ то время дома и даже спалъ. Alibi было ясно, какъ день. Послѣ этого, зачѣмъ же ни въ чемъ неповиннаго человѣка продержали въ секретной камерѣ цѣлыхъ восемь дней? Нашей администраціи должно быть хорошо извѣстно, какъ несостоятельны бываютъ многіе доносы и оговоры, примѣромъ чему можетъ служить башмачникъ Дебати, котораго оговорила вдова Тринке, будто-бы онъ покушался убить ее. Нѣсколько времени спустя, эта почтенная особа созналась въ своей клеветѣ и сказала, что она сама хотѣла лишить себя жизни. Безъ ея сознанія, башмачникъ попалъ бы на каторгу. Эта исторія, съ присовокупленіемъ къ ней несправедливаго ареста Бюссака, должна бы, повидимому, сдѣлать начальника охранительной полиціи болѣе осмотрительнымъ въ тѣхъ случаяхъ, когда на честныхъ людей взводятъ несправедливыя обвиненія.

Допустимъ даже, что полицейскій шефъ можетъ быть введенъ въ заблужденіе кажущеюся виновностью подсудимаго. Примѣръ Пьера Бюссака не единственный и не послѣдній въ этомъ родѣ. Но тогда позволительно поставить вопросъ, какъ въ дѣлѣ мясника Лебёфа: почему правосудіе не обязано публично оправдывать жертву своей ошибки? Между тѣмъ, у насъ не бываетъ ничего подобнаго. Послѣ того какъ невинный просидѣлъ нѣсколько времени въ предварительномъ заключеніи, перенесъ всѣ пытки одиночества, лишеніе свободы, безчестье, которому подвергается всякій арестованный, вдругъ, въ одно прекрасное утро, передъ нимъ отворяютъ дверь его камеры и, какъ ни въ чемъ не бывало, говорятъ:

— Оказалось, что вы невиновны. Можете идти.

Вотъ и все. Но довольно-ли этого? Едва-ли... Когда, по подозрѣнію или доносу, честнаго человѣка отрываютъ отъ его занятій, чтобы бросить въ арестантскую камеру, какъ послѣдняго злодѣя, то пострадавшаго слѣдуетъ, по крайней мѣрѣ, вознаградить публичнымъ возстановленіемъ его чести. Шефу полиціи, неосмотрительно арестовавшему невиновнаго, надо бы вмѣнить въ обязанность лично отвезти его на мѣсто жительства и во всеуслышаніе объявить, что арестъ произошелъ по ошибкѣ. Иначе, послѣ терзаній тюремнаго заключенія, на невинно пострадавшемъ человѣкѣ остается какъ-бы вѣчное пятно, чѣмъ злые люди и завистники непремѣнно постараются воспользоваться. Найдется всегда какой нибудь негодяй, который скажетъ, что на слѣдствіи ничего не было доказано и что арестованнаго освободили по недостатку уликъ. Несчастный малый въ родѣ Пьера Бюссака, побывавъ въ рукахъ полиціи, на всю жизнь останется какъ-бы съ клеймомъ предварительнаго заключенія. Между тѣмъ это легко предотвратить, если человѣка, несправедливо заподозрѣннаго и арестованнаго, освободятъ изъ тюрьмы при извѣстныхъ формальностяхъ, такъ, напримѣръ, если изъ Мазаса его приведутъ къ предсѣдателю суда, который долженъ во всеуслышаніе подтвердить невиновность передъ собравшеюся публикою. Возстановляя такимъ торжественнымъ актомъ запятнанную честь порядочнаго человѣка, онъ обязалъ бы этимъ шефа охранительной полиціи поступать на будущее время болѣе осмотрительно въ подобныхъ случаяхъ. Въ простотѣ своей души, я полагаю, что свобода и честь достойнаго гражданина не бездѣлица, съ которою можно обращаться легкомысленно. Нужно, въ самомъ дѣлѣ, обладать рѣдкой силою, чтобы выдержать безъ всякой вины цѣлую недѣлю предварительнаго заключенія въ безотрадномъ одиночествѣ Мазасской тюрьмы; я не думаю, чтобы въ жизни существовали болѣе жестокія испытанія, и мнѣ даже непонятно, какъ можно выйти изъ этого ада, вполнѣ сохранивъ свои умственныя способности!

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Сумашедшіе.

Убійца сумашедшаго.—Сумашедшій-убійца.

I.

Убійца сумашедшаго.

Передъ судомъ присяжныхъ въ Бове появился, въ іюнѣ 1880 г., озвѣрѣвшій злодѣй, который задушилъ и закопалъ въ землю не-

счастнаго помѣшаннаго, заключеннаго въ домѣ умалишенныхъ. Убійца, по имени Эсторе, совершившій это преступленіе, не попалъ подъ топоръ гильотины. Онъ отдѣлался десятилѣтнимъ тюремнымъ заключеніемъ, но подобная кара показалась неудовлетворительною общественному сознанію, тѣмъ болѣе, что безчеловѣчный поступокъ Эсторе былъ особенно возмутителенъ въ виду абсолютной безпомощности его жертвы. Страданія „Дяди Тома", извѣстнаго героя популярнаго романа Бичеръ-Стоу, ничто въ сравненіи съ жестокими пытками, которымъ подвергаются иногда несчастные умалишенные. У стѣнъ пріютовъ для душевнобольныхъ нѣтъ ушей, нѣтъ языка, чтобы передать о происходящихъ тамъ насиліяхъ, такъ что только благодаря разыгравшейся здѣсь кровавой драмѣ общество узнало, какою неограниченною властью располагаетъ человѣкъ, стоящій во главѣ лѣчебницы для умалишенныхъ.

Вотъ какъ произошло убійство. Одинъ несчастный, не отвѣтственный за свои дѣйствія, почему-то взбунтовался; когда онъ бросился на своего сторожа, другіе служителя немедленно схватили и связали сумашедшаго. Пользуясь его безпомощностью, свирѣпый Эсторе принялся бить больнаго палкою, какъ будто жалкій безумецъ заслуживалъ такого безчеловѣчнаго наказанія. Это случилось среди бѣлаго дня, и между присутствующими не нашлось ни одного человѣка, который, въ справедливомъ негодованіи, рѣшился бы обезоружить палача и ударить его самого. Что сказало бы на это общество покровительства животныхъ, награждающее медалями тѣхъ, кто спасетъ негодную собачонку отъ жестокости уличныхъ ребятъ?

Сумашедшій однако сталъ защищаться. Тогда его мучитель приказалъ сдѣлать ему душъ, т. е. подвергнуть больнаго одной изъ возобновленныхъ пытокъ инквизиціи. При этомъ умалишеннаго запираютъ въ особую ванну, откуда выставляется одна голова, на которую и льютъ холодную воду въ теченіе часа и долѣе. Ни одинъ врачъ не прописывалъ такого душа больному для облегченія его страданій, и надсмотрщикъ употребилъ его не какъ медицинское средство, а какъ наказаніе; онъ одновременно былъ судьею своей жертвы и палачемъ. Но прежде чѣмъ насильно усадить паціента въ ванну, Эсторе сломалъ ему руку. Изувѣченный такимъ образомъ, сумашедшій цѣлый часъ выдерживалъ холодный душъ. Послѣ этого невольно спрашиваешь себя, изъ какихъ же особенныхъ людей состоитъ служебный персоналъ дома умалишенныхъ, что они могутъ оставаться спокойными зрителями подобныхъ звѣрствъ? Вѣроятно, они убѣждены, что душевно-больныхъ

позволительно терзать и калѣчить, оставляя ихъ послѣ истязаній безъ всякой медицинской помощи и доводя до развитія гангрены въ изуродованномъ органѣ. За такіе поступки никто и не подумалъ отдать Эсторе въ руки полиціи, которую непремѣнно позвали бы въ случаѣ покражи голоднымъ бѣднякомъ копѣечной булки у разнощика. Да, подобные факты совершаются не въ средѣ краснокожихъ, но въ окрестностяхъ нашей столицы, считающей себя центромъ умственной жизни цѣлаго міра, и въ обширномъ пріютѣ для душевно-больныхъ не нашлось ни одного лица, которое бы имѣло настолько здраваго смысла и человѣколюбія, чтобы обратиться къ содѣйствію властей. Какое сборище низкихъ трусовъ!

Безжалостный больничный служитель явился передъ судомъ присяжныхъ только потому, что дошелъ до убійства. Но передъ какимъ трибуналомъ появятся презрѣнные свидѣтели истязаній, предшествовавшихъ преступленію? Если въ уголовномъ кодексѣ нѣтъ ни одной статьи, на основаніи которой можно было бы подвергнуть ихъ карѣ закона за подобныя низости, то отставили ли, по крайней мѣрѣ, отъ должности этихъ канибаловъ, исполнявшихъ безчеловѣчныя распоряженія своего сослуживца? Не говоря уже объ убійствѣ, я ставлю существенный вопросъ: неужели больничный надзиратель въ домѣ умалишенныхъ имѣетъ право ломать кости пансіонерамъ лѣчебницы и его звѣрское обращеніе не вызываетъ протеста въ окружающихъ? Въ чемъ же состоитъ обязанность магистратуры, если она не думаетъ защищать несчастныхъ больныхъ, лишенныхъ разсудка? Если, въ минуту гнѣва, вы слегка ударите своею тростью прохожаго, на васъ набросятся всѣ городскіе сержанты, всѣ полицейскіе комисары примутся васъ допрашивать, а судьи приговорятъ къ штрафу или къ тюремному заключенію. Между тѣмъ, въ домѣ умалишенныхъ можно безнаказанно калѣчить больныхъ, подвергать ихъ пыткѣ холоднаго душа, безъ разрѣшенія доктора, наносить имъ увѣчья,—и врачебный персоналъ даже не подумаетъ вмѣшаться въ такое вопіющее дѣло.

Не возражайте мнѣ на это, что Эсторе все таки попалъ на скамью подсудимыхъ. Онъ явился на судѣ присяжныхъ въ качествѣ убійцы, а не въ качествѣ истязателя пансіонеровъ врачебнаго пріюта. Кромѣ того, презрѣнныя личности, присутствовавшія при этихъ звѣрствахъ, не привлечены къ судебной отвѣтственности. Развѣ палочные удары, переломъ руки и холодные души можно считать бездѣлицею? А если вы согласны, что это не бездѣлица, то, слѣдовательно, государство вовсе не наблюдаетъ за пріютами душевно-больныхъ или же ограничиваетъ свой надзоръ одною чисто формальною стороною. Можно ли допустить, чтобы

какой нибудь Эсторе могъ драться палкою, ломать кости больнымъ и оставлять ихъ въ такомъ ужасномъ положеніи безъ медицинской помощи, еслибы правительственный комисаръ еженедѣльно посѣщалъ больницу, требуя отчета? Теперь же помѣшанные какъ будто стоятъ внѣ покровительства закона,—а вѣдь полиція защищаетъ отъ жестокаго обращенія даже лошадь, когда пьяный извощикъ примется бить ее на улицѣ рукояткою кнута по мордѣ. Надо полагать, что въ нашемъ удивительномъ обществѣ служащіе въ домахъ умалишенныхъ—послѣдніе изъ канибаловъ; иначе какъ-бы могли они, не будучи поставлены въ необходимость защищать свою жизнь, колотить дубиною несчастнаго помѣшаннаго и ломать ему кости? И такая возмутительная сцена, которая могла бы привести въ негодованіе даже понятливую обезьяну, кажется совершенно естественною подчиненнымъ образцоваго начальника, такъ что они обращаютъ на искалѣченнаго больнаго не больше вниманія, какъ на собаку, получившую пинокъ. Это служитъ доказательствомъ ихъ привычки къ жестокому обращенію съ паціентами, такъ что они считаютъ за бездѣлицу всякіе причиненные имъ переломы и увѣчья.

Если на землѣ есть существо, залуживающее особеннаго состраданія, то, конечно, это больной, лишенный разсудка, не отвѣтственный за свои дѣйствія, не виноватый въ своемъ буйствѣ. Его слѣдуетъ только сдѣлать безвреднымъ, но все таки каждый разумный человѣкъ обязанъ оказать ему защиту и помощь. Еслибы люди придерживались такого правила, то какъ рѣшился бы какой нибудь ничтожный надзиратель подвергать самымъ отвратительнымъ пыткамъ душевно-больнаго, колотить его съ такимъ остервенѣніемъ, что у несчастнаго кости ломаются подъ ударами, и, наконецъ, оставлять свою жертву безъ помощи съ гангреною въ ранахъ, между тѣмъ какъ свидѣтели такихъ злодѣйствъ и не думаютъ пожаловаться на своего безчеловѣчнаго сослуживца въ судъ? Преступленіе не было бы такъ важно, еслибы оно совершилось вдали отъ людей. Но у него были свидѣтели; другіе надзиратели видѣли мученья умалишеннаго Апперта, они знали и о его переломленной рукѣ, и о гангренѣ, но никто изъ нихъ не заикнулся директору, который поэтому и не могъ пожаловаться полиціи.

Еслибы несчастный паціентъ не умеръ и еслибы убійца не скрылъ его трупа, эта мрачная драма такъ и не вышла бы наружу. Допустимъ, что искалѣченный Аппертъ выздоровѣлъ бы какимъ нибудь чудомъ; тогда бы мы никогда не узнали перваго слова его грустной исторіи, и достойный Эсторе, можетъ быть,

получилъ бы даже повышеніе за ревностное исполненіе служебныхъ обязанностей.

Вотъ на какой системѣ основанъ порядокъ нашихъ пріютовъ для душевно-больныхъ. Хорошо, что мы съ нимъ познакомились покороче: дѣйствительно, онъ достоинъ удивленія. Надзоръ за домами умалишенныхъ находится въ вѣдѣніи полиціи, которая посылаетъ туда на ревизію инспекторовъ и наряжаетъ особыя комисіи. Уголовный процессъ Эсторе показалъ намъ, насколько несостоятельно ихъ наблюденіе. За лѣчебницами душевно-больныхъ, очевидно, наблюдаютъ такъ прекрасно, что паціентовъ можно подвергать самому жестокому обращенію и ни полиція, ни командируемые ею чиновники, ни чрезвычайныя комисіи не замѣтятъ этого. Не случись убійства, и ничего не вышло бы наружу изъ этой ужасающей сцены, гдѣ несчастнаго умалишеннаго колотили палкою, какъ кусокъ глины, и потомъ, переломивъ ему руку, насильно втиснули въ ванну. Еслибы подобную сцену воспроизвести съ помощью восковыхъ фигуръ и показывать ее на ярмаркѣ въ Нейльи подъ соблазнительною надписью: „Ужасы инквизиціи“, то никто бы не повѣрилъ, что подобное звѣрство мыслимо въ какую бы то ни было эпоху. Даже въ самые отдаленные вѣка едва-ли совершались злодѣйства, болѣе позорившія человѣчество, чѣмъ это дѣло Апперта. Какія страшныя подробности! Изнемогая подъ ударами, залитый холодною водою, несчастный старается защититься отъ душа своею переломленною рукою. Невозможно равнодушно читать отчета объ этомъ варварскомъ происшествіи; только одни свидѣтели его, слуги главнаго палача, не были тронуты жалкимъ положеніемъ убогаго человѣка; всѣ они болѣе или менѣе были соучастниками перелома его руки и другихъ возмутительныхъ насилій. Но были ли эти негодяи привлечены къ отвѣтственности передъ судомъ исправительной полиціи? Осудили ли ихъ? Разумѣется. Но отказали ли имъ отъ мѣста? Объ этомъ я ничего не знаю навѣрно. Въ тюрьму ежедневно отводятъ несчастныхъ бродягъ, взятыхъ на улицѣ; къ денежнымъ штрафамъ и арестамъ приговариваютъ служанокъ за вытряхиванье ковровъ изъ оконъ, забираютъ въ полицію буйныхъ пьяницъ, но директоръ дома умалишенныхъ остался при своей прежней должности, служителей палача не выгнали изъ больницы, и никакое наказаніе, насколько мнѣ извѣстно, не было назначено людямъ, которые болѣе или менѣе, хотя не въ одинаковой степени, были нравственно отвѣтственны за случившееся.

Здѣсь вопіющіе факты говорятъ сами за себя. Въ этомъ ужасномъ дѣлѣ не можетъ быть и рѣчи о преувеличеніи или клеветѣ.

оно обнаружилось вполнѣ на судѣ присяжныхъ и представляетъ положительно позоръ нашей эпохи. Президентъ суда допросилъ врача, обязаннаго посѣщать больныхъ; вы сейчасъ увидите, какимъ образомъ этотъ мужъ науки понималъ свое назначеніе. Явившись въ больницу, онъ спрашиваетъ:

— Ну, что у васъ новаго?

— Рѣшительно ничего! отвѣчаютъ ему.

И врачъ спокойно удаляется, не только не осмотрѣвъ ввѣренныхъ его надзору паціентовъ, но, вѣроятно, радуясь, что нѣтъ ничего новаго.

Какъ вамъ это нравится? Умалишеннаго исколотили, сломали ему руку, у него развилась гангрена отъ истязаній при отсутствіи медицинской помощи, наконецъ, онъ умираетъ гдѣ-то въ углу, брошенный всѣми, а врачу говорятъ, что въ больницѣ нѣтъ ничего новаго! Нѣсколько презрѣнныхъ негодяевъ окачиваютъ холодною водою больнаго, который запертъ въ ваннѣ и воетъ, какъ собака, молитъ о прощеніи, какъ безпомощный ребенокъ. Если подобныя жестокости не представляютъ ничего новаго, то, значитъ, онѣ—обычное явленіе въ больницѣ, на которое не слѣдуетъ обращать вниманія.

Еслибы все это не обнаружилось публично, то было бы пріятнѣе пройти молчаніемъ такой позоръ современныхъ нравовъ. Между тѣмъ вопіющія дѣла въ домѣ умалишенныхъ открылись на засѣданіи суда, выяснились во время судебныхъ преній. Неужели можно допустить, что такія варварства кончатся съ заключеніемъ Эсторе въ тюрьму? А другіе служителя, проникнутые тѣмъ же духомъ жестокости и грубаго произвола? Они спокойно остались при своихъ мѣстахъ въ больницѣ и снова, когда умалишенному сломаютъ руку, отвѣтятъ на вопросъ врача о паціентахъ: у насъ нѣтъ ничего новаго. Наша администрація будетъ заниматься такъ называемою „очисткою“ присутственныхъ мѣстъ и различныхъ правительственныхъ учрежденій, замѣняя устарѣвшихъ чиновниковъ свѣжими силами, оставляя за штатомъ заслуженныхъ воиновъ, двадцать разъ рисковавшихъ своей жизнью, увольняя отъ должности стариковъ, содержащихъ свою семью и выслужившихъ положенный срокъ; отчего же подобная „очистка“ не коснулась персонала дома умалишенныхъ послѣ любопытныхъ открытій на судѣ присяжныхъ въ Бове?

Приговоръ надъ Эсторе не измѣнитъ существующаго здѣсь порядка; еслибы даже преступнику отрубили голову, все таки никто не остался бы въ выигрышѣ. Эсторе, какъ отдѣльная личность, имѣетъ мало значенія. Онъ убійца, какъ всякій другой.

Въ лицѣ его покарали уголовное преступленіе, но судебный приговоръ надъ нимъ не уничтожилъ невозможной системы управленія въ домахъ умалишенныхъ. Рѣшеніе суда относилось къ одному человѣку и нисколько не измѣнило сущности вопроса. Раньше процесса въ Бове, мы были увѣрены, что никто не имѣетъ права убивать своихъ ближнихъ, но дѣло Аппера открыло намъ неслыханный фактъ, что въ пріютѣ душевно-больныхъ могутъ происходить самыя отталкивающія сцены и все остается шито и крыто; что есть больницы, гдѣ можно ломать помѣшаннымъ кости, причемъ служащіе не подумаютъ за него заступиться; что можно запирать больнаго, пораженнаго гангреною, вслѣдствіе побоевъ, и докторъ заведенія не узнаетъ объ этомъ; что для ужасныхъ наказаній, назначаемыхъ скотоподобнымъ надзирателемъ, найдутся усердные исполнители, послушныя орудія главнаго палача. Все это совершается безъ вѣдома директора, безъ вмѣшательства полиціи, такъ что ни инспекторъ, ни особыя комисіи для надзора за домами умалишенныхъ даже ни о чемъ и не догадываются. Теперь намъ, по крайней мѣрѣ, извѣстно, что съ умалишенными обращаются, какъ съ бѣшеными собаками; что нѣкоторые служащіе здѣсь располагаютъ неограниченною властью, дѣлаютъ, что хотятъ, состоя внѣ всякаго контроля и чьего бы то ни было наблюденія.

Вотъ что обнаруживается изъ процесса Бове. Такимъ образомъ, приговоръ надъ Эсторе не значитъ ничего, если въ то же время не будетъ уничтожена существующая система управленія больницами умалишенныхъ.

Я знаю, что мнѣ на это возразятъ:

— Да развѣ можно дѣйствовать на сумашедшихъ путемъ убѣжденія?

Конечно, я этого не думаю, но полагаю, что можно обращаться съ ними по человѣчески, что ихъ нельзя предоставлять грубому произволу и раздражительности прислуги, что не надо наказывать ихъ за что попало, что каждое наказаніе слѣдуетъ вносить въ книгу, что инспекторъ и врачъ обязаны серьезно осматривать заведеніе и что первая безполезная жестокость должна повлечь за собою судебную отвѣтственность. Я требую основательной „очистки“ пріютовъ душевно-больныхъ, потому что здѣсь необходимо замѣнить палачей людьми, имѣющими нѣкоторую жалость къ больнымъ, людьми, которые понимаютъ, что умалишенный не отвѣтственъ за свои дѣйствія, что онъ не хочетъ повиноваться по своему безумію, что онъ насмѣхается надъ сторожами тоже по безумію, что онъ не можетъ сознавать безразсудства и нелѣпости своихъ поступковъ, и, вслѣдствіе того, къ нему нужно

быть снисходительнымъ до крайности, добрымъ до послѣдней степени. Но, кромѣ того, я требую, чтобы наказанія умалишенныхъ, которымъ они иногда необходимы, какъ непослушнымъ дѣтямъ, были, по крайней мѣрѣ, человѣчны, чтобы пацiентовъ не колотили, какъ негодныхъ собакъ, ни за что, ни про что, чтобы ихъ не вталкивали изъ-за всякихъ пустяковъ въ ванну, играющую роль карцера, и не окачивали ледяною водою въ зимнее время. Я требую, чтобы работа душевно больнаго зависѣла не отъ произвола больничнаго служителя, но чтобы родъ занятій пацiента опредѣлялся врачемъ, сообразно съ состояніемъ его здоровья; я требую, чтобы ужасная рутина безконтрольнаго, полновластнаго режима въ домахъ умалишенныхъ наконецъ уступила мѣсту чему нибудь болѣе человѣчному и милосердому; я требую, чтобы врачъ добросовѣстно исполнялъ свой долгъ, не довольствуясь заявленіемъ подчиненнаго, что въ больницѣ „все обстоитъ благополучно"; чтобы инспекторъ дѣлалъ свое дѣло, чтобы спецiальныя комисiи для надзора за лѣчебными пріютами этого рода не дремали и чтобы полицiя наблюдала за благосостояніемъ умалишенныхъ, въ качествѣ законнаго опекуна надъ тѣми, кто не можетъ самъ заботиться о себѣ. Мнѣ возразятъ, что все это дѣлается. Однако факты доказываютъ противное. Еслибы Эсторе ограничился переломомъ руки душевно-больнаго Апперта, еслибы онъ не убилъ и не закопалъ въ землю своей жертвы, то до сихъ поръ служилъ бы въ заведеніи, гдѣ дерутся палками, калѣчатъ больныхъ, дѣлаютъ имъ варварскіе души безъ вѣдома начальства.

Вотъ каковъ здѣсь надзоръ.

Если даже допустить, что администрацiя больницы довольно бдительна, но ее одурачили сообщники Эсторе, которые скрыли вопiющее дѣло, зачѣмъ же, въ такомъ случаѣ, она оставила виновныхъ безъ наказанія? Развѣ менѣе противозаконно и гадко защищать чудовище, которое истязуетъ больныхъ, чѣмъ, напримѣръ, спрятать ворованную вещь? Представится ли намъ въ другой разъ такой удобный случай показать поучительный примѣръ, какъ законъ караетъ дикій произволъ и самоуправство? На скамью подсудимыхъ слѣдовало посадить всѣхъ равнодушныхъ свидѣтелей жестокаго обращенія съ умалишеннымъ Аппертомъ, начиная съ того, который допустилъ колотить больнаго, далѣе перейдя къ тому, кто толкалъ его въ ванну, кто накачивалъ воду, и кончая презрѣннымъ негодяемъ, лицемѣрно отвѣчавшимъ доктору: „ничего новаго". Если же отвѣтственности за все происшедшее подлежитъ и самъ директоръ центральнаго заведенія, то его также не слѣдуетъ щадить.

Холодный душъ, которымъ такъ злоупотребляютъ въ домахъ умалишенныхъ, считается бездѣлицей, хотя на самомъ дѣлѣ онъ причиняетъ невыносимое страданіе. Каждый врачъ вамъ скажетъ, что если благоразумно примѣнять эту мѣру во время опредѣленныхъ кризисовъ болѣзни, то она можетъ спасти больнаго; но въ нѣкоторыхъ случаяхъ душъ приноситъ положительный и непоправимый вредъ уже и безъ того потрясенной нервной системѣ сумашедшаго. Между тѣмъ, такое опасное средство находится въ распоряженіи прислуги и къ нему прибѣгаютъ изъ-за всякой бездѣлицы, какъ шарлатаны, которые даютъ одно и то же средство противъ разныхъ болѣзней. Больной заупрямится: сейчасъ его подъ душъ. Онъ возбужденъ: въ ванну! Помѣшанный апатиченъ и тихъ: окатить его холодною водою! И послѣ этого еще удивляются, что такъ мало умалишенныхъ выздоравливаетъ...

Устарѣлая система управленія, господствующая въ пріютахъ для душевно-больныхъ, несостоятельна во всѣхъ отношеніяхъ, а если еще прибавить сюда дурное обращеніе съ паціентами, то получится крайне безотрадная картина. Я не знаю, какой порядокъ существуетъ въ другихъ больницахъ, и готовъ повѣрить, что ферма Вилье-Эркси составляетъ печальное исключеніе. Въ виду всего этого, нашей администраціи слѣдовало бы энергично приняться за дѣло, чтобы искоренить злоупотребленія, воспользоваться удобнымъ случаемъ и нарядить слѣдствіе, которое можетъ открыть еще неизвѣстныя намъ отрицательныя стороны этого замкнутаго мірка. Невозможно предположить, чтобы умалишенному сломали нечаянно руку, нечаянно нанесли ему тяжкіе побои и допустили развитіе гангрены въ ранахъ. Люди не могутъ дойти до такой степени звѣрства въ одну минуту, еслибы прежде не практиковалось ничего подобнаго. Жестокость и равнодушіе къ чужимъ страданіямъ развиваются въ человѣкѣ постепенно, въ силу привычки. Неизвѣстно, какія мрачныя драмы разыгрывались до сихъ поръ въ пріютахъ беззащитныхъ, безпомощныхъ безумцевъ, и немудрено, что насъ ожидаетъ много поразительныхъ открытій въ тотъ день, когда инспекторы на самомъ дѣлѣ примутся за свое дѣло, когда врачи заведенія будутъ серьезно заботиться о паціентахъ, не довольствуясь стереотипнымъ заявленіемъ подчиненнаго: „все обстоитъ благополучно“. Нашей больничной администраціи давно пора стряхнуть съ себя летаргію и трезво оглянуться на свою задачу; не мѣшаетъ опомниться отъ спячки и пресловутымъ комисіямъ, которыя дѣйствительно до того спеціальны, что скоро сдѣлаются совершенно неуловимыми. При добросовѣстномъ отношеніи къ дѣлу, каждый синякъ на тѣлѣ душевно-больнаго долженъ при-

влекать вниманіе врача, не говоря уже о поврежденіи членовъ и увѣчьяхъ. Подобные факты обязательно доводить до свѣдѣнія полиціи и наряжать о нихъ судебное слѣдствіе.

Что касается меня, то съ своей стороны и я исполню свой долгъ до конца. Упорно возвращаясь къ возмутительнымъ сценамъ, обнаруженнымъ на процессѣ въ Бове, я не боюсь утомить моихъ читателей; мнѣ извѣстно, что сочувствіе мыслящихъ людей всегда будетъ на сторонѣ тѣхъ, кто открываетъ наши общественныя язвы, чтобы возбудить жалость къ людямъ, заслуживающимъ сожалѣнія, и покарать безчеловѣчныхъ сторонниковъ самоуправства и дикаго произвола. Общественное сознаніе, глубоко возмущенное такимъ вопіющимъ дѣломъ, конечно, не захочетъ, чтобы нечаянно обнаруженное преступленіе, совершонное не однимъ человѣкомъ, повлекло за собою наказаніе только одного Эсторе, осужденнаго за убійство; общество требуетъ, чтобы такой примѣръ послужилъ чувствительнымъ урокомъ. Высшее начальство пріютовъ умалишенныхъ должно понять, что законъ сильнѣе дубины, которою оно вооружается противъ пансіонеровъ заведенія, и что его жестокость подлежитъ суду общественной совѣсти, не допускающей тираніи надъ несчастными существами, которыя даже не могутъ жаловаться.

Если вы полагаете послѣ всего этого, что таможенный вопросъ или какой нибудь судебный процессъ по дѣламъ печати представляютъ самые важные общественные интересы дня, то я, конечно, не стану долѣе бесѣдовать съ вами о такихъ мелочахъ, какъ убійство на фермѣ Вилье-Эркси. Если же, напротивъ, вы согласны со мною, что подобныя жестокости относительно беззащитныхъ безумцевъ позорны даже для того общества, гдѣ люди продѣваютъ себѣ въ ноздри кольца и носятъ скальпы на поясѣ, то вы должны ужаснуться режиму, который господствуетъ въ нашихъ пріютахъ для умалишенныхъ. Въ Парижѣ ежегодно празднуется знаменательный день 14 іюля, когда безсмертная революція выпустила на свободу изъ Бастиліи нѣсколькихъ осужденныхъ, томившихся въ подземельяхъ крѣпости. Живописцы нерѣдко избирали этотъ моментъ сюжетомъ для своихъ картинъ, вызывавшихъ умиленіе публики. Между тѣмъ, я не думаю, чтобы комендантъ Бастиліи могъ когда нибудь тузить, окачивать холодною водою и калѣчить заключенныхъ; во всякомъ случаѣ, если онъ и поступалъ съ ними жестоко, то монархія дорого заплатила за свои несправедливости около столѣтія тому назадъ. Въ настоящее же время, со стороны правительства республики нелогично праздновать съ музыкою и иллюминаціею тотъ день, когда народъ освободилъ изъ

рѣпости троихъ стариковъ, подвергнутыхъ несправедливому гоненію, и вмѣстѣ съ тѣмъ равнодушно терпѣть безчеловѣчный режимъ пріютовъ душевно-больныхъ, гдѣ ломаютъ кости лишеннымъ свободы паціентамъ. Фигура генія, который стремится въ пространство съ верхушки іюльской колонны, на подобіе наѣздницы цирка, прыгающей черезъ обручъ, конечно, не можетъ быть названа послѣднимъ словомъ искусства. Оригинальная Бастилія, которую замѣнили, пятьдесятъ лѣтъ спустя послѣ 14-го іюля, колонной, существуетъ только на старыхъ гравюрахъ. Да, въ сущности, она и не представляетъ ничего особенно ужаснаго наряду съ той Бастиліею, гдѣ, подъ защитой безмолвныхъ стѣнъ, какой нибудь Эсторе можетъ безъ помѣхи колотить умалишенныхъ.

Изъ этого слѣдуетъ, что намъ необходимо приняться опять съ самаго начала за благородную задачу эмансипаціи.

II.

Сумашедшій-убійца.

Въ іюлѣ 1880 г., на другой день послѣ народнаго праздника въ улицѣ Монмартръ одинъ человѣкъ, ни съ того, ни съ сего, закололъ ножемъ полицейскаго.

Убійца несчастнаго бригадира Роксена предавался пьянству и былъ подверженъ галлюцинаціямъ. Можетъ быть, его мозгъ, отуманенный алкоголемъ, былъ до такой степени возбужденъ уличными пѣснями наканунѣ, что ему вздумалось „напоить землю проклятою кровью притѣснителей“ въ лицѣ неповиннаго передъ нимъ блюстителя порядка. Конечно, въ силу этого, нельзя винить Роже де-Лиля въ преступленіи глупца, который по своему умственному разстройству не подлежитъ отвѣтственности за свои дѣйствія

Подъ видомъ убійства, совершоннаго бѣшенымъ безумцемъ въ припадкѣ бѣлой горячки, смерть Роксена представляетъ не болѣе, какъ несчастную случайность, и ее нельзя поставить въ вину отдѣльной личности. Я только укажу мимоходомъ на опасность безпрестанно повторять на парижскихъ улицахъ національную пѣсню, призывающую къ оружію и способную ввести въ заблужденіе слабые умы. Прелесть поэтическихъ оборотовъ, увлекательность музыкальнаго мотива доступны не всѣмъ; но воззваніе къ мести, къ кровопролитію можетъ разбудить въ неразвитомъ человѣкѣ звѣрскіе инстинкты. Особенно возбуждающимъ образомъ дѣйствуетъ Марсельеза на пьяницъ, всегда наклонныхъ къ нестественнымъ аффектамъ и бредящихъ кровью, потому что ихъ ослабленное алкоголемъ зрѣніе нерѣдко окрашиваетъ имъ всѣ предметы кровавымъ

оттѣнкомъ. Ограничившись этимъ замѣчаніемъ, я не позволю се придавать политическаго характера случайному преступленію сп шагося человѣка, въ состояніи полной нравственной невмѣняемос

Въ драмѣ улицы Монмартръ было трое дѣйствующихъ ли преступникъ, жертва и полицейскій, арестовавшій безумца. О убійцѣ нечего больше сказать, а про бригадира Роксена я св жу послѣ. Въ настоящую минуту мнѣ хочется остановиться н третьемъ лицѣ неожиданно разыгравшейся трагедіи, такъ ка по моему мнѣнію, этому человѣку забыли воздать должное. Е имя Нитаръ. Увидѣвъ, что Роксенъ упалъ подъ ударомъ но храбрый полицейскій бросился на убійцу, который продолжа размахивать своимъ оружіемъ. Онъ могъ бы въ одинъ момент зарубить пьянаго преступника саблею, какъ взбѣсившуюся собак Всякій другой на его мѣстѣ поступилъ бы такимъ образомъ в порывѣ гнѣва. Но когда занимаешь постъ блюстителя порядк надо владѣть собою. Нитаръ, вѣрный приказу начальства, по ступилъ къ вооруженному, озвѣрѣвшему убійцѣ и только ударил его саблею плашмя по рукѣ, чтобы вышибить ножъ. Послѣ этог онъ схватилъ преступника за воротникъ, не думая, что у то могъ быть въ запасѣ другой кинжалъ для обороны. Наши поли цейскіе постоянно обнаруживаютъ неустрашимую храбрость, н при всемъ томъ на нихъ постоянно клевещутъ, а подчасъ убиваютъ, между тѣмъ какъ они сами не имѣютъ права при бѣгать къ оружію, „пока ихъ не задушатъ“, какъ выражаютс эти ревностные исполнители своего долга. Если въ схваткѣ с злодѣями проливается кровь, то ужь, конечно, полицейскій ранен первымъ; такія раны нерѣдко имѣютъ смертельный исходъ.

Сейчасъ мы поговоримъ и объ умершемъ, но прежде обратим вниманіе на живаго. По нашему мнѣнію, полицейскій Нитаръ пре восходно олицетворяетъ идеалъ блюстителя порядка; онъ обла даетъ болѣе чѣмъ простою храбростью, необходимою для его пр фессіи; онъ одаренъ хладнокровіемъ, которое не измѣняетъ ем лицомъ къ лицу съ опасностью, а это дается далеко не всѣмъ Еслибы въ минуту гнѣва, при видѣ своего заколотаго начальник Нитаръ отрубилъ саблею руку разсвирѣпѣвшему злодѣю, чтоб немедленно обезоружить и арестовать его, то публика навѣрн стала бы жалѣть убійцу и обвинять полицейскаго; при такомъ удобномъ случаѣ были бы вытащены изъ мрака забвенія всѣ уста рѣвшія побасенки о грубости скромныхъ полицейскихъ агентовъ которые въ девяносто девяти случаяхъ на сто являются жертвами но никакъ не притѣснителями. Вотъ почему Нитаръ, вѣрный при казу, даже въ такую критическую минуту, когда всякій друго

...товъ былъ забыться, настолько владѣлъ собою, что пустилъ въ ...ь свою саблю, только какъ простую палку, чтобы обезоружить ...ицу. Мнѣ скажутъ, что онъ только исполнилъ свой долгъ. Со...ршенно вѣрно, но онъ исполнилъ его превосходно, а это не ...ѣлица. Префекту полиціи не слѣдуетъ забывать такого под...га своего подчиненнаго.

Мнѣ говорили, что теперь становится все труднѣе и труднѣе ...полнять комплектъ полицейскихъ служителей; между тѣмъ въ ...лицію могутъ поступать только солдаты, отличавшіеся безпороч...ою службою. Старые служаки, побывавшіе въ сраженіяхъ, прежде ...мъ надѣть мундиръ префектуры,—начинаютъ теперь избѣгать ...лицейской службы; имъ, въ сущности, довольно легко найти ...лѣе спокойную должность, менѣе презираемую массою. Честному ...ловѣку трудно жить, не внушая къ себѣ почтенія, потому что ...но составляетъ основу существованія. Простолюдинъ, увидя на ...ицѣ ветерана славной арміи, украшеннаго орденомъ почетнаго ...гіона или военною медалью, непремѣнно скажетъ про себя: вотъ ...брый старикъ. Но стоитъ тому же человѣку, не измѣняя преж...имъ чувствамъ чести и добросовѣстности, надѣть мундиръ поли...ейскаго, какъ къ нему станутъ относиться презрительно, не ...отря на его крестъ и медали. Послѣ этого неудивительно, что ...режніе военные стали избѣгать полицейской службы съ ея жал...ими условіями, предпочитая ей мѣсто сторожа въ какомъ нибудь ...равительственномъ учрежденіи; такія должности даются имъ очень ...отно, потому что начальство присутственныхъ мѣстъ и казен...ыхъ училищъ хорошо знаетъ, какой кладъ пріобрѣтетъ оно въ ...ицѣ заслуженнаго солдата, на котораго можно положиться во всемъ

Поэтому не слѣдуетъ удивляться, что ряды старыхъ полицей...скихъ агентовъ рѣдѣютъ. Собачья служба, ничтожное жалованье ..., сверхъ того, пренебреженіе своихъ согражданъ, конечно, не мо...утъ ни для кого служить приманкою. Я уже давно слѣжу за ...ѣятельностью этихъ образцовыхъ исполнителей своего долга, ко...орые служатъ порукою нашей безопасности, и какъ прежде, такъ ...теперь не перестаю удивляться ихъ мужеству, самоотвержен...ію и полезности. Вездѣ, гдѣ нуженъ подвигъ, вы непремѣнно ...встрѣтите городскаго сержанта—это названіе по прежнему оста...лось за ними. Я постоянно вижу, какъ они бросаются останав...ливать взбѣсившихся лошадей, идутъ на встрѣчу бѣшеной собакѣ, ...самому отвратительному дикому животному; они вездѣ въ первыхъ ...рядахъ, гдѣ только есть опасность или случилось несчастіе. Ночью ...сержанты по двое расхаживаютъ мѣрнымъ шагомъ по самымъ ...опаснымъ кварталамъ города, по самымъ подозрительнымъ пусты-

рямъ; при этомъ они, для формы, вооружены револьверомъ, но з
тя-бы къ нимъ подступало до десятка мошенниковъ, имъ не п
зволено стрѣлять, пока на нихъ не бросятся съ оружіемъ въ р
кахъ. Полицейскіе на моихъ глазахъ кидались въ ожесточенны
уличныя свалки, чтобы остановить самаго отчаяннаго изъ дер
щихся и принять на себя цѣлый градъ ударовъ его сторонников
не защищаясь самому изъ боязни выпустить пойманнаго буян
пока не подоспѣютъ на выручку товарищи. Въ морозныя зимн
ночи, въ іюльскую жару, сержанты ходятъ по улицамъ, дежурят
на шоссе, вѣжливо отвѣчая каждому встрѣчному, который обр
тится къ нимъ съ вопросомъ; въ одномъ мѣстѣ они унимают
ссору, въ другомъ—предупреждаютъ ее; полицейскіе постоянн
защищаютъ слабаго противъ грубой силы, представляя собою нѣчт
въ родѣ ходячихъ мировыхъ судей; одушевляемые свойственным
имъ чувствомъ доброты и человѣколюбія, они переводятъ через
улицу слабаго старика, переносятъ ребенка, чтобы ихъ не задав
вили экипажи; эти люди постоянно на-сторожѣ всеобщей безо
пасности, постоянно готовы самоотверженно служить каждому, н
встрѣчая ни малѣйшей благодарности, такъ какъ, по мнѣнію боль
шинства, они только исполняютъ свой долгъ. И если случайн
между этими безупречными людьми найдется одинъ недобросо
вѣстный и дурной, то порицанію со стороны общества подвер
гается весь корпусъ городскихъ сержантовъ огуломъ. Ни на кого
другаго, какъ на полицейскихъ, обрушивается досада публики и
сваливается вина въ тысячѣ случаевъ ежедневной жизни. Имъ по
стоянно приносятъ жалобы на извощиковъ, которые въ свою оче
редь бранятъ полицію, если она беретъ сторону не всегда правагс
сѣдока, требующаго посредничества сержанта; съ утра до вечера
ихъ таскаютъ то туда, то сюда, тормошатъ справа и слѣва; без
покойная служба полицейскаго агента требуетъ отъ него всѣхъ
человѣческихъ добродѣтелей: мужества, самоотверженія, хладно
кровія, презрѣнія ко всевозможнымъ опасностямъ,—и все это за са
мое ничтожное денежное вознагражденіе. Но это еще не все. Отъ
полицейскаго требуется безпримѣрное безкорыстіе; ему не позво
лено принимать никакого вознагражденія за свои труды и услуги
частнымъ лицамъ; сержантъ попадетъ подъ судъ, если возьметъ
даже сигару изъ рукъ расчувствовавшагося прохожаго. Кромѣ
того, требуя отъ полицейскаго всѣхъ добродѣтелей, ему въ то же
время запрещаютъ имѣть какія бы то ни было человѣческія сла
бости, извинительныя въ характерѣ прочихъ смертныхъ. Нѣко
торую нетерпѣливость городскаго сержанта сейчасъ назовутъ гру
бостью, не говоря уже о вспыльчивости, свойственной многимъ

темпераментамъ; стóитъ полицейскому хоть на минуту измѣнить своему хладнокровію, какъ толпа обрушится на него съ упреками и оскорбленіями. Если полицейскому, разнимая драку или защищая слабаго, приходится кого нибудь толкнуть и ударить, это сейчасъ вызоветъ ожесточенные протесты; но толчки и удары, получаемые самимъ полицейскимъ въ уличныхъ схваткахъ, считаются ни во что. Когда, въ самыхъ опасныхъ случаяхъ, сержантъ не теряетъ своего самообладанія, ему не ставятъ этого въ заслугу; но если онъ позволитъ себѣ выйти изъ терпѣнія, то потеряетъ мѣсто. За ними наблюдаютъ сотни глазъ, чтобы поймать ихъ въ какомъ нибудь нарушеніи черезчуръ сложныхъ обязанностей полицейскаго. Про этихъ людей можно сказать, что не столько они наблюдаютъ за публикою, сколько публика за ними. Вотъ что мнѣ хотѣлось высказать по поводу примѣрнаго поведенія сержанта Нитара, арестовавшаго убійцу своего начальника, предварительно обезоруживъ его ударомъ сабли плашмя, вмѣсто того, чтобы размозжить ему черепъ въ порывѣ понятнаго гнѣва.

Теперь перейдемъ къ умершему. Несчастный Роксенъ былъ убитъ моментально, безъ малѣйшей борьбы. Такой случай могъ произойти съ каждымъ изъ насъ при встрѣчѣ съ человѣкомъ, одержимымъ бѣлою горячкою, на котораго нашла манія убійства. Были примѣры, что такіе безумцы входили въ ресторанъ и убивали безъ всякой причины кассиршу, или въ театрѣ закалывали кинжаломъ совершенно неизвѣстнаго имъ господина изъ присутствующей публики. Манія убійства несомнѣнно существуетъ; на этотъ разъ она имѣла отчасти политическій характеръ, но все таки представляла одинъ изъ видовъ умопомѣшательства. Еслибы въ этомъ преступленіи вздумали обвинять огуломъ всю радикальную партію, то она могла бы отвѣтить намъ, что убійца нѣкогда былъ ученикомъ іезуитовъ. Какъ бы то ни было, но жертвою катастрофы въ улицѣ Монмартръ сдѣлался достойный человѣкъ, въ истинномъ значеніи этого слова.

Трагическая смерть Роксена познакомила насъ съ рѣдкою личностью этого безвѣстнаго, скромнаго дѣятеля. Онъ былъ не только храбрымъ солдатомъ, но добрымъ и великодушнымъ человѣкомъ. Когда пресса сообщила біографію убитаго, каждый изъ насъ отнесся сочувственно къ его судьбѣ. Скромный труженикъ при жизни, онъ получилъ заслуженную извѣстность за гробомъ. Случайный убійца, такъ сказать, остріемъ ножа начерталъ въ памяти людей скромное имя и поучительную исторію своей жертвы. Благодаря ему, мы узнали, что такое былъ Роксенъ: подъ его полицейскимъ мундиромъ билось благородное сердце; онъ служилъ при-

мѣромъ безвѣстной преданности общественному благу, примѣромъ супружеской любви и почтенія къ родителямъ. Душа этого человѣка была открыта всѣмъ нѣжнымъ чувствамъ, и, по моему, не жаль заплатить жизнью за тотъ всеобщій почетъ, какимъ удостоили сограждане бѣдняка Роксена послѣ его смерти. Еслибы монтіоновскую премію присуждали мертвымъ, то ее стоило бы положить на могилу убитаго бригадира, который удѣлялъ изъ своего скуднаго жалованья постоянную пенсію своимъ престарѣлымъ родителямъ. Такимъ образомъ, этотъ бѣднякъ помогалъ другимъ бѣднякамъ, а его жена, желая помочь ему въ добрыхъ дѣлахъ, зарабатывала своими руками по *пятидесяти сантимовъ* въ день. Мнѣ кажется, одна эта цифра краснорѣчиво говоритъ сама за себя.

Было бы слишкомъ грустно для нашего времени, еслибы такая прекрасная жизнь, обнаруженная трагическою смертью, не вызвала сочувствія со стороны добрыхъ людей. И, дѣйствительно, гробъ бригадира Роксена по всѣмъ улицамъ Парижа провожали знаками глубокаго почтенія. Мысль о томъ, что онъ палъ жертвою своего долга, отъ руки жалкаго безумца, внушала всѣмъ искреннее сочувствіе. Но, отдавая должное памяти достойныхъ людей, не слѣдуетъ забывать ихъ семьи, когда они пожертвовали жизнью ради общественнаго блага. Каждое цивилизованное общество должно считать своею важнѣйшею обязанностью заботиться о невинно пострадавшихъ ради его интересовъ. Парижская пресса, въ настоящее время, повидимому, старается всѣми силами поддержать эту мысль.

Въ тотъ день, когда въ нашихъ нравахъ глубоко вкоренится убѣжденіе, что братскую помощь обязательно оказывать всѣмъ жертвамъ незаслуженнаго несчастія, соціальный вопросъ будетъ рѣшенъ навсегда. Масса недовольныхъ, угрожающихъ общественному спокойствію, состоитъ не изъ однихъ извращенныхъ умовъ, готовыхъ на всѣ преступленія, не признающихъ никакихъ правилъ; напротивъ, она почерпаетъ свою силу и становится дѣйствительно опасною, когда къ ней присоединяются люди, вполнѣ достойные нашего участія. Старый девизъ: „раздѣлять, чтобы господствовать“ слѣдовало бы принять для руководства тѣмъ, кто смотритъ на будущее съ мрачными предчувствіями; эту тѣсно сплоченную, угрожающую массу нужно раздѣлить, улучшивъ ея бытъ. Когда мы уменьшимъ страданія бѣдняковъ и удовлетворимъ ихъ законныя требованія, мятежи будутъ находить себѣ благопріятную почву только въ подонкахъ человѣчества и для насъ будетъ достаточно однихъ полицейскихъ, чтобы съ ними справиться.

КОНЕЦЪ.

Тайная надежда.

(О. М—ой).

Пока съ загадочной улыбкой
Предъ вами молодость стоитъ,
И грусть лишь изрѣдка, ошибкой,
По сердцу свѣтлому скользитъ,
Какъ лѣтомъ тѣнь по нивѣ зыбкой;
Покуда горе не пришло,
Пока вы тѣшитесь мечтами,
И жизнь проносится надъ вами,
Какъ праздникъ, шумно и свѣтло—
Смиренныхъ пѣсенъ вамъ не надо,
Вамъ не до книгъ, не до меня...
Такъ меркнетъ блѣдная лампада
Въ сіяньѣ солнечнаго дня.
Но тихо молодость уходитъ,
Но тихо гаснетъ ясный день,
И старость грустная находитъ
Въ душѣ безмолвіе и тѣнь.
Пройдутъ года. Моя лампада
Засвѣтитъ ярче и виднѣй,
Какъ другъ, какъ тихая отрада
Въ печальномъ сумракѣ ночей.
Ея спокойное мерцанье
Въ душевной тьмѣ освѣтитъ вновь
Былыя радости, страданья
И мирно спящую любовь...
Я счастливъ тайною мечтою:
Вы эту книгу предъ собою
Раскроете когда нибудь
И призадумаетесь... либо,
Склонивши голову на грудь,
Шепнете тихое спасибо.

Ѳ. Ромеръ.

АЛЕКСАНДРЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ДРУЖИНИНЪ.

(Изъ воспоминаній стараго журналиста).

I.

Имя Дружинина извѣстно всему нашему литературному и интеллигентному міру. Насколько оно заслуживаетъ этой извѣстности, уже давно рѣшила критика, и въ этомъ отношеніи едва-ли можно сказать что-либо новое, что̀ было бы упущено изъ виду присяжными оцѣнщиками его таланта; но ка̀къ онъ достигъ и воспользовался такъ легко добытою имъ извѣстностью, что̀ это была за личность, что̀ она могла дать обществу, въ какой средѣ вращалась, какими располагала нравственными и интеллектуальными силами—всѣ эти вопросы почти никѣмъ не были затронуты, и точно съ намѣреніемъ игнорированы и обойдены; какъ будто съ этой стороны можно было и слѣдовало обойти эту личность молчаніемъ, какъ будто она не заслуживала болѣе внимательнаго къ ней отношенія.

Съ своей стороны, зная Дружинина близко, имѣвъ полную возможность изучить его нравственныя качества, мы протестуемъ противъ такого взгляда на него, потому что, хотя Дружининъ былъ писатель второстепенный и не можетъ занять мѣсто наряду съ нашими литературными знаменитостями, но онъ вращался въ ихъ кругу въ продолженіе цѣлыхъ почти двадцати лѣтъ (съ 1847 по 1864 г.), былъ постоянно между ними своимъ человѣкомъ, пользовался полнымъ ихъ уваженіемъ и, кромѣ того, принесъ нашей литературѣ значительную пользу своею собственною дѣятельностью.

Личность Дружинина вполнѣ заслуживаетъ быть выясненною, что̀ можетъ быть даже назидательно для новыхъ, начинающихъ писателей, которымъ необходимо знать: какихъ засадъ и подкоповъ слѣдуетъ избѣгать, если они хотятъ усердно и беззавѣтно служить отечественной литературѣ.

Затѣмъ, по своимъ личнымъ прекраснымъ качествамъ, Дружининъ принадлежалъ къ кругу порядочныхъ литераторовъ,—и лучшее произведеніе Дружинина не только было доступно для каждаго русскаго грамотнаго человѣка, для каждой русской грамотной женщины, но оно, по своей нравственной чистотѣ и опрятности, могло вполнѣ удовлетворить эстети-

ческому чувству, никогда не выходя изъ границъ приличія, не возбуждая грязныхъ помысловъ и дурныхъ инстинктовъ.

Дружинину дала широкую извѣстность, въ самомъ концѣ сороковыхъ годовъ, его повѣсть—„Поленька Саксъ“. Онъ получилъ эту извѣстность, едва оставивъ корпусную скамейку, не имѣя полныхъ двадцати трехъ лѣтъ. Но сонмъ тѣхъ же Поленекъ Саксъ, которыхъ онъ защищалъ съ такимъ непорочнымъ юношескимъ жаромъ, быстро свелъ его въ могилу, предательски усыпивъ его нравственную предусмотрительность. Дружининъ далъ себя увлечь и обворожить дочерямъ Евы, и простился съ нами навсегда, въ то время, когда именно ему предстояло стать твердою ногою въ той области, куда ему такъ легко былъ открытъ входъ и гдѣ онъ могъ пріобрѣсти неоспоримо-высокое мѣсто, занявшись мастерскимъ изображеніемъ обратной стороны той медали, на которой красовался привлекательный барельефъ его „Поленьки“.

Тогда только что подымался женскій вопросъ, тогда именно занялись изученіемъ женскихъ типовъ, и еслибы Дружининъ, послѣ появленія своей „Поленьки“, посвятилъ себя глубокому изученію типа нашей женщины высшаго и средняго, но интеллигентнаго общества, для чего у него были всѣ средства и ключи,—онъ подарилъ бы русскую литературу такими женскими характеристиками, какимъ, можетъ быть, позавидовали бы и Тургеневъ и гр. Л. Н. Толстой.

Послѣ того какъ „Поленька Саксъ“ облетѣла всю Россію, послѣ того какъ не было русскаго семейства, гдѣ бы и матери и дочки не засыпали съ этой повѣстью въ рукахъ, не старались всѣми путями и средствами собрать справки: кто такой этотъ симпатичный адвокатъ и защитникъ всякой увлекшейся неопытной дѣвушки и женщины; послѣ того какъ узнали, что этотъ смѣлый рыцарь никто иной, какъ очень юный гвардейскій офицерикъ—смазливый, деликатный, съ вѣчно опущенными глазами, вѣчно застѣнчивый и пугливый,—Дружинину открыты были двери всѣхъ гостиныхъ, салоновъ и будуаровъ... Каждая дама того времени считала за счастье увидѣть Дружинина, хотя украдкой взглянуть на этого милаго человѣка, дорогаго адвоката женскаго сердца, а познакомиться съ нимъ, говорить съ авторомъ „Поленьки“—для каждой молодой дамы и дѣвицы было верхомъ блаженства...

При такихъ благопріятныхъ условіяхъ, Дружининъ, съ его мягкими манерами, безъискусственнымъ краснорѣчіемъ, вкрадчивостью и впечатлительностью фотографическаго негатива, притомъ съ его умѣніемъ ловко рисовать восхитительные женскіе контуры, раскрылъ бы передъ нами совершенно новый міръ, уяснивъ типъ чисто русской женщины, снявъ съ нея французскіе покровы, общественные корсеты и фижмы, и указалъ бы намъ, что въ русской женщинѣ есть своего роднаго, честнаго и высокаго; что этой женщинѣ нужно, чтобы выбраться изъ той среды, въ которую

ее втоптали съ одной стороны востокъ и Византія, а съ другой вѣчный соблазнитель Парижъ, и стать на свои собственныя русскія ноги, твердо, съ достоинствомъ и свободою. Но Дружининъ спасовалъ передъ этимъ вопросомъ, предсталъ слабымъ юношею передъ русской здоровой и молодой женщиной, и не исполнилъ того, чего всѣ мы имѣли полное право ожидать отъ него. Но что̀ Дружининъ? съ русской женщиной не справились вполнѣ ни Тургеневъ, ни гр. Л. Н. Толстой, ни всѣ прочіе наши писатели, бравшіеся за это трудное дѣло. Зато русская женщина, не дождавшись дѣльнаго путеводителя и спутника, сама пустилась по новому пути, сама выработала себѣ программу, и своимъ твердымъ характеромъ, здоровою натурою и умною головою заняла уже первое мѣсто между женщинами цивилизованнаго міра,—такъ что теперь ни одна русская развитая дѣвушка не станетъ уже тратить время на чтеніе знаменитой въ свое время „Поленьки Саксъ“...

Для незнакомыхъ вовсе съ этимъ литературнымъ *волчкомъ*—„Поленькой Саксъ“,—надѣлавшимъ столько шуму въ самомъ концѣ сороковыхъ и въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, приводимъ краткое ея содержаніе съ нѣкоторыми замѣтками г. Кирпичникова.

„Поленька Саксъ“—небольшая повѣсть изъ жизни такъ называемаго большаго свѣта, написанная изящнымъ языкомъ, обработывающая тему о паденіи женщины. Въ повѣсти много юношескаго. Выдвинули же ее изъ ряда подобныхъ ей произведеній слѣдующія качества:

Во-первыхъ, *сердечность*, которою проникнутъ весь разсказъ: авторъ не только дѣлаетъ для насъ симпатичнымъ бѣднаго Сакса, который такъ сильно любитъ свою маленькую жену со всѣми ея маленькими слабостями и дѣлаетъ по своей вспыльчивости рядъ самыхъ непростительныхъ ошибокъ; не только саму Поленьку, женщину-ребенка, которой приходится испытывать, съ ея слабенькими душевными силами, безпримѣрное бѣдствіе полюбить своего перваго мужа послѣ того, какъ она измѣнила ему, развелась съ нимъ и вышла замужъ за другаго;—но до извѣстной степени и самого обольстителя, князя Галицкаго, который, послѣ великодушнаго поступка Сакса, высказываетъ въ откровенномъ письмѣ къ сестрѣ, что онъ готовъ молиться на этого человѣка, и который потомъ дѣйствительно молится на свою несчастную жену, хотя и чувствуетъ, что она его не любитъ; даже взяточникъ и казнокрадъ, статскій совѣтникъ Писаренко, *на одну минуту* симпатиченъ читателю: вліяніе, которое имѣетъ на него умная и хорошая жена, до извѣстной степени примиряетъ насъ съ его мерзкимъ поведеніемъ. Этотъ Писаренко, получивъ 30,000 за то, что удержалъ Сакса на слѣдствіи и далъ возможность князю Галицкому обольстить Поленьку, въ негодованіи бросаетъ денежный билетъ на землю, но, успокоившись, поднимаетъ его и бережно прячетъ въ карманъ.

„Далѣе, повѣсть, при своемъ незначительномъ объемѣ и шаблонности

темы, имѣетъ и гражданское значеніе: Саксъ по своей служебной дѣятельности—прототипъ Калиновича, безъ слабостей и мелочности послѣдняго; онъ одинъ изъ тѣхъ немногихъ людей русскихъ (не смотря на нѣмецкую фамилію), которые въ тяжелое время казнокрадства, взяточничества и преступнаго ко всему равнодушія, боролись, какъ умѣли, за правду и поддерживали чуть тлѣющій огонь среди непроглядной тьмы. Наконецъ,—что всего важнѣе,—эта повѣсть—своего рода подвигъ и, притомъ, подвигъ безсознательный. Авторъ мимоходомъ, не придавая этому значенія, устами своего героя, мужа Поленьки Саксъ, высказываетъ убѣжденіе, что такъ называемое паденіе женщины, вслѣдствіе минутной вспышки, для человѣка искренно любящаго—вздоръ, т. е. въ томъ смыслѣ вздоръ, что это не можетъ разбить его жизнь окончательно, а только временно, хоть и глубоко, огорчитъ его".

II.

Приступая къ уясненію личности Дружинина, я долженъ съ самаго начала заявить, что не смотря на многочисленныхъ друзей и знакомыхъ, послѣ его смерти никто изъ нихъ не посвятилъ его памяти никакихъ воспоминаній, не говорилъ ни о его родныхъ, ни о дѣтствѣ и тѣхъ вліяніяхъ, которыя выработали въ немъ, впослѣдствіи, литератора. Отецъ Дружинина владѣлъ имѣніемъ въ Гдовскомъ уѣздѣ, служилъ въ спб. почтамтѣ и былъ въ такомъ чинѣ, который, при протекціи, открылъ тремъ сыновьямъ его двери Пажескаго корпуса, гдѣ они и получили образованіе и избрали себѣ военную карьеру. Одинъ изъ старшихъ братьевъ Александра Васильевича былъ полковникомъ въ Семеновскомъ полку и рано умеръ, о второмъ я ничего не слыхалъ, а равно и о томъ, были ли у него сестры, хотя надо полагать, что баронесса Вревская, у которой онъ иногда проживалъ лѣтомъ, въ Гдовскомъ уѣздѣ, въ селѣ Маріинскомъ, была его родная сестра.

Извѣстный нашъ журнальный труженикъ своего времени, Матвѣй Степановичъ Хотинскій, разсказывалъ мнѣ, что онъ въ молодости былъ близко знакомъ и принятъ въ домѣ родителей Дружинина, что отецъ его былъ прекрасный, добрѣйшій человѣкъ, извѣстный хлѣбосолъ и проч. Мнѣ же удалось лишь нѣсколько разъ видѣть мать А. В. Дружинина, когда онъ жилъ на Васильевскомъ острову въ седьмой линіи. Это была простая, повидимому, добрая старушка, всею душою любившая сына, лѣтъ за пятьдесять, средняго роста, полная, не представительная, съ самыми обыкновенными чертами лица, ровно ничего не выражавшаго, и съ обыкновенными манерами и пріемами, свойственными каждой зажиточной чиновницѣ, что представляло рѣзкій контрастъ съ тѣмъ тономъ, котораго держался Александръ Васильевичъ.

Такъ какъ каждый ребенокъ своимъ воспитаніемъ обязанъ всецѣло своей матери, то для меня достаточно было нѣсколькихъ посѣщеній, чтобы вполнѣ убѣдиться, что такая мать ничего не могла дать своему дѣтищу, кромѣ заботъ о физическомъ воспитаніи. И дѣйствительно, А. В. Дружининъ ничего не вынесъ изъ своего роднаго гнѣзда. Въ этомъ можно было убѣдиться изъ самыхъ недолгихъ съ нимъ сношеній. Это былъ юноша, выдрессированный по всѣмъ правиламъ извѣстнаго искусства. Все въ немъ было заученное, усвоенное изъ иной среды, въ которой онъ очутился, вылетѣвъ изъ теплаго чиновничьяго гнѣздышка. Въ кругу другихъ молодыхъ дѣятелей на поприщѣ литературы, получившихъ высшее образованіе, развивавшихся на свободѣ, безъ разныхъ нравственныхъ предохранительныхъ корсетовъ,—дѣятелей, окунувшихся уже въ житейскомъ морѣ и извѣдавшихъ его глубину и мели, Дружининъ казался какой-то мимозой, старался держать себя въ извѣстномъ тонѣ, говорить осмотрительно и осторожно, не довѣряя своимъ силамъ и сознавая ихъ слабость, съ опущенными внизъ глазами. Въ заключеніе всего, Дружининъ тщательно наблюдалъ за собою, взвѣшивалъ каждое произнесенное имъ слово, а слѣдовательно объ откровенности не могло быть и помину.

Чтобы составить себѣ вѣрное понятіе о тѣхъ отношеніяхъ, въ которыхъ Дружининъ находился къ своимъ товарищамъ и собесѣдникамъ, достаточно будетъ представить себѣ двухъ дѣвушекъ—одну, получившую воспитаніе и образованіе въ домѣ родителей, а другую, только-что окончившую свое образованіе и воспитаніе въ Смольномъ монастырѣ и возвратившуюся на родину. Онѣ познакомились, у нихъ завязались сношенія, но какая разница между ними! Одна—живая натура, человѣкъ, каковъ онъ есть, со всѣми своими хорошими и дурными сторонами, а другая — ничѣмъ не принадлежитъ себѣ и есть продуктъ Смольнаго монастыря; таковъ былъ и Дружининъ, человѣкъ, у котораго былъ неоспоримый талантъ, но этотъ талантъ сжималъ пажескій корсетъ, отъ котораго онъ не могъ отвыкнуть во всю свою краткую жизнь.

По своему воспитанію Дружининъ былъ пажъ въ дѣйствительности, остался пажемъ въ обществѣ, пажемъ въ кругу дамъ, пажемъ въ литературѣ, и въ чемъ угодно. Притомъ же, по своему сложенію, онъ былъ тщедушенъ, слабъ здоровьемъ и лишенъ всякой энергіи. Впрочемъ, по внѣшнему его виду, манерамъ и всегда сдержанному обращенію съ посторонними, нѣкоторые считали его аристократомъ, а въ томъ числѣ и г. Кирпичниковъ, рѣшившійся написать о немъ кое-что; но въ Дружининѣ, кто съ нимъ близко былъ знакомъ, не было ничего истинно аристократическаго; въ немъ все было — imitation, накладное, какъ бываетъ накладное серебро и т. п.

Для насъ, прежде всего, весьма важно рѣшить вопросъ: почему Дружининъ, предназначавшійся родителями къ высшей военной карьерѣ,

предпочелъ ей такую ничтожную, съ военной точки зрѣнія,—литературную карьеру, которая однако доставила ему то, чего никогда не дала бы ему карьера военная, еслибы онъ продолжалъ ее. Мы постараемся рѣшить этотъ вопросъ, за отсутствіемъ документальныхъ данныхъ, чисто логическимъ путемъ.

Имѣя въ виду добиться принятія сына въ Пажескій корпусъ, отецъ Дружинина долженъ былъ дать мальчику домашнее воспитаніе на иностранный ладъ, чего, конечно, не могла сдѣлать мать, насколько мы можемъ судить по знакомству, хотя и непродолжительному, съ этою личностью; поэтому надо было взять гувернантку и исключительно француженку, потому что мальчикъ долженъ былъ поступить въ пажи, а слѣдовательно усвоить вполнѣ французскій языкъ, какъ свой природный, о которомъ тогда мы очень мало заботились, тѣмъ болѣе, что не только тогда, но и теперь, безъ знанія иностранныхъ языковъ, съ однимъ своимъ, карьеры сдѣлать никакъ нельзя. Притомъ же, мальчику надо было привить хорошія манеры и умѣніе держать себя, а кто же лучше *хорошей* французской гувернантки можетъ это дать?

Поэтому, до поступленія въ Пажескій корпусъ, Александръ Васильевичъ и сданъ былъ, безъ всякаго сомнѣнія, безотчетно на французскія руки, которыя, надѣвъ на него французскую рубашку, совершенно обезсилили его русскую натуру и мальчика превратили въ слабую, робкую, застѣнчивую дѣвушку,—et il est devenu tout a fait efféminé. Такимъ его сдали въ Пажескій корпусъ, гдѣ онъ очутился въ высшей французской школѣ, не имѣя ничего общаго со своими товарищами — большею частью аристократами, смотрѣвшими на него, конечно, свысока. Тутъ ему оставалось одно убѣжище— это чтеніе—чего?—да всего, что̀ попадалось подъ руку.

Слабый организмъ, искусственная среда, въ которой очутился мальчикъ, и фальшивое положеніе не давали ему возможности избрать серьезную карьеру—заняться науками математическими, чтобы потомъ поступить въ гвардейскую артиллерію. Изъ Пажескаго корпуса онъ вышелъ въ Финляндскій полкъ—молодую гвардію—и тутъ, вскорѣ убѣдившись, что онъ плохой воинъ, уступилъ своему влеченью къ чтенію, литературѣ, и, вѣроятно, по смерти отца тотчасъ перешелъ въ канцелярію военнаго министра, рѣшившись посвятить себя манившей его подъ свое знамя—русской литературѣ.

Но чѣмъ именно ему слѣдовало заняться, чему отдать предпочтеніе? Къ серьезному литературному труду онъ вовсе не былъ подготовленъ, да притомъ же былъ слишкомъ молодъ и совершенно неопытенъ. Единственный родъ литературы, которому онъ могъ посвятить себя, это—повѣсть и разсказъ. Но чтобы имѣть успѣхъ въ этомъ родѣ литературы, нужна опытность, наблюдательность, умѣніе отыскать настоящую художественную

точку, владѣть перомъ, а тутъ начинающему литератору не было еще полныхъ двадцати трехъ лѣтъ...

Но что у Дружинина былъ врожденный талантъ, это лучше всего подтверждаетъ самое выступленіе его на литературное поприще—его Полинька Саксъ. Тема, положенная въ основаніе этого произведенія, вовсе не нова, она порождена въ прошломъ столѣтіи и есть дитя французскихъ энциклопедистовъ, на которое въ то же время наткнулся въ Швейцаріи самоучка-самородокъ Жанъ-Жакъ-Руссо, котораго „Julie ou la nouvelle Héloïse“ обошла весь свѣтъ, извлекла у чувствительныхъ сердецъ много слезъ, вздоховъ, разговоровъ и споровъ, и все же не сбила жестокосердаго человѣчества съ того „толку“, которымъ оно пробавляется уже въ теченіе нѣсколькихъ тысячелѣтій...

III.

Есть вещи, о которыхъ сколько бы вѣковъ люди ни толковали, какъ бы сочувственно къ нимъ ни относились, но онѣ едва-ли когда пріобрѣтутъ права гражданства, потому что человѣчества не разубѣдить въ томъ, что оно разъ навсегда зарубило себѣ на лбу...

Геніальнѣйшая французская писательница нашего вѣка — Жоржъ-Зандъ—спустя болѣе полувѣка послѣ появленія „Julie“ Руссо, вздумала поднять тотъ же вопросъ, имѣя въ виду уже болѣе цивилизованное общество, чѣмъ то, среди котораго жилъ и писалъ Руссо, и въ своемъ романѣ „Jacques“ снова стала защищать паденіе женщины; но не смотря на ея высокое развитіе, ближайшее знакомство съ женскими дѣлами и высокое искусство проникать въ самую глубину человѣческаго сердца и возбуждать въ немъ состраданіе къ паденію женщины—геніальная Зандъ ничего не добилась и ея „Jacques“ забытъ окончательно.

Въ концѣ сороковыхъ годовъ, и на русской почвѣ, послѣ того какъ ученіе Жоржъ-Зандъ пустило у насъ свои корни и Зинаида Р... (Елена Ганъ) припялась за обработку того же вопроса,—въ руки Дружинина попалъ романъ „Jacques“ и послужилъ ему поводомъ коснуться своимъ молодымъ, свѣжимъ и бойкимъ перомъ этого щекотливаго женскаго вопроса... Нѣтъ сомнѣнія, что это не была идея, выполненная Дружининымъ, который и не могъ еще посвятить себя глубокому ея изученію; для этого у него не было времени, когда онъ находился въ Пажескомъ корпусѣ; но случайно попавшая въ руки книга, которая тогда не была уже новою, подала ему счастливую мысль, которою онъ такъ умѣло, такъ ловко воспользовался и моментально пріобрѣлъ повсемѣстную въ Россіи извѣстность.

Конечно, безъ таланта, и притомъ очень замѣчательнаго, нельзя было достигнуть такой скоропостижной извѣстности, открывшей ему настежъ

двери редакцій всѣхъ журналовъ; но онъ предпочелъ избрать „Современникъ“, въ которомъ тогда образовалась оппозиція противъ „Отечественныхъ Записокъ“. Въ тогдашнемъ „Современникѣ“ скучилось все молодое, рьяное, немного задумывавшееся надъ разными вопросами; но инструкторами этихъ новобранцевъ были старые сотрудники изъ „Отечественныхъ Записокъ“—люди, уже извѣстные въ литературѣ, вожди тогдашней интеллигенціи.

Въ „Современникѣ“ Дружинина приняли съ открытыми объятіями, пріютили и стали подготовлять его къ литературной дѣятельности въ томъ духѣ, въ какомъ уже велся этотъ органъ. Знакомства и связи Дружинина, помимо кружка „Современника“, старались однако удержать его въ тѣхъ началахъ, въ которыхъ его укрѣпляли въ Пажескомъ корпусѣ, а потому кружокъ „Современника“ очень скоро открылъ, что съ этихъ началъ Дружинина нельзя было своротить. Онъ чуждался всякихъ тенденцій, избѣгалъ всѣхъ современныхъ соціальныхъ вопросовъ и рѣшилъ служить теоріи—искусство для искусства,—которой и остался вѣренъ до гробовой доски: легкая, забавляющая, развлекающая и отчасти фривольная литература была его любимымъ конькомъ, такъ какъ онъ не могъ и не хотѣлъ угоняться за своими товарищами-сотрудниками по журналу. Для него это было и не подъ силу, и не въ его духѣ... Поэтому, для Дружинина редакціи „Современника“ приходилось придумать работу, которая ему была бы по плечу и которою онъ могъ бы заниматься съ успѣхомъ... Панаевъ былъ находчивъ и придумалъ ввести въ „Современникѣ“ литературный фельетонъ, который и былъ порученъ новичку А. В. Дружинину, выступившему подъ именемъ Ивана Чернокнижникова съ своими „Письмами иногороднаго подписчика“, пользовавшимися въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ необычайнымъ успѣхомъ, какъ у столичной, такъ и у иногородной молодой интеллигенціи.

Прекрасно владѣя слогомъ, не задаваясь никакими глубокими идеями, притомъ, допустивъ всякую фривольность мыслей, всевозможные толки, большею частью легкаго сатирическаго характера, о текущихъ литературныхъ дѣлахъ, вводя всевозможныя тривіальности и особенныя слова въ родѣ *ерунды* и т. п., толкуя вкривь и вкось на распашку, Иванъ Чернокнижниковъ ловко дѣлалъ свое дѣло; но вскорѣ самъ сталъ чувствовать всю пустоту такого труда, который въ сущности былъ не болѣе какъ игривая литературная болтовня, въ родѣ „не любо — неслушай, а лгать не мѣшай“, и Дружининъ сталъ помышлять, чѣмъ бы ему заняться основательно, потому-что не сочувствовалъ направленію „Современника“, гдѣ все писалось на извѣстную тему и съ извѣстною тенденціею.

Дамы, съ самаго появленія „Поленьки Сакъ“, очень имъ интересовались, вступали въ переписку, заводили съ нимъ интриги и не оставляли его въ покоѣ. Но то, что̀ вначалѣ такъ льстило его самолюбію, стало

ему надоѣдать, и Дружининъ рѣшился заняться чѣмъ-нибудь серьезнымъ, видя, какъ далеко стоитъ онъ назади сравнительно съ лучшими и талантливѣйшими сотрудниками „Современника".

Въ это время я редактировалъ съ О. И. Сенковскимъ „Библіотеку для Чтенія". Реальное направленіе, послѣ появленія трудовъ Гоголя, брало верхъ, и все молодое и живое перебѣгало постепенно изъ стараго лагеря въ новый... Баронъ Брамбеусъ игнорировалъ новое направленіе, но плотина его не выдержала, ее прорвало... Я стоялъ за новое направленіе, не допуская лишь крайностей и увлеченій; Сенковскій не уступалъ, наконецъ бросилъ журнальныя возжи, оставивъ за собою лишь критику и литературную лѣтопись. Въ журналѣ, слѣдовательно, было два теченія— я искалъ сотрудниковъ въ новомъ лагерѣ, а Сенковскій изъ отдѣла критики и литературной лѣтописи бросалъ бомбы въ этотъ лагерь. Что мнѣ было дѣлать? Сломить въ Сенковскомъ тѣ убѣжденія, къ которымъ онъ пришелъ въ теченіе многихъ лѣтъ, чѣмъ онъ жилъ и славился, значило зарѣзать его, покончить съ нимъ въ одинъ разъ и безапеляціонно; мнѣ приходилось употребить всѣ силы, чтобы привести его къ какому нибудь компромиссу. Я предложилъ старому журнальному борцу ограничиться одною *ученой* критикой. Сознавши, наконецъ, что другаго выбора нѣтъ, Сенковскій рѣшился принять мое предложеніе, и новая редакція получила возможность—предложить страницы своего журнала новымъ литературнымъ дѣятелямъ.

Приходилось обратиться къ лицамъ, занимающимся въ другихъ журналахъ, съ предложеніемъ участвовать своими трудами и въ „Библіотекѣ для Чтенія". Въ одно прекрасное утро, Е. Н. Ахматова, постоянная сотрудница „Б. д. Ч.", сообщила мнѣ, что у нея есть надежда перетянуть къ намъ изъ „Современника" А. В. Дружинина, что ее обѣщали познакомить съ нимъ, и что это уже рѣшеное дѣло. Нельзя было не порадоваться этому извѣстію и предстоящему пріобрѣтенію, потому что имя Дружинина сдѣлалось уже очень популярнымъ въ столичныхъ литературныхъ кружкахъ. Е. Н. Ахматова сдѣлала вечеръ, на который, въ числѣ нѣсколькихъ литераторовъ, былъ приглашенъ и А. В. Дружининъ. Г-жа Ахматова торжествовала побѣду:—авторъ „Поленьки Саксъ" былъ въ числѣ ея гостей, а вскорѣ сдѣлался и довольно частымъ ея посѣтителемъ. Тутъ я впервые познакомился съ Дружининымъ. Онъ съ перваго раза показался мнѣ довольно страннымъ и загадочнымъ, какъ я уже раньше сказалъ о немъ—застѣнчивымъ, будто неразвязнымъ, будто скрытнымъ. На этомъ вечерѣ находился и О. И. Сенковскій — бывшій душою каждаго литературнаго кружка, въ который ему угодно было пожаловать. На этомъ же вечерѣ Дружинину сдѣлано было предложеніе принять участіе въ „Б. д. Ч." и избрать себѣ какой-угодно отдѣлъ журнала. На другой день Дружининъ сдѣлалъ мнѣ визитъ; мы провели около двухъ часовъ въ разныхъ тол-

какъ и условились, что Дружининъ переноситъ изъ „Современника“ въ „Б. д. Ч.“, свой литературный раекъ—„Письма иногороднаго подписчика“ и помѣщаетъ у насъ свои повѣсти и разсказы. Этимъ началось наше знакомство и Дружининъ принялъ участіе въ редактируемомъ мною журналѣ. Мы, съ Е. Н. Ахматовой, ожидали отъ этого для „Биб. для Чт.“ золотыхъ горъ, но ни мои, ни ея надежды и ожиданія не оправдались. Дружининъ не такой былъ сотрудникъ, чтобы поднять журналъ. Лишившись его, „Современникъ“ тоже немного потерялъ. Дружининъ акуратно бывалъ на вечерахъ у Ахматовой, сблизился съ Сенковскимъ, очень часто проводилъ съ нимъ вечера въ пріятныхъ бесѣдахъ, изрѣдка заѣзжалъ ко мнѣ, старался быть со мною въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ,—какъ это видно изъ всѣхъ его писемъ, писанныхъ ко мнѣ въ различное время и которыхъ сохранилось у меня цѣлыхъ 160 штукъ,—но и все тутъ.

IV.

Мы разсчитывали, что съ переходомъ къ намъ изъ „Современника“ Дружинина, при его содѣйствіи, перейдутъ въ „Биб. для Чтенія“ и другіе сотрудники, но обманулись въ разсчетѣ; Дружининъ завербовалъ къ намъ одного Д. В. Григоровича, который далъ намъ единственную повѣсть „Свистулькинъ“, чѣмъ дѣло и кончилось. Григоровичъ вообще писалъ немного и довольно медленно; притомъ же у него были обязательства съ „Современникомъ“, съ которыми онъ едва справлялся, и потому на него вовсе нельзя было разсчитывать.

Дружининъ живо принялся писать для „Б. д. Ч.“ „Письма иногороднаго подписчика“, но они не производили уже того эффекта, какъ въ то время, когда помѣщались въ „Современникѣ“; къ тому же съ ними приходилось постоянно возиться съ цензурой. Цензоръ Шидловскій, читавшій „Биб. для Чт.“, не жалѣлъ крестовъ и красныхъ чернилъ, придираясь къ самымъ невиннымъ вещамъ; Дружининъ бѣсился, но не отстаивалъ зачеркнутыхъ мѣстъ, на что у него были свои причины, какъ это объяснилось впослѣдствіи... Съ повѣстями и разсказами Дружинина было то же.

Для подтвержденія моихъ словъ, привожу письма Дружинина, писанныя ко мнѣ по этому поводу: „Препровождаю вамъ, почтеннѣйшій Альбертъ Викентьевичъ, 25-ое письмо иногороднаго подписчика и журналы для выписокъ. Не лишнимъ считаю прибавить нѣсколько свѣдѣній о томъ, какъ до сихъ поръ печатались эти письма. Крыловъ *) почти никогда ихъ не маралъ; онъ былъ убѣжденъ въ моей благонамѣренности. То, что казалось ему неловкимъ, обыкновенно смягчалось или мною, или въ редакціи; выбрасывались только отдѣльныя слова и фразы. Такимъ образомъ поддер-

*) Цензоръ „Современника“

АЛЕКСАНДРЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ДРУЖИНИНЪ.

(Изъ воспоминаній стараго журналиста).

I.

Имя Дружинина извѣстно всему нашему литературному и интеллигентному міру. Насколько оно заслуживаетъ этой извѣстности, уже давно рѣшила критика, и въ этомъ отношеніи едва-ли можно сказать что-либо новое, что̀ было бы упущено изъ виду присяжными оцѣнщиками его таланта; но какъ онъ достигъ и воспользовался такъ легко добытою имъ извѣстностью, что̀ это была за личность, что̀ она могла дать обществу, въ какой средѣ вращалась, какими располагала нравственными и интеллектуальными силами—всѣ эти вопросы почти никѣмъ не были затронуты, и точно съ намѣреніемъ игнорированы и обойдены; какъ будто съ этой стороны можно было и слѣдовало обойти эту личность молчаніемъ, какъ будто она не заслуживала болѣе внимательнаго къ ней отношенія.

Съ своей стороны, зная Дружинина близко, имѣвъ полную возможность изучить его нравственныя качества, мы протестуемъ противъ такого взгляда на него, потому что, хотя Дружининъ былъ писатель второстепенный и не можетъ занять мѣсто наряду съ нашими литературными знаменитостями, но онъ вращался въ ихъ кругу въ продолженіе цѣлыхъ почти двадцати лѣтъ (съ 1847 по 1864 г.), былъ постоянно между ними своимъ человѣкомъ, пользовался полнымъ ихъ уваженіемъ и, кромѣ того, принесъ нашей литературѣ значительную пользу своею собственною дѣятельностью.

Личность Дружинина вполнѣ заслуживаетъ быть выясненною, что̀ можетъ быть даже назидательно для новыхъ, начинающихъ писателей, которымъ необходимо знать: какихъ засадъ и подконовъ слѣдуетъ избѣгать, если они хотятъ усердно и беззавѣтно служить отечественной литературѣ.

Затѣмъ, по своимъ личнымъ прекраснымъ качествамъ, Дружининъ принадлежалъ къ кругу порядочныхъ литераторовъ,—и лучшее произведеніе Дружинина не только было доступно для каждаго русскаго грамотнаго человѣка, для каждой русской грамотной женщины, но оно, по своей нравственной чистотѣ и опрятности, могло вполнѣ удовлетворить эстети-

ческому чувству, никогда не выходя изъ границъ приличія, не возбуждая грязныхъ помысловъ и дурныхъ инстинктовъ.

Дружинину дала широкую извѣстность, въ самомъ концѣ сороковыхъ годовъ, его повѣсть—„Поленька Сакъ“. Онъ получилъ эту извѣстность, едва оставивъ корпусную скамейку, не имѣя полныхъ двадцати трехъ лѣтъ. Но сонмъ тѣхъ же Поленекъ Саксъ, которыхъ онъ защищалъ съ такимъ непорочнымъ юношескимъ жаромъ, быстро свелъ его въ могилу, предательски усыпивъ его нравственную предусмотрительность. Дружининъ далъ себя увлечь и обворожить дочерямъ Евы, и простился съ нами навсегда, въ то время, когда именно ему предстояло стать твердою ногою въ той области, куда ему такъ легко былъ открытъ входъ и гдѣ онъ могъ пріобрѣсти неоспоримо-высокое мѣсто, занявшись мастерскимъ изображеніемъ обратной стороны той медали, на которой красовался привлекательный барельефъ его „Поленьки“.

Тогда только что подымался женскій вопросъ, тогда именно занялись изученіемъ женскихъ типовъ, и еслибы Дружининъ, послѣ появленія своей „Поленьки“, посвятилъ себя глубокому изученію типа нашей женщины высшаго и средняго, но интеллигентнаго общества, для чего у него были всѣ средства и ключи,—онъ подарилъ бы русскую литературу такими женскими характеристиками, какимъ, можетъ быть, позавидовали бы и Тургеневъ и гр. Л. Н. Толстой.

Послѣ того какъ „Поленька Сакъ“ облетѣла всю Россію, послѣ того какъ не было русскаго семейства, гдѣ бы и матери и дочки не засыпали съ этой повѣстью въ рукахъ, не старались всѣми путями и средствами собрать справки: кто такой этотъ симпатичный адвокатъ и защитникъ всякой увлекшейся неопытной дѣвушки и женщины; послѣ того какъ узнали, что этотъ смѣлый рыцарь никто иной, какъ очень юный гвардейскій офицерикъ—смазливый, деликатный, съ вѣчно опущенными глазами, вѣчно застѣнчивый и пугливый,—Дружинину открыты были двери всѣхъ гостиныхъ, салоновъ и будуаровъ... Каждая дама того времени считала за счастье увидѣть Дружинина, хотя украдкой взглянуть на этого милаго человѣка, дорогаго адвоката женскаго сердца, а познакомиться съ нимъ, говорить съ авторомъ „Поленьки“—для каждой молодой дамы и дѣвицы было верхомъ блаженства...

При такихъ благопріятныхъ условіяхъ, Дружининъ, съ его мягкими манерами, безыскусственнымъ краснорѣчіемъ, вкрадчивостью и впечатлительностью фотографическаго негатива, притомъ съ его умѣніемъ ловко рисовать восхитительные женскіе контуры, раскрылъ бы передъ нами совершенно новый міръ, уяснивъ типъ чисто русской женщины, снявъ съ нея французскіе покровы, общественные корсеты и фижмы, и указалъ бы намъ, что въ русской женщинѣ есть своего роднаго, честнаго и высокаго; что этой женщинѣ нужно, чтобы выбраться изъ той среды, въ которую

ее втоптали съ одной стороны востокъ и Византія, а съ другой вѣчный соблазнитель Парижъ, и стать на свои собственныя русскія ноги, твердо, съ достоинствомъ и свободою. Но Дружининъ спасовалъ передъ этимъ вопросомъ, представъ слабымъ юношею передъ русской здоровой и молодой женщиной, и не исполнилъ того, чего всѣ мы имѣли полное право ожидать отъ него. Но что̀ Дружининъ? съ русской женщиной не справились вполнѣ ни Тургеневъ, ни гр. Л. Н. Толстой, ни всѣ прочіе наши писатели, бравшіеся за это трудное дѣло. Зато русская женщина, не дождавшись дѣльнаго путеводителя и спутника, сама пустилась по новому пути, сама выработала себѣ программу, и своимъ твердымъ характеромъ, здоровою натурою и умною головою заняла уже первое мѣсто между женщинами цивилизованнаго міра,—такъ что теперь ни одна русская развитая дѣвушка не станетъ уже тратить время на чтеніе знаменитой въ свое время „Поленьки Саксъ“...

Для незнакомыхъ вовсе съ этимъ литературнымъ *волчкомъ*—„Поленькой Саксъ“,—надѣлавшимъ столько шуму въ самомъ концѣ сороковыхъ и въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, приводимъ краткое ея содержаніе съ нѣкоторыми замѣтками г. Кирпичникова.

„Поленька Саксъ“—небольшая повѣсть изъ жизни такъ называемаго большаго свѣта, написанная изящнымъ языкомъ, обработывающая тему о паденіи женщины. Въ повѣсти много юношескаго. Выдвинули же ее изъ ряда подобныхъ ей произведеній слѣдующія качества:

Во-первыхъ, *сердечность*, которою проникнутъ весь разсказъ: авторъ не только дѣлаетъ для насъ симпатичнымъ бѣднаго Сакса, который такъ сильно любитъ свою маленькую жену со всѣми ея маленькими слабостями и дѣлаетъ по своей вспыльчивости рядъ самыхъ непростительныхъ ошибокъ; не только саму Поленьку, женщину-ребенка, которой приходится испытывать, съ ея слабенькими душевными силами, безпримѣрное бѣдствіе полюбить своего перваго мужа послѣ того, какъ она измѣнила ему, развелась съ нимъ и вышла замужъ за другаго;—но до извѣстной степени и самого обольстителя, князя Галицкаго, который, послѣ великодушнаго поступка Сакса, высказываетъ въ откровенномъ письмѣ къ сестрѣ, что онъ готовъ молиться на этого человѣка, и который потомъ дѣйствительно молится на свою несчастную жену, хотя и чувствуетъ, что она его не любитъ; даже взяточникъ и казнокрадъ, статскій совѣтникъ Писаренко, *на одну минуту* симпатиченъ читателю: вліяніе, которое имѣетъ на него умная и хорошая жена, до извѣстной степени примиряетъ насъ съ его мерзкимъ поведеніемъ. Этотъ Писаренко, получивъ 30,000 за то, что удержалъ Сакса на слѣдствіи и далъ возможность князю Галицкому обольстить Поленьку, въ негодованіи бросаетъ денежный билетъ на землю, но, успокоившись, поднимаетъ его и бережно прячетъ въ карманъ.

„Далѣе, повѣсть, при своемъ незначительномъ объемѣ и шаблонности

темы, имѣетъ и гражданское значеніе: Саксъ по своей служебной дѣятельности—прототипъ Калиновича, безъ слабостей и мелочности послѣдняго; онъ одинъ изъ тѣхъ немногихъ людей русскихъ (не смотря на нѣмецкую фамилію), которые въ тяжелое время казнокрадства, взяточничества и преступнаго ко всему равнодушія, боролись, какъ умѣли, за правду и поддерживали чуть тлѣющій огонь среди непроглядной тьмы. Наконецъ,—что всего важнѣе,—эта повѣсть—своего рода подвигъ и, притомъ, подвигъ безсознательный. Авторъ мимоходомъ, не придавая этому значенія, устами своего героя, мужа Поленьки Саксъ, высказываетъ убѣжденіе, что такъ называемое паденіе женщины, вслѣдствіе минутной вспышки, для человѣка искренно любящаго—вздоръ, т. е. въ томъ смыслѣ вздоръ, что это не можетъ разбить его жизнь окончательно, а только временно, хоть и глубоко, огорчитъ его".

II.

Приступая къ уясненію личности Дружинина, я долженъ съ самаго начала заявить, что не смотря на многочисленныхъ друзей и знакомыхъ, послѣ его смерти никто изъ нихъ не посвятилъ его памяти никакихъ воспоминаній, не говорилъ ни о его родныхъ, ни о дѣтствѣ и тѣхъ вліяніяхъ, которыя выработали въ немъ, впослѣдствіи, литератора. Отецъ Дружинина владѣлъ имѣніемъ въ Гдовскомъ уѣздѣ, служилъ въ спб. почтамтѣ и былъ въ такомъ чинѣ, который, при протекціи, открылъ тремъ сыновьямъ его двери Пажескаго корпуса, гдѣ они и получили образованіе и избрали себѣ военную карьеру. Одинъ изъ старшихъ братьевъ Александра Васильевича былъ полковникомъ въ Семеновскомъ полку и рано умеръ, о второмъ я ничего не слыхалъ, а равно и о томъ, были ли у него сестры, хотя надо полагать, что баронесса Вревская, у которой онъ иногда проживалъ лѣтомъ, въ Гдовскомъ уѣздѣ, въ селѣ Маріинскомъ, была его родная сестра.

Извѣстный нашъ журнальный труженикъ своего времени, Матвѣй Степановичъ Хотинскій, разсказывалъ мнѣ, что онъ въ молодости былъ близко знакомъ и принятъ въ домѣ родителей Дружинина, что отецъ его былъ прекрасный, добрѣйшій человѣкъ, извѣстный хлѣбосолъ и проч. Мнѣ же удалось лишь нѣсколько разъ видѣть мать А. В. Дружинина, когда онъ жилъ на Васильевскомъ островѣ въ седьмой линіи. Это была простая, повидимому, добрая старушка, всею душою любившая сына, лѣтъ за пятьдесятъ, средняго роста, полная, не представительная, съ самыми обыкновенными чертами лица, ровно ничего не выражавшаго, и съ обыкновенными манерами и пріемами, свойственными каждой зажиточной чиновницѣ, что представляло рѣзкій контрастъ съ тѣмъ тономъ, котораго держался Александръ Васильевичъ.

Такъ какъ каждый ребенокъ своимъ воспитаніемъ обязанъ всецѣло своей матери, то для меня достаточно было нѣсколькихъ посѣщеній, чтобы вполнѣ убѣдиться, что такая мать ничего не могла дать своему дѣтищу, кромѣ заботъ о физическомъ воспитаніи. И дѣйствительно, А. В. Дружининъ ничего не вынесъ изъ своего роднаго гнѣзда. Въ этомъ можно было убѣдиться изъ самыхъ недолгихъ съ нимъ сношеній. Это былъ юноша, выдрессированный по всѣмъ правиламъ извѣстнаго искусства. Все въ немъ было заученное, усвоенное изъ иной среды, въ которой онъ очутился, вылетѣвъ изъ теплаго чиновничьяго гнѣздышка. Въ кругу другихъ молодыхъ дѣятелей на поприщѣ литературы, получившихъ высшее образованіе, развивавшихся на свободѣ, безъ разныхъ нравственныхъ предохранительныхъ корсетовъ,—дѣятелей, окунувшихся уже въ житейскомъ морѣ и извѣдавшихъ его глубину и мели, Дружининъ казался какой-то мимозой, старался держать себя въ извѣстномъ тонѣ, говорить осмотрительно и осторожно, не довѣряя своимъ силамъ и сознавая ихъ слабость, съ опущенными внизъ глазами. Въ заключеніе всего, Дружининъ тщательно наблюдалъ за собою, взвѣшивалъ каждое произнесенное имъ слово, а слѣдовательно объ откровенности не могло быть и помину.

Чтобы составить себѣ вѣрное понятіе о тѣхъ отношеніяхъ, въ которыхъ Дружининъ находился къ своимъ товарищамъ и собесѣдникамъ, достаточно будетъ представить себѣ двухъ дѣвушекъ—одну, получившую воспитаніе и образованіе въ домѣ родителей, а другую, только-что окончившую свое образованіе и воспитаніе въ Смольномъ монастырѣ и возвратившуюся на родину. Онѣ познакомились, у нихъ завязались сношенія, но какая разница между ними! Одна—живая натура, человѣкъ, каковъ онъ есть, со всѣми своими хорошими и дурными сторонами, а другая — ничѣмъ не принадлежитъ себѣ и есть продуктъ Смольнаго монастыря; таковъ былъ и Дружининъ, человѣкъ, у котораго былъ неоспоримый талантъ, но этотъ талантъ сжималъ пажескій корсетъ, отъ котораго онъ не могъ отвыкнуть во всю свою краткую жизнь.

По своему воспитанію Дружининъ былъ пажъ въ дѣйствительности, остался пажемъ въ обществѣ, пажемъ въ кругу дамъ, пажемъ въ литературѣ, и въ чемъ угодно. Притомъ же, по своему сложенію, онъ былъ тщедушенъ, слабъ здоровьемъ и лишенъ всякой энергіи. Впрочемъ, по внѣшнему его виду, манерамъ и всегда сдержанному обращенію съ посторонними, нѣкоторые считали его аристократомъ, а въ томъ числѣ и г. Кирпичниковъ, рѣшившійся написать о немъ кое-что; но въ Дружининѣ, кто съ нимъ близко былъ знакомъ, не было ничего истинно аристократическаго; въ немъ все было — imitation, накладное, какъ бываетъ накладное серебро и т. п.

Для насъ, прежде всего, весьма важно рѣшить вопросъ: почему Дружининъ, предназначавшійся родителями къ высшей военной карьерѣ,

предпочелъ ей такую ничтожную, съ военной точки зрѣнія,—литературную карьеру, которая однако доставила ему то, чего никогда не дала бы ему карьера военная, еслибы онъ продолжалъ ее. Мы постараемся рѣшить этотъ вопросъ, за отсутствіемъ документальныхъ данныхъ, чисто логическимъ путемъ.

Имѣя въ виду добиться принятія сына въ Пажескій корпусъ, отецъ Дружининъ долженъ былъ дать мальчику домашнее воспитаніе на иностранный ладъ, чего, конечно, не могла сдѣлать мать, насколько мы можемъ судить по знакомству, хотя и непродолжительному, съ этою личностью; поэтому надо было взять гувернантку и исключительно француженку, потому что мальчикъ долженъ былъ поступить въ пажи, а слѣдовательно усвоить вполнѣ французскій языкъ, какъ свой природный, о которомъ тогда мы очень мало заботились, тѣмъ болѣе, что не только тогда, но и теперь, безъ знанія иностранныхъ языковъ, съ однимъ своимъ, карьеры сдѣлать никакъ нельзя. Притомъ же, мальчику надо было принять хорошія манеры и умѣніе держать себя, а кто же лучше *хорошей* французской гувернантки можетъ это дать?

Поэтому, до поступленія въ Пажескій корпусъ, Александръ Васильевичъ и сданъ былъ, безъ всякаго сомнѣнія, безотчетно на французскія руки, которыя, надѣвъ на него французскую рубашку, совершенно обезсилили его русскую натуру и мальчика превратили въ слабую, робкую, застѣнчивую дѣвушку,—et il est devenu tout a fait efféminé. Такимъ его сдали въ Пажескій корпусъ, гдѣ онъ очутился въ высшей французской школѣ, не имѣя ничего общаго со своими товарищами — большею частью аристократами, смотрѣвшими на него, конечно, свысока. Тутъ ему оставалось одно убѣжище— это чтеніе—чего?—да всего, что попадалось подъ руку.

Слабый организмъ, искусственная среда, въ которой очутился мальчикъ, и фальшивое положеніе не давали ему возможности избрать серьезную карьеру—заняться науками математическими, чтобы потомъ поступить въ гвардейскую артиллерію. Изъ Пажескаго корпуса онъ вышелъ въ Финляндскій полкъ—молодую гвардію— и тутъ, вскорѣ убѣдившись, что онъ плохой воинъ, уступилъ своему влеченью къ чтенію, литературѣ, и, вѣроятно, по смерти отца тотчасъ перешелъ въ канцелярію военнаго министра, рѣшившись посвятить себя манившей его подъ свое знамя—русской литературѣ.

Но чѣмъ именно ему слѣдовало заняться, чему отдать предпочтеніе? Къ серьезному литературному труду онъ вовсе не былъ подготовленъ, да притомъ же былъ слишкомъ молодъ и совершенно неопытенъ. Единственный родъ литературы, которому онъ могъ посвятить себя, это—повѣсть и разсказъ. Но чтобы имѣть успѣхъ въ этомъ родѣ литературы, нужна опытность, наблюдательность, умѣніе отыскать настоящую художественную

точку, владѣть перомъ, а тутъ начинающему литератору не было еще полныхъ двадцати трехъ лѣтъ...

Но что у Дружинина былъ врожденный талантъ, это лучше всего подтверждаетъ самое выступленіе его на литературное поприще—его Полинька Саксъ. Тема, положенная въ основаніе этого произведенія, вовсе не нова, она порождена въ прошломъ столѣтіи и есть дитя французскихъ энциклопедистовъ, на которое въ то же время наткнулся въ Швейцаріи самоучка-самородокъ Жанъ-Жакъ-Руссо, котораго „Julie ou la nouvelle Héloise“ обошла весь свѣтъ, извлекла у чувствительныхъ сердецъ много слезъ, вздоховъ, разговоровъ и споровъ, и все же не сбила жестокосердаго человѣчества съ того „толку“, которымъ оно пробавляется уже въ теченіе нѣсколькихъ тысячелѣтій...

III.

Есть вещи, о которыхъ сколько бы вѣковъ люди ни толковали, какъ бы сочувственно къ нимъ ни относились, но онѣ едва-ли когда пріобрѣтутъ права гражданства, потому что человѣчества не разубѣдить въ томъ, что оно разъ навсегда зарубило себѣ на лбу...

Геніальнѣйшая французская писательница нашего вѣка — Жоржъ-Зандъ—спустя болѣе полувѣка послѣ появленія „Julie“ Руссо, вздумала поднять тотъ же вопросъ, имѣя въ виду уже болѣе цивилизованное общество, чѣмъ то, среди котораго жилъ и писалъ Руссо, и въ своемъ романѣ „Jacques“ снова стала защищать паденіе женщины; но не смотря на ея высокое развитіе, ближайшее знакомство съ женскими дѣлами и высокое искусство проникать въ самую глубину человѣческаго сердца и возбуждать въ немъ состраданіе къ паденію женщины—геніальная Зандъ ничего не добилась и ея „Jacques“ забытъ окончательно.

Въ концѣ сороковыхъ годовъ, и на русской почвѣ, послѣ того какъ ученіе Жоржъ-Зандъ пустило у насъ свои корни и Зинаида Р... (Елена Ганъ) принялась за обработку того же вопроса,—въ руки Дружинина попалъ романъ „Jacques“ и послужилъ ему поводомъ коснуться своимъ молодымъ, свѣжимъ и бойкимъ перомъ этого щекотливаго женскаго вопроса... Нѣтъ сомнѣнія, что это не была идея, выполненная Дружининымъ, который и не могъ еще посвятить себя глубокому ея изученію; для этого у него не было времени, когда онъ находился въ Пажескомъ корпусѣ; но случайно попавшая въ руки книга, которая тогда не была уже новою, подала ему счастливую мысль, которою онъ такъ умѣло, такъ ловко воспользовался и моментально пріобрѣлъ повсемѣстную въ Россіи извѣстность.

Конечно, безъ таланта, и притомъ очень замѣчательнаго, нельзя было достигнуть такой скоропостижной извѣстности, открывшей ему настежь

двери редакцій всѣхъ журналовъ; но онъ предпочелъ избрать „Современникъ“, въ которомъ тогда образовалась оппозиція противъ „Отечественныхъ Записокъ“. Въ тогдашнемъ „Современникѣ“ скучилось все молодое, рьяное, немного задумывавшееся надъ разными вопросами; но инструкторами этихъ новобранцевъ были старые сотрудники изъ „Отечественныхъ Записокъ“—люди, уже извѣстные въ литературѣ, вожди тогдашней интеллигенціи.

Въ „Современникѣ“ Дружинина приняли съ открытыми объятіями, пріютили и стали подготовлять его къ литературной дѣятельности въ томъ духѣ, въ какомъ уже велся этотъ органъ. Знакомства и связи Дружинина, помимо кружка „Современника“, старались однако удержать его въ тѣхъ началахъ, въ которыхъ его укрѣпляли въ Пажескомъ корпусѣ, а потому кружокъ „Современника“ очень скоро открылъ, что съ этихъ началъ Дружинина нельзя было своротить. Онъ чуждался всякихъ тенденцій, избѣгалъ всѣхъ современныхъ соціальныхъ вопросовъ и рѣшилъ служить теоріи—искусство для искусства,—которой и остался вѣренъ до гробовой доски: легкая, забавляющая, развлекающая и отчасти фривольная литература была его любимымъ конькомъ, такъ какъ онъ не могъ и не хотѣлъ угоняться за своими товарищами-сотрудниками по журналу. Для него это было и не подъ силу, и не въ его духѣ... Поэтому, для Дружинина редакціи „Современника“ приходилось придумать работу, которая ему была бы по плечу и которою онъ могъ бы заниматься съ успѣхомъ... Панаевъ былъ находчивъ и придумалъ ввести въ „Современникѣ“ литературный фельетонъ, который и былъ порученъ новичку А. В. Дружинину, выступившему подъ именемъ Ивана Чернокнижникова съ своими „Письмами иногороднаго подписчика“, пользовавшимися въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ необычайнымъ успѣхомъ, какъ у столичной, такъ и у иногородной молодой интеллигенціи.

Прекрасно владѣя слогомъ, не задаваясь никакими глубокими идеями, притомъ, допустивъ всякую фривольность мыслей, всевозможные толки, большею частью легкаго сатирическаго характера, о текущихъ литературныхъ дѣлахъ, вводя всевозможныя тривіальности и особенныя слова въ родѣ *ерунды* и т. п., толкуя вкривь и вкось на распашку, Иванъ Чернокнижниковъ ловко дѣлалъ свое дѣло; но вскорѣ самъ сталъ чувствовать всю пустоту такого труда, который въ сущности былъ не болѣе какъ игривая литературная болтовня, въ родѣ „не любо — неслушай, а лгать не мѣшай“, и Дружининъ сталъ помышлять, чѣмъ бы ему заняться основательно, потому-что не сочувствовалъ направленію „Современника“, гдѣ все писалось на извѣстную тему и съ извѣстною тенденціею.

Дамы, съ самаго появленія „Поленьки Саксъ“, очень имъ интересовались, вступали въ переписку, заводили съ нимъ интриги и не оставляли его въ покоѣ. Но то, что вначалѣ такъ льстило его самолюбію, стало

ему надоѣдать, и Дружининъ рѣшился заняться чѣмъ-нибудь серьезнымъ, видя, какъ далеко стоитъ онъ назади сравнительно съ лучшими и талантливѣйшими сотрудниками „Современника“.

Въ это время я редактировалъ съ О. И. Сенковскимъ „Библіотеку для Чтенія“. Реальное направленіе, послѣ появленія трудовъ Гоголя, брало верхъ, и все молодое и живое перебѣгало постепенно изъ стараго лагеря въ новый... Баронъ Брамбеусъ игнорировалъ новое направленіе, но плотина его не выдержала, ее прорвало... Я стоялъ за новое направленіе, не допуская лишь крайностей и увлеченій; Сенковскій не уступалъ, наконецъ бросилъ журнальныя возжи, оставивъ за собою лишь критику и литературную лѣтопись. Въ журналѣ, слѣдовательно, было два теченія— я искалъ сотрудниковъ въ новомъ лагерѣ, а Сенковскій изъ отдѣла критики и литературной лѣтописи бросалъ бомбы въ этотъ лагерь. Что мнѣ было дѣлать? Сломить въ Сенковскомъ тѣ убѣжденія, къ которымъ онъ пришелъ въ теченіе многихъ лѣтъ, чѣмъ онъ жилъ и славился, значило зарѣзать его, покончить съ нимъ въ одинъ разъ и безапеляціонно; мнѣ приходилось употребить всѣ силы, чтобы привести его къ какому нибудь компромиссу. Я предложилъ старому журнальному борцу ограничиться одною *ученой* критикой. Сознавши, наконецъ, что другаго выбора нѣтъ, Сенковскій рѣшился принять мое предложеніе, и новая редакція получила возможность—предложить страницы своего журнала новымъ литературнымъ дѣятелямъ.

Приходилось обратиться къ лицамъ, занимающимся въ другихъ журналахъ, съ предложеніемъ участвовать своими трудами и въ „Библіотекѣ для Чтенія“. Въ одно прекрасное утро, Е. Н. Ахматова, постоянная сотрудница „Б. д. Ч.“, сообщила мнѣ, что у нея есть надежда перетянуть къ намъ изъ „Современника“ А. В. Дружинина, что ее обѣщали познакомить съ нимъ, и что это уже рѣшеное дѣло. Нельзя было не порадоваться этому извѣстію и предстоящему пріобрѣтенію, потому что имя Дружинина сдѣлалось уже очень популярнымъ въ столичныхъ литературныхъ кружкахъ. Е. Н. Ахматова сдѣлала вечеръ, на который, въ числѣ нѣсколькихъ литераторовъ, былъ приглашенъ и А. В. Дружининъ. Г-жа Ахматова торжествовала побѣду:—авторъ „Поленьки Саксъ“ былъ въ числѣ ея гостей, а вскорѣ сдѣлался и довольно частымъ ея посѣтителемъ. Тутъ я впервые познакомился съ Дружининымъ. Онъ съ перваго раза показался мнѣ довольно страннымъ и загадочнымъ, какъ я уже раньше сказалъ о немъ—застѣнчивымъ, будто неразвязнымъ, будто скрытнымъ. На этомъ вечерѣ находился и О. И. Сенковскій — бывшій душою каждаго литературнаго кружка, въ который ему угодно было пожаловать. На этомъ же вечерѣ Дружинину сдѣлано было предложеніе принять участіе въ „Б. д. Ч.“ и избрать себѣ какой-угодно отдѣлъ журнала. На другой день Дружининъ сдѣлалъ мнѣ визитъ; мы провели около двухъ часовъ въ разныхъ тол-

вахъ и условились, что Дружининъ переноситъ изъ „Современника“ въ „Б. д. Ч.“, свой литературный раекъ—„Письма иногороднаго подписчика“ и помѣщаетъ у насъ свои повѣсти и разсказы. Этимъ началось наше знакомство и Дружининъ принялъ участіе въ редактируемомъ мною журналѣ. Мы, съ Е. Н. Ахматовой, ожидали отъ этого для „Биб. для Чт.“ золотыхъ горъ, но ни мои, ни ея надежды и ожиданія не оправдались. Дружининъ не такой былъ сотрудникъ, чтобы поднять журналъ. Лишившись его, „Современникъ“ тоже немного потерялъ. Дружининъ акуратно бывалъ на вечерахъ у Ахматовой, сблизился съ Сенковскимъ, очень часто проводилъ съ нимъ вечера въ пріятныхъ бесѣдахъ, изрѣдка заѣзжалъ ко мнѣ, старался быть со мною въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ,—какъ это видно изъ всѣхъ его писемъ, писанныхъ ко мнѣ въ различное время и которыхъ сохранилось у меня цѣлыхъ 160 штукъ,—но и все тутъ.

IV.

Мы разсчитывали, что съ переходомъ къ намъ изъ „Современника“ Дружинина, при его содѣйствіи, перейдутъ въ „Биб. для Чтенія“ и другіе сотрудники, но обманулись въ разсчетѣ; Дружининъ завербовалъ къ намъ одного Д. В. Григоровича, который далъ намъ единственную повѣсть „Свистулькинъ“, чѣмъ дѣло и кончилось. Григоровичъ вообще писалъ немного и довольно медленно; притомъ же у него были обязательства съ „Современникомъ“, съ которыми онъ едва справлялся, и потому на него вовсе нельзя было разсчитывать.

Дружининъ живо принялся писать для „Б. д. Ч.“ „Письма иногороднаго подписчика“, но они не производили уже того эффекта, какъ въ то время, когда помѣщались въ „Современникѣ“; къ тому же съ ними приходилось постоянно возиться съ цензурой. Цензоръ Шидловскій, читавшій „Биб. для Чт.“, не жалѣлъ крестовъ и красныхъ чернилъ, придираясь къ самымъ невиннымъ вещамъ; Дружининъ бѣсился, но не отстаивалъ зачеркнутыхъ мѣстъ, на что у него были свои причины, какъ это объяснилось впослѣдствіи... Съ повѣстями и разсказами Дружинина было то же.

Для подтвержденія моихъ словъ, привожу письма Дружинина, писанныя ко мнѣ по этому поводу: „Препровождаю вамъ, почтеннѣйшій Альбертъ Викентьевичъ, 25-ое письмо иногороднаго подписчика и журналы для выписокъ. Не лишнимъ считаю прибавить нѣсколько свѣдѣній о томъ, какъ до сихъ поръ печатались эти письма. Крыловъ *) почти никогда ихъ не правилъ; онъ былъ убѣжденъ въ моей благонамѣренности. То, что казалось ему неловкимъ, обыкновенно смягчалось или мною, или въ редакціи; выбрасывались только отдѣльныя слова и фразы. Такимъ образомъ поддер-

*) Цензоръ „Современника“

живалась связь, необходимая для живости фельетона. Я такъ много обязанъ и Шидловскому *) за его снисходительность, что вполнѣ увѣренъ и въ будущемъ его расположеніи къ моимъ фельетонамъ. Этотъ родъ статей у насъ новъ и болѣе всякаго другаго нуждается въ снисхожденіи. То, чѣмъ можно, не жалѣя, пожертвовать въ романѣ, не всегда можетъ быть выброшено изъ фельетона *безъ замѣненія*. Потому-то передаю письма иногородныхъ подписчиковъ на особенное ваше вниманіе".

Когда Дружининъ убѣдился, что при цензорѣ Шидловскомъ нельзя много зарабатывать и разсчитывать на пропускъ статей оригинальныхъ, онъ предложилъ мнѣ напечатать въ „Б. д. Ч." его компиляцію „Джонсонъ и Босвель"—составленную изъ старыхъ англійскихъ Reviews. Не думая, чтобы статья была слишкомъ велика, я согласился, назначивъ за нее гонораръ, какъ за критику, но Дружининъ вздумалъ напечатать цѣлый рядъ статей о Джонсонѣ—около десяти; тогда, желая деликатно отдѣлаться отъ такого непрошеннаго сюрприза, который вовсе не представлялъ живаго интереса для русской публики—я назначилъ на будущее время гонораръ за эту компиляцію 25 р. с. съ листа, въ надеждѣ, что Дружининъ откажется продолжать ее. Однако онъ не думалъ отказываться, а сталъ мнѣ читать наставленія насчетъ изданія журнала и даже угрожать, что совсѣмъ оставитъ „Библіотеку" вмѣстѣ съ Викторомъ Павловичемъ Гаевскимъ, тоже помѣщавшимъ свои статьи въ этомъ журналѣ.

Разумѣется, все кончилось ничѣмъ. При свиданіи дѣло объяснилось:—виноватъ былъ собственно Дружининъ, растянувъ своего „Джонсона" до безконечности, тогда какъ средства „Библіотеки" не позволяли бросать деньги на то, что̀ не могло содѣйствовать успѣху журнала.

Итакъ, расхваленный вначалѣ Дружининымъ, Шидловскій очень скоро далъ себя знать, и Ал. Вас. понялъ, съ кѣмъ мы имѣемъ дѣло. На этотъ разъ, вооружившись противъ размѣра гонорара, назначеннаго ему за компиляцію „Джонсонъ и Босвель" (по 25 р. съ печатнаго листа), онъ рѣшился высказать все, что̀ у него лежало на сердцѣ. Вотъ что̀ онъ писалъ мнѣ:

„Очень благодарю васъ, почтенный Альб. Вик., за доставленіе матеріаловъ о Диккенсѣ. Жду журналовъ и, если можно, всѣхъ, даже „Пантеона"; уже 11-е число, и если Шидловскій еще разъ задержитъ мое письмо, у меня пропадетъ вся охота продолжать обзоръ журналистики. Насчетъ приложеннаго вами счета за статьи на будущій годъ, возьму смѣлость немного поспорить съ вами, желая пользы „Библіотекѣ". На оригиналѣ трудно сдѣлать экономію и я могу предсказать вамъ упадокъ многихъ отдѣловъ. Кто согласится рыться въ старыхъ авторахъ, читать томы старья, придавать изящество и беллетристическій видъ ученой статьѣ, если она цѣ-

*) Цензоръ „Библіотеки для Чтенія".

нится по 25 р. съ листа? Какъ я ни желаю успѣха „Библіотекѣ“, но сейчасъ же брошу Джонсона безъ окончанія, по весьма простой причинѣ: у меня на очереди двѣ статьи о Беллѣ и Борроу, за которыя „Современникъ“ даетъ вдвое болѣе. Отъ „Лѣтописи“, вѣроятно, откажемся и я, и Гаевскій, потому что въ другихъ журналахъ библіографія цѣнится гораздо выше. И я, и—вѣроятно—многія изъ лицъ, имѣющихъ дружеское расположеніе къ Осипу Ивановичу и вамъ, искренно были бы рады содѣйствовать за малую плату выгодамъ „Библіотеки“,—но гдѣ взять времени? Я бы работалъ и за десять руб. съ листа, ибо сочувствую направленію вашего журнала,—еслибъ мой день состоялъ изъ 48 час., а такъ какъ, по несчастію, онъ вполовину короче, то я долженъ идти въ ту сторону, гдѣ вижу себѣ матеріальную пользу. Всѣ, кого вы знаете изъ сотрудниковъ „Современника“, скажутъ вамъ, что тамъ нѣтъ особой платы для каждаго лица по разнымъ отдѣламъ: такая система можетъ одна только придать журналу живость и разнообразіе.

„Не примите этихъ возраженій за голосъ собственнаго интереса; въ первый разъ приходится мнѣ изъявлять несогласіе въ дѣлѣ денежныхъ разсчетовъ; до сихъ поръ я былъ всегда очень безпеченъ на этотъ счетъ и со мною легко поладить. Но сбавляя цѣну на собственныя произведенія, я дѣлалъ бы въ одно время вредъ и вамъ, и себѣ, и остальнымъ сотрудникамъ „Библіотеки“.

Наконецъ Дружининъ рѣшился покончить съ Письмами иногороднаго подписчика: „Вотъ вамъ, многоуважаемый Альбертъ Викентьевичъ, книжка вашего лексикона и *послѣднее письмо иногороднаго подписчика*. Пріискали-ли вы кого нибудь для слѣдующихъ писемъ? потому что я много разсчитываю на эти статьи, и мнѣ хотѣлось бы, чтобы за лѣто онѣ продолжались въ томъ же духѣ; посмотрите, какую пользу сдѣлаютъ эти письма, если ихъ вести акуратно и правильно. Хорошо, еслибы Гаевскій (В. П.) взялся за этотъ трудъ—если же возьмется какой нибудь еще неопытный литераторъ—чтобъ онъ не завлекся въ споры и не вдался въ *булгаризмъ*! Нужны три вещи: веселость, благородный тонъ и отсутствіе злостной полемики. Обругать того или другаго автора можно ad libitum, но разъ обругавъ, point de disputes et point de rancune. Обо всемъ этомъ не мѣшало бы намъ потолковать лично. Имя составителя отчетовъ нужно держать въ большомъ секретѣ. Нужно ли вамъ окончаніе Кореръ-Белля къ этому мѣсяцу? Лѣто будетъ посвящено повѣстямъ и разсказамъ.“

P. S. „Кто у васъ разбираетъ „Мертвое Озеро“? Этотъ господинъ пишетъ легко, но я съ горестью увидѣлъ въ немъ булгаринскія замашки. Что за выраженія, и зачѣкъ нападать на натуральную школу! Это уже старо. Если цензоръ захочетъ узнать: откуда выписка, сообщите, что это изъ писемъ сэра Горація Вальполя, сына министра Роберта Вальполя, Книга эта рѣдка, но не имѣетъ въ себѣ ничего непозволительнаго.“

Статьи Дружинина по англійской литературѣ, составляющія два почтенные тома въ 800 страницъ каждый, до сихъ поръ, спустя 30 слишкомъ лѣтъ послѣ появленія, не потеряли значенія. Всѣ эти статьи были написаны А. В. по моему внушенію и порученію, какъ это видно изъ нижеприводимаго письма его ко мнѣ:

„Почтеннѣйшій Альб. Вик., наше неконченное условіе насчетъ статей по англійской литературѣ меня отчасти связываетъ. Для другаго журнала я не могу предназначать подобной работы, ибо почти далъ вамъ слово—а съ другой стороны, я отъ васъ не имѣю ничего вѣрнаго, а потому весь ноябрь занимался другимъ дѣломъ. Если исторія англійской литературы васъ дѣйствительно занимаетъ, то нельзя-ли намъ поговорить о ней *фундаментально*. Вообще, какъ вы сами знаете, за редакціей „Библіотеки“ есть одинъ грѣшокъ, именно нѣкоторая неопредѣленность въ условіяхъ. Я могу начать статью и остаться съ носомъ, потому что ей вдругъ мѣста не найдется. А потому, коли хотите на этотъ разъ посерьезнѣе условиться, то устройте такъ, чтобы намъ повидаться; оно для обѣихъ сторонъ будетъ лучше.“

Сидя за послѣднимъ письмомъ иногороднаго подписчика, Дружининъ уже рѣшилъ вмѣсто этихъ писемъ составить для „Библ. для Чт.“ статью о Джонсонѣ и Босвелѣ. Онъ сообщилъ мнѣ свое намѣреніе, для чего я снабдилъ его старыми англійскими Reviews, въ которыхъ находилось много матеріала для этого труда. Дружининъ все это забралъ на лѣто въ деревню и, возвратившись осенью въ Петербургъ, писалъ мнѣ:

„Фельетонъ (т. е. Письмо иног. подп.) написанъ почти на половину, а если вы вручите посланному „Москвитянинъ“ да еще что-нибудь, онъ будетъ готовъ скоро. Посылаю окончаніе Кореръ-Белля; если Босвель не поспѣетъ къ сроку, можете его пустить въ ноябрѣ. А съ Босвелемъ вотъ какая остановка: я еще не разобралъ книгъ, и часть матеріаловъ скрыта на днѣ мѣшковъ. У васъ, безъ сомнѣнія, есть русскій энциклопедическій словарь съ статьею *Босвель*, его-то я и не могу у себя отыскать, а мнѣ этотъ томъ нуженъ для чиселъ. Не пришлете-ли вы его мнѣ вмѣстѣ съ какой нибудь статьей о Босвелѣ изъ вашихъ конверсаціонсъ-лексиконовъ. Да нѣтъ ли у Осипа Ивановича (Сенковскаго) Essays Маколея; тамъ въ 1-мъ томѣ есть еще кое-что о Джонсонѣ; я не хочу ничего упустить изъ виду.“

Наши объясненія и переговоры съ Дружининымъ относительно растянутости статей его о Джонсонѣ и Босвелѣ не остались безъ послѣдствій. Онъ рѣшился въ двухъ статьяхъ покончить эту англійскую канитель. Вотъ что́ писалъ онъ мнѣ, препровождая предпослѣднюю статью, которую написалъ солеча, какъ это видно изъ его письма:

„Посылаю вамъ предпослѣднюю статью о Джонсонѣ и двѣ статьи подъ названіемъ „Литер. рѣдкости“. Если онѣ хороши, то можно ежемѣсячно пе-

читать по одной. Потрудитесь въ Джонсонѣ выправить слогъ: слишкомъ часто встрѣчаются въ немъ слова: *что, который* и еще нѣчто въ томъ же родѣ. Подъ „Литературными рѣдкостями“ не нужно выставлять ни буквъ, ни имени.“

О. И. Сенковскій, видя, что Письма иногороднаго подписчика втягиваютъ его журналъ въ нападки на другія періодическія изданія, что̀ шло совершенно въ разрѣзъ съ программой „Биб. д. Чт.“, которая не допускала журнальной полемики, просилъ меня прекратить печатаніе этихъ „Писемъ.“ Когда это было сообщено мною Дружинину, онъ, сказавъ нѣсколько словъ о своемъ любимомъ Ливенцовѣ, писалъ:

„Многоуважаемый Альб. Вик., я сейчасъ получилъ отъ Ливенцова увѣдомленіе о томъ, что новая его повѣсть отправлена къ вамъ, и вы должны ее получить на дняхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ просилъ, чтобы вы, въ случаѣ, если средства „Библіотеки“ не позволятъ ей удовлетворить автора тотчасъ же по напечатаніи „Эсаула“, воротили мнѣ рукопись для доставленія ея Краевскому. Еслибы оно такъ и случилось, вы все таки не потеряете многаго, ибо Ливенцовъ работаетъ скоро и приводитъ къ концу еще двѣ повѣсти. Насчетъ писемъ о журналистикѣ я придумалъ одно соображеніе, которое можетъ пособить намъ отвратить, по крайней мѣрѣ, хотя часть скандала, возбужденнаго въ книжномъ мірѣ ихъ прекращеніемъ. Я напишу письмо для мая, сдѣлаю нѣсколько оговорокъ и прощусь съ публикой по случаю отъѣзда. Если Осипъ Ивановичъ вознегодуетъ, вы можете ему представить всю необходимость этой мѣры, не только въ отношеніи къ выгодамъ журнала, но касательно простой вѣжливости къ сотруднику, который столько времени для него трудился. Само собою разумѣется, что еслибы я зналъ о его привычкѣ налагать свое veto на чужія статьи, я никогда бы не сталъ работать ничего, но разъ сунувшись, я долженъ, по крайней мѣрѣ, отступить съ честью. Потому-то дайте мнѣ отвѣтъ, и если согласны, то заготовьте къ 10-му числу „Отечественныя Записки“ и „Москвитянинъ“.

По поводу такого неожиданнаго рѣшенія О. И. Сенковскаго, Дружининъ вновь писалъ мнѣ: „Вы можете быть вполнѣ убѣждены, что я всегда работаю и готовъ работать для „Библіотеки“ съ удовольствіемъ, и наконецъ въ томъ, что печатныя дѣла никогда не мѣшаютъ моему искреннему къ вамъ расположенію. Но сношенія наши теперь такъ запутались, что всего не обозрѣть и въ предлинномъ письмѣ. Запрещеніе писемъ о журналистикѣ *прямо ведетъ къ совершенному прекращенію моего сотрудничества*,—не потому, чтобы я очень любилъ эти письма или дорожилъ ими, — но потому, наконецъ, что я себя уважаю и не поддамся чужой прихоти, хотя бы это была прихоть моего друга, и хорошаго, мною уважаемаго, друга. Годы успѣха позволяютъ мнѣ смотрѣть на себя, какъ на лицо нѣсколько самостоятельное въ литературѣ, а дружескія мои отно-

шепія ко всѣмъ нашимъ журналамъ даютъ мнѣ возможность всюду имѣть работу. Наконецъ и тружусь я не изъ нужды. Слѣдовало *сперва* сказать, нужны или не нужны обзоры журналистики, а теперь отмѣнять ихъ не время,—ибо они имѣютъ читателей, между которыми ихъ прекращеніе произведетъ родъ скандала. Но обо всемъ этомъ поговоримъ при свиданіи."

А. Старчевскій.

(*Продолженіе будетъ*).

СКРЯГА МЁРТВОЙ.

Истинное происшествіе.

Вальтера Безанта и Джемса Райса.

IX.

Послѣдуй за мною, читатель (какъ говорили старинные романисты), въ Парагонъ-Плесъ, Грейсъ-Инродъ. Парагонъ-Плесъ находится на восточной сторонѣ дороги и состоитъ всего изъ шести домовъ, обитатели которыхъ живутъ особнякомъ. Пять домовъ стоятъ фасадомъ на улицу, а шестой на дворъ.

Третій домъ съ краю состоитъ, какъ и его сосѣди, изъ трехъ большихъ комнатъ. По лѣвую сторону отъ входной двери, внизу лѣстницы находится маленькая комнатка или чуланчикъ, который въ случаѣ крайности могъ бы служить спальнею. Чуланчикъ освѣщается окошечкомъ въ одно стекло.

Двери домовъ, когда-то выкрашенныхъ зеленою краскою, открыты. Вдоль двора, грязнаго и немощенаго, около стѣны, въ сточную канаву только что вылили мыльные помои изъ дома № 1. Двое ребятишекъ пускаютъ кораблики изъ лучинокъ и смотрятъ, какъ онъ плыветъ по рукаву Миссисипи; они, слѣдя за нимъ, выбѣгаютъ на улицу; на дворѣ никого не остается, и наступаетъ тишина. Солнце освѣщаетъ окна дома № 3, у дверей котораго сидитъ фигура, закутанная по зимнему и курящая длинную трубку. Фигура эта, очевидно, сгорбилась отъ лѣтъ. На головѣ у нея надѣта шляпа, приподнятая со стороны солнца. Въ рукахъ она держитъ старый номеръ газеты, которую читаетъ вслухъ, чуть не по складамъ, своему собесѣднику, мальчику лѣтъ девяти или десяти, сидящему на колѣняхъ, прислонившись спиной къ стѣнѣ. Голова мальчика не покрыта, и ноги босы. Одинъ рукавъ его куртки совсѣмъ оторванъ, а другой чуть-чуть держится. Штаны его всѣ въ дырахъ и въ заплатахъ, и бѣлыя ноги сквозятъ въ отверстія. Рубашка не застегнута и, повидимому, выказываетъ поползновеніе свалиться скоро съ плечъ. Но все это ничего не

значитъ, потому что погода теплая, и мальчика не учили заботиться о своей наружности. Его гораздо больше интересуетъ задача: какимъ образомъ заморить ему цѣлаго волка, грызущаго у него въ желудкѣ и требующаго себѣ ѣды.

— Ну, вотъ видишь, Биль, тоненькимъ дрожащимъ голосомъ говоритъ чтецъ:—правительство готово послать страну къ чорту... Это кто тамъ идетъ?

Какой-то человѣкъ заглянулъ сначала во дворъ и потомъ направился къ крыльцу, увидавъ тамъ людей.

— Не можете ли вы сказать мнѣ, спросилъ онъ у курильщика, лицо котораго было закрыто шляпой:—не здѣсь ли живетъ мистриссъ Книбонъ?

Курильщикъ вынулъ трубку изо рта и, снявъ шляпу, сталъ въ дверяхъ, повелительно поднявъ руку.

Дикъ Мортибой съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него. Передъ нимъ стоялъ крошечный человѣкъ съ сѣдыми волосами и дѣтскимъ лицомъ. На немъ былъ надѣтъ протертый сюртукъ съ рослаго человѣка, теплые штаны, фланелевая рубашка, а шея была обернута шарфомъ. Дикъ, стоя на мостовой, молча смотрѣлъ на него. Онъ никогда въ жизни не видалъ ничего подобнаго.

— Надѣюсь, что, встрѣтивъ меня вторично, вы меня не узнаете, съ насмѣшкою сказалъ карликъ.

— Да вы, кажется, мальчикъ? сказалъ Дикъ.

Ребенокъ, котораго карликъ называлъ Билемъ, пришелъ въ восторгъ отъ этой встрѣчи и заныгалъ отъ радости.

— Вы мальчикъ или взрослый? спросилъ Дикъ. Какъ васъ зовутъ? Разскажите мнѣ что нибудь о себѣ.

— Вы, надѣюсь, умѣете читать? покровительственно спросилъ необыкновенный человѣчекъ: — юный Биль, подай мнѣ все, что нужно для письма.

Биль вытащилъ изъ кармана кусокъ мѣла.

— Изволь, Тузи.

Тузи подошелъ къ стѣнѣ и написалъ „Меѳусалемъ“. Дикъ Мортибой вынулъ изо рта сигару и съ любопытствомъ посмотрѣлъ на друзей.

— Такъ вы Меѳусалемъ? А это не Биль ли? не маленькій ли Биль?

— Это Биль, сказалъ Тузи:—это славный Биль. *Я* воспиталъ его. Биль, покажи-ка, какъ ходятъ колесомъ.

Мальчикъ въ тотъ же мигъ поднялъ ноги передъ самымъ носомъ Дика, и пошелъ колесомъ. Карликъ стоялъ въ это время *въ дверяхъ* и дѣлалъ видъ, что подгоняетъ его бичемъ.

— Это я выучилъ его, сказалъ Тузи. — Ну-ка, Биль, покажи еще, какъ вертится волчокъ.

— Волчка мнѣ не надо, сказалъ Дикъ.—Вотъ тебѣ, Биль, шиллингъ. Пойди и купи себѣ чего нибудь поѣсть.

— Мнѣ полъ-пинты довольно, Уильямъ, крикнулъ Тузи, принимаясь опять за трубку.

— Сколько вамъ лѣтъ, позвольте спросить? сказалъ Дикъ.

— Восемдесятъ шесть, я... уже очень старъ. Мнѣ было уже семдесятъ лѣтъ, когда я родился, шестнадцать лѣтъ тому назадъ. Съ тѣхъ поръ я состарился. Моей старухѣ всего семдесятъ пять лѣтъ.

— Кто же ваша старуха?

— Да мистриссъ Книбонъ, сэръ, та самая, о которой вы спрашиваете. Она мнѣ ни жена, ни мать, ни бабушка. Ну, выходите, старуха. Васъ спрашиваетъ какой-то джентльменъ, хочетъ дать вамъ выпить за его здоровье.

Она была такая же сгорбленная и морщинистая, какъ и Мевусалемъ, только безъ дѣтскаго лица. Въ рукѣ она держала деревянную табакерку, изъ которой въ эту минуту нюхала. На ней было платье, когда-то имѣвшее опредѣленный цвѣтъ, и чепецъ, походившій нѣкогда на чепецъ.

Она заслонила рукою глаза отъ солнца и посмотрѣла на Дика.

— Я васъ не знаю, сэръ, и не могу впустить къ себѣ. Я никогда прежде не видывала васъ. Вамъ нельзя войти ко мнѣ.

— Ну, что вы толкуете! сказалъ Тузи.—Кто вамъ говоритъ, что этотъ джентельменъ васъ знаетъ? Кому нужно къ вамъ входить? Онъ желаетъ только провести минутъ пять въ вашемъ пріятномъ обществѣ и полюбоваться на васъ.

— Я желаю получить нѣкоторыя свѣдѣнія, за которыя готовъ заплатить, сказалъ незнакомецъ.

— За сколько лѣтъ, сэръ? спросила старуха, съ ужасомъ глядя на карлика.

— За двѣнадцать лѣтъ.

— Это, значитъ, съ того времени, какъ я началъ помнить себя, сказалъ карликъ.—Ну, что же, сэръ, пожалуй, и я могъ бы отвѣчать на ваши вопросы. Ну, старуха, держи ухо востро!

— Тузи, другъ, будь осторожнѣе, дрожащимъ голосомъ проговорила она.—Будь осторожнѣе.

— Продолжайте, сэръ, ваши разспросы. Намъ здѣсь никто не помѣшаетъ. Палите вашими вопросами.

Онъ засунулъ руки въ карманы и снова сѣлъ на крыльцо.

— Прежде всего, объ этомъ ребенкѣ. Вы сказали, что его зовутъ Билемъ. Биль... а фамилія?

— Господи помилуй! Фамиліи у него нѣтъ никакой.

— Кто его привелъ сюда? Сколько ему лѣтъ? Чей онъ?

— Гмъ! какъ хозяинъ этого гошпиталя и какъ главный врачъ въ немъ, я поднимаю руку, и спрашиваю: сколько?

— Развѣ не мистриссъ Книбонъ хозяйка?

— Надъ младенцами.

— Ну, хорошо. Разскажите мнѣ все, что вы знаете. Вотъ вамъ одинъ соверенъ, но если свѣдѣнія будутъ интересныя, то вы получите еще пять.

— Почемъ я знаю, что для васъ интересно.

— Такъ какъ вы не знаете, то и привирать не будете.

— Биль былъ привезенъ сюда трехнедѣльнымъ младенцемъ, девять съ половиною лѣтъ тому назадъ. Трудно было возиться съ нимъ, тѣмъ болѣе, что мать являлась ежедневно.

— Какъ звали его мать? Такъ девять съ половиною лѣтъ тому назадъ? Кто была его мать?

— Полли Треслеръ.

Дикъ тихонько свиснулъ.

— Вы въ этомъ увѣрены? Готовы присягнуть? Вы увѣрены въ числѣ?

— Готовъ присягнуть на всѣхъ библіяхъ въ свѣтѣ. Спросите у старухи. Ну-ка, матушка, вылѣзай!

Она выползла.

— Вотъ что, старуха: скажите-ка этому джентльмену, сколько лѣтъ Билю? Покажите ему книгу. У нея есть книга, и въ нее она вписываетъ ихъ всѣхъ.

— Я покажу ему только эту страницу, сказала мистриссъ Книбонъ, бросая недовѣрчивые взоры:—но ничего болѣе... покажу за пять шиллинговъ.

Она принесла книгу, въ которой велись списки за двадцать лѣтъ. Тихо повертывая листы, она наконецъ нашла то, чего искала.

— Вотъ прочтите это, сэръ, но дальше не смотрите.

Дикъ прочелъ:

„Ноября 5-го 186*. Мальчикъ, трехнедѣльный, по имени Биль. По восемнадцати пенсовъ въ недѣлю. Фамилія матери миссъ Треслеръ (—тутъ былъ написанъ старый адресъ, потомъ вычеркнуть и написанъ новый). П. Т. до востребованія, въ Маркетъ-Базингъ."

Дикъ пробѣжалъ глазами по страницѣ. Въ годъ поступило до

полудюжины ребятъ. У четырехъ изъ нихъ стояло около имени слово: „умеръ“. У пятаго: „взятъ отцомъ“. Биль былъ шестой.

— А этого мальчика я берегла, какъ зѣницу ока. Ей Богу!

Тузи только подмигнулъ, и взмахнулъ своей трубкой, чтобы показать, какъ шлепали эту „зѣницу“. Она продолжала, не обративъ на это вниманія.

— Я и одѣвала его, и давала ему денегъ на апельсины и лакомства, а какой завтракъ былъ у него сегодня, такъ вы не повѣрите!

— Онъ ѣлъ сегодня березовую кашу, замѣтилъ Тузи.

— Не ври! Никуда негодный лѣнтяй! Ты только и умѣешь, что курить да пить.—(Въ это время Биль явился съ ѣдой и пинтой пива, которою Тузи тотчасъ же и завладѣлъ). Десять лѣтъ тому назадъ, этотъ мальчикъ заявилъ мнѣ, что отъ старости не можетъ работать, и съ тѣхъ поръ онъ только ѣстъ да пьетъ.

— Десять лѣтъ тому назадъ! сказалъ Тузи:—ну да, ну да! Тогда мнѣ было двадцать шесть лѣтъ...

— Мнѣ надо собрать свѣдѣнія о другомъ мальчикѣ, прервалъ его Дикъ.—Вотъ объ этомъ. Если вы, тётушка, одѣвали его, то онъ сносилъ уже платье; если вы кормили его, то ему эта пища, должно быть, не нравилась. Позвольте мнѣ войти и выслушать все, что вы мнѣ скажете. Нѣтъ ли у васъ въ домѣ чего нибудь въ родѣ стола, бумаги и пера? Не бойтесь, я не хочу пугать васъ.

Онъ отвелъ старуху, не пропускавшую его, и вошелъ въ сѣни, гдѣ услышалъ крики и гамъ, раздававшійся изъ сосѣдней комнаты. Дикъ отворилъ дверь и заглянулъ въ нее. На полу лежало четверо ребятъ, въ лѣтнемъ и зимнемъ отрепьѣ, блѣдныхъ, худыхъ и грязныхъ. Старуха бросилась къ нимъ и съ остервенѣніемъ начала совать въ ротъ соски.

— Такъ это-то вашъ пріютъ? съ отвращеніемъ сказалъ Дикъ.—Нѣтъ ли у васъ другой комнаты?

— У насъ съ Билемъ есть комната на верху. Пойдемте туда. Биль, достань-ка клочокъ бумаги, перо и что либо похожее на чернила. Пожалуйте, сэръ.

Лѣстница была грязная, ужасная, безъ нѣсколькихъ ступеней, вынутыхъ для топлива.

Въ комнатѣ, кромѣ стола и постели, лежавшей на полу, ничего не было. Тузи сѣлъ на постель.

— Вы вѣдь не обидите Биля, сэръ? спросилъ карликъ:—не обидите? Вѣдь это мой единственный другъ. Всѣ другіе смѣются

надо мною, и спрашиваютъ, давно ли я родился. А съ Билемъ мы живемъ въ ладу и спимъ вмѣстѣ.

— Нѣтъ, я не обижу его, но увезу отсюда.

— Если ему будетъ лучше, такъ тутъ и говорить нечего. Не вѣрьте старухѣ... Я работалъ бы, еслибы могъ. Я слабъ, и никому не нуженъ. Вы посмотрите на мои ноги.—(Онъ поднялъ штаны и показалъ ноги, которыя были на половину тоньше рукъ Дика). Если вы будете хорошо обходиться съ Билемъ, такъ я вамъ поразскажу кое-что о Полли. Она была обвѣнчана съ отцомъ Биля. Я самъ слышалъ, какъ она это говорила старухѣ. Это былъ морякъ и ушелъ въ море. Не вы ли это?

Дикъ былъ до крайности удивленъ. Это были дѣйствительно дорогія для него свѣдѣнія.

— Вотъ что, парень. Узнайте вы мнѣ фамилію этого человѣка, и я обезпечу васъ на всю жизнь.

— Старуха знаетъ его фамилію. Не безпокойтесь, я вамъ вывѣдаю ее. Старуха меня боится, съ тѣхъ поръ какъ я поймалъ ее. Но она уже больше не станетъ этого дѣлать... ни за что.

— Въ чемъ вы поймали ее?

— Вотъ идетъ Биль, сказалъ Тузи.—А вотъ и сама старуха.

Дикъ вынулъ пять золотыхъ и положилъ ихъ на столъ.

— Послушайте, мистриссъ Книбонъ, поймите меня хорошенько. Вы получите все это за ваши свѣдѣнія, если они окажутся вѣрными, по моимъ соображеніямъ.

Старуха съ жадностью посмотрѣла на золото.

Она начала разсказывать почти то же самое, что̀ сообщалъ уже Тузи. Число мѣсяца она сказала то же, что̀ было вписано въ книгу, затѣмъ прибавила, что плата увеличилась до пяти шиллинговъ въ мѣсяцъ, поклялась, что это именно и есть тотъ ребенокъ, и протянула руку за деньгами.

— Не торопитесь, сказалъ Дикъ.—Все это я зналъ уже ранѣе, отъ этого парня.

— Ахъ ты, чертенокъ! крикнула старуха на карлика, который, смѣясь, кивнулъ ей.

— Я хочу знать гораздо больше. Я хочу знать кое-что объ отцѣ мальчика. Какъ его фамилія? И когда онъ женился на Полли Треслеръ?

— Вы желаете знать слишкомъ много. Вы мнѣ скажите, не хотите ли вы сыграть какой нибудь скверной штуки съ Полли?

— Хорошаго, конечно, я ей не подготовляю. Но я желаю помочь одному своему пріятелю,—и для этого мнѣ необходимо какъ можно болѣе свѣдѣній.

— Она нехорошая женщина, эта Полли. Я познакомилась съ нею болѣе шестнадцати лѣтъ тому назадъ. Не всегда же я жила такъ, какъ теперь! И Полли многимъ мнѣ обязана. Я познакомила ее съ ея первымъ мужемъ—на Попларской улицѣ, гдѣ я держала табачную лавочку.

— Съ первымъ? Дикъ пристально посмотрѣлъ на нее.—Кто же это былъ?

— Морякъ... вѣнчались они въ Леймской церкви. Только они не ужились. Полли била его и стыдилась такого мужа, который не билъ ее, какъ другіе мужья. Славный мужчина, въ офицерскомъ чинѣ. Фамилія его Баукеръ. Онъ ушелъ въ море, а она уѣхала изъ Попларской улицы.

— Вотъ вамъ два соверена. Теперь продолжайте.

Старуха жадно посмотрѣла на остальныя деньги и продолжала.

— Потомъ я хорошенько не знаю, что было съ нею. Она связалась съ какимъ-то юнцомъ, въ какомъ-то городѣ... Но я не знаю, женился ли онъ на ней, или нѣтъ... Эту исторію я уже узнала потомъ. Онъ убѣжалъ отъ нея. Она пріѣхала въ Лондонъ и опять вышла замужъ.

— Какъ, въ третій разъ?

— Что же ей было дѣлать? Отъ перваго мужа она убѣжала, второй самъ убѣжалъ отъ нея, она и вышла за третьяго. Третій умеръ. Это былъ тоже морякъ. Полли любила моряковъ. Только этотъ третій билъ Полли, когда приходилъ выпивши, и мнѣ казалось, что она сожалѣла о своемъ первомъ мужѣ.

— Разскажите о первомъ. Не знаете ли вы, живъ ли онъ и гдѣ живетъ?

— Я знаю, сэръ, сказала старуха:—а Полли не знаетъ. Я знаю, гдѣ можно спросить о немъ: недавно еще онъ былъ живъ, и я слышала о немъ отъ одного его стараго пріятеля.

— Какъ его фамилія?

— Какъ вы думаете? не заслужила ли я уже пяти фунтовъ, сэръ?

Дикъ подвинулъ ей деньги.

— Благодарю васъ, сэръ. Его фамилія Баукеръ, капитанъ Баукеръ... настоящій джентльменъ. Я скажу, гдѣ вы можете разузнать о немъ, и увѣрена, что вы за это прибавите мнѣ еще кое-что.

— Вотъ что, въ волненіи сказалъ Дикъ (никогда въ жизни своей онъ ничѣмъ не былъ такъ доволенъ, какъ этимъ разсказомъ о жизни его жены):—если все, что вы сообщили мнѣ,—правда, то

въ жизни своей вы не обдѣлывали такого выгоднаго дѣла. Теперь я вамъ заплачу то, что Полли вамъ должна за мальчика—тридцать пять шиллинговъ. Вотъ они. Ну, такъ я возьму Биля.

Она въ отчаяніи всплеснула руками.

— Возьмете моего Биля? Возьмете ребенка, котораго я вскормила? Нѣтъ, сэръ, нѣтъ! я не могу вамъ его отдать. За пять фунтовъ терлинговъ не отдамъ!

— Она никогда ничего мнѣ не давала и кормитъ меня только пинками, если Тузи нѣтъ со мною! воскликнулъ предметъ любви старухи.

Тузи прервалъ ее, стукнувъ по полу своимъ костылемъ.

— Вы отпустите его даромъ, спокойно замѣтилъ онъ:—и говорить объ этомъ нечего. Заткните глотку. Биль, мой дорогой! Великанъ хочетъ взять тебя. Кажется, онъ намѣренъ одѣть тебя и присмотрѣть за тобою. Не плачь, тебѣ будетъ лучше. Онъ, кажется, добрый, хоть и ужасно большой.

— Ну, идемъ, Биль, сказалъ Дикъ:—хочешь пойти со мною? Простись же со своими друзьями, и идемъ. Тетушка, вы получили деньги? А вотъ это ваша доля, Тузи.

— Не плачь, Биль, повторилъ Тузи, заплакавъ самъ:—вѣдь все это дѣлается для твоей же пользы.

Не смотря на возгласы старухи и слезы Тузи, Дикъ повелъ свою добычу. Сойдя внизъ съ лѣстницы, они услыхали на верху какой-то шумъ и стукъ.

— Что они тамъ дѣлаютъ, Биль?

Послышались удары и крики.

— Дерутся. Она хочетъ отнять у него деньги. Слушайте-ка! Ура! Тузи раздобылъ свой костыль. Она всегда била меня до тѣхъ поръ, пока Тузи не приходилъ съ костылемъ. Ну, теперь она выпустила его. Молодецъ Тузи!

X.

Дикъ увелъ мальчика за руку. Онъ не зналъ, что ему дѣлать съ ребенкомъ. Онъ взялъ его, увлекаясь мыслью удивить и поразить Полли, представивъ ей въ Маркетъ-Базингѣ ея сына. Въ настоящую же минуту онъ очутился въ сравнительно порядочномъ кварталѣ Лондона, съ грязнымъ оборвышемъ. Положеніе было неловкое.

— Прежде всего, надо вымыть и одѣть мальчика, подумалъ Дикъ, глядя на Биля.—Но кто же это намъ устроитъ? А потомъ надо будетъ заняться дѣломъ Полли и повидаться съ адвокатомъ.

Биль, мой милый, ты такой грязный и оборванный, гдѣ бы тебя вымыть?

— Меня никогда не мыли.

— Гдѣ бы намъ купить новое платье?

— Никогда не носилъ я новаго платья.

Дикъ остановилъ полицейскаго, который во всѣ глаза посмотрѣлъ на мальчика.

— Я ничего не сдѣлалъ, закричалъ Биль, стараясь вырваться.

— Этотъ мальчикъ, сэръ, еще никогда намъ не попадался, сказалъ полицейскій.

— Мнѣ надо одѣть и вымыть мальчика, объяснилъ Дикъ.—Я взялъ его, чтобы воспитать хорошенько.

Лицо полицейскаго просіяло.

— Какъ я радъ за него. Вотъ это настоящее благодѣяніе. Наши господа сдѣлали бы гораздо лучше, еслибы на деньги, что̀ даютъ какимъ-то миссіонерамъ, брали бы дѣтей отъ этихъ старухъ. Пойдемте, сэръ, я укажу вамъ ванну. Еслибы только наши важные господа видѣли, какъ живутъ тутъ дѣти!

Полицейскій привелъ ихъ въ баню и объяснилъ, что̀ надо.

Мальчикъ все время плакалъ. Его раздѣли и посадили въ ванну. Дикъ, глядя на него, ужасался его худобѣ. Это былъ скелетъ съ торчавшими ребрами, въ первый разъ вымытый и отскобленный. Въ это время полицейскій сходилъ за портнымъ, который явился съ узелкомъ готоваго платья, и мальчика тотчасъ же одѣли въ новую пару, что̀ привело его въ неописанный восторгъ. Онъ пересталъ плакать и преважно засунулъ руки въ карманы.

— Ну, теперь взглянемъ на него хорошенько, сказалъ Дикъ.

Онъ поставилъ мальчика на столъ и повернулъ къ себѣ лицомъ. Глаза у него были голубые, носъ вздернутый, ротикъ тонко обрисованный и красивый, подбородокъ небольшой и востренькій, а волосы свѣтлые, какъ ленъ.

— Гм! проговорилъ Дикъ:—нельзя сказать, чтобы онъ походилъ на меня. Волосы у меня черные, носъ прямой, губы толстыя, подбородокъ большой и широкій, какъ у всѣхъ Мортибоевъ. Онъ не очень похожъ и на мать, развѣ только глазами.

Мальчикъ, вымытый и одѣтый, принялъ теперь джентльменскій видъ, и только по его разговору видно было, что онъ выросъ на улицѣ. Дикъ заплатилъ за все, поблагодарилъ полицейскаго и увелъ съ собою свою добычу.

— Сколько тебѣ лѣтъ, Биль?

— Въ январѣ будетъ десять.

— Слышалъ ты, что̀ мы говорили о твоей матери?

— Слышалъ, только вѣдь я никогда не видалъ ея.

— А хотѣлъ бы видѣть?

— Нѣтъ, если она похожа на Книбонъ. Я лучше пожилъ бы съ вами.

— Предположи, Биль, что, живя со мною, ты увидишь женщину по имени Полли Треслеръ?

— Это ея фамилія?

— Да. И предположи, что она будетъ разспрашивать у тебя что нибудь о теткѣ Книбонъ?

Биль пристально посмотрѣлъ на него.

— Я не фискалъ, сказалъ онъ:—и никого не выдамъ. Чортъ меня побери.

— Не надо поминать чорта, мальчикъ. Господа такъ не говорятъ.

Дома Дика поджидалъ Лафлеръ.

— Это еще что у тебя, Дикъ... что за новая забава?

— Эта забава остается послѣ игры съ женщиною. Я остался въ выигрышѣ, и выигралъ его.

— Ты всегда въ выигрышѣ. Накорми свой выигрышъ-то.

Дикъ позвонилъ и передалъ Биля хозяйкѣ, прося накормить и напоить его.

Вернувшись домой въ этотъ вечеръ часовъ въ двѣнадцать, онъ нашелъ мальчика крѣпко спавшимъ у камина. Дикъ раздѣлъ его и перенесъ въ спальню. Биль открылъ на минуту глаза; но думая, что видитъ все это во снѣ, опять закрылъ ихъ.

Утромъ, когда Дикъ проснулся, мальчикъ еще крѣпко спалъ, охвативъ худенькой ручонкой Дика за шею и приложившись щекой къ громадной бородѣ его, думая, вѣроятно, что онъ спитъ съ Тузи.

— Бѣдняжка! прошепталъ Дикъ.

Въ это утро онъ отправился къ адвокату, о которомъ много разъ слышалъ въ Маркетъ-Базингѣ отъ Баттискомба, и разсказалъ ему о своей женитьбѣ и обо всѣхъ дѣлахъ Полли. Они долго совѣщались, послѣ чего Дикъ вышелъ отъ адвоката съ облегченнымъ сердцемъ. Биль былъ одѣтъ и вымытъ къ его приходу. Хозяйка явилась съ заявленіемъ, что ея уходъ за мальчикомъ Дикъ долженъ принять въ соображеніе при разсчетѣ. Дикъ принялъ это въ соображеніе; затѣмъ она попросила мистера Мортибоя обратить вниманіе на выраженія мальчика.

— Онъ такъ выражается, говорила она:—что еслибы мои мальчики пришли изъ школы, я ни за что на свѣтѣ не позволила бы имъ играть съ нимъ.

Она погрозила мальчику, и тотъ взглянулъ, не сердится ли на него его покровитель? Но мистеръ Мортибой только засмѣялся.

— А вотъ мы его полѣчимъ отъ дурныхъ привычекъ. Принесите-ка ему поѣсть. Ты голоденъ, Биль?

— Я всегда голоденъ, отвѣчалъ мальчикъ.

Обѣдъ Биля служилъ Дику завтракомъ. Лишь только блюдо поставили на столъ, какъ мальчикъ сдѣлалъ на него нападеніе. Схвативъ кусокъ баранины, онъ бросился съ нимъ въ другой конецъ комнаты, гдѣ началъ рвать его зубами, какъ тигръ въ звѣринцѣ. Хозяйка указала на него Дику.

— Онъ точно также и ужиналъ вчера, сэръ. Настоящій дикарь.

Дикъ кивнулъ головою и засмѣялся. Хозяйка ушла. Лишь только дверь за нею затворилась, какъ мальчишка, поощренный улыбкою своего покровителя, прошелся по всей комнатѣ колесомъ, не выпуская баранины изо рта. Послѣ этого онъ ушелъ опять къ себѣ въ уголъ и доѣлъ кусокъ.

— Биль, положи косточку и садись на этотъ стулъ. Развѣ ты никогда въ жизни не сиживалъ за столомъ?

— Какъ?

— Какъ ты обѣдалъ у мистриссъ Книбонъ?

— Я никогда не обѣдалъ. Утромъ она заваривала себѣ чаю, и я пилъ иногда, если Тузи удавалось какъ нибудь стянуть. Если же Тузи отъ ревматизма не могъ встать съ постели, то мнѣ давали кусокъ хлѣба. Потомъ я шелъ просить милостыню. Если я ничего не приносилъ, такъ мнѣ давали тукманку и еще кусокъ хлѣба. Когда Тузи бывалъ здоровъ, такъ онъ и себѣ и мнѣ доставалъ чего нибудь.

— Теперь надо поучить тебя хорошимъ манерамъ.

Билю былъ данъ первый урокъ общежитія. Преподаваніе такъ заняло Дика, что утро прошло для него совершенно незамѣтно.

— Тебя никто ничему не училъ?

— Нѣтъ, Тузи меня училъ. Онъ читалъ мнѣ. Онъ, знаете, такой умный и все обѣщалъ выучить меня читать. Разъ, какая-то леди меня отдала въ школу. Это было въ воскресенье. Колокола звонили, всѣ господа шли въ церковь, а въ школѣ было такъ хорошо; тамъ дали чаю съ лепешкой. Я долго ходилъ по воскресеньямъ въ школу и выучился пѣть гимны. А когда я сталъ пѣть дома, старуха взяла палку и сказала, что переломаетъ мнѣ всѣ кости, если я буду орать.

— А больше ничему тебя не учили?

— Къ намъ приходилъ человѣкъ въ черномъ и говорилъ, что мы съ Тузи попадемъ прямо въ адъ. А Тузи отвѣтилъ, что въ аду навѣрное лучше, чѣмъ у старухи.

Мальчикъ, съ непривычки къ пиву, заснулъ; а Дикъ, закуривъ трубку, сталъ раздумывать, что ему съ нимъ дѣлать? Въ Лондонѣ Дикъ провелъ цѣлую недѣлю, и по справкамъ, собраннымъ адвокатомъ, всѣ показанія м-съ Книбонъ оказались совершенно вѣрными. Полли, восемнадцати лѣтъ, пріѣхала въ Лондонъ искать мѣста. Она познакомилась съ кое какими женщинами въ Поплярѣ, куда ходила по воскресеньямъ. Тамъ она свела дружбу съ морякомъ, который былъ на двадцать пять лѣтъ старше ея, но плѣнился ея красными щеками и женился на ней. По мнѣнію старухи Книбонъ,—знатока женщинъ,—главною причиною разрыва супруговъ послужило презрѣніе Полли къ мужу, который позволялъ женѣ бить его. Но это было несовсѣмъ такъ. Полли любила всегда лгать и, выйдя замужъ за капитана Баукера, сказала ему, что родители ея живутъ въ Кемберлендѣ. По уходѣ капитана въ море, она поѣхала на нѣсколько недѣль въ Маркетъ-Базингъ, гдѣ отца не застала уже въ живыхъ, а нашла одну мать, и притомъ въ страшной бѣдности. Эти нѣсколько недѣль превратились въ нѣсколько мѣсяцевъ, и когда мужъ ея вернулся съ кускомъ шолковой матеріи для жены, онъ не засталъ Полли на квартирѣ. Сначала онъ огорчился, а потомъ сталъ благодарить судьбу, избавившую его отъ такой обузы, сдалъ квартиру и ушелъ опять въ море.

Въ то время Полли встрѣтилась съ Дикомъ Мортибоемъ и, замѣтивъ, что юноша влюбленъ въ нее до зарѣза, стала завлекать его, брала подарки и...

Двоемужство — слово нехорошее. Полли часто думала, что оно можетъ повлечь за собою и тюрьму, и судъ и т. д. Но если можно было безнаказанно выйти за сына богатѣйшаго человѣка въ городѣ? Она посовѣтовалась съ своею матерью, и та сказала ей, что она не рискуетъ ничѣмъ, что человѣкъ, вѣчно живущій на кораблѣ, не можетъ знать, что дѣлается на сушѣ. Юный Мортибой требовалъ, чтобы она отдалась ему. Свѣжая деревенская дѣвушка, говорившая, что ей восемнадцать лѣтъ, въ то время какъ ей уже было двадцать пять, казалась ему настоящимъ ангеломъ. Дикъ былъ глупъ, какъ вообще бываютъ глупы въ девятнадцать лѣтъ. Онъ сталъ требовать, чтобы она вышла за него замужъ. Полли согласилась, и ихъ обвѣнчали.

— Двоемужница! съ восторгомъ говорилъ Дикъ.—И почтенный *капитанъ* еще живъ!

Когда молодой Дикъ скрылся, огорченной женѣ оставалось или явиться къ м-ру, Мортибою и сказать ему, что она жена его сына, или вернуться къ капитану Баукеру. Но мать отсовѣтовала ей и то, и другое, и Полли отправилась въ Попларъ, гдѣ узнала, что ея капитанъ уѣхалъ на пять лѣтъ въ Китай и велѣлъ передать, что не хочетъ больше знаться съ нею. Тутъ, въ первый разъ въ жизни, она влюбилась въ корабельнаго плотника Флинта, который въ третій разъ повелъ ее къ алтарю. Флинтъ и былъ отцомъ маленькаго Биля. Онъ умеръ до рожденія сына. Полли, оставивъ ребенка въ Лондонѣ, вернулась въ Маркетъ-Базингъ.

— Все это дѣло очень просто, продолжалъ адвокатъ, изложивши предварительно всѣ факты.—Баукеръ еще живъ, и живетъ пенсіей, которую получаетъ отъ своихъ хозяевъ. Мы можемъ увидаться съ нимъ, когда намъ будетъ нужно. Женщина, выйдя за васъ замужъ, совершила преступленіе. Вы можете начать противъ нея процессъ. Баукеръ можетъ просить развода. А мальчикъ столько же вашъ, сколько и мой.

— Благодарю васъ, сказалъ Дикъ.—Я подожду съ недѣлю и подумаю объ этомъ. Можно ли мнѣ будетъ жениться, не начавъ этого дѣла?

— Конечно, можно; но только лучше подождите. Отдайтесь, сэръ, лучше намъ въ руки.

Дикъ ушелъ отъ адвоката несовсѣмъ довольнымъ. Хотя Полли была очень дурная женщина, но все таки ему не хотѣлось сажать ее въ тюрьму и доводить до такого несчастія. Онъ всегда чувствовалъ жалость къ преступникамъ, не оттого, что совѣсть его была нечиста, но просто изъ протеста противъ закона, которому онъ не сочувствовалъ. Онъ желалъ устроить это дѣло какъ нибудь иначе.

Онъ вспомнилъ о Гресъ. Свободенъ, наконецъ-то свободенъ! Ошибки молодости миновали и забыты! Передъ нимъ является любовь и счастливая жизнь, гдѣ нибудь въ глуши, рука объ руку съ Гресъ.

Онъ отправился домой, къ маленькому Билю. Въ продолженіе нѣсколькихъ дней ему пришлось объяснять мальчику, что люди вовсе не враги ему. Хорошимъ привычкамъ въ общежитіи Биль выучился сейчасъ же.

Черезъ день или черезъ два, маленькое животное, какъ собака, привязалось и полюбило своего хозяина. Биль бѣгалъ за Дикомъ, свертывался у его ногъ, когда онъ садился, карабкался къ нему на колѣни или садился важно на стулъ и смотрѣлъ на него, или

слушалъ, что онъ говорилъ, и повторялъ про себя. А въ эту недѣлю, когда собирались улики противъ Полли, Дикъ прочелъ ему цѣлый томъ нравоученій.

Онъ ежедневно спрашивалъ мальчика:

— Какія первыя обязанности мальчика, Биль?

— Никогда не воруй, никогда не лги, никогда не ругайся, больше молчи, работай, уѣзжай изъ Англіи и выбивайся въ люди.

Онъ пересчиталъ всѣ эти заповѣди по пальцамъ, и пересчиталъ довольно бойко.

— Хорошо, мальчикъ. Прежде всего, надо внушить къ себѣ довѣріе. Покажи, что ты можешь работать, и тебѣ будутъ довѣрять. Что бы ты ни дѣлалъ, дѣлай отъ души, энергично. Тогда ты все преодолѣешь. Сильный человѣкъ можетъ преодолѣть и несчастіе, и болѣзнь. А вотъ еще запомни себѣ: всегда будь готовъ на драку. Человѣкъ, который можетъ ударить, всегда будетъ въ выигрышѣ. Если какой нибудь мальчикъ задѣнетъ тебя, сейчасъ его въ зубы. Если тебя будутъ бояться, то и трогать не станутъ; помни это, Биль. Никогда не вѣрь тѣмъ, кто прямо въ глаза хвалитъ тебя. Еслибы я хотѣлъ выманить что нибудь отъ тебя, я сказалъ бы: Биль, какой ты милый и благовоспитанный мальчикъ! Но такъ какъ я желаю тебѣ добра, то говорю: Биль, ты слабый, тщедушный мальчишка, которому не убить и комара! Ты никуда не будешь годиться, пока не окрѣпнешь и не выучишься говорить и читать. Помни это. Скоро ты поступишь въ школу, мальчикъ. Тамъ ты выучишься говорить по французски, по нѣмецки; выучишься играть на фортепіано, ѣздить верхомъ и драться на кулачкахъ; выучишься всему, чему только въ состояніи будешь выучиться. Держи ухо востро, Биль. Въ Англіи много мошенниковъ. Тебѣ придется пробивать себѣ дорогу, а въ Англіи безъ лжи не пробьешься. Когда ты выростешь, мы отправимся съ тобою на западъ и тамъ будемъ пахать землю. Не спѣши влюбляться. Подожди заглядываться на дѣвушекъ, пока тебѣ не минетъ двадцати пяти лѣтъ. И тогда женись какъ можно скорѣе. Когда мы пріѣдемъ въ Маркетъ-Базингъ, то я тебѣ покажу, въ какихъ дѣвушекъ можно влюбляться. Запомни это. Не будь доволенъ до тѣхъ поръ, пока не достигнешь того, чего желаешь. Богатые люди учатъ бѣдныхъ быть покорными и довольными, они учатъ потому, что боятся потерять свое имущество. Если ты встрѣтишь человѣка покорнаго, бей его до тѣхъ поръ, пока въ немъ не заговоритъ гордость, а если встрѣтишь человѣка довольнаго, то сажай его въ домъ сума-

шедшихъ. Я помню, мы поймали разъ конокрада. Его хотѣли повѣсить. „Не вѣшайте его, сказалъ я. — Обмажемъ его дегтемъ и обсыплемъ пухомъ". Такъ мы и сдѣлали, и дразнили его до тѣхъ поръ, пока онъ не разозлился. Всѣ люди равны, Биль. Не бойся человѣка, потому что у него хорошій экипажъ и не такой сюртукъ, какъ у тебя. Только тотъ лучше тебя, кто сильнѣе и умнѣе. Никогда не вѣрь на слово. Если будешь вѣрить, то ничего не будешь знать. Какъ можно скорѣе пріобрѣти хорошія манеры. Онѣ помогаютъ человѣку болѣе всего другаго. Всегда будь со всѣми вѣжливъ, но настойчиво выражай свои желанія. Это избавитъ тебя отъ необходимости вступать въ драку. Съ хорошими манерами и твердымъ характеромъ, ты не пропадешь.

Нравоученія эти Дикъ читалъ мальчику не сразу, не въ одинъ день и не въ одну недѣлю, а приправлялъ ихъ разными забавными разсказами изъ своей жизни.

XI.

Дикъ поѣхалъ обратно въ Маркетъ-Базингъ въ самомъ счастливомъ настроеніи духа, не предвѣщавшемъ ничего хорошаго для Полли. Онъ поѣхалъ, радуясь своей свободѣ. Маленькій Биль, конечно, поѣхалъ съ нимъ. Дикъ заказалъ ему очень хорошенькій костюмъ своего изобрѣтенія, изъ коричневаго бархата съ золотымъ позументомъ, и Биль былъ прелестенъ въ этомъ костюмѣ. Мальчикъ удивительно скоро усвоилъ себѣ порядочныя манеры, такъ что старуха Книбонъ не узнала бы его. На виллѣ никто не встрѣтилъ ихъ. Дикъ взялъ мальчика за руку и ввелъ его въ домъ. Роскошная обстановка поразила Биля.

— Вы живете здѣсь, дядя Дикъ?

— Да, это мой домъ, Биль, и здѣсь мы станемъ съ тобой поживать. Пойдемъ на верхъ. Вотъ это будетъ твоя комната. Въ ней нѣтъ еще постели, но я добуду тебѣ и постель. Это теперь твоя собственная комната. Мы выучимъ тебя читать и писать, и у тебя будутъ книги, если ты захочешь ихъ имѣть, какъ я надѣюсь А теперь поѣдемъ покататься.

Грумъ подалъ кабріолетъ Дика, и они поѣхали.

Прежде всего они поѣхали въ банкъ. Биль поплелся, какъ собачка, за своимъ покровителемъ.

— Кто это такой? спросилъ Краймсъ.

— Это маленькій Биль—Уильямъ Флинтъ, воспитанникъ Дика Мортибоя. Не подозрѣвайте чего нибудь дурнаго, Краймсъ.

— Браво, я ничего и не думалъ.

Дикъ сдѣлалъ свое дѣло, и затѣмъ они отправились въ Генелопъ. Прохожіе съ удивленіемъ смотрѣли на кабріолетъ. Что это за новости? Молодой Мортибой ѣхалъ съ ребенкомъ! Полли, стоя въ дверяхъ материнскаго коттеджа, увидала его. Замѣтивъ мальчика, она очень удивилась. Все это время страхъ не покидалъ ея. Она не боялась, что вернется „тотъ, другой", но боялась, что будетъ убита, если какимъ нибудь образомъ задѣнетъ своего мужа. Полли рѣшила въ этотъ же вечеръ отправиться на виллу. Она ни разу и не вспомнила о Билѣ.

— Ахъ, какой славный мальчикъ! вскричала Гресъ. — Люси, иди-ка посмотрѣть. Кто этотъ ребенокъ, Дикъ?

— Теперь онъ мой воспитанникъ, а недѣлю тому назадъ онъ былъ ничей и бѣгалъ по улицамъ. Я вымылъ его, обчистилъ, и теперь, какъ видите, онъ хоть куда. Протяни руку, Биль, какъ я училъ тебя. Гресъ, пройдите со мною въ садъ поговорить, минутъ на пять. Люси, присмотрите, пожалуйста, за мальчикомъ. Дайте ему урокъ хорошаго обращенія.

Гресъ видѣла, что онъ хочетъ сказать ей что-то важное, и, ни слова не говоря, пошла въ садъ. Въ концѣ сада была бесѣдка изъ зелени.

— Войдемте въ бесѣдку, Гресъ, сказалъ Дикъ.

Онъ былъ необыкновенно серьезенъ и озабоченъ, и шелъ, потупивъ глаза. Они остановились за кустами, скрывавшими ихъ отъ дома.

— Помните, Гресъ, сцену у креста?

— Я никому о ней не говорила.

— Я былъ въ этомъ увѣренъ. Вы узнали двѣ мои тайны, и именно такія, которыя я хотѣлъ скрыть отъ васъ: во-первыхъ, что я люблю васъ, а во-вторыхъ, что я уже женатъ. Съ тѣхъ поръ, Гресъ, я сдѣлалъ одно открытіе.

— Что такое, Дикъ?

— Что я могу освободиться, что я уже свободенъ. Я могу получить разводъ. Бракъ этотъ былъ недѣйствителенъ. Я въ этомъ теперь увѣренъ. Препятствій нѣтъ, или скоро не будетъ. Все, что̀ деньги могутъ сдѣлать, будетъ сдѣлано, чтобы развязать меня съ этою женщиною. Я поручилъ своему адвокату узнать всѣ мельчайшія подробности ея жизни. Меня, можетъ быть, осмѣютъ въ газетахъ. Но не все ли равно? Я *буду* свободенъ.

— Я охотно поздравила бы васъ, Дикъ, еслибы это не было такъ ужасно. Увѣрены ли вы во всемъ? Ахъ, Дикъ, смотрите, не поступайте жестоко съ невинной женщиной.

— Увѣренъ ли я? Гресъ! Да я могъ бы отдать ее подъ судъ

съ тѣми доказательствами, которыя имѣются у меня въ рукахъ. Но я не хочу, я еще подожду. Вы не знаете и не подозрѣваете, какая это дурная женщина! Она дурная жена дурнаго мужа. Мы женились тогда какъ слѣдуетъ, а теперь болѣе не женаты.— Онъ говорилъ все это очень серьезно, но потомъ остановился и звонко засмѣялся самымъ заразительнымъ смѣхомъ. — Я забылъ разсказать вамъ, Гресъ. Вотъ умора-то! Послѣ того какъ вы ушли, я встрѣтилъ ее на берегу. Она еще выпила и сказала мнѣ что-то такое, отъ чего я взбѣсился. Я схватилъ ее и бросилъ въ рѣку.

— Дикъ!... вѣдь вы могли утопить ее.

— Да... Мнѣ это и въ умъ не приходило, пока я не увидалъ, что она пошла ко дну, и наверху показались пузыри!.. Но потомъ я успокоился. Она выплыла, какъ пробка. Вы бы посмотрѣли, на что она была похожа, когда вышла изъ воды!

Дикъ разсказывалъ объ этой исторіи, точно это была вещь самая обыкновенная. Гресъ съ удивленіемъ смотрѣла на него, и потомъ сама стала хохотать.

— Вотъ что, моя дорогая Гресъ, продолжалъ Дикъ.—У креста я оскорбилъ васъ и велъ себя какъ... ну, какъ настоящій мексиканецъ, съ своею любовью, яростью и т. д. Мнѣ ужасно досадно и совѣстно. Скажите мнѣ еще разъ, что вы мнѣ прощаете.

— Конечно, я прощаю вамъ, Дикъ.

— Да; Полли тогда сводила меня съ ума. Но теперь ея для меня не существуетъ, и съ ума я болѣе не схожу. А истина все таки остается, Гресъ,—что я люблю васъ болѣе всѣхъ людей въ мірѣ, точно также, какъ говорилъ вамъ двѣ недѣли тому назадъ.

— Но вамъ не слѣдуетъ любить меня, Дикъ. Я принадлежу уже другому.

— Не слѣдуетъ любить васъ? Это все равно, Гресъ, еслибы вы мнѣ сказали, что мнѣ не слѣдуетъ ѣсть и пить. Не любить, видя васъ, говоря съ вами, держа эту маленькую ручку въ своей рукѣ—онъ взялъ ее за руку, а Гресъ прямо смотрѣла на него:—неужели, Гресъ, вы думаете, что я каменный?

— Я увѣрена, Дикъ, что вы не каменный. А вы неужели считаете меня женщиной, способной сегодня дать слово, а завтра взять его обратно? Развѣ это хорошо, Дикъ?

— Это было бы хорошо, еслибы вы любили меня. Я не сталъ бы претендовать на васъ, еслибы вы нарушили слово, данное мнѣ. Любовь все извиняетъ.

— Но вѣдь я не люблю васъ, Дикъ... я никогда не полюбла васъ. Слушайте, я разскажу всѣ свои тайны. Я говорю съ вами

такъ, потому что вы любите меня. Я довѣряю вамъ и говорю то, чего не сказала бы своей родной сестрѣ. Она не поняла бы меня. —Гресъ взяла его за руку и сѣла на скамейку.—Дикъ, помните, вы говорили мнѣ... что дрожите отъ моего прикосновенія? Со мною дѣлается то же самое. Когда я слышу шаги Френка—теперь я уже болѣе не слышу, но все таки мечтаю о нихъ—я вся дрожу. Когда онъ подходитъ ко мнѣ, кровь бросается мнѣ въ голову. Отъ его прикосновенія, кровь разгорается у меня въ жилахъ. Ири видѣ его почерка, руки у меня дрожатъ. Если я просыпаюсь ночью, думая о Френкѣ, я не засыпаю болѣе и молюсь о немъ Богу. Когда я прохожу мимо ихъ стараго дома, я не могу удержаться отъ слезъ. Когда мнѣ нечего дѣлать, я ухожу вонъ туда, на поляну, что̀ видна отсюда—гдѣ онъ впервые сказалъ, что любитъ меня,—и сажусь тамъ, перебирая мысленно все, что̀ мы пережили. Дикъ, для меня на свѣтѣ существуетъ только одинъ человѣкъ,—это Френкъ. Дорогой Дикъ, я васъ тоже люблю, но не такъ. Вотъ видите, я васъ держу за руку и не дрожу. Я встрѣчаю васъ безъ малѣйшаго волненія. Я открываю вамъ всю свою душу. Больше этого мнѣ нечего было бы сказать даже Френку. Перестаньте любить меня!

Дикъ покачалъ головою. Онъ сидѣлъ подлѣ нея и держалъ ее за руку. Они оба встали, онъ поцѣловалъ ей руку.

— Дикъ... милый Дикъ! не будьте ко мнѣ безжалостны. Мама меня преслѣдуетъ; она хочетъ, чтобы я вышла за васъ, и говоритъ, что я не поддерживаю васъ.

Дикъ грустно улыбнулся.

— Мнѣ и не надо поддержки.

— Все такъ мрачно и скверно. Не будьте безжалостны, Дикъ. Будьте моимъ старымъ, милымъ Дикомъ, какимъ были много лѣтъ тому назадъ, когда я была маленькой дѣвочкой, а вы были большимъ мальчикомъ. Я не могу любить васъ. Повторяю вамъ это еще разъ, для того, чтобы вы хорошенько этому повѣрили. Еслибы я вышла за васъ замужъ,—ну, что̀ это была бы за жизнь? Развѣ вамъ пріятно было бы видѣть, что жена ваша плачетъ о своей потерянной любви и, не любя, отдается вамъ? Это было бы подло и свело бы васъ съ ума. Не просите меня полюбить васъ, кузенъ, потому что я люблю уже Френка.

Она не могла болѣе говорить, такъ какъ голосъ у нея прервался отъ волненія. Голова Дика наклонилась къ ея рукѣ, и онъ тоже ничего не говорилъ. Вдругъ на ея руку скатилась слезинка... одна крупная слезинка... Гресъ заставила его заплакать. Со смерти

матери, онъ не проливалъ слезъ. Они простояли такъ нѣсколько минутъ.

Минутъ за пять передъ этимъ, мистриссъ Гискотъ, вернувшись домой, увидала Люси съ мальчикомъ.

— Это новый питомецъ Дика, объяснила дѣвушка.—Они съ Гресъ въ саду.

— Питомецъ!... какіе пустяки! вскричала м-съ Гискотъ.—Съ какой стати Дику брать себѣ дѣтей?

Она вышла на дворъ и заглянула въ садъ. Гресъ тамъ не было. Она пошла около забора и услыхала голоса въ бесѣдкѣ, около которой остановилась, и стала прислушиваться. Первыя услышанныя ею слова были:

— Не просите меня полюбить васъ, кузенъ, потому что я люблю уже Френка.

М-съ Гискотъ страшно поблѣднѣла и пошла домой. Она не могла говорить отъ волненія.

Дикъ, улыбаясь, поднялъ голову. По лицу его Гресъ угадала, что одержала побѣду.

— Я уступаю васъ, дорогая Гресъ. Но все таки я васъ люблю, хотя никогда болѣе не стану говорить объ этомъ. Я вамъ обѣщаю.

— Обѣщайте мнѣ болѣе этого, кузенъ Дикъ.

— Что же? Я обѣщаю вамъ все, что̀ бы вы ни потребовали, дитя мое.

— Помогите Френку.

— Хорошо, сестра моя, покорно отвѣчалъ Дикъ.

— Такъ я ваша сестра? Слѣдовательно Френкъ вашъ братъ, Дикъ? Помогите вашему брату.

— Душа моя, позвольте поцѣловать васъ. Только разъ поцѣловать.

Онъ взялъ ея голову въ обѣ руки и торжественно, спокойно поцѣловалъ ее въ лобъ и щеки. Она освободилась въ смущеніи и со слезами на глазахъ. За что такой хорошій человѣкъ могъ полюбить ее?

— Въ этомъ поцѣлуѣ заключалась торжественная клятва, Гресъ. И вы и Френкъ можете довѣриться мнѣ безусловно. Вы оба мои. Скажите мнѣ только, что̀ мнѣ, прежде всего, надо сдѣлать?

— Я достану отъ Кэтъ его адресъ, Дикъ, и потомъ... ну, да потомъ мы уже будемъ знать, что̀ намъ дѣлать.

— Я знаю и теперь, что дѣлать, сказалъ Дикъ, и лицо его просіяло, точно поле, надъ которымъ только что пронеслась гро-

зовая туча.—Я знаю, что вы все одобрите. Мы сдѣлаемъ компаньонами въ банкѣ и Краймса, и Френка—и возобновимъ старую фирму. Банкъ будетъ называться: „Меллишипа, Мортибоя и К°“, какъ было прежде. Что скажете, Гресъ? Въ какую ярость пришелъ бы старикъ, еслибы узналъ объ этомъ! Ха! ха!

Онъ засмѣялся своимъ обычнымъ, искреннимъ смѣхомъ, точно и не переносилъ жестокаго удара, и ушелъ отъ нея. М-съ Гискотъ сидѣла у себя въ комнатѣ. Люси была съ мальчикомъ, который, выпуча глаза, глядѣлъ на нее, какъ на какую-то диковинку. Взявъ его, Дикъ поѣхалъ въ Маркетъ-Базингъ.

М-съ Гискотъ была сначала въ такой ярости, что не могла говорить. Да и къ чему ей было говорить съ Гресъ? Она не знала даже, разсказать-ли объ этомъ мужу. Она рѣшилась молчать и ждать. Вѣдь не всегда же Гресъ будетъ упрямиться, и не вѣкъ же Френкъ будетъ ничѣмъ? Для сердца матери это былъ тяжелый ударъ, тяжело ей было слышать, что дочь ея отказалась отъ полмилліона.

Въ этотъ же самый день, вечеромъ, Полли, посовѣтовавшись съ матерью, отправилась на виллу, въ надеждѣ повидаться съ мужемъ. Она рѣшилась принять наступательное положеніе, въ увѣренности, что эта мѣра будетъ дѣйствительною съ Дикомъ. Прежде всего, она хорошенько одѣлась; затѣмъ положила себѣ въ карманъ старинный пистолетъ, какимъ-то образомъ попавшій къ нимъ въ домъ, а подъ шаль спрятала ножъ. Послѣ этого она храбро вышла изъ дому и постучалась въ двери Дика.

Хозяинъ дома отворилъ ей.

— Я такъ и думалъ, что вы придете сегодня. Входите, Полли, мы потолкуемъ.

Онъ говорилъ такъ вѣжливо, что Полли почуяла бѣду. Она пошла за нимъ, не говоря ни слова. Они прошли въ курительную комнату, гдѣ сидѣлъ расфранченный маленькій Биль.

— Что это за мальчикъ? спросила Полли.

— А вотъ мы поговоримъ о немъ потомъ, сказалъ Дикъ.— Теперь, Полли, игра уже кончилась, ты брось лучше свои карты!

— Что ты хочешь сказать, Дикъ? Если ты думаешь, что я спокойно дамъ убить себя, такъ ты ошибаешься. Вотъ, посмотри!

Она показала ему пистолетъ и ножъ и, ставши такъ, что между ними приходился столъ, какъ театральная героиня, вертѣла оружіемъ передъ его лицомъ.

— Славныя игрушки!... отличныя игрушки, сказалъ Дикъ.— Нѣтъ, Полли, убивать тебя я не намѣренъ. Какъ старый прія-

тель, я посовѣтовалъ бы тебѣ пойти на сдѣлку. Теперь тебѣ, прежде всего, надо избавиться отъ преслѣдованія.

Она со страхомъ смотрѣла на него, не понимая, что онъ говоритъ.

— Припомни-ка, что было съ тобою двѣнадцать лѣтъ и нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ. Припомнила?

— Припомнила.

— Что же ты видишь?

— Я вижу, какъ мы идемъ съ тобою въ церковь святаго Панкратія.

— Хорошо. Теперь припомни, что было за два года и нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ. Гдѣ ты была однажды въ понедѣльникъ?

Она приняла сердитый и недовольный видъ, но страшно поблѣднѣла.

— Не знаю. Гдѣ же припомнить!

— Припомнить, если хочешь, не трудно. Ну, я предложу еще одинъ вопросъ, и будетъ съ меня. Припомни-ка, что было въ церкви, въ Леймгаузѣ, за два года до событія въ церкви св. Панкратія?

Она взглянула, точно послѣ удара палкой, и не могла произнести ни слова. Потомъ прошептала:

— Докажи... докажи... Не докажешь.

— Полли, игра твоя кончилась. Все извѣстно. Теперь мнѣ только хотѣлось бы развестись съ тобою, безъ необходимости посадить тебя въ тюрьму. Ты совершила преступленіе, выйдя замужъ при живомъ мужѣ. Баукеръ былъ живъ, когда ты выходила за меня, и ты это знала. Я могу доказать это. Онъ живъ и теперь!

Полли уронила пистолетъ и ножъ, и съ крикомъ и рыданіями упала на колѣни.

— Ахъ, Дикъ! Дикъ! я вѣдь вышла за тебя, потому что любила тебя! Право, любила! А за того я вышла, думая, что тебя нѣтъ на свѣтѣ. Вѣрь мнѣ, Дикъ, вѣрь и прости.

Она была дѣйствительно огорчена, потому что Дикъ въ ея глазахъ былъ представителемъ денегъ и комфорта, да и кромѣ того, она по-своему дѣйствительно любила его.

— Простить тебя? сказалъ Дикъ.—Я хорошенько не понимаю, что ты хочешь этимъ сказать. Я прощу тебѣ все, лишь только мы разведемся, но ни единой минутой раньше, хотя бы ты всю ночь стояла передо мной на колѣняхъ. Вставай, Полли, не ломай комедіи, да еще къ тому же передъ собственнымъ сыномъ.

— Мой сынъ!—Она, какъ укушенная, вскочила на ноги.—Ну, теперь я знаю, кто это все разболталъ.

— Да, это сынъ твой и Флинта, а вовсе не мой, какъ ты сама знаешь. Посмотри на него и скажи, что ты о немъ думаешь.

Она схватила мальчика, дрожавшаго отъ страха, и, притащивъ къ лампѣ, стала разсматривать.

— Дядя Дикъ, кричалъ мальчикъ: — не отдавайте меня.

— Онъ мой мальчикъ... мой сынъ. Я возьму его съ собою.

— Не возьмешь, Полли. Это одно изъ моихъ условій. Помни, что арестанткамъ не позволяется брать съ собою въ тюрьму дѣтей. Теперь слушай меня. Пока я не рѣшилъ, что мнѣ съ тобою дѣлать, ты уѣдешь изъ Маркетъ-Базинга,—мнѣ все равно куда. Мой стряпчій будетъ выдавать тебѣ по фунту въ недѣлю на содержаніе: помни, что все это будетъ только пока здѣсь ты никому ни слова не скажешь; если только ты проболтаешься, то на другой же день попадешь въ тюрьму. Мальчикъ останется со мною. Завтра утромъ ты напишешь полную исповѣдь, въ которой объяснишь, что, выходя за меня замужъ, ты знала, что Баукеръ живъ.

— Не напишу! вскричала Полли. — И мальчика возьму съ собою.

— Ты сдѣлаешь то, что я говорю тебѣ, спокойно продолжалъ Дикъ.—Если ты не исполнишь котораго нибудь изъ моихъ условій, ты знаешь, какія будутъ послѣдствія. Я знаю всю исторію твоей жизни,—какъ ты жила восемь лѣтъ въ Лондонѣ. Что ты объ этомъ скажешь? Все будетъ разсказано на судѣ при всѣхъ. Ты попадешь въ тюрьму лѣтъ на десять.

— Я убью старуху Книбонъ, прошипѣла она.

— Это какъ тебѣ будетъ угодно. Дѣлай со старухою все, что тебѣ захочется, но если ты убьешь ее, то будешь повѣшена.

Полли задрожала и выпустила изъ рукъ мальчика, который въ одинъ мигъ шмыгнулъ за спину Дика.

— Вотъ тебѣ деньги на дорогу въ Лондонъ. Вотъ адресъ стряпчаго, отъ котораго ты будешь получать свое содержаніе. Я сегодня же напишу ему. Если завтра до полудня ты не явишься сюда, чтобы написать свое признаніе, я дамъ знать адвокату, чтобы онъ распорядился о заключеніи тебя подъ стражу. Теперь можешь отправляться.

Она взяла адресъ и деньги, и вышла, ни слова не говоря.

XII.

Полли пошла домой. Когда мать ея услыхала, что Дикъ

бросилъ жену въ воду, то очень обрадовалась, говоря, что это лишній предлогъ къ запугиванью мужа.

— Не бойся его, Полли. Пугай его тѣмъ, что разскажешь по всему городу. Онъ завалитъ тебя деньгами, только бы ты молчала.

На этотъ разъ, дочь ея вернулась блѣдная, растерянная, и едва держалась на ногахъ.

— Все кончено, прошептала она.

— Что кончено, Полли? Неужели ты имѣла глупость показать, что боишься его?

— Теперь безполезно не бояться. Говорю вамъ: все кончено. Онъ все узналъ о тѣхъ двухъ мужьяхъ.

— Какъ, объ обоихъ?

— Старуха Книбонъ разсказала ему. Кто же другой могъ сказать? Развѣ онъ самъ угадалъ? Онъ настоящій дьяволъ!

— Кто это старуха Книбонъ?

— Женщина, у которой жилъ мальчикъ. Дикъ взялъ мальчика и говоритъ, что будетъ содержать его. Мнѣ же некуда дѣть этого щенка.

— Женщина, у которой жилъ мальчикъ? повторила мать.— Это та женщина, которой ты повѣряла такія вещи, которыя скрывала отъ родной матери? По дѣломъ тебѣ, Полли... по дѣломъ, за то, что не все говорила мнѣ. Зачѣмъ довѣрялась какой-то Книбонъ?

— Она и безъ того все знала. Теперь разговаривать нечего. Я уѣду въ Лондонъ, а вы поступите въ богадѣльню.

Старуха съ воплемъ опрокинулась на подушку, причемъ послышался звонъ денегъ.

— Мои деньги! просіявъ, крикнула Полли. Дайте-ка, я посмотрю, много ли ихъ у меня.

Мать ея вытащила мѣшокъ изъ-подъ головы и крѣпко уцѣпилась за него; но старыя руки ея, конечно, не могли устоять противъ сильной дочери, которая, послѣ непродолжительной, неровной борьбы, вырвала деньги. Въ старомъ чулкѣ были завязаны всѣ, или почти всѣ деньги, полученныя ею отъ Дика. Полли сосчитала свой капиталъ. У нея было пятьдесятъ пять фунтовъ золотомъ. Пятьдесятъ фунтовъ она положила обратно въ чулокъ, который и спрятала къ себѣ въ карманъ. Послѣ этого она достала кошелекъ съ мелочью и положила въ него четыре золотыхъ. Оставшійся единственный золотой она подала матери, а мать, рыдая и проклиная дочь, спрятала его къ себѣ подъ подушку.

— Лучше бы тебѣ не родиться, говорила она:—лучше бы мнѣ утопить тебя младенцемъ, какъ я и хотѣла сдѣлать. Допустить

мать свою до нищеты! Чтобъ тебѣ околѣть! чтобъ тебѣ болтаться на висѣлицѣ! Чтобъ тебѣ ослѣпнуть и оглохнуть!

Она замолчала отъ полнѣйшаго истощенія. Полли же не обращала на старуху ни малѣйшаго вниманія. Она стояла передъ зеркаломъ и распускала себѣ волосы. Когда она стала получать отъ Дика деньги, она прежде всего купила себѣ зеркало. Въ немъ она видѣла ежедневно толстое, красное лицо съ пьяными глазами. Причесавшись, она легла спать, подъ ругань и проклятія своей матери.

— Я отправляюсь въ Лондонъ, сказала Полли, вставъ рано поутру: — иначе меня посадятъ въ тюрьму. Я дала вамъ одинъ соверенъ, и дамъ еще пять, а затѣмъ пришлю сюда кого нибудь присмотрѣть за вами.

Старуха съ жадностью схватила деньги, а Полли ушла, не оплакиваемая своею родительницею. Все, что у нея было лучшаго, она надѣла на себя, а остальныя вещи унесла въ мѣшкѣ. Въ восемь часовъ она пришла на виллу, гдѣ Дикъ уже ждалъ ее.

— Ну, если вы хотите, чтобы я вамъ написала что-то, такъ я готова, весело сказала она.—Сама я писать не могу, напишите лучше вы, а я подпишусь. Мать всегда говорила мнѣ, что когда нибудь вы все узнаете.

Дикъ досталъ свѣдѣнія, добытыя его адвокатомъ, и сѣлъ писать подъ ея диктовку. Прохаживаясь взадъ и впередъ по комнатѣ, она начала свою повѣсть.

Отличнымъ слогомъ разсказала она всю свою жизнь, отъ брака съ мистеромъ Баукеромъ до брака съ мистеромъ Флинтомъ. Она сообщала все голые факты и остановилась, разсказавъ о смерти своего дорогаго мистера Флинта.

— Я опасаюсь, м-съ Баукеръ, сказалъ Дикъ: — что мы еще не пришли къ концу. Осталось вѣдь еще восемь лѣтъ.

— Два года я жила въ услуженіи въ Маркетъ-Базингѣ.

— Остается еще шесть.

— Я не намѣрена разсказывать, что дѣлала въ эти шесть лѣтъ.

— Но, можетъ быть, вы позволите мнѣ написать, что вы дѣлали въ эти шесть лѣтъ, и подпишетесь?

Дикъ очень быстро описалъ, по собраннымъ о Полли справкамъ, и далъ ей прочесть.

— Прежде чѣмъ подписать это, я желаю поставить условіе.

— Условій никакихъ не принимаю.

— Въ такомъ случаѣ, я желаю сдѣлать одинъ вопросъ. Что вы хотите дѣлать съ моимъ признаніемъ?

— Пока я хочу только запереть его къ себѣ въ шкафъ.

— И никому не покажете? Ну, тогда это все равно. Давайте перо. Ты, мой красавецъ Дикъ, не способенъ отправить старую пріятельницу въ тюрьму за то, что она любила тебя. Вотъ, Дикъ, теперь ты свободенъ. Дай же руку твоей старой Полли.

Дикъ протянулъ руку. Полли охватила его шею и поцѣловала со слезами на глазахъ.

Пріѣхавъ въ Лондонъ, она прежде всего отправилась въ Парагонъ-Плесъ. Тузи первый увидалъ вошедшую даму въ черномъ шолковомъ платьѣ. Дама прямо прошла въ дѣтскую старухи Книбонъ, а Тузи припалъ къ замочной скважинѣ и сталъ прислушиваться.

— Господи Боже мой! въ удивленіи вскричала старуха, всплеснувъ руками.—Да это никакъ Полли Треслеръ! Полли! дорогая моя, какъ же вы поживаете?

— Что тутъ бобы-то разводить. Гдѣ мой мальчикъ?

— Маленькій Биль? съ неописаннымъ удивленіемъ спросила старуха.—Да развѣ вы не присылали за нимъ двѣ недѣли тому назадъ? И не заплатили за него?

— Никогда за нимъ не посылала.

— Никогда не посылали? Что вы шутите, Полли! за нимъ приходилъ высокій джентльменъ и все заплатилъ.

— Высокій джентльменъ съ черной бородой?

— Да. Красивый, статный мужчина. Какая вы счастливица. Это, должно быть, вашъ четвертый?

Полли сѣла на единственный стулъ въ комнатѣ.

— Что разсказали вы ему про меня?

— Неужели вы думаете, что я стала бы ему что нибудь разсказывать? Да ни за что на свѣтѣ.

— А онъ спрашивалъ?

— Спрашивалъ. Спрашивалъ о мальчикѣ. Потомъ сказалъ: „вы хорошая женщина, м-съ Книбонъ, и Господь вознаградитъ васъ за все“.

— Я присягу приму, что онъ этого не говорилъ! вскричала Полли, увѣренная, что Дикъ не могъ этого говорить. — Такъ вы ничего ему не говорили?

— Ни слова, ни единаго словечка, Полли... Богъ свидѣтель.

Полли встала и встряхнула свою юбку.

— Откуда же онъ все узналъ? прошептала она.—Это настоящій дьяволъ.

— Кто все узналъ, Полли... Неужели Баукеръ?

— Нѣтъ. Вы не знаете его. Прощайте.

Когда Полли вышла, Тузи уже не было у дверей, а онъ стоялъ у воротъ.

— Какъ поживаете, Полли Треслеръ? тоненькимъ голоскомъ пропищалъ Тузи.

Полли оглянулась.

— Какъ поживаете? Развѣ вы меня не помните? Я Тузи. Я помню, какъ вы привезли маленькаго Биля.

— Какъ смѣешь ты говорить съ леди? вскричала Полли.

— Я вижу, что вы леди, настоящая леди въ шолковомъ платьѣ. Я сейчасъ замѣтилъ, что вы леди. Какъ жаль, что вы не поговорили прежде со мною, а прямо прошли къ старухѣ. Она васъ обманываетъ.

Полли остановилась.

— Смотри, дрянь ты эдакая, ты не обмани меня, а то я тебѣ всѣ кости переломаю.

— Нѣтъ, ужь вы не ругайтесь. Я разскажу вамъ все, что̀ знаю. Двѣ недѣли тому назадъ, сюда пришелъ баринъ и спросилъ, гдѣ старуха?

— Тамъ, сказалъ я.

— А гдѣ Биль, сынъ Полли Треслеръ? спросилъ онъ.

— Вотъ, сказалъ я.

Лицо Полли побагровѣло, а Тузи живо продолжалъ:

— Онъ вошелъ, и мы съ маленькимъ Билемъ пошли вслѣдъ за нимъ. Старухѣ онъ предложилъ пять фунтовъ за свѣдѣнія. Деньги она положила въ карманъ и сказала: что Флинтъ—отецъ мальчика, что втораго мужа она не знаетъ, потому что никогда не видала, что первый мужъ, м-ръ Баукеръ, и теперь еще живъ, и адресъ его извѣстенъ, что вы отъ нея убѣжали, потому что...

— А! а!... зарычала Полли и бросилась назадъ въ домъ. Тузи, увидавъ это, побѣжалъ къ проходившему неподалеку полицейскому.

— Идите туда скорѣе, крикнулъ онъ, ухвативъ его за рукавъ: —тамъ совершится убійство, если вы не пойдете.

Полицейскій явился какъ разъ во̀ время. Полли, съ широко раскрытыми глазами и разгорѣвшимися щеками, придавила старуху къ полу, ухвативъ ее за горло. Черезъ нѣсколько минутъ, старуха испустила бы духъ. Полицейскій оттащилъ Полли и прижалъ ее къ стѣнѣ. Полли отчаянно боролась съ высокимъ и сильнымъ полицейскимъ, но уже молчала.

Старуха въ это время пришла въ себя. Тузи принесъ холод-

ной воды и спрыснулъ ее. Она приподнялась и осмотрѣлась кругомъ.

— Завтра приходите въ участокъ, сказалъ ей полицейскій. А съ вами мы пойдемъ теперь.

Полли провела весьма непріятную ночь въ полицейскомъ участкѣ и на слѣдующій день была приговорена къ мѣсячному аресту или же къ уплатѣ пяти фунтовъ, которые она тутъ же и уплатила.

XIII.

Мы застаемъ Френка въ гостинной м-съ Скимпъ. Съ нимъ сидитъ капитанъ Баукеръ и, не смотря на раннее время, куритъ свою длинную трубку. Капитанъ Баукеръ декламируетъ Френку стихи, которые онъ написалъ въ минуты своего досуга. Въ стихахъ онъ воспѣвалъ безбрачіе. На вопросъ Френка, почему онъ такъ мрачно смотритъ на союзъ съ женщиною, капитанъ горячо восклицаетъ:

— Не всегда же я смотрѣлъ такъ! Было время, и я увлекался, и въ одинъ злосчастный день сдѣлалъ глупость. Это было пятнадцать лѣтъ тому назадъ.

— Она ужь умерла? спросилъ Френкъ.

— Тише! съ ужасомъ прошепталъ капитанъ:—не говорите такъ громко. Если она не умерла, такъ гдѣ же она? Она ушла отъ меня; вѣрно умерла. Никогда не женитесь, мистеръ Меллишипъ. Вы молоды, соблазнъ великъ; боритесь съ нимъ...

— Капитанъ Баукеръ, проговорила горничная:—васъ спрашиваетъ какая-то дама и говоритъ, что она ваша жена.

Руки капитана опустились, и лицо приняло землистый оттѣнокъ. Френкъ сначала засмѣялся, но отчаяніе старика было такъ велико, что ему стало жаль его.

— Нашла таки меня? прошепталъ онъ.—Послѣ пятнадцати-то лѣтъ! Мистеръ Меллишипъ, не уходите. Нельзя ли что нибудь сдѣлать? Повидайтесь съ нею. Послѣ пятнадцати лѣтъ опять идти въ тюрьму! Помогите же мнѣ!

— Тутъ помочь нельзя, отвѣчалъ Френкъ. — Вамъ, конечно, лучше всего повидаться съ нею. Можетъ быть, это вовсе и не ваша жена.

— Не уходите отъ меня. Не покидайте.

— Не могу же я быть посредникомъ между вами и вашей женою. Можно ли такъ бояться женщины?

— Да я никакой другой женщины и не боюсь. Но Полли нельзя не бояться.

На лѣстницѣ послышался шорохъ, и въ дверяхъ показалась высокая фигура въ черномъ шолковомъ платьѣ и черномъ густомъ вуалѣ. Фигура эта почему-то напомнила Френку Маркетъ-Базингъ и Парксайдъ.

— Не уходите, въ ужасѣ прошепталъ капитанъ.

Но Френкъ тихо пробрался къ двери и, выйдя изъ комнаты, заперъ ее. На лѣстницѣ стояли м-съ Скимпъ съ дочерью, съ очевиднымъ намѣреніемъ подслушать.

— Нечего подслушивать, сказалъ Френкъ и сѣлъ на верхнюю ступѣньку, въ видѣ стражи.

— Ахъ, Джемъ! воскликнула Полли, бросаясь на шею капитана и цѣлуя его сѣдую голову. — Ахъ, Джемъ! наконецъ-то я нашла тебя, послѣ твоего ужаснаго поведенія. Какой счастливый день!

— Какъ ты нашла меня, Полли? спросилъ ее мужъ.

— Ходила въ контору твоихъ хозяевъ, и тамъ мнѣ сказали. Какой счастливый день!

— Проклятые болтуны! проговорилъ капитанъ. — Отчего же ты прежде-то не ходила туда, если тебѣ такъ хотѣлось найти меня?

— Оттого что я считала тебя уже покойникомъ. Я носила даже по тебѣ трауръ. Но въ Попларѣ мнѣ сказали, что ты живъ, и научили, какъ тебя разыскать. Какое счастье найти, послѣ пятнадцати лѣтъ, своего мужа!

Она достала носовой платокъ и начала плакать, но не очень сильно.

— Ну, что же теперь дѣлать? спросилъ капитанъ.

— Какъ это хорошо говорить своей женѣ, отвѣчала она. — Что дѣлать? Какъ что дѣлать? Да вѣдь я пришла, чтобы жить съ тобою!

— Охъ! простоналъ капитанъ.

— Но я не буду жить въ меблированныхъ комнатахъ. Много ли ты получаешь?

Онъ сказалъ цифру своей скромной пенсіи.

— Этого достаточно. Мы наймемъ квартиру. Какъ фамилія здѣшней хозяйки?

— Скимпъ!

Она вышла на лѣстницу и крикнула:

— М-съ Скимпъ! Вы м-съ Скимпъ? Войдите сюда.

Френкъ спокойно ушелъ.

— Мы выѣзжаемъ сегодня же, сказала Полли.—Скорѣе принесите счетъ. Я заплачу. И прошу лишняго не приписывать.

— Я часу лишняго не позволю вамъ остаться у себя въ домѣ,

сказала обиженная мистриссъ Скимпъ.—Капитанъ Баукеръ, я краснѣю за васъ! А еще вздумали ухаживать за моею дочерью.

— Что? проговорила Полли.—Что такое?

— Не думалъ ухаживать! вознегодовавъ, вскричалъ капитанъ.—Все обрушилось на меня. Никогда не ухаживалъ. Будь я... будь я проклятъ, если я ухаживалъ. Вы сами замужняя женщина, стало быть, знаете, что̀ это за несчастіе—бракъ. Вы бы стыдились. Я никогда не заглядывался ни на одну женщину.

— Теперь не будешь заглядываться, потому что мы сейчасъ отсюда выберемся, сказала м-съ Баукеръ.—Во сколько времени можешь ты уложиться?

— Въ нѣсколько часовъ, отвѣчалъ несчастный капитанъ.

— Ну, хорошо, такъ ты укладывайся, а я пойду въ Попларъ сказать, что нашла тебя, и часа черезъ два вернусь. Какой счастливый день!

Она нѣжно взглянула на капитана и, бросивъ свирѣпый взглядъ на хозяйку, вышла изъ комнаты.

XIV.

Около этого времени, въ одинъ ясный, хорошій день, во время прогулки верхомъ, Дикъ Мортибой сказалъ своему воспитаннику:

— Биль, ты, кажется, не имѣешь большаго желанія жить съ своею матерью?

Биль со страхомъ и мольбой посмотрѣлъ на Дика.

— Хорошо, хорошо, мой мальчикъ, такъ мы не будемъ больше говорить объ этомъ.

Дикъ съ любовью посмотрѣлъ на мальчика, къ которому привязался всей душой. Онъ, самъ того не зная, всю жизнь чувствовалъ потребность любви, и теперь на преданность мальчика отвѣчалъ горячей привязанностью.

Онъ ѣхалъ рядомъ съ Билемъ и думалъ о своемъ прошломъ, какъ вдругъ услыхалъ голосъ мальчика, кричавшаго:

— Микей О'Гради! Микей!

Биль соскочилъ съ своего пони и бѣжалъ къ оборванцу, стоявшему посреди дороги.

— Да неужели ты не помнишь меня, Микей? вскричалъ Биль.

Оборвышъ снялъ шапку и, точно просіявъ, проговорилъ:

— Маленькій Биль!

Дикъ молча слушалъ этотъ разговоръ.

— Ты вѣрно идешь въ Лондонъ, Микей? Сходи къ старухѣ Книбонъ и повидай тамъ Тузи. Помнишь Тузи? Ну, такъ скажи ему, что я ему кланяюсь... что я очень, очень счастливъ... и желаю ему того же.

Глаза маленькаго Биля наполнились слезами.

— Передай ему все это, сказалъ Дикъ. — Скажи ему, что когда я буду въ Лондонѣ, то навѣщу его и, можетъ быть, что нибудь для него сдѣлаю. А это вотъ тебѣ на дорогу.

Мальчикъ обѣщалъ исполнить порученіе и пошелъ дальше. Дикъ до вечера ничего ни говорилъ, но, отправляясь спать, онъ погладилъ своего воспитанника по головѣ и сказалъ:

— Ты хорошій мальчикъ. Вотъ тебѣ еще одна заповѣдь: никогда не забывай старыхъ друзей. Ну-ка, скажи мнѣ свои заповѣди.

— Не воруй, не лги, не ругайся, больше молчи, работай, уѣзжай изъ Англіи, выбивайся въ люди, всегда будь готовъ на драку, не довольствуйся своимъ положеніемъ, не забывай старыхъ друзей!

На другой день послѣ отказа Гресъ, Дикъ Мортибой отправился въ банкъ, обдумывая свой новый замыселъ. Онъ хотѣлъ сдѣлать товарищами по банку Джорджа Краймса и Френка Меллишипа. Онъ рѣшился поправить дѣла Френка и вознаградить по справедливости честную службу Краймса.

Молодой Мортибой не былъ краснобаемъ, и теперь не зналъ, какъ ему начать рѣчь. Сначала онъ, въ видѣ предисловія, высказалъ Краймсу свое намѣреніе относительно Френка.

— Краймсъ! началъ онъ:—я въ послѣднее время очень много думалъ, и хотѣлъ посовѣтоваться съ вами насчетъ одного предложенія. Когда я былъ мальчикомъ—передъ отъѣздомъ моимъ отсюда—у меня, кромѣ Джона Гискота, былъ еще одинъ другъ, помогавшій мнѣ и добрымъ словомъ и совѣтомъ. Это былъ дядя Меллишипъ.

— Покойникъ былъ хорошій человѣкъ, сказалъ Краймсъ, догадываясь, о чемъ съ нимъ будутъ говорить.

— Да, подтвердилъ Дикъ.—Знаете, Краймсъ, въ тѣхъ дикихъ странахъ, гдѣ я жилъ, хорошія дѣла не оставляются безъ вознагражденія. Это недурное правило. Дядя Меллишипъ сдѣлалъ мнѣ много добра, теперь я хочу отплатить его сыну. Я обязанъ помочь Френку. Вѣдь это ясно. Не такъ ли?

М-ръ Краймсъ утвердительно кивнулъ головой.

— Я былъ увѣренъ, что вы не будете противорѣчить. Мнѣ остается

сказать еще нѣсколько словъ. Въ моемъ дѣлѣ колеса идутъ хорошо, потому что у меня есть человѣкъ, смазывающій колеса и увеличивающій мой капиталъ.

М-ръ Краймсъ вспыхнулъ.

— Человѣкъ этотъ—вы, Краймсъ. Развѣ я не обязанъ сдѣлать что нибудь для васъ?

Завѣдующій дѣлами банка смотрѣлъ въ полъ и ни слова не говорилъ. Онъ не находилъ словъ.

— Что же можно намъ сдѣлать? Старый банкъ назывался банкомъ Меллишипа, Мортибоя и К°. Почему бы намъ не возобновить старой фирмы, принявъ въ компанію Френка и васъ?.. Мортибой, Меллишипъ и Краймсъ?

— Ни за что не перемѣняйте названія банка, сказалъ Краймсъ.— Хуже этого ничего быть не можетъ.

— Ну, хорошо, хорошо, пусть будетъ Меллишипъ, Мортибой и К°. Я не знаю, какъ все это дѣлается; но думаю, что для этого надо будетъ подписать какія нибудь бумаги.

— Надо сдѣлать актъ товарищества.

— Ну, такъ устройте, что̀ надо, съ Баттискомбомъ.

Дикъ надѣлъ шляпу.

— Позвольте, м-ръ Мортибой... этого нельзя.

— Теперь мы товарищи, Краймсъ. Зовите меня Дикомъ.

— Ну, хорошо, м-ръ Дикъ. Я не знаю, какъ благодарить васъ за себя. Относительно же Френка поступокъ вашъ я называю благороднымъ. Это великодушно, м-ръ Мортибой... я хотѣлъ сказать, м-ръ Дикъ.

— Вы, можетъ быть, не сказали бы этого, еслибы знали все, отвѣчалъ Дикъ.—Что же надо дѣлать?

— Намъ надо заключить условіе, и мало ли еще что̀...

— Я сейчасъ же съѣзжу къ Баттискомбу. Условіе мы напишемъ, выгодное для товарищей и удобное для меня. Краймсъ, вѣдь отецъ мой былъ виноватъ въ банкротствѣ Меллишипа.

— Въ нѣкоторомъ отношеніи, да, отвѣчалъ Краймсъ.—Будь отецъ вашъ другимъ человѣкомъ, покойный м-ръ Меллишипъ не побоялся бы обратиться къ нему за помощью, въ особенности, еслибы онъ зналъ, что ему ничего не стоило помочь. Мнѣ всегда казалось, что вашъ отецъ хотѣлъ подчинить его себѣ. Отецъ вашъ любилъ, чтобы люди были у него въ рукахъ.

— Да. И смерть дяди Меллишипа была протестомъ противъ моего отца. Теперь мы только поправляемъ несчастіе, причиненное имъ. Я напишу Френку объ этомъ предложеніи, и какъ только онъ пріѣдетъ, мы подпишемъ условіе и вступимъ въ товарищество.

Чтобы написать письмо, Дикъ отправился въ Дернгемъ къ отцу.

Письмо онъ написалъ очень тщательно. Прежде всего, онъ напомнилъ Френку о ихъ родствѣ, о вниманіи, какое отецъ Френка оказывалъ ему, затѣмъ коснулся несчастной вражды, возникшей между старикомъ Мортибоемъ и покойнымъ м-ромъ Меллишипомъ, и въ заключеніе уже приступилъ къ своему предложенію:

„Теперь я хочу кое-что предложить вамъ. Вчера я толковалъ съ Гресъ Гискотъ, и она безусловно одобряетъ мое предложеніе. Воля ея должна быть для васъ закономъ. Она желаетъ, чтобы вы вступили товарищемъ въ мой банкъ на такихъ же условіяхъ, на какихъ вступаетъ Краймсъ. Фамилія Меллишипа будетъ прибавлена къ фамиліи Мортибоя и компаніи. Пріѣзжайте тотчасъ же и начинайте работать въ банкѣ. Я надѣюсь, что вы не откажетесь отъ предложенія, сдѣланнаго вашимъ двоюроднымъ братомъ, человѣкомъ, глубоко обязаннымъ вашему отцу. Помните, что этого желаетъ Гресъ, что это даетъ вамъ возможность жениться, уплатить со временемъ долги вашего отца и вернуть вашу мать и Кэтъ въ Маркетъ-Базингъ, гдѣ онѣ могутъ жить, какъ жили прежде. Краймсъ очень желаетъ, чтобы вы поскорѣе принимались за дѣло.“

Онъ вложилъ письмо въ конвертъ и передалъ его Люси, прося переслать къ Кэтъ Меллишипъ, для того, чтобы та, въ свою очередь, переслала Френку.

Люси была у его отца, котораго возили по саду. Положеніе скряги Мортибоя значительно улучшилось. Вначалѣ онъ совсѣмъ не шевелился, но потомъ сталъ немного двигать рукою, и лицо его тоже стало подвижнѣе. Теперь онъ понималъ все, что ему говорили, и отказъ выражалъ тѣмъ, что хмурилъ брови.

Завидѣвъ Дика, онъ дѣлалъ отвратительныя гримасы.

Можетъ быть, онъ не все помнилъ, что было въ ту ночь, когда съ нимъ сдѣлался ударъ, но Дикъ ясно видѣлъ, что непріятное воспоминаніе у него осталось.

Люси не разъ удивлялась, отчего старикъ такъ хмурился, когда видѣлъ сына.

Дикъ отправился домой пѣшкомъ и прошелся къ священному для него мѣсту, гдѣ стоялъ крестъ и гдѣ онъ говорилъ съ Гресъ. Онъ никогда не проходилъ мимо этого мѣста, чтобы не остановиться и не присѣсть. Такъ было и на этотъ разъ.

Спускаясь съ горы, онъ увидѣлъ шедшаго ему на встрѣчу лорда Генелопа.

— Очень радъ васъ встрѣтить, сказалъ лордъ, дружески протягивая ему руку. Завтра мнѣ надо быть у васъ въ банкѣ.

— Вѣроятно, какое нибудь денежное дѣло, милордъ? Обратитесь къ Краймсу. Черезъ нѣсколько дней онъ будетъ моимъ компаньономъ по банку.

— Въ самомъ дѣлѣ! съ удивленіемъ сказалъ лордъ.—А я и не зналъ, что у мистера Краймса есть состояніе. Я его знаю очень давно. Онъ славный человѣкъ.

— Очень радъ это слышать. Кажется, всѣ наши вкладчики любятъ его. Вы не ошиблись, милордъ, относительно состоянія Краймса. Единственный его капиталъ, который онъ и вложитъ въ мой банкъ,—это его замѣчательная честность. Пятнадцать лѣтъ банкъ держится имъ, и я надѣюсь, что это стоитъ благодарности.

— Скажите, пожалуйста, не вашъ ли сынъ ѣздитъ съ вами верхомъ? Я думалъ, что вы не женаты.

— Я не женатъ, милордъ. Это мой воспитанникъ.

— Надо васъ женить, мистеръ Мортибой, и отправить въ парламентъ. Вамъ слѣдуетъ явиться представителемъ отъ Маркетъ-Базинга.

— Нѣтъ, это не мой путь. Я никогда не женюсь и не буду засѣдать въ парламентѣ!

— Богатство соединяется съ извѣстными обязанностями. Въ интересахъ страны надо, чтобы такіе люди, какъ вы, непремѣнно засѣдали въ парламентѣ.

— Богатство свое я, вѣроятно, передамъ своимъ родственникамъ Гискотамъ, а самъ уѣду съ мальчикомъ въ Америку.

Лордъ Генелопъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на человѣка, который такъ мало дорожилъ деньгами.

— Вы еще молоды, мистеръ Мортибой:—можете перемѣнить намѣреніе и жениться.

— Нѣтъ, я не такой человѣкъ, чтобы мѣнять свои рѣшенія. Я никогда не женюсь. Передъ отъѣздомъ, я переведу бо́льшую часть своихъ капиталовъ на имя кузинъ. Онѣ—дѣвушки хорошія и могутъ занимать въ свѣтѣ болѣе высокое положеніе.

— Да, онѣ дѣвушки... гм... хорошія. И мистеръ Гискотъ человѣкъ достойный уваженія.

— Гискоты — фамилія старинная. Имѣніе, которымъ вы теперь владѣете, прежде принадлежало Гискотамъ.

— Знаю, знаю, проговорилъ лордъ Генелопъ.—Что вы никогда къ намъ не зайдете? Пойдемте теперь завтракать.

Дикъ извинился и отправился домой. Милордъ тоже пошелъ домой.

— Замѣтила ты барышень Гискотъ? спросилъ лордъ у своей жены.

— Гресъ и Люси Гискотъ? Я ихъ знаю. У нихъ манеры очень хорошія, не то что у ихъ вульгарной матери.

— Я съ этимъ согласенъ. Знаешь, у этихъ дѣвушекъ будетъ полмилліона стерлинговъ. Состояніе хорошее.

Жена съ удивленіемъ посмотрѣла на него.

— Полмилліона? Да ты шутишь?

— Нисколько не шучу.

Мужъ разсказалъ ей все слышанное имъ отъ Дика.

— Но только мать ихъ ужасно вульгарная особа.

— Отецъ не вульгаренъ. Джонъ Гискотъ, не смотря на всю свою грубость, настоящій джентльменъ. Фамилія ихъ старинная. Она существовала прежде Генелоповъ.

— Конечно, съ такимъ приданымъ дѣвушки могутъ разсчитывать на хорошія партіи.

— Какъ жаль, что Рональдъ такой конфузливый, сказалъ въ заключеніе лордъ Генелопъ.

Вслѣдствіе этого разговора, Гресъ получила третье предложеніе.

XV.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого разговора, на ферму пріѣхали жена и дочери Баттискомба, и вскорѣ явился молодой лордъ Лаунтонъ. М-съ Гискотъ была очень довольна, что обитательницы Маркетъ-Базинга видѣли у нихъ такого гостя, и замѣтила мимоходомъ, что это почти ежедневный гость ихъ. Не прошло и получаса, какъ къ воротамъ подъѣхала коляска, и изъ нея вышли лордъ и леди Генелопъ. М-съ Гискотъ, желая поддержать свое достоинство передъ Баттискомбами, и виду не показала, какъ она удивлена сама, а, по отъѣздѣ знатныхъ гостей, дѣлала даже намеки, что лордъ и леди бываютъ у нея зачастую. Во время визита, леди Генелопъ говорила о знатномъ происхожденіи Гискотовъ и добавила, что въ лѣтописяхъ упоминается объ Уильямѣ де-Гискотъ, изъ Генелопа. Послѣднее извѣстіе заставило м-съ Гискотъ купить книгу Бёрка объ англійскомъ дворянствѣ.

И все это надѣлала только одна фраза Дика.

Съ этого дня, м-съ Гискотъ безпрестанно говорила дочерямъ о молодомъ Лаунтонѣ и восхваляла его. Эти вѣчные разговоры

заставляли Гресъ заподозрить, что молодой человѣкъ влюбленъ въ ея сестру.

— Знаешь, Люси, сказала она: — мнѣ кажется, что лордъ Лаунтонъ... Да что же ты краснѣешь... ты такая хорошенькая... что лордъ Лаунтонъ... Сказать, что ли?

— Полно, Гресъ! еще болѣе покраснѣвъ, отвѣчала Люси.

И въ этотъ же самый день, въ той же самой бесѣдкѣ, гдѣ Дикъ говорилъ съ Гресъ, лордъ Лаунтонъ сдѣлалъ предложеніе той же самой Гресъ.

Положеніе молодаго человѣка нимало не тронуло Гресъ, и она засмѣялась.

— Полноте, сказала она: — Развѣ вы не знаете, что я васъ не люблю и любить никогда не буду? И развѣ вы не знаете, что вы—будущій графъ Генелопъ, а я дочь простаго фермера?

— Я знаю, продолжалъ лордъ Лаунтонъ. — Но я говорю съ вами съ позволенія своего отца и... съ разрѣшенія... м-ра Генелопа.

— Полноте, лордъ Лаунтонъ, останемтесь друзьями. Я не могу выйти за васъ замужъ, потому что я уже невѣста Френка Меллишипа.

Бѣдный лордъ Лаунтонъ, сгорая со стыда, готовъ былъ провалиться сквозь землю и наконецъ чуть слышно проговорилъ:

— Простите меня, миссъ Гискотъ; я постараюсь побѣдить свою любовь къ вамъ.

— И зачѣмъ вы навлекаете на мою голову новое бѣдствіе!

— Какое бѣдствіе, миссъ Гискотъ, какое бѣдствіе?

— Теперь мама будетъ меня преслѣдовать своими упреками, зачѣмъ я отказалась отъ такой партіи! Послушайте, лордъ Лаунтонъ. женитесь лучше на Люси. Она будетъ вамъ отличной женой, Вѣдь вы только на одинъ мѣсяцъ старше меня. Смотрите, мы вѣдь съ вами одного роста.

Улыбаясь сквозь слезы, она обѣими руками взяла его за безбородыя щеки и поцѣловала въ лобъ.

— Это, Рональдъ, поцѣлуй сестры. Останемтесь друзьями, и ходите къ намъ, какъ ходили и прежде.

Это былъ отказъ самый обидный. Проходя мимо дома, онъ встрѣтилъ м-съ Гискотъ. Надо сказать, что м-съ Гискотъ смотрѣла изъ верхнихъ оконъ и видѣла, что дѣлалось въ бесѣдкѣ.

— Войдите, лордъ Лаунтонъ, и потолкуйте со мною, любезно сказала она.

— Нѣтъ, нѣтъ, м-съ Гискотъ, проговорилъ онъ.—Это безполезно. Она меня и слушать не захотѣла.

— Какъ не захотѣла слушать? Не можетъ быть! Дайте ей время. Она одумается. Она конфузится васъ.

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ! Это я конфужусь ея, проговорилъ онъ.— Я получилъ отказъ.

М-съ Гискотъ вернулась въ столовую и сѣла подумать. Въ это же время пришелъ ея мужъ, а Люси вернулась отъ какой-то больной. Гресъ вышла изъ своей комнаты съ красными, заплаканными глазами. М-ръ Гискотъ позвонилъ и велѣлъ подавать ужинать. Всѣ сѣли, и м-съ Гискотъ начала тяжело вздыхать.

— Что съ тобою, старуха? спросилъ Джонъ, предчувствуя приближеніе семейной сцены.

Вмѣсто всякаго отвѣта, она залилась слезами и стала истерически рыдать. Дочери бросились къ ней.

— Прочь, крикнула она Гресъ. — Прочь, неблагодарная дѣвушка! Послѣ всего, что̀ я для тебя сдѣлала!..

— Что? что? спросилъ Джонъ, глядя то на мать, то на дочь.— Что̀ это значитъ, Гресъ.

— Гадкая дѣвчонка! кричала мать. — Ахъ, Джонъ! Джонъ! она отказала лорду Лаунтону! Отказалась отъ полмилліона! Гресъ, я была въ саду и слышала, какъ ты на прошлой недѣлѣ отказала своему кузену, а теперь ты отказала Лаунтону. Джонъ Гискотъ, дочь твоя Гресъ отказываетъ такимъ женихамъ потому, что она любитъ нищаго... да, нищаго и художника.

Гресъ обратилась къ отцу.

— Папа, Дикъ просилъ моей руки, и лордъ Лаунтонъ тоже. Я должна была отказать имъ, потому что я уже — невѣста Френка.

М-ръ Гискотъ сидѣлъ за столомъ и тихо отрѣзывалъ себѣ большой кусокъ вареной говядины. Онъ взялъ на тарелку пикулей и, сообразивъ въ чемъ дѣло, сказалъ:

— Садитесь, дѣвочки. Лидія, ты глупа. Гресъ выйдетъ замужъ, за кого желаетъ. Иди сюда, душа моя, и поцѣлуй меня.

Когда Джонъ Гискотъ рѣшалъ какое нибудь дѣло, то всѣ въ домѣ знали, что рѣшеніе его неизмѣнно. М-съ Гискотъ замолчала и, тяжело вздохнувъ, приказала подать себѣ свѣчу, и пошла спать, захвативъ съ собою, въ видѣ утѣшенія, библію.

Гресъ получила отъ Кэтъ такое письмо:

„Адресъ Френка намъ неизвѣстенъ, мы знаемъ только, что онъ получаетъ наши письма, потому что отвѣчаетъ на нихъ. Пишемъ мы въ почтовое отдѣленіе, въ Бедфордскую улицу. Въ послѣднее время его письма не такъ веселы, какъ обыкновенно. Мнѣ кажется, что ему не хорошо живется. Я ему писала о чудесномъ

предложеніи Дика. Съ его стороны, это въ высшей степени великодушно; даже болѣе, чѣмъ великодушно. Скажи это Дику. Я не стану ему писать, не получивъ отвѣта отъ Френка. Да, Гресъ, картина моя была выставлена и продана. Я такъ была рада, получивъ деньги за свою работу, хотя мнѣ было жаль разстаться съ картиною."

Гресъ показала это письмо Дику.

— Есть еще способъ изловить Френка, сказалъ онъ.—Человѣкъ, получающій письма, безусловно скрыться не можетъ. Я поѣду въ Лондонъ и отыщу его для васъ, Гресъ.

— Какимъ образомъ?

— Пойду въ почтовое отдѣленіе, спрошу тамъ, когда онъ получаетъ письма, и подкараулю его. И разъ рука моя, Гресъ, будетъ на его плечѣ, вы можете быть вполнѣ увѣрены, что я не выпущу его и привезу къ вамъ.

— Когда же вы поѣдете? живо спросила она:—завтра? Поѣзжайте завтра и торопитесь. Я не знаю, у меня за послѣдніе дни такъ замираетъ сердце, точно передъ какой-то бѣдой. Вѣрно я несовсѣмъ здорова.

— Въ воздухѣ гроза, сказалъ Дикъ.—Если что нибудь должно случиться, то что нибудь хорошее для васъ. Готовьтесь запрыгать отъ радости.

Въ этотъ вечеръ онъ сообщилъ маленькому Билю о своемъ намѣреніи поѣхать въ Лондонъ, и, боясь, чтобы Полли,—о которой ему было извѣстно только, что она получаетъ свой фунтъ въ недѣлю,—не украла безъ него мальчика, обѣщалъ взять его съ собою.

Поѣздъ отходилъ изъ Маркетъ-Базинга въ девять часовъ. Дикъ ненавидѣлъ багажъ и пошелъ съ Билемъ на станцію пѣшкомъ. Перейдя черезъ рѣку, Дикъ вспомнилъ, что онъ не видалъ въ послѣдніе дни отца. Онъ садомъ прошелъ въ домъ.

М-ръ Мортибой былъ еще въ постели. Гестеръ кормила его съ ложки. Онъ ѣлъ молоко съ хлѣбомъ. При видѣ сына, онъ, по обыкновенію, нахмурился и затѣмъ спокойно продолжалъ ѣсть. Дикъ сѣлъ къ нему на кровать и смотрѣлъ, какъ онъ ѣстъ. Апетитъ у него былъ хорошій. Глаза старика были менѣе тусклы, и память лучше, точно туманъ постепенно разсѣивался у него въ головѣ. Въ то время какъ Дикъ сидѣлъ около больнаго и смотрѣлъ, какъ Гестеръ кормила его, ему пришелъ въ голову одинъ случай изъ его дѣтства. Давно, давно, осенью, онъ шелъ съ отцомъ и обо всемъ разспрашивалъ его. Онъ какъ теперь помнилъ, какъ отецъ взялъ его на руки, поднялъ и поцѣловалъ, и какъ онъ охватилъ

отца за шею ручонками и тоже поцѣловалъ. Съ другими дѣтьми это случалось, вѣроятно, сотни разъ; но Дику казалось, что съ нимъ это было всего одинъ разъ, потому что м-ръ Мортибой былъ человѣкъ неласковый. Вмѣстѣ съ этимъ воспоминаніемъ, ему пришла мысль, что отецъ никогда не переставалъ любить его. Теперь онъ былъ увѣренъ, что всѣ придирки отца, всѣ его строгости вытекали изъ сильной любви къ сыну. Онъ все это понялъ сразу, и сердце у него сжалось, при видѣ несчастнаго положенія, въ какое онъ поставилъ отца. Онъ откашлялся, и лишь только старая Гестеръ вышла изъ комнаты, наклонился къ отцу и сказалъ ему:

— Батюшка, не сердитесь на меня, я очень раскаиваюсь.

Старикъ съ видомъ удивленія приподнялъ брови. Дикъ подождалъ отвѣта, но, не дождавшись его, пошелъ назадъ къ Билю, и они направились къ станціи.

Гестеръ, вернувшись, застала м-ра Мортибоя въ сильномъ волненіи и замѣтила, что по щекамъ его текли слезы.

— Биль, говорилъ Дикъ, сидя въ вагонѣ (онъ привыкъ дѣлиться съ мальчикомъ всѣми своими мыслями):—знаешь, я думаю, что мы потерпимъ крушеніе.

— Почему, дядя Дикъ?

— Мексиканцы говорятъ, будто человѣкъ, которому суждено умереть, думаетъ о своемъ дѣтствѣ. Сегодня я думалъ о своемъ дѣтствѣ. Въ мирной Англіи можно быть убитымъ только при несчастіи на желѣзной дорогѣ.

— Я видѣлъ разъ, какъ омнибусъ задавилъ мальчика, глубокомысленно замѣтилъ Биль.

— Да... значитъ, можно быть убитымъ и иначе. Впрочемъ, мексиканцы, можетъ быть, и ошибаются.

Поѣздъ дошелъ совершенно благополучно.

У себя на квартирѣ, Дикъ нашелъ письмо отъ Лафлера, полученное болѣе чѣмъ двѣ недѣли тому назадъ.

„Милѣйшій Дикъ,“ писалъ онъ:—„Мнѣ нужны деньги, пожалуйста, пришли скорѣе нѣсколько сотъ.“

— Во всякомъ случаѣ, подумалъ Дикъ:—теперь поздно. Нужны деньги? Что же онъ сдѣлалъ съ пятьюдесятью тысячами? Система его безупречна, говорилъ онъ.

Извѣстіе это было очень непріятно. Лафлеръ получилъ всѣ слѣдуемыя ему деньги. Товарищество ихъ кончилось; они разошлись въ разныя стороны, и вдругъ теперь, спустя два мѣсяца, онъ получилъ отъ него письмо. Дикъ смялъ его въ досадѣ.

— Ну, это надо кончить, вслухъ проговорилъ онъ.—Полли не стало, надо развязаться и съ Лафлеромъ. Я не желаю имѣть сви-

дѣтелей моей прошлой жизни. Теперь я веду иную жизнь и буду воспитывать мальчика. Мнѣ не надо Лафлера, который будетъ напоминать мнѣ то, что я желаю забыть. Нѣтъ, г. Лафлеръ, этого не будетъ. Ваши тайны еще почище моихъ. Я дамъ вамъ еще денегъ, но съ условіемъ, чтобы вы уѣхали въ Калифорнію или куда нибудь за море, и никогда не возвращались бы назадъ. Не совѣтую вамъ заграждать мнѣ путь. Я иду по твердому и ясному пути. Устрою сначала Френка и Краймса, а потомъ уѣду съ мальчикомъ на десять лѣтъ. Черезъ десять лѣтъ вернусь съ нимъ и устрою его. Тогда мнѣ будетъ сорокъ лѣтъ. Жениться—я никогда не женюсь. Тогда будутъ дѣти у Гресъ, и остатокъ дней своихъ я проведу между дѣтьми.

Онъ оставилъ письмо безъ отвѣта и отправился въ почтовое отдѣленіе искать Френка. Это было маленькое отдѣленіе, гдѣ, кромѣ того, продавались книги.

Дикъ подошелъ къ женщинѣ, стоявшей за прилавкомъ, и объяснилъ, что ему надо.

— Право, не знаю... хорошо ли это будетъ, сказала она.— Здѣсь получаютъ письма, но я не знаю, можно ли давать свѣдѣнія о получателяхъ.

— Вотъ вамъ пять шиллинговъ. Я надѣюсь, что теперь вамъ можно будетъ дать мнѣ эти свѣдѣнія.

Это было смѣло, но произвело благопріятное дѣйствіе. Женщина взяла деньги, положила ихъ въ карманъ и начала разсказывать.

— Я ничего не знаю о томъ джентльменѣ, которому адресованы письма, какъ м-ру Меллишипу. За письмами приходитъ высокій бѣлокурый джентльменъ.

— По какимъ днямъ?

— По понедѣльникамъ, ровно въ одиннадцать часовъ.

Такъ какъ эта почтовая контора была по близости Грейсъ-Инрода, то Дикъ и направился туда, чтобы узнать отъ м-съ Книбонѣ, не была ли у нея Полли.

На крыльцѣ сидѣлъ Тузи и такъ пристально смотрѣлъ въ ту сторону, куда Дикъ увелъ Биля, что и не замѣтилъ, какъ Дикъ подошелъ съ другой стороны и дотронулся до его плеча.

Оно вскочилъ на костыли и радостно крикнулъ.

— Какъ поживаете? спросилъ Дикъ.

— Что дѣлаетъ маленькій Биль? отвѣчалъ Тузи.

— Онъ здоровъ. Недавно онъ посылалъ вамъ поклонъ и просилъ не забывать его.

— Я никакого поклона не получалъ. А забыть его я не могу.

Теперь я совсѣмъ осиротѣлъ, а старуха такъ пьетъ съ тѣхъ поръ, какъ была здѣсь Полли Треслеръ.

Тузи разсказалъ о дракѣ съ такимъ комизмомъ, что Дикъ отъ души нахохотался. Въ заключеніе Тузи опять сталъ жаловаться, что онъ совсѣмъ осиротѣлъ, и просилъ у Дика позволенія повидаться съ Билемъ.

Дикъ, подумавъ немного, вынулъ карточку и карандашемъ написалъ свой адресъ.

— Я живу вотъ тутъ, и маленькій Биль живетъ со мною. Вы можете остановиться тамъ, около насъ, въ воротахъ сентджемскаго парка, и подождать Биля, котораго я пришлю или приведу самъ, если онъ не знаетъ дороги.

— Биль-то не знаетъ дороги! Онъ знаетъ дорогу по всему Лондону. Онъ пройдетъ даже тамъ, гдѣ никогда не бывалъ. Онъ вѣдь ходилъ со мною.

— Вы можете пробыть цѣлый день вмѣстѣ, но къ девяти часамъ приведите Биля домой непремѣнно.

— Приведу ровно въ девять.

Дикъ посмотрѣлъ на Тузи и задумался.

— Теперь Биль ходитъ хорошо одѣтымъ, сказалъ Дикъ. — Не хотите ли вы надѣть на себя что нибудь поновѣе?

Тузи посмотрѣлъ на свое потертое пальто и изношенные штаны, и вздохнулъ.

— Ну, такъ пойдемте. Я знаю, гдѣ тутъ возлѣ продается платье.

Дикъ свелъ его къ тому же продавцу, который одѣлъ Биля, и, купивъ у него пару платья, чулки и башмаки, вручилъ все это Тузи, никогда и не помышлявшему о такой роскоши.

— Отправляйтесь теперь въ баню, вымойтесь, причешитесь и одѣньтесь порядочно.

На все это онъ далъ нѣсколько шиллинговъ.

Ровно въ часъ Дикъ пришелъ домой.

— Одинъ пріятель хочетъ повидаться съ тобою, сказалъ онъ своему воспитаннику.

— Тузи! Тузи! съ восторгомъ закричалъ Биль.

— Не голоденъ ли ты, Биль?

— Почти что нѣтъ, дядя Дикъ.

— Есть ли у тебя деньги?

Маленькій Биль досталъ изъ кармана два шиллинга и какую-то мелочь.

— Ну, такъ отправляйся. Если хочешь, можешь пообѣдать съ Меѳусалемомъ. Знаешь дорогу къ воротамъ парка, со стороны

колонны герцога Іоркширскаго? Подожди тамъ, пока онъ не придетъ.

Дикъ Мортибой позавтракалъ у себя въ комнатѣ и затѣмъ, не спѣша, выкурилъ сигару. Онъ написалъ Гресъ Гискотъ, что Френкъ ходитъ каждый понедѣльникъ за письмами, и что надо его подкараулить, больше ничего.

Часа въ три, въ домъ позвонилъ человѣкъ, оборванный и растрепанный. Старая служанка отворила и подозрительно посмотрѣла на него.

— Дома м-ръ Мортибой?

— Позвольте узнать вашу фамилію, и я посмотрю, сказала она.

— Онъ знаетъ меня. Пропустите.

Человѣкъ, не дожидаясь отвѣта, пошелъ по лѣстницѣ. Гостинная Дика находилась во второмъ этажѣ дома; рядомъ съ гостинной была у него спальня и уборная, въ которой стояла постель мальчика.

Дикъ курилъ уже третью сигару. Книгъ онъ не читалъ, совершенно отвыкнувъ отъ чтенія. Газеты онъ читалъ только изрѣдка. Онъ совершенно уже успокоился послѣ отказа Гресъ. Ему трудно было вырвать изъ сердца свою любовь, но все таки онъ вырвалъ ее, и вырвалъ совершенно. Полумѣръ онъ никакихъ не любилъ. Еслибы Гресъ приняла его предложеніе, онъ былъ бы отличнымъ мужемъ; но она не приняла, и онъ порѣшилъ, что объ этомъ нечего болѣе и думать. Дикъ хотѣлъ непремѣнно уѣхать съ мальчикомъ, и теперь, сидя въ креслѣ, раздумывалъ: не взять ли ему и Тузи?

Дверь къ нему отворилась. Онъ обернулся, чтобы посмотрѣть, кто къ нему идетъ, и, увидавъ несчастнаго, вскочилъ на ноги. Въ дверяхъ стоялъ Альсидъ Лафлеръ. Оборванный, грязный, голодный, чуть не босой, стоялъ передъ нимъ его старый товарищъ и впалыми глазами смотрѣлъ на него.

— Господи! вскричалъ онъ:—что съ тобою?

— Развѣ ты не получалъ моего письма, Дикъ?

— Получилъ только сегодня. Что съ тобою?

— Прежде всего, дай мнѣ денегъ, чтобы поѣсть и одѣться. Я умираю отъ голода.

Дикъ высыпалъ въ руку Лафлера всѣ деньги, что были у него въ карманахъ.

— Иди скорѣе. Купи все и возвращайся. На мой ключь, и возвращайся какъ можно скорѣе.

Лафлеръ взялъ деньги и ключъ, и ушелъ.

Дикъ закурилъ еще сигару. Но спокойныя его размышленія прекратились. Онъ сердито выпускалъ клубы дыма, и выпилъ подъ рядъ три или четыре рюмки вина. Въ это время къ нему пришла старая служанка.

— Если я вамъ не нужна, сказала она:—то позвольте мнѣ сегодня уйти. Мнѣ очень надо.

Пользуясь тѣмъ, что въ домѣ не было другихъ жильцовъ, кромѣ Дика, она ходила по гостямъ.

— Идите, идите, сказалъ Дикъ.—Приходите только къ девяти часамъ, когда вернется мальчикъ; онъ захочетъ поужинать.

Часовъ въ шесть, наружная дверь отворилась, и по лѣстницѣ послышались шаги. Черезъ минуту послѣ этого, на порогѣ показался вымытый, выбритый, одѣтый Альсидъ Лафлеръ. Онъ совершенно преобразился и походилъ на стараго Лафлера.

— Чортъ возьми! вскричалъ онъ, снимая свое новое пальто:—какой климатъ!

На пальто были пятна отъ дождя. Новую шляпу свою онъ обтеръ новымъ носовымъ платкомъ.

— Ну, забудь о дождѣ, сказалъ Дикъ:—и разсказывай, какимъ образомъ попалъ ты въ такое положеніе?

— Зажги огня прежде всего, отвѣчалъ Лафлеръ:—въ твоей берлогѣ совсѣмъ темно.

Въ комнатѣ дѣйствительно было темно, тѣмъ болѣе, что небо покрылось тучами. Дикъ взялъ спички и зажегъ лампу.

— Юный Мортибой можетъ служить образцомъ умѣренности и акуратности, продолжалъ Лафлеръ, улыбаясь.—Я думаю, что обладай такимъ богатствомъ Альсидъ Лафлеръ, онъ нанялъ бы въ Лондонѣ квартиру получше этой.

Онъ осмотрѣлся въ простой гостинной Дика и пожалъ плечами. Люди его склада скоро забываютъ прошедшія бѣдствія. Въ настоящую минуту онъ былъ тотъ же самый Лафлеръ, который бѣжалъ съ Дикомъ изъ тюрьмы, игралъ, плутовалъ и скитался вмѣстѣ съ нимъ. Лафлеръ не перемѣнился. Но компаньонъ его не былъ прежнимъ буяномъ Дикомъ, и общество прежняго товарища было ему противно, а его голосъ рѣзалъ уши.

— Мнѣ эта квартира хороша; меня тутъ никто не знаетъ, да хоть бы и знали, то не все ли равно?

— По прежнему, ко всему равнодушенъ. Милѣйшій Ричардъ, еслибы у меня были твои деньги! онъ вздохнулъ и пожалѣлъ, что возвратилъ Дику слово.—Ахъ, какой я несчастный!... и какой ты счастливый!... а между тѣмъ ты довольствуешься лачужкою, кускомъ мяса и кружкой пива.

— Ты въ самомъ дѣлѣ все проигралъ? вдругъ спросилъ у него Дикъ.

— Мое проклятое несчастіе! проговорилъ онъ, глядя въ окно.—Какъ льетъ-то!

— Оставь ты дождь въ покоѣ; разскажи, какъ это случилось, во второй разъ спросилъ Дикъ: и Лафлеръ разсказалъ ему все, какъ было. Это была самая обыкновенная исторія человѣка, пріѣхавшаго въ Гомбургъ, съ цѣлью сорвать банкъ. Сначала счастье везло Лафлеру, каждый вечеръ онъ уходилъ домой съ карманами, набитыми золотомъ.

— Еслибы ты былъ со мною, Дикъ, я сорвалъ бы банкъ, а не проигрался бы въ пухъ. Ты играешь смѣло, а я нерѣшительно. Надо было все поставить на карту, но я не рѣшился, я струсилъ... Система моя безподобна, только я-то сглупилъ.

— И все проигралъ? сказалъ Дикъ Мортибой.

— Позволь. Съ оставшимися у меня деньгами я отправился въ Висбаденъ, и тамъ цѣлую недѣлю игралъ въ рулетку. Тамъ я выигралъ пятьсотъ и вернулся въ Гомбургъ. Въ Гомбургѣ меня стало преслѣдовать то же проклятое несчастіе. Но вмѣсто того, чтобы поставить на карту все, я заколебался и погибъ. Мало того... я оставилъ свою систему и сталъ играть, какъ болванъ....

— И все спустилъ?

— Все, до послѣдняго гроша. Ты, Дикъ, спасъ бы меня. Система безупречна. Когда я все проигралъ, я вспомнилъ о тебѣ. Я зналъ, что ты не бросишь стараго пріятеля, и поѣхалъ къ тебѣ за деньгами. (Дикъ омрачился при этихъ словахъ). Я продалъ свое платье, кольца и часы: но дорогою проигралъ деньги. У меня оставалось только на билетъ въ Ньюгевенъ. Знаешь, Дикъ, изъ Ньюгевена я пришелъ пѣшкомъ съ десятью пенсами въ карманѣ. Изъ всего моего имущества я оставилъ себѣ револьверъ, который ты подарилъ мнѣ десять лѣтъ тому назадъ.

Дикъ всталъ и началъ ходить по комнатѣ.

— Лафлеръ, дай мнѣ высказать тебѣ, что я думаю, и потомъ ты можешь говорить. Наше товарищество расторгнуто. Ты возвратилъ мнѣ мое слово. Ты знаешь, что я не говорю того, чего не думаю. Расторгая наше товарищество, я подразумѣвалъ полное расторженіе, подразумѣвалъ, что ты не будешь имѣть на меня никакихъ правъ... по крайней мѣрѣ, въ будущемъ. Я теперь принадлежу совсѣмъ къ другому міру. Иди своей дорогой, и не мѣшай мнѣ идти моей. Я нисколько не удивленъ, что система не выдержала... такъ и должно было быть. Никто не изобрѣталъ, да и не изобрѣтетъ средства идти противъ счастія. Теперь я

высказалъ свой взглядъ на наши отношенія: скажи мнѣ, чего ты отъ меня хочешь?

Лафлеръ страшно поблѣднѣлъ. Если изобрѣтателю сказать, что изобрѣтеніе его никуда не годится, онъ можетъ сойти съ ума. То же самое сдѣлается и съ игрокомъ, если ему сказать, что планъ его никуда не годится.

Онъ ухватился за ручку кресла, но ничего не отвѣчалъ.

Дикъ продолжалъ:

— Ты знаешь, Лафлеръ, что не смотря на нашъ разрывъ, я никогда не оставлю въ бѣдѣ стараго пріятеля и не откажу ему въ помощи. Для тебя я сдѣлаю вотъ что: я тебѣ дамъ теперь же пятьсотъ фунтовъ, съ условіемъ, чтобы ты уѣхалъ въ Америку, и пришлю тебѣ еще тысячу, когда получу извѣстіе, что ты туда пріѣхалъ. Подумай объ этомъ, Лафлеръ.

— Заключи опять со мною товарищество, Дикъ, хоть только на моей системѣ. Поѣдемъ въ Гомбургъ, и ты самъ, съ своимъ удивительнымъ счастьемъ, играй по ней. Дикъ, мы должны выиграть, я увѣренъ, что мы должны выиграть. Привези съ собою десять тысячъ. Я готовъ идти съ тобой на половину, на четверть. Только попробуй еще хоть одинъ разъ.

— Нѣтъ.

Лафлеръ пересталъ упрашивать. Онъ зналъ Дика.

— Принимаю твои условія, сказалъ онъ, спустя нѣсколько минутъ.

Дикъ досталъ свою чековую книжку и написалъ чекъ въ пятьсотъ фунтовъ на своего лондонскаго банкира.

— Какое сегодня число? двадцать третье? Я помѣтилъ двадцать вторымъ. Но это все равно. Исполни условіе, Лафлеръ, и я исполню свое обѣщаніе.

— Другой на моемъ мѣстѣ сталъ бы угрожать тебѣ, Дикъ, сказалъ Лафлеръ, засовывая чекъ въ карманъ.—Но я не стану. Я думаю, что ты дурно поступаешь со мною, но угрожать я не стану.

— Желалъ бы я посмотрѣть на того человѣка, который осмѣлился бы мнѣ угрожать, спокойно проговорилъ Дикъ.

Лафлеръ, потерявшій подъ ногами почву и самонадѣянность, ничего не отвѣтилъ на это.

— Дай мнѣ водки, сказалъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія:— я страшно разстроенъ и самъ не знаю, что говорю.

Онъ выпилъ.

— Voilà! Теперь мнѣ немного легче, сказалъ онъ.

Онъ подошелъ къ окну и сталъ смотрѣть на дворъ.

— Какъ льетъ! Что же мы будемъ дѣлать?

— Можешь посидѣть у меня и выкурить сигару.

Они курили нѣкоторое время молча. Тишина прерывалась только ударами дождя по стекламъ.

— Дикъ, позволь мнѣ предложить тебѣ сыграть партію въ эхръ? нерѣшительно проговорилъ Лафлеръ, боясь, что Дикъ откажетъ ему и въ этомъ.—Мы ужь давно не играли съ тобой... можетъ быть, не будемъ играть никогда въ жизни... ну, такъ въ послѣдній разъ...

— Я готовъ сыграть партію или двѣ, Лафлеръ, сказалъ онъ, вынимая часы.—Теперь половина восьмаго. Послѣ девяти я играть не стану; когда часы начнутъ бить, я брошу недоигранную партію. Мнѣ надо будетъ уйти.

Прошли первые полчаса. Пробило восемь, и дождь пересталъ идти. Счастье везло Дику. Онъ выигралъ у Лафлера тридцать фунтовъ. Проигрышъ записывался на бумажку.

— Не прекратить ли намъ? Тебѣ не везетъ, а я вовсе не желаю выигрывать.

Лафлеръ просилъ продолжать.

— Одолжи мнѣ еще десять.

Дикъ подвинулъ ему деньги и записалъ на бумажкѣ.

Въ половинѣ девятаго долгъ возросъ до ста фунтовъ.

— Я не хочу брать отъ тебя денегъ, сказалъ Дикъ.

— Обязанъ будешь взять, если останешься въ выигрышѣ, отвѣчалъ ему Лафлеръ, выпивая еще рюмку водки. Мѣшай же карты, намъ осталось всего полчаса.

По прошествіи четверти часа, Дикъ вскочилъ на ноги, наклонился черезъ столъ и ухватилъ партнера своего за руку. Въ рукавѣ былъ спрятанъ валетъ, главная карта въ эхрѣ, котораго Дикъ и вытащилъ.

— Шулеръ! крикнулъ онъ:—даже со мною ты мошенничаешь! Онъ отодвинулъ свое кресло, подошелъ къ Лафлеру и швырнулъ ему картами въ лицо.—Отдай мнѣ мой чекъ! Я тебя знать не хочу.

Не говоря ни слова, французъ, какъ тигръ, бросился на него. Дикъ отстранился и лѣвою рукою отбросилъ его. Лафлеръ тяжело упалъ, но черезъ минуту всталъ и опять бросился. Онъ упалъ во второй разъ. На этотъ разъ онъ лежалъ на коврѣ, поблѣднѣвъ, какъ мертвецъ, и не могъ уже пошевельнуться. Но его блѣдная рука тихонько просунулась въ карманъ. Онъ повернулся, какъ бы для того, чтобы встать. Дикъ сверкающими глазами зорко слѣдилъ за нимъ, и тутъ... и тутъ... раздался пистолетный выстрѣлъ, поднялось облако дыма... упало что-то тяжелое, и Дикъ Мортн-

бой лежалъ лицомъ внизъ. Лафлеръ вскочилъ на ноги. Онъ застрѣлилъ противника, лежа, даже не вынимая пистолета изъ кармана. Французъ наклонился къ Дику, но тотъ не шевелился; онъ повернулъ его на спину: глаза у него были закрыты, и онъ тяжело дышалъ. Разстегнувъ жакетку. Лафлеръ увидалъ на рубашкѣ кровь. Послѣ этого онъ вышелъ на площадку послушать. Все было тихо. Въ открытой конторкѣ Дика онъ нашелъ двѣнадцать золотыхъ и нѣсколько записокъ. Записки онъ оставилъ, десять золотыхъ взялъ себѣ, а два положилъ въ карманъ Дика. Ключи торчали въ конторкѣ, онъ заперъ ее и положилъ ключи на каминъ. Все это онъ дѣлалъ для того, чтобы не явилось подозрѣнія въ воровствѣ. Затѣмъ онъ сложилъ столъ, собралъ карты, и кресла поставилъ по мѣстамъ. Въ заключеніе онъ выпилъ рюмку водки.

Онъ ничего не забылъ, не забылъ даже пистолета, который вложилъ въ руку умирающему. При прикосновеніи пистолета, рука Дика сжала рукоятку.

Взявъ шляпу, французъ вышелъ изъ комнаты, но черезъ минуту вернулся и наклонился къ лицу Дика.

Дикъ не шевелился, не говорилъ.

Довольно. Лафлеръ потушилъ лампу, тихо спустился съ лѣстницы и вышелъ на улицу. Онъ заперъ за собою дверь, но она пріотворилась опять. Въ это время пробило девять часовъ, и въ домѣ не было ни души. Почти никто не слыхалъ выстрѣла и рѣшительно никто не видалъ Лафлера. А Дикъ Мортибой лежалъ и истекалъ кровью.

XVI.

Что онъ думалъ, лежа на полу и умирая? Говорятъ, что человѣкъ въ такія минуты переживаетъ моментально всю свою жизнь.

Въ девять часовъ вернулась старая служанка, вернулся и Биль. Довольный, счастливый вбѣжалъ онъ по лѣстницѣ въ сопровожденіи своего друга. На верху они нашли дверь отворенною.

— Идемъ, Тузи, идемъ со мною. Дядя Дикъ сказалъ вѣдь, чтобы ты приходилъ.

Биль первый вошелъ въ комнату Дика. Лампа была потушена. Мальчики стояли впотьмахъ, а передъ ними лежало что-то темное.

— Что это такое, Тузи? спросилъ Биль, указывая на полъ.

При свѣтѣ, проникавшемъ съ лѣстницы, они увидали, что лежитъ человѣкъ.

— Бѣги скорѣе за свѣчкою, знаешь, гдѣ найти?

— Знаю. На лѣстницѣ всегда стоитъ свѣча.

Биль убѣжалъ. Тузи сталъ на колѣни около тѣла, ощупалъ его, и по длинной бородѣ узналъ, что это дядя Дикъ. Онъ услышалъ шопотъ.

— Скорѣе... за докторомъ. Огня достань... воды... ради Бога.

Въ эту минуту вернулся Биль. Тузи схватилъ у него свѣчу и принесъ изъ спальни графинъ. Онъ влилъ нѣсколько капель въ ротъ умирающему и вспрыснулъ ему лицо. А маленькій Биль, слѣдившій за нимъ, затаивъ дыханіе, съ рыданіемъ упалъ на полъ и, цѣлуя щеки и губы своего покровителя, только воскликалъ:—Ахъ, дядя Дикъ! ахъ, дядя Дикъ!

— Дай ему еще воды, а я пойду за докторомъ, сказалъ Тузи.— Не позволяй ему шевелиться, пока я не вернусь.

Минуты, проведенныя Билемъ съ умирающимъ, показались ему часами. Тузи, выйдя на улицу, прежде всего обратился къ полицейскому, который сходилъ съ нимъ за докторомъ, и вернулся къ Дику.

Взявъ свѣчу, докторъ сталъ осматривать больнаго. Чуть слышный шопотъ заставилъ его наклониться.

— Это вышло нечаянно, тихо шепталъ Дикъ. — Полчаса тому назадъ... старый пистолетъ... самъ выстрѣлилъ въ лѣвый бокъ... не шевелите меня... я истекаю кровью.

— Зажгите лампы, распорядился докторъ.

Полицейскій зажегъ.

Докторъ разстегнулъ жилетъ и сталъ осматривать рану. На полу лежалъ пистолетъ. Полицейскій поднялъ его и тщательно осмотрѣлъ.

— Одинъ зарядъ выпущенъ, прошепталъ онъ. — Кто этотъ господинъ? спросилъ онъ у Тузи.

— Не знаю. Биль знаетъ. Онъ хотѣлъ сдѣлать что нибудь для меня. Сегодня купилъ мнѣ это платье и велѣлъ прійти въ девять часовъ, рыдая, отвѣчалъ Тузи.

— Кто онъ такой? спросилъ полицейскій у Биля.

— М-ръ Мортибой, отвѣчалъ Биль, точно весь міръ долженъ былъ знать его.

— Онъ всегда тутъ живетъ?

— Нѣтъ, онъ живетъ въ Маркетъ-Базингѣ. Онъ мой дядя Дикъ.

— Онъ не настоящій ему дядя, прошепталъ Тузи.—Онъ только воспитывалъ Биля. Онъ ему вовсе не родня... самъ мнѣ говорилъ.

Между тѣмъ лицо доктора становилось все серьезнѣе и серьезнѣе. Дикъ съ трудомъ открылъ глаза и посмотрѣлъ на него.

— Долго ли? спросилъ онъ.

— Рана очень опасна, началъ докторъ.

— Долго ли? хриплымъ голосомъ повторилъ Дикъ.

— Можетъ быть, съ полчаса.

— Возьмите бумаги и запишите мои показанія, во избѣжаніе хлопотъ.

— Говорите тише, прошепталъ докторъ:—я услышу. Не утомляйтесь болѣе, чѣмъ нужно.

Дикъ началъ едва слышно:

— „Я... Ричардъ... Меллишипъ.. Мортибой... заявляю, что случайно застрѣлился... желая вычистить свой пистолетъ."

Онъ до послѣдняго вздоха былъ вѣренъ своему старому товарищу и, умирая, лгалъ, чтобы только спасти его.

Докторъ написалъ.

— Вложите перо мнѣ въ руку и водите. Я хочу подписать въ присутствіи васъ и полицейскаго, сказалъ умирающій.

Дикъ съ трудомъ подписался.

— Можетъ быть, вы хотите написать завѣщаніе или какъ нибудь измѣнить уже написанное?

— Дайте мнѣ... воды... водки... чего нибудь.

Ему приподняли голову... лобъ у него былъ совершенно холодный, щеки блѣдныя, глаза изрѣдка съ трудомъ открывались. Ложка водки оживила его немного.

— Пишите, сказалъ онъ.

„Милая кузина Гресъ, я умираю. Френка вы легко найдете. Все мое состояніе перейдетъ къ вамъ и къ Люси. Пусть Френкъ и Краймсъ сдѣлаются компаньонами. Господь не оставитъ васъ, моя дорогая. Еслибы я былъ живъ, я бы...

Тутъ онъ остановился. Потомъ продолжалъ:

„Помните, что я люблю васъ за все, что вы для меня сдѣлали, но я добровольно и безусловно отъ васъ отказался. Обращайте деньги въ народъ, и по мѣрѣ силъ помогайте бѣднымъ."

Онъ снова остановился и, выпивъ ложку водки, продолжалъ:

„Скажите моему отцу..." Онъ остановился, и лицо его приняло странное выраженіе.—Безполезно говорить ему, прибавилъ онъ.—Я самъ скажу.

Докторъ подумалъ, что онъ бредитъ.

— А гдѣ же маленькій Биль? прошепталъ онъ.

Докторъ приложилъ лицо ребенка къ его лицу.

— Ахъ, дядя Дикъ! не умирайте! Не умирайте, дядя Дикъ!

Дикъ поцаловалъ мокрую отъ слезъ щеку ребенка, и голова его опрокинулась.

— Бѣдный мальчуганъ! прошепталъ онъ.

Это были его послѣднія слова. Черезъ минуту онъ повернулъ голову—положенную уже на подушку—и не открывалъ болѣе глазъ. Дика не стало.

— Теперь надо составить протоколъ, сказалъ полицейскій.—Вы были здѣсь, мальчики?

— Нѣтъ, отвѣчалъ Тузи.—Мы его нашли тутъ. Онъ велѣлъ намъ прійти къ девяти часамъ.

— Не телеграфировать ли намъ? спросилъ докторъ.

— Кому же? Надо посмотрѣть въ конторкѣ. Эти мальчики ничего разъяснить намъ не могутъ. Отправляйтесь-ка, ребята, спать, ласково сказалъ онъ.—Вамъ тутъ дѣлать нечего.

Въ конторкѣ ничего найдено не было.

— Можно будетъ телеграфировать въ полицію въ Маркетъ-Базингъ.

Тузи пошелъ въ спальню вслѣдъ за Билемъ. Оба они громко плакали.

— Биль, сказалъ, немного погодя, Тузи:—теперь все кончено, онъ не поможетъ ни тебѣ, ни мнѣ. Дядя Дикъ умеръ. Жаль только, что я не могу умереть вмѣсто него. Уйдемъ отсюда.

— Только не къ старухѣ Книбонъ, отвѣчалъ Биль.

— Нѣтъ, не къ ней. Пойдемъ куда нибудь далеко, и будемъ жить вмѣстѣ. Много ли у тебя денегъ, Биль?

— Вчера онъ мнѣ подарилъ соверенъ.

— А мнѣ онъ далъ три шиллинга. Кромѣ того, у насъ есть одежда. Идемъ, Биль.

Они тихо спустились съ лѣстницы и побрели, куда глаза глядятъ.

Въ этотъ же самый роковой день, Гестеръ катала старика по саду. Люси шла подлѣ дяди, и замѣчаніями своими забавляла больнаго. Въ послѣдніе дни она стала надѣяться на выздоровленіе старика, такъ какъ онъ замѣтно сталъ поправляться.

— Миссъ Люси! миссъ Люси! вдругъ вскричала Гестеръ.— Да вы посмотрите-ка на вашего дядю! Что намъ дѣлать?

Люси, взглянувъ на старика, увидала, что все его лицо исказилось. Очевидно, ударъ повторился.

Гестеръ позвала сидѣлку, которая въ это время пила чай, и потомъ побѣжала за докторомъ, а Люси и сидѣлка привезли больнаго домой и уложили въ постель.

Черезъ нѣсколько минутъ явились доктора и прямо сказали, что старикъ умираетъ.

Краймсъ, призванный къ старику, телеграфировалъ въ Лондонъ

Дику. Агонія наступила къ девяти часамъ. Но передъ наступленіемъ смерти, голосъ вернулся къ старику, и всѣ слышали, какъ онъ прошепталъ:

„Мой сынъ... Дикъ.

Скряга Мортибой отдалъ Богу душу.

— Дикъ долженъ быть здѣсь въ половинѣ одиннадцатаго, шепнулъ Джонъ Гискотъ своей женѣ.

XVII.

Письмо Дика къ Гресъ пришло въ Парксайдъ раньше извѣстія о его смерти, привезеннаго клеркомъ, посланнымъ Краймсомъ въ восемь часовъ. Гресъ прочла письмо Дика и передала его отцу, прочитавшему его съ большимъ удовольствіемъ. М-съ Гискотъ тоже взяла письмо и стала его читать, когда къ дому подъѣхалъ клеркъ и вызвалъ м-ра Гискота.

Минутъ черезъ пять, фермеръ вернулся блѣдный, съ дрожащими губами.

— Дикъ, проговорилъ онъ: — Дикъ умеръ... онъ вчера вечеромъ нечаянно застрѣлился, и умеръ черезъ часъ. Бѣдный Дикъ! Бѣдный Дикъ! Какъ странно, что оба они умерли въ одинъ и тотъ же часъ. Сегодня утромъ пришла телеграмма въ полицію. Полиція послала къ Краймсу, а Краймсъ ко мнѣ.

Такое трагическое происшествіе произвело на всѣхъ страшное впечатлѣніе; Гресъ и м-съ Гискотъ, рыдая, бросились другъ другу въ объятія. Дикъ умеръ! Дикъ великодушный, Дикъ благородный! Дикъ честная и прямая душа! Дикъ умеръ!

Только черезъ полчаса м-съ Гискотъ оправилась и сообразила, что она—прямая наслѣдница всего состоянія Мортибоевъ.

М-ръ Гискотъ засталъ весь городъ въ страшномъ волненіи. Въ Маркетъ-Базингѣ, кажется, не было ни одного человѣка, которому Дикъ не помогъ бы въ короткое время своего владычества. Народъ собрался къ банку и такъ искренно жалѣлъ Мортибоя, что подъѣхавшій фермеръ не могъ удержаться отъ слезъ.

Въ банкѣ онъ засталъ Краймса и Баттискомба.

— Не знаете вы, не оставилъ ли онъ завѣщанія? спрашивалъ Баттискомбъ у Краймса.

— Не знаю. У меня ключи. Намъ можно, я думаю, посмотрѣть.

Въ несгараемомъ шкапу лежали бумаги Дика, но завѣщанія не было. Между бумагами оказался пакетъ съ надписью: „Частное. Открыть послѣ моей смерти“.

— Распечатывайте, сказалъ м-ръ Баттискомбъ.

Краймсъ распечаталъ и прочелъ. Это было признаніе Полли Треслеръ. Краймсъ, съ удивленіемъ прочитавъ это признаніе, передалъ его Баттискомбу. Онъ, очевидно, былъ пораженъ тайнымъ бракомъ Дика.

— Этимъ объясняется, прошепталъ онъ:—ссора между нимъ и отцомъ. Это и есть причина побѣга Дика.

— Можетъ быть, отвѣчалъ Баттискомбъ.—Но это славный документикъ въ двоемужствѣ и даже въ троемужствѣ... Подписано ею, а написано покойнымъ мистеромъ Мортибоемъ, всего двѣ недѣли тому назадъ. Мери Треслеръ... я знаю ее... это дочь одной старой пьянчуги...

— Что намъ дѣлать?

— Прежде всего, намъ надо удостовѣриться въ справедливости этихъ показаній. Я полагаю, Краймсъ, что мнѣ всего лучше отправиться самому въ Лондонъ, для предупрежденія всякихъ недоразумѣній. А вы ничего не говорите Гискотамъ... да и никому. Можетъ быть, найдется и завѣщаніе. Если завѣщанія не найдется, м-съ Гискотъ наслѣдуетъ всему... всему.

Въ это время пріѣхалъ Гискотъ.

— Надо похлопотать о похоронахъ и обо всемъ, сказалъ ему Баттискомбъ.—Не поѣдете ли вы со мною въ Лондонъ?

— Зачѣмъ?.. Что мнѣ тамъ дѣлать?

— Ѣдемте. Черезъ полчаса идетъ поѣздъ. Я пошлю въ Парксайдъ сказать о вашемъ отъѣздѣ.

Пріѣхавъ въ Лондонъ, они застали въ комнатѣ Дика доктора и старую служанку. Докторъ стоялъ у постели покойника и, держась рукою за подбородокъ, задумчиво смотрѣлъ на спокойное лицо мертвеца.

— Вы его родственникъ? спросилъ онъ.—Я любуюсь на прелестное лицо этого человѣка, и все думаю: какимъ образомъ могъ онъ это сдѣлать?

Баттискомбъ читалъ послѣднія слова Дика, а Джонъ Гискотъ смотрѣлъ на бренные останки человѣка, котораго любилъ, какъ роднаго сына.

— Онъ говоритъ, что застрѣлился нечаянно, отвѣчалъ м-ръ Баттискомбъ.

— Да... да... но какимъ образомъ? Вы посмотрите, гдѣ рана, сказалъ докторъ, поднимая простыню. — Самому нельзя прострѣлить себѣ бокъ, чуть не сзади. Это такъ странно! такъ странно!

Полиція не стала разбирать, какимъ образомъ нанесена рана, и разъ умирающій заявилъ, что выстрѣлилъ самъ, то и приписала кончину Дика къ „случайнымъ“ смертямъ.

Дикъ умеръ. Но добро, которое онъ успѣлъ сдѣлать, осталось и будетъ жить еще долго. Сѣмяна, посѣянныя имъ, взойдутъ и выростутъ хорошимъ деревомъ. А живо ли дурное, сдѣланное имъ? Я жилъ долго въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ куралесилъ Дикъ, и могу сказать, что если онъ вредилъ, то вредилъ только самому себѣ.

Покойный скряга Мортибой былъ погребенъ черезъ три дня послѣ своей смерти, скромно, въ фамильномъ склепѣ. Никто, кромѣ Краймса, Гискота и Баттискомба, не провожалъ его.

Сына же Мортибоя пожелалъ хоронить весь городъ. Горе по немъ не было притворнымъ. Не одно только желаніе посмотрѣть на богатыя похороны привлекло въ процессію массу народа. Въ городѣ не было бѣдняка, который ушелъ бы отъ Дика безъ ласковаго слова и безъ помощи. Всѣ проливали о немъ искреннія слезы.

— Любовь къ ближнему, сказалъ въ заключеніе своего надгробнаго слова ректоръ:—искупаетъ всѣ грѣхи.

Все кончилось. Дика между людьми не стало, его опустили въ могилу и засыпали землею; и никто не услышитъ болѣе его добродушнаго, искренняго смѣха, его мягкаго, симпатичнаго голоса. Женщины, преслѣдуемыя бѣдностью, не пойдутъ къ нему болѣе съ своими нуждами; а не нуждающіяся въ помощи не будутъ любоваться имъ, встрѣчая его на улицѣ. Мужчины не станутъ болѣе восхищаться его умомъ и силою или завидовать его богатству. Все кончилось. Дика Мортибоя похоронили.

XVIII.

Все досталось м-съ Гискотъ. Громадное состояніе не пошатнулось отъ щедрости Дика. М-ръ Баттискомбъ офиціально увѣдомилъ ее объ этомъ. Настоящаго завѣщанія найдено не было. Краймсъ и Меллишипъ остались не причемъ, все переходило къ м-съ Гискотъ.

М-съ Гискотъ опомниться не могла, что она такъ богата, какъ никогда и не разсчитывала быть.

— Ну, мы, конечно, переѣдемъ жить въ Лондонъ, говорила она дочерямъ.—Отцу вашему придется отстать отъ своихъ вульгарныхъ привычекъ.

— У отца нѣтъ никакихъ вульгарныхъ привычекъ, возразила Гресъ.

— Не противорѣчь, Гресъ! Развѣ не вульгарно курить послѣ обѣда трубку? Обѣдать мы будемъ въ половинѣ восьмаго, и каждый вечеръ будемъ ѣздить на балы. Мы, конечно, будемъ представлены ко двору. Отецъ вашъ броситъ эту ферму, и мы купимъ гдѣ нибудь имѣнье. Краймсъ будетъ управлять банкомъ

хотя я должна сказать, что онъ получаетъ непозволительно большое жалованье. А когда вы выйдете замужъ,—съ моего, конечно, согласія, — то можете разсчитывать на приданое, прибавила она, глядя на Гресъ.

— Я выйду за Френка Меллишша, спокойно отвѣчала Гресъ.

Обѣ дѣвушки невыносимо страдали, слушая нападки матери на ихъ любимаго отца. Бываютъ люди съ довольно грубыми манерами, но съ тонкими чувствами, которыя никогда не допустятъ сдѣлать или сказать что нибудь неделикатное или непорядочное. Къ числу такихъ именно людей принадлежалъ Джонъ Гискотъ. Ему были переданы слова, написанныя подъ диктовку умирающаго Дика. Джонъ передалъ ихъ Баттискомбу, думая, что они могли имѣть какое нибудь законное значеніе. Ему страшно было подумать, что̀ будетъ за жизнь, если все достанется не дочерямъ, а женѣ. Простая предсмертная записка значенія не имѣла, и все перешло къ м-съ Гискотъ. Баттискомбъ сообщилъ ему о Полли и, вмѣстѣ съ тѣмъ, о правахъ мужа на имущество жены, по законамъ Англіи. Въ заключеніе онъ посовѣтовалъ ему исполнить, по возможности, намѣренія Дика.

Поддерживаемый закономъ, Джонъ Гискотъ смѣло пошелъ на бой съ женою. Онъ далъ ей высказаться относительно перемѣны жизни и затѣмъ спокойно сказалъ:

— Въ составленіи плановъ жизни, Лидія, тебѣ не мѣшало бы посовѣтоваться со мною и спросить, какъ я намѣренъ поступить.

— Джонъ Гискотъ, кто получилъ состояніе Мортибоя? съ презрѣніемъ спросила Лидія.

— Я, твой мужъ.

Она затаила дыханіе отъ удивленія.

— Не хочешь ли ты сказать, что не мнѣ все досталось?

— Конечно, не тебѣ. Пока ты жива, все принадлежитъ мнѣ. Посли смерти ты можешь передать, кому угодно.

— Таковъ законъ? Неужели ты осмѣливаешься говорить, что законы въ Англіи допускаютъ это? И еще Англія называется христіанской и протестантской страной?

— Объяснимся толкомъ, Лидія. Мы люди порядочные и порядочными желаемъ остаться. Мы съ тобою стары и не годимся для общества, въ которомъ не выросли...

— Я-то не гожусь! Да ты вѣрно забываешь, что я воспитывалась въ пансіонѣ въ Маркетъ-Базингѣ?

— Ты превосходно воспитана для жены фермера, какою ты сдѣлалась двадцать пять лѣтъ тому назадъ. Нѣтъ, Лидія, намъ въ

столицѣ жить нечего. Я намѣренъ вести жизнь совершенно такую же, какую велъ до сихъ поръ.

— Какъ! ты воображаешь, что я, получивъ такое состояніе, соглашусь жить, какъ теперь? Ни за что!

— Придется согласиться, Лидія, спокойно сказалъ мужъ.—Если же ты ни за что не согласишься, то тебѣ придется жить гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ, и, право, я не знаю, на какія средства ты будешь тогда жить. Конечно, я позволю тратить лишнія деньги на кое-какія прихоти, но глупостей дѣлать не позволю. Дѣвочки, выйдя замужъ, получатъ состояніе. Еще скажу: все, что Дикъ намѣревался сдѣлать, мы обязаны исполнить. Вотъ, прочти это.

Онъ подалъ женѣ послѣднюю волю Дика.

— Бѣдный Дикъ! Это была его послѣдняя воля. Мы обязаны ее исполнить.

— Папа, вспыхнувъ, сказала Гресъ:— вы въ самомъ дѣлѣ хотите исполнить все, что Дикъ намѣревался сдѣлать?

— Все, Гресъ. Рѣшительно все.

— Въ такомъ случаѣ, поговорите съ Краймсомъ, папа, и спросите, что Дикъ хотѣлъ сдѣлать для него и еще для другаго лица.

На слѣдующій день, м-съ Гискотъ поѣхала осмотрѣть домъ въ Дернгемѣ, и зашла на виллу.

Дверь въ садъ была отворена, также какъ и парадная дверь.

Въ столовой никого не было, но въ курильной комнатѣ сидѣла Полли въ глубокомъ траурѣ и держала у глазъ носовой платокъ.

Прочитавъ изъ газетъ о смерти Дика, Полли тотчасъ же сообразила, что ей надо сдѣлать. Не сказавъ ничего капитану Баукеру, она купила себѣ вдовью шляпу и поѣхала въ Маркетъ-Базингъ.

— Мери, что это значитъ? вскричала м-съ Гискотъ.

— Мистриссъ Ричардъ Мортибой, м-съ Гискотъ, или, лучше сказать, кузина Гискотъ, проговорила Полли, утирая себѣ глаза.— Ахъ, какъ ужасно лишиться мужа,—мужа, только что вернувшагося изъ далекихъ странъ.

— Мери! да вы съ ума сошли!

Она только покачала головою и заплакала сильнѣе.

— Бѣдный Дикъ! Никогда болѣе не увижу я его. Что же вы не садитесь, м-съ Гискотъ? Это мой домъ, и всѣ деньги переходятъ ко мнѣ; но ссориться мы не будемъ. Родные должны жить въ согласіи. Садитесь, барышни.

Гресъ знала, что она говоритъ правду, но сочла за лучшее молчать и не садиться.

— Объяснитесь, Мери Треслеръ, сказала ея бывшая барыня.

— Чего тутъ объясняться. Двѣнадцать лѣтъ тому назадъ или даже еще больше, я вышла замужъ за Дика Мортибоя и вѣнчалась въ церкви св. Панкратія, о чемъ, если угодно, можете справиться. И теперь я пріѣхала предъявить свои права, какъ сдѣлала бы всякая на моемъ мѣстѣ. Не думайте, м-съ Гискотъ, что я сержусь на васъ за прежнее, хотя вы всегда были ругательницей. Теперь мнѣ некогда думать о прошломъ, теперь я могу лишь оплакивать своего Дика. Я пріѣхала только сегодня утромъ. Послушайте, не знаете ли вы, гдѣ Дикъ хранилъ бумаги? Между ними должна быть одна бумага, которую я желала бы взять.

Полли было ужасно досадно, что она не знала, гдѣ хранились бумаги Дика. Она осмотрѣла уже спальню, но не нашла тамъ подписаннаго ею признанія.

М-съ Гискотъ онѣмѣла отъ изумленія. Неужели коварный Дикъ дѣйствительно былъ женатъ?

— Да, ужасно быть вдовою, продолжала Полли.—Я еще такъ молода, а Дикъ былъ такой славный!

— Гресъ, проговорила м-съ Гискотъ:—неужели это правда? Или эта женщина съ ума сошла?

— Женщина! въ ярости крикнула Полли.—Сами вы женщина! Какъ смѣете вы звать меня женщиной? Я выцарапаю вамъ глаза!

Дверь отворилась, и вошелъ м-ръ Краймсъ, со связкою бумагъ въ рукѣ.

— А, холодно сказалъ онъ, увидавъ Полли:—мнѣ конюхъ сказалъ, что вы тутъ. Что вамъ угодно здѣсь? Пожалуйста, только безъ глупостей.

— Мистеръ Краймсъ, мой клеркъ, сказала Полли:—мой слуга и управляющій моимъ банкомъ, не говорите дерзостей, или же я напомню вамъ о вашемъ мѣстѣ. Вашего брата довольно, я могу нанять кого нибудь другаго.

Хотя она говорила все это высокомѣрнымъ тономъ, но, видя спокойствіе Краймса, невольно встревожилась

— О нашихъ дѣлахъ мы поговоримъ потомъ. А теперь вамъ лучше бы уйти самой. Да, я прошу васъ уйти, и немедленно. Всякое дерзкое слово ваше этимъ дамамъ будетъ строго наказано. Отправляйтесь, или я стану говорить яснѣе.

— Не пойду!

Полли сѣла на кресло и весьма рѣшительно поправила на себѣ платье.

— Не пойдете? Хорошо.

М-ръ Краймсъ вышелъ, затѣмъ послышались голоса и шаги въ сѣняхъ. Щеки Полли замѣтно поблѣднѣли.

Краймсъ вернулся. Вслѣдъ за нимъ вошелъ м-ръ Баттискомбъ, фермеръ Джонъ и третье лицо, никому неизвѣстное, но при видѣ котораго Полли вскочила, точно ей нанесли смертельный ударъ. Это былъ уже не молодой мужчина съ рыжей бородкой и голубыми глазами, капитанъ Баукеръ.

— Кто этотъ господинъ, сударыня? спросилъ ее Краймсъ.

— Подождите. Это вамъ даромъ не пройдетъ! отвѣчала Полли.

— Позвольте мнѣ сказать вамъ, началъ м-ръ Баттискомбъ:— что мы, подозрѣвая, что вы захотите воспользоваться обстоятельствами, слѣдили за вами, и увидавъ, что вы ѣдете сюда, съ слѣдующимъ поѣздомъ привезли капитана Баукера, вашего мужа.

— Ея мужа! вскричала м-съ Гискотъ.—Ахъ вы, гадкая, гадкая женщина!

— Мнѣ сообщили всю твою исторію, сказалъ капитанъ, обращаясь къ Полли:—и теперь я узналъ, что могу отъ тебя освободиться, когда мнѣ угодно. Такимъ образомъ, ты можешь отправляться, куда хочешь. Божусь, что если ты явишься ко мнѣ, то я освобожусь отъ тебя, и ты будешь посажена въ тюрьму. Я переѣзжаю обратно къ Скимпъ. Не говори, что я скрываюсь отъ тебя. Если осмѣлишься, то можешь явиться туда.

— Ахъ ты, морской теленокъ, очень я нуждаюсь въ тебѣ. Я презираю тебя, высокомѣрно сказала Полли.

— Не лучше ли вамъ отправляться, сказалъ Краймсъ:—до отхода поѣзда остается всего двадцать минутъ. Если хотите, то я довезу васъ до станціи.

Она важно прошла мимо всѣхъ. Краймсъ вышелъ вслѣдъ за нею и отвезъ ее на станцію.

Заключеніе.

Теперь намъ остается показать читателю три картины. Первая картина происходитъ въ Парижѣ. Передъ длиннымъ столомъ, за которымъ сидятъ судьи съ серьезными и строгими лицами, стоитъ преступникъ, которому читаютъ приговоръ. Блѣдное, худое лицо его обросло бородой, уже не видавшей бритвы мѣсяца три. Этотъ преступникъ обвиняется въ участіи въ убійствѣ архіепископа. На ногахъ у него нѣтъ ни сапогъ, ни башмаковъ, лохмотья

едва на немъ держатся, а кругомъ шеи обвита какая-то тряпка; онъ дрожитъ отъ декабрьскаго холода. Но руки у него нѣжныя, бѣлыя, джентльменскія. У него спрашиваютъ фамилію и профессію. Онъ пожимаетъ плечами.

— Вѣдь вы спрашиваете въ сотый разъ, мнѣ это надоѣло. Моя фамилія Лафлеръ. Я принималъ участіе въ убійствѣ архіепископа. Никакихъ убѣжденій у меня нѣтъ. Произносите скорѣе вашъ приговоръ.

Въ холодное туманное утро онъ стоитъ около стѣны, передъ взводомъ солдатъ. Стоитъ онъ совершенно спокойно. Раздается команда, и Лафлеръ падаетъ обезображеннымъ трупомъ. Смерть онъ всегда предпочиталъ бѣдности.

Около доковъ въ Лондонѣ есть переходъ черезъ улицу, до такой степени грязный, что нѣтъ человѣка, который бы, перейдя его, не пожелалъ обтереть ногъ. Прохожимъ предлагаетъ свои услуги маленькій, худенькій, но здоровый мальчикъ. Его зовутъ Билемъ. По солнечнымъ днямъ, онъ является на свой постъ въ сопровожденіи товарища, похожаго на маленькаго старика. Товарищъ его не работаетъ, но сидитъ на ступеняхъ у двери, которая никогда не отворяется. Въ этомъ мѣстѣ его не продуваетъ холодный вѣтеръ.

— Знаешь, Тузи, говоритъ мальчикъ.—Вѣдь со смерти дяди Дика прошло болѣе года.

— Да, да. Бѣдный дядя Дикъ! Съ тѣхъ поръ наши дѣла шли хорошо. Ты помнишь ли то, чему онъ тебя училъ? Какія обязанности мальчика?

— Не воруй, не лги...

Онъ по пальцамъ прочиталъ заповѣди, выученныя имъ у Дика.

— Совершенно вѣрно, Биль. Уѣзжай изъ Англіи. Мы и уѣдемъ, когда прикопимъ денегъ, и когда ты подростешь. Дядя Дикъ былъ хорошій человѣкъ. Намъ, въ жизни, болѣе не встрѣтить дяди Дика. Надо помнить все, что онъ говорилъ, и поступать такъ, какъ онъ училъ.

Третья картина. На главной площади Маркетъ-Базинга стоитъ Френкъ подъ руку съ Гресъ. Они стоятъ передъ памятникомъ, только что открытымъ утромъ при громадномъ стеченіи народа, при звукахъ музыки и множествѣ рѣчей.

— Я рада, что бюстъ имѣетъ сходство съ Дикомъ, говоритъ Гресъ.—Мнѣ было бы невыносимо тяжело, еслибы, вмѣсто благороднаго лица нашего добраго Дика, сдѣлали что нибудь безобразное. Я нарочно пришла вечеромъ, когда никого нѣтъ, чтобы на просторѣ разсмотрѣть. Ну, идемъ домой, Френкъ.

Молодые супруги уходятъ, и Дикъ остается одинъ. Подъ его бюстомъ сдѣлано нѣсколько надписей. Одну изъ нихъ предложила высѣчь Люси, вышедшая замужъ за юнаго лорда Лаунтона. Краймсъ, товарищъ Меллишипа по банку, предложилъ тоже надпись, и случайно она вышла всѣхъ рельефнѣе:

„*Онъ любилъ ближнихъ*“.

КОНЕЦЪ.

ПОХОРОНЫ.

Историческій романъ въ двухъ частяхъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

XVIII.

Самосожигатели.

Въ эту же ночь и въ тѣ же часы, когда далеко на югѣ, подъ стѣнами осажденнаго Перекопа, пользуясь мракомъ южной ночи, стрѣльцы Карандѣева полка таскали изъ лодки въ палатку князя Голицына бурдюки „съ доброю водою“,—на дальнемъ сѣверѣ, въ самомъ крайнемъ углу Онежскаго озера, въ тишинѣ таинственно-блѣдной сѣверной весенней ночи творилось нѣчто такое же таинственное, какъ и эта сѣверная ночь...

Въ сѣверномъ углу Онежскаго озера торчитъ изъ воды небольшой островокъ, какихъ нибудь пять-шесть верстъ въ окружности. Бурныя воды огромнаго, какъ море, озера, оторвавъ этотъ скалистый клокъ земли отъ материка еще во время образованія земной коры надъ клокочущими въ нѣдрахъ земли вулканами, теперь спокойно облегаютъ его со всѣхъ сторонъ. Спятъ теперь эти волны, какъ спитъ вся поверхность бездоннаго озера, какъ спятъ ближайшія и далекія темныя горы, и сѣрыя скалы, и дремучіе лѣса вокругъ, — какъ спитъ вся эта тихая, прозрачная ночь. На островокъ и на все озеро, какъ и на все окружающее, не ложатся ночныя тѣни, но, тѣмъ болѣе, чѣмъ-то таинственнымъ и неяснымъ дышетъ эта сѣверная весенняя ночь: всѣ предметы являются какими-то неопредѣленными, загадочными.... Еще болѣе загадочно это движеніе на всемъ островѣ и на озерѣ. По острову и по берегу озера двигаются какіе-то люди, и много ихъ, очень много, а отъ материка тихо скользятъ по озеру, по направленію къ острову, какія-то лодки, полныя людей, и одна за другой пристаютъ къ берегу. Изъ лодокъ вытаскиваютъ охапки чего-то темнаго и несутъ къ деревяннымъ строеніямъ,

силуэты которыхъ, заборы и крыши неясно вырѣзываются изъ-за прогалинъ темнаго бора, охватывающаго строенія съ трехъ сторонъ. Иногда слышится говоръ, дѣтскій плачъ и сонный лай собакъ. Не слышится только ни пѣнія соловья, ни постукиванья перепела, ни тѣхъ, полныхъ очарованія, нестройныхъ голосовъ природы, какіе сходятъ на землю южными весенними ночами.

У воротъ строеній, обращенныхъ къ озеру, скучилась огромная толпа народу, безмолвная и неподвижная, а посреди толпы стоитъ высокій старикъ съ длинными, какъ у женщины, волосами и сѣдою до пояса бородою. Слышится его возбужденный голосъ, который какъ-то дико звучитъ въ этой таинственной ночной тишинѣ.

— Потягнемъ, православные, за золотыми вѣнцами потягнемъ! раздается голосъ старика:—вы меня знаете, да не всѣ, и не вся моя жизнь вамъ вѣдома... Была то не жизнь, а житіе... Породою я русскихъ людей, зовутъ меня Емельянкомъ, Ивановъ сынъ, новѣнчанинъ, изъ Новѣнца-града,—жилъ въ Новѣнцѣ въ бобылкахъ своимъ дворомъ, писалъ божественныя книги стараго письма и тѣмъ кормился. И послѣ пожару, много лѣтъ назадъ, двора у меня своего не стало—отняли попы дворовое мое мѣсто якобы подъ церковь, а построили торговыя бани для корысти—каковы попишки!

— А-ахъ! молча, но тяжело вздохнула толпа.

— И съ того числа проживалъ я, православные, гдѣ день, гдѣ ночь, аки птицы небесныя, продолжалъ старикъ:—и такъ до холодовъ, до заморозковъ, когда птицы небесныя на теплыя воды улетаютъ, а другія птицы—въ стрехахъ да въ дуплахъ хоронятся въ непогодь. Пришало и мнѣ хорониться въ дуплѣ:—и присталъ я на посадѣ у сестры своей, у вдовы Агафьицы—бѣдность непокрытая! А проживаючи у Агафьицы, на праздники, въ церкви не бывалъ, для того что нонѣ пѣніе въ церквахъ и служба новая, и обѣдню служатъ не надъ просвирами, а надъ колобками, а въ тѣхъ колобкахъ—бѣсы...

Толпа даже колыхнулась, но никто не произнесъ ни слова. Слышно было только, какъ гдѣ-то за оградой болѣзненно плакалъ ребенокъ, а слабый женскій голосъ однообразно напѣвалъ:

Будешь въ золотѣ ходить,
Цвѣтно платьице носить...

— Жди! въ золотѣ! крикнулъ старикъ по адресу этого голоса:—бѣсы, въ просвирахъ латынскихъ бѣсы, потому—какъ былъ я на исповѣди тому назадъ лѣтъ десять и какъ сталъ причащаться на нонѣшнихъ просвирахъ, и изъ меня пошли зміи, и самого стало

бить и трясти,—и съ того числа я на исповѣди не былъ и не причащался. И зато меня привели предъ игемона, и я, входя къ игемону, образамъ его не поклонился. И рече ми игемонъ: чесо ради не кланяешься образамъ. И, отвѣщавъ, реку: образа ваши не святые, и вѣра нонѣ христіанская изсякла, что родникъ въ пустынѣ, и святыни въ вашихъ церквахъ нѣтъ—отлетѣла аки дымъ кадильный, и обѣдню нонѣ служатъ по римски, надъ колобками, и вмѣсто креста на просвирахъ поставлены латынскіе крыжи. И священники ваши—говорю—всѣ антихристовы предтечи, и антихристъ въ міръ вселился уже седьмой годъ—я его видѣлъ самъ: въ Грановитой палатѣ, на Москвѣ, предъ ликомъ лжецарей, обличалъ его Никита: тотъ антихристъ—говорю—Маркелка митрополитишка псковской.

Толпа боязно крестилась. Фанатикъ возвышалъ голосъ.

— А вы знайте, православные, что какъ царь Алексѣй за вѣру Соловецкій монастырь велѣлъ казнить, то на третій день и умеръ. А нынѣ я посланъ отъ Бога учить и вѣру христіанскую проповѣдывать по всей землѣ... Верховные апостолы Петръ и Павелъ мнѣ сродичи, а у Петра ключи отъ рая—кого похочетъ, того и пуститъ. Слышите! они мнѣ сродичи!—А вы креститесь двумя перстами, а не тремя: въ томъ, въ ихнемъ крестѣ сидитъ Кика бѣсъ съ преисподнею... И все это я сказалъ игемону тому. И повелѣ игемонъ предати мя огню, клещамъ и многимъ встрискамъ на дыбѣ. И приговорили меня игемоны сжечь и пепелъ мой разметать и затоптать...

Онъ остановился. Глаза его дико сверкали. А ночь кругомъ—все такая же тихая, таинственная. Слышно было, какъ въ толпѣ тихо плакали женщины.

— И меня сожгли и пепелъ мой затоптали! бѣшено выкрикнулъ безумецъ.—А я ожилъ! видите, я живъ! Сказано бо: не оживетъ, аще не умретъ...

— А какъ же отецъ Аввакумъ и отецъ Никита не ожили? робко спросилъ кто-то изъ толпы.

— Не пришелъ бо часъ, отвѣчалъ фанатикъ.

— А ты коимъ же способомъ ожилъ? спросилъ тотъ же голосъ.

— А таковымъ способомъ, какъ оживаетъ житное, либо ячменное зерно, въ землю втоптанное: оживаетъ то зерно на лѣто, и даетъ самъ-пятъ, либо самъ-десятъ... А я ожилъ самъ-сотъ, може самъ-тьма-темъ...

Никто, повидимому, не посмѣлъ дальше разспрашивать о чудесномъ воскресеніи фанатика, и онъ продолжалъ:

— Не бойтесь, православные, гонителей,—ни-ни! у насъ есть

супротивъ нихъ пушки—вотъ онѣ!—И онъ высоко поднялъ два пальца.—Такъ слагайте персты—и васъ пуля не тронетъ... Бысть мнѣ въ нѣкое время таково видѣніе. Нѣкоея нощи сижу я въ своей келейкѣ и пишу старыя божественныя книги. Человѣконенавидецъ же убо діаволъ, обтекая вселенную и простирая лукавыя сѣти человѣческому роду, паче же писателей уловляя различными бѣды, восхотѣ и меня уловить въ свои сѣти. Пишу это я и слышу, аки въ тонцѣ снѣ, что въ чернильницѣ у меня что-то плещется, аки рыбица малая. И разумѣвъ, яко то бѣсъ лукавый,—да возьми и перекрести отверстіе чернильницы. А оттуда какъ выскочитъ нѣчто, точно мшица махонька,—и се бысть гласъ: Емельянъ! Емельянъ! азъ, бѣсъ, посмѣяхся надъ тобою: коимъ убо крестомъ ты перекрестилъ меня?—И уразумѣлъ я въ ту пору, что перекрестилъ я его, бѣса окаяннаго, никоновскою щепотью, ибо я писалъ въ ту пору, какъ бѣсъ плескался у меня въ чернильницѣ, и не выпуская перо, сирѣчь писàло, изъ руки, такъ его, бѣса, и перекрестилъ съ писàломъ тремя персты,—и былъ зато посрамленъ отъ бѣса... Дай же, думаю, я тебя вдругорядь накрою, голубчика.—И по маломъ времени пишу я нощію книгу „Маргаритъ“, и се абіе слышу нѣкій плескъ въ чернильницѣ. Ну, думаю, теперь не проведешь. Да возьми и перекрести его двумя персты, истово. Слышу—плещется—такъ чернильницу и возитъ по столу... Вози—думаю себѣ—вози!.. И се абіе гласъ: Емельянъ! Емельянъ! почто мя истязаеши крестомъ истовымъ?—Помилуй мя, Емельянушка!—Нѣтъ, думаю, шалишь!—И вспомянулъ я преподобнаго отца нашего Іоанна Новгородскаго, иже поймалъ бѣса въ рукомойникѣ и ѣздилъ на томъ бѣсѣ въ Ерусалимъ-градъ къ заутренѣ.—Дай, думаю, и я на моемъ бѣсѣ совершу путешествіе ко святымъ мѣстамъ. — Изыди — говорю — духъ окаянный! Именемъ Распятаго же за ны заклинаю—изыди!—И вышелъ изъ чернильницы бѣсикъ махонькій, аки стрекоза, во образѣ нѣмца. Азъ же глаголю: стани конемъ, бѣсе.—И се абіе ста предо мною конь воронъ, и рече гласомъ человѣческимъ: чего хощеши отъ меня, Емельяне мучителю? И глаголю азъ: хощу въ сію нощь быти во градѣ Ерусалимѣ. И се бысть по глаголу моему: всѣвъ на бѣса—и абіе аки молнія пронесся отъ края земли и до края, и увидѣлъ я гробъ Господень, а отъ гроба Господня пять сажень—ту есть пупъ земли, а величество пуповины той три обоймица вокругъ, а съ лѣвую страну есть пропасть велика, и слышенъ чвекотъ адскій въ пропасти той—и то суть врата адовы... И оттолѣ, всѣвъ паки на бѣса, пролеталъ азъ аки птица верху Москвы-града,—и бысть утро, и видѣти столпъ на Красной площади, и вокругъ того столпа

плящутъ жены-плясавицы, а нѣкій вьюношъ плещетъ рукама своима, и азъ вопросихъ бѣса: что сія суть.—И отвѣща: жены-плясавицы—то суть дѣвки иноземки, а вьюношъ руками плещущи—то есть лжецарь Петръ, иже крестится никоновскою щепотью.—А вы, православные, креститеся во-какъ!

Между тѣмъ, къ острову подплыло еще нѣсколько лодокъ. Онѣ были наполнены людьми. На лицахъ виденъ былъ испугъ, отчаяніе...

— Спасайся, православные,—команда идетъ!.. Ужь и насады готовы:—утромъ къ острову пристанутъ съ ружьемъ и огненнымъ боемъ!

Въ толпѣ послышались крики испуга.

— Не пужайся, православные! возвышалъ голосъ тотъ, который на бѣсѣ ѣздилъ: — и у насъ есть огненный бой: смолья, и бересты, и пакли припасено вдоволь—всѣ сгоримъ!

Но, вмѣсто успокоенія, возгласъ этотъ вызвалъ крики ужаса. Толпа заметалась. Послышались отчаянные вопли женщинъ и дѣтей.

— Потягнемъ, православные, за золотыми вѣнцами,—потягнемъ! силился перекричать эти вопли дикій фанатикъ.

Между тѣмъ тихая, блѣдная ночь смѣнилась дивнымъ весеннимъ утромъ. Сѣверо-восточная половина горизонта алѣла все болѣе и болѣе. Неопредѣленныя очертанія лѣса, береговъ и скалъ уступали мѣсто болѣе яснымъ линіямъ и изломамъ. Синія воды озера отражали въ себѣ глубоко опрокинутыя въ нихъ причудливыя горы съ острыми вершинами темныхъ сосенъ и елей. Надъ водою кружили бѣлыя чайки, широко распластавъ кривыя крылья, а ласточки и стрижи съ пискомъ прорѣзывали воздухъ во всѣхъ направленіяхъ... Жить бы людямъ да радоваться; такъ нѣтъ... не живется...

Въ воздухѣ послышались глухіе, но далеко слышные удары объ чугунную доску. Это ударяли въ монастырское било, которымъ созывали всѣхъ къ утренней молитвѣ. Въ то же время на озерѣ, со стороны Повѣнца, показалось нѣсколько судовъ, которыя замѣтно двигались къ острову. На переднемъ суднѣ трепалось въ воздухѣ какое-то знамя. Все ближе и ближе подвигаются суда—въ движеніи ихъ замѣчается какая-то поспѣшность, что-то зловѣщее. На солнцѣ, которое уже поднялось надъ вершинами темнаго бора и обливаетъ багровымъ свѣтомъ суда, ихъ мачты и черныя снасти, что-то блеститъ и искрится: это блестятъ на судахъ бердыши и пищали, отражая лучи утренняго солнца.

Наконецъ суда у самаго острова. Раздается барабанный бой,

Гладкій:—полно ему съ нѣмками на Кукуѣ на органахъ да на скрипицахъ играть.

Изъ порывистыхъ движеній стрѣльцовъ, изъ ихъ рѣчей, переходившихъ въ угрозы, она поняла, что свирѣпые псы достаточно науськаны и теперь сами пойдутъ по слѣду на краснаго звѣря...

„Гробики, гробики", колотилось у нея въ мозгу, когда она отпускала стрѣльцовъ:—„два гроба... чьи-жъ бы это? Одинъ—его... А другой?... Вода не сказала этого волошкѣ..."

II.

Бѣгство медвѣжонка.

Ночь съ 7-го на 8-е августа 1689 года. Въ самую полночь, къ воротамъ царскихъ хоромъ въ Преображенскомъ подъѣхало двое какихъ-то всадниковъ. Опрошенные у воротъ караульными, они назвали себя: старшій—стременнымъ пятидесятникомъ Мельновымъ, младшій—стременнымъ десятникомъ Ладогинымъ, и говорили, что пріѣхали къ царю по самонужному дѣлу и что имѣютъ они за собою скрытое слово. Имъ отвѣчали, что царь спитъ и что будить его никто не посмѣетъ. Пріѣзжіе настаивали — говорили, что утромъ ужь будетъ поздно и что царю и всему московскому государству отъ ночной волокиты учинится всеконечная гибель и всѣмъ людямъ поруха. Такія рѣчи испугали привратниковъ, и они доложились выше. Пріѣзжихъ впустили на верхъ, и къ нимъ вышелъ заспанный государевъ постельничій Гаврило Головкинъ. Съ перваго же взгляда на посѣтителей, Головкинъ понялъ, что ночные гости привезли дурныя вѣсти. Оба были встревожены, на лицахъ—испугъ и рѣшимость...

— Какое такое у васъ дѣло до великаго государя? спросилъ Головкинъ:—государь почиваетъ.

— Мы пришли сказать государю... на Москвѣ чинится бунтъ... въ Кремлѣ убили государева спальника Плещеева...

Головкинъ поблѣднѣлъ и отступилъ.

— Какъ? Плещеева!—да его самъ государь сосылалъ туда...

— Убили его, бояринъ... Я самъ видѣлъ, какъ Микита Гладкій стащилъ его съ коня и билъ... А теперича идутъ бунтомъ сюда, въ Преображенское... доложи, бояринъ, государю...

Головкинъ торопливо скрылся во внутренніе покои. Мельновъ и Ладогинъ остались въ передней.

А юный царь Петръ Алексѣевичъ дѣйствительно спалъ, и крѣпокъ и сладокъ былъ его юношескій сонъ. Лежитъ онъ, *разметавшись* на своей постели, и полуоткрытыя губы его чему-то

Сегодня съ утра онъ забрался въ амбаръ, гдѣ сложены были старыя негодныя вещи — и вдругъ наткнулся на судно, какого онъ сроду не видывалъ.

— Францъ! это что такое? поймалъ онъ за кафтанъ Тиммермана.

— Старое судно, государь,—самъ изволишь видѣть.

— А какъ оно именуется? — Такихъ я что-й-то не видывалъ.

— Это аглицкій ботъ, государь.

— А чѣмъ же онъ лучше нашихъ, русскихъ?

— А тѣмъ онъ лучше, государь, что ходитъ на парусахъ не токмо что по вѣтру, а и противъ вѣтру.

— Какъ! противъ вѣтру?—Не можетъ быть! Ну, покажи — я хочу самъ видѣть... Ты умѣешь имъ править?—А у самого глаза такъ и горятъ.

— Нѣтъ, государь,—въ морскомъ дѣлѣ я не навыченъ.

— А кто жъ умѣетъ?

— Да Карштенъ Брантъ, государь, что при покойномъ родителѣ твоемъ, блаженныя памяти царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, въ Дѣдиновѣ корабли строилъ:—онъ умѣетъ.

— А! знаю его, знаю! Я не однова встрѣчалъ его у Монца—бѣловолосъ и въ кегельную игру зѣло хорошо играетъ.

— Онъ, государь,—онъ самый.

Юному царю не терпится. Онъ осматриваетъ ботъ, трогаетъ, взбирается на него, ощупываетъ снасти, поворачиваетъ якорь... „Гдѣ паруса? — гдѣ руль?.. А! — вотъ руль... косой, срѣзанъ вкось...“

Весь запылился Петръ, запачкался, возясь съ новой находкой; но въ глазахъ довольство, оживленіе.

— Здѣсь государь? спрашиваетъ кто-то въ дверяхъ.

— А! это ты, Борисъ!—Ты зачѣмъ?

— Тебя, государь, ищу. Государыня изволитъ кликать.

— Гей, мнѣ недосугъ... Вотъ что, Борисъ, — пошли сейчасъ гонца въ нѣмецкую слободку—чтобъ Карштена Бранта привезли... Да вели скакать... Сегодня вѣтеръ. Чтобъ сейчасъ былъ!

Царскій дядька стоитъ, ничего не понимая. Но онъ знаетъ своего питомца:—чуть что—тотчасъ оборветъ, а то и щекамъ достанется.

— Слушаю, государь, торопливо отвѣчаетъ онъ.

— А гдѣ Алексашка?

— Не знаю, государь,—не видалъ нонѣ.

— Не знаю!—Сколько разъ я тебѣ говорилъ, чтобъ такого слова мнѣ не сказывали!... Не знаю!

— Прислать укажешь его, государь?

— Пришли... Да скорѣй Бранта!—А мнѣ высокіе сапоги.

Голицынъ спѣшитъ уйти. Изъ дворца прибѣгаетъ запыхавшійся стольникъ. Онъ весь красный.

— Здѣсь государь?—Съ ногъ сбились...

— Чего тебѣ! осаживаетъ его царь.

— Государь!... Государыня царица изволитъ просить кушать

— Отстаньте вы отъ меня!—недосугъ!—вамъ бы все кушать.

Стольникъ растерянно переминается на мѣстѣ. Прибѣгает другой стольникъ.

— Государь... Государыня царица...

— Что тамъ еще!—Опять кушать!

— Государыня указала...

— Пошли вонъ!—мнѣ не до того!

Озадаченные стольники уходятъ, понуривъ головы... „Ну, ч душко!—И въ кого оно?...“

— Эй! кричитъ неугомонный юноша:—стольники!—кто там

— Стольники ушли, государь, отвѣчаетъ Тиммерманъ.

— Кликни ихъ, Францъ,—они мнѣ надобны.

Тиммерманъ зоветъ стольниковъ, и они возвращаются.

— Позвать мнѣ дворскихъ плотниковъ да конопатчиковъ,- токмо живой рукой! Да чтобъ воды захватили и котлы съ в ромъ.

Въ дверяхъ амбара показываются Голицынъ и Алексашк уже одѣтый въ военный кафтанъ.

— А! пирожникъ!—гдѣ пропадалъ?—Опять за пироги пр нялся?

— Нѣтъ, государь,—я грамотѣ учусь—четью-пѣтью церко ному, отвѣчалъ бывшій пирожникъ.

— Это хорошо; учись—прокъ будетъ...

Неугомонную голову осѣнила какая-то новая мысль. Онъ ост новился и соображалъ. Потомъ глаза его внезапно сверкнули...

— Что жъ я—младенецъ, что-ли!—Мнѣ ужь шестнадца лѣтъ,—а за мной все слѣдомъ слѣдятъ эти мамушки да нянюшк стольники да постельницы... Я не маленькій ребенокъ—я царь.

Какъ въ огненномъ темпераментѣ, въ немъ разомъ и безпов ротно созрѣло рѣшеніе. До сихъ поръ на него смотрѣли, ка на ребенка, хотя онъ успѣлъ вытянуться въ косую сажень. Ос бенно царица-мать видѣла въ немъ только ребенка, и что о онъ ни задумывалъ, какими бы планами ни задавался, что о

ни творилъ съ своими „потѣшными“, которыхъ онъ успѣлъ уже набрать два полка,—царица-мать хотя съ любовью, но и не съ одобреніемъ качала головой: „Тѣшится робенокъ... только въ кого онъ уродился такой?...“ И краска выступала на ея поблекшихъ щекахъ... Какъ бы то ни было, огненныя проявленія въ молодомъ царѣ пугали его мать. Его затѣи выходили изъ рамокъ дѣтства, и она не могла помириться съ этимъ... „Робенокъ дуритъ — надо его унять, усадить“... И за великаномъ-„робеночкомъ“ устраивается систематическое материнское шпіонство — шпіонство безумной любви. Стольники, постельницы, нянюшки, мамушки, дурки, карлы — все это шпіонило за каждымъ его шагомъ, и обо всемъ докладывалось матушкѣ-царицѣ. И матушка-царица охаетъ, пилитъ „робеночка“ своею любовью, не надышется, не наглядится на него. А великаона это злитъ; но все таки онъ не можетъ вырваться изъ любовныхъ материнскихъ сѣтей, сбросить съ себя этотъ деспотическій гнетъ дворца, дѣтской, терема... Но видъ англійскаго бота дѣлаетъ переломъ въ его молодой огненной душѣ... Какъ? — въ этомъ ботѣ можно будетъ помѣряться съ стихіями — съ вѣтромъ! — можно будетъ потомъ попасть въ море!... Море!—да онъ его никогда не видывалъ. „На морѣ на кіянѣ, на островѣ на Буянѣ“ стучитъ у него въ сердцѣ... Да это сказка!—это мамушки да нянюшки въ сказкѣ разсказывали объ Иванѣ-царевичѣ да жаръ-птицѣ... А онъ самъ можетъ увидѣть и море-окіанъ, и островъ Буянъ, и поймать жаръ-птицу!

А мать не пуститъ? Опять эти стольники прибѣгутъ... „Матушка-царица указала“...

— Борисъ! вели сѣдлать коней! съ нервной торопливостью говоритъ онъ.

— Подъ кого, государь? спрашиваетъ Голицынъ, улыбаясь про себя и смутно догадываясь, что его питомецъ чѣмъ-то „заряженъ, шибко заряженъ“.

— Подъ кого! палитъ заряженный:—подъ меня, подъ тебя да подъ Алексашку;—ты гораздо теперь выучился ѣздить? обращается онъ къ послѣднему.

— Гораздо, государь, отвѣчаетъ Алексашка.

— То-то у меня!—а то онамедни ты сидѣлъ на сѣдлѣ пирожникомъ...

Пироги подо́вые!
Пироги шелко́вые!

Алексашка улыбнулся... „Нѣтъ, государь, — я нонѣ навыкъ этому дѣлу“...

супротивъ нихъ пушки—вотъ онѣ!—И онъ высоко поднялъ два пальца.—Такъ слагайте персты—и васъ пуля не тронетъ... Бысть мнѣ въ нѣкое время таково видѣніе. Нѣкоея нощи сижу я въ своей келейкѣ и пишу старыя божественныя книги. Человѣконенавидецъ же убо діаволъ, обтекая вселенную и простирая лукавыя сѣти человѣческому роду, паче же писателей уловляя различными бѣды, восхотѣ и меня уловить въ свои сѣти. Пишу это я и слышу, аки въ тонцѣ снѣ, что въ чернильницѣ у меня что-то плещется, аки рыбица малая. И разумѣвъ, яко то бѣсъ лукавый,—да возьми и перекрести отверстіе чернильницы. А оттуда какъ выскочитъ нѣчто, точно мышица махонька,—и се бысть гласъ: Емельянъ! Емельянъ! азъ, бѣсъ, посмѣяхся надъ тобою: коимъ убо крестомъ ты перекрестилъ меня?—И уразумѣлъ я въ ту пору, что перекрестилъ я его, бѣса окаяннаго, никоновскою щепотью, ибо я писалъ въ ту пору, какъ бѣсъ плескался у меня въ чернильницѣ, и не выпуская перо, сирѣчь писàло, изъ руки, такъ его, бѣса, и перекрестилъ съ писàломъ тремя персты,—и былъ зато посрамленъ отъ бѣса... Дай же, думаю, я тебя вдругорядь накрою, голубчика.—И по маломъ времени пишу я нощію книгу „Маргаритъ“, и се абіе слышу нѣкій плескъ въ чернильницѣ. Ну, думаю, теперь не проведешь. Да возьми и перекрести его двумя персты, истово. Слышу—плещется—такъ чернильницу и возитъ по столу... Вози—думаю себѣ—вози!.. И се абіе гласъ: Емельянъ! Емельянъ! почто мя истязаеши крестомъ истовымъ?—Помилуй мя, Емельянушка!—Нѣтъ, думаю, шалишь!—И вспомянулъ я преподобнаго отца нашего Іоанна Новгородскаго, иже поймалъ бѣса въ рукомойникѣ и ѣздилъ на томъ бѣсѣ въ Ерусалимъ-градъ къ заутренѣ.—Дай, думаю, и я на моемъ бѣсѣ совершу путешествіе ко святымъ мѣстамъ. — Изыди — говорю — духъ окаянный! Именемъ Распятаго же за ны заклинаю—изыди!—И вышелъ изъ чернильницы бѣсикъ махонькій, аки стрекоза, во образѣ нѣмца. Азъ же глаголю: стани конемъ, бѣсе.—И се абіе ста предо мною конь воронъ, и рече гласомъ человѣческимъ: чего хощеши отъ меня, Емельяне мучителю? И глаголю азъ: хощу въ сію нощь быти во градѣ Ерусалимѣ. И се бысть по глаголу моему: всѣвъ на бѣса—и абіе аки молнія пронесся отъ края земли и до края, и увидѣлъ я гробъ Господень, а отъ гроба Господня пять сажень—ту есть пупъ земли, а величество пуповины той три обоймица вокругъ, а съ лѣвую страну есть пропасть велика, и слышенъ чвекотъ адскій въ пропасти той—и то суть врата адовы... И оттолѣ, всѣвъ паки на бѣса, пролеталъ азъ аки птица верху Москвы-града,—и бысть утро, и видѣти столпъ на Красной площади, и вокругъ того столпа

пляшутъ жоны-плясавицы, а нѣкій вьюношъ плещетъ рукама своима, и азъ вопросихъ бѣса: что̀ сія суть.—И отвѣща: жоны-плясавицы—то суть дѣвки иноземки, а вьюношъ руками плещущи—то есть лжецарь Петръ, иже крестится никоновскою щепотью.—А вы, православные, креститеся во̀-какъ!

Между тѣмъ, къ острову подплыло еще нѣсколько лодокъ. Онѣ были наполнены людьми. На лицахъ виденъ былъ испугъ, отчаяніе...

— Спасайся, православные,—команда идетъ!.. Ужь и насады готовы:—утромъ къ острову пристанутъ съ ружьемъ и огненнымъ боемъ!

Въ толпѣ послышались крики испуга.

— Не пужайся, православные! возвышалъ голосъ тотъ, который на бѣсѣ ѣздилъ: — и у насъ есть огненный бой: смолья, и бересты, и пакли припасено вдоволь—всѣ сгоримъ!

Но, вмѣсто успокоенія, возгласъ этотъ вызвалъ крики ужаса. Толпа заметалась. Послышались отчаянные вопли женщинъ и дѣтей.

— Потягнемъ, православные, за золотыми вѣнцами,—потягнемъ! силился перекричать эти вопли дикій фанатикъ.

Между тѣмъ тихая, блѣдная ночь смѣнилась дивнымъ весеннимъ утромъ. Сѣверо-восточная половина горизонта алѣла все болѣе и болѣе. Неопредѣленныя очертанія лѣса, береговъ и скалъ уступали мѣсто болѣе яснымъ линіямъ и изломамъ. Синія воды озера отражали въ себѣ глубоко опрокинутыя въ нихъ причудливыя горы съ острыми вершинами темныхъ сосенъ и елей. Надъ водою кружили бѣлыя чайки, широко распластавъ кривыя крылья, а ласточки и стрижи съ пискомъ прорѣзывали воздухъ во всѣхъ направленіяхъ... Жить бы людямъ да радоваться; такъ нѣтъ... не живется...

Въ воздухѣ послышались глухіе, но далеко слышные удары объ чугунную доску. Это ударяли въ монастырское било, которымъ созывали всѣхъ къ утренней молитвѣ. Въ то же время на озерѣ, со стороны Повѣнца, показалось нѣсколько судовъ, которыя замѣтно двигались къ острову. На переднемъ суднѣ трепалось въ воздухѣ какое-то знамя. Все ближе и ближе подвигаются суда—въ движеніи ихъ замѣчается какая-то поспѣшность, что-то зловѣщее. На солнцѣ, которое уже поднялось надъ вершинами темнаго бора и обливаетъ багровымъ свѣтомъ суда, ихъ мачты и черныя снасти, что-то блеститъ и искрится: это блестятъ на судахъ бердыши и пищали, отражая лучи утренняго солнца.

Наконецъ суда у самаго острова. Раздается барабанный бой,

и изъ судовъ выходятъ на берегъ вооруженные солдаты и строятся въ ряды. По командѣ сѣдаго бородача, подъ мѣрный бой барабана, солдаты мѣрнымъ шагомъ идутъ къ деревяннымъ воротамъ, окованнымъ желѣзомъ, за которыми высятся разныя деревянныя постройки и церковь съ семью главами и семью же надъ ними осьмиконечными крестами. Какъ бы въ отвѣтъ на барабанный бой, за оградой, въ разныхъ мѣстахъ показался дымъ и послышались испуганные женскіе крики.

— Окаянные! пробормоталъ сквозь зубы бородачъ, — горѣть хотятъ... Выламывай, ребята, ворота!

Дымъ, показываясь въ разныхъ мѣстахъ, охватывалъ все большее и большее пространство. Изъ-за ограды показывались уже огненные языки. Крики переходили въ отчаянные вопли.

— Высаживай ворота! живо!—руби бердышами!

Но массивныя ворота не подавались. Пламя разгоралось—шипѣніе и трескъ все усиливались, неистовые вопли заглушали трескъ и гулъ пожара. Стаи голубей, ласточекъ, стрижей и другихъ птицъ испуганно метались въ воздухѣ, кружились въ дыму и стремглавъ падали въ пламя, гдѣ погибали ихъ гнѣзда съ птенцами. Крылья бѣлыхъ голубей трепетали высоко въ воздухѣ, словно бабочки или лепестки бѣлой бумаги, а среди отчаянныхъ воплей отчетливо раздавался голосъ фанатика:

— Радуйтесь, православные! вонъ вѣнцы съ неба сходятъ!.. Духъ святой въ видѣ голубинѣ—радуйтесь!

Солдаты дружно рубили ворота, ограду; но еще дружнѣе бушевало пламя: крыши домокъ, келій—трещали и корчились словно въ судорогахъ. Ужасному шуму и треску вторили страшные человѣческіе стоны и проклятія.

На оградѣ показалась женщина съ ребенкомъ на рукахъ. Она, видимо, съ глухимъ отчаяніемъ боролась съ кѣмъ-то, кто удерживалъ ее сзади, стаскивалъ съ ограды. Лицо ея искажено, волосы въ безпорядкѣ. Нечеловѣческій крикъ вырывается изъ ея груди, и она бросаетъ ребенка впередъ, за ограду, а сама навзничъ опрокидывается внутрь ограды. Въ одно мгновеніе, на ея мѣстѣ показывается огненная фигура—человѣкъ, обмотанный паклею и политый смолою—онъ горитъ, какъ свѣча...

— Га! вѣдьма! не хочешь быть аллилуевой женой! рычитъ эта горящая гигантская свѣча и спрыгиваетъ съ ограды.

Въ одно мгновеніе онъ схватываетъ барахтающагося на землѣ ребенка и перекидываетъ его обратно, за ограду, въ огонь.

— Гори! въ раю будешь!

Самъ же онъ падаетъ на землю, горитъ и корчится въ мукахъ.

Къ нему подбѣгаютъ солдаты, но не смѣютъ дотронуться до этой безобразной горящей массы, издыхающей въ корчахъ. На оградѣ показывается другой огненный человѣкъ и, съ страшнымъ визгомъ соскочивъ на землю, стремительно бѣжитъ къ озеру и со всего размаху прыгаетъ въ воду... Вода поглощаетъ безумца, а на поверхность высылаетъ только пузыри, которые тутъ же лопаются и исчезаютъ...

Заборъ наконецъ въ двухъ мѣстахъ выламывается и падаетъ внутрь. Глазамъ представляется потрясающая картина: въ пламени мечутся горящіе люди—старики, взрослые, женщины, дѣти. По землѣ, словно черви, извиваются такіе же горящіе безумцы, горятъ другъ на дружкѣ, падаютъ и вскакиваютъ, рвутъ на себѣ волосы, поднимаютъ къ небу руки... Съ трескомъ рушатся крыши домовъ, церковныя главы, а кругомъ въ страшныхъ позахъ, съ потрясающими воплями корчатся какія-то безформенныя массы или лежатъ недвижимо, словно обугленныя бревна или лѣсныя карчи... Но это не карчи, а политые смолою и обмотанные паклею обуглившіеся люди...

Тѣ, которые еще въ состояніи стоять и метаться въ мукахъ, какъ бѣшеное стадо, бросились въ проломъ и, вопя, визжа, стоная нечеловѣческими стонами, падая и вскакивая, стремятся къ водѣ, падаютъ одинъ на другаго, опять вскакиваютъ и съ шипѣньемъ бросаются въ озеро, которое ихъ и поглощаетъ, покрывая собою это возмутительное зрѣлище... За горящею женщиною бѣжитъ къ водѣ дѣвочка, желая настигнуть свою мать, но какой-то засмоленный демонъ хватаетъ дѣвочку на руки и вмѣстѣ съ нею бросается въ пламя...

Во время этого адскаго „дѣйства“, въ противоположной пожарищу, задней сторонѣ ограды отворилась калитка, закрытая густымъ кустомъ свидины, и изъ нея торопливо вышли два человѣка. Одинъ изъ нихъ былъ тотъ старый фанатикъ, который якобы поймалъ бѣса въ чернильницѣ и которому якобы верховные апостолы Петръ и Павелъ—„сродичи“, а другой—худой, высокій чернецъ въ скуфейкѣ стариннаго соловецкаго образца. Они тащили небольшой кованый желѣзомъ сундукъ, направляясь къ водѣ. Тамъ, подъ прикрытіемъ прибрежныхъ кустовъ ивняка и осоки, стояла привязанная къ кусту лодка. Бѣглецы втащили въ нее сундукъ, отвязали лодку, усѣлись сами въ нее и быстро поплыли отъ Палеострова, въ противоположную отъ Повѣнца сторону.

— Ангелы-то какъ радуются понѣ, сказалъ апостольскій „сродичъ“ Емельянъ, глядя на покинутый ими, дымящійся островъ.

—вѣнцовъ-то, вѣнцовъ-то мученическихъ сколько раздадутъ он нонѣ!

— Истинно, подтвердилъ его спутникъ, чернецъ въ скуфейкѣ сидя у руля:—поди, тысящи двѣ съ половиною праведниковъ при велъ ты нонѣ въ рай, Емельянъ.

— Полтретьи тысящи! восторженно воскликнулъ фанатикъ: — ликуетъ нонѣ рай, а бѣси плачутъ и адъ зубами скреже щетъ *).

— А хорошо, Емельянъ, что ты объ казнѣ не забылъ, замѣ тилъ чернецъ:—а то бы и она сгорѣла.

— Зачѣмъ казнѣ горѣть!—это казна Богородицына: съ этов казною мы еще не одну тысящу душъ приведемъ ко Господу.

Изувѣры долго еще видѣли, какъ курилась человѣческая ге катомба, дымъ которой высоко поднимался къ небу... А утро бы ло такое чудное, — свѣжая весенняя зелень такъ говорила жизни!..

XIX.

Щука и море.

Въ послѣдній разъ мы видѣли юнаго Петра Алексѣевича когда онъ съ своими „потѣшными робятками“ игралъ на Москвѣ рѣкѣ, защищая сдѣланную изъ снѣгу крѣпость, названную им Перекопомъ.

Теперь, въ то самое утро, когда Голицынъ, получивъ нѣсколь ко бурдюковъ „доброй воды“, отступалъ отъ Перекопа, а на Онежскомъ озерѣ раскольники тысячами погибали въ пламени зажженнаго ими Палеостровскаго монастыря,—юный царь тѣшил ся въ Москвѣ новою потѣхою. Въ послѣдніе дни онъ страшно капризничалъ, потому что мать, желая отвлечь его отъ нѣмец кой слободки, которую онъ повадился посѣщать каждый день,— съ весной утащила его подальше отъ „кукуевскихъ прелестницъ“ (это—Модеста и Ягана) и поселилась съ нимъ въ селѣ Измай ловѣ. Скучая, онъ, вмѣстѣ съ своимъ новымъ учителемъ, голланд цемъ—или „галанскимъ нѣмцемъ Францкою“ (Францъ Тиммер манъ), постоянно рыскалъ по окрестностямъ или лазилъ по са раямъ, амбарамъ, по конюшнямъ и каретникамъ: все ему надо видѣть, обо всемъ разспросить—что̀, ка̀къ, для чего, изъ чего?

---

*) По свидѣтельству раскольниковъ, въ Палеостровскомъ монастырѣ сгорѣло въ два пріема, 3,200 самосожигателей.

Сегодня съ утра онъ забрался въ амбаръ, гдѣ сложены были старыя негодныя вещи — и вдругъ наткнулся на судно, какого онъ сроду не видывалъ.

— Францъ! это что такое? поймалъ онъ за кафтанъ Тиммермана.

— Старое судно, государь,—самъ изволишь видѣть.

— А какъ оно именуется? — Такихъ я что-й-то не видывалъ.

— Это аглицкій ботъ, государь.

— А чѣмъ же онъ лучше нашихъ, русскихъ?

— А тѣмъ онъ лучше, государь, что ходитъ на парусахъ не токмо что по вѣтру, а и противъ вѣтру.

— Какъ! противъ вѣтру?—Не можетъ быть! Ну, покажи — я хочу самъ видѣть... Ты умѣешь имъ править?—А у самого глаза такъ и горятъ.

— Нѣтъ, государь,—въ морскомъ дѣлѣ я не навыченъ.

— А кто жъ умѣетъ?

— Да Карштенъ Брантъ, государь, что при покойномъ родителѣ твоемъ, блаженныя памяти царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, въ Дѣдиновѣ корабли строилъ:—онъ умѣетъ.

— А! знаю его, знаю! Я не однова встрѣчалъ его у Монца—бѣловолосъ и въ кегельную игру зѣло хорошо играетъ.

— Онъ, государь,—онъ самый.

Юному царю не терпится. Онъ осматриваетъ ботъ, трогаетъ, взбирается на него, ощупываетъ снасти, поворачиваетъ якорь... „Гдѣ паруса? — гдѣ руль?.. А! — вотъ руль... косой, срѣзанъ вкось...“

Весь запылился Петръ, запачкался, возясь съ новой находкой; но въ глазахъ довольство, оживленіе.

— Здѣсь государь? спрашиваетъ кто-то въ дверяхъ.

— А! это ты, Борисъ!—Ты зачѣмъ?

— Тебя, государь, ищу. Государыня изволитъ кликать.

— Гей, мнѣ недосугъ... Вотъ что, Борисъ, — пошли сейчасъ гонца въ нѣмецкую слободку—чтобъ Карштена Бранта привезли... Да вели скакать... Сегодня вѣтеръ. Чтобъ сейчасъ былъ!

Царскій дядька стоитъ, ничего не понимая. Но онъ знаетъ своего питомца:—чуть что—тотчасъ оборветъ, а то и щекамъ достанется.

— Слушаю, государь, торопливо отвѣчаетъ онъ.

— А гдѣ Алексашка?

— Не знаю, государь,—не видалъ нонѣ.

украшавшую теперь наличникъ камина, оторочку старинныхъ церковныхъ одеждъ, которою здѣсь обшиты были портьеры... Этотъ блескъ золота, эти шолковыя, побурѣвшія отъ времени, ткани, вся эта пышность, напоминавшая скорѣе церковь, чѣмъ обыкновенное человѣческое жилище, и смущали рабочихъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, внушали имъ какое-то невольное почтительное чувство. Восточные ковры, разостланные по полу, казалось, спутывали имъ ноги; но больше всего удручала депутатовъ невыносимая жара, сразу охватившая ихъ, какъ только они вошли сюда, еще съ оледенѣвшими отъ вѣтра лицами. Прошло минутъ пять. Рабочимъ становилось все болѣе и болѣе неловко въ этомъ роскошномъ, затворенномъ со всѣхъ сторонъ, салонѣ.

Наконецъ вошелъ Геннебо. Сюртукъ его былъ застегнутъ наглухо, по военному, на груди виднѣлся маленькій орденскій бантикъ.

— Вотъ и вы! заговорилъ онъ, входя въ комнату.—Вы, кажется, вздумали бунтовать!...

Но онъ тотчасъ же сдержалъ себя и холодно-вѣжливо прибавилъ:

— Садитесь; я не прочь поговорить съ вами.

Углекопы оглянулись назадъ, ища взглядами стульевъ. Нѣкоторые рѣшились сѣсть, другіе же побоялись прикоснуться къ этимъ шолковымъ расшитымъ тканямъ, которыми была обита мебель, и предпочли остаться на ногахъ.

Геннебо, откативши свое кресло къ камину, окинулъ взглядомъ депутатовъ, мысленно пересчитывая ихъ и въ то же время стараясь припомнить ихъ лица и имена. Онъ узналъ Пьеррона, спрятавшагося въ самыхъ заднихъ рядахъ, и затѣмъ глаза его остановились на Этьенѣ, сидѣвшемъ какъ разъ напротивъ директора.

— Посмотримъ, что такое вы мнѣ скажете, проговорилъ Геннебо.

Онъ ожидалъ, что первымъ заговоритъ Этьенъ, и до того удивился, когда изъ толпы выдвинулся Магё, что даже не могъ удержаться и воскликнулъ:

— Какъ, это вы... самый лучшій работникъ, отличавшійся всегда благоразуміемъ... вы, котораго отецъ и дѣдъ и вся *семья* работали на копяхъ съ самаго ихъ открытія, съ тѣхъ

ни творилъ съ своими „потѣшными“, которыхъ онъ успѣлъ уже набрать два полка,—царица-мать хотя съ любовью, но и не съ одобреніемъ качала головой: „Тѣшится робенокъ... только въ кого онъ уродился такой?...“ И краска выступала на ея поблекшихъ щекахъ... Какъ бы то ни было, огненныя проявленія въ молодомъ царѣ пугали его мать. Его затѣи выходили изъ рамокъ дѣтства, и она не могла помириться съ этимъ... „Робенокъ дуритъ — надо его унять, усадить“... И за великаномъ-„робеночкомъ“ устраивается систематическое материнское шпіонство — шпіонство безумной любви. Стольники, постельницы, нянюшки, мамушки, дурки, карлы — все это шпіонило за каждымъ его шагомъ, и обо всемъ докладывалось матушкѣ-царицѣ. И матушка-царица охаетъ, пилитъ „робеночка“ своею любовью, не надышется, не наглядится на него. А великаона это злитъ; но все таки онъ не можетъ вырваться изъ любовныхъ материнскихъ сѣтей, сбросить съ себя этотъ деспотическій гнетъ дворца, дѣтской, терема... Но видъ англійскаго бота дѣлаетъ переломъ въ его молодой огненной душѣ... Какъ? — въ этомъ ботѣ можно будетъ помѣряться съ стихіями — съ вѣтромъ! — можно будетъ потомъ попасть въ море!... Море!—да онъ его никогда не видывалъ. „На морѣ на кіянѣ, на островѣ на Буянѣ“ стучитъ у него въ сердцѣ... Да это сказка!—это мамушки да нянюшки въ сказкѣ разсказывали объ Иванѣ-царевичѣ да жаръ-птицѣ... А онъ самъ можетъ увидѣть и море-окіанъ, и островъ Буянъ, и поймать жаръ-птицу!

А мать не пуститъ? Опять эти стольники прибѣгутъ... „Матушка-царица указала“...

— Борисъ! вели сѣдлать коней! съ нервной торопливостью говоритъ онъ.

— Подъ кого, государь? спрашиваетъ Голицынъ, улыбаясь про себя и смутно догадываясь, что его питомецъ чѣмъ-то „заряженъ, шибко заряженъ“.

— Подъ кого! палитъ заряженный:—подъ меня, подъ тебя да подъ Алексашку;—ты гораздо теперь выучился ѣздить? обращается онъ къ послѣднему.

— Гораздо, государь, отвѣчаетъ Алексашка.

— То-то у меня!—а то онамедни ты сидѣлъ на сѣдлѣ пирожникомъ...

Пироги подо́вые!
Пироги шелко́вые!

Алексашка улыбнулся... „Нѣтъ, государь, — я нонѣ навыкъ этому дѣлу“...

— Что жъ ты стоишь, Борисъ?—я тебѣ сказалъ!

— Въ кое мѣсто изволишь, государь, ѣхать?

— На Кукуй, къ Монцамъ—за Крафтомъ:—дѣло есть.

— Слушаю, государь.

Голицынъ торопливо ушелъ, боясь взглянуть вверхъ, на окна дворца, въ одномъ изъ которыхъ виднѣлась царица-мать и издали съ тревогой слѣдила за тѣмъ, что дѣлалось около амбара.

— А ты пока, Францъ, вели плотникамъ да конопатчикамъ обмыть ботъ гораздѣе, приготовить пакли да вару нагрѣть, распоряжался расходившійся Геркулесъ, задумавшій вырваться изъ объятій Омфалы-матушки.

— Слушаю, государь.

Но вотъ и лошади осѣдланы и поданы. Царь и дядька уже на конях. Алексашка также сидитъ на сѣдлѣ молодцомъ.

— Ну, съ Богомъ—въ путь.

Отъ дворца бѣгутъ стольники безъ шапокъ, запыхавшіеся, смущенные.

Петръ даже не глянулъ на нихъ, далъ шпоры въ бока лошади и поскакалъ. За нимъ Борисъ Голицынъ и Алексашка, а сзади два конюха.

Мать-царица, стоя у окна, только руками всплеснула... Господи! въ кого онъ?...

. . . . . .

Черезъ нѣсколько дней—ботъ уже плавно качается на водѣ у берега рѣки Яузы. Веселый, оживленный, въ костюмѣ голландскаго юнги, Петръ быстро вскакиваетъ въ него по сходцамъ и дѣлаетъ „салютъ“ боцману Крафту, который сидитъ у руля и держитъ въ рукахъ парусныя снасти. За нимъ входятъ въ ботъ Борисъ Голицынъ, Никита Зотовъ, Тиммерманъ и Алексашка въ костюмѣ голландскаго матроса.

По другую сторону Яузы, на берегу, стоятъ Гордонъ, Лефортъ и Монсъ съ дочками, пріѣхавшіе посмотрѣть на новую потѣху царя.

Не утерпѣла и царица-мать, чтобъ и тутъ не пошпіонить за чадушкомъ. Вонъ въ сторонкѣ стоитъ дворцовая „корета“, а въ окно ея, изъ-за зеленой тафты, тревожно выглядываетъ блѣдное, зеленоватое лицо самой матушки... „Господи! долго-ли до бѣды!—а опрокинется?... Помилуй Богъ!...“

Ботъ отчалилъ отъ берега. Довольно свѣжій вѣтеръ дулъ внизъ по теченію рѣки. Крафтъ сдѣлалъ движеніе рулемъ, и ботъ повернулся носомъ противъ вѣтра. Петръ стоялъ у мачты, *блѣдный отъ* волненія. Крафтъ потянулъ снасти. Парусъ, безпоря-

дочно трепавшійся по вѣтру и задѣвавшій по лицу царя, вдругъ надулся въ одну сторону, накренилъ на эту сторону ботъ... вотъ опрокинется...

— Ахъ! Богородица! испуганно вскрикнулъ Зотовъ, хватаясь за скамью.

— О-охъ! Владычица! донесся слабый крикъ изъ кареты.

Но ботъ, едва не зачерпнувъ воды, стрѣлой понесся противъ вѣтра и противъ теченія. Петръ выпрямился — словно выросъ. Онъ былъ все такой же блѣдный, но ноздри его энергически вздувались, какъ у горячей лошади, огненные взоры жадно слѣдили за бѣгомъ бота...

— Браво! браво! гохъ! неслось съ того берега, гдѣ стояли нѣмцы.

Дочки Монса хлопали въ ладоши, махали платками... Петръ улыбнулся и рукою послалъ имъ привѣтствіе...

Блѣдное лицо, выглядывавшее изъ окна кареты, исказилось тоской и болью... „А меня—мать-то, мать-то и забылъ... Вспомнилъ дѣвокъ иноземокъ, а мать родную забылъ“...

Ботъ повернулъ назадъ. Теперь парусъ его надулся ровно, прямо,—и ботъ летѣлъ, какъ птица. Петръ, держась за мачту, дрожалъ отъ восторга... Крики нѣмцевъ и русскихъ, набѣжавшихъ посмотрѣть на новую потѣху царя, восторженные „браво“, „гохъ“, „ай да нѣмецъ-колдунъ“ — неслись съ обоихъ береговъ Яузы. Стольники, стоя вблизи кареты, ажно объ полы руками ударили.

— Ужь и дѣйство же галанское! вотъ такъ дѣйство!

Крафтъ искусно повернулъ руль, передернулъ парусныя снасти; ботъ дрогнулъ, накренился—и опять птицей полетѣлъ противъ вѣтра... Опять назадъ, опять противъ... Отъ быстраго бѣга, при порывѣ вѣтра, ботъ ткнулся носомъ въ берегъ. Крафтъ справился съ нимъ и повернулъ; но новый порывъ вѣтра налетѣлъ съ боку и ботъ ударился носомъ въ другой берегъ...

— Для чего такъ? тревожно спросилъ Петръ.

— Вода узка, государь, — отвѣчалъ Крафтъ: — разгуляться негдѣ.

— А гдѣ можно? съ дрожью спросилъ взволнованный юноша.

— На Просяномъ пруду, государь:—тамъ пошире будетъ.

— Нѣтъ,—и тамъ мало авантажу сыщемъ, съ недовольствомъ произнесъ царь:—въ море бы.

— Море далеко, государь, вступился Зотовъ:—озеро бы большое—оно лучше.

— А какое? гдѣ?—Бѣлоозеро?

— Бѣлоозеро далеко, государь,—и государыня-царица насъ не пуститъ туда.

— Ахъ, Никита!—матушка!—все матушка!—я не ребенокъ... А гдѣ ближе, Никитушка?

— Да близко ничего нѣту, государь.

— Есть и ближе, государь, вставилъ свое слово дядька.

— А гдѣ, Борисъ?

— А Плещеево озеро, государь, въ Переславѣ: всего ходу до него сто двадцать верстъ... Ну, тамъ можно разгуляться.

— И точно, оно не далече, подтвердилъ и Зотовъ:—за Троицей почитай только же, сколько до Троицы-Сергія... Да только и туда, государь, насъ не пуститъ царица.

Не пуститъ!—Это несносно!—это тюрьма... Онъ не дѣвка, чтобъ ему торчать въ терему... Не воздухи же ему вышивать на церковь... А сама поговариваетъ, что пора бы женить Петрушеньку...

Ба! его осѣнила счастливая мысль... Надо обмануть богомольную старуху... „Ложь во спасеніе“, шепнула ему податливая совѣсть... „Попрошу матушку, чтобъ отпустила меня къ Троицѣ на богомолье... Скажу, что обѣщанье далъ, чтобъ не утонуть въ Яузѣ нонѣ... Она повѣритъ, она богомольная—отпуститъ съ Борисомъ, съ княземъ да съ Никитой!... А мы оттудова махнемъ въ Переславъ—лови насъ!“...

И онъ тотчасъ же велѣлъ пристать къ берегу и съ жаромъ обнялъ Крафта.

— Спасибо, спасибо!— Я этого никогда не забуду.

Радостный, счастливый, онъ бросился къ каретѣ матери, за нимъ стольники—онъ крикнулъ на нихъ:—„долой! я къ матери иду!“—и, отворивъ дверцу кареты, повисъ на шеѣ у матери.

— Матушка! голубушка!

— Что, сынокъ?—что, свѣтъ очей моихъ?—Ахъ, сколь ты напужалъ меня!

— Голубушка моя, мамочка! отпусти меня!

— Куда еще, свѣтикъ мой? (въ глазахъ уже тревога: опять что-то выдумалъ!)—Куда, Петрушенька?

— На богомолье, матушка.

— Куда же, соколикъ? (на душѣ полегчало).—Къ Иверской?

— Къ Троицѣ, матушка.

— Добро, сыночекъ,—и я съ тобою поѣду.

— Нѣту, мамочка!—для чего тебѣ?—Я нонѣ обѣщаніе далъ преподобному Сергію... Я испужался—и далъ обѣщаніе угоднику, чтобъ не утонуть...

— Добро, добро, мое солнышко,—поѣзжай съ Богомъ, да только не мѣшкай тамъ...

Петръ душилъ свою „старуху“ въ объятіяхъ...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

„Медвѣдицу на рогатину“.

Въ 1689-мъ году, шестнадцатилѣтняго Петра Алексѣевича женили. Прямо съ потѣхъ—да подъ вѣнецъ!

Казалось бы страннымъ по отношенію къ такому чадушкѣ, какъ Петръ Алексѣевичъ, употреблять выраженіе, что его—„женили“. Оно дѣйствительно странно, но на дѣлѣ было именно такъ. И все это продѣлала безумная любовь къ нему матушки. Трепеща за свое чадо, которое теперь перенесло свои „потѣхи“ съ Москвы-рѣки и Яузы на Переяславское озеро, а потомъ, пожалуй, перенесетъ и на море, матушка рѣшилась подыскать ему новую, болѣе для нея безопасную „потѣху“—женить неугомонное чадушко. Для этого ему подсунули хорошенькую, пухленькую, совсѣмъ крупичатую боярышеньку, ясноглазенькую Евдокеюшку, или Дунюшку Лопухину, дочку окольничаго Иларіона Лопухина. У Евдокеюшки была густая русая коса, бившая ее, какъ жгутомъ, по ядрёнымъ бедрамъ, когда она съ сѣнными дѣвушками игрывала въ горѣлки; бѣлая лебединая грудь, что рогомъ лѣзла изъ подъ тонкой кисейной рубахи, и голубые глаза съ поволокой:—это была настоящая русская красавица, обѣщавшая вскорѣ сдѣлаться „тетёхою“,—какою она и сдѣлалась.

Петру Алексѣевичу она совсѣмъ не нравилась. Правда, ему бросились въ глаза ея женскія прелести, и чтобъ отвязаться отъ приставаній матери, онъ сдѣлалъ поблажку—позволилъ себя женить на крупичатомъ тѣлѣ; но за эту поблажку потребовалъ отъ матери горьчайшихъ уступокъ...

Здѣсь и начинается поворотъ въ жизни Петрушеньки, какъ и поворотъ въ исторіи Россіи. „Женится—перемѣнится мой соколикъ Петрушенька“, сказала обрадованная матушка, получивъ согласіе сына на женитьбу. И дѣйствительно—все перемѣнилось, только не такъ, какъ надѣялась матушка. Молодую жену свою онъ тотчасъ же послѣ вѣнца, чуть ли не на третій день паточ-

наго—какъ онъ выражался—мѣсяца, назвалъ „сайкою", которая только и сносна, пока изъ печи,—а тамъ...

И вотъ Петрушенька прямо съ новобрачной постели улепетываетъ на Переяславское озеро, захвативъ съ собою Бориску Голицына, стараго Зотова, Тиммермана и Алексашку: тамъ у него дѣло, тамъ у него Крафтъ кораблики строитъ. И оттуда уже, чтобъ хоть чѣмъ-нибудь утѣшить „старуху" за свой побѣгъ, пишетъ ей, а не своей соломенной вдовѣ-„сайкѣ":

„Вселюбезнѣйшей и паче живота тѣлеснаго дражайшей моей матушкѣ, государынѣ царицѣ и великой княгинѣ Наталіи Кириловнѣ"—ну, точь въ точь, какъ солдатикъ въ деревню.

„Сынишка твой, въ работѣ пребывающій Петрушка, благословенія прошу и о твоемъ здравіи слышать желаю. А у насъ молитвами твоими здорово все. А озеро все вскрылось сего 20-го числа, и суды всѣ, кромѣ большаго корабля, въ отдѣлкѣ, только за канатами станетъ. И о томъ милости прошу, чтобы тѣ канаты, по семисотъ сажень, изъ пушкарскаго приказу, не мѣшкавъ, присланы были."

А чтобы припугнуть родительницу и заставить ее поскорѣй выслать канаты, прибѣгаетъ къ уловкѣ. Онъ приписываетъ: „а коли за канатами дѣло станетъ, и житье наше продолжится"... Значитъ, вѣдай, что не скоро меня увидишь и сайкой не заманишь...

Родительница съ своей стороны хитритъ. Пишетъ: пріѣзжай-де на панихиды по братѣ Ѳедорѣ, соколикъ. А соколикъ отвѣчаетъ: „быть готовъ, только гей, гей! дѣло есть... а о судахъ паки подтверждаю, что зѣло хороши всѣ..."

Вотъ тебѣ и женила!..

А тамъ мутитъ сестрица милая, царевна Софья Алексѣевна. Просидѣвъ на батюшкиномъ тронѣ семь лѣтъ, поддерживаемая стрѣлецкими копьями, она стала догадываться, что скоро, скоро братецъ Петрушенька спихнетъ ее съ этого мѣста, да еще и въ монастырь запрячетъ... Ну, и стала мутить... Слыша стороной, что „озорникъ"-братецъ недоволенъ вторымъ крымскимъ походомъ и постыднымъ отступленіемъ Голицына изъ-подъ Перекопа, она, распаляемая еще большею страстью къ своему идолу Васенькѣ, шлетъ ему на встрѣчу безумное посланіе.

„Свѣтъ мой, батюшка, надежа моя, здравствуй на многія лѣта! восклицаетъ она въ порывѣ любовнаго припадка.—Зело мнѣ сей день радостенъ, что Господь Богъ прославилъ имя свое святое, также и Матери своея, пресвятыя Богородицы, надъ вами, свѣтѣ мой. Чего отъ вѣка не слыхано, ни отцы наши повѣдаша намъ такого милосердія Божія. Не хуже израильскихъ людей васъ Богъ

извелъ изъ земли египетскія—тогда чрезъ Моисея, угодника своего, а ныне чрезъ тебя, душа моя. Слава Богу нашему, помиловавшему насъ чрезъ тебя. Батюшка ты мой, чѣмъ платить тебѣ за такіе твои труды неисчетные? Радость моя, свѣтъ очей моихъ! мнѣ вѣры не имѣтца, штобы тебя, свѣтъ мой, видѣть. Великъ бы мнѣ день той былъ, когда ты, душа моя, ко мнѣ будешь. Еслибы мнѣ возможно было, я бы единымъ днемъ тебя поставила предъ собою. Писма твои, врученны Богу, къ намъ всѣ дошли въ цѣлости. Исподъ Перекопи пришли отписки въ пятокъ 11-го числа. Я брела лѣша исподъ Воздвиженскова, только подхожу къ монастырю Сергія-чюдотворца, къ самымъ святымъ воротамъ, а отъ воротъ отписки о бояхъ. Я не помню, какъ взошла—чла, идучи! Не вѣдаю, чѣмъ ево свѣта благодарить за такую милость ево, и матерь ево, и преподобнаго Сергія, чюдотворца милостиваго. Што ты, батюшка мой, пишешь о посылкѣ въ монастыри, все то исполнила—по всѣмъ монастырямъ бродила сама пѣша. А радѣнье твое, душа моя, дѣломъ оказуетца. Што пишешь, батюшка мой, штобъ я помолилась: Богъ, свѣтъ мой, вѣдаетъ, какъ желаю тебя, душа моя, видѣти"...

Безконечное письмо!—и все „свѣтъ мой", „душа моя", „надѣжа моя", „батюшка мой", „свѣтъ очей моихъ", „братецъ Васенька!"

Пропадай все, а только чтобъ Васенька былъ скорѣй около нея! А Васенька—сѣдой, коренастый мужичина, у котораго сынъ ужь сановникъ... Не бѣда — страсть вѣдь сила слѣпая... Но эта слѣпая страсть не мѣшаетъ ей биться изъ-за власти: она зубами за нее уцѣпилась и никому не хочетъ уступить: она помнитъ то, что видѣла волошка въ водѣ... Гдѣ же два гробика?—гдѣ вѣнцы?

Кончивъ страстное посланіе къ Голицыну, она спрятала его въ столъ, а потомъ долго стояла на колѣняхъ передъ кіотомъ. Вечерѣло. Изъ кіота глядѣлъ на нее кроткій ликъ Спасителя...

Она рѣшилась на что-то...

— Ѳедорушка! кликнула она въ сосѣднюю комнату.

На ея зовъ явилась Родимица. Она видимо похудѣла и осунулась. Но Софья не замѣчала этого: у эгоизма, какъ у крота, нѣтъ глазъ на многое.

— Вотъ что, Ѳедорушка, сказала она быстро:—спосылай сейчасъ за Шакловитымъ, да чтобъ онъ захватилъ и Гладкаго и Чермнаго съ товарищи.

— Слушаю, государыня, какъ-то глухо отвѣчала постельница, нерѣшительно переминаясь на мѣстѣ.

предупредить ихъ, что, конечно, правленіе не приметъ ихъ условій.

— Подумайте хорошенько и не надѣлайте глупостей, повторилъ онъ, нѣсколько встревоженный ихъ молчаніемъ.

Въ прихожей Пьерронъ отвѣсилъ ему низкій поклонъ, а Левакъ сдѣлалъ видъ, что нахлобучиваетъ на голову шапку. Магё подумывалъ, что слѣдовало бы еще что нибудь сказать директору на прощанье, но Этьенъ снова толкнулъ его локтемъ, и всѣ депутаты вышли вонъ, храня молчаніе, казавшееся грознымъ. Дверь съ шумомъ захлопнулась за ними.

Возвратясь въ столовую, Геннебо нашелъ своихъ гостей неподвижно и молча сидящими передъ бутылками съ ликеромъ. Въ нѣсколькихъ словахъ онъ передалъ результатъ своего свиданія съ депутатами Денолену, и лицо послѣдняго окончательно омрачилось. Пока директоръ пилъ свой простывшій кофе, гости попробовали было завести разговоръ о совершенно постороннихъ предметахъ, но эта попытка не удалась: Грегуары тотчасъ же опять возвратились къ стачкѣ, выражая удивленіе, почему это нѣтъ такого закона, который воспрещалъ бы рабочимъ бросать работу. Поль успокоивалъ Сесиль, увѣряя, что скоро должны прибыть жандармы.

Наконецъ госпожа Геннебо позвала лакея.

— Ипполитъ, мы потомъ перейдемъ въ салонъ, а теперь отворите тамъ окна и провѣтрите хорошенько комнату.

III.

Прошло двѣ недѣли, а въ понедѣльникъ третьей, по спискамъ, доставляемымъ директору, оказалось, что число рабочихъ, продолжавшихъ работу, еще болѣе уменьшилось. Администрація копей разсчитывала, что въ этотъ понедѣльникъ стачка окончится, но упорство компаніи все болѣе и болѣе ожесточало углекоповъ, и теперь дѣло не ограничивалось уже копями Ворё, Кревъ-кёръ, Миру и Магдалина, въ которыхъ работы прекратились съ самаго начала. Въ Викторіи и Фётри-Кантель работала едва-ли четвертая часть обыкновеннаго комплекта, и даже въ самомъ Сен-Тома начинало чувствоваться зловѣщее броженіе. Мало по малу стачка становилась всеобщею.

— Они не помедля будутъ, государыня, отвѣчалъ начальникъ стрѣльцовъ, бывшій дьякъ.

— И добро... Мнѣ съ тобой особо надо будетъ поговорить.

И они вошли въ молельную царевны, по-нынѣшнему—въ кабинетъ. Шакловитый поклонился иконамъ.

— Садись, Ѳедоръ, пригласила его царевна.

Шакловитый сѣлъ — по привычкѣ постоянно докладывать и писать въ этой комнатѣ—къ письменному столу.

— Слышно, Ѳедоръ, начала Софья:—тамъ (она сдѣлала удареніе на этомъ словѣ)—тамъ, слышно, не похваляютъ нашего дѣла... Медвѣдица съ сынкомъ, а пуще Бориска Голицынъ да Левка Нарышкинъ судачутъ, якобы князь Василій со срамомъ ушелъ изъ Перекопи.

— Точно, государыня, поговариваютъ, отвѣчалъ Шакловитый.

— Такъ надо заткнуть имъ глотку, сердито проговорила Софья.

— А чѣмъ ее, глотку-то, заткнешь, государыня? — На чужой ротокъ не накинешь платокъ, сама вѣдаешь, матушка.

— А мы накинемъ!

— Гдѣ жъ этотъ платокъ?

— А ты сотки... Ты, Ѳедоръ, ткачъ добрый—умѣешь ткать.

— Недоумѣваю, государыня, улыбался хитрый дьякъ.

— А перомъ? — Оно у тебя такой утокъ, такіе узоры тчетъ, что на̀ поди!—раскуси.

— Что жъ я перомъ-то сотку, государыня?

— А похвальную грамоту князь Василью за всю его многую и радѣтельную службу — какъ онъ поганыхъ агарянъ поразилъ и, аки Моисей, вывелъ народъ израильскій изъ полону.

— Такъ, такъ, государыня: теперь уразумѣлъ малую толику.

— А уразумѣлъ, такъ садись и строчи: вотъ тебѣ перо и бумага.

— Добро-ста, государыня; прострочу платочекъ на ихній роточекъ.

Онъ сѣлъ къ столу, обмокнулъ перо въ массивную чернильницу, немного подумалъ, потеръ себѣ переносицу, снова омочилъ перо въ чернила — и привычная дьячья рука заходила по бумагѣ.

— Да смотри, Ѳедоръ, покрѣпче: лучку да перцу подсыпь, понукала Софья.

— Подсыплю, государыня,—подпущу и ладонцу — оно не претитъ.

— Можно—что жъ!—покурить ладономъ не лишне.

Грамота была скоро набросана.

— А ну, ну—прочти, Ѳедоръ.

— По титулѣ — началъ Шакловитый:—мы, великіе государи, тебя, ближняго нашего боярина и оберегателя, за твою къ намъ многую и радѣтельную службу, что такіе свирѣпые и исконные креста святаго непріятели твоею службою не чаянно и никогда не слыханно отъ нашихъ царскихъ ратей въ жилищахъ ихъ поганскихъ поражены и побѣждены и прогнаны...

— Зѣло хорошо, зѣло хорошо! шептала Софья.

— И объявились они сами своимъ жилищамъ разорителями—продолжалъ Шакловитый:—отложа свою обычную свирѣпую дерзость, пришедъ въ отчаяніе и ужасъ...

— Такъ, такъ... зѣло красно!

— Въ Перекопи посады и села и деревни всѣ пожгли, и изъ Перекопи съ своими поганскими ордами тебѣ не показались и возвращающимся вамъ не явились, и что ты со всѣми ратными людьми къ нашимъ границамъ съ вышеописанными славными во всемъ свѣтѣ побѣдами...

— Ну, перо! вотъ золотое перо! невольно шептала Софья:—славными во всемъ свѣтѣ побѣдами...

— ... возвратились въ цѣлости—милостиво похваляемъ.

— Постой, постой, Ѳедоръ! взволнованно говорила Софья:—припиши: милостиво и премилостиво похваляемъ.

— Припишу, государыня,—точно, что покрѣпче будетъ.

— Эко перо у тебя, Ѳедоръ! что за перо!—золотое! — словно жемчугомъ по золоту нижетъ...

Въ это время вошла Родимица и доложила, что пришли стрѣльцы.

— Проведи ихъ сюда, Ѳедорушка, сказала Софья.

Стрѣльцы вошли какъ-то нерѣшительно, словно прячась одинъ за другаго, и истово, широко, всѣ разомъ, перекрестившись на образа, низко поклонились царевнѣ, а потомъ Шакловитому. Ихъ было пять человѣкъ—Гладкій, Чермный, Кондратьевъ, Петровъ и Стрижовъ: это были „заводчики“, запѣвалы послѣ Цыклера и Озерова. Глотки этихъ крикуновъ были извѣстны всей Москвѣ.

— Здорово, молодцы! ласково встрѣтила ихъ царевна.

— Здравія желаемъ, матушка-государыня! отвѣчали они въ одинъ голосъ.

— Садитесь, братцы, приглашала Софья: — у меня есть до васъ дѣло.

— Благодарствуй, государыня, на жалованьѣ,—а сидѣть намъ не къ лицу.

— Не въ прилику будетъ—постоимъ.

— Какъ знаете, согласилась Софья, — а у меня къ вамъ разговоръ будетъ не простой... Вѣдомо вамъ, чаю, самимъ, что̀ въ Москвѣ нонѣ дѣется: васъ, старыхъ слугъ, ни во что ставятъ, а обзавелись новенькими, потѣшными, да и мнѣ за мое семилѣтнее державство ничего, кромѣ досады, не вышло: мутятъ меня съ братомъ царемъ, такъ что хоть изъ царства вонъ.

Она помолчала. Упорно молчали и стрѣльцы, и только Гладкій нетерпѣливо мялъ шапку въ рукахъ.

— А все отъ Бориса Голицына да ото Льва Нарышкина, продолжала Софья:—меньшаго вонъ брата съ ума споили: съ коихъ лѣтъ пить началъ да бражничать съ дѣвками отъ живой жены,— а давно ли женатъ?—и полгоду не будетъ... такъ и живетъ въ нѣмецкой слободѣ... А старшаго брата, Ивана-царя, ни во что ставятъ—двери ему дровами завалили и полѣньемъ, а царскій вѣнецъ изломали... Меня дѣвкою называютъ, будто я и не дочь царя Алексѣя Михайловича... житье наше стало коротко... радѣла я обо всячинѣ, а вонъ до чего дожили...

Она заплакала. Стрѣльцы продолжали молчать, но Гладкій уже сжималъ саблю. Шакловитый прервалъ тяжелое молчаніе.

— Что ты, матушка-государыня! заговорилъ онъ, вскакивая: —развѣ нельзя князя Бориса да Льва Нарышкина убрать? Да и старую „медвѣдицу“ можно... Извѣстно тебѣ, государыня, каковъ ея родъ и какъ въ Смоленскѣ въ лаптяхъ ходила.

— Жаль мнѣ ихъ, отвѣчала Софья:—и безъ того ихъ Богъ убилъ... А вы какъ мыслите? обратилась она къ стрѣльцамъ.

— Воля твоя, государыня, что̀ изволишь, то и дѣлай, отвѣчалъ Чермный:—а мы рады ихъ всѣхъ за тебя хоть въ сѣчку!

— Кузьма правду говоритъ, подтвердилъ Шакловитый: — головки капустныя въ сѣчку, патріарха на покой, а бояре что̀!— отпадшее, зяблое дерево.

— И я то же говорю, все болѣе и болѣе горячился Чермный:— а допрежъ всего надо уходить старую „медвѣдицу“.

— А что скажетъ сынокъ? возразилъ Стрижовъ.

— Что! а чего и ему спускать?—зачѣмъ стало? крикнулъ Чермный.

— Медвѣдицу на рогатину, и медвѣжонка туда же! пояснилъ

Гладкій:—полно ему съ нѣмками на Кукуѣ на органахъ да на скрипицахъ играть.

Изъ порывистыхъ движеній стрѣльцовъ, изъ ихъ рѣчей, переходившихъ въ угрозы, она поняла, что свирѣпые псы достаточно науськаны и теперь сами пойдутъ по слѣду на краснаго звѣря...

„Гробики, гробики", колотилось у нея въ мозгу, когда она отпускала стрѣльцовъ:—„два гроба... чьи-жъ бы это? Одинъ—его... А другой?... Вода не сказала этого волошкѣ..."

II.

Бѣгство медвѣжонка.

Ночь съ 7-го на 8-е августа 1689 года. Въ самую полночь, къ воротамъ царскихъ хоромъ въ Преображенскомъ подъѣхало двое какихъ-то всадниковъ. Опрошенные у воротъ караульными, они назвали себя: старшій—стременнымъ пятидесятникомъ Мельновымъ, младшій—стременнымъ десятникомъ Ладогинымъ, и говорили, что пріѣхали къ царю по самонужному дѣлу и что имѣютъ они за собою скрытое слово. Имъ отвѣчали, что царь спитъ и что будить его никто не посмѣетъ. Пріѣзжіе настаивали — говорили, что утромъ ужь будетъ поздно и что царю и всему московскому государству отъ ночной волокиты учинится всеконечная гибель и всѣмъ людямъ поруха. Такія рѣчи испугали привратниковъ, и они доложились выше. Пріѣзжихъ впустили на верхъ, и къ нимъ вышелъ заспанный государевъ постельничій Гаврило Головкинъ. Съ перваго же взгляда на посѣтителей, Головкинъ понялъ, что ночные гости привезли дурныя вѣсти. Оба были встревожены, на лицахъ—испугъ и рѣшимость...

— Какое такое у васъ дѣло до великаго государя? спросилъ Головкинъ:—государь почиваетъ.

— Мы пришли сказать государю... на Москвѣ чинится бунтъ... въ Кремлѣ убили государева спальника Плещеева...

Головкинъ поблѣднѣлъ и отступилъ.

— Какъ? Плещеева!—да его самъ государь сосылалъ туда...

— Убили его, бояринъ... Я самъ видѣлъ, какъ Микита Гладкій стащилъ его съ коня и билъ... А теперича идутъ бунтомъ сюда, въ Преображенское... доложи, бояринъ, государю...

Головкинъ торопливо скрылся во внутренніе покои. Мельновъ и Ладогинъ остались въ передней.

А юный царь Петръ Алексѣевичъ дѣйствительно спалъ, и крѣпокъ и сладокъ былъ его юношескій сонъ. Лежитъ онъ, разметавшись на своей постели, и полуоткрытыя губы его чему-то

улыбаются. Да и какъ не улыбаться блаженною улыбкою, когда надъ головой его витаютъ такія чудныя грёзы! Онъ тѣшится на Переяславскомъ озерѣ—онъ на большомъ кораблѣ, а кругомъ цѣлая флотилія маленькихъ корабликовъ... И счету имъ, кажется, нѣтъ! А все это Брантъ настроилъ... И какое громадное озеро стало—и конца-краю ему не видать, да и вода въ немъ не та, что̀ была прежде—голубая, голубая, словно разведенная синька... Нѣтъ, это не озеро—это море, безграничное море, безъ береговъ... Духъ захватываетъ отъ радости на этомъ безбрежномъ морѣ, которое казалось ему недосягаемымъ... Нѣтъ, онъ досягнулъ до него—не удержала мать, не помѣшала... И всѣ эти корабли—его корабли, и море его, и это голубое небо — его... По этому морю онъ плыветъ куда-то въ невѣдомую даль... И всѣ его приспѣшники—съ нимъ: вонъ Бориска Голицынъ, Зотовъ, Гордонъ, Лефортъ, Тиммерманъ и матросъ Алексашка... А вонъ и земля виднѣется, словно изъ моря выходитъ—ближе и ближе... Но и земля незнакомая, незнакомая зелень, незнакомыя деревья... Все ближе и ближе земля... Корабли входятъ въ какой-то проливъ... По берегамъ пролива—тёмныя иглы кипарисовъ, которые онъ видѣлъ на рисункахъ у Лефорта, стройные тополи... Гдѣ же онъ? Куда приплыли его корабли?—На берегахъ виднѣются люди, только не русскіе и не нѣмцы: они въ чалмахъ, въ красныхъ фескахъ... Это Крымъ, Перекопъ?.. „Нѣтъ—это Царьградъ“, шепчетъ чей-то ласковый голосъ... Онъ оглядывается: къ нему на плечо оперлась Ганушка—Аннушка Монсъ и говоритъ: „ты въ Цареградѣ — и тебѣ не надоѣдаетъ твоя постылая жена-тетёха, твоя крупичатая сайка...“ Неужели это Царьградъ?—Боже великій!—чѣмъ я заслужилъ такую великую милость твою!..

— Государь, государь! торопливо шепчетъ Головкинъ, трогая спящаго юношу-царя:—государь!

— Ахъ, это ты, Дуня! съ досадой бормочетъ сонный.

— Государь, проснись!..

— Отстань, Авдотья,—я спать хочу...

— Государь! изъ Москвы гонцы... Плещеева стрѣльцы убили.

Петръ поднялся съ подушекъ. Глаза его смотрятъ безумно.

— Что?—что ты говоришь, Гаврило?

— На Москвѣ бунтъ, государь... Плещеева убили... Стрѣльцы идутъ къ Преображенскому... Надо хорониться, уходить отселѣ...

Тутъ только молодой царь понялъ, въ чемъ дѣло. Какъ раненый звѣрь, онъ вскочилъ съ постели.

— Га! сестрица-змѣя!

Спавшій у постели царя, въ ногахъ, словно собачонка, к°

ликъ Хомякъ, услышавъ шумъ, вскочилъ съ своего ложа и заметался по комнатѣ...

— Опять стрѣльцы... Господи!.. сапоги государевы гдѣ?—кафтанъ... Владычица!

Но Петра уже не было въ спальнѣ. Растерявшіеся Головкинъ и карликъ, схвативъ въ охапку платье молодаго царя, сапоги, шляпу, шпагу—опрометью бросились догонять его...

— Гдѣ государь? наткнулись они въ передней на ошеломленныхъ Мельнова и Ладогина.

— Сейчасъ пробѣжалъ тутотка... Коня,—говоритъ,—коня!

— Ахъ, Господи! что жъ это будетъ!.. Должно въ конюшнѣ...

Всѣ четверо пустились на поиски. Царь дѣйствительно былъ въ конюшнѣ. Растерявшіеся со сна и неожиданности конюхи отвязывали любимаго царскаго коня „Арапа"—и не могли отвязать: руки не слушались... Конь храпѣлъ и пятился...

Другія лошади, испуганныя нечаянной суматохой, стали биться въ стойлахъ, ржать... Казалось, что это стрѣльцы подходятъ... Но „Арапъ" отвязанъ—и царь вихремъ вылетѣлъ изъ конюшни. Повскакавъ на первыхъ попавшихся подъ руку коней, Головкинъ, Хомякъ и Мельновъ, пустились вслѣдъ за убѣгавшимъ... И Головкинъ и Хомякъ были безъ шапокъ... У воротъ метались обезумѣвшіе отъ страха сторожа...

— Батюшки свѣты! мертвецъ проскакалъ!

— Въ бѣломъ саванѣ... и глаза огненны...

— Какъ пѣтухи пропѣли, такъ онъ и сгинулъ...

— Куда? задыхаясь и держась за гриву лошади, спрашивалъ Головкинъ.

— Прямо на кладбище, батюшка бояринъ.

— Прямо вонъ къ лѣсу—да тамъ и сгинулъ... разсыпался...

Головкинъ понялъ, куда имъ скакать—въ лѣсъ—онъ тамъ...

— За мной! не отставай!—И они понеслись къ лѣсу.

— Государь! это мы — остановись! кричалъ Головкинъ, увидавъ издали мчавшееся въ лѣсъ бѣлое привидѣніе.

Въ лѣсу бѣглеца настигли, остановили и одѣли. Ночь была свѣжая, а онъ ускакалъ въ одномъ бѣльѣ.

— Долго ли захворать! ворчалъ Головкинъ, котораго непокрытая голова чувствовала всѣ невыгоды августовской ночи.

— Куда жъ мы поѣдемъ, Гаврило Ивановичъ? спросилъ Петръ, все еще чувствуя внутреннюю дрожь.

— Вѣстимо, государь, къ Сергію, отвѣчалъ Головкинъ: — правду сказать, далеконько, да схорониться тамъ можно безъ *опаски*... Поляки въ смутное время и то поломали зубы о стѣны

обители преподобнаго Сергія, а стрѣльцы себѣ и головы свернутъ тамъ.

Въ это время прискакалъ другой стременной, Ладогинъ. Онъ просилъ позволенія тоже слѣдовать за царемъ; но Головкинъ отказалъ ему въ этомъ.

— Нѣтъ, милый человѣкъ, — ты воротись въ Преображенское да по тайности вели доложить князь Борисъ Алексѣичу Голицыну, чтобъ на утрее всѣ ѣхали къ Троицѣ.. А въ ночь чтобъ не пужали ни государыни царицы Натальи Кириловны, ни государыни Евдокеи Ѳеодоровны.

Ладогинъ поцѣловалъ холодную, какъ ледъ, руку царя и быстро скрылся въ темнотѣ. Бѣглецы тронулись въ путь. Не смотря на темноту, царь скакалъ во весь опоръ, и маленькая свита едва поспѣвала за нимъ. Крошечнаго Хомяка, уцѣпившагося своими ручонками за холку коня, едва можно было примѣтить на конѣ: въ темнотѣ онъ казался какимъ-то комочкомъ.

Скакали молча, не переводя духъ, и слышенъ былъ только гулкій топотъ копытъ, да начавшійся далеко за полночь вѣтеръ, дувшій прямо въ лицо бѣглецамъ, зловѣще свистѣлъ въ ихъ ушахъ.

— Это что̀ чернѣетъ тамъ? спрашивалъ царь.

— То Мытищи, государь.

Скоро копыта глухо застучали по какому-то мосту — и царь испуганно вздрогнулъ: ему чудилось, что этотъ глухой стукъ донесется до Москвы, до Кремля, и выдастъ его.

— Это Клязьма-рѣка, государь, пояснилъ Головкинъ.

Когда проскакали еще нѣсколько верстъ, взмыленный Арапъ разомъ остановился и испуганно захрапѣлъ. Царь глянулъ въ сторону: недалеко отъ дороги, на пригоркѣ, стоялъ, казалось, какой-то великанъ и махалъ руками.

— То вѣтряная мельница, государь, сказалъ Головкинъ, поравнявшись съ оторопѣвшимъ царемъ: — какой лѣшій пустилъ ее ночью!

Разорванныя тучи неслись надъ равниной такъ низко, словно бы и онѣ убѣгали отъ невидимой погони. По временамъ, онѣ роняли мелкія капли дождя.

„Вотъ тебѣ и корабли, и море, и Царьградъ“, „ныло у царственнаго бѣглеца.

Снова застучали копыта по мосту.

— Это Уча-рѣка, государь, пояснилъ Головкинъ:—а тамъ и село Пушкино, гдѣ тогда князь Лыковъ взялъ для розыску князя Ивашку Хованскаго.

Катерина неподвижно стояла около стола, опустивъ голову и дрожь пробѣгала по ея худенькому, еще несовсѣмъ сформировавшемуся тѣлу. Наконецъ она попробовала оправдаться передъ матерью и заговорила прерывающимся голосомъ:

— О, еслибы я сдѣлала это по своей волѣ... еслибы мнѣ было веселѣе жить тамъ, чѣмъ у васъ!.. Это все онъ... Если онъ требуетъ, то я должна повиноваться, — не правда ли?— потому что, видишь ли ты, онъ сильнѣе меня... Развѣ знаешь впередъ—что будетъ?.. Наконецъ, дѣло сдѣлано, и его не передѣлаешь... Нужно же, чтобы онъ женился на мнѣ...

Она не возмущалась; въ ея словахъ слышалась смиренная покорность и тому человѣку, во власть котораго она отдалась, и своей судьбѣ. Наконецъ, она и не мечтала ни о чемъ другомъ. Гдѣ нибудь въ уединенномъ мѣстѣ, за насыпью, подвергнуться почти насилію со стороны мужчины, которому она понравилась; потомъ, когда и самой ей еще не больше шестнадцати лѣтъ, сдѣлаться матерью; еще дальше,—если ея любовникъ женится на ней,—обзавестить своимъ хозяйствомъ и терпѣливо переносить нищету... Развѣ это не общая доля всѣхъ ихъ?.. По мнѣнію Катерины, ей нечего было стыдиться, и если она была теперь смущена и дрожала, то это происходило единственно оттого, что мать обращалась съ нею, какъ съ распутною женщиной, и притомъ не наединѣ, а при Этьенѣ, присутствіе котораго приводило молодую дѣвушку почти въ отчаяніе.

Этьенъ всталъ со стула и сдѣлалъ видъ, что весь погрузился въ переворачиваніе готоваго погаснуть угля подъ очагомъ. Однако же онъ не могъ удержаться, чтобы не посмотрѣть на Катерину, и она показалась ему и поблѣднѣвшей, и истомленной, но все таки красивой со своими свѣтлыми глазами на потемнѣвшемъ лицѣ. Она тоже взглянула на него, и когда глаза ихъ встрѣтились, странное чувство овладѣло Этьеномъ: изъ его сердца исчезла вся горечь, ощущавшаяся имъ прежде, когда онъ вспоминалъ о Катеринѣ, и теперь Этьенъ отъ всей души желалъ ей счастія съ тѣмъ человѣкомъ, котораго она ему предпочла. Ему захотѣлось даже чѣмъ нибудь помочь ей, облегчить ея положеніе,—пойти, напримѣръ, въ Монсу и посовѣтовать Шавалю беречь ее, *принудить* его обращаться съ нею болѣе внимательно. Катерина

— Талицы и Рахманово проѣхали, говоритъ какъ-бы про себя Головкинъ:—остается Воздвиженское, а тамъ и Троица...

Воздвиженское... Вонъ тамъ, у дороги, на верстовомъ столбѣ лежали Хованскіе лицами внизъ; какъ далеко брызнула кровь и окрасила руки Шакловитаго и письмо, которое держали эти руки!... Онъ видѣлъ все это тогда изъ окна верхней свѣтлицы... Шакловитый... Это его, Ѳедькины, стрѣльцы идутъ на Преображенское... Можетъ быть, они ужь тамъ—взяли его мать, жену... Что ему жена!... У него въ душѣ огонь, дышать нечѣмъ...

Гдѣ-то вдали пропѣлъ пѣтухъ, другой... Которые это? — вторые?—третьи?... Багровый мѣсяцъ все выше и выше, и все блѣднѣе, меньше... Блѣднѣетъ и востокъ—скоро утро... Таинственныя ночныя тѣни мало по малу куда-то отходятъ. Явственнѣе выступаетъ лѣсъ, горизонтъ раздвигается... Онъ узналъ Воздвиженское — ужь не далеко и до Троицы. А кругомъ все свѣтлѣй и свѣтлѣй становится. Видно, какъ вѣтеръ кустами треплетъ, траву и бурьянъ нагибаетъ. За вѣтромъ, туда, къ Москвѣ, летятъ одна за другой воро̀ны, и карканье ихъ далеко разносится въ утреннемъ воздухѣ.

Петръ оглянулся на своихъ спутниковъ и увидѣлъ, что Мельновъ взялъ къ себѣ на лошадь выбившагося изъ силъ карлика и придерживаетъ его одной рукой, какъ маленькаго ребенка, а лошадь его бѣжитъ рядомъ, привязанная чумбуромъ къ сѣдлу стременнаго. Лица у всѣхъ мертвенно блѣдныя, истомленныя... Проскакать семьдесятъ верстъ въ такой тревогѣ—не легко!

— А вотъ и Троица, государь, сказалъ Головкинъ, едва переводя духъ.

Въ этотъ моментъ силы и сознаніе совсѣмъ оставили Петра; казалось, слова Головкина подкосили его... Вотъ-вотъ спасеніе! убѣжище,—а онъ лишается сознанія. Помнитъ только, какъ его кто-то снялъ съ лошади, какъ путались его одеревенѣлыя ноги со стопудовыми на нихъ гирями, какъ упалъ онъ на постель, а слезы изъ глазъ его лились ручьями.

Одно, что́ сознательно прозвучало въ его ушахъ, это слова архимандрита Викентія:

— Преподобный Сергій оградитъ тебя, великій государь... Обитель его святую въ тяжкое лихолѣтье всѣ польскія и литовскія рати не одолѣли, а враговъ твоихъ, государь, великій святитель, аки прахъ, возметаемый вѣтромъ, развѣетъ—и будетъ плачъ и скрежетъ зубовъ...

Д. Мордовцевъ.

(*Продолженіе будетъ*).

Приговоръ.

Еще когда передъ святыней
Ты шла съ потупленной главой,—
Быть мужа вѣчною рабыней
Тебѣ изрекъ законъ прямой.

Но, на тебя кладя оковы,
Любовь и правду онъ сулилъ;
Въ сліяньѣ двухъ сердецъ онъ новый,
Созвучный міръ тебѣ открылъ.

И ты поникла вся подъ игомъ
Тебѣ врученнаго вѣнца,
И ты вѣрна была веригамъ:
Ты донесла ихъ до конца;

И лишь теперь, глубокой ложью
Возмущена, полна стыдомъ,
Ты правъ на жизнь, на правду божью,
Хоть поздно, требуешь кругомъ.

И—какъ былинка пропадаетъ—
Ты вянешь... близокъ вечеръ твой...
Но свѣтъ лукавый не внимаетъ,—
Но свѣтъ одно лишь повторяетъ:
„Будь мужа вѣчною рабой!“

Ф. Андреевъ.

ЖЕРМИНАЛЬ.

Романъ **Эмиля Золя.**

Часть четвертая.

II.

Въ воскресенье, наканунѣ стачки, нѣсколько человѣкъ углекоповъ, въ томъ числѣ и Этьенъ, собрались у Рассенёра и избрали изъ своей среды депутатовъ, которые должны были отправиться завтра къ директору. Когда, вечеромъ, Магё узнала, что ея мужъ тоже попалъ въ число депутатовъ, она пришла въ отчаяніе и безпрестанно спрашивала его,—неужели онъ хочетъ, чтобы ихъ всѣхъ вышвырнули на улицу. Магё самому было очень непріятно, что его выбрали, и онъ находился въ самомъ скверномъ расположеніи духа, преслѣдуемый тревожными мыслями о послѣдствіяхъ всей этой исторіи. Дѣйствительно, компанія поступила съ ними несправедливо, она довела ихъ до крайности, до нищеты; но, не смотря на это, когда пришла минута дѣйствовать, обоихъ ихъ,—и мужа и жену,—охватилъ страхъ, тотъ страхъ, который постоянно таится въ душѣ людей, не знающихъ, чѣмъ они будутъ существовать завтра, и поэтому всегда склонныхъ скорѣе покориться и еще ниже согнуть спину, чѣмъ пойти на рискъ. Однако же, Магё,—обыкновенно привыкшій полагаться на мнѣніе своей жены, какъ очень разсудительной женщины, да и на этотъ разъ вполнѣ раздѣлявшій въ глубинѣ души ея опасенія,—все таки кончилъ тѣмъ, что разсердился на нее.

— Оставь меня въ покоѣ! сказалъ онъ, ложась спать и поворачиваясь къ женѣ спиной.—Хорошее ли это дѣло—отставать отъ товарищей!.. Я исполняю свой долгъ.

Магё тоже улеглась, и ни мужъ, ни жена долго не гово-

рили ни слова. Наконецъ, послѣ продолжительнаго молчанія, она сказала:

— Ты правъ; иди. Только, бѣдный мой старина, мы пропали.

Въ понедѣльникъ завтракали въ двѣнадцать часовъ, такъ какъ въ часъ депутаты должны были собраться у Рассенёра, чтобы идти затѣмъ, всѣмъ вмѣстѣ, къ господину Геннебо. За завтракомъ былъ только одинъ картофель. Масла оставалось такъ немного, что до него никто и не дотрогивался, оставляя его для тартинокъ на ужинъ.

— Знаешь ли, мы разсчитываемъ на тебя, что ты первый заговоришь съ директоромъ и объяснишь ему наши условія, вдругъ сказалъ Этьенъ, обращаясь къ Магё.

Магё былъ пораженъ этими словами и, отъ волненія, не могъ ничего отвѣчать.

— Нѣтъ, это ужь слишкомъ! вскричала его жена.—Я не прочь отъ того, чтобы онъ шелъ съ вами, но ни за что не позволю ему становиться у васъ во главѣ... Развѣ нельзя выбрать кого нибудь другаго?..

Тогда Этьенъ заговорилъ со своимъ обычнымъ, увлекательнымъ краснорѣчіемъ. Магё—самый лучшій рабочій на копяхъ; его любятъ и уважаютъ болѣе, чѣмъ кого бы то ни было изъ углекоповъ; его знаютъ за человѣка благоразумнаго... Понятно, что ихъ требованія получатъ гораздо болѣе вѣса, когда они будутъ высказаны такимъ человѣкомъ. Сначала остановились было на томъ, что говорить будетъ онъ, Этьенъ, но затѣмъ передумали, такъ какъ къ словамъ его, человѣка пришлаго въ Монсу, отнесутся, конечно, совсѣмъ не съ такимъ вниманіемъ, какъ къ словамъ здѣшняго старожила. Наконецъ, товарищи ввѣряютъ свои интересы болѣе достойному, и этотъ избранникъ не можетъ отказываться отъ даваемыхъ ему полномочій, потому что это будетъ уже подло...

Магё съ отчаяніемъ махнула рукою.

— Иди, иди, старина, умирай за другихъ... Я не удерживаю болѣе тебя...

— Да я никогда не съумѣю говорить, пробормоталъ Магё.—Я наговорю глупостей.

Этьенъ, довольный тѣмъ, что добился согласія Магё, потрепалъ его по плечу.

— Ты скажешь то, что чувствуешь, и выйдетъ очень хорошая рѣчь.

Старикъ Боньморъ, ногамъ котораго становилось лучше, слушалъ и покачивалъ головою, молча, такъ какъ ротъ у него былъ набитъ картофелемъ. Въ комнатѣ наступила тишина. Занятыя ѣдой, дѣти вели себя очень скромно. Наконецъ, прожевавъ картофель, старикъ медленно проговорилъ:

— Говори, что хочешь, а все таки выйдетъ такъ, какъ будто бы ты ровно ничего не сказалъ... Э, я ужъ видалъ ихъ, эти исторіи!.. Сорокъ лѣтъ тому назадъ, насъ прогнали отъ дверей директора, да еще не просто, а сабельными ударами... Нынче, можетъ быть, васъ и примутъ тамъ, но вы добьетесь отъ нихъ столько же, сколько можете добиться вотъ отъ этой стѣны... Они сильны своими деньгами и насмѣются надъ вами...

Воцарилось молчаніе. Магё и Этьенъ оставили своихъ домашнихъ, угрюмо сидѣвшихъ передъ пустыми тарелками, и вышли изъ дому. Къ нимъ присоединились Пьерронъ и Левакъ, и всѣ четверо отправились къ Рассенёру, куда уже начали сходиться маленькими группами другіе депутаты изъ сосѣднихъ селеній. Когда, наконецъ, собрались всѣ двадцать человѣкъ, уполномоченныхъ рабочими, тогда они сговорились въ томъ, чего требовать отъ компаніи копей, и затѣмъ двинулись въ Монсу. Рѣзкій сѣверовосточный вѣтеръ проносился по дорогѣ. Пробило два часа, когда депутаты подошли къ дому директора.

Сначала лакей велѣлъ имъ подождать и захлопнулъ передъ ними входную дверь. Потомъ онъ отперъ ее, проводилъ ихъ въ салонъ и раскрылъ опущенныя на окна тяжелыя драпировки. Свѣтъ, какъ будто просѣивавшійся сквозь кружевныя занавѣски, наполнилъ комнату, и, оставшись въ ней одни, углекопы,—всѣ принарядившіеся, въ суконномъ платьѣ, съ гладко выбритыми бородами,—почувствовали себя очень неловко и не осмѣливались присѣсть на стулья. Они вертѣли въ рукахъ свои фуражки и искоса посматривали на обстановку салона, въ которомъ мода на древности соединила вмѣстѣ самыя разнообразныя вещи всевозможныхъ стилей,—кресла временъ Генриха II, стулья эпохи Людовика XV, итальянскій шкафчикъ шестаго столѣтія, переднюю часть древняго жертвенника,

украшавшую теперь наличникъ камина, оторочку старинныхъ церковныхъ одеждъ, которою здѣсь обшиты были портьеры... Этотъ блескъ золота, эти шолковыя, побурѣвшія отъ времени, ткани, вся эта пышность, напоминавшая скорѣе церковь, чѣмъ обыкновенное человѣческое жилище, и смущали рабочихъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, внушали имъ какое-то невольное почтительное чувство. Восточные ковры, разостланные по полу, казалось, спутывали имъ ноги; но больше всего удручала депутатовъ невыносимая жара, сразу охватившая ихъ, какъ только они вошли сюда, еще съ оледенѣвшими отъ вѣтра лицами. Прошло минутъ пять. Рабочимъ становилось все болѣе и болѣе неловко въ этомъ роскошномъ, затворенномъ со всѣхъ сторонъ, салонѣ.

Наконецъ вошелъ Геннебо. Сюртукъ его былъ застегнутъ наглухо, по военному, на груди виднѣлся маленькій орденскій бантикъ.

— Вотъ и вы! заговорилъ онъ, входя въ комнату.—Вы, кажется, вздумали бунтовать!...

Но онъ тотчасъ же сдержалъ себя и холодно-вѣжливо прибавилъ:

— Садитесь; я не прочь поговорить съ вами.

Углекопы оглянулись назадъ, ища взглядами стульевъ. Нѣкоторые рѣшились сѣсть, другіе же побоялись прикоснуться къ этимъ шолковымъ расшитымъ тканямъ, которыми была обита мебель, и предпочли остаться на ногахъ.

Геннебо, откативши свое кресло къ камину, окинулъ взглядомъ депутатовъ, мысленно пересчитывая ихъ и въ то же время стараясь припомнить ихъ лица и имена. Онъ узналъ Пьеррона, спрятавшагося въ самыхъ заднихъ рядахъ, и затѣмъ глаза его остановились на Этьенѣ, сидѣвшемъ какъ разъ напротивъ директора.

— Посмотримъ, что такое вы мнѣ скажете, проговорилъ Геннебо.

Онъ ожидалъ, что первымъ заговоритъ Этьенъ, и до того удивился, когда изъ толпы выдвинулся Магё, что даже не могъ удержаться и воскликнулъ:

— Какъ, это вы... самый лучшій работникъ, отличавшійся всегда благоразуміемъ... вы, котораго отецъ и дѣдъ и вся семья работали на копяхъ съ самаго ихъ открытія, съ тѣхъ

поръ какъ тамъ ударили въ первый разъ киркою!.. Ахъ, это очень дурно!.. Мнѣ больно видѣть васъ во главѣ недовольныхъ...

Опустивъ глаза въ землю, Магё дожидался, пока замолчитъ директоръ, а затѣмъ началъ говорить, сначала глухо и запинаясь:

— Господинъ директоръ, товарищи именно потому и выбрали меня, что я человѣкъ разсудительный и меня ни въ чемъ нельзя упрекнуть. Это должно служить вамъ доказательствомъ, что мы не буяны и не какіе нибудь сорванцы, ищущіе только смутъ и безпорядковъ. Мы хотимъ одной справедливости... Мы измучились отъ постоянной жизни впроголодь, и намъ кажется, что пришло время устроиться такъ, чтобы намъ, по крайней мѣрѣ, хватало на каждый день хлѣба.

Голосъ его сдѣлался тверже. Онъ поднялъ голову и сталъ смотрѣть прямо на директора.

— Вы сами очень хорошо знаете, что мы не можемъ согласиться на новый порядокъ разсчета... Насъ обвиняютъ въ томъ, что мы плохо крѣпимъ галлереи. Это правда,—мы не дѣлаемъ эту работу такъ, какъ слѣдовало бы дѣлать. Но если мы будемъ посвящать ей больше времени, то нашъ заработокъ значительно сократится; а такъ какъ мы и теперь не можемъ заработать себѣ на хлѣбъ, то тогда придетъ ужъ всему конецъ, и голодъ смететъ вашихъ рабочихъ со свѣта, какъ метлой. Платите намъ дороже,—и мы будемъ лучше крѣпить галлереи. Теперь мы лишь о томъ и заботимся, какъ бы побольше добыть угля, потому что только эта работа даетъ намъ деньги, а если вы прибавите намъ плату, то тогда мы будемъ въ состояніи удѣлять больше времени на крѣпленіе. Другаго исхода не можетъ быть: если хотите, чтобы работа была сдѣлана хорошо, то и заплатите за нее, что̀ слѣдуетъ... А вы, вмѣсто этого, что̀ придумали?.. Вы придумали, видите ли, такую штуку, съ которой наши головы никакъ не могутъ помириться... Вы сбавляете плату съ телѣжки угля и утверждаете, что вполнѣ вознаградите насъ за эту сбавку особой платой за крѣпленіе галлерей. Еслибы даже это и было вѣрно, то мы все таки оказывались бы обсчитанными на все то лишнее время, которое намъ приходилось бы затрачивать на хорошее крѣпленіе... Но что̀ насъ выводитъ изъ себя, такъ это то, что

разсчетъ вашъ совсѣмъ невѣренъ: компанія ничѣмъ не вознаграждаетъ насъ за эту сбавку, а просто-на-просто отнимаетъ у насъ по два сантима съ каждой телѣжки угля и кладетъ ихъ себѣ въ карманъ. Вотъ что!..

— Да, да, это правда! поддержали его другіе депутаты, когда господинъ Геннебо сдѣлалъ рѣзкое движеніе, какъ бы намѣреваясь прервать эту рѣчь.

Но Магё и самъ не далъ говорить директору. Теперь забойщикъ разошелся, и слова выливались у него сами собою, такъ что по временамъ онъ съ удивленіемъ прислушивался къ звукамъ своего собственнаго голоса и ему казалось, что это говоритъ не онъ, а кто-то другой. Все, что накопилось у него въ глубинѣ души и таилось въ ней, иногда даже забываемое имъ самимъ,—все это припомнилось теперь и было высказано. Онъ говорилъ о нищетѣ рабочихъ, объ ихъ тяжеломъ трудѣ, о жизни, похожей скорѣе на жизнь животныхъ, о женахъ и дѣтяхъ, встрѣчающихъ ихъ дома криками: „хлѣба!..“ Онъ упомянулъ о положеніи дѣлъ въ самое послѣднее время,—о безпрестанныхъ штрафахъ, о частыхъ пріостановкахъ работъ, о жалкомъ заработкѣ, который приходилось приносить домой даже самому исправному рабочему, о слезахъ женъ и дѣтей... Развѣ, въ самомъ дѣлѣ, хотятъ переморить голодомъ всѣхъ рабочихъ?..

— Вотъ почему, господинъ директоръ, закончилъ Магё,— мы и пришли сказать вамъ, что умирать—такъ умирать. Но мы предпочитаемъ умереть, ничего не дѣлая: по крайней мѣрѣ, не будемъ уставать отъ работы... Мы бросили работу и не примемся за нее до тѣхъ поръ, пока компанія не приметъ нашихъ условій. Она хочетъ сбавить плату съ телѣжки угля и платить за крѣпленіе особо, а мы хотимъ, чтобы разсчетъ производился по старому, и чтобы, кромѣ того, намъ повысили плату на пять сантимовъ съ каждой телѣжки... Теперь отъ васъ зависитъ покончить дѣло, если вы стоите за справедливость и трудъ.

Изъ толпы углекоповъ раздались голоса:

— Это вѣрно!.. Онъ сказалъ то, что думаемъ мы всѣ!.. Мы не просимъ ничего, кромѣ справедливости.

Другіе рабочіе, молча, кивали головами, очевидно, вполнѣ одобряя все сказанное Магё. Они совсѣмъ забыли теперь объ

этой роскошной комнатѣ съ ея древностями, ея позолотой, ея золотымъ шитьемъ на портьерахъ, — не чувствовали больше подъ ногами пушистаго ковра и топтали его своею тяжелою обувью.

— Дайте же мнѣ сказать хоть слово! вскричалъ наконецъ Геннебо, начинавшій сердиться.—Прежде всего, это неправда, что, при новой системѣ разсчета, компанія удерживаетъ по два сантима съ телѣжки... Посчитаемъ, если хотите...

Начался безпорядочный споръ. Чтобы какъ нибудь разъединить рабочихъ, директоръ вызвалъ было Пьеррона, но тотъ что-то пробормоталъ и спрятался за спинами товарищей. Левакъ, напротивъ, выступалъ среди самыхъ задорныхъ крикуновъ и еще больше запутывалъ дѣло, разсуждая о такихъ вещахъ, которыя были несовсѣмъ ясны для него самого. Громкіе голоса депутатовъ глухо звучали въ этой задрапированной и жаркой, какъ теплица, комнатѣ.

— Если вы будете говорить всѣ за-разъ, то мы никогда не столкуемся, сказалъ наконецъ Геннебо.

Онъ снова овладѣлъ собой и говорилъ безъ колкостей, съ строгой вѣжливостью, войдя въ роль простаго управляющаго, который получилъ извѣстныя приказанія свыше и долженъ добиться, чтобы они были исполнены. Съ самаго начала онъ не переставалъ наблюдать за Этьеномъ и старался вовлечь его въ разговоръ, но молодой человѣкъ упорно молчалъ. Наконецъ, оставивъ споръ о двухъ сантимахъ, Геннебо поставилъ вопросъ гораздо шире.

— Нѣтъ, сознайтесь лучше, что вы дѣйствуете подъ вліяніемъ самыхъ гнусныхъ внушеній. Это зараза,—которая носится теперь среди всѣхъ рабочихъ и поражаетъ даже самыхъ лучшихъ изъ нихъ... О, мнѣ не нужно никакихъ признаній,—я и безъ нихъ очень хорошо вижу, насколько испортили васъ, прежде такихъ спокойныхъ!.. Не правда ли, вамъ наобѣщали больше масла, чѣмъ хлѣба,—вамъ сказали, что пришла ваша очередь сдѣлаться хозяевами?.. Наконецъ, васъ вербуютъ въ этотъ знаменитый международный союзъ рабочихъ, въ эту армію разбойниковъ, мечтающихъ о разрушеніи нынѣшняго общественнаго строя...

Тогда Этьенъ прервалъ его:

— Вы ошибаетесь, господинъ директоръ; ни одинъ изъ

углекоповъ Монсу не вступалъ еще въ этотъ союзъ... Но если ихъ вынудятъ, то къ нему примкнутъ рабочіе со всѣхъ копей... Это зависитъ теперь отъ компаніи...

Съ этого момента, борьба продолжалась только между господиномъ Геннебо и Этьеномъ, какъ будто бы въ комнатѣ совсѣмъ и не было другихъ рабочихъ.

— Компанія—это провидѣніе для ея рабочихъ, и вы напрасно угрожаете ей, говорилъ директоръ. — Въ этомъ году она затратила триста тысячъ франковъ на постройку домовъ для углекоповъ и получаетъ на этотъ капиталъ не болѣе двухъ процентовъ... Я не говорю уже ни о пенсіяхъ, выдаваемыхъ ею, ни о даровомъ топливѣ, ни о безплатныхъ медикаментахъ... Вы кажетесь человѣкомъ умнымъ, съумѣли въ короткое время сдѣлаться у насъ однимъ изъ самыхъ искусныхъ рабочихъ,—и было бы гораздо лучше для васъ, еслибы вы распространяли среди товарищей вотъ эти, только что высказанныя мною, истины, а не губили себя сообщничествомъ съ человѣкомъ, пользующимся самой дурной репутаціей. Да, я говорю о Рассенёрѣ, котораго мы вынуждены были прогнать, чтобы предохранить копи отъ соціалистической заразы. Васъ постоянно видятъ въ его кабакѣ, и, конечно, это онъ надоумилъ васъ устроить вспомогательную кассу. Компанія охотно допустила бы эту кассу, еслибы она дѣйствительно предназначалась только для помѣщенія вашихъ сбереженій; но вѣдь мы не можемъ не видѣть, что она является въ вашихъ рукахъ орудіемъ противъ насъ, представляетъ собою фондъ на военные расходы. Поэтому я долженъ сказать, что компанія желаетъ контролировать дѣйствія этой кассы.

Этьенъ не прерывалъ директора и, молча, съ нервно подергивавшимися губами, слушалъ его, смотря ему прямо въ глаза. При послѣднихъ словахъ, онъ улыбнулся и просто отвѣчалъ:

— Такимъ образомъ оказывается еще одно требованіе со стороны компаніи, о которомъ господинъ директоръ не предупредилъ насъ... Намъ же, къ несчастію, хотѣлось бы, чтобы компанія поменьше занималась нашими личными дѣлами и, вмѣсто того, чтобы брать на себя роль провидѣнія, просто поступала бы по справедливости, отдавая намъ то, что слѣдуетъ, *и не присвоивая* себѣ нашихъ денегъ. Развѣ это честно, что

она, при каждомъ промышленномъ кризисѣ, морить голодомъ своихъ рабочихъ, чтобы сохранить акціонерамъ ихъ обычный дивидендъ?.. Господинъ директоръ можетъ говорить, что̀ ему угодно, но новая система разсчета все таки остается замаскированной сбавкой заработной платы, а это-то именно и возмущаетъ насъ, потому что если компанія вынуждена сокращать свои расходы, то она очень дурно дѣлаетъ, заставляя платиться за это однихъ только рабочихъ...

— А, вотъ мы и договорились! вскричалъ Геннебо. — Я именно ожидалъ обвиненія въ томъ, что мы моримъ голодомъ народъ, а сами питаемся его кровью!.. Можно ли говорить такія глупости, когда вы должны же знать, какому громадному риску подвергаются капиталы, вложенные въ какое нибудь торговое дѣло, хотя бы въ тѣ же каменноугольныя копи... Вполнѣ устроенныя копи стоютъ нынче отъ полутора до двухъ милліоновъ франковъ,—и сколько надо употребить труда, чтобы этотъ огромный затраченный капиталъ приносилъ хоть небольшіе проценты!.. Почти половина каменноугольныхъ компаній во Франціи обанкротилась... Къ тому же, это просто нелѣпо обвинять въ жестокости компанію, которой удалось устоять во время кризиса: если страдаютъ ея рабочіе, то страдаетъ и она сама. Или вы думаете, что компанія ничего не потеряла отъ этого промышленнаго кризиса? Наконецъ, развѣ заработная плата зависитъ отъ ея усмотрѣнія? Надъ нею тяготѣетъ конкуренція, и если компанія не хочетъ разориться, то по невол̀ѣ должна понижать цѣну... Вамъ слѣдовало бы жаловаться не на компанію, а на общее положеніе дѣлъ, но вы ничего не хотите ни слушать, ни понимать!..

— Нѣтъ, мы понимаемъ, отвѣчалъ молодой человѣкъ, — мы очень хорошо понимаемъ, что наше положеніе не улучшится, пока дѣла будутъ идти такъ, какъ они идутъ теперь. Именно поэтому-то рабочіе и хотятъ—не сегодня, такъ завтра—кончить тѣмъ чтобы устроить эти дѣла иначе.

Этотъ скромный по формѣ отвѣтъ былъ произнесенъ вполголоса, но съ такимъ убѣжденіемъ, что походилъ на угрозу. Наступила глубокая тишина. Однимъ изъ депутатовъ стало вдругъ неловко и даже немного страшно; другимъ же, плохо понявшимъ смыслъ словъ Этьена, показалось, будто онъ намекаетъ на то, что и рабочіе имѣютъ право хоть на частицу

окружающаго ихъ благосостоянія, и они снова начали посматривать искоса на теплые ковры, на комфортабельную мебель, на всѣ эти роскошныя бездѣлушки, каждой изъ которыхъ было бы совершенно достаточно, чтобы прокормить ихъ цѣлый мѣсяцъ.

Сидѣвшій задумчиво директоръ наконецъ всталъ со своего кресла, чтобы отпустить депутатовъ. Они тоже поднялись со своихъ мѣстъ. Этьенъ легонько толкнулъ локтемъ Магё, и тотъ заговорилъ опять, но уже вяло и неловко:

— Стало быть, вы, господинъ директоръ, ничего болѣе намъ не скажете? Мы можемъ передать товарищамъ, что вы отвергаете наши условія...

— Я ничего не отвергаю, старина! вскричалъ Геннебо.— Я такой же наемникъ, какъ и вы, и власти въ этихъ дѣлахъ у меня столько же, сколько у самаго послѣдняго изъ мальчишекъ, работающихъ на копяхъ. Мнѣ даютъ приказанія, и обязанность моя состоитъ въ томъ, чтобы эти приказанія были исполнены какъ слѣдуетъ. Мнѣ казалось, что я долженъ былъ высказать то, что я высказалъ вамъ, а рѣшеніе дѣла зависитъ не отъ меня. Вы поставили мнѣ ваши условія, — я сообщу ихъ правленію, и когда получу оттуда отвѣтъ, то передамъ его вамъ...

Онъ опять вошелъ въ роль простаго исполнителя чужой воли и держалъ себя холодно-вѣжливо, очевидно, не располагая вдаваться въ дальнѣйшія объясненія. Углекопы, съ своей стороны, смотрѣли на него теперь подозрительно и спрашивали самихъ себя,—что это за человѣкъ, какая выгода ему такъ врать и что такое онъ надѣется выиграть, становясь между ними и настоящими хозяевами?.. Называетъ себя такимъ же наемникомъ, какъ они, а между тѣмъ живетъ такъ страшно богато!.. Интриганъ, по всей вѣроятности...

Этьенъ рискнулъ сдѣлать еще одно замѣчаніе:

— Это очень прискорбно, господинъ директоръ, что мы не можемъ высказать нашихъ требованій прямо, кому слѣдуетъ. Мы сами объяснили бы наше дѣло гораздо лучше, а отъ васъ легко могутъ ускользнуть такія обстоятельства, которыя много говорятъ въ нашу пользу... Еслибы мы только знали, *куда надо обратиться*!..

Геннебо нисколько не разсердился на это замѣчаніе; онъ даже улыбнулся.

— Ну, конечно, дѣло осложняется еще больше, если вы не довѣряете мнѣ... обратиться надо туда...

Депутаты смотрѣли на его руку, которою онъ неопредѣленно указывалъ куда-то въ окно салона. Куда же это надо обратиться?.. По всей вѣроятности, въ Парижъ... Но все таки они не знали—куда именно, и въ ихъ воображеніи смутно представлялась какая-то страшно отдаленная, таинственная страна, и въ ней—скинія, въ которой возсѣдаетъ на тронѣ невѣдомое имъ божество. Никогда не видали они этого божества и только чувствовали его, ощущали его силу, тяготѣвшую издалека надъ десятью тысячами душъ рабочихъ Монсу. И когда директоръ разговаривалъ съ ними, то ясно, что та же сила таилась за нимъ и диктовала ему слова.

Уныніе овладѣло рабочими; даже Этьенъ не счелъ возможнымъ продолжать разговоръ и показалъ жестомъ товарищамъ, что теперь самое лучшее будетъ уйти. Геннебо дружески похлопывалъ Магё по плечу, разспрашивая его о состояніи здоровья Жанлина.

— Вотъ вамъ наглядный, тяжелый урокъ, говорилъ директоръ,—а вы еще возстаете противъ того, что васъ принуждаютъ крѣпить галлереи какъ слѣдуетъ... Подумайте хорошенько, и тогда вы сами поймете, что стачка будетъ бѣдствіемъ для всѣхъ. Черезъ недѣлю вы начнете умирать съ голода, —что тогда будетъ?.. Нѣтъ, я разсчитываю на ваше благоразуміе и убѣжденъ, что не позже понедѣльника вы приметесь опять за работу.

Рабочіе выходили изъ салона, топоча, какъ стадо, согнувъ спины, и не проронили ни слова въ отвѣтъ на заключительную фразу директора, такъ увѣреннаго въ ихъ покорности. Провожавшій ихъ, Геннебо мысленно подвелъ итогъ своему объясненію съ депутатами: съ одной стороны, компанія намѣрена удержать новую систему разсчета, а съ другой, рабочіе не соглашаются на нее и, кромѣ того, требуютъ еще увеличенія заработной платы на пять сантимовъ съ телѣжки... Чтобы не оставлять въ депутатахъ даже тѣни надежды на благопріятный для нихъ исходъ дѣла, онъ счелъ нужнымъ

лымъ днямъ; женщины, не распивавшія теперь безпрерывно кофе, сдѣлались благоразумнѣе,—меньше болтали и меньше ссорились; даже ребятишки—и тѣ какъ будто понимали серьезность положенія и бѣгали безъ шума, босикомъ, а дрались втихомолку. Повсюду безпрестанно повторялся и переходилъ изъ устъ въ уста одинъ и тотъ же лозунгъ: слѣдуетъ быть благоразумными.

Только въ домѣ Магё замѣтно было движеніе и безпрестанно толпились рабочіе, приходившіе къ Этьену, который завѣдывалъ вспомогательной кассой. Скопившіяся въ ней три тысячи франковъ онъ раздѣлилъ между наиболѣе нуждавшимися семьями углекоповъ; затѣмъ было получено съ разныхъ сторонъ еще нѣсколько сотъ франковъ, собранныхъ по подпискѣ. Но теперь всѣ средства кассы были исчерпаны, у самихъ рабочихъ не оставалось больше ни гроша, и грозный призракъ голода виднѣлся уже на порогѣ... Мэгра пообѣщалъ было сначала открыть углекопамъ кредитъ на двѣ недѣли, но черезъ восемь дней вдругъ передумалъ и пересталъ отпускать провизію въ долгъ. Очень можетъ быть, что компанія, отъ которой онъ издавна привыкъ чувствовать себя въ зависимости, посовѣтовала ему прекратить этотъ кредитъ, чтобы голодомъ заставить рабочихъ скорѣе покориться. Впрочемъ, это не мѣшало ему оставаться по прежнему капризнымъ тираномъ и однимъ давать хлѣба въ долгъ, другимъ не давать, смотря по наружности дѣвушки, которую ея родные посылали къ нему въ лавку; передъ Магё, напримѣръ, онъ постоянно захлопывалъ дверь, потому что все еще не могъ забыть исторіи съ Катериной, ускользнувшей отъ него. Въ довершеніе бѣдствія, стояли сильные холода, и женщины, глядя на свои, все уменьшавшіеся и уменьшавшіеся, запасы угля, съ безпокойствомъ подумывали о томъ, что эти запасы нечѣмъ будетъ пополнить до тѣхъ поръ, пока углекопы не выйдутъ снова на работу. Гибелью грозилъ не одинъ только голодъ, но и холодъ.

У Магё не оставалось уже почти ничего; Левакъ еще кое-какъ перебивались на двадцать франковъ, взятыхъ взаймы у Бутелу. Что же касается Пьерронъ, то эти люди ни въ чемъ не нуждались; однако же, изъ боязни, чтобы у нихъ не стали просить взаймы денегъ, они прикидывались такими

же голодными бѣдняками, какъ другіе, и забирали провизію въ кредитъ у Мэгра, который съ радостью отдалъ бы красивой Пьерронъ весь свой магазинъ, еслибы только она была съ нимъ полюбезнѣе. Еще въ субботу многія семьи легли спать безъ ужина. И однако же, не смотря на то, что уже пришли страшные дни лишеній, ни откуда не слышно было ни одной жалобы и всѣ съ спокойнымъ мужествомъ продолжали идти по избранному ими пути. Не смотря ни на что, рабочіе были полны вѣры, готовы были на слѣпое самоотверженіе, на мученичество. Имъ обѣщали, что наступитъ эра справедливости, и они готовы были на все, на всѣ страданія, чтобы только достигнуть этой эры, завоевать всеобщее счастье. Голодъ экзальтировалъ ихъ, и никогда тѣсно замкнутый вокругъ нихъ горизонтъ не раздвигался такъ широко, какъ теперь, передъ глазами этихъ бѣдняковъ, доходившихъ до галлюцинацій. Когда, отъ слабости, у нихъ начинало темнѣть въглазахъ, имъ видѣлся, мечтавшійся и прежде, идеальный городъ,—видѣлся какъ бы наяву, населенный живыми людьми, братьями-товарищами, вмѣстѣ работающими. Ничто не могло поколебать убѣжденія рабочихъ, что они войдутъ, наконецъ, въ эту обѣтованную землю. Касса опустѣла; компанія не соглашалась ни на какія уступки; каждый новый день приносилъ новыя лишенія,—но люди упорно жили только своими мечтаніями и относились съ презрительной усмѣшкой къ дѣйствительности. Кажется, еслибы земля разверзлась подъ ними, то они и тогда остались бы спокойными, вѣруя, что совершится какое нибудь чудо и спасетъ ихъ. Эта вѣра замѣняла имъ хлѣбъ, она согрѣвала ихъ. Голодные, питавшіеся однимъ только прозрачнымъ, какъ вода, супомъ, Магё и другія рабочія семьи доходили по временамъ до какого-то бреда, до тѣхъ горячечныхъ грёзъ объ иной лучшей жизни, подъ вліяніемъ которыхъ мученики шли нѣкогда на встрѣчу дикимъ звѣрямъ.

Въ это время Этьенъ занялъ безспорно первое мѣсто между рабочими. На вечернихъ собраніяхъ онъ все замѣтнѣе и замѣтнѣе игралъ роль оракула, по мѣрѣ того какъ чтеніе расширяло его умственный кругозоръ и предоставляло ему возможность судить сплеча о самыхъ разнообразныхъ вопросахъ. Онъ много читалъ, велъ обширную переписку, наконецъ выписалъ себѣ издававшійся въ Бельгіи соціалистическій

листокъ „Vengeur“ и этимъ еще болѣе возвысился въ глазахъ товарищей, такъ какъ до него никто въ селеніи не получалъ газетъ. Эта быстро возраставшая популярность съ каждымъ днемъ все больше и больше опьяняла его. Поддерживать такую огромную переписку, обсуждать положеніе рабочихъ всего края, руководить углекопами Ворё, сдѣлаться, наконецъ, центромъ всего движенія и чувствовать, что жизнь вращается, какъ вокругъ оси, вокругъ него,—бывшаго машиниста, а потомъ забойщика съ грязными и грубыми руками,—все это не могло не раздувать его тщеславія. Онъ поднимался все выше и, самъ того не подозрѣвая, втягивался мало по малу въ столь презираемую имъ буржуазную жизнь съ ея высшими потребностями и жаждою матеріальнаго довольства. Теперь Этьена угнетало одно только сознаніе недостаточности своего образованія, невольно заставлявшее его смущаться и терять свою самоувѣренность каждый разъ, какъ только приходилось бесѣдовать съ какимъ нибудь господиномъ въ сюртукѣ. Правда, онъ продолжалъ учиться, много читалъ, но это безпорядочное чтеніе не могло возмѣстить недоставшей ему предварительной подготовки и, вслѣдствіе этого, прочитанное усвоивалось Этьеномъ очень медленно, смутно, а иногда и просто механически, какъ затверженный, но все таки непонятый урокъ. Порою на него находили минуты сомнѣнія, когда онъ начиналъ задумываться надъ своимъ положеніемъ и невольно спрашивалъ себя,—по силамъ ли ему та задача, за которую онъ взялся, ставъ во главѣ товарищей? Не лучше ли было бы пригласить адвоката, человѣка опытнаго, умѣющаго говорить и дѣйствовать, не подвергая никого опасности?... Но ненависть къ этимъ людямъ возвращала ему прежнюю самоувѣренность. Нѣтъ, нѣтъ, не нужно адвокатовъ! Всѣ они негодяи, пользующіеся своимъ знаніемъ только съ тою цѣлью, чтобы жирѣть на счетъ народа!.. Будь, что будетъ, а рабочіе должны устраивать свои дѣла сами... И снова онъ увлекался своею ролью народнаго вождя, снова передъ нимъ возникали радужныя мечтанія: Монсу уже покоренъ имъ, а тамъ, кто знаетъ, придетъ, быть можетъ, очередь и далекаго, какъ бы въ туманѣ скрывающагося, Парижа. Его пошлютъ туда депутатомъ, онъ появится на трибунѣ, въ роскошной залѣ... *и ему уже* представлялось, какъ онъ громитъ буржуа въ

своей первой рѣчи,—первой рѣчи, произнесенной рабочимъ въ парламентѣ...

Уже нѣсколько дней Этьенъ находился въ нерѣшимости, не зная, что отвѣчать Плюшару, который присылалъ письмо за письмомъ и собирался лично пріѣхать въ Монсу, чтобы устроить здѣсь сходку рабочихъ, принимавшихъ участіе въ стачкѣ, и еще болѣе подогрѣть ихъ. Плюшаръ все еще не терялъ надежды на то, что стачка поможетъ ему переубѣдить углекоповъ и завербовать ихъ въ международный союзъ, къ которому они продолжали относиться по прежнему недовѣрчиво. Этьенъ опасался, чтобы предполагаемая сходка не дала повода къ какимъ нибудь безпорядкамъ; однако же, не смотря на это, онъ не рѣшился бы отклонить предложеній Плюшара, еслибы противъ нихъ не возставалъ въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ Рассенёръ. При всемъ своемъ вліяніи на рабочихъ, молодой человѣкъ все таки не могъ идти противъ кабачка, издавна пользовавшагося популярностью между углекопами и имѣвшаго среди нихъ немало приверженцевъ. Оттого-то Этьенъ и колебался, не зная, что написать Плюшару.

Именно въ этотъ понедѣльникъ, около четырехъ часовъ, когда Этьенъ сидѣлъ въ кухнѣ, вдвоемъ съ женой Магё, изъ Лилля пришло еще письмо. Самъ Магё, которому надоѣло сидѣть безъ дѣла, ушелъ на каналъ, къ шлюзу, ловить рыбу, разсчитывая, что если, на счастіе, попадется какая нибудь хорошая рыба, то можно будетъ ее продать и купить хлѣба. Старикъ Боньморъ и Жанлинъ отправились гулять, чтобы испробовать свои ноги, почти совсѣмъ поправившіяся; маленькія дѣти ушли съ Альзирой, которая теперь по цѣлымъ часамъ проводила на насыпи, собирая мелкій каменный уголь. Магё кормила грудью Эстеллу, сидя съ разстегнутымъ платьемъ передъ чуть тлѣвшимся подъ очагомъ огонькомъ, давно уже не горѣвшимъ ярко, такъ какъ угля становилось мало и его жгли скупо.

Прочитавъ письмо, Этьенъ сложилъ его.

— Хорошія ли новости? спросила Магё.—Пришлютъ ли намъ денегъ?

Онъ отрицательно покачалъ головой.

— Не знаю, какъ мы проживемъ эту недѣлю, продолжала она.—Но все таки, что бы тамъ ни было, а сдаваться

не надо... Когда люди правы, это поддерживаетъ ихъ, и въ концѣ концовъ они всегда оказываются сильнѣе другихъ,— не правда ли?

Теперь Магё стояла за стачку. Конечно, было бы лучше, еслибы удалось добиться отъ компаніи должнаго, не бросая работы, но разъ она уже брошена, то не слѣдуетъ приниматься за нее до тѣхъ поръ, покуда не будутъ исполнены всѣ справедливыя требованія рабочихъ. „Лучше умереть, чѣмъ сдаться и признать себя неправыми, когда на самомъ дѣлѣ мы правы," говорила она, и ничто не могло поколебать ея энергіи.

— Ахъ, хоть бы пришла хорошая холера и избавила насъ отъ этихъ эксплуататоровъ,—отъ компаніи! вскричалъ Этьенъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, возразила Магё,—не надо никому желать смерти. Къ тому же, это нимало не подвинетъ насъ впередъ: на ихъ мѣсто найдутся другіе... Я хочу только, чтобы они поняли, что поступаютъ несправедливо, и, надѣюсь, поймутъ, такъ какъ хорошіе люди есть вездѣ... Вы знаете, что я вовсе не стою за вашу политику.

Дѣйствительно, она постоянно порицала Этьена за рѣзкость его выраженій и называла крикуномъ. Требовать, чтобы платили за работу, что̀ слѣдуетъ, это—дѣло, но зачѣмъ припутывать къ этому кучу совсѣмъ посторонннихъ вещей,— и буржуа и правительство? Зачѣмъ вмѣшиваться въ то, что̀ до насъ не касается и можетъ доставить намъ однѣ только непріятности? Она не переставала уважать Этьена, но уважала его зато только, что онъ не пьетъ и акуратно платитъ ей, за квартиру и содержаніе, условленные сорокъ пять франковъ. Когда человѣкъ такъ ведетъ себя, то ему можно простить остальное.

Этьенъ заговорилъ о республикѣ и о томъ, что она дастъ кусокъ хлѣба всѣмъ нуждающимся теперь, но Магё только качала головой. Она вспомнила 48-ой годъ, этотъ собачій годъ, когда они,—то есть она и ея мужъ,—очутились, вскорѣ послѣ ихъ свадьбы, голыми, какъ черви. Магё забылась въ своихъ воспоминаніяхъ и монотоннымъ голосомъ, устремивъ глаза куда-то вдаль, разсказывала объ этомъ страшномъ годѣ, между тѣмъ какъ Эстелла, не выпускавшая изо рта груди *матери, спала* у нея на колѣняхъ.

— Ни одного ліарда, тихо вспоминала она,—нечего положить на зубъ, ни на однихъ копяхъ не производилось работы... Бѣднымъ людямъ приходилось умирать съ голода, точь въ точь какъ нынче...

Въ это время растворилась дверь, и они онѣмѣли отъ удивленія, увидя, что въ ней появилась Катерина, не показывавшаяся въ селеніи съ тѣхъ поръ, какъ она перешла жить къ Шавалю. Волненіе молодой дѣвушки было такъ велико, что она даже не затворила дверь и, дрожа, стояла на порогѣ. Она разсчитывала, что мать одна дома, и теперь, увидѣвъ Этьена, перезабыла рѣшительно все, что хотѣла сказать.

— Что тебѣ здѣсь надо? вскричала Магё, даже не вставъ со стула.—Мнѣ больше тебя не нужно, убирайся!..

Тогда Катерина нѣсколько пришла въ себя.

— Это кофе и сахаръ, мама... Да, это для дѣтей... Я работала лишніе часы... и вотъ купила для нихъ...

Говоря это, Катерина вынула изъ кармана фунтъ кофе и фунтъ сахару, и робко положила свертки на столъ. Она по прежнему работала на копяхъ Жанъ-Баръ и ни въ чемъ не нуждалась, но ей не давала покоя мысль о стачкѣ въ Ворё, о положеніи родныхъ, и дѣвушка долго ломала голову надъ вопросомъ,—чѣмъ и какъ помочь имъ,—покуда наконецъ не придумала снести эти подарки и сказать, что они—для дѣтей. Однако же этотъ добрый порывъ не обезоружилъ ея матери.

— Вмѣсто того, чтобы приносить лакомства, ты лучше сдѣлала бы, еслибы оставалась съ нами и помогала добывать хлѣбъ! вскричала она.

Магё вышла изъ себя и отводила душу, высказывая теперь въ глаза дочери все то, что говорила про нее въ теченіе цѣлаго мѣсяца. Убѣжать къ мужчинѣ, въ шестнадцать лѣтъ уйти къ любовнику, когда своя семья терпитъ нужду!.. Чтобы такъ поступить, надо быть самой послѣдней изъ безсердечныхъ дѣвушекъ... Можно простить какую нибудь глупость, но такую низость мать никогда не проститъ... Еслибы еще ее, Катерину, держали на привязи! Но вовсе нѣтъ; она была свободна, какъ воздухъ, и отъ нея требовали только, чтобы она не бросала свою семью.

— Скажи,—что же ты такое послѣ этого?...

Катерина неподвижно стояла около стола, опустивъ голову и дрожь пробѣгала по ея худенькому, еще несовсѣмъ сформировавшемуся тѣлу. Наконецъ она попробовала оправдаться передъ матерью и заговорила прерывающимся голосомъ:

— О, еслибы я сдѣлала это по своей волѣ... еслибы мнѣ было веселѣе жить тамъ, чѣмъ у васъ!.. Это все онъ... Если онъ требуетъ, то я должна повиноваться, — не правда ли?— потому что, видишь ли ты, онъ сильнѣе меня... Развѣ знаешь впередъ—что будетъ?.. Наконецъ, дѣло сдѣлано, и его не передѣлаешь... Нужно же, чтобы онъ женился на мнѣ...

Она не возмущалась; въ ея словахъ слышалась смиренная покорность и тому человѣку, во власть котораго она отдалась, и своей судьбѣ. Наконецъ, она и не мечтала ни о чемъ другомъ. Гдѣ нибудь въ уединенномъ мѣстѣ, за насыпью, подвергнуться почти насилію со стороны мужчины, которому она понравилась; потомъ, когда и самой ей еще не больше шестнадцати лѣтъ, сдѣлаться матерью; еще дальше,—если ея любовникъ женится на ней,—обзавестить своимъ хозяйствомъ и терпѣливо переносить нищету... Развѣ это не общая доля всѣхъ ихъ?.. По мнѣнію Катерины, ей нечего было стыдиться, и если она была теперь смущена и дрожала, то это происходило единственно оттого, что мать обращалась съ нею, какъ съ распутною женщиной, и притомъ не наединѣ, а при Этьенѣ, присутствіе котораго приводило молодую дѣвушку почти въ отчаяніе.

Этьенъ всталъ со стула и сдѣлалъ видъ, что весь погрузился въ переворачиваніе готоваго погаснуть угля подъ очагомъ. Однако же онъ не могъ удержаться, чтобы не посмотрѣть на Катерину, и она показалась ему и поблѣднѣвшей, и истомленной, но все таки красивой со своими свѣтлыми глазами на потемнѣвшемъ лицѣ. Она тоже взглянула на него, и когда глаза ихъ встрѣтились, странное чувство овладѣло Этьеномъ: изъ его сердца исчезла вся горечь, ощущавшаяся имъ прежде, когда онъ вспоминалъ о Катеринѣ, и теперь Этьенъ отъ всей души желалъ ей счастія съ тѣмъ человѣкомъ, котораго она ему предпочла. Ему захотѣлось даже чѣмъ нибудь помочь ей, облегчить ея положеніе,—пойти, напримѣръ, въ Монсу и посовѣтовать Шавалю беречь ее, принудить его обращаться съ нею болѣе внимательно. Катерина

замѣтила это доброе чувство, отражавшееся въ его глазахъ, но ей подумалось, что въ немъ просто заговорило теперь состраданіе къ ней, а на самомъ дѣлѣ онъ смотритъ на нее съ величайшимъ презрѣніемъ. Сердце ея сжалось, горло до того сдавило, что она вдругъ смолкла и перестала оправдываться.

— Такъ, такъ; лучше ужь молчи, сказала неумолимая Магё.—Если ты пришла съ тѣмъ, чтобы оставаться здѣсь, такъ оставайся, а иначе уходи скорѣе и благодари Бога, что у меня на рукахъ ребенокъ. Не будь его, я встала бы и выгнала тебя пинками...

Вдругъ кто-то другой привелъ въ исполненіе эту угрозу. Кто-то сзади ударилъ ногой Катерину такъ сильно, что она съ секунду не могла прійти въ себя отъ удивленія и боли. Это былъ Шаваль, который однимъ прыжкомъ вскочилъ въ комнату и, какъ бѣшеное животное, пнулъ ногою дѣвушку. Онъ уже съ минуту слѣдилъ за нею изъ-за двери.

— А, развратница! закричалъ онъ хрипло.—Я зналъ, что ты потащишься сюда, къ своему возлюбленному, и слѣдилъ за тобою... А это ты плату ему принесла, а?... Ты накачиваешь его кофеемъ на мои деньги?!...

Этьенъ и Магё все еще не могли прійти въ себя и не трогались съ мѣста. Шаваль съ бѣшенствомъ гналъ Катерину къ двери.

— Пойдешь ли ты, nom de Dieu?..

Но она запряталась въ уголъ комнаты; тогда Шаваль обратился къ Магё.

— Славное ремесло, нечего сказать:—сидѣть и караулить, пока распутная дочка любезничаетъ наверху съ твоимъ жильцомъ!...

Наконецъ, ему удалось схватить Катерину, и онъ тащилъ ее вонъ, трясь и дергая за руку. Въ дверяхъ Шаваль снова обернулся къ Магё, продолжавшей сидѣть неподвижно, словно она была пригвождена къ стулу. Эстелла уже давно спала, зарывшись носомъ въ складки шерстяной юбки матери, но заговорившаяся Магё забыла спрятать свою обнаженную грудь, и она висѣла точно вымя здоровой коровы.

— Когда дочери нѣтъ дома, такъ ея мѣсто занимает

мать! кричалъ Шаваль.—Показывай, показывай ему свое мясо!.. Этотъ развратникъ ни отъ чего не откажется!..

Этьенъ уже нѣсколько разъ порывался броситься на Шаваля и освободить Катерину, но его удерживало сознаніе, что теперь вовсе не время поднимать въ селеніи шумъ и драку. Однако же, въ концѣ концовъ, овладѣвшее имъ бѣшенство заглушило всѣ благоразумныя соображенія, и эти два человѣка очутились лицомъ къ лицу, съ налитыми кровью глазами. И давнишняя ненависть другъ къ другу, и такъ долго скрываемая ревность—прорвались наконецъ наружу, и теперь казалось, что одинъ изъ нихъ долженъ былъ уничтожить другаго.

— Берегись! проговорилъ Этьенъ, стиснувъ зубы:—Я доберусь до твоей шкуры...

— Попробуй! отвѣчалъ Шаваль.

Нѣсколько секундъ они стояли другъ передъ другомъ такъ близко, что каждый изъ нихъ ощущалъ на своемъ лицѣ горячее дыханіе противника. Катерина схватила своего возлюбленнаго за руку и, съ мольбами, старалась оттащить его. Наконецъ, ей удалось увести его, и она торопливо пошла черезъ селеніе, таща Шаваля за собою и не оглядываясь назадъ.

— Что за животное! пробормоталъ Этьенъ, захлопнувъ дверь и съ бѣшенствомъ опускаясь на стулъ.

Сидѣвшая напротивъ него Магё не двинулась съ мѣста, она только махнула рукою, и въ комнатѣ воцарилось то тяжелое молчаніе, которое наступаетъ всегда, когда люди поглощены такими удручающими мыслями, которыя имъ непріятно и высказывать. Наконецъ, Магё медленно и спокойно закрыла грудь и застегнула платье.

— Это свинья, сказала она.—Только самая грязная свинья можетъ выдумывать такія отвратительныя вещи... Я плюю на его выдумки; на нихъ не стоитъ даже отвѣчать.

Потомъ, смотря прямо въ глаза Этьену, она прибавила совершенно искренно:

— Конечно, у меня есть свои недостатки, но только я не такая женщина, какою ему вздумалось меня выставить. Кромѣ двухъ человѣкъ, никто никогда до меня не дотрогивался. *Когда* мнѣ было всего только пятнадцать лѣтъ, я сошлась съ

однимъ откатчикомъ, а потомъ, когда онъ меня бросилъ,—съ Магё. Еслибы и Магё не женился на мнѣ и тоже оставилъ меня, ну, тогда, я не знаю, что бы изъ меня вышло... Я не горжусь тѣмъ, что со дня свадьбы оставалась вѣрна мужу: мы часто не дѣлаемъ дурнаго оттого лишь, что не представляется искушенія... Я говорю только то, что есть, и знаю сосѣдокъ, которыя не могутъ сказать того, что я сейчасъ сказала,— не правда ли?

— Да, правда, согласился Этьенъ, вставая со стула.

Онъ вышелъ изъ дому, между тѣмъ какъ Магё, сдвинувъ два стула и уложивъ на нихъ спавшую Эстеллу, рѣшилась развести подъ очагомъ огонь: если мужу удастся поймать и продать рыбу, то можно будетъ сварить супъ.

Наступала ночь, холодная, словно ледяная, а Этьенъ все шелъ впередъ, съ поникшею головою, съ страшною тоскою на сердцѣ. Но эта тоска была вызвана не столкновеніемъ съ Шавалемъ, не мыслями о печальномъ положеніи Катерины,— нѣтъ,—только что прошедшія передъ его глазами сцены какъ-то разомъ полузабылись, отодвинулись на задній планъ, и вмѣсто нихъ стояла передъ Этьеномъ мысль объ общемъ страданіи, о бѣдствіи, охватывавшемъ всѣхъ. Онъ думалъ объ этомъ селеніи, гдѣ всѣ сидятъ безъ хлѣба, объ этихъ женщинахъ и дѣтяхъ, которыя лягутъ спать безъ ужина, обо всемъ этомъ голодномъ людѣ, изнемогающемъ въ предпринятой имъ борьбѣ... Снова проснулись въ Этьенѣ сомнѣнія, овладѣвавшія имъ отъ времени до времени, и никогда еще они не терзали его такъ мучительно, какъ теперь, въ эту тоскливую, холодную ночь. Какую страшную отвѣтственность беретъ онъ на себя! Неужели онъ все еще будетъ настаивать на своемъ и убѣждать этихъ людей, чтобы они продолжали борьбу, не смотря на то, что у нихъ нѣтъ болѣе ни денегъ, ни кредита?.. Наконецъ, чѣмъ все это кончится, если ни откуда не явится помощь и голодъ сломитъ мужество даже самыхъ стойкихъ людей?.. И, какъ бы въ отвѣтъ на эти вопросы, передъ нимъ, словно въ видѣніи, внезапно прошли образы дѣтей, умершихъ отъ голода, рыдающихъ матерей, изможденныхъ и исхудалыхъ мужчинъ, снова отправляющихся на работу подъ землей... Этьенъ шелъ, спотыкаясь на каждомъ шагу о камни; мысль

что компанія окажется болѣе сильной и что онъ погубитъ товарищей, наполняла его сердце невыразимою тоскою.

Поднявъ голову, онъ увидѣлъ передъ собою Ворё. Темныя зданія, среди окутывавшаго ихъ мрака, какъ бы сбились въ одну кучу; середина пустынной площади, на которой неподвижно стояли громадныя тѣни, представлялась какимъ-то укрѣпленіемъ, покинутымъ людьми. Какъ только остановилась подъемная машина, тотчасъ и жизнь отлетѣла отсюда. Все было мертво здѣсь въ этотъ часъ ночи: нигдѣ не свѣтился огонекъ фонаря, нигдѣ не раздавался звукъ человѣческаго голоса, и среди этого глубокаго безмолвія даже дыханіе помпы казалось какимъ-то хрипѣніемъ, несшимся откуда-то издалека.

Этьенъ смотрѣлъ на копи, и сердце его начинало биться сильнѣе. Если рабочіе страдаютъ отъ голода, то вѣдь и компаніи придется тронуть ея милліоны... Отчего же побѣдительницею изъ этой войны труда противъ денегъ выйдетъ непремѣнно она? во всякомъ случаѣ, побѣда обойдется ей дорого; впослѣдствіи подсчитаютъ трупы павшихъ съ ея стороны... И имъ снова овладѣвала ненависть къ этимъ людямъ, жажда борьбы, страстная потребность покончить съ этою нищетою, во что бы то ни стало, даже не щадя человѣческой жизни. Если ужь умирать, то лучше всему селенію погибнуть разомъ, въ борьбѣ, чѣмъ постепенно вымирать за работой, подъ гнетомъ голода и несправедливости. Изъ всего прочитаннаго и плохо усвоеннаго имъ, вспоминались ему теперь случаи, когда народы сжигали свои города, чтобы остановить наступающаго непріятеля; фантастическіе разсказы о матеряхъ, которыя разбивали о камни мостовой головы своихъ дѣтей, чтобы спасти ихъ отъ рабства; разсказы о людяхъ, предпочитавшихъ лучше умереть съ голоду, чѣмъ дотронуться до хлѣба, подносимаго имъ ненавистными тиранами. Эти примѣры, казалось, опьяняли его, и все болѣе и болѣе овладѣвавшее имъ возбужденіе быстро разгоняло его тоску, изглаживало всякія сомнѣнія, и наконецъ ему стало даже стыдно за свое малодушіе. Къ нему опять возвратилась вѣра въ успѣхъ начатаго имъ дѣла; онъ опять упивался мыслью о томъ, что ведетъ за собою, какъ избранный вождь, рабочихъ, и по одному его слову они готовы на самыя тяжелыя жертвы,—упивался мечтами о *своемъ* могуществѣ, о приближеніи дня побѣды. Въ его вооб-

раженіи уже созидалась величавая въ своей простотѣ сцена, какъ онъ, сдѣлавшись властелиномъ, отказывается отъ своей власти и передаетъ ее въ руки народа.

Онъ вздрогнулъ и очнулся, услышавъ голосъ подошедшаго къ нему Магё, который разсказывалъ ему, что поймалъ великолѣпную форель и уже продалъ ее за три франка; стало быть, сегодня будетъ и супъ. Этьенъ не пошелъ съ нимъ обратно въ селеніе, а сказалъ, что придетъ немного погодя, и зашелъ прежде въ кабакъ Авантажъ. Здѣсь онъ, обождавъ нѣкоторое время, покуда изъ залы удалился послѣдній посѣтитель, категорически заявилъ Рассепёру, что рѣшился немедленно вызвать Плюшара. Этьенъ пришелъ къ заключенію, что побѣда несомнѣнно останется за углекопами, если они всею массою примкнутъ къ международному союзу, а для этого слѣдовало устроить сходку.

IV.

Заведеніе вдовы Дезиръ,—Бонъ-Жуайо, — было избрано мѣстомъ для сходки, назначенной въ четвергъ, въ два часа пополудни. Вдова, удрученная лишеніями, которыя претерпѣвали ея дѣти-углекопы, была безутѣшна, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ ея заведеніе совсѣмъ опустѣло. Никогда, даже во времена прежнихъ стачекъ, рабочіе не пили такъ мало, какъ теперь; самые отъявленные пьяницы—и тѣ опасались нарушить принятое углекопами рѣшеніе вести себя благоразумно, и сидѣли, запершись дома. Широкая улица Монсу, кишѣвшая народомъ въ дни ярмарки, стояла теперь унылою и пустынною отъ одного конца до другаго. Пиво не лилось болѣе ручьями изъ дверей кабаковъ; по дорогѣ въ городъ, на порогахъ заведеній Казимиръ и Прогрессъ виднѣлись только фигуры блѣдныхъ кабачицъ, высматривавшихъ,—не покажется ли какой нибудь посѣтитель, и даже въ самомъ Монсу всѣ вытянувшіеся въ линію кабаки,—Анфанъ, потомъ Пикетъ, Тэтъ-Купе, наконецъ Тизонъ,—стояли пустыми, за исключеніемъ одного лишь, посѣщаемаго надсмотрщиками, заведенія св. Элигія, гдѣ все еще продавалось по нѣскольку кружекъ пива въ день. Запустѣніе коснулось и Волкана съ его пѣвицами, тоже сидѣвшими теперь безъ всякаго дѣла. Можно было подумать, что вся страна облеклась въ трауръ.

— Nom de Dieu! кричала вдова Дезиръ, хлопая обѣими руками по бедрамъ.—Это вина жандармовъ! Пусть они меня запрячутъ въ тюрьму, если хотятъ, а я все таки ихъ проведу!

Она называла „жандармами" всѣхъ лицъ, принадлежащихъ къ администраціи, всѣхъ владѣльцевъ фабрикъ и заводовъ, вообще всѣхъ „враговъ народа", и выражала въ одномъ этомъ словѣ все свое презрѣніе къ нимъ. Вдова очень обрадовалась, когда Этьенъ обратился къ ней со своею просьбою, и объявила, что весь ея домъ принадлежитъ углекопамъ, что она даромъ отдастъ имъ для сходки большую залу и разошлетъ всѣ приглашенія лично отъ себя, какъ это требуется закономъ. Если же этотъ законъ вооружится противъ нея, то тѣмъ лучше,— она покажетъ ему свою глотку... На другой же день Этьенъ принесъ вдовѣ Дезиръ около пятидесяти писемъ, написанныхъ имъ съ помощью тѣхъ изъ сосѣдей, которые умѣли писать. Дезиръ подписала письма, а затѣмъ всѣ они были разосланы по копямъ на имя делегатовъ и нѣкоторыхъ другихъ рабочихъ, на которыхъ можно было положиться. Предлогомъ для этой сходки выставлялась необходимость обсудить мѣры, которыя слѣдовало принять, чтобы затянуть стачку; на самомъ же дѣлѣ, рабочіе созывались для того, чтобы дать Плюшару возможность обратиться къ нимъ съ рѣчью и завербовать ихъ въ международный союзъ.

Плюшаръ увѣдомилъ, что пріѣдетъ въ среду вечеромъ, но наступило и утро четверга, а его все еще не было, и Этьенъ началъ безпокоиться. Что такое случилось?.. Больше всего огорчало Этьена то, что онъ не успѣетъ сговориться съ Плюшаромъ до открытія собранія. Въ девять часовъ молодой человѣкъ пошелъ въ Монсу, предполагая, что, можетъ быть, его пріятель проѣхалъ прямо туда, не заѣзжая въ Ворё.

— Нѣтъ, вашъ другъ еще не показывался, отвѣчала на вопросъ Этьена вдова Дезиръ.—Но у меня все готово; подите, посмотрите.

Она провела его въ большую залу, служившую обыкновенно для танцевъ. Убранство въ ней оставалось все то же, что̀ и въ дни ярмарки: тѣ же гирлянды бумажныхъ цвѣтовъ, протянутыя подъ потолкомъ изъ угла въ уголъ и скрѣпленныя посрединѣ, гдѣ онѣ перекрещивались, вѣнкомъ изъ такихъ же цвѣтовъ; тѣ же позолоченныя изображенія святыхъ,

развѣшанныя по стѣнамъ. Будка, въ которой во время баловъ помѣщались музыканты, была вынесена; въ одномъ изъ угловъ залы были поставлены столъ и три кресла, а передъ ними тянулись наискось скамьи.

— Отлично, сказалъ Этьенъ.

— Знайте, что вы все равно какъ у себя дома, объявила вдова.—Можете орать, сколько вамъ угодно... Если придутъ жандармы, то имъ придется пройти къ вамъ только черезъ мое тѣло.

Не смотря на мучившее его безпокойство, Этьенъ не могъ не улыбнуться: вдова показалась ему до того массивною, что перешагнуть черезъ ея тѣло было, дѣйствительно, не для всякаго легко.

Вошли Рассенёръ и Суваринъ. Этьенъ очень удивился, увидя ихъ, и когда вдова ушла и оставила ихъ втроемъ въ пустынной залѣ, онъ невольно воскликнулъ:

— Какъ, вы уже пришли!

Эту недѣлю Суваринъ дежурилъ по ночамъ при своей машинѣ на копяхъ, такъ какъ машинисты не участвовали въ стачкѣ, и зашелъ сюда просто изъ любопытства. Что же касается Рассенёра, то онъ уже два дня казался очень смущеннымъ, и на его кругломъ, жирномъ лицѣ не видно было обычной добродушной улыбки.

— Плюшаръ еще не пріѣзжалъ, и это начинаетъ меня безпокоить, прибавилъ Этьенъ.

— Меня же нисколько не удивляетъ, что онъ не пріѣхалъ: я его совсѣмъ не жду, отвѣчалъ кабачикъ сквозь зубы и глядя куда-то въ сторону.

— Какъ такъ?

Тогда Рассенёръ рѣшился говорить откровенно и, смотря прямо въ лицо Этьену, храбро отвѣчалъ:

— Потому что я тоже писалъ ему... и если ты хочешь знать правду, то въ этомъ письмѣ я умолялъ его не пріѣзжать сюда... Да, я нахожу, что мы должны сами устраивать наши дѣла, безъ вмѣшательства постороннихъ людей.

Этьенъ вышелъ изъ себя и, словно впившись глазами въ глаза Рассенёра и дрожа отъ гнѣва, повторялъ:

— Ты это сдѣлалъ?.. Ты это сдѣлалъ?..

— Да, сдѣлалъ! Ты знаешь, что я вѣрю Плюшару и счи-

Однако же, когда Этьенъ началъ выяснять эту систему, онъ тотчасъ же запутался въ неопредѣленныхъ фразахъ, въ обрывкахъ самыхъ разнообразныхъ теорій, одна за другою увлекавшихъ его и затѣмъ покидаемыхъ имъ. Въ основаніи всего лежала идея Карла Маркса, что трудъ имѣетъ право, даже обязанъ, возвратить себѣ отнятое у него. Лучшее средство для осуществленія этого Этьенъ видѣлъ сначала въ химерическомъ взаимномъ кредитѣ Прудона, въ его громадномъ мѣновомъ банкѣ, долженствовавшемъ совершенно уничтожить существующихъ нынѣ посредниковъ между производителями и потребителями. Затѣмъ, онъ увлекся производительными ассоціаціями Лассаля, которыя должны были устраиваться правительствомъ и мало по малу превратить весь міръ въ одинъ рабочій городъ; но и это увлеченіе быстро прошло, когда, въ одинъ прекрасный день, его посѣтила мысль, что будетъ весьма затруднительно контролировать жизнь этого города. Теперь, не такъ давно, онъ остановился на коллективизмѣ и проповѣдывалъ, что всѣ орудія труда должны сдѣлаться общею собственностью. Но эта теорія была для него еще очень неясна; онъ не зналъ, какими путями осуществить ее, такъ какъ и чувство и разумъ его возставали противъ насилія, и вслѣдствіе всего этого Этьенъ не могъ особенно настаивать и на коллективизмѣ. Онъ закончилъ свои объясненія тѣмъ, что прежде всего надо взять въ свои руки власть, а тамъ уже будетъ видно, что дѣлать...

— И что съ тобою сдѣлалось? Почему ты щадишь буржуа? продолжалъ Этьенъ, снова останавливаясь передъ кабачникомъ.—Давно ли ты самъ твердилъ: надо, надо, чтобы этому пришелъ конецъ!

Рассенёръ слегка покраснѣлъ.

— Да, я говорилъ, и если конецъ придетъ, ты увидишь, что я не подлѣе другихъ... Я только отказываюсь дѣйствовать заодно съ тѣми людьми, которые мутятъ воду ради того только, чтобы выудить себѣ выдающуюся роль.

Этьенъ въ свою очередь вспыхнулъ. Теперь они уже не кричали, а говорили ѣдко и колко, все болѣе и болѣе раздражаясь въ своемъ соперничествѣ. На самомъ дѣлѣ, одно только оно, это соперничество, и увлекало ихъ въ крайности, заставляя одного съ преувеличеннымъ жаромъ проповѣдывать

революціонныя теоріи, а другаго—упрямо стоять за благоразуміе, граничившее почти съ бездѣйствіемъ. Помимо воли, оба они говорили и дѣйствовали вовсе не такъ, какъ думали, и, незамѣтно для самихъ себя, разыгрывали роли, совсѣмъ имъ несвойственныя. На женственномъ лицѣ слушавшаго ихъ Суварина отразилось глубокое презрѣніе,—презрѣніе человѣка, который всегда готовъ ради идеи пожертвовать своею жизнью, молча, не рисуясь, даже не думая о пріобрѣтеніи славы мученика.

— Ты это на мой счетъ говоришь? спросилъ Этьенъ.—Ты мнѣ завидуешь?

— Завидовать—чему? отвѣчалъ Рассенёръ.—Вѣдь я не играю роли великаго человѣка и не хлопочу объ устройствѣ кружка въ Монсу, чтобы занять самому мѣсто секретаря...

Этьенъ хотѣлъ прервать его, но Рассенёръ продолжалъ:

— Признайся откровенно:—вѣдь тебѣ собственно наплевать на международный союзъ, а тебя поджигаетъ только желаніе стоять во главѣ здѣшнихъ рабочихъ, сдѣлаться „господиномъ корреспондентомъ“ и вести переписку съ знаменитымъ сѣвернымъ федеральнымъ совѣтомъ!

Наступило молчаніе. Наконецъ Этьенъ, дрожа отъ волненія, отвѣчалъ:

— Хорошо... Я думалъ, что не могу ни въ чемъ упрекнуть себя... Я всегда совѣтовался съ тобою, зная, что ты боролся здѣсь раньше меня. Но такъ какъ ты не можешь никого терпѣть рядомъ съ собою, то отнынѣ я буду дѣйствовать одинъ... Прежде всего я предупреждаю тебя, что собраніе все таки состоится, если даже Плюшаръ не пріѣдетъ, и что товарищи, вопреки тебѣ, согласятся вступить въ международный союзъ.

— О, согласиться—еще не значитъ вступить! пробормоталъ Рассенёръ.—Имъ нужно прежде найти денегъ, чтобы внести въ союзную кассу.

— Вовсе этого не нужно. Союзъ не требуетъ денегъ сейчасъ же, когда люди устроили стачку. Мы внесемъ, что слѣдуетъ, потомъ, а теперь намъ оказана будетъ союзомъ немедленная помощь.

Рассенёръ вдругъ вышелъ изъ себя.

— Хорошо, мы увидимъ... Я буду на твоемъ собраніи и

поговорю... Да, я не допущу, чтобы ты вскружилъ головы товарищамъ, и разъясню имъ ихъ настоящіе интересы. Мы увидимъ, за кѣмъ они пойдутъ,—за мной ли, котораго они знаютъ уже тридцать лѣтъ, или за тобой, прожившимъ среди насъ меньше года и перевернувшимъ все вверхъ дномъ... Нѣтъ, нѣтъ, оставь меня въ покоѣ! Дѣло идетъ на то, кто кого раздавитъ!

Онъ вышелъ, сильно хлопнувъ дверью; гирлянды цвѣтовъ заколыхались подъ потолкомъ, позолоченные картоны съ изображеніями святыхъ подпрыгнули на стѣнахъ, и затѣмъ въ большой залѣ наступила тишина.

Суваринъ сидѣлъ за столомъ и курилъ съ своимъ обычнымъ спокойнымъ видомъ. Этьенъ нѣсколько минутъ, молча, ходилъ по комнатѣ и наконецъ воскликнулъ:

— Нужно же было, чтобы этотъ жирный тунеядецъ пришелъ сюда!..

Затѣмъ онъ заговорилъ о томъ, что вовсе не искалъ популярности и самъ не знаетъ, какъ все это сдѣлалось,—какъ онъ пріобрѣлъ расположеніе всего селенія, довѣріе углекоповъ и ту власть надъ ними, которою пользуется теперь. Его въ высшей степени возмущало обвиненіе, что будто бы онъ нарочно, изъ личныхъ честолюбивыхъ разсчетовъ, волнуетъ товарищей; онъ колотилъ себя въ грудь, увѣряя, что видитъ въ нихъ друзей, братьевъ...

Вдругъ онъ остановился передъ Суваринымъ и вскричалъ:

— Видишь ли ты, еслибы я только зналъ, что черезъ меня прольется хоть капля крови кого нибудь изъ товарищей, я сейчасъ же убѣжалъ бы въ Америку!

Машинистъ пожалъ плечами, и улыбка снова появилась на его тонкихъ губахъ.

— О, кровь! тихо проговорилъ онъ.—Что же изъ этого?

. . . . . .

Этьенъ, нѣсколько успокоившійся, придвинулъ кресло и сѣлъ противъ Суварина, облокотившись на столъ. Это блѣдное, обрамленное бѣлокурыми волосами лицо, съ мечтательными глазами, принимавшими иногда дикое, почти кровожадное выраженіе, безпокоило его и производило на него странное дѣйствіе. Суваринъ не сказалъ еще ни слова, но уже въ

самомъ его молчаніи было что-то покорявшее Этьена, какъ будто подчинявшее его чужой волѣ.

— Скажи, какъ бы ты поступилъ на моемъ мѣстѣ? спросилъ онъ.—Вѣдь я правъ, что хочу дѣйствовать?.. Не правда ли, вѣдь теперь самое лучшее будетъ примкнуть къ международному союзу?

Суваринъ медленно выпустилъ изо рта дымъ и отвѣчалъ своимъ любимымъ словомъ:

— Глупости!.. Впрочемъ,—прибавилъ онъ,—въ ожиданіи лучшаго, можно сдѣлать и это... Къ тому же, Интернаціоналъ скоро пойдетъ какъ слѣдуетъ: *онъ* принимаетъ въ немъ большое участіе.

— Кто это?

— *Онъ*.

Суваринъ произнесъ это слово вполголоса, съ какимъ-то почти религіознымъ благоговѣніемъ, и указалъ взглядомъ на востокъ. Онъ говорилъ о своемъ вождѣ, о разрушителѣ Бакунинѣ.

— Только онъ одинъ можетъ сдѣлать настоящее дѣло, продолжалъ машинистъ, — тогда какъ всѣ твои ученые со всѣми ихъ „эволюціями“ ни болѣе, ни менѣе, какъ подлецы...

Этьенъ слушалъ очень внимательно; онъ сгоралъ желаніемъ ознакомиться съ этимъ, проповѣдывавшимъ всеобщее разрушеніе, ученіемъ, о которомъ машинистъ только изрѣдка проговаривался отрывистыми, неопредѣленными намеками, словно о хранимой имъ тайнѣ.

— Наконецъ, объясни же мнѣ,—чего вы хотите?

— Все разрушить...

. . . . . .

— Понимаю... Только къ чему же это приведетъ?

— Къ первобытной комунѣ безъ всякой опредѣленной формы, къ новому міру, къ началу всего съизнова.

— А средства для осуществленія?.. Какъ вы думаете приняться за это?

. . . . . .

— Нужно, чтобы цѣлый рядъ самыхъ страшныхъ дѣлъ привелъ въ ужасъ людей и пробудилъ народъ...

вали разныя вещи и распродавали понемногу хозяйственное обзаведеніе. Все переходило къ торговцамъ старьемъ: шерсть, которою были набиты матрасы, кухонная посуда, даже мебель... Одно время, рабочимъ мелькнула было надежда на спасеніе: мелкіе торговцы Монсу, которыхъ совсѣмъ задавилъ Мэгра, задумали отбить у него на будущее время покупателей и открыли рабочимъ кредитъ. Въ теченіе недѣли, углекопы могли забирать въ долгъ все имъ нужное у бакалейщика Верданка и у двухъ булочниковъ, Карубля и Смельтена, но затѣмъ запасы этихъ торговцевъ истощились, и они принуждены были запереть лавки. Въ результатѣ, была выиграна рабочими лишняя недѣля и прибавился новый долгъ, освободиться отъ котораго они могли, конечно, очень нескоро. А затѣмъ,—кредита не предвидѣлось больше ни откуда, въ домѣ не оказывалось даже какой нибудь старой кастрюли, которую можно было бы продать, и оставалось только лечь въ уголокъ и издохнуть, какъ паршивая собака.

Этьенъ готовъ былъ продать свою собственную шкуру. Онъ отдалъ Магѣ всѣ свои сбереженія, сходилъ въ Маршьенъ и заложилъ свою суконную пару платья, а вырученныя деньги опять таки отдалъ хозяевамъ, чтобы они не сидѣли голодными. Изо всѣхъ вещей, имѣвшихъ какую нибудь цѣну, у него оставались только сапоги, и онъ покуда не хотѣлъ закладывать ихъ: въ нихъ можно шибче бѣгать, говорилъ онъ. Теперь Этьенъ повторялъ съ отчаяніемъ, что стачка началась слишкомъ рано и именно отъ этого-то они и очутились въ такомъ отчаянномъ положеніи. Выжди они время, покуда во вспомогательной кассѣ скопился бы порядочный капиталъ,—дѣло вышло бы совсѣмъ другое, и рабочіе непремѣнно восторжествовали бы надъ хозяевами. Онъ не могъ не вспомнить словъ Суварина, давно уже говорившаго, что компанія нарочно вызываетъ стачку именно теперь, когда во вспомогательной кассѣ такъ мало денегъ, что онѣ будутъ разобраны въ первые же дни.

Видѣть селеніе, словно вымершее, видѣть всѣхъ этихъ бѣдняковъ, сидѣвшихъ безъ хлѣба и топлива, было для Этьена такъ тяжело, что онъ предпочиталъ уходить, куда глаза глядятъ, и бродить по окрестностямъ. Однажды вечеромъ, возвращаясь домой черезъ Рекильярскія развалины, онъ уви-

кроткимъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ будто упрямымъ выраженіемъ на спокойномъ лицѣ.

Безпокойство Этьена возрастало. Былъ уже часъ. Рѣшительно, Плюшаръ не исполнилъ своего обѣщанія... Около половины втораго начали собираться депутаты, и Этьену приходилось встрѣчать ихъ, такъ какъ изъ боязни, чтобы компанія не подослала своихъ шпіоновъ на сходку, онъ рѣшился лично наблюдать за всѣми входившими въ залу. Приходилось просматривать каждое пригласительное письмо, вглядываться въ лица всѣхъ вновь прибывшихъ, тѣмъ болѣе, что многіе рабочіе, нѣсколько знакомые ему лично, проходили и безъ пригласительныхъ писемъ. Когда пробило два часа, вошелъ Рассенёръ и остановился у конторки, неторопливо докуривая свою трубку и разговаривая со знакомыми. Насмѣшливое спокойствіе, съ которымъ держалъ себя этотъ человѣкъ, окончательно смутило Этьена, въ особенности потому еще, что на сходку явились и зубоскалы,—въ родѣ Захарія, Мука и нѣкоторыхъ другихъ,—пришедшихъ сюда затѣмъ только, чтобы посмѣяться и подурачиться, такъ какъ имъ не было никакого дѣла до стачки и казалось только забавнымъ то обстоятельство, что приходится цѣлые дни ровно ничего не дѣлать. Этотъ безпечный народъ усѣлся вокругъ столовъ, за кружками пива, за которое отдавалъ послѣдніе два су, и, глядя на своихъ болѣе солидныхъ товарищей, подсмѣивался надъ ними и болталъ, что они совсѣмъ одурѣли и даже лишились употребленія языка.

Прошло еще четверть часа, и собравшіеся въ залѣ рабочіе начинали уже выказывать нетерпѣніе. Этьенъ, совсѣмъ отчаявшись дождаться Плюшара, рѣшился объявить объ этомъ собранію и уже переступилъ черезъ порогъ залы, какъ вдругъ вдова Дезиръ, взглянувъ на улицу, воскликнула:

— Да вотъ онъ, господинъ, котораго вы ждете!

Многіе бросились къ двери. Въ самомъ дѣлѣ, передъ нею остановилась карета, запряженная запаленой лошадью, и тотчасъ же на мостовую выпрыгнулъ изъ экипажа Плюшаръ. Худощавый, красивый, съ квадратною и слишкомъ большою головой, онъ казался въ своемъ черномъ суконномъ сюртукѣ зажиточнымъ рабочимъ, пріодѣвшимся по праздничному. Уже пять лѣтъ онъ не бралъ въ руки напилка, очень забо-

тился о своей внѣшности, прическѣ и гордился впечатлѣніемъ, которое всегда производили произносимыя имъ рѣчи. Однако же движенія его были тяжелы, ногти на его широкихъ пальцахъ не отростали, словно ихъ съѣло желѣзо, съ которымъ онъ такъ долго возился. Это былъ человѣкъ чрезвычайно дѣятельный, честолюбивый, безъ устали рыскавшій по округу и всюду распространявшій свои идеи.

— Ахъ, не обвиняйте меня! сказалъ онъ, предупреждая вопросы и упреки со стороны встрѣтившихъ его рабочихъ.— Вчера утромъ было совѣщаніе въ Прёльи, вечеромъ—собраніе въ Валенси... Сегодня я завтракалъ въ Маршьенѣ съ Сованья и, наконецъ, вырвался и нанялъ карету... Я измучился и совсѣмъ охрипъ. Но это ничего; я все таки буду говорить и у васъ.

Плюшаръ уже вошелъ было въ дверь, какъ вдругъ остановился.

— Saprisli, я забылъ билеты!.. Хороши бы мы были!

Онъ возвратился къ каретѣ, которую кучеръ ставилъ въ сарай, досталъ изъ-подъ сидѣнья маленькій ящичекъ чернаго дерева и понесъ его подъ мышкой.

Сіяющій Этьенъ шелъ за нимъ по пятамъ, между тѣмъ какъ совсѣмъ обезкураженный Рассенёръ не рѣшался даже поздороваться съ своимъ старымъ знакомымъ. Плюшаръ самъ протянулъ ему руку и вскользь упомянулъ о полученномъ отъ него письмѣ: смѣшно! почему бы и не устроить эту сходку? Всегда, когда можно, надо пользоваться случаемъ и собирать людей... Вдова Дезиръ спросила, не хочетъ ли онъ чего нибудь выпить, но Плюшаръ отказался. Нѣтъ, не надо; онъ будетъ говорить, и не промочивъ горла. Только надо торопиться, такъ какъ къ вечеру ему надо поспѣть въ Жуазёль и переговорить съ Легужё... Всѣ, толпой, вошли въ большую залу; запоздавшіе Магё и Левакъ слѣдовали за прочими. Чтобы быть какъ дома, дверь заперли на ключъ, и это вызвало еще болѣе громкія шутки со стороны зубоскаловъ. Захарій закричалъ Муку, что всѣ они, сидя тутъ взаперти, высидятъ, можетъ быть, хоть одного ребенка.

Около сотни углекоповъ уже ожидали ихъ, сидя на скамьяхъ. Въ залѣ становилось душно, а съ полу поднимался тя*желый запахъ*, оставшійся отъ послѣдняго бала. Пока но-

воприбывшіе размѣщались на пустыхъ мѣстахъ, между рядами рабочихъ пробѣжалъ шопотъ, и всѣ головы повернулись по направленію къ столу: господинъ въ черномъ сюртукѣ, прибывшій изъ Лилля, возбудилъ во всѣхъ удивленіе и какое-то непріятное чувство.

Немедленно приступили къ избранію предсѣдателя и помощниковъ его. Этьенъ выкрикивалъ имена предлагаемыхъ имъ лицъ, а рабочіе высказывали свое рѣшеніе, поднимая вверхъ руки, и такимъ образомъ Плюшаръ былъ избранъ предсѣдателемъ, а Магё и Этьенъ его помощниками. Началось передвиженіе; выбранные пробирались къ столу и усаживались около него. Затѣмъ, на секунду, рабочіе потеряли изъ глазъ предсѣдателя, который скрылся за столомъ, запрятывая подъ него принесенный имъ маленькій ящичекъ. Наконецъ, Плюшаръ снова вынырнулъ изъ-подъ стола, легонько постучалъ кулакомъ, требуя вниманія, и произнесъ охрипшимъ голосомъ:

— Граждане!..

Растворилась маленькая боковая дверь, и ораторъ долженъ былъ остановиться. Появилась вдова Дезиръ, которая прошла черезъ кухню и внесла въ залу подносъ съ шестью кружками пива.

— Я вамъ не мѣшаю, сказала она.—Когда люди говорятъ, у нихъ всегда пересыхаетъ въ горлѣ.

Магё взялъ у нея подносъ и поставилъ его на конецъ стола. Теперь Плюшаръ могъ бы продолжать свою рѣчь, но онъ только разсыпался въ благодарностяхъ, говорилъ, что очень тронутъ ласковымъ пріемомъ со стороны рабочихъ Монсу, извинялся, что опоздалъ, и распространялся о своей усталости и о больномъ горлѣ. Затѣмъ онъ предоставилъ слово гражданину Рассенёру, изъявившему желаніе говорить.

Кабачикъ помѣстился около стола, ближе къ кружкамъ съ пивомъ. Стулъ, повернутый спинкою къ слушателямъ, замѣнилъ ему трибуну. Рассенёръ былъ очень взволнованъ и нѣсколько разъ кашлянулъ, прежде чѣмъ произнесъ во весь голосъ:

— Товарищи!..

Кабачикъ пріобрѣлъ вліяніе на рабочихъ свободою своей рѣчи, неистощимымъ добродушіемъ, съ которымъ могъ говорить безъ устали по цѣлымъ часамъ. Онъ никогда не жести-

кулировалъ; всегда оставался неподвижнымъ, точно приросшимъ къ мѣсту, и, улыбаясь, говорилъ безъ конца, говорилъ до того, что слушатели наконецъ совсѣмъ одурѣвали и принимались кричать: „Да, да; это такъ; ты говоришь правду!“ Но сегодня Рассенёръ съ первыхъ же своихъ словъ почувствовалъ, что его слушаютъ съ недовѣріемъ, и поэтому подвигался впередъ осторожно, говорилъ только о послѣдствіяхъ стачки, а къ международному союзу рабочихъ намѣревался перейти лишь тогда, когда рѣчь его вызоветъ аплодисменты. Конечно, честь не позволяетъ уступить требованіямъ компаніи, но сколько видится впереди нищеты и какое страшное предстоитъ будущее, если придется еще долго оставаться безъ работы!.. Не намекая ни однимъ словомъ на необходимость покориться, онъ старался поколебать мужество рабочихъ,— рисовалъ передъ ними картины селеній, вымирающихъ съ голоду, спрашивалъ, на что же разсчитываютъ тѣ люди, которые стоятъ за продолженіе стачки... Три-четыре пріятеля попробовали поддержать его одобрительными восклицаніями, но эти немногіе сочувственные голоса еще замѣтнѣе оттѣнили холодное молчаніе и постепенно возраставшее недовольство, съ которымъ большинство слушало Рассенёра. Тогда, отчаиваясь убѣдить своихъ слушателей, онъ далъ волю кипѣвшему въ немъ гнѣву и началъ грозить рабочимъ всевозможными бѣдствіями, если они позволятъ обойти себя разнымъ пришлецамъ и увлекутся ихъ наущеніями... Двѣ трети присутствующихъ съ гнѣвомъ вскочили со своихъ мѣстъ, не желая больше слушать Рассенёра, который смотритъ на нихъ, какъ на ребятъ, неспособныхъ понимать дѣло. Поднялся страшный шумъ, но кабачикъ, безпрестанно глотая пиво, продолжалъ говорить или, вѣрнѣе, кричать во все горло, что не родился еще тотъ человѣкъ, который могъ бы помѣшать ему исполнить свой долгъ.

Плюшаръ поднялся съ мѣста. У него не было подъ рукою колокольчика, и онъ стучалъ кулакомъ по столу, повторяя своимъ охрипшимъ голосомъ:

— Граждане!.. граждане!..

Наконецъ ему удалось до нѣкоторой степени возстановить спокойствіе, и собраніе рѣшило, что ему не нужно больше *разсужденій* Рассенёра. Депутаты, ходившіе къ директору

всѣ ожесточенные голодомъ, охваченные новыми идеями, руководили другими рабочими, такъ что участь рѣчи кабачика можно было предвидѣть заранѣе.

— Тебѣ—наплевать; ты—сытъ! кричалъ Левакъ, показывая Рассенёру кулакъ.

Этьенъ перегнулся за спиною президента и старался успокоить раскраснѣвшагося Магё, который выходилъ изъ себя отъ этой лицемѣрной рѣчи.

— Граждане, сказалъ Плюшаръ,—я прошу у васъ слова.

Воцарилось глубокое молчаніе. Плюшаръ началъ рѣчь. Сначала онъ говорилъ глухо и сипло, но механикъ уже привыкъ къ хроническому воспаленію своей гортани, которой онъ не давалъ отдыха, безпрестанно переѣзжая съ мѣста на мѣсто и всюду проповѣдуя свое ученіе. Потомъ, мало по малу, голосъ его сдѣлался настолько явственнымъ, что имъ возможно стало пользоваться даже для патетическихъ эффектовъ. Распростирая руки, словно акомпанируя себѣ покачиваніемъ плечъ, Плюшаръ говорилъ, какъ говорятъ церковные проповѣдники, и, подобно имъ, для вящаго убѣжденія, постепенно понижалъ голосъ къ концу фразъ, такъ что онѣ заканчивались всегда какимъ-то монотоннымъ бормотаньемъ.

Плюшаръ говорилъ о величіи и благодѣтельномъ вліяніи международнаго союза рабочихъ, свѣдѣнія о которомъ онъ распространялъ во всѣхъ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ ему приходилось произносить рѣчи. Цѣль этого союза—освобожденіе рабочихъ изъ-подъ власти капитала; организація его грандіозная: въ самомъ низу — община, выше — провинція, еще выше—нація, а на самой вышинѣ—человѣчество. При этомъ руки оратора медленно поднимались выше и выше, какъ будто воздвигая этажъ за этажомъ и постепенно строя это необъятное зданіе будущаго міра. Затѣмъ Плюшаръ перешелъ къ внутреннему устройству союза, прочиталъ уставы, упомянулъ о конгрессахъ, указалъ на возрастающее значеніе ихъ, на расширеніе программы... Прежде союзъ занимался обсужденіемъ вопросовъ о заработной платѣ, а теперь въ немъ идетъ рѣчь о томъ, чтобы разъ навсегда покончить съ наймомъ... Рабочіе, объединившіеся въ общемъ стремленіи къ справедливости, создадутъ общество, въ которомъ тотъ, кто не работаетъ, не будетъ ничего и пожинать... Теперь Плюшаръ

уже не говорилъ, а рычалъ; его дыханіе долетало до бумажныхъ цвѣтовъ подъ закопченнымъ потолкомъ, скрадывавшимъ звуки голоса оратора.

Головы рабочихъ заколыхались; послышались голоса:

— Это такъ!. На это мы согласны!..

Плюшаръ продолжалъ. Черезъ три года, цѣль будетъ достигнута. Націи, одна за другою, примкнутъ къ союзу; люди со всѣхъ сторонъ выражаютъ ему сочувствіе; никогда никакое новое ученіе не пріобрѣтало себѣ такъ быстро такую массу послѣдователей и приверженцевъ. Потомъ, когда побѣда останется за рабочими, они продиктуютъ свои законы.

— Да, да!.. Тогда другіе будутъ, вмѣсто насъ, спускаться подъ землю!

Плюшаръ жестомъ потребовалъ молчанія и заговорилъ теперь о стачкахъ. Въ принципѣ, онъ — противъ нихъ; это путь слишкомъ медленный и только увеличиваетъ страданія рабочаго. Однако же, если ужъ нельзя обойтись безъ нихъ, то, разумѣется, дѣлать нечего, приходится помириться и съ ними, тѣмъ болѣе, что въ нихъ есть та хорошая сторона, что онѣ расшатываютъ капиталъ. Но и въ этомъ случаѣ международный союзъ являлся, по словамъ Плюшара, провидѣніемъ для рабочихъ, прекращавшихъ работы. Въ Парижѣ, во время стачки бронзовщиковъ, стоило только разнестись извѣстію, что союзъ шлетъ помощь забастовавшимъ, и хозяевами овладѣла такая паника, что они немедленно уступили рабочимъ и согласились на всѣ ихъ требованія. Въ Лондонѣ союзъ спасъ углекоповъ на однихъ каменноугольныхъ копяхъ, отправивъ на свой счетъ назадъ рабочихъ, выписанныхъ изъ Бельгіи. Достаточно примкнуть къ союзу, и рабочіе вступаютъ въ великую армію такихъ же тружениковъ, которые рѣшились скорѣе умереть другъ за друга, чѣмъ оставаться жалкими рабами.

Раздавшіеся аплодисменты прервали его. Онъ обтеръ лобъ платкомъ и, отказавшись отъ кружки пива, поданной ему Магё, хотѣлъ продолжать свою рѣчь; но раздался новый взрывъ рукоплесканій.

— Добились! быстро сказалъ онъ Этьену.—Будетъ съ нихъ *и этого*... Теперь—скорѣе билеты!

Плюшаръ юркнулъ подъ столъ и вынырнулъ оттуда съ своимъ маленькимъ ящичкомъ изъ чернаго дерева.

— Граждане! закричалъ онъ, стараясь, чтобы его услышали посреди поднявшагося въ залѣ шума.—Пусть подойдутъ ваши депутаты, и я вручу имъ членскіе билеты, а они ужь раздадутъ ихъ своимъ товарищамъ... Потомъ мы окончательно устроимъ это дѣло.

Рассенёръ выдвинулся впередъ, намѣреваясь протестовать; Этьенъ суетился и хотѣлъ, въ свою очередь, сказать рѣчь; Левакъ выставлялъ впередъ кулаки, точно будто лѣзъ драться; Магё всталъ и говорилъ что-то, но изъ его рѣчи нельзя было разобрать ни одного слова. Въ залѣ стояло невыразимое смятеніе, всѣ двигались, и съ пола поднималась пыль, распространяя въ воздухѣ ѣдкій запахъ, оставленный посѣтителями здѣшнихъ баловъ.

Вдругъ маленькая дверь растворилась, и въ ней показалась вдова Дезиръ, заслонившая ее всю своимъ массивнымъ тѣломъ.

— Молчите, nom de Dieu! крикнула она громовымъ голосомъ.—Пришли жандармы!..

Дѣйствительно, пришелъ, хотя немного поздно, окружный комисаръ съ четырьмя жандармами и намѣревался составить протоколъ и распустить собраніе. Вдова задержала ихъ минутъ на пять, утверждая, что имѣетъ полное право собирать у себя въ домѣ друзей, но жандармы, конечно, не хотѣли слушать ея объясненій, и тогда она поспѣшила предупредить своихъ „дѣтей“.

— Надо уходить черезъ эту дверь, продолжала она.— Дворъ караулитъ грязный жандармъ, но это ничего не значитъ: изъ моего дровянаго сарая есть дверь въ переулокъ... Торопитесь же!

Комисаръ уже стучался въ залу и грозилъ выломать дверь, если ее не отопрутъ добровольно. Было очевидно, что нашелся какой-то шпіонъ, увѣдомившій полицію о происходившемъ на сходкѣ, такъ какъ комисаръ кричалъ, что собраніе незаконно, ибо на немъ присутствуетъ много углекоповъ, не получившихъ пригласительныхъ писемъ.

Смятеніе въ залѣ возросло еще больше. Невозможно было разойтись, не придя ни къ какому рѣшенію ни относительно

международнаго союза, ни относительно продолженія стачки. Всѣ кричали разомъ. Наконецъ предсѣдателя осѣнила мысль, чтобы рабочіе, согласные примкнуть къ союзу, подняли руки. Руки поднялись кверху, депутаты торопливо заявили, что они даютъ согласіе отъ имени своихъ отсутствующихъ товарищей, и такимъ образомъ десять тысячъ углекоповъ Монсу вступили въ международный союзъ рабочихъ.

Послѣ того началось безпорядочное бѣгство. Прикрывая отступленіе, вдова Дезиръ подошла къ двери въ кабакъ, сотрясавшейся подъ ударами прикладовъ, и налегла на нее всѣмъ своимъ тѣломъ. Углекопы перепрыгивали черезъ скамейки и, одинъ за другимъ, уходили указанною имъ дорогою: Рассенёръ скрылся однимъ изъ первыхъ; Левакъ, уже забывшій, что недавно разражался противъ него бранью, послѣдовалъ за нимъ, мечтая, что, можетъ быть, кабачикъ предложитъ ему освѣжиться кружкою пива. Этьенъ, держа въ рукахъ маленькій ящичекъ съ билетами, стоялъ съ Плюшаромъ и Магё, считавшими за честь выйти изъ залы собранія послѣдними. Когда ушли и они въ свою очередь, дверной замокъ наконецъ сломался, и комисаръ очутился передъ вдовою Дезиръ, все еще продолжавшею заслонять дверь своимъ массивнымъ тѣломъ.

— Ну, далеко ли вы подвинулись оттого, что переломали у меня все? спросила она.—Вы видите, что въ залѣ нѣтъ ни души.

Комисаръ не отличался особенною энергіей, притомъ же ему страшно надоѣли всѣ эти исторіи, и поэтому онъ ограничился только тѣмъ, что пригрозилъ вдовѣ тюрьмой. Онъ пошелъ составлять протоколъ и увелъ своихъ четверыхъ жандармовъ, сопровождаемый цѣлымъ градомъ насмѣшекъ со стороны Захарія и Мука, которыхъ до того восхитила штука, выкинутая надъ полиціей, что они не боялись даже и вооруженной силы.

Выбравшись въ переулокъ, Этьенъ почти бѣжалъ вслѣдъ за другими, хотя его нѣсколько стѣснялъ ящичекъ. Вдругъ онъ вспомнилъ о Пьерронѣ и спросилъ, почему тотъ не былъ на сходкѣ. Магё отвѣчалъ на ходу, что Пьерронъ боленъ, впрочемъ, не очень опасной болѣзнью, а именно—страхомъ скомпрометировать себя. Рабочіе хотѣли удержать Плюшара, но тотъ рѣшительно объявилъ, что сейчасъ же отправляется въ

Жуазёль, гдѣ Легужё ожидаетъ приказаній. Тогда они пожелали ему благополучнаго пути и безъ остановки поспѣшили дальше, по улицѣ Монсу, задыхаясь отъ быстрой ходьбы и перебрасываясь между собою отрывочными словами. Этьенъ и Маге, увѣренные отнынѣ въ побѣдѣ, весело смѣялись, подшучивая, что когда союзъ пришлетъ деньги, то компаніи останется только сложить съ мольбою руки и начать упрашивать рабочихъ приняться за работу. Но въ этомъ приливѣ надежды, въ этомъ торопливомъ, раздававшемся по мостовой, стукѣ грубыхъ башмаковъ было теперь уже что-то новое, мрачное и дикое: страсти разгорались, словно раздуваемыя вѣтромъ, въ селеніяхъ этого округа.

V.

Прошло еще двѣ недѣли. Наступилъ январь съ густыми, холодными туманами, оледенившими безконечную равнину. Положеніе рабочихъ ухудшалось часъ отъ часу, нищета возрастала. Трехъ тысячъ франковъ, присланныхъ изъ Лондона отъ международнаго союза, хватило только на два дня, а затѣмъ оттуда не приходило больше ничего, кромѣ неопредѣленныхъ обѣщаній, выполненіе которыхъ откладывалось безъ конца. Рушились великія надежды, возлагавшіяся на союзъ, и это новое разочарованіе подкашивало послѣднія силы рабочихъ. На кого же разсчитывать теперь, если братья-товарищи— и тѣ бросили ихъ? Углекопы чувствовали себя какъ бы затерявшимися посреди этой равнины, скованной холодомъ суровой зимы; имъ казалось, что они словно отрѣзаны отъ всего міра.

Ко вторнику, въ селеніи „Двухсотъ-сорока“ не оставалось уже ровно ничего. Этьенъ и депутаты напрасно изыскивали средства для поддержанія стачки: они распространяли подписные листы для пожертвованій въ сосѣднихъ городахъ, даже въ самомъ Парижѣ, открывали сборы, устраивали собранія, но общество, сначала нѣсколько заинтересовавшееся стачкой, дѣлалось все болѣе и болѣе равнодушнымъ, по мѣрѣ того, какъ она затягивалась и шла тихо, безъ потрясающихъ драмъ. Скудныхъ подачекъ, собираемыхъ всѣми этими путями, едва хватало на поддержаніе самыхъ бѣднѣйшихъ семействъ; болѣе же состоятельные кое-какъ перебивались тѣмъ, что заклады-

вали разныя вещи и распродавали понемногу хозяйственное обзаведеніе. Все переходило къ торговцамъ старьемъ: шерсть, которою были набиты матрасы, кухонная посуда, даже мебель... Одно время, рабочимъ мелькнула было надежда на спасеніе: мелкіе торговцы Монсу, которыхъ совсѣмъ задавилъ Мэгра, задумали отбить у него на будущее время покупателей и открыли рабочимъ кредитъ. Въ теченіе недѣли, углекопы могли забирать въ долгъ все имъ нужное у бакалейщика Верданка и у двухъ булочниковъ, Карубля и Смельтена, но затѣмъ запасы этихъ торговцевъ истощились, и они принуждены были запереть лавки. Въ результатѣ, была выиграна рабочими лишняя недѣля и прибавился новый долгъ, освободиться отъ котораго они могли, конечно, очень нескоро. А затѣмъ,—кредита не предвидѣлось больше ни откуда, въ домѣ не оказывалось даже какой нибудь старой кастрюли, которую можно было бы продать, и оставалось только лечь въ уголокъ и издохнуть, какъ паршивая собака.

Этьенъ готовъ былъ продать свою собственную шкуру. Онъ отдалъ Магѣ всѣ свои сбереженія, сходилъ въ Маршьенъ и заложилъ свою суконную пару платья, а вырученныя деньги опять таки отдалъ хозяевамъ, чтобы они не сидѣли голодными. Изо всѣхъ вещей, имѣвшихъ какую нибудь цѣну, у него оставались только сапоги, и онъ покуда не хотѣлъ закладывать ихъ: въ нихъ можно шибче бѣгать, говорилъ онъ. Теперь Этьенъ повторялъ съ отчаяніемъ, что стачка началась слишкомъ рано и именно отъ этого-то они и очутились въ такомъ отчаянномъ положеніи. Выжди они время, покуда во вспомогательной кассѣ скопился бы порядочный капиталъ,—дѣло вышло бы совсѣмъ другое, и рабочіе непремѣнно восторжествовали бы надъ хозяевами. Онъ не могъ не вспомнить словъ Суварина, давно уже говорившаго, что компанія нарочно вызываетъ стачку именно теперь, когда во вспомогательной кассѣ такъ мало денегъ, что онѣ будутъ разобраны въ первые же дни.

Видѣть селеніе, словно вымершее, видѣть всѣхъ этихъ бѣдняковъ, сидѣвшихъ безъ хлѣба и топлива, было для Этьена такъ тяжело, что онъ предпочиталъ уходить, куда глаза глядятъ, и бродить по окрестностямъ. Однажды вечеромъ, возвращаясь домой черезъ Рекильярскія развалины, онъ уви-

дѣлъ на краю дороги лежащую безъ чувствъ старуху, по всей вѣроятности, умирающую отъ истощенія. Поднявъ ее, Этьенъ началъ звать на помощь дѣвушку, которую замѣтилъ по ту сторону забора.

— Ахъ, это ты! сказалъ онъ, узнавъ откатчицу Мукъ.— Помоги мнѣ; нужно бы дать чего нибудь выпить этой несчастной.

Мукъ, расчувствовавшаяся до слезъ, быстро скрылась въ своей ветхой лачугѣ, которую старикъ отецъ ея кое-какъ поддерживалъ среди развалинъ. Дѣвушка тотчасъ же возвратилась назадъ и принесла хлѣба и можжевеловой водки. Глотокъ водки скоро привелъ старуху въ чувство, и она принялась съ жадностью ѣсть хлѣбъ. Это была мать одного углекопа, жившая въ селеніи, недалеко отъ Куньи; она напрасно прошлась оттуда въ Жуазёль, къ сестрѣ, у которой надѣялась выпросить взаймы десять су, и на возвратномъ пути свалилась безъ чувствъ. Поѣвъ хлѣба, старуха побрела дальше совсѣмъ одурѣлая.

Этьенъ все еще продолжалъ стоять среди этого пустыря, образовавшагося на мѣстѣ бывшихъ копей, разрушившіяся строенія которыхъ уже начинали исчезать подъ кустами терновника.

— Что же, развѣ ты не зайдешь ко мнѣ выпить стаканчикъ? весело спросила Мукъ.

Замѣтивъ, что онъ колеблется, она прибавила:

— Неужели ты все еще боишься меня?

Отчасти увлеченный ея веселостью, отчасти растроганный ею сердечностью, съ которою Мукъ поспѣшила на помощь старухѣ, Этьенъ пошелъ за этою странною дѣвушкою. Она не хотѣла принять его въ помѣщеніи отца, а провела въ свою комнату и тотчасъ же налила два маленькихъ стаканчика водки. Комната содержалась въ такой чистотѣ, что Этьенъ не могъ не высказать дѣвушкѣ, какое пріятное впечатлѣніе производитъ ея жилище. Видно было, что семья Мукъ не нуждалась ни въ чемъ, и, дѣйствительно, самъ старикъ продолжалъ служить конюхомъ въ Ворё, а дочь, не желая сидѣть, сложа руки, принялась за стирку бѣлья и добывала по тридати су въ день. „Можно болтать съ мужчинами и не сдѣлаться отъ этого тунеядкой“, говорила Мукъ.

— Скажи, вдругъ прошептала она, ласково обхватыв Этьена за талію,—отчего ты не хочешь полюбить меня?

Онъ не могъ не засмѣяться,—такъ мило предложила о этотъ вопросъ.

— Я очень люблю тебя, отвѣчалъ онъ.

— Нѣтъ, нѣтъ; ты любишь не такъ, какъ мнѣ хочется Вѣдь ты долженъ же знать, что я давно, давно люблю теб Скажи; ты мнѣ доставишь этимъ большое удовольствіе!

Это была правда: Мукъ уже шесть мѣсяцевъ вздыхала Этьенѣ. Теперь она такъ нѣжно прильнула къ нему, обня его своими дрожащими руками, и смотрѣла ему въ глаза выраженіемъ такой мольбы, что Этьенъ былъ почти растр ганъ. Правда, не было ничего привлекательнаго въ ея пу ломъ, кругломъ лицѣ, съ пожелтѣвшею отъ угольной пы кожею, но ея глаза горѣли огнемъ и вся фигура дыша прелестью страсти, придававшей дѣвушкѣ и молодость и си жесть. Этьенъ почувствовалъ себя не въ силахъ оттолкну эту смиренную и вмѣстѣ съ тѣмъ пламенную любовь.

— О, ты не отталкиваешь меня! прошептала она съ восто гомъ.—О, я вижу это!

Она вдругъ пришла въ замѣшательство, застыдилась, ка будто бы почувствовала себя въ первый разъ во власти му чины... Потомъ, когда Этьенъ собрался идти домой, она об пала его самыми нѣжными словами, цѣловала у него руки

Этьенъ былъ нѣсколько смущенъ этимъ неожиданны приключеніемъ; къ тому же, расположеніе Мукъ не могло е доставить ни особенной чести, ни счастья. Уходя, онъ да себѣ слово не продолжать этой случайной связи, но все та въ его сердцѣ осталось дружеское чувство къ откатчи оказавшейся такою хорошею дѣвушкой.

Только что Этьенъ возвратился въ селеніе, ему сообщи такія важныя новости, что онъ совсѣмъ забылъ о Мукъ. Разнес слухъ, что компанія, можетъ быть, согласится на уступк если депутаты обратятся къ директору и возобновятъ перег воры. Такъ, по крайней мѣрѣ, говорили нѣкоторые изъ на смотрщиковъ. Во всякомъ случаѣ, вѣрно было то, что въ эт такъ долго затянувшейся, борьбѣ каменноугольныя копи стр дали еще болѣе, чѣмъ углекопы. Обѣ враждующія сторон *упрямо* не соглашавшіяся ни на какія уступки, несли тя

лыя потери, потому что если представители труда умирали съ голоду, то и представителямъ капитала приходилось видѣть, что онъ быстро таетъ. Каждый день стачки уносилъ сотни тысячъ франковъ: машины стояли безъ дѣла, а неработающія машины — все равно, что мертвыя; матеріалы и рабочіе инструменты портились; деньги, не приносившія болѣе процентовъ, исчезали, какъ вода, всасываемая пескомъ. Наконецъ, когда запасы угля начали все болѣе и болѣе истощаться, потребители стали поговаривать, что они обратятся со своими заказами въ Бельгію, и еслибы эта угроза осуществилась,то компаніи и въ будущемъ предстояла очень серьезная опасность. Но что̀ болѣе всего тревожило компанію и что̀ она тщательно скрывала ото всѣхъ, такъ это то, что подземныя галлереи день ото дня все болѣе и болѣе разрушались. Правда, надсмотрщики постоянно занимались ремонтировкою деревяннаго крѣпленія; но ихъ оказывалось слишкомъ мало, другихъ рабочихъ не откуда было взять, и дерево, поддерживавшее своды, гнулось и ломалось повсюду, обвалы происходили каждый часъ. Это разрушеніе угрожало сдѣлаться въ самомъ скоромъ времени настолько серьезнымъ, что, прежде чѣмъ начать опять добываніе угля, пришлось бы употребить нѣсколько мѣсяцевъ на одну расчистку галлерей. Въ окрестностяхъ ходили уже цѣлыя исторіи по этому поводу; разсказывали, напримѣръ, что на копяхъ Кревъ-кёръ обвалъ завалилъ триста метровъ подземной галлереи и совершенно прервалъ сообщеніе съ пластомъ Сенк-Помъ, а на копяхъ „Магдалина“ пластъ Могрету весь осыпался и пропитался водою. Правленіе отрицало справедливость этихъ слуховъ, какъ вдругъ два случая, происшедшіе одинъ вслѣдъ за другимъ, принудили его сознаться, что въ копяхъ дѣйствительно происходило разрушеніе: разъ утромъ, недалеко отъ Піолены, увидѣли, что почва разсѣлась надъ сѣверною галлереею Миру, обвалившеюся наканунѣ; а на другой день въ Ворё произошелъ такой обвалъ, что отъ него дрогнуло все предмѣстье города и два дома чуть не разрушились.

Этьенъ и депутаты нѣкоторое время не рѣшались возобновить переговоры, не зная ничего опредѣленнаго о намѣреніяхъ правленія. Они попробовали было выспросить Данса-эрта, но тотъ уклончиво отвѣчалъ, что, конечно, тамъ, въ правленіи, очень сожалѣютъ о происшедшемъ недоразумѣ-

ніи и желали бы какъ нибудь столковаться, но опредѣленнаго онъ ничего не знаетъ. Наконецъ депутаты рѣшились идти опять къ господину Геннебо и снова переговорить съ нимъ, хотя бы въ виду того только, чтобы впослѣдствіи ихъ не обвиняли въ томъ, что они не доставили компаніи случая сознаться въ своей неправотѣ. Но они поклялись не дѣлать никакихъ уступокъ и настаивать на предъявленныхъ ими прежде условіяхъ, какъ единственно возможныхъ и справедливыхъ.

Свиданіе состоялось во вторникъ утромъ, въ день, когда страшная нужда, царившая во всѣхъ домахъ, почему-то казалась рабочимъ особенно подавляющею. Это свиданіе было гораздо холоднѣе, чѣмъ прежнее. Магё опять пришлось говорить первому, и онъ сказалъ, что товарищи поручили ему освѣдомиться, нѣтъ ли у господина директора чего нибудь новаго для нихъ. Сначала Геннебо притворился очень удивленнымъ и отвѣчалъ, что не получилъ никакихъ новыхъ приказаній, да и вообще положеніе дѣлъ не можетъ измѣниться до тѣхъ поръ, пока углекопы не перестанутъ упорствовать и бунтовать. Этотъ холодный начальническій пріемъ произвелъ такое дурное впечатлѣніе на депутатовъ, что еслибы даже, идя сюда, они и склонны были сдѣлать какія нибудь уступки, то теперь не могло быть и рѣчи объ этомъ. Однако же, послѣ этого вступленія, директоръ заговорилъ о томъ, что, можетъ быть, найдется какое нибудь средство прійти къ соглашенію: напримѣръ, не согласятся ли рабочіе получать особо плату за крѣпленіе деревомъ галлерей, при томъ условіи, что компанія, съ своей стороны, повыситъ эту плату на тѣ два сантима, на которые, по ихъ словамъ, уменьшался ихъ заработокъ съ каждой телѣжки угля. Онъ прибавилъ, что компанія еще не дала ему разрѣшенія на эту уступку и что онъ только предполагаетъ ее возможною, надѣется, что, можетъ быть, ему и удастся склонить правленіе на эту сдѣлку. Но депутаты отказались отъ нея и повторили свои прежнія требованія,—то есть, чтобы опять введена была старая система разсчета и, кромѣ того, чтобы заработная плата была повышена на пять сантимовъ съ каждой телѣжки угля. Тогда Геннебо сознался, что можетъ тотчасъ же покончить все дѣло, *если они* примутъ предложенную имъ сдѣлку, и именемъ ихъ

жонъ и маленькихъ дѣтей, умирающихъ съ голоду, торопилъ ихъ согласиться на нее... Но депутаты, опустивъ глаза въ землю, мрачно покачивая головами, повторяли: нѣтъ и нѣтъ... Они разстались далеко не дружелюбно, и господинъ Геннебо съ сердцемъ захлопнулъ за рабочими дверь. Этьенъ, Магё и другіе ушли въ нѣмомъ бѣшенствѣ побѣжденныхъ, доведенныхъ до крайности людей, и толпою пошли по мощеной дорогѣ, громко стуча своею грубою обувью.

Часу во второмъ, жены рабочихъ рѣшились, въ свою очередь, отправиться къ Мэграː и попробовать умилостивить его. Оставалась еще одна надежда на то, что, можетъ быть, удастся выпросить у этого человѣка кредитъ хоть на недѣлю. Мысль объ этомъ пришла въ голову женѣ Магё, которая иногда увлекалась и возлагала преувеличенныя надежды на добрыя чувства людей. Она уговорила идти съ собою Брюле и Левакъ, уговаривала и Пьерронъ, но та отказалась, сославшись на болѣзнь мужа, который все еще нездоровъ, такъ что она не можетъ оставить его одного. Къ нимъ присоединилось еще нѣсколько женщинъ, и всего набралось человѣкъ двадцать. Жалкія, съ мрачными лицами, онѣ шли во всю ширину улицы Монсу, и буржуа, увидя ихъ, съ безпокойствомъ покачивали головами; двери домовъ поспѣшно запирались; одна дама даже собрала и спрятала свое серебро. За время этой стачки, онѣ еще въ первый разъ показались въ городѣ такою толпою, и это служило очень дурнымъ признакомъ, такъ какъ дѣла постоянно принимали самый скверный оборотъ съ того момента, когда женщины начинали толпами бѣгать по дорогамъ. У Мэгра имъ пришлось вынести унизительную сцену. Онъ принялъ ихъ съ насмѣшливою улыбкою и сдѣлалъ видъ, будто вполнѣ увѣренъ, что онѣ пришли расплатиться съ нимъ за забранный въ кредитъ товаръ. Это очень хорошо, что онѣ сговорились и всѣ разомъ принесли ему деньги... Потомъ, лишь только Магё заговорила, Мэгра притворился страшно разсерженнымъ. Что онѣ насмѣхаются, что ли, надъ людьми, прося еще кредита?.. Совсѣмъ, что ли, онѣ хотятъ его разорить?.. Нѣтъ, онъ больше не дастъ ни одной картофелины, ни одной крошки хлѣба!.. Пусть онѣ идутъ къ бакалейщику Верданку и булочникамъ Карублю и Смельтену, которые сдѣлались теперь ихъ поставщиками... Боясь разсердить его еще больше, женщины

выслушивали все это съ видомъ боязливаго униженія, извинялись и съ трепетомъ ждали, не блеснетъ ли въ глазахъ лавочника хоть искорка сожалѣнія къ нимъ. Дальше Мэгра началъ отпускать грубыя шутки и отдавалъ всю свою лавку Брюле, если она согласится взять его себѣ въ возлюбленные. Эта подлая выходка задѣвала всѣхъ пришедшихъ къ нему женщинъ, но онѣ засмѣялись, а Левакъ превзошла всѣхъ ихъ и объявила, что готова замѣнить Брюле. Тогда Мэгра тотчасъ же пересталъ шутить и грубо принялся толкать ихъ къ выходной двери. Наконецъ, когда онѣ все таки не уходили и продолжали умолять его, онъ ударилъ одну изъ нихъ. Выйдя на улицу и остановившись на тротуарѣ, женщины ругали его продажною душою, а Магё, въ порывѣ мстительнаго негодованія, подняла вверхъ руки, призывая на лавочника смерть, и кричала, что такой человѣкъ недостоинъ ѣсть хлѣбъ.

Возвращеніе по домамъ было крайне печально. Когда жены пришли съ пустыми руками, мужчины только взглянули на нихъ и затѣмъ опустили головы: кончено, надо ложиться спать, не проглотивъ въ цѣлый день ни одной ложки супа. А впереди представлялась вереница такихъ же дней, словно окутанныхъ безотраднымъ ледянымъ туманомъ, сквозь который не блеститъ ни одного луча надежды. Но они сами шли на это, и ни одинъ человѣкъ не заговорилъ о томъ, чтобы сдаться. Казалось, что крайняя нищета только усиливала упорство этихъ людей, и они молчали, какъ окруженные со всѣхъ сторонъ звѣри, рѣшившіеся лучше умереть, чѣмъ выйти изъ своего логовища. Кто первый осмѣлится заговорить о томъ, что слѣдуетъ покориться? Они клялись не отставать другъ отъ друга и не отстанутъ, точно также, какъ не бросали на произволъ судьбы товарища, засыпаннаго обваломъ въ подземныхъ галлереяхъ. Работа подъ землею была для нихъ хорошею школою, пріучавшею ко всевозможнымъ случайностямъ, а когда человѣку приходилось уже съ двѣнадцатилѣтняго возраста проходить черезъ огонь и воду, то, конечно, ему не особенно трудно подтянуть себѣ брюхо дней на восемь и посидѣть голоднымъ. Въ углекопахъ заговорило теперь самолюбіе, — самолюбіе людей, гордыхъ своимъ ремесломъ, привыкшихъ, въ своей каждодневной борьбѣ со смертью, высоко цѣнить гото-

ность на самопожертвованіе,—и это самолюбіе удвоивало ихъ рѣшимость скорѣе умереть, чѣмъ сдаться.

Этотъ вечеръ проходилъ особенно печально для семьи Магё, молча сидѣвшей передъ потухающимъ огнемъ очага, подъ которымъ едва тлѣли послѣдніе остатки мелкаго угля. Распродавъ мало по малу шерсть изъ матрацевъ, Магё наконецъ рѣшились третьяго дня продать за три франка часы съ кукушкою, и съ тѣхъ поръ какъ ихъ тиканье не раздавалось болѣе въ комнатѣ, она казалась имъ совсѣмъ пустынною и мертвенною. Теперь у нихъ не оставалось уже ничего „лишняго“, кромѣ стоявшаго на буфетѣ розоваго бумажнаго ящичка, который Магё нѣкогда подарилъ женѣ, очень дорожившей этою бездѣлушкою. Два хорошихъ стула тоже были проданы, и старикъ Боньморъ тѣснился кое-какъ вмѣстѣ съ дѣтьми на старой мшистой скамьѣ, принесенной изъ сада. Наступившія свинцовыя сумерки, казалось, еще увеличивали холодъ.

— Что дѣлать? повторила Магё, сидѣвшая, скорчась, въ уголкѣ около очага.—А что, если я возьму ящичекъ? прибавила она потомъ, послѣ нѣкотораго колебанія, и вся поблѣднѣла.

Ея мужъ, сидѣвшій, свѣся ноги, на краю стола, выпрямился и поднялъ опущенную на грудь голову.

— Нѣтъ, я этого не позволю!

Магё съ трудомъ встала съ мѣста и обошла кругомъ комнаты. Возможно ли дойти до такой нищеты! Въ буфетѣ нѣтъ ни крошки, продать болѣе нечего, и даже нельзя придумать, откуда взять хлѣба! Къ тому же, и огонь скоро совсѣмъ погаснетъ!.. Она накинулась на Альзиру, которая ходила утромъ на насыпь за мелкимъ углемъ, но возвратилась съ пустыми руками, потому что, какъ она объявила, компанія больше не позволяетъ подбирать на насыпи уголь. Вотъ еще, они плюютъ на нее, на эту компанію! Развѣ они кого нибудь обворовываютъ, подбирая никуда негодные, выброшенные кусочки угля?.. Дѣвочка съ отчаяніемъ разсказывала, что какой-то человѣкъ грозилъ прибить ее; но пусть бьютъ, а она завтра все таки пойдетъ туда опять.

— И этотъ чертенокъ Жанлинъ!.. кричала мать. — Скажите, гдѣ это онъ пропадаетъ?.. Я велѣла ему принести салату; все таки мы пожевали бы его, какъ скотъ! Вотъ

увидите, что мальчишка и сегодня не придетъ: — вчера онъ уже не ночевалъ дома. Я не знаю, чѣмъ онъ промышляетъ, но только этотъ одеръ всегда смотритъ такъ, какъ будто брюхо у него набито досыта.

— Можетъ быть, не выпрашиваетъ ли онъ по дорогѣ милостыню у прохожихъ, сказалъ Этьенъ.

Магѣ вдругъ вышла изъ себя и потрясла кулаками.

— Еслибы я только знала, что мои дѣти просятъ милостыню!.. Я лучше убила бы ихъ... а потомъ убила бы и себя!..

Магѣ снова скорчился, сидя на краю стола; Ленора и Генрихъ, удивленные, что никто еще до сихъ поръ не обѣдалъ, начинали хныкать; а старикъ Боньморъ, молча, какъ философъ, ворочалъ языкомъ во рту, думая этимъ обмануть голодъ. Всѣ молчали и точно оцѣпенѣли подъ бременемъ все увеличивавшихся невзгодъ; всѣ чувствовали недомоганье: Боньмора, по прежнему каплявшаго и отплевывавшаго черную мокроту, опять начиналъ мучить ревматизмъ, переходившій въ водянку; у страдавшаго одышкою Магѣ опухли и болѣли колѣни; у матери и дѣтей сильнѣе обыкновеннаго сказывались золотуха и наслѣдственное малокровіе. Конечно, все это были старыя болѣзни, созданныя условіями той работы, которою занималась вся семья, но теперь, во времена холода и голода, онѣ проявлялись съ новою силою. Дѣйствительно, народъ въ селеніи начиналъ валиться, какъ мухи.

Однако, нужно же найти что нибудь для ужина. Господи! что дѣлать, куда сунуться?

Подъ вліяніемъ сумерекъ, все болѣе и болѣе окутывавшихъ комнату точно печальнымъ покровомъ, Этьенъ, съ тоскою на сердцѣ, рѣшился наконецъ прибѣгнуть къ послѣднему средству.

— Подождите меня, сказалъ онъ. — Я попробую достать чего нибудь.

Онъ вышелъ и отправился къ Мукъ; у нея, навѣрное, есть хлѣбъ, и она охотно отдастъ его. Ему было крайне непріятно идти въ Рекильяръ, гдѣ, навѣрное, опять эта дѣвушка примется, съ видомъ влюбленной рабы, цѣловать его руки; но нельзя же изъ-за этого оставлять своихъ друзей въ такомъ *безвыходномъ* положеніи.

— Я тоже пойду на поиски, сказала, въ свою очередь, Магё.—Глупо такъ сидѣть.

Она растворила дверь и съ силой захлопнула ее за собою. Мужъ и дѣти продолжали безмолвно и неподвижно сидѣть, при слабомъ свѣтѣ огарка, который только что зажгла Альзира. Выйдя на улицу, Магё пріостановилась на минуту въ раздумьѣ и затѣмъ пошла къ Левакъ.

— Ты брала у меня взаймы хлѣба, сказала Магё,—скажи, не можешь ли теперь возвратить его?

Она замолчала, осмотрѣвшись кругомъ, такъ какъ то, что она увидѣла, нисколько не ободрило ее: нищета чувствовалась здѣсь еще осязательнѣе, чѣмъ въ ея собственномъ жилищѣ.

Левакъ сидѣла неподвижно, устремивъ глаза на потухшій огонь, а ея мужъ, котораго напоили гвоздари, спалъ на столѣ, пьяный и голодный. Бутелу, прислонившись къ стѣнѣ, машинально терся о нее плечами, посматривая на все съ недоумѣвающимъ видомъ недалекаго и добраго человѣка, удивленнаго тѣмъ обстоятельствомъ, что сбереженныя имъ деньги проѣдены другими, а онъ самъ принужденъ теперь подтягивать себѣ брюхо.

— Хлѣба?! Ахъ, милая! отвѣчала Левакъ.—Я сама хотѣла идти къ тебѣ и попросить взаймы еще...

Ея мужъ простоналъ во снѣ, и она съ бѣшенствомъ ударила его по головѣ, приплюснувъ лицомъ къ столу.

— Молчи, свинья! Тѣмъ лучше, если отъ водки у тебя горятъ внутренности!.. Развѣ ты не могъ попросить у пріятеля двадцать су вмѣсто того, чтобы напиваться на чужой счетъ?..

Она безъ умолку сыпала брань и проклятія, а кругомъ, во всѣхъ углахъ, стояла такая страшная грязь, что отъ пола поднимался невыносимо отвратительный запахъ. Пусть все валится; она плюетъ на все!.. Сынъ ея, Беберъ, куда-то пропалъ съ утра, и она кричала, что было бы отлично, еслибы онъ и совсѣмъ не возвращался. Потомъ она сказала, что пойдетъ спать,—по крайней мѣрѣ, будетъ теплѣе.

— Ну же, пойдемъ! обратилась она къ Бутелу, толкая его.—Огонь подъ очагомъ погасъ, и нѣтъ надобности зажигать свѣчу, чтобы видѣть пустыя тарелки... Идешь ли ты, наконецъ, Луи? Я тебѣ говорю, что лучше ляжемъ спать, при-

жмемся другъ къ другу, и легче будетъ... А этотъ пьяница пусть околѣваетъ здѣсь одинъ отъ холода.

Когда Магё снова вышла на улицу, она рѣшительными шагами прошла черезъ садики и направилась къ Пьерронъ. Изъ ихъ оконъ слышался смѣхъ, но когда Магё постучалась, онъ мгновенно смолкъ, и прошла добрая минута, прежде чѣмъ отворили дверь.

— Ахъ, это ты! вскричала Пьерронъ, изображая на своемъ лицѣ величайшее удивленіе.—А я думала, что это докторъ.

Она не давала Магё сказать ни слова и, указывая на мужа, сидѣвшаго передъ очагомъ, въ которомъ жарко пылалъ каменный уголь, продолжала говорить:

— Ахъ, онъ все не можетъ поправиться! Правда, съ виду онъ смотритъ совсѣмъ здоровымъ, но болѣзнь сидитъ у него въ животѣ. Поэтому нужно, чтобы ему было тепло, и мы теперь жжемъ все, что только у насъ есть.

Пьерронъ въ самомъ дѣлѣ смотрѣлъ цвѣтущимъ, откормленнымъ малымъ и совершенно напрасно корчилъ гримасы, стараясь изобразить изъ себя больнаго человѣка. Къ тому же Магё, входя, ясно слышала сильный запахъ кроличьяго мяса, блюдо съ которымъ, вѣроятно, куда нибудь спрятали. Крошки хлѣба были разсыпаны по столу, а на самой его серединѣ стояла бутылка вина, которую, какъ видно, забыли убрать.

— Мать пошла въ Монсу, чтобы достать тамъ гдѣ нибудь хлѣба, продолжала Пьерронъ.—Мы просто приходимъ въ отчаяніе, поджидая ее.

Голосъ ея вдругъ оборвался: слѣдя за взглядомъ сосѣдки, она тоже увидѣла забытую на столѣ бутылку. Впрочемъ, Пьерронъ тотчасъ же оправилась и разсказала цѣлую исторію: да, это вино, принесенное буржуа изъ Піолены для ея мужа, которому докторъ прописалъ бордо. Она разсыпалась въ благодарностяхъ этимъ буржуа: какіе добрые они люди, въ особенности барышня... и нисколько не гордая! Она сама заходитъ въ дома рабочихъ и раздаетъ разную провизію!

— Я ихъ знаю, сказала Магё.

Сердце ея сжалось при мысли, что помощь всегда подается тѣмъ, кто меньше всѣхъ нуждается въ ней. Эти буржуа изъ Піолены снесли свою подачку сюда—все равно, что воду въ

рѣку. И какъ это она, Магё, не видѣла ихъ въ селеніи? можетъ быть, ей удалось бы что нибудь выпросить у нихъ.

— Я пришла узнать, не богаче ли вы, чѣмъ мы? сказала она наконецъ.—Не дашь ли ты мнѣ взаймы хоть вермишели?

Пьерронъ постаралась въ самыхъ громкихъ восклицаніяхъ выразить свое отчаяніе.

— Ничего, ничего нѣтъ, моя милая. Вотъ, что называется, ни манной крупинки... Если мать нейдетъ такъ долго, это значитъ, что ей не удалось достать хлѣба, и мы ляжемъ спать безъ ужина.

Въ это время, въ комнату донеслись рыданія, раздававшіяся въ погребѣ. Пьерронъ вышла изъ себя и начала стучать кулакомъ въ дверь. Тамъ, говорила она, заперта Лидія, которую пришлось наказать за то, что она сбѣжала изъ дому и возвратилась назадъ въ пять часовъ, пробѣгавъ, неизвѣстно гдѣ, цѣлый день. Она постоянно пропадаетъ гдѣ-то, и нѣтъ возможности сладить съ нею.

Магё стояла, все еще не рѣшаясь уйти. Все таки ей было тепло и пріятно стоять передъ этимъ жаркимъ огнемъ, хотя сердце ея наполнялось горечью, а мысль, что здѣсь ѣдятъ, заставляла еще сильнѣе чувствовать пустоту желудка. Ясно, что они отослали старуху и заперли ребенка, чтобы съѣсть втихомолку кролика. Ахъ, что ни говори, а когда женщина дурно ведетъ себя, это приноситъ иногда счастіе ея мужу.

— Прощай! сказала она вдругъ, уходя.

Ночь уже наступила, и луна, полузадернутая легкими облаками, освѣщала землю невѣрнымъ свѣтомъ. Пришедшая въ отчаяніе, Магё не рѣшалась возвратиться домой и, вмѣсто того, чтобы пройти прямо черезъ садики, пошла кругомъ. Вытянутые въ линію, дома селенія смотрѣли какъ бы опустѣвшими, вымершими, и повсюду словно чувствовалось присутствіе голода. Не стоитъ никуда стучаться,—вездѣ одна и та же нищета съ ея спутниками. Уже цѣлыя недѣли люди живутъ впроголодь, такъ что даже не слышно стало запаха печенаго лука, этого рѣзкаго запаха, по которому обыкновенно еще издали можно узнать жилища рабочихъ. Теперь вездѣ пахнетъ погребомъ, гнилью, сыростью, присущею нежилому мѣсту. Стихали послѣдніе неясные звуки,—вырвавшееся

у кого-то проклятіе, подавленное рыданіе,—и вмѣстѣ съ наступавшей мало по малу тяжелой тишиной шелъ сонъ къ этимъ голоднымъ людямъ и несъ имъ угнетающія видѣнія и кошмары.

Проходя мимо церкви, Магё замѣтила быстро скользившую впереди ея тѣнь. Всмотрѣвшись, она узнала кюре Монсу, аббата Жуара, служившаго по воскресеньямъ обѣдни въ часовнѣ селенія, и постаралась догнать его, питая слабую надежду, что, быть можетъ, онъ отнесется къ ней съ участіемъ. Кюре, по всей вѣроятности, ходилъ за чѣмъ нибудь въ ризницу и теперь спѣшилъ домой, согнувъ спину, со своимъ обычнымъ видомъ сытаго и смирнаго человѣка, желающаго жить въ ладу со всѣми на свѣтѣ. Очень можетъ быть, что и теперь, для своего посѣщенія ризницы, онъ выбралъ ночное время именно потому, что не хотѣлъ встрѣчаться ни съ кѣмъ изъ рабочихъ, изъ боязни скомпрометировать себя разговорами съ ними. Къ тому же говорили, что онъ переводится отсюда на другое, высшее мѣсто, и что сюда пріѣхалъ уже его преемникъ, тощій аббатъ, у котораго глаза свѣтятся какимъ-то красноватымъ блескомъ.

— Господинъ кюре, господинъ кюре! бормотала Магё.

Но онъ, не останавливаясь, проговорилъ только:

— Добрый вечеръ, добрый вечеръ!..

Магё добралась наконецъ до дому; ноги совсѣмъ отказывались служить ей, когда она вошла въ комнату.

Никто не пошевелился. Мужъ по прежнему сидѣлъ на столѣ, повѣсивъ голову; старикъ Боньморъ и дѣти плотнѣе сдвинулись на скамьѣ, чтобы хоть сколько нибудь согрѣться. Свѣчи оставалось уже такъ мало, что скоро они должны были остаться и безъ огня. Никто не проговорилъ ни слова. При шумѣ растворившейся двери, дѣти повернули головы, но увидя, что мать не принесла ничего, снова повѣсили носы и, изъ боязни, что ихъ станутъ бранить, если они заплачутъ, постарались сдержать навертывавшіяся на глаза слезы. Магё опустилась молча на свое мѣсто, около потухающаго огня; ее тоже не спрашивали ни о чемъ, и въ комнатѣ стояла глубокая тишина. Всѣмъ и безъ того былъ ясенъ результатъ ея поисковъ, и никому не хотѣлось утруждать себя безполезными разспросами. Теперь оставалась послѣдняя слабая на-

дежда только на то, что, можетъ быть, хоть Этьену удастся добыть гдѣ нибудь кусокъ хлѣба. Минуты проходили за минутами, и Магѣ уже потеряли счетъ времени.

Наконецъ Этьенъ пришелъ и принесъ въ тряпкѣ дюжину вареныхъ, уже остывшихъ картофелинъ.

— Вотъ все, что я нашелъ, сказалъ онъ.

У Мукъ тоже не оказалось хлѣба, и она, поцѣловавъ отъ всего сердца Этьена, насильно заставила его взять эти картофелины, составлявшія весь ея обѣдъ.

— Спасибо, отвѣчалъ онъ, когда Магѣ предложила ему его долю;—я тамъ поѣлъ.

На самомъ дѣлѣ, онъ ничего не ѣлъ и мрачно смотрѣлъ, какъ дѣти накинулись на картофель. Отецъ и мать тоже почти не дотронулись до ѣды, чтобы больше осталось ребятишкамъ, но старикъ принялся ѣсть съ такою жадностью, что наконецъ принуждены были отобрать у него одну картофелину и отдать ее Альзирѣ. Въ три минуты все было съѣдено, и дѣти, почти нисколько не утоливши голода, съ недоумѣніемъ смотрѣли другъ на друга.

Тогда Этьенъ началъ передавать слышанныя имъ новости. Компанія, раздраженная упорствомъ рабочихъ, намѣревается возвратить разсчетныя книжки тѣмъ изъ нихъ, которые особенно скомпрометировали себя въ ея глазахъ. Она рѣшительно хочетъ войны. Затѣмъ носятся еще болѣе серьезные слухи,— именно, что компанія хвастаетъ, будто ей удалось образумить большинство углекоповъ, и завтра, на копяхъ Викторія и Фётри-Кантель, почти всѣ рабочіе примутся за работу, а на копяхъ Магдалина и Миру спустится въ шахту треть людей... Магѣ совсѣмъ вышелъ изъ себя.

— Nom de Dieu! воскликнулъ онъ.—Если завелись измѣнники, то надо свести съ ними счеты!

Онъ вскочилъ съ мѣста и, словно выведенный окончательно изъ себя этой вереницей страданій, закричалъ:

— Завтра вечеромъ въ лѣсу!.. Такъ какъ намъ запрещаютъ обсуждать наши дѣла въ Бонъ-Жуайо, то въ лѣсу мы будемъ, какъ у себя дома!..

Старикъ Боньморъ, задремавшій было послѣ ѣды, проснулся. Этотъ призывъ: „завтра вечеромъ въ лѣсу!“ былъ хорошо ему знакомый, памятный призывъ, потому что нѣкогда, въ его

время, углекопы тоже собирались въ лѣсу на сходки, когда приходилось обсуждать что нибудь особенно важное.

— Да, да, въ Вандамъ! сказалъ онъ въ свою очередь.— Если сборъ назначенъ тамъ, то и я приду.

Магё энергично махнула рукой.

— Мы всѣ пойдемъ. Надо положить конецъ всѣмъ этимъ несправедливостямъ и измѣнамъ.

Этьенъ рѣшилъ оповѣстить рабочихъ всѣхъ селеній, что сходка назначается на завтра вечеромъ. Огонь подъ очагомъ погасъ, свѣча тоже догорѣла; теперь не оставалось больше ни угля на топливо, ни керосина, чтобы освѣтить жилье. Всѣ пробирались наверхъ ощупью, между тѣмъ какъ страшный холодъ словно щипалъ кожу. Маленькія дѣти расплакались.

VI.

Жанлинъ выздоровѣлъ теперь совсѣмъ, но переломленныя кости срослись такъ дурно, что онъ хромалъ на обѣ ноги и ходилъ, переваливаясь, какъ утка. Впрочемъ, это не мѣшало ему бѣгать также скоро, какъ прежде, и отличаться все тою же прежнею ловкостью злаго и вороватаго животнаго.

На другой день, въ сумерки, Жанлинъ и его неразлучные спутники, Беберъ и Лидія, были на рекильярской дорогѣ и притаились на пустырѣ, за заборомъ, какъ разъ напротивъ темной бакалейной лавчонки, стоявшей на углу тропинки. Старая, почти совсѣмъ ослѣпшая женщина торговала одна въ этой лавчонкѣ, въ которой виднѣлись три-четыре мѣшка съ чечевицей и турецкими бобами, покрытыми черной пылью, а на дверяхъ висѣла на бичевкѣ очень древняя, сушеная треска, вся засиженная мухами. Именно эта треска и соблазняла Жанлина. Онъ уже два раза посылалъ Бебера стащить ее, но каждый разъ кто нибудь показывался на поворотѣ дороги, и приходилось переждать, покуда на ней не останется никого. Вѣчно шляются и только мѣшаютъ дѣлать дѣло!..

На дорогѣ показался господинъ, верхомъ на лошади, и дѣти, тотчасъ же узнавшіе директора, совсѣмъ прилегли за заборомъ къ землѣ. Съ тѣхъ поръ какъ началась стачка, Геннебо, хотѣвшій собственными глазами наблюдать за тѣмъ, что дѣлается *въ краѣ*, очень часто появлялся такимъ образомъ на дорогахъ

и спокойно разъѣзжалъ между селеніями рабочихъ. Ни разу ни одинъ камень не просвистѣлъ мимо его ушей, и онъ видѣлъ только, что встрѣчавшіеся съ нимъ молчаливые люди не очень торопятся поклониться ему; но всего чаще директору приходилось наталкиваться на влюбленныя парочки, видимо нисколько не интересовавшіяся политикой. Не имѣя никакого желанія стѣснять кого либо своимъ присутствіемъ, Генебо рысью проѣзжалъ мимо на своей кобылѣ, не поворачивая головы, смотря только прямо передъ собою,—но все таки видъ этой безпечной влюбленной молодежи пробуждалъ въ его сердцѣ горькое чувство. Теперь онъ замѣтилъ Жанлина съ его спутниками и не замедлилъ по своему истолковать то обстоятельство, что они прятались за заборомъ, сбившись всѣ въ одну кучу. Даже ребятишки—и тѣ ужь забавляются тѣмъ, что трутся другъ о друга!.. На глазахъ у него навернулись слезы, и онъ быстрѣе проѣхалъ дальше, держась прямо въ сѣдлѣ и застегнутый, по военному, на всѣ пуговицы.

— Вотъ проклятая судьба, сказалъ Жанлинъ:—этому конца не будетъ! Бѣги, Беберъ, и дергай рыбу за хвостъ!

Но на дорогѣ снова показались два человѣка, и Жанлинъ опять тихонько выругался, услышавъ голосъ своего брата Захарія, разсказывавшаго Мукъ, какъ онъ нашелъ монету въ сорокъ су, которая была зашита въ юбкѣ его жены. Оба радостно смѣялись, похлопывая другъ друга по плечамъ, и Мукъ уже придумывалъ, какъ бы устроить на завтра большую игру въ кубарь. Они соберутся въ кабакѣ Авантажъ и въ два часа поведутъ оттуда игру по направленію къ Монтуару, около Маршьена... Захарій былъ согласенъ. Чего, въ самомъ дѣлѣ, пристаютъ къ нимъ со стачкой? Все равно ничего не дѣлаешь, такъ ужь лучше повеселиться! Они повернули за уголъ дороги и встрѣтились съ Этьеномъ, шедшимъ со стороны канала; онъ остановилъ ихъ и началъ что-то говорить.

— Что они, ночевать, что-ли, здѣсь останутся? вскричалъ Жанлинъ, выйдя изъ себя.—Скоро ужь ночь, и старуха собирается прятать свои мѣшки.

На дорогѣ показался еще одинъ углекопъ. Этьенъ пошелъ вмѣстѣ съ нимъ, и когда они проходили мимо забора, Жанлинъ слышалъ, что рѣчь шла о Вандамскомъ лѣсѣ: сходку

отложили до завтра, боясь, что въ одинъ день не успѣютъ оповѣстить о ней всѣхъ рабочихъ.

— Слышите? спросилъ Жанлинъ своихъ товарищей.— Большая машина пойдетъ въ ходъ завтра. Надо тамъ быть. Мы отправимся послѣ полудня.

Наконецъ, на дорогѣ не было ни души, и Жанлинъ снова послалъ Бебера къ лавчонкѣ.

— Смѣлѣе!.. Тяни за хвостъ!.. Только берегись: у старухи есть метла.

Къ счастію Бебера, почти совсѣмъ стемнѣло. Онъ однимъ прыжкомъ очутился у двери лавочки, повисъ на своей добычѣ, такъ что бичевка, на которой была привязана рыба, оборвалась,—и бросился бѣжать, таща треску, какъ бумажный змѣй. Жанлинъ и Лидія послѣдовали за нимъ. Удивленная торговка вышла изъ своей лавки, ничего не понимая и не видя исчезавшихъ въ темнотѣ ребятишекъ.

Эти негодяи мало по малу становились пугаломъ для всего округа, который они безпрестанно тревожили своими набѣгами, какъ орда дикарей. Сначала они не выходили за предѣлы копей Ворё и возились въ грудахъ сложеннаго угля, возвращаясь потомъ домой черными, какъ негры, играли въ прятки въ громадныхъ складахъ бревенъ, среди которыхъ было также удобно скрываться, какъ въ чащѣ дѣвственнаго лѣса. Потомъ они завладѣли насыпью и, какъ съ горы, катались съ нея въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ она всегда стояла теплою отъ пожиравшаго ее внутренняго пожара,—скрывались по цѣлымъ днямъ въ терновникѣ, покрывавшемъ насыпь съ той стороны, на которой уже давно не сваливали землю, и спокойно играли тамъ, какъ шаловливые мышенята. Постепенно они все расширяли и расширяли свои владѣнія: ходили въ склады кирпича и дрались тамъ до крови съ другими ребятишками, рыскали по лугамъ, пожирая безъ хлѣба всевозможныя молочныя растенія, шныряли по берегамъ канала и ловили водившуюся въ тинѣ рыбу, которую проглатывали сырою. Но, казалось, имъ все таки было мало простора, и они забирались все дальше, уходили за цѣлые километры отъ дома, добирались даже до высокаго Вандамскаго лѣса, въ которомъ весною собирали и ѣли землянику, а лѣтомъ орѣхи и чернику. Скоро вся обширная равнина сдѣлалась ихъ достояніемъ.

ность на самопожертвованіе,—и это самолюбіе удвоивало ихъ рѣшимость скорѣе умереть, чѣмъ сдаться.

Этотъ вечеръ проходилъ особенно печально для семьи Магё, молча сидѣвшей передъ потухающимъ огнемъ очага, подъ которымъ едва тлѣли послѣдніе остатки мелкаго угля. Распродавъ мало по малу шерсть изъ матрацевъ, Магё наконецъ рѣшились третьяго дня продать за три франка часы съ кукушкою, и съ тѣхъ поръ какъ ихъ тиканье не раздавалось болѣе въ комнатѣ, она казалась имъ совсѣмъ пустынною и мертвенною. Теперь у нихъ не оставалось уже ничего „лишняго“, кромѣ стоявшаго на буфетѣ розоваго бумажнаго ящичка, который Магё нѣкогда подарилъ женѣ, очень дорожившей этою бездѣлушкою. Два хорошихъ стула тоже были проданы, и старикъ Боньморъ тѣснился кое-какъ вмѣстѣ съ дѣтьми на старой мшистой скамьѣ, принесенной изъ сада. Наступившія свинцовыя сумерки, казалось, еще увеличивали холодъ.

— Что дѣлать? повторила Магё, сидѣвшая, скорчась, въ уголкѣ около очага.—А что, если я возьму ящичекъ? прибавила она потомъ, послѣ нѣкотораго колебанія, и вся поблѣднѣла.

Ея мужъ, сидѣвшій, свѣся ноги, на краю стола, выпрямился и поднялъ опущенную на грудь голову.

— Нѣтъ, я этого не позволю!

Магё съ трудомъ встала съ мѣста и обошла кругомъ комнаты. Возможно ли дойти до такой нищеты! Въ буфетѣ нѣтъ ни крошки, продать болѣе нечего, и даже нельзя придумать, откуда взять хлѣба! Къ тому же, и огонь скоро совсѣмъ погаснетъ!.. Она накинулась на Альзиру, которая ходила утромъ на насыпь за мелкимъ углемъ, но возвратилась съ пустыми руками, потому что, какъ она объявила, компанія больше не позволяетъ подбирать на насыпи уголь. Вотъ еще, они плюютъ на нее, на эту компанію! Развѣ они кого нибудь обворовываютъ, подбирая никуда негодные, выброшенные кусочки угля?.. Дѣвочка съ отчаяніемъ разсказывала, что какой-то человѣкъ грозилъ прибить ее; но пусть бьютъ, а она завтра все таки пойдетъ туда опять.

— И этотъ чертенокъ Жанлинъ!.. кричала мать. — Скажите, гдѣ это онъ пропадаетъ?.. Я велѣла ему принести салату; все таки мы пожевали бы его, какъ скотъ! Вотъ

увидите, что мальчишка и сегодня не придетъ: — вчера онъ уже не ночевалъ дома. Я не знаю, чѣмъ онъ промышляетъ, но только этотъ одеръ всегда смотритъ такъ, какъ будто брюхо у него набито досыта.

— Можетъ быть, не выпрашиваетъ ли онъ по дорогѣ милостыню у прохожихъ, сказалъ Этьенъ.

Магё вдругъ вышла изъ себя и потрясла кулаками.

— Еслибы я только знала, что мои дѣти просятъ милостыню!.. Я лучше убила бы ихъ... а потомъ убила бы и себя!..

Магё снова скорчился, сидя на краю стола; Ленора и Генрихъ, удивленные, что никто еще до сихъ поръ не обѣдалъ, начинали хныкать; а старикъ Боньморъ, молча, какъ философъ, ворочалъ языкомъ во рту, думая этимъ обмануть голодъ. Всѣ молчали и точно оцѣпенѣли подъ бременемъ все увеличивавшихся невзгодъ; всѣ чувствовали недомоганье: Боньмора, по прежнему кашлявшаго и отплевывавшаго черную мокроту, опять начиналъ мучить ревматизмъ, переходившій въ водянку; у страдавшаго одышкою Магё опухли и болѣли колѣни; у матери и дѣтей сильнѣе обыкновеннаго сказывались золотуха и наслѣдственное малокровіе. Конечно, все это были старыя болѣзни, созданныя условіями той работы, которою занималась вся семья, но теперь, во времена холода и голода, онѣ проявлялись съ новою силою. Дѣйствительно, народъ въ селеніи начиналъ валиться, какъ мухи.

Однако, нужно же найти что нибудь для ужина. Господи! что дѣлать, куда сунуться?

Подъ вліяніемъ сумерекъ, все болѣе и болѣе окутывавшихъ комнату точно печальнымъ покровомъ, Этьенъ, съ тоскою на сердцѣ, рѣшился наконецъ прибѣгнуть къ послѣднему средству.

— Подождите меня, сказалъ онъ. — Я попробую достать чего нибудь.

Онъ вышелъ и отправился къ Мукъ; у нея, навѣрное, есть хлѣбъ, и она охотно отдастъ его. Ему было крайне непріятно идти въ Рекильяръ, гдѣ, навѣрное, опять эта дѣвушка примется, съ видомъ влюбленной рабы, цѣловать его руки; но нельзя же изъ-за этого оставлять своихъ друзей въ такомъ *безвыходномъ* положеніи.

— Я тоже пойду на поиски, сказала, въ свою очередь, Магё.—Глупо такъ сидѣть.

Она растворила дверь и съ силой захлопнула ее за собою. Мужъ и дѣти продолжали безмолвно и неподвижно сидѣть, при слабомъ свѣтѣ огарка, который только что зажгла Альзира. Выйдя на улицу, Магё пріостановилась на минуту въ раздумьѣ и затѣмъ пошла къ Левакъ.

— Ты брала у меня взаймы хлѣба, сказала Магё,—скажи, не можешь ли теперь возвратить его?

Она замолчала, осмотрѣвшись кругомъ, такъ какъ то, что она увидѣла, нисколько не ободрило ее: нищета чувствовалась здѣсь еще осязательнѣе, чѣмъ въ ея собственномъ жилищѣ.

Левакъ сидѣла неподвижно, устремивъ глаза на потухшій огонь, а ея мужъ, котораго напоили гвоздари, спалъ на столѣ, пьяный и голодный. Бутелу, прислонившись къ стѣнѣ, машинально терся о нее плечами, посматривая на все съ недоумѣвающимъ видомъ недалекаго и добраго человѣка, удивленнаго тѣмъ обстоятельствомъ, что сбереженныя имъ деньги проѣдены другими, а онъ самъ принужденъ теперь подтягивать себѣ брюхо.

— Хлѣба?! Ахъ, милая! отвѣчала Левакъ.—Я сама хотѣла идти къ тебѣ и попросить взаймы еще...

Ея мужъ простоналъ во снѣ, и она съ бѣшенствомъ ударила его по головѣ, приплюснувъ лицомъ къ столу.

— Молчи, свинья! Тѣмъ лучше, если отъ водки у тебя горятъ внутренности!.. Развѣ ты не могъ попросить у пріятеля двадцать су вмѣсто того, чтобы напиваться на чужой счетъ?..

Она безъ умолку сыпала брань и проклятія, а кругомъ, во всѣхъ углахъ, стояла такая страшная грязь, что отъ пола поднимался невыносимо отвратительный запахъ. Пусть все валится; она плюетъ на все!.. Сынъ ея, Беберъ, куда-то пропалъ съ утра, и она кричала, что было бы отлично, еслибы онъ и совсѣмъ не возвращался. Потомъ она сказала, что пойдетъ спать,—по крайней мѣрѣ, будетъ теплѣе.

— Ну же, пойдемъ! обратилась она къ Бутелу, толкая его.—Огонь подъ очагомъ погасъ, и нѣтъ надобности зажигать свѣчу, чтобы видѣть пустыя тарелки... Идешь ли ты, наконецъ, Луи? Я тебѣ говорю, что лучше ляжемъ спать, при-

жмемся другъ къ другу, и легче будетъ... А этотъ пьяница пусть околѣваетъ здѣсь одинъ отъ холода.

Когда Магё снова вышла на улицу, она рѣшительными шагами прошла черезъ садики и направилась къ Пьерронъ. Изъ ихъ оконъ слышался смѣхъ, но когда Магё постучалась, онъ мгновенно смолкъ, и прошла добрая минута, прежде чѣмъ отворили дверь.

— Ахъ, это ты! вскричала Пьерронъ, изображая на своемъ лицѣ величайшее удивленіе.—А я думала, что это докторъ.

Она не давала Магё сказать ни слова и, указывая на мужа, сидѣвшаго передъ очагомъ, въ которомъ жарко пылалъ каменный уголь, продолжала говорить:

— Ахъ, онъ все не можетъ поправиться! Правда, съ виду онъ смотритъ совсѣмъ здоровымъ, но болѣзнь сидитъ у него въ животѣ. Поэтому нужно, чтобы ему было тепло, и мы теперь жжемъ все, что только у насъ есть.

Пьерронъ въ самомъ дѣлѣ смотрѣлъ цвѣтущимъ, откормленнымъ малымъ и совершенно напрасно корчилъ гримасы, стараясь изобразить изъ себя больнаго человѣка. Къ тому же Магё, входя, ясно слышала сильный запахъ кроличьяго мяса, блюдо съ которымъ, вѣроятно, куда нибудь спрятали. Крошки хлѣба были разсыпаны по столу, а на самой его серединѣ стояла бутылка вина, которую, какъ видно, забыли убрать.

— Мать пошла въ Монсу, чтобы достать тамъ гдѣ нибудь хлѣба, продолжала Пьерронъ.—Мы просто приходимъ въ отчаяніе, поджидая ее.

Голосъ ея вдругъ оборвался: слѣдя за взглядомъ сосѣдки, она тоже увидѣла забытую на столѣ бутылку. Впрочемъ, Пьерронъ тотчасъ же оправилась и разсказала цѣлую исторію: да, это вино, принесенное буржуа изъ Шіолены для ея мужа, которому докторъ прописалъ бордо. Она разсыпалась въ благодарностяхъ этимъ буржуа: какіе добрые они люди, въ особенности барышня... и нисколько не гордая! Она сама заходитъ въ дома рабочихъ и раздаетъ разную провизію!

— Я ихъ знаю, сказала Магё.

Сердце ея сжалось при мысли, что помощь всегда подается тѣмъ, кто меньше всѣхъ нуждается въ ней. Эти буржуа изъ *Шіолены* снесли свою подачку сюда—все равно, что воду в

рѣку. И какъ это она, Магё, не видѣла ихъ въ селеніи? можетъ быть, ей удалось бы что нибудь выпросить у нихъ.

— Я пришла узнать, не богаче ли вы, чѣмъ мы? сказала она наконецъ.—Не дашь ли ты мнѣ взаймы хоть вермишели?

Пьерронъ постаралась въ самыхъ громкихъ восклицаніяхъ выразить свое отчаяніе.

— Ничего, ничего нѣтъ, моя милая. Вотъ, что называется, ни манной крупинки... Если мать нейдетъ такъ долго, это значитъ, что ей не удалось достать хлѣба, и мы ляжемъ спать безъ ужина.

Въ это время, въ комнату донеслись рыданія, раздававшіяся въ погребѣ. Пьерронъ вышла изъ себя и начала стучать кулакомъ въ дверь. Тамъ, говорила она, заперта Лидія, которую пришлось наказать за то, что она сбѣжала изъ дому и возвратилась назадъ въ пять часовъ, пробѣгавъ, неизвѣстно гдѣ, цѣлый день. Она постоянно пропадаетъ гдѣ-то, и нѣтъ возможности сладить съ нею.

Магё стояла, все еще не рѣшаясь уйти. Все таки ей было тепло и пріятно стоять передъ этимъ жаркимъ огнемъ, хотя сердце ея наполнялось горечью, а мысль, что здѣсь ѣдятъ, заставляла еще сильнѣе чувствовать пустоту желудка. Ясно, что они отослали старуху и заперли ребенка, чтобы съѣсть втихомолку кролика. Ахъ, что ни говори, а когда женщина дурно ведетъ себя, это приноситъ иногда счастіе ея мужу.

— Прощай! сказала она вдругъ, уходя.

Ночь уже наступила, и луна, полузадернутая легкими облаками, освѣщала землю невѣрнымъ свѣтомъ. Пришедшая въ отчаяніе, Магё не рѣшалась возвратиться домой и, вмѣсто того, чтобы пройти прямо черезъ садики, пошла кругомъ. Вытянутые въ линію, дома селенія смотрѣли какъ бы опустѣвшими, вымершими, и повсюду словно чувствовалось присутствіе голода. Не стоитъ никуда стучаться,—вездѣ одна и та же нищета съ ея спутниками. Уже цѣлыя недѣли люди живутъ впроголодь, такъ что даже не слышно стало запаха печенаго лука, этого рѣзкаго запаха, по которому обыкновенно еще издали можно узнать жилища рабочихъ. Теперь вездѣ пахнетъ погребомъ, гнилью, сыростью, присущею нежилому мѣсту. Стихали послѣдніе неясные звуки,—вырвавшееся

у кого-то проклятіе, подавленное рыданіе,—и вмѣстѣ съ наступавшей мало по малу тяжелой тишиной шелъ сонъ къ этимъ голоднымъ людямъ и несъ имъ угнетающія видѣнія и кошмары.

Проходя мимо церкви, Магё замѣтила быстро скользившую впереди ея тѣнь. Всмотрѣвшись, она узнала кюре Монсу, аббата Жуара, служившаго по воскресеньямъ обѣдни въ часовнѣ селенія, и постаралась догнать его, питая слабую надежду, что, быть можетъ, онъ отнесется къ ней съ участіемъ. Кюре, по всей вѣроятности, ходилъ за чѣмъ нибудь въ ризницу и теперь спѣшилъ домой, согнувъ спину, со своимъ обычнымъ видомъ сытаго и смирнаго человѣка, желающаго жить въ ладу со всѣми на свѣтѣ. Очень можетъ быть, что и теперь, для своего посѣщенія ризницы, онъ выбралъ ночное время именно потому, что не хотѣлъ встрѣчаться ни съ кѣмъ изъ рабочихъ, изъ боязни скомпрометировать себя разговорами съ ними. Къ тому же говорили, что онъ переводится отсюда на другое, высшее мѣсто, и что сюда пріѣхалъ уже его преемникъ, тощій аббатъ, у котораго глаза свѣтятся какимъ-то красноватымъ блескомъ.

— Господинъ кюре, господинъ кюре! бормотала Магё.

Но онъ, не останавливаясь, проговорилъ только:

— Добрый вечеръ, добрый вечеръ!..

Магё добралась наконецъ до дому; ноги совсѣмъ отказывались служить ей, когда она вошла въ комнату.

Никто не пошевелился. Мужъ по прежнему сидѣлъ на столѣ, повѣсивъ голову; старикъ Боньморъ и дѣти плотнѣе сдвинулись на скамьѣ, чтобы хоть сколько нибудь согрѣться. Свѣчи оставалось уже такъ мало, что скоро они должны были остаться и безъ огня. Никто не проговорилъ ни слова. При шумѣ растворившейся двери, дѣти повернули головы, но увидя, что мать не принесла ничего, снова повѣсили носы и, изъ боязни, что ихъ станутъ бранить, если они заплачутъ, постарались сдержать навертывавшіяся на глаза слезы. Магё опустилась молча на свое мѣсто, около потухающаго огня; ее тоже не спрашивали ни о чемъ, и въ комнатѣ стояла глубокая тишина. Всѣмъ и безъ того былъ ясенъ результатъ ея поисковъ, и никому не хотѣлось утруждать себя безполезными разспросами. Теперь оставалась послѣдняя слабая на-

дежда только на то, что, можетъ быть, хоть Этьену удастся добыть гдѣ нибудь кусокъ хлѣба. Минуты проходили за минутами, и Магѣ уже потеряли счетъ времени.

Наконецъ Этьенъ пришелъ и принесъ въ тряпкѣ дюжину вареныхъ, уже остывшихъ картофелинъ.

— Вотъ все, что я нашелъ, сказалъ онъ.

У Мукъ тоже не оказалось хлѣба, и она, поцѣловавъ отъ всего сердца Этьена, насильно заставила его взять эти картофелины, составлявшія весь ея обѣдъ.

— Спасибо, отвѣчалъ онъ, когда Магѣ предложила ему его долю;—я тамъ поѣлъ.

На самомъ дѣлѣ, онъ ничего не ѣлъ и мрачно смотрѣлъ, какъ дѣти накинулись на картофель. Отецъ и мать тоже почти не дотронулись до ѣды, чтобы больше осталось ребятишкамъ, но старикъ принялся ѣсть съ такою жадностью, что наконецъ принуждены были отобрать у него одну картофелину и отдать ее Альзирѣ. Въ три минуты все было съѣдено, и дѣти, почти нисколько не утоливши голода, съ недоумѣніемъ смотрѣли другъ на друга.

Тогда Этьенъ началъ передавать слышанныя имъ новости. Компанія, раздраженная упорствомъ рабочихъ, намѣревается возвратить разсчетныя книжки тѣмъ изъ нихъ, которые особенно скомпрометировали себя въ ея глазахъ. Она рѣшительно хочетъ войны. Затѣмъ носятся еще болѣе серьезные слухи,— именно, что компанія хвастаетъ, будто ей удалось образумить большинство углекоповъ, и завтра, на копяхъ Викторія и Фётри-Кантель, почти всѣ рабочіе примутся за работу, а на копяхъ Магдалина и Миру спустится въ шахту треть людей... Магѣ совсѣмъ вышелъ изъ себя.

— Nom de Dieu! воскликнулъ онъ.—Если завелись измѣнники, то надо свести съ ними счеты!

Онъ вскочилъ съ мѣста и, словно выведенный окончательно изъ себя этой вереницей страданій, закричалъ:

— Завтра вечеромъ въ лѣсу!.. Такъ какъ намъ запрещаютъ обсуждать наши дѣла въ Бонъ-Жуайо, то въ лѣсу мы будемъ, какъ у себя дома!..

Старикъ Боньморъ, задремавшій было послѣ ѣды, проснулся. Этотъ призывъ: „завтра вечеромъ въ лѣсу!“ былъ хорошо ему знакомый, памятный призывъ, потому что нѣкогда, въ его

время, углекопы тоже собирались въ лѣсу на сходки, когда приходилось обсуждать что нибудь особенно важное.

— Да, да, въ Вандамъ! сказалъ онъ въ свою очередь.— Если сборъ назначенъ тамъ, то и я приду.

Магё энергично махнула рукой.

— Мы всѣ пойдемъ. Надо положить конецъ всѣмъ этимъ несправедливостямъ и измѣнамъ.

Этьенъ рѣшилъ оповѣстить рабочихъ всѣхъ селеній, что сходка назначается на завтра вечеромъ. Огонь подъ очагомъ погасъ, свѣча тоже догорѣла; теперь не оставалось больше ни угля на топливо, ни керосина, чтобы освѣтить жилье. Всѣ пробирались наверхъ ощупью, между тѣмъ какъ страшный холодъ словно щипалъ кожу. Маленькія дѣти расплакались.

VI.

Жанлинъ выздоровѣлъ теперь совсѣмъ, но переломленныя кости срослись такъ дурно, что онъ хромалъ на обѣ ноги и ходилъ, переваливаясь, какъ утка. Впрочемъ, это не мѣшало ему бѣгать также скоро, какъ прежде, и отличаться все тою же прежнею ловкостью злаго и вороватаго животнаго.

На другой день, въ сумерки, Жанлинъ и его неразлучные спутники, Беберъ и Лидія, были на рекильярской дорогѣ и притаились на пустырѣ, за заборомъ, какъ разъ напротивъ темной бакалейной лавчонки, стоявшей на углу тропинки. Старая, почти совсѣмъ ослѣпшая женщина торговала одна въ этой лавчонкѣ, въ которой виднѣлись три-четыре мѣшка съ чечевицей и турецкими бобами, покрытыми черной пылью, а на дверяхъ висѣла на бичевкѣ очень древняя, сушеная треска, вся засиженная мухами. Именно эта треска и соблазняла Жанлина. Онъ уже два раза посылалъ Бебера стащить ее, но каждый разъ кто нибудь показывался на поворотѣ дороги, и приходилось переждать, покуда на ней не останется никого. Вѣчно шляются и только мѣшаютъ дѣлать дѣло!..

На дорогѣ показался господинъ, верхомъ на лошади, и дѣти, тотчасъ же узнавшіе директора, совсѣмъ прилегли за заборомъ къ землѣ. Съ тѣхъ поръ какъ началась стачка, Геннебо, хотѣвшій собственными глазами наблюдать за тѣмъ, что дѣлается *краѣ*, очень часто появлялся такимъ образомъ на дорогахъ

и спокойно разъѣзжалъ между селеніями рабочихъ. Ни разу ни одинъ камень не просвистѣлъ мимо его ушей, и онъ видѣлъ только, что встрѣчавшіеся съ нимъ молчаливые люди не очень торопятся поклониться ему; но всего чаще директору приходилось наталкиваться на влюбленныя парочки, видимо нисколько не интересовавшіяся политикой. Не имѣя никакого желанія стѣснять кого либо своимъ присутствіемъ, Геннебо рысью проѣзжалъ мимо на своей кобылѣ, не поворачивая головы, смотря только прямо передъ собою,—но все таки видъ этой безпечной влюбленной молодежи пробуждалъ въ его сердцѣ горькое чувство. Теперь онъ замѣтилъ Жанлина съ его спутниками и не замедлилъ по своему истолковать то обстоятельство, что они прятались за заборомъ, сбившись всѣ въ одну кучу. Даже ребятишки—и тѣ ужь забавляются тѣмъ, что трутся другъ о друга!.. На глазахъ у него навернулись слезы, и онъ быстрѣе проѣхалъ дальше, держась прямо въ сѣдлѣ и застегнутый, по военному, на всѣ пуговицы.

— Вотъ проклятая судьба, сказалъ Жанлинъ:—этому конца не будетъ! Бѣги, Беберъ, и дергай рыбу за хвостъ!

Но на дорогѣ снова показались два человѣка, и Жанлинъ опять тихонько выругался, услышавъ голосъ своего брата Захарія, разсказывавшаго Мукъ, какъ онъ нашелъ монету въ сорокъ су, которая была зашита въ юбкѣ его жены. Оба радостно смѣялись, похлопывая другъ друга по плечамъ, и Мукъ уже придумывалъ, какъ бы устроить на завтра большую игру въ кубарь. Они соберутся въ кабакѣ Авантажъ и въ два часа поведутъ оттуда игру по направленію къ Монтуару, около Маршьена... Захарій былъ согласенъ. Чего, въ самомъ дѣлѣ, пристаютъ къ нимъ со стачкой? Все равно ничего не дѣлаешь, такъ ужь лучше повеселиться! Они повернули за уголъ дороги и встрѣтились съ Этьеномъ, шедшимъ со стороны канала; онъ остановилъ ихъ и началъ что-то говорить.

— Что они, ночевать, что-ли, здѣсь останутся? вскричалъ Жанлинъ, выйдя изъ себя.—Скоро ужь ночь, и старуха собирается прятать свои мѣшки.

На дорогѣ показался еще одинъ углекопъ. Этьенъ пошелъ вмѣстѣ съ нимъ, и когда они проходили мимо забора, Жанлинъ слышалъ, что рѣчь шла о Вандамскомъ лѣсѣ: сходку

отложили до завтра, боясь, что въ одинъ день не успѣютъ оповѣстить о ней всѣхъ рабочихъ.

— Слышите? спросилъ Жанлинъ своихъ товарищей.— Большая машина пойдетъ въ ходъ завтра. Надо тамъ быть. Мы отправимся послѣ полудня.

Наконецъ, на дорогѣ не было ни души, и Жанлинъ снова послалъ Бебера къ лавчонкѣ.

— Смѣлѣе!.. Тяни за хвостъ!.. Только берегись: у старухи есть метла.

Къ счастію Бебера, почти совсѣмъ стемнѣло. Онъ однимъ прыжкомъ очутился у двери лавочки, повисъ на своей добычѣ, такъ что бичевка, на которой была привязана рыба, оборвалась,—и бросился бѣжать, таща треску, какъ бумажный змѣй. Жанлинъ и Лидія послѣдовали за нимъ. Удивленная торговка вышла изъ своей лавки, ничего не понимая и не видя исчезавшихъ въ темнотѣ ребятишекъ.

Эти негодяи мало по малу становились пугаломъ для всего округа, который они безпрестанно тревожили своими набѣгами, какъ орда дикарей. Сначала они не выходили за предѣлы копей Ворё и возились въ грудахъ сложеннаго угля, возвращаясь потомъ домой черными, какъ негры, играли въ прятки въ громадныхъ складахъ бревенъ, среди которыхъ было также удобно скрываться, какъ въ чащѣ дѣвственнаго лѣса. Потомъ они завладѣли насыпью и, какъ съ горы, катались съ нея въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ она всегда стояла теплою отъ пожиравшаго ее внутренняго пожара,—скрывались по цѣлымъ днямъ въ терновникѣ, покрывавшемъ насыпь съ той стороны, на которой уже давно не сваливали землю, и спокойно играли тамъ, какъ шаловливые мышенята. Постепенно они все расширяли и расширяли свои владѣнія: ходили въ склады кирпича и дрались тамъ до крови съ другими ребятишками, рыскали по лугамъ, пожирая безъ хлѣба всевозможныя молочныя растенія, ныряли по берегамъ канала и ловили водившуюся въ тинѣ рыбу, которую проглатывали сырою. Но, казалось, имъ все таки было мало простора, и они забирались все дальше, уходили за цѣлые километры отъ дома, добирались даже до высокаго Вандамскаго лѣса, въ которомъ весною собирали и ѣли землянику, а лѣтомъ орѣхи и чернику. Скоро вся обширная равнина сдѣлалась ихъ достояніемъ.

Нищета, царившая теперь дома, заставляла ихъ еще энергичнѣе рыскать по дорогамъ отъ Монсу до Маршьена и высматривать по сторонамъ глазами волченятъ. Жанлинъ по прежнему руководилъ всѣми экспедиціями этой шайки и, какъ капитанъ, направлялъ ее въ ту или другую сторону,—то на опустошеніе полей, засаженныхъ лукомъ, то на мародерство во фруктовыхъ садахъ, то, иногда, на похищеніе товаровъ, выставленныхъ передъ лавками. Вездѣ стали говорить, что эти грабежи—дѣло рукъ углекоповъ, принимающихъ участіе въ стачкѣ, и что будто бы организовалась цѣлая многочисленная шайка этихъ мародеровъ. Однажды Жанлинъ заставилъ Лидію обокрасть даже ея мать и принести ему двѣ дюжины палочекъ ячменнаго сахара, который хранился у Пьерронъ въ стеклянной банкѣ, на полочкѣ, устроенной въ окнѣ. Дѣвочку страшно избили за это, но она такъ боялась Жанлина, что все таки не осмѣлилась выдать его или покинуть послѣ этой исторіи. А между тѣмъ онъ постоянно бралъ себѣ львиную долю добычи, попадавшейся въ ихъ руки, и Беберъ долженъ былъ считать себя еще счастливымъ, если Жанлинъ не билъ его и не забиралъ одному себѣ все добытое ихъ общими силами.

Съ нѣкоторыхъ поръ Жанлинъ началъ злоупотреблять своею властью,—онъ билъ Лидію, какъ законную жену, наталкивалъ недалекаго Бебера на самыя непріятныя исторіи и видимо забавлялся тѣмъ, что управляетъ, какъ осломъ, этимъ толстымъ мальчуганомъ, который былъ настолько силенъ, что могъ убить его однимъ ударомъ кулака. Жанлинъ презиралъ ихъ обоихъ, обращался съ ними, какъ съ рабами, и разсказывалъ имъ, что у него есть возлюбленная,—принцесса,—на которую они недостойны даже взглянуть. Дѣйствительно, Беберъ и Лидія замѣтили, что за послѣдніе восемь дней онъ нерѣдко куда-то пропадалъ: дойдя до конца улицы или до поворота дороги, Жанлинъ вдругъ, съ самымъ страшнымъ видомъ, приказывалъ своимъ спутникамъ немедленно возвращаться домой, а самъ отбиралъ у нихъ всю добычу и тотчасъ же исчезалъ неизвѣстно куда.

То же самое произошло и въ этотъ вечеръ.

— Дай мнѣ ее, сказалъ Жанлинъ, вырывая изъ рукъ товарища треску.

отъ Катръ-Шеменъ къ Монтуару, и теперь партія шла, въ шесть очередей, отъ Монтуара къ Пре-де-Ванъ. Всего въ теченіе часа они прошли два съ половиною льё и успѣли еще, при этомъ, зайти въ два кабака,—Винцентъ и Труа-Сажъ,—чтобы выпить по кружкѣ пива. Теперь партію велъ Мукъ, и хотя до конца ея оставалось еще двѣ очереди, но все таки побѣда его казалась несомнѣнною, какъ вдругъ Захарій,—по обыкновенію, зубоскалившій,—когда пришла его очередь бить, отбросилъ кубарь назадъ такъ ловко, что загналъ его въ глубокую яму. Послѣ него очередь была за партнеромъ Мука, но тотъ не могъ выбить кубарь изъ ямы... Это было полнѣйшее несчастіе. Всѣ четверо кричали, горячились, однако же, въ концѣ концовъ, не оставалось дѣлать ничего больше, какъ начать новую партію, — отъ Пре-де-Ванъ къ Гербъ-Вертъ. Между этими пунктами не было и двухъ километровъ, и новая партія пошла въ пять очередей. Потомъ назначено было отдохнуть у Леренара.

Жанлинъ придумалъ еще новую забаву. Онъ дождался, пока играющіе пробѣжали за кубаремъ дальше, досталъ изъ кармана бичевку и привязалъ ее къ лѣвой задней лапѣ кролика. Это вышло очень забавно: кроликъ бѣжалъ впереди ребятишекъ, дергая лапкой и такъ жалко переваливаясь со стороны на сторону, что никогда еще дѣти не смѣялись такъ много. Потомъ они привязали его за шею, чтобы онъ бѣжалъ вскачь, но такъ какъ бѣдное животное начинало уставать, то они опрокидывали его то на спину, то на бокъ, и тащили за собою, какъ настоящую маленькую карету. Это продолжалось болѣе часа; кроликъ начиналъ уже хрипѣть, когда ребятишки быстро запрятали его въ корзинку, услышавъ около лѣса Крюшо голоса игроковъ, къ которымъ они опять приблизились.

Теперь Захарій, Мукъ и ихъ партнеры отмѣривали километры почти безъ отдыха, только на минуту заходя въ намеченные ими заранѣе кабаки, чтобы проглотить по кружкѣ пива. Отъ Гербъ-Вертъ они гнали кубарь до Бюши, потомъ до Круа-де-Пьерръ, потомъ до Шамбле. Замерзшая земля звенѣла подъ ногами игроковъ, безостановочно бѣгавшихъ за кубаремъ; кубарь подскакивалъ на льду, какъ мячъ. Это была самая хорошая погода для игры, потому что ноги не вязли *въ пашнѣ* и бѣгать было легко, хотя точно также легко можно

намѣреніемъ порвать эту связь. Онъ увидится съ Мукъ и скажетъ ей, что нужно прекратить эти свиданія, такъ какъ теперь, когда товарищи борются и умираютъ съ голоду, совсѣмъ не время и даже безчестно заводить любовныя исторіи и предаваться нѣжностямъ. Этьенъ не засталъ Мукъ дома. Онъ рѣшился подождать ее и сѣлъ невдалекѣ отъ развалинъ шахтовой башни, пристально всматриваясь въ каждую показывавшуюся здѣсь человѣческую фигуру.

Подъ развалившеюся башнею находилась полузасыпанная старая шахта. Надъ чернымъ отверстіемъ ея торчала стоймя упавшая балка съ уцѣлѣвшей на ней частью крыши и издали напоминала собою, особенно въ профиль, висѣлицу; на верхней закраинѣ шахты, выложенной нѣкогда кирпичемъ, отъ котораго теперь почти не осталось и слѣда, выросли два дерева,—рябина и платанъ,—производившія такое впечатлѣніе, какъ будто они выдвинулись наружу съ самаго дна шахты. Это былъ совсѣмъ дикій и заброшенный уголокъ. Отверстіе шахты было прикрыто травою, заплетено корнями деревьевъ, на половину завалено обрушившимися досками и бревнами и заросло терновникомъ и боярышникомъ, въ вѣткахъ котораго малиновки свивали весною свои гнѣзда. Эти копи были давно истощены, и компанія уже десять лѣтъ собиралась завалить ихъ, но ее удерживало то обстоятельство, что на копяхъ Ворё не было своего отдѣльнаго вентилятора. Воздухъ на тѣхъ и другихъ копяхъ, соединявшихся между собою, освѣжался посредствомъ печи, которая находилась въ рекильярскихъ копяхъ, а старая шахта ихъ служила теперь вмѣсто трубы. Обшивка нижней части этой шахты была укрѣплена поперечными брусьями, расположенными такимъ образомъ, что они совершенно загораживали тотъ ходъ, по которому нѣкогда поднимали на земную поверхность телѣжки съ углемъ; верхнія галлереи стояли совсѣмъ заброшенными, но нижняя по возможности поддерживалась, и въ ней стояла огромная печь, биткомъ набитая пылающимъ каменнымъ углемъ. Тяга отъ этой страшной топки была такъ сильна, что съ одного конца подземныхъ галлерей Ворё и до другаго вѣтеръ постоянно свисталъ, какъ во время бури. На всякій случай, чтобы все таки можно было спуститься прямо въ рекильярскія копи или подняться изъ нихъ на верхъ, администраціей отдано было при-

казаніе поддерживать тотъ ходъ въ шахтѣ, гдѣ находились лѣстницы; но никто не наблюдалъ за этимъ, и лѣстницы гнили отъ сырости; многія площадки на нихъ уже совсѣмъ развалились. Отверстіе шахты было почти заткнуто огромнымъ кустомъ терновника, на первой лѣстницѣ совсѣмъ не осталось ступенекъ, и еслибы кто нибудь вздумалъ спуститься внизъ, то ему оставалось бы только сначала цѣпляться за корни рябины, а затѣмъ летѣть въ черную бездну, положившись на свою счастливую звѣзду.

Этьенъ терпѣливо сидѣлъ, скрытый кустарникомъ, какъ вдругъ ему послышался какой-то шорохъ въ вѣтвяхъ деревьевъ. Сначала онъ подумалъ, что это пробирается чѣмъ нибудь потревоженный ужъ, но затѣмъ блеснулъ огонекъ зажженной спички. Ужь и это удивило Этьена, но его удивленіе возросло еще больше, когда онъ узналъ Жанлина, который, между тѣмъ, зажегъ свѣчу и спустился въ темное отверстіе шахты. Этьеномъ овладѣло такое любопытство, что онъ въ свою очередь подошелъ къ краю шахты и заглянулъ въ нее. Жанлина уже не было видно, но слабый свѣтъ мерцалъ на второй изъ площадокъ, раздѣлявшихъ лѣстницы. Съ минуту Этьенъ колебался, однако кончилъ тѣмъ, что рѣшился тоже спуститься внизъ и ухватился за корни деревьевъ, думая, что ему придется пролетѣть насквозь всѣ пятьсотъ двадцать четыре метра, на которые дно шахты отстояло отъ поверхности земли. Однако онъ попалъ ногою на ступеньку, впрочемъ, тотчасъ же подломившуюся подъ нимъ, и началъ осторожно спускаться внизъ. Жанлинъ не замѣчалъ, что за нимъ слѣдятъ, тогда какъ Этьенъ постоянно видѣлъ подъ собою огонекъ свѣчи, спускавшійся все ниже и ниже, между тѣмъ какъ тѣнь мальчика, выростая до громадныхъ размѣровъ, колебалась на стѣнахъ шахты, прыгая вправо, влѣво, сообразно раскачиванію разбитыхъ бедеръ Жанлина. Онъ спускался съ ловкостью обезьяны, придерживаясь за брусья руками, ногами, даже подбородкомъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ не было ступенекъ. Лѣстницы смѣняли одна другую черезъ каждые семь метровъ. Однѣ изъ нихъ были еще совершенно крѣпкія, другія—шатались, трещали и каждую минуту грозили обрушиться. Узенькія площадки, раздѣлявшія ихъ, позеленѣли и прогнили до *того, что нога* ступала по нимъ, точно по мягкому моху.

Чѣмъ дальше внизъ, тѣмъ сильнѣе становился жаръ, доходившій сюда отъ печи, провѣтривавшей Ворё, но теперь онъ былъ еще слабѣе обыкновеннаго, потому что за время стачки печь топили не такъ жарко, какъ во время работъ, когда она пожирала ежедневно по пяти тысячъ килограммовъ угля. Тогда никто не рѣшился бы спуститься въ рекильярскую шахту, если не хотѣлъ опалить себѣ всю шкуру.

— Вотъ настоящая жаба, nom de Dieu! ругался про себя задыхавшійся Этьенъ.—И куда только онъ лѣзетъ?

Ноги его скользили по влажному дереву, и два раза онъ чуть не полетѣлъ внизъ. Еслибы у него была, по крайней мѣрѣ, свѣча, какъ у Жанлина, а то ему приходилось руководиться только слабымъ свѣтомъ, мелькавшимъ внизу, и безпрестанно ушибаться о стѣны. Онъ уже спустился, должно быть, съ двадцатой лѣстницы, а конца все еще не было видно. Тогда Этьенъ, продолжая спускаться все ниже и ниже, принялся считать: двадцать первая, двадцать вторая, двадцать третья... Страшный жаръ, казалось, сдавливалъ ему голову, становился все нестерпимѣе, и Этьену начинало казаться, что онъ сейчасъ упадетъ прямо въ печь. Наконецъ, онъ добрался до отдѣленія нагрузки и увидалъ свѣчу Жанлина, движущуюся въ глубинѣ галлереи. Было пройдено тридцать лѣстницъ, слѣдовательно,—около двухсотъ десяти метровъ.

— Неужели онъ поведетъ меня еще дальше? думалъ Этьенъ.—По всей вѣроятности, мальчуганъ прячется въ конюшнѣ.

Но лѣвая галлерея, которая вела въ конюшню, была засыпана обваломъ. Началось новое путешествіе, еще болѣе трудное и опасное. Испуганныя летучія мыши летали и садились на своды отдѣленія нагрузки. Этьенъ долженъ былъ торопиться, чтобы не потерять изъ виду руководившаго имъ свѣта, и поэтому, не медля, бросился въ галлерею, по которой шелъ Жанлинъ. Худенькій и гибкій, какъ змѣя, мальчикъ проскальзывалъ вездѣ совершенно свободно, между тѣмъ какъ Этьенъ не могъ мѣстами пройти, не содравъ себѣ кожи. Какъ всѣ заброшенные подземные ходы, эта галлерея сплющилась подъ напоромъ осѣдавшей почвы и продолжала съ каждымъ днемъ съуживаться все больше и больше, такъ что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ была теперь не просторнѣе печной

трубы, а со временемъ ей предстояло и совсѣмъ исчезнуть. Дерево, укрѣплявшее нѣкогда галлерею, изломалось въ щепы, и на каждомъ шагу Этьену предстояла опасность разодрать себѣ кожу или наткнуться на торчавшія спицы, острыя, какъ шпага. Онъ подвигался впередъ съ величайшею осторожностью, ползя на колѣняхъ или на животѣ и ощупывая стѣны и своды руками. Вдругъ цѣлая стая крысъ, спасавшихся бѣгствомъ, пробѣжала по немъ отъ затылка до пятокъ.

— Tonnerre de Dieu, будетъ ли этому конецъ! проворчалъ онъ, весь избитый и едва переводя духъ.

Конецъ пришелъ: черезъ какой нибудь километръ, труба, по которой ползъ Этьенъ, начала расширяться, и онъ очутился въ прекрасно сохранившейся галлереѣ, служившей нѣкогда для провоза телѣжекъ съ углемъ въ пріемное отдѣленіе. Она была вырублена въ цѣльномъ слоѣ камня и походила на природный гротъ. Этьенъ пріостановился, увидѣвъ издали, что Жанлинъ втиснулъ свѣчу между двумя камнями и спокойно располагался отдохнуть, какъ человѣкъ очень довольный тѣмъ, что возвратился къ себѣ домой. И дѣйствительно, здѣсь было устроено настоящее жилье, довольно удобное, обставленное чуть не всѣми принадлежностями хозяйства: въ сторонѣ, на землѣ, лежала большая охапка сѣна, служившая очень мягкою постелью; на старыхъ брусьяхъ, сложенныхъ на подобіе стола, было всего вволю,—хлѣба, свѣчей, можжевеловой водки... Это была настоящая разбойничья пещера, въ которую цѣлыя недѣли сносилась всякая добыча, иногда даже совсѣмъ ненужная ея обитателю,—напримѣръ, мыло и воскъ для натиранія половъ, украденныя, какъ видно, единственно изъ любви къ воровству. И Жанлинъ, какъ эгоистъ-разбойникъ, пользовался одинъ всѣмъ этимъ награбленнымъ добромъ.

— Скажи, ты насмѣхаешься надъ всѣмъ свѣтомъ? вскричалъ Этьенъ, переводя духъ.—Ты лазишь сюда наслаждаться, когда мы всѣ тамъ, наверху, умираемъ съ голоду.

Въ первую минуту Жанлинъ испугался и задрожалъ, но, узнавъ Этьена, скоро успокоился.

— Не хочешь ли пообѣдать со мною? сказалъ онъ.—Гмъ, кусочекъ жареной трески? Вотъ ты сейчасъ увидишь.

Онъ не бросилъ украденную рыбу и теперь принялся *начисто отскабливать* засиженныя мухами мѣста, ловко дѣй-

ствуя очень хорошимъ новымъ ножомъ, однимъ изъ тѣхъ маленькихъ ножей-кинжаловъ съ костяными ручками, на которыхъ всегда находится какой нибудь девизъ. На ножѣ Жанлина было написано только одно слово: „Любовь“.

— Какой у тебя хорошій ножъ, замѣтилъ Этьенъ.

— Это подарокъ Лидіи, отвѣчалъ Жанлинъ, умалчивая о томъ, что Лидія украла эту вещь, по его приказанію, въ одной изъ передвижныхъ лавочекъ Монсу, напротивъ заведенія Тэтъ-Купе.

Продолжая отскабливать треску, онъ прибавилъ съ гордостью:

— Не правда ли, здѣсь у меня очень хорошо?... Немножко потеплѣе, чѣмъ у васъ наверху, и гораздо лучше пахнетъ!

Этьенъ сѣлъ. Ему захотѣлось поговорить съ этимъ интереснымъ мальчуганомъ, правда, испорченнымъ до мозга костей, но все же такимъ смѣлымъ и находчивымъ. Дѣйствительно, Этьенъ чувствовалъ себя очень хорошо въ этой норѣ. Нестерпимая жара, стоявшая въ шахтѣ, смѣнилась здѣсь ровною и теплою, какъ въ банѣ, температурою, особенно пріятною послѣ царившаго наверху рѣзкаго январьскаго холода, отъ котораго у плохо одѣтыхъ бѣдняковъ растрескивалась кожа. За тѣ годы, въ теченіе которыхъ копи были заброшены, воздухъ въ галлереяхъ очистился, рудничнаго газа не осталось и слѣда, а отъ стараго, перегнившаго дерева пахло летучимъ эфиромъ. Къ тому же это ветхое дерево сдѣлалось теперь очень красивымъ: оно приняло желтоватый цвѣтъ мрамора и покрылось бѣлою мшистою растительностью, которая точно задрапировала его шолковой вышивкой и унизала жемчугомъ. Нѣкоторые брусья были сплошь покрыты грибами. Бѣлыя бабочки и мухи летали взадъ и впередъ; бѣлые, какъ снѣгъ, пауки ползали по галлереѣ, въ которой развелось цѣлое обезцвѣченное населеніе, никогда не знавшее солнца.

— И тебѣ тутъ не страшно? спросилъ Этьенъ.

— Страшно? переспросилъ съ удивленіемъ Жанлинъ. — Чего же мнѣ бояться, когда здѣсь, кромѣ меня, никого нѣтъ?

Наконецъ треска была совсѣмъ очищена. Мальчуганъ развелъ небольшой огонь и поджарилъ рыбу на горячихъ угольяхъ. Затѣмъ онъ разрѣзалъ пополамъ хлѣбъ. Этьенъ не

отказался отъ своей доли. Эта закуска была страшно соленая, но, тѣмъ не менѣе, очень лакомая для здоровыхъ желудковъ.

— Теперь я не удивляюсь, что ты толстѣешь въ то время, когда мы всѣ худѣемъ. Знаешь ли ты, что вѣдь это свинство набивать такъ брюхо!... А о другихъ ты и не подумалъ?

— Ну, да!.. Зачѣмъ же другіе такъ глупы?

— Къ тому же, ты хорошо дѣлаешь, что прячешься! если-бы отецъ узналъ, что ты занялся воровствомъ, онъ славно отдѣлалъ бы тебя...

— Въ такомъ случаѣ, значитъ, буржуа не обкрадываютъ насъ? А ты всегда называлъ ихъ ворами... Когда я стащилъ этотъ хлѣбъ у Мэгра, то взялъ у него только то, что онъ намъ долженъ.

Этьенъ замолчалъ, отчасти нѣсколько смущенный, отчасти оттого, что у него былъ набитъ ротъ. Онъ съ любопытствомъ смотрѣлъ на этого ребенка съ обезьяньей мордочкою, зелеными глазами и большими ушами,—на этого маленькаго выродка, темнаго разумомъ и хитраго, какъ дикарь, или, вѣрнѣе, какъ дикое животное, на которое онъ походилъ всѣмъ своимъ существомъ. Копи сдѣлали его такимъ, копи и докончили, переломавъ ему ноги.

— А Лидія, снова заговорилъ Этьенъ,—приводишь ты ее иногда сюда?

Жанлинъ презрительно захохоталъ.

— Лидію?!.. Ну, ужь нѣтъ!.. Женщины—болтливы.

Онъ продолжалъ смѣяться, полный безпредѣльнаго презрѣнія къ Лидіи и Беберу. Никто еще не видывалъ такихъ глупыхъ ребятишекъ! Мысль, что они вѣрятъ его вранью и идутъ теперь съ пустыми руками, тогда какъ онъ ѣстъ горячую рыбу, наполняла его необыкновеннымъ удовольствіемъ. Затѣмъ онъ прибавилъ, съ серьезностью маленькаго философа:

— Одному гораздо лучше, такъ какъ самъ съ собою всегда живешь въ ладу.

Этьенъ доѣлъ хлѣбъ и выпилъ глотокъ можжевеловой водки. На минуту онъ задумался, спрашивая себя, — не лучше ли будетъ, если онъ поступитъ вѣроломно съ гостепріимнымъ Жанлиномъ, выведетъ его отсюда за ухо и запретитъ мародерствовать, объявивъ ему, что, при первомъ же его покушеніи

на воровство, разскажетъ обо всемъ отцу. Но когда онъ разсматривалъ это подземное убѣжище, ему вдругъ пришла въ голову мысль: кто знаетъ, не понадобится ли оно для кого нибудь изъ товарищей или для него самого, если дѣла примутъ дурной оборотъ?.. Этьенъ заставилъ Жанлина поклясться, что тотъ не заснится на своемъ сѣнѣ и не останется здѣсь на ночь, какъ это иногда случалось; затѣмъ, взявъ одну изъ свѣчей, онъ ушелъ первымъ, предоставивъ мальчугану приводить на свободѣ въ порядокъ свое хозяйство.

Не смотря на страшный холодъ, Мукъ поджидала Этьена, сидя на бревнѣ, и приходила въ отчаяніе, что онъ нейдетъ. Увидѣвъ его наконецъ, она бросилась къ нему на шею, и точно ножъ пронзилъ ея сердце, когда Этьенъ объявилъ ей, что рѣшился не видѣться больше съ нею. Боже мой! Да отчего же?... Развѣ она недостаточно любитъ его?... Боясь, что не устоитъ противъ желанія зайти къ ней, Этьенъ повелъ ее по дорогѣ и старался какъ можно деликатнѣе и ласковѣе объяснить дѣвушкѣ, что эта связь компрометируетъ его въ глазахъ товарищей, что ее нужно прервать ради дѣла, ради интересовъ политики. Дѣвушка очень удивилась: какой можетъ быть отъ этого вредъ для политики?... Наконецъ, ей пришла мысль, что онъ стыдится за эту связь съ нею... Мукъ не оскорбилась этимъ:—что жъ, это понятно;—она предложила ему, пусть онъ дастъ ей публично пощечину, чтобы товарищи подумали, что Этьенъ бросилъ ее. Но на самомъ дѣлѣ онъ все таки будетъ видѣться съ нею, хоть на минутку, хоть изрѣдка... Она страстно молила его, клялась, что объ ихъ свиданіяхъ никто не узнаетъ; но Этьенъ, какъ онъ ни былъ растроганъ ея горячими мольбами, все таки оставался при своемъ рѣшеніи: это необходимо... На прощанье, онъ хотѣлъ, по крайней мѣрѣ, обнять ее. Шагъ за шагомъ, они дошли въ то время до первыхъ домовъ Монсу и стояли, обнявшись, освѣщенные яркимъ свѣтомъ мѣсяца. Показалась какая-то женщина и, проходя мимо нихъ, вдругъ пошатнулась, точно споткнувшись о камень.

— Кто это? тревожно спросилъ Этьенъ.

— Это—Катерина, отвѣчала Мукъ. — Она возвращается изъ Жанъ-Баръ.

Женщина шла дальше, опустивъ внизъ голову, едва пере-

ступая ногами, и казалась страшно утомленною. Этьенъ смотрѣлъ на нее впѣ себя отъ отчаянія, что она увидѣла его съ Мукъ, и горько упрекалъ себя, хотя самъ не могъ бы объяснить—въ чемъ. Развѣ она не ушла къ своему возлюбленному? Развѣ она не заставила его, Этьена, точно также страдать на этой же рекильярской дорогѣ, когда отдавала свою любовь Шавалю? Но не смотря ни на что, Этьенъ не могъ утѣшиться и простить себѣ, что отплатилъ ей тѣмъ же.

— Знаешь ли, что я тебѣ скажу? прошептала вся въ слезахъ Мукъ, уходя.—Ты потому отказываешься отъ меня, что любишь другую.

На слѣдующій день погода была великолѣпная. Выдался одинъ изъ тѣхъ хорошихъ зимнихъ дней, когда стоитъ небольшой морозъ, небо ясно, а твердая земля звенитъ подъ ногами, какъ хрусталь. Жанлинъ убѣжалъ изъ дому еще въ часъ пополудни, но нѣкоторое время ему пришлось простоять за церковью, покуда пришелъ Беберъ. Потомъ долго не приходила Лидія, которую мать опять заперла въ погребъ, и мальчуганы уже собрались было отправляться одни. Но дѣвочку наконецъ выпустили, дали ей въ руки корзинку и объявили, что если она не наберетъ салату полную корзинку, то ее, Лидію, опять запрутъ на всю ночь въ погребъ, съ крысами. Страшно напуганная, Лидія хотѣла тотчасъ же идти за салатомъ, но Жанлинъ отговорилъ ее: можно будетъ набрать и потомъ. Его давно уже прельщалъ толстый кроликъ Рассенёра, и на этотъ разъ, когда ребятишки проходили мимо кабака Авантажъ, кроликъ, какъ нарочно, прогуливался по дорогѣ. Жанлинъ однимъ прыжкомъ схватилъ его за уши, запряталъ въ корзинку Лидіи, и всѣ трое пустились бѣжать. Вотъ будетъ весело: они заставятъ кролика бѣжать, какъ собаку, до самаго лѣса!

Ребятишки пріостановились на нѣкоторое время около Захарія и Мука, которые, выпивъ, вмѣстѣ съ двумя другими товарищами, по кружкѣ пива, собирались начать игру въ кубарь. Выигравшіе должны были получить новую фуражку и красный фуляровый платокъ, которые хранились покуда, до окончанія игры, у Рассенёра. Четверо игроковъ, двое противъ двоихъ, рѣшали теперь вопросъ о томъ, кому начинать первую партію, которая должна была идти отъ Ворё къ фермѣ *Пайльо, на* разстояніи около трехъ километровъ. Мукъ брался

довести кубарь до фермы въ восемь очередей, но Захарій взялся—въ семь, и такимъ образомъ право начинать первую партію осталось за нимъ. Кубарь,—небольшое яйцо изъ буксоваго дерева,—поставили на мостовую, острымъ концемъ вверхъ. У каждаго изъ игроковъ былъ въ рукахъ деревянный, обитый желѣзомъ молотокъ, насаженный на длинную, крѣпко обмотанную бичевой, рукоятку. Пробило два часа, когда началась игра. Начинающій партію имѣлъ право на три удара въ каждую изъ своихъ очередей, и Захарій мастерски повелъ игру, отбросивъ кубарь первыми же своими тремя ударами болѣе чѣмъ за четыреста метровъ, черезъ свекловичныя поля, такъ какъ играть въ эту игру на дорогахъ и въ селеніяхъ запрещалось, въ виду того, что играющіе могли убить кого нибудь изъ прохожихъ. Мукъ, который въ каждую изъ своихъ очередей могъ сдѣлать только одинъ ударъ, былъ тоже хорошій игрокъ, и онъ, своимъ единственнымъ ударомъ, отбросилъ кубарь такъ удачно, что тотъ отлетѣлъ, по крайней мѣрѣ, на сто пятьдесятъ метровъ назадъ. Такимъ образомъ, игра началась: одна сторона гнала кубарь впередъ, другая отбрасывала его назадъ, и всѣ бѣгали за нимъ взадъ и впередъ, спотыкаясь на замерзшей неровной поверхности пашни и ушибая ноги.

Сначала Жанлинъ, Беберъ и Лидія бѣгали вслѣдъ за игроками и восхищались ихъ мастерскими ударами; но затѣмъ ребятишки вспомнили о кроликѣ, который трясся у нихъ въ корзинкѣ, и, оставивъ игроковъ, выпустили его, чтобы посмотрѣть,—шибко ли онъ бѣгаетъ. Несчастное животное пустилось по полю; ребятишки кинулись за нимъ и, въ теченіе цѣлаго часа, гоняли по всѣмъ направленіямъ, крича и хлопая руками, чтобы еще болѣе его напугать. Конечно, въ обыкновенное время, кроликъ скоро ушелъ бы отъ нихъ, но теперь, на свое несчастіе, онъ опять находился въ періодѣ беременности.

Они бѣжали, задыхаясь отъ усталости, какъ вдругъ около нихъ раздались гнѣвныя восклицанія и ругательства: оказалось, что ребятишки, сами не замѣчая того, опять приблизились къ играющимъ, и Захарій чуть было не раздробилъ черепъ своему брату. Игроки начинали уже четвертую партію; отъ фермы Пайльо они провели кубарь къ Катръ-Шеменъ,

отъ Катръ-Шеменъ къ Монтуару, и теперь партія шла, въ шесть очередей, отъ Монтуара къ Пре-де-Вашъ. Всего въ теченіе часа они прошли два съ половиною льё и успѣли еще, при этомъ, зайти въ два кабака,—Винцентъ и Труа-Сажъ,—чтобы выпить по кружкѣ пива. Теперь партію велъ Мукъ, и хотя до конца ея оставалось еще двѣ очереди, но все таки побѣда его казалась несомнѣнною, какъ вдругъ Захарій,—по обыкновенію, зубоскалившій,—когда пришла его очередь бить, отбросилъ кубарь назадъ такъ ловко, что загналъ его въ глубокую яму. Послѣ него очередь была за партнеромъ Мука, но тотъ не могъ выбить кубарь изъ ямы... Это было полнѣйшее несчастіе. Всѣ четверо кричали, горячились, однако же, въ концѣ концовъ, не оставалось дѣлать ничего больше, какъ начать новую партію, — отъ Пре-де-Вашъ къ Гербъ-Вертъ. Между этими пунктами не было и двухъ километровъ, и новая партія пошла въ пять очередей. Потомъ назначено было отдохнуть у Леренара.

Жанлинъ придумалъ еще новую забаву. Онъ дождался, пока играющіе пробѣжали за кубаремъ дальше, досталъ изъ кармана бичевку и привязалъ ее къ лѣвой задней лапѣ кролика. Это вышло очень забавно: кроликъ бѣжалъ впереди ребятишекъ, дергая лапкой и такъ жалко переваливаясь со стороны на сторону, что никогда еще дѣти не смѣялись такъ много. Потомъ они привязали его за шею, чтобы онъ бѣжалъ вскачь, но такъ какъ бѣдное животное начинало уставать, то они опрокидывали его то на спину, то на бокъ, и тащили за собою, какъ настоящую маленькую карету. Это продолжалось болѣе часа; кроликъ начиналъ уже хрипѣть, когда ребятишки быстро запрятали его въ корзинку, услышавъ около лѣса Крюшо голоса игроковъ, къ которымъ они опять приблизились.

Теперь Захарій, Мукъ и ихъ партнеры отмѣривали километры почти безъ отдыха, только на минуту заходя въ намеченные ими заранѣе кабаки, чтобы проглотить по кружкѣ пива. Отъ Гербъ-Вертъ они гнали кубарь до Бюши, потомъ до Круа-де-Пьерръ, потомъ до Шамбле. Замерзшая земля звенѣла подъ ногами игроковъ, безостановочно бѣгавшихъ за кубаремъ; кубарь подскакивалъ на льду, какъ мячъ. Это была самая хорошая погода для игры, потому что ноги не вязли *въ пашнѣ* и бѣгать было легко, хотя точно также легко можно

было и сломать себѣ шею. Удары молотка о кубарь раздавались въ сухомъ воздухѣ точно ружейные выстрѣлы; игроки, сжимая мускулистыми руками обвитыя бичевкою рукоятки, раскачивались всѣмъ корпусомъ съ такимъ напряженіемъ, какъ будто собирались убить быка однимъ ударомъ, и игра шла по цѣлымъ часамъ,—съ одного конца равнины на другой, черезъ рвы, черезъ изгороди, черезъ придорожныя канавы, черезъ низенькія кирпичныя ограды... Казалось, въ груди у этихъ людей были добрые раздувальные мѣхи, а въ колѣняхъ—желѣзные шарниры. Забойщики разминали въ этой любимой игрѣ свои мускулы послѣ работы подъ землею, и между ними находились такіе любители,—большею частью въ возрастѣ около двадцати пяти лѣтъ,—которые пробѣгали за кубаремъ по десяти льё почти безъ отдыха. Достигнувъ сорока лѣтъ, кубарь бросали, потому что въ эти годы человѣкъ уже слишкомъ тяжелъ для такой игры.

Пробило пять часовъ, и уже начинало смеркаться. Оставалась еще одна послѣдняя партія, до Вандамскаго лѣса, которая должна была рѣшить, кому достанутся фуражка и фуляръ. Захарій съ своимъ обычнымъ насмѣшливымъ равнодушіемъ подшучивалъ надъ политикой: это будетъ очень забавно—попасть прямо туда, въ самую середину товарищей... Что же касается до Жанлина, то онъ уже съ тѣхъ поръ, какъ вышелъ изъ селенія, имѣлъ въ виду добраться до лѣса, хотя все время дѣлалъ видъ, что бѣгаетъ по полямъ совершенно безцѣльно. Онъ съ негодованіемъ погрозилъ Лидіи, когда та, мучимая угрызеніями совѣсти и страхомъ, заговорила было о томъ, что ей надо возвратиться въ Ворё и нарвать тамъ корзинку салата. Неужели же они пропустятъ собраніе? Нѣтъ, онъ хочетъ послушать, что будутъ говорить старики... Жанлинъ толкнулъ впередъ Бебера и придумалъ новую забаву, чтобы веселѣе было идти до лѣса: пустить кролика на свободу и подгонять его каменьями. На самомъ дѣлѣ, тайною мыслью Жанлина, подсказанной ему его прожорливостью, было—убить бѣдное животное, потомъ унести его съ собою и съѣсть въ подземной галлереѣ Рекильяра. Кроликъ пустился бѣжать, опустивъ носъ въ землю и закинувъ назадъ уши; попавшій въ него камень ободралъ ему спину, другой—поранилъ хвостъ, и не смотря на то, что становилось темно, бѣдному живот-

ному не остаться бы въ живыхъ, еслибы его мучители не увидѣли Этьена и Маге, показавшихся на лѣсной прогалинѣ. Ребятишки быстро схватили кролика и опять запрятали его въ корзинку. Почти въ то же самое время Захарій, Мукъ и ихъ партнеры окончили партію, и отброшенный въ послѣдній разъ кубарь упалъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ прогалины. Всѣ они какъ разъ попали на мѣсто, назначенное для сходки.

Только что начало смеркаться; по всѣмъ дорогамъ и тропинкамъ этой обширной равнины показались вереницы людей, молча шедшихъ, на нѣкоторомъ разстояніи другъ за другомъ, по направленію къ высокимъ деревьямъ лѣса. Селенія пустѣли; даже женщины и дѣти покидали ихъ и уходили какъ бы на прогулку, выманенныя изъ домовъ видомъ этого яснаго неба, разстилавшагося надъ полями. Теперь мракъ уже совсѣмъ окуталъ дороги, на нихъ нельзя было различить эти движущіяся вереницы людей, стремящихся къ одной цѣли, какъ бы слившихся въ одну душу, и слышенъ былъ только неясный топотъ ногъ. Между изгородями и кустарниками раздавался легкій шелестъ, неясный шумъ голосовъ ночи.

Геннебо, возвращавшійся въ это время домой на своей кобылѣ, прислушивался къ этимъ неопредѣленнымъ звукамъ. По дорогѣ ему безпрестанно попадались на встрѣчу парочки, цѣлыя длинныя вереницы людей, вышедшихъ, какъ онъ думалъ, прогуляться въ этотъ прекрасный зимній вечеръ... Опять эти влюбленные, безпрестанно цѣлующіеся и прячущіеся за придорожными изгородями!.. Встрѣча съ этими нищими, досыта упивающимися единственною ничего имъ не стоющею радостью,—развѣ не самыя обыкновенныя, всюду преслѣдующія его встрѣчи? И глупцы, съ избыткомъ пользующіеся этимъ единственнымъ счастьемъ—любить и быть любимыми, еще недовольны жизнью!.. Онъ завидовалъ этимъ бѣднякамъ и охотно согласился бы вести ихъ полуголодное существованіе, еслибы только могъ начать снова жизнь, начать ее рука объ руку съ женщиною, которая отдалась бы ему, можетъ быть, гдѣ нибудь на камняхъ, но отдалась всѣмъ своимъ сердцемъ... Опустивъ голову, Геннебо тихо возвращался домой со своимъ неизлѣчимымъ горемъ на сердцѣ, и его словно преслѣдовали наполнявшіе темную равнину неясные звуки, которые казались *ему топотомъ* и поцѣлуями влюбленныхъ.

VII.

Сходка была назначена на обширной прогалинѣ Планъ-де-Дамъ, которая, послѣ производившейся здѣсь недавно рубки деревьевъ, раздвинулась до самой опушки Вандамскаго лѣса. Опоясанная высокими деревьями, великолѣпными буками, прямые и правильные стволы которыхъ окружали ее точно бѣлыми колоннами, покрытыми зеленѣющими лишаями, она шла легкимъ скатомъ. Мѣстами въ травѣ еще лежали срубленные гиганты-деревья, между тѣмъ какъ на лѣвой сторонѣ прогалины возвышались темныя массы уже совсѣмъ обдѣланнаго лѣса, сложеннаго въ правильные кубы. Съ наступленіемъ сумерекъ, холодъ сдѣлался рѣзче, и замерзшій мохъ трещалъ подъ ногами. На землѣ было совершенно темно, но въ вышинѣ верхушки деревьевъ отчетливо вырисовывались на блѣдномъ небѣ, на которомъ взошла полная луна и заставила померкнуть звѣзды.

На сходку собралось около трехъ тысячъ углекоповъ, и эта копошившаяся во мракѣ толпа мужчинъ и дѣтей заняла мало по малу всю прогалину и разлилась далеко подъ деревьями. Но все еще продолжали прибывать запоздавшіе рабочіе, и живыя волны человѣческихъ головъ, колыхавшихся во мракѣ, простирались уже до ближайшаго подлѣска. Глухой гулъ, похожій на вѣтеръ въ бурю, стоялъ надъ толпою и разносился далеко въ этомъ неподвижномъ, словно застывшемъ лѣсу.

На болѣе возвышенномъ краю прогалины стояли Этьенъ, Магё и Рассенёръ. Они спорили между собою, и порою голоса ихъ звучали отрывисто и рѣзко, какъ взрывы. Около нихъ группировались прислушивавшіеся къ ихъ спору мужчины: Левакъ, сжимавшій кулаки, Пьерронъ, повернувшійся къ спорившимъ спиною и очень встревоженный тѣмъ, что не могъ болѣе ссылаться на свою лихорадку; старики Боньморъ и Мукъ, сидѣвшіе рядышкомъ на древесномъ пнѣ и погруженные въ глубокія размышленія. Затѣмъ, позади, расположились зубоскалы,—Захарій, молодой Мукъ и нѣкоторые другіе,—пришедшіе сюда, чтобы посмѣяться. Еще дальше,—собравшіяся въ группу женщины были, напротивъ, сосредоточенны и серьезны, какъ въ церкви. Магё, больше молчавшая, какъ и ея мужъ, покачивала головою въ отвѣтъ на глухія проклятія

Левака; Филомена, опять схватившая съ началомъ зимы бронхитъ, кашляла; одна только Мукъ хохотала во все горло, слушая, какъ Брюле ругала свою безчувственную дочь и кричала, что та—продажная тварь, жирѣющая отъ подлостей своего мужа, что она отсылаетъ мать изъ дому, чтобы безъ нея втихомолку набить себѣ брюхо кроличьимъ мясомъ... Жанлинъ взобрался на сложенныя бревна, втащилъ туда Лидію, велѣлъ Беберу присоединиться къ нимъ, и всѣ трое сидѣли теперь точно на воздухѣ, выше всей собравшейся толпы.

Споръ завелъ Рассенёръ, настаивавшій на томъ, что прежде всего слѣдуетъ обычнымъ порядкомъ избрать предсѣдателя и помощниковъ его. Кабачикъ не могъ успокоиться послѣ своего пораженія въ Бонъ-Жуайо и поклялся отмстить за него, разсчитывая, что тотчасъ же возвратитъ себѣ свое прежнее вліяніе, какъ только станетъ лицомъ къ лицу съ самими рабочими, а не съ уполномоченными отъ нихъ депутатами. Этьенъ возмущался и находилъ, что мысль о предсѣдателѣ до крайности глупа здѣсь, среди этого лѣса.

Не предвидя конца спору, онъ вскочилъ на стволъ дерева и разомъ овладѣлъ толпою, вскричавъ:

— Товарищи! Товарищи!...

Смѣшанный гулъ голосовъ постепенно замеръ какъ бы въ глубокомъ вздохѣ, покуда Магё старался успокоить волновавшагося Рассенёра. Затѣмъ Этьенъ продолжалъ звучнымъ голосомъ:

— Товарищи! Такъ какъ намъ не позволяютъ обсуждать наши дѣла дома и высылаютъ противъ насъ жандармовъ, точно противъ разбойниковъ, то намъ приходится по неволѣ совѣщаться здѣсь, въ лѣсу! Здѣсь—мы свободны, здѣсь—мы дома, и никто не придетъ сюда и не заставитъ насъ молчать, какъ нельзя принудить къ молчанію птицъ и животныхъ!

Крики и восклицанія, раздавшіяся ему въ отвѣтъ, походили на раскаты грома.

— Да, да; лѣсъ—нашъ; мы имѣемъ право собираться здѣсь... Говори!

Этьенъ съ секунду молчалъ, стоя неподвижно на деревѣ. Луна, все еще стоявшая низко на горизонтѣ, освѣщала только верхушки деревьевъ; мало по малу успокоившаяся и затихшая *толпа стояла* въ глубокомъ мракѣ. Этьенъ помѣщался на воз-

вышенномъ краю прогалины и господствовалъ надъ толпою, но она могла разсмотрѣть на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ стоялъ, только какую-то неопредѣленную тѣнь.

Онъ медленно поднялъ руку и началъ свою рѣчь. Но теперь онъ заговорилъ сдержанно, дѣловымъ тономъ простаго уполномоченнаго рабочихъ, который долженъ дать имъ отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Этьенъ говорилъ теперь ту самую рѣчь, которую собирался сказать еще въ Бонъ-Жуайо, и началъ ее съ краткаго обзора всего хода стачки, стараясь быть какъ можно болѣе точнымъ въ своихъ выраженіяхъ и приводя факты, одни только факты. Прежде всего, онъ сказалъ, что не видитъ ничего хорошаго въ стачкахъ вообще; но углекопы вовсе и не желали бросать работу,—компанія сама принудила ихъ къ этому, введя свою новую систему разсчета. Затѣмъ, онъ напомнилъ о первомъ свиданіи депутатовъ съ директоромъ, указалъ на недобросовѣстность компаніи, которая, позднѣе, когда депутаты ходили вторично къ Геннебо, уже готова была на запоздалыя уступки и соглашалась возвратить рабочимъ украденныя ею у нихъ десять сантимовъ... Дѣло остановилось на этомъ. Потомъ Этьенъ привелъ ряды цифръ, объясняя, куда ушли деньги изъ ихъ кассы и разныя пожертвованія, приходившія со стороны; постарался въ нѣсколькихъ словахъ оправдать международный союзъ рабочихъ, Плюшара и другихъ людей, которые, не смотря на все свое сочувствіе къ углекопамъ, не могли оказать имъ достаточной поддержки. Положеніе ухудшается съ каждымъ днемъ; компанія возвращаетъ здѣшнимъ углекопамъ разсчетныя книжки и грозитъ выписать рабочихъ изъ Бельгіи; кромѣ того, она запугиваетъ слабыхъ людей и убѣждаетъ ихъ снова приняться за работу... Этьенъ по прежнему говорилъ все тѣмъ же монотоннымъ голосомъ, чтобы еще сильнѣе подчеркнуть сообщаемыя имъ дурныя извѣстія,—говорилъ, что голодъ остается побѣдителемъ, что надежда—умерла, что мужество, съ которымъ велась борьба, достигло крайнихъ предѣловъ напряженія... И вдругъ, не возвышая голоса, онъ закончилъ свою рѣчь слѣдующими словами:

— Въ виду этихъ обстоятельствъ, товарищи, вы должны сегодня вечеромъ прійти къ какому нибудь рѣшенію. Хотите ли вы продолжать стачку, и если хотите, то на какія сред-

ства разсчитываете вести ее, покуда не восторжествуете надъ компаніей?

Глубокое молчаніе воцарилось повсюду, въ этомъ лѣсу, надъ которымъ разстилалось звѣздное небо; невидимая во мракѣ толпа стояла безмолвно; всѣ сердца были разбиты словами оратора, и слышалось только ускоренное дыханіе всѣхъ этихъ людей, повергнутыхъ въ отчаяніе.

Этьенъ заговорилъ опять, но заговорилъ уже совсѣмъ другимъ голосомъ,—не какъ секретарь союза, а какъ предводитель толпы, апостолъ, возвѣщающій истину. Неужели найдутся подлецы, которые не сдержатъ даннаго слова? Какъ! страдать цѣлый мѣсяцъ, страдать совершенно безплодно, чтобы затѣмъ склонить голову и возвратиться на копи, къ прежней безъисходной нуждѣ! Не лучше ли умереть разомъ, попытавшись прежде добиться лучшаго положенія? Вѣчно смиряться и терпѣливо выносить голодъ, выносить до тѣхъ поръ, покуда этотъ же самый голодъ не выведетъ изъ себя самыхъ спокойныхъ людей, — не глупая ли это игра, которая не должна длиться больше?.. Ораторъ указалъ на то, что всѣ бѣдствія, приносимыя промышленными кризисами, обрушиваются на однихъ только рабочихъ, и когда конкуренція вынуждаетъ хозяевъ понижать цѣну продукта, за это платятся тоже одни рабочіе, доведенные до послѣдней степени нищеты... Нѣтъ, новая система разсчета, съ ея особою платою за крѣпленіе галлерей, не могла быть принята, такъ какъ это ничто иное, какъ замаскированная сбавка заработной платы: у каждаго человѣка просто хотѣли украсть по цѣлому часу его каждодневнаго труда. Это ужь черезчуръ, и приходитъ время, когда вышедшіе изъ терпѣнія бѣдняки добьются справедливости.

Ораторъ остановился съ распростертыми въ воздухѣ руками. Толпа какъ бы вздрогнула при словѣ „справедливость“ и отвѣчала взрывами рукоплесканій, раздавшихся, какъ шумъ падающихъ сухихъ листьевъ.

— Справедливость!.. пришло время справедливости! кричали рабочіе.

Мало по малу Этьенъ воодушевлялся. Онъ не могъ говорить такъ легко и непринужденно, какъ Рассенёръ, и часто *не находилъ* словъ для выраженія своихъ мыслей, запинался,

останавливался, двигалъ плечами, какъ бы усиливаясь выйти изъ затруднительнаго положенія. Однако же, во время этихъ тягостныхъ для него паузъ, онъ всегда успѣвалъ найти выраженія настолько сильныя по своей образности и, вмѣстѣ съ тѣмъ, настолько безъискусственныя, что тотчасъ же опять покорялъ себѣ всѣхъ своихъ слушателей. Чрезвычайно сильное впечатлѣніе на нихъ производили, кромѣ того, и его жесты, его фигура: передъ углекопами стоялъ забойщикъ, отбивающій киркою глыбы каменнаго угля,—онъ прижималъ локти къ тѣлу, потомъ вытягивалъ руки со сжатыми кулаками, тогда какъ челюсть его быстрыми движеніями выдавалась впередъ, точно онъ собирался кого нибудь укусить. Всѣ говорили: какъ бы тамъ ни было, а Этьена нельзя не слушать.

— Заработная плата—это новая форма рабства, заговорилъ онъ болѣе звучнымъ голосомъ.—Копи должны принадлежать углекопу, какъ море принадлежитъ рыбаку... Слышите ли вы! Копи должны принадлежать вамъ, платившимъ за нихъ цѣлое столѣтіе своею кровью и своими лишеніями...

Этьенъ заговорилъ о темныхъ вопросахъ права, о цѣломъ рядѣ законовъ относительно каменноугольныхъ копей. Земля, со всѣмъ находящимся въ ея нѣдрахъ, есть собственность націи и не можетъ принадлежать монополисту или компаніи. Углекопамъ слѣдуетъ только воротить себѣ то, что должно было всегда принадлежать имъ, говорилъ Этьенъ и простеръ руки, указывая вдаль, за предѣлы лѣса. Въ это время луна, поднимавшаяся все выше и выше надъ горизонтомъ, выплыла, наконецъ, изъ-за вершинъ деревьевъ и освѣтила Этьена. Толпа, все еще остававшаяся во мракѣ, увидѣла его, облитаго яркимъ свѣтомъ, обѣими руками раздающаго имъ блага міра, и снова разразилась рукоплесканіями.

— Да, да!.. Онъ правъ!.. Браво!..

Тогда Этьенъ перешелъ къ своей любимой темѣ, къ тому, что орудія труда должны составлять общую собственность. Въ немъ произошло за послѣднее время полное перерожденіе: начавъ, какъ человѣкъ только что проникшійся духомъ христіанскаго ученія, проповѣдью братства и братской любви, заботою объ улучшеніи быта рабочихъ и повышеніи заработной платы, онъ въ концѣ концовъ пришелъ къ убѣж-

денію, что плату нужно уничтожить совсѣмъ. Его коллективизмъ, еще туманный и безформенный во время собранія въ Бонъ-Жуайо, теперь сложился въ сложную систему, которую онъ и старался изложить передъ своими слушателями. Этьенъ перестраивалъ все старое, испорченное общество; движеніемъ руки,—все тѣмъ же движеніемъ косца, подкашивающаго въ корень созрѣвшую жатву,—онъ низвергалъ нестройное зданіе, воздвигнутое умершими вѣками, и тотчасъ же, другою рукою, воздвигалъ новое зданіе, зданіе справедливости и истины, выроставшее на зарѣ двадцатаго столѣтія... Это былъ теперь сектантъ, фанатикъ, видящій передъ собою одну только свою неотступную идею и ничего больше. Его не смущали больше ни сомнѣнія, ни угрызенія совѣсти, ни протесты чувства или здраваго смысла, и ему казалось, что ничего не было легче, какъ создать этотъ новый міръ: онъ, Этьенъ, все предвидѣлъ и говорилъ объ этой перестройкѣ, какъ о какой нибудь машинѣ, которую онъ соберетъ въ теченіе двухъ часовъ.

— Пришла наша очередь! провозгласилъ онъ въ послѣдній разъ.

Взрывъ восклицаній прокатился въ воздухѣ. Теперь луна освѣщала всю прогалину съ колыхавшимися на ней волнами людскихъ головъ, виднѣвшихся и между сѣроватыми стволами деревьевъ, и у отдаленнаго молодаго лѣска. Въ ясномъ ледяномъ воздухѣ отчетливо вырисовывались возбужденныя лица, горѣвшіе глаза, раскрытые рты всѣхъ этихъ голодныхъ и изстрадавшихся людей,—мужчинъ, женщинъ, дѣтей. Воспламененные этою рѣчью, они не чувствовали болѣе холода. Ими овладѣлъ почти религіозный экстазъ, уносившій ихъ съ земли; ихъ охватила страстная, лихорадочная надежда на лучшее будущее. Многое въ рѣчи Этьена было для нихъ неясно; техническія выраженія и отвлеченныя разсужденія, къ которымъ онъ иногда прибѣгалъ, оставались для нихъ совершенно непонятными; но эта неясность, отвлеченность представляла только большій просторъ воображенію и увеличивала ихъ восторгъ. Сдѣлаться хозяевами, перестать страдать, владѣть всѣмъ!... Это-ли не счастіе?..

— Это вѣрно, nom de Dieu!.. Пришелъ и нашъ чередъ!...

Женщины были особенно возбуждены. Магё, у которой

закружилась отъ голоду голова, потеряла свое обычное спокойствіе; Левакъ завывала; Брюле внѣ себя размахивала руками, какъ колдунья; Филомена тряслась отъ страшнаго приступа кашля; Мукъ громко называла оратора самыми нѣжными именами. Мужчины тоже волновались. Увлеченный рѣчью Этьена, Магё гнѣвно кричалъ что-то; Пьерронъ дрожалъ отъ страха, а Левакъ говорилъ Богъ знаетъ что. Въ кружкѣ зубоскаловъ, Захарій и его пріятель Мукъ попробовали было пустить въ ходъ шутки, но потерпѣли неудачу и ограничились тѣмъ, что стали удивляться,—какъ это товарищъ могъ говорить такъ долго, не промочивъ горла пивомъ. Жанлинъ, сидѣвшій на верху сложенныхъ бревенъ, шумѣлъ больше всѣхъ, увлекая за собою Бебера и Лидію и потрясая корзинкою, въ которой лежалъ полу-замученный кроликъ.

Крики не стихали, и Этьенъ пьянѣлъ отъ нихъ, отъ своего успѣха. Онъ какъ бы осязалъ свою власть надъ этою трехъ-тысячною толпою людей, сердца которыхъ могъ однимъ своимъ словомъ заставить биться скорѣе. Что же касается Рассенёра, то онъ пожималъ плечами, внѣ себя отъ гнѣва.

— Дашь ли ты мнѣ сказать хоть слово! закричалъ онъ Этьену.

— Говори; мы посмотримъ, станутъ ли тебя слушать, отвѣчалъ тотъ, соскакивая съ дерева.

Рассенёръ занялъ его мѣсто и жестомъ потребовалъ молчанія, но шумъ не стихалъ. Люди, стоявшіе ближе, узнали кабачика, и имя его переходило изъ устъ въ уста, до самыхъ послѣднихъ рядовъ, затерявшихся подъ отдаленными деревьями. Толпа отказывалась слушать его: это былъ свергнутый кумиръ, одинъ видъ котораго раздражалъ теперь его прежнихъ поклонниковъ. Его свободныя и простыя выраженія, его непрерывно льющаяся, исполненная добродушія рѣчь, прежде очаровывавшая людей, казались имъ теперь тепленькимъ, прохладительнымъ питьемъ, приготовленнымъ для усыпленія трусовъ. Напрасно Рассенёръ все таки началъ говорить, не смотря на несмолкавшіе крики,—напрасно старался онъ доказать, что люди не могутъ измѣнить міръ, измѣнивъ только законы, что для усовершенствованія и развитія общества нужно время,—толпа смѣялась надъ нимъ, свистала, и къ пораженію, понесенному имъ въ Бонъ-Жуайо, присоединилось но-

все, еще болѣе горькое. Кончилось тѣмъ, что въ оратора полетѣли комья замерзшаго моха, и чей-то рѣзкій женскій голосъ прокричалъ:

— Долой измѣнника!

Рассенёръ объяснялъ, что копи не могутъ принадлежать углекопу, какъ ткацкій станокъ принадлежитъ ткачу, и говорилъ, что слѣдуетъ добиваться только того, чтобы рабочій имѣлъ долю въ предпріятіи, былъ заинтересованъ въ немъ и изъ наемника превратился бы до нѣкоторой степени въ пайщика.

— Долой измѣнника! повторила тысяча голосовъ, и въ Рассенёра полетѣли камни.

Онъ поблѣднѣлъ, и отчаяніе, овладѣвшее имъ, было такъ сильно, что на глазахъ этого твердаго человѣка показались слезы. Погибло все его прошлое, разбитое неблагодарною толпою,—разомъ были порваны создававшіяся въ теченіе двадцати лѣтъ добрыя дружескія отношенія съ этимъ народомъ, которыми онъ такъ гордился. Рассенёръ сошелъ съ дерева, пораженный въ самое сердце.

— Тебѣ смѣшно, пробормоталъ онъ, обращаясь къ торжествующему Этьену.—Хорошо; но я желалъ бы, чтобы то же самое случилось съ тобою... И случится, помни мое слово!

Какъ бы желая сложить съ себя всякую отвѣтственность за тѣ бѣдствія, которыя предвидитъ въ недалекомъ будущемъ, онъ махнулъ рукою и ушелъ. Тихо брелъ онъ домой, одинокій среди окружавшихъ его безмолвныхъ, бѣлыхъ полей.

Свистки и крики неслись вслѣдъ Рассенёру, когда онъ уходилъ съ поляны. Но вдругъ толпа начала стихать, удивленная появленіемъ старика Боньмора, который взобрался на срубленное дерево и тоже собирался что-то сказать. По всей вѣроятности, имъ внезапно овладѣло то страстное желаніе поговорить, которое по временамъ, когда въ его памяти воскресали событія давно прошедшихъ временъ, заставляло его болтать по цѣлымъ часамъ. Толпа въ глубокомъ молчаніи приготовилась слушать этого старика, который, при лунномъ свѣтѣ, казался похожимъ на выходца изъ могилы. Онъ заговорилъ о предметахъ, не имѣющихъ никакой связи съ обсуждавшимися здѣсь вопросами, разсказывалъ ни для *кого не интересныя* длинныя исторіи, и недоумѣніе слуша-

телей возрастало все больше и больше. Боньморъ вспоминалъ свою молодость, разсказывалъ о смерти своихъ дядей, раздавленныхъ обваломъ въ Ворё, потомъ перешелъ къ женѣ, умершей отъ воспаленія въ груди... Наконецъ, онъ заговорилъ о стачкѣ. Это дѣло никогда не шло хорошо и никогда не пойдетъ... Вотъ точно также ихъ собралось въ лѣсу пятьсотъ человѣкъ, когда они требовали уменьшенія количества рабочихъ часовъ... Но Боньморъ вдругъ оборвалъ начатый разсказъ и перешелъ уже къ другой, когда-то бывшей на его вѣку, стачкѣ: онъ уже столько ихъ видалъ! Всѣ онѣ обсуждались подъ этими деревьями,—здѣсь, на прогалинѣ Планъ-де-Дамъ; тамъ, на Шарбоннери; еще дальше—около Со-дю-Ту... Иногда бывало очень морозно, иногда—очень жарко, а одинъ разъ пошелъ такой сильный дождь, что они принуждены были разойтись, не порѣшивъ ни на чемъ.

— Мы поднимали вотъ такъ руки вверхъ и клялись не приниматься за работу, пока не согласятся на наши требованія... И я клялся, ахъ, и я клялся!..

Слушателями начинало овладѣвать тяжелое, непріятное чувство. Этьенъ, слѣдившій за этою сценою, поспѣшилъ тоже вскочить на срубленное дерево и сталъ рядомъ со старикомъ. Онъ увидѣлъ Шаваля, стоявшаго теперь въ первыхъ рядахъ, и мысль, что тутъ же должна быть и Катерина, воодушевила его. Ему страстно захотѣлось добиться на ея глазахъ новыхъ, еще болѣе восторженныхъ аплодисментовъ толпы.

— Товарищи! Передъ вами находится одинъ изъ нашихъ старѣйшихъ рабочихъ! Вы слышали, что̀ выстрадалъ онъ, и тѣ же страданія предстоятъ и нашимъ дѣтямъ, если мы не устроимся иначе.

Никогда еще рѣчь его не отличалась такою силою. Поддерживая одною рукою Боньмора, онъ указывалъ на него, какъ на знамя,—знамя нищеты и скорби. Этьенъ заговорилъ о Магѣ и въ короткихъ словахъ перечислилъ эту семью, сто лѣтъ отдававшую всѣ свои силы работѣ на копяхъ и, послѣ этой столѣтней работы, оставшуюся все таки голодною и нищею. Рядомъ съ этою семьею онъ ставилъ разжирѣвшихъ членовъ правленія, изъ толстыхъ кармановъ которыхъ деньги катятся, какъ съ другихъ людей катится потъ,—ставилъ акціонеровъ, живущихъ уже столѣтіе на содержаніи, какъ про-

дажныя женщины, ровно ничего не дѣлая. Не ужасно ли это, что цѣлое поколѣніе,—отцы и дѣти,—умираетъ съ голоду, роясь подъ землею, ради того только, чтобы небольшая кучка другихъ людей жирѣла, праздно сидя передъ огнемъ своихъ каминовъ? Этьенъ изучилъ подкашивающія углекоповъ болѣзни и теперь перечислилъ ихъ съ ужасающими подробностями: малокровіе, золотуха, бронхитъ, удушье, ревматизмъ, отъ котораго отнимаются члены. Но углекопъ пересталъ уже быть невѣждой, животнымъ, полузадавленнымъ въ нѣдрахъ земли; цѣлая армія выростаетъ изъ глубины копей, готовится жатва гражданъ, зерно которыхъ уже зрѣетъ и въ одинъ солнечный день появится на поверхности земли. Тогда узнаютъ, можно ли, послѣ сорокалѣтняго тяжелаго труда человѣка,—шестидесятилѣтняго старика, отхаркивающаго постоянно угольную пыль, со сведенными ревматизмомъ ногами,—можно ли осмѣлиться предложить ему сто пятьдесятъ франковъ пенсіи! О, трудъ потребуетъ отчета у капитала, у этого безличнаго бога, невѣдомаго рабочему, притаившагося гдѣ-то въ таинственной скиніи!

Этьенъ умолкъ, но его протянутая въ пространство рука все еще указывала на врага, таившагося гдѣ-то тамъ, вдали. На этотъ разъ въ толпѣ поднялся такой шумъ, что буржуа въ Монсу услышали его и съ безпокойствомъ посмотрѣли по направленію къ Вандамскому лѣсу, предполагая, что на какихъ нибудь копяхъ произошелъ ужасный обвалъ. Птицы взлетѣли надъ деревьями и поднялись къ безконечному, ясному небу.

Теперь Этьенъ рѣшился поставить необходимые вопросы.

— Товарищи, на чемъ же рѣшите вы? Хотите ли вы продолжать стачку?

— Да, да! кричала толпа.

— Что же вы думаете дѣлать? Наше пораженіе несомнѣнно, если подлецы примутся за работу.

Раздался грозный, какъ дыханіе бури, крикъ:

— Смерть подлецамъ!

— Вы постановляете призвать ихъ къ исполненію долга и данной ими клятвы... Вотъ что мы можемъ сдѣлать: мы можемъ явиться на копи, образумить нашимъ появленіемъ измѣнниковъ и показать компаніи, что мы всѣ стоимъ заодно *рѣшившись* лучше умереть, чѣмъ уступить.

— Да, да! на копи, на копи!

Этьенъ все время искалъ глазами Катерину, всматриваясь въ мелькавшія передъ нимъ лица, облитыя луннымъ свѣтомъ, но ея, какъ видно, не было на сходкѣ. Зато онъ постоянно видѣлъ Шаваля, подсмѣивавшагося, пожимавшаго плечами, снѣдаемаго ревностью и готоваго продать себя, чтобы только добиться хоть частицы популярности Этьена.

— И если среди насъ, товарищи, есть шпіоны, продолжалъ Этьенъ,—то пусть они берегутся, такъ какъ ихъ знаютъ... Да, я вижу здѣсь вандамскихъ углекоповъ, которые не оставляли работы на своихъ копяхъ...

— Ты это на мой счетъ говоришь? съ хвастливою угрозою спросилъ Шаваль.

— Все равно, на чей бы счетъ я ни говорилъ... Но такъ какъ ты самъ напрашиваешься на отвѣтъ, то я тебѣ скажу, что ты, кажется, самъ бы долженъ былъ понять, что сытымъ нечего дѣлать среди голодныхъ. Ты работаешь на копяхъ Жанъ-Баръ...

Чей-то насмѣшливый голосъ перебилъ его:

— О, работаетъ онъ?.. У него есть женщина, которая за него работаетъ.

Кровь бросилась въ лице Шаваля, и онъ выругался.

— Nom de Dieu! Такъ, стало быть, работать запрещено?

— Да! закричалъ Этьенъ.—Когда товарищи терпятъ нужду ради общаго блага, то каждому человѣку запрещается быть эгоистомъ и лицемѣромъ и поддерживать хозяевъ. Еслибы всѣ рабочіе забастовали, то мы давно бы уже побѣдили... Когда въ Монсу забастовали, развѣ осмѣлился хоть одинъ человѣкъ продолжать работу въ Вандамѣ? Вся сила въ томъ, чтобы работа прекратилась повсемѣстно,—какъ здѣсь, такъ и у господина Деполена... Слышишь ли ты? Всѣ рабочіе на копяхъ Жанъ-Баръ—измѣнники!

Послышались угрозы Шавалю, поднялись кулаки, раздались крики: „Убить его! Убить!“ Онъ помертвѣлъ отъ страха, но страстное желаніе восторжествовать надъ Этьеномъ внушило ему мысль, неожиданную для него самого. Онъ поднялъ голову и крикнулъ такъ громко, что заставилъ ревѣвшую толпу выслушать его.

— Да выслушайте же меня!.. Приходите завтра на копи

Жанъ-Баръ, и вы увидите,—работаю ли я! Мы заодно съ вами, и меня прислали сюда сказать вамъ это. Нужно загасить огонь подъ паровыми котлами и заставить машинистовъ тоже забастовать. Тѣмъ лучше, если помпы остановятся: вода разрушитъ копи и все рухнетъ!

Онъ, въ свою очередь, добился отъ толпы самыхъ неистовыхъ аплодисментовъ, и съ этой минуты Этьенъ отошелъ уже на задній планъ. Ораторы всходили одинъ за другимъ на стволъ дерева и, среди оглушительнаго гама, предлагали самыя свирѣпыя мѣры. Людьми овладѣло какое-то безуміе; имъ надоѣло дожидаться обѣщаннаго имъ чуда, и они принимались наконецъ вызывать его. Спокойная луна обливала своимъ свѣтомъ эту волнующуюся толпу, и грозные крики замирали въ глубокой тишинѣ густаго лѣса. Могучія деревья съ ихъ развѣсистыми вѣтвями, чернѣвшими въ ясномъ небѣ, не замѣчали и не слышали копошащихся подъ ними жалкихъ созданій.

Толпа оттѣснила Магё къ ея мужу, и они оба, — выброшенные изъ ихъ обычной спокойной колеи тѣмъ ожесточеніемъ, которое постепенно разжигалось въ нихъ обстоятельствами,— поддерживали теперь Левака, грозившаго смертью инженерамъ. Пьерронъ исчезъ. Старики Бонъморъ и Мукъ говорили разомъ, предлагая какія-то неясныя и грозныя мѣры, которыхъ никакъ нельзя было понять. Захарій, ради шутки, требовалъ разрушенія церквей, а его пріятель Мукъ стучалъ палкою о землю, единственно только затѣмъ, чтобы еще болѣе увеличить шумъ. Жена Левака, подбоченясь, сцѣпилась съ Филоменою, упрекая ее въ томъ, что та сейчасъ хохотала; Брюле, увидѣвшая Лидію безъ корзинки и безъ салата, надавала ей пощечинъ и теперь грозила кулаками въ пространство, мысленно раздавая затрещины всѣмъ ненавистнымъ ей буржуа, которыхъ она желала бы держать въ своихъ рукахъ. Жанлинъ, одно время, было примолкъ: Беберъ сообщилъ ему полученное отъ одного мальчика извѣстіе, что госпожа Рассенёръ видѣла, какъ они утащили ея кролика. Затѣмъ, порѣшивъ выпустить украдкой полузамученное животное у дверей кабака Авантажъ, Жанлинъ принялся орать еще громче, вытащилъ свой новый ножъ и размахивалъ имъ, наслаждаясь блескомъ лезвія.

— *Товарищи!* Товарищи! кричалъ выбившійся изъ силъ и

охрипшій Этьенъ, стараясь хоть на минуту возстановить тишину, чтобы окончательно сговориться.

Наконецъ толпа стихла.

— Товарищи! Завтра утромъ на копи Жанъ-Баръ! Это рѣшено?

— Да, да, на копи Жанъ-Баръ!.. Смерть измѣнникамъ!

Вопль этихъ трехъ тысячъ голосовъ, какъ ураганъ, пронесся въ воздухѣ и замеръ въ вышинѣ, озаренной яркимъ свѣтомъ луны.

Конецъ четвертой части.

Въ лѣсу.

Заря лучемъ своимъ румянымъ
Вершины бора ужь зажгла,
А здѣсь внизу, въ тиши глубокой,
Царитъ еще ночная мгла.

И даже въ полдень недоступна
Лучамъ нѣмая глубина:
Она священнымъ полумракомъ,
Какъ храмъ молитвенный, полна.

Какъ въ немъ, здѣсь суетныя думы
И страсти гаснутъ,—и покой
Всецѣло вдругъ овладѣваетъ
Твоей измученной душой.

И въ ней проходятъ, словно тѣни,
Однѣ отрадныя мечты,
И если вспомнишь жизнь былую,
То какъ чужую вспомнишь ты.

Н. Иваницкій.

ТѢНИ И ПЯТНА ПЕТЕРБУРГСКОЙ НРАВСТВЕННОСТИ.

II.

Пьянство и разгулъ.

Въ послѣднее время очень много слышалось указаній и жалобъ на русское народное пьянство, но ламентаціи эти не отличались доказательностью. Попытокъ точнаго, обоснованнаго изученія даннаго явленія въ широкомъ масштабѣ очень мало, да и достаточно полныхъ свѣдѣній для того нѣтъ у насъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ Вольно-Экономическомъ обществѣ, при обсужденіи вопроса о народномъ пьянствѣ, въ виду его угрожающихъ размѣровъ, возникла мысль о необходимости статистики пьянства, такъ какъ безъ ея пособія нельзя-де составить опредѣленнаго сужденія ни о дѣйствительномъ объемѣ пьянства, ни о томъ—увеличивается-ли оно въ народѣ, или уменьшается.

Мысль высказана была вѣрная, но съ той поры для ея осуществленія ничего почти не сдѣлано. И—можетъ быть—къ лучшему, потому что статистика, при ея крайней неполнотѣ у насъ и фантастичности, въ данномъ случаѣ—мечъ обоюдоострый:—все зависитъ оттого, чьи руки и для какой цѣли стали бы ее обрабатывать, ради извлеченія подходящихъ тенденціозныхъ выводовъ? Вникнувъ въ дѣло, должно признать, что пьянство и разгулъ принадлежатъ къ тѣмъ явленіямъ общественной нравственности, которыя менѣе всего доступны счету и точному изученію. Опыты въ этомъ отношеніи всегда были рискованны и вели къ совершенно невѣрнымъ заключеніямъ, которыя, однако-жъ, нерѣдко клались въ основаніе разныхъ рѣшительныхъ мѣропріятій по сокращенію народнаго пьянства, по обыкновенію, не оказывавшихъ на практикѣ ровно никакого цѣлесообразнаго дѣйствія.

Обыкновенно, мѣриломъ пьянства принимается число питейныхъ заведеній и количество потребляемаго въ странѣ вина. Мѣрило это, претендующее на статистическую достовѣрность, крайне грубо и не можетъ служить посылкой для сколько нибудь вѣрнаго и толковаго вывода. Между тѣмъ, наши „печальники горя народ-

наго", какъ офиціальные, такъ и вольнопрактикующіе, въ святой вѣрѣ, что стоитъ только сократить число мѣстъ питейной продажи, какъ тотчасъ же сократится и пьянство,—съ гражданскимъ пыломъ проповѣдывали и проповѣдуютъ до сихъ поръ елико возможное ограниченіе и уничтоженіе кабаковъ. Разумѣется, бытіе такого учрежденія, какъ кабакъ, не стоитъ защиты, но очень не мудро, проповѣдуя его сокращеніе, на этомъ одномъ исчерпывать весь вопросъ о пьянствѣ и о мѣрахъ уменьшенія послѣдняго. И однако-жъ, дальше и глубже мы не идемъ! Даже приснопамятное совѣщаніе „свѣдущихъ людей", много и краснорѣчиво разсуждавшихъ о народномъ пьянствѣ и объ его сокращеніи, ничего замысловатѣе и радикальнѣе по рѣшенію этого вопроса не умудрилось придумать. Въ томъ же смыслѣ, многократно и повсемѣстно принимались и практическія мѣры, выражавшіяся, напр., въ пресловутыхъ и потерявшихъ нынѣ всякій кредитъ мірскихъ приговорахъ объ упраздненіи кабаковъ и о зарокѣ не пить, въ административныхъ ограниченіяхъ числа питейныхъ заведеній въ городахъ, въ усугубленіи надзора за ними и проч.

Курьезнѣе всего то, что цифры, которыми наши „печальники" подкрѣпляютъ свою теорію народнаго отрезвленія, при толковомъ съ ними обращеніи, или говорятъ противъ основательности этой теоріи, или ровно ничего не говорятъ для яснаго представленія о вопросѣ. Такъ, достойно вниманія, что, какъ разъ въ періодъ наиболѣе рьяной тревоги о чрезмѣрности народнаго пьянства, сопровождавшейся, по обыкновенію, требованіями уменьшить число кабаковъ, въ надеждѣ уменьшить мѣру выпиваемаго народомъ спирта,—въ дѣйствительности и число питейныхъ домовъ вообще, и количество потребляемаго вина не только не увеличились, но значительно упали. А именно: съ 1863 по 1867 г. всѣхъ кабаковъ въ Россіи было 149,000; въ слѣдующее затѣмъ пятилѣтіе, съ 1868 по 1872 г. (включительно) ихъ уже считалось 136,000, а съ 1872 по 1877 г., въ наибольшій разгаръ трезвенной проповѣди противъ кабаковъ, число послѣднихъ само собой чрезвычайно понизилось, дойдя до 98,000. Еще разительнѣе, въ этомъ отношеніи, цифры средняго потребленія вина въ нашемъ отечествѣ за тѣ же періоды. Оказывается, что потребленіе это за помянутое пятнадцатилѣтіе уменьшилось болѣе чѣмъ на *десять* процентовъ, какъ-то: съ 1863 по 1867 г. на каждаго человѣка приходилось сорокаградуснаго вина 0,84 ведра, съ 1867 по 1872 г. уже—0,76 ведра, а съ 1872 по 1877 г. потребленіе пало до 0,73 ведра. Цифры эти взяты изъ офиціальныхъ источниковъ и вполнѣ достовѣрны. Изъ ихъ обзора *мы узнаёмъ*, между прочимъ, что за послѣднее время чрезвычайно

возвысился только акцизъ за вино. Въ первой половинѣ 60-хъ годовъ, каждая ревизская душа, въ среднемъ разсчетѣ, платила государству за право пользованія спиртными напитками 1 р. 80 коп., а къ 1877-му году налогъ этотъ возросъ до 2 р. 30 коп. съ души. Выходитъ, что народъ сталъ—не пить больше, а только платить больше за питье.

Такова статистическая справка, діаметрально противоположная, по своимъ выводамъ, воплямъ отрезвителей о чрезмѣрномъ, будто бы, умноженіи кабаковъ, способствующихъ излишнему потребленію народомъ хмѣльнаго зелья. Но, съ другой стороны, было бы очень рискованно основывать на этой справкѣ и оптимистическое заключеніе, что народное пропойство у насъ уменьшается только потому, что уменьшилось число питейныхъ домовъ и количество потребленія вина. Говоря строго, рѣшенія этого вопроса и за и противъ одинаково гадательны, потому что, повторяю, достаточныхъ данныхъ для того или другаго твердаго вывода въ наличности не имѣется. Одно только можно утвердительно сказать, что въ среднемъ разсчетѣ русскій человѣкъ, не смотря на свою историческую репутацію „питуха“, на самомъ дѣлѣ пьетъ гораздо меньше, чѣмъ наиболѣе трезвые культурные европейцы. Это фактъ, вполнѣ соотвѣтствующій установленному наукой положенію, что средняя данная потребленія алкоголя, какъ кофе и чая, служитъ вѣрнымъ мѣриломъ культурнаго благосостоянія страны. Чѣмъ богаче и культурнѣе страна, тѣмъ больше выпивается въ ней вина, и это вовсе не значитъ, чтобы въ ней и пьяницъ было больше, чѣмъ гдѣ нибудь.

Сравнительная незначительность средняго потребленія у насъ вина указываетъ на бѣдность народа, и еслибы оно еще уменьшалось, какъ свидѣтельствуютъ вышеприведенныя цифры, это былъ бы очень печальный признакъ пущаго обѣдненія народа. Мы однако-жъ сомнѣваемся, чтобы это было такъ. Вѣроятно, показанное офиціальной статистикой уменьшеніе—фиктивное, и произошло отъ того, что съ чрезмѣрнымъ возвышеніемъ акциза, какъ это всегда бываетъ, сильно увеличилось потребленіе корчемнаго вина, ускользнувшаго отъ фиска. Во всякомъ случаѣ, изъ всѣхъ этихъ свѣдѣній нельзя извлечь никакого достовѣрнаго заключенія о томъ—уменьшается ли, или увеличивается въ народѣ пьянство? Этого никто не знаетъ въ точности. Знаемъ мы только всѣ, по личнымъ наблюденіямъ и по журнальнымъ свѣдѣніямъ, что пьянство у насъ несомнѣнно существуетъ, и пьянство „безумное“, какъ мѣтко назвалъ его покойный Кошелевъ, хорошо изучившій эту нашу національную слабость.

Впрочемъ, гораздо раньше Кошелева характеризовалъ такъ наше народное пьянство и проницательно опредѣлилъ его причину Юрій Крижаничъ. „Мелкіе люди, — говоритъ онъ, — чуть ли не всегда лишены напитковъ, и оттого дѣлаются чрезмѣрно жадны на питье, безстыдны и почти бѣшены, такъ что какую ни подашь большую посуду съ виномъ, они считаютъ за заповѣдь божію и государеву выпить ее въ одинъ духъ". Кошелевъ, въ своей статьѣ „О мѣрахъ къ сокращенію пьянства", только дополняетъ и развиваетъ эту картину. „Нашъ народъ,—пишетъ онъ, — пилъ и пьетъ безумно, но не много, и больше всего съ горя, по потребности хотя въ винѣ обрѣсти забвеніе дѣйствительнаго своего положенія. Въ другихъ странахъ—въ Германіи, Швеціи, Даніи, даже въ бывшемъ Царствѣ Польскомъ пьютъ вина гораздо больше, чѣмъ у насъ. Между тѣмъ, тамъ рѣдко увидишь пьянаго, а у насъ, во время храмовыхъ праздниковъ, на свадьбахъ, на масляницѣ, на свѣтлой недѣлѣ и на базарахъ—пьяные валяются всюду. Слѣдовательно, не вина выпивается у насъ много, а безумно оно пьется."

Самъ народъ нашъ, съ отличающимъ его здравомысліемъ, хорошо сознаетъ эту особенность своего питья и порицаетъ ее въ себѣ. Намъ лично не разъ случалось слышать отъ петербургскихъ простолюдиновъ сѣтованіе на этотъ счетъ.

— Пить мы не умѣемъ!—говорятъ они, разумѣя подъ *умѣньемъ* питье постоянное, но умѣренное, разсудительное, для подкрѣпленія силъ, для веселья сердца.

И это на самомъ дѣлѣ такъ. Слывущіе за такихъ отчаянныхъ пьяницъ, столичные рабочіе всякихъ профессій—въ большинствѣ пьютъ рѣдко и немного. Обыкновенно они, за рѣдкими исключеніями, въ теченіе недѣли, въ будни, вовсе не употребляютъ вина: но зато съ субботы на воскресенье, по окончаніи работъ и съ полученіемъ недѣльнаго заработка, исключеніе составляетъ такой рабочій, который не напился бы мертвецки. Въ воскресенье пьянство продолжается, и ошалѣвшій отъ него рабочій не успѣваетъ отрезвиться и въ понедѣльникъ, который, поэтому, посвящается „опохмѣленію" и именуется въ доморощенномъ календарѣ, не безъ юмора, „маленькимъ воскресеньемъ". Это—характерная сдѣлка съ совѣстью. Пьянство въ воскресный день рабочій считаетъ дѣломъ естественнымъ и законнымъ, видитъ въ этомъ какъ бы свое право, добытое мозольнымъ трудомъ, но понедѣльничное похмѣлье лежитъ уже на его совѣсти и—вотъ, чтобы обмануть ее, онъ сочиняетъ продолженіе праздничнаго дня подъ названіемъ „маленькаго воскресенья".

Неумѣнье пить ведетъ нерѣдко къ тому, что рабочій безпросыпно „запиваетъ“ и пьянствуетъ до тѣхъ поръ, пока не спуститъ въ кабакъ все, что̀ имѣетъ, чуть не до послѣдней рубахи. Ни долгъ семьянина передъ женой и дѣтьми и никакія другія обязательства самой первостепенной важности его не сдерживаютъ. Все идетъ прахомъ въ этомъ пароксизмѣ безумія. И такова нравственная зыбкость и безхарактерность рабочаго въ большинствѣ случаевъ, что онъ самъ не знаетъ, какъ и когда приключится съ нимъ этотъ бѣшеный пароксизмъ, а если и знаетъ и сознаётъ его гибельность, то рѣшительно не имѣетъ воли обуздать себя Какъ ребенокъ, онъ въ этихъ случаяхъ нуждается въ посторонней опекѣ и охотно ей подчиняется. Такую опеку берутъ на себя, обыкновенно матери, жены, дѣти у рабочихъ семейныхъ. Въ Петербургѣ весьма обыденна такая картина: — въ разсчетные дни, преимущественно по субботамъ, у фабрикъ и ремесленныхъ заведеній, гдѣ нибудь у воротъ, на дворѣ или на лѣстницѣ, къ тому часу, когда рабочіе оканчиваютъ занятія и получаютъ заработокъ, собираются группы женщинъ и ребятъ, съ озабоченными, тревожными лицами, и терпѣливо, иногда на жестокомъ холодѣ, напр., зимою, топчутся на одномъ мѣстѣ нѣсколько часовъ. Это—все матери, жены и иныя родственницы рабочихъ, согнанныя сюда страхомъ, что ихъ „кормильцы“, получивъ заработокъ, неровенъ часъ—„запьютъ“ и оставятъ ихъ голодать. И вотъ онѣ ихъ подстерегаютъ, съ тѣмъ чтобы отвести домой, точно выпущенныхъ изъ пансіона малолѣтковъ, и во всякомъ случаѣ отнять у нихъ заработанныя деньги или хоть часть ихъ. Происходитъ грустно-комическая сцена. Женщины бросаются на рабочихъ, тащатъ ихъ за собой и настойчиво требуютъ выдачи заработка, а если тѣ упираются или стараются утаить часть денегъ—безъ церемоніи выворачиваютъ у нихъ карманы и производятъ обыскъ. Обыкновенно рабочіе добродушно покоряются этой родственно-полицейской ферулѣ, въ сознаніи, что безъ нея имъ трудно было бы устоять противъ искушенія и не „запить“, очертя голову.

О слабости простаго русскаго человѣка къ злоупотребленію спиртными напитками существуетъ два коренныхъ мнѣнія. Народолюбцы объясняютъ и оправдываютъ ее „горемъ народнымъ“, бѣдностью и истомой отъ тяжелаго, неблагодарнаго труда, суровой неприглядностью всей жизни; моралисты же крѣпостническаго закала приписываютъ пьянство въ народѣ его распущенности, дикости, нерадѣнію и губительной свободѣ. Оба эти мнѣнія теоретичны и тенденціозны, а потому въ большей или меньшей степени

невѣрны — особенно послѣднее. Притомъ же, городское пьянство весьма существенно разнится отъ деревенскаго.

Если говорить о стимулахъ, толкающихъ человѣка къ чаркѣ, то у городскаго, въ особенности у петербургскаго простолюдина, они совсѣмъ не тѣ, что̀ у деревенскаго. Городской рабочій пьянствуетъ въ большинствѣ случаевъ вовсе не „съ горя", обусловливаемаго голодомъ, нуждой, разореніемъ, гнетомъ и т. под. Высшее, отвлеченное понятіе гражданскаго „горя", конечно, очень рѣдко имѣетъ здѣсь мѣсто, какъ не часты и такіе случаи, чтобы занятый дѣломъ рабочій, здоровый и работящій, не имѣлъ сноснаго удовлетворенія своихъ потребностей и нуждъ. Средній заработокъ петербургскаго фабричнаго, ремесленнаго и, вообще, промышленнаго рабочаго, на мѣрку крестьянскихъ потребностей, довольно высокъ. Въ столицѣ существуетъ масса интеллигентныхъ тружениковъ, „либеральныхъ" и такъ называемыхъ „чистыхъ" профессій, напр., мелкихъ чиновниковъ и писцовъ, домашнихъ учителей и учительницъ, „выходныхъ" актеровъ, хористовъ и т. д., которые получаютъ за свой трудъ, въ сложности, никакъ не больше, а во многихъ случаяхъ значительно меньше того, что̀ заработываютъ мастеровые и фабричные. Кто не знаетъ по наглядньмъ примѣрамъ, что столичные лакеи, кучера, кухарки и горничныя, говоря вообще, гораздо болѣе обезпечены матеріально, гораздо больше получаютъ, чѣмъ, напр., многіе дипломированные педагоги, репетиторы, учителя и гувернантки, пробавляющіеся частными уроками?

Мы думаемъ, что главной причиной пьянства городскаго промышленно-рабочаго класса служатъ крайняя его неразвитость и некультурность, для сглаживанія которыхъ у насъ такъ мало дѣлается въ просвѣтительномъ духѣ. Человѣкъ — не машина, ему нужна смѣна впечатлѣній, отдыхъ послѣ работы, развлеченіе послѣ дѣла. У людей интеллигентныхъ имѣются для этой цѣли книги, музеи, театры, танцы, музыка, общественныя собранія всякаго рода, игры и пр. У простолюдина почти нѣтъ ничего этого, но что̀ всего хуже—въ немъ нѣтъ еще ни потребности, ни вкуса къ этимъ вещамъ или, во всякомъ случаѣ, они въ немъ крайне ограничены, грубы и вполнѣ зачаточны. Ни книгъ онъ не читаетъ, ни на „семейно-танцовальные вечера" не ходитъ, ни театрами и музеями не развлекается, — есть ли они на свѣтѣ, нѣтъ ли, ему ни горя, ни радости. Онъ глухъ и слѣпъ для всего, чѣмъ особенно красна и отрадна европейская культура—для наслажденій сокровищами искусства и мысли, прелестями общежитія. И чтобы сдѣлать его *гражданиномъ* этого духовнаго міра, чтобы пробудить въ немъ че-

ловѣческую душу-живу, у насъ ничего не дѣлается, и — это еще на лучшій конецъ, потому что дѣвственная темнота несравненно лучше того бросоваго, фальшиваго „образованія", котораго набирается простолюдинъ въ столицѣ, тѣхъ грубыхъ, ядовитыхъ суррогатовъ духовно-эстетической пищи, которые ему предлагаютъ балаганный театръ, трактиръ, танцкласссъ и кафе-шантанъ, рыночная литература и уличная журналистика, съ ихъ растлѣвающими перлами, въ родѣ „Разбойниковъ Чуркиныхъ" и порнографическихъ романовъ.

Хотя всѣ эти деморализующіе суррогаты получили въ послѣднее время уже значительное распространеніе въ низшемъ классѣ городскаго населенія, однако-жъ, до общедоступности и популярности классическаго кабака имъ еще далеко. Большинство столичныхъ рабочихъ коротаютъ свои досуги въ кабакахъ и трактирахъ, и въ ихъ стѣнахъ исчерпываютъ весь кругъ своихъ запросовъ по части эстетики и общежитія, если не считать аналогичныхъ заключительныхъ оргій въ трущобныхъ притонахъ разврата. Кабакъ и водка потому предпочитаются, что они дешевы и, при ихъ посредствѣ, всего проще, скорѣе и цѣлесообразнѣе достигается желанное раздражительное забытье, т. е. „пьяная дурость", по меткому старинному выраженію, въ чаду которой и заключается для грубой натуры высшее наслажденіе.

Страсть рабочаго къ алкоголю и къ излишеству въ его потребленіи объясняется въ значительной степени самимъ бытомъ ремесленниковъ и фабричныхъ, условіями ихъ труда и жизни. Нужно вѣдь сказать, что, напр., фабричный трудъ — трудъ жестокій во всѣхъ отношеніяхъ. Хуже всего, что онъ превращаетъ человѣка въ машину и закабаляетъ его машинѣ. Потомъ, вслѣдствіе крайняго раздѣленія труда, производство фабрикатовъ не представляетъ для рабочаго никакого интереса, не возбуждаетъ въ немъ ни ума, ни воображенія, а — напротивъ — отупляетъ и убиваетъ. Отсюда—страшное, томительное однообразіе и въ трудѣ, и во всемъ жизненномъ порядкѣ фабричнаго. Въ такой-то часъ онъ, по свистку фабрики, встаетъ, принимается за одно и то же постылое дѣло, не имѣющее для него ни смысла, ни пользы; по свистку ѣстъ и пьетъ, по свистку кончаетъ день, въ теченіе котораго, часовъ 12 подъ-рядъ, онъ обязанъ былъ совершать, не покладая рукъ, какую нибудь несложную автоматическую работу... И такъ безъ перерыва—цѣлые годы, часто лучшіе годы молодости! Удивительно ли, что въ здоровомъ человѣкѣ, отбывшемъ недѣльный срокъ безъ отдыха въ роли безсмысленной машины, является жадная потребность новыхъ рѣзкихъ ощущеній и какой нибудь безотлагательной,

сильной первной встряски. Потребность такая вполнѣ естественна и—не вина рабочаго, что ему негдѣ и нечѣмъ ее удовлетворить, кромѣ кабака и одуряющаго хмѣльнаго зелья.

Да, можетъ быть, и на степени болѣе высокаго умственнаго развитія фабричный рабочій все таки отдавалъ бы предпочтеніе, передъ всякими „облагораживающими“ развлеченіями,—трактиру и спиртному отравленію, благодаря именно обезчеловѣчивающему вліянію всего фабричнаго режима, ненормальность котораго давно уже сознана. Приглядѣвшись къ этому режиму и къ его деморализующему дѣйствію на рабочихъ, видя, какъ они, по окончаніи работъ на фабрикѣ, въ праздничные дни наполняютъ кабаки и трактиры, напиваются, шатаются и развратничаютъ, графъ Л. Н. Толстой, въ своей статьѣ „Жизнь въ городѣ“, высказалъ на этотъ счетъ такое скорбно-правдивое замѣчаніе: „Я прежде,—говоритъ онъ,—видалъ такія шатанья фабричныхъ и гадливо сторонился отъ нихъ и чуть не упрекалъ ихъ; но съ тѣхъ поръ какъ я слышу каждый день фабричные свистки (графъ разумѣетъ символизируемую этими свистками дѣйствительность) и знаю ихъ значеніе, я удивляюсь только тому, что не всѣ они, мужчины, приходятъ въ то состояніе золоторотцевъ, которыми полна Москва, а женщины—въ положеніе „дѣвки“, промышляющей уличнымъ развратомъ.“

Кромѣ указаннаго вліянія фабрично-промышленнаго порядка, на городскаго и особенно столичнаго рабочаго дѣйствуютъ также сильно, развращающимъ образомъ, многочисленные соблазны—грубые и отталкивающіе на болѣе изысканный вкусъ, но неотразимо плѣнительные для неизбалованнаго удобствами и роскошью „сына природы“, выросшаго въ суровой, неприглядной деревенской обстановкѣ. Послѣ курной избы, послѣ житья въ тѣснотѣ и нечисти, на чердакахъ или въ подвалахъ, послѣ томительной казенщины фабричной обстановки, трактиръ, съ его „машиной“, наигрывающей веселые мотивы изъ оперетокъ, съ его дешевымъ комфортомъ и гостепріимной угодливостью, съ его настойками, „селянками“ и всякими разносолами, для неприхотливаго рабочаго—своего рода эльдорадо, рай земной, тѣмъ болѣе обольстительный, что въ немъ онъ чувствуетъ себя, какъ дома, да и въ самомъ дѣлѣ, ни въ какія болѣе опрятныя, болѣе благородныя увеселительныя учрежденія для простолюдина нѣтъ доступа. Выше и дальше трактира ему идти некуда для пріятнаго препровожденія времени. Въ Петербургѣ почти всѣ мѣста для собраній „чистой“ публики: *клубы*, театры (кромѣ „райка“), увеселительные сады (напр., *Лѣтній*) совершенно недоступны для обывателя въ „русскомъ платьѣ“,

т. е. для такого обывателя, который носитъ обличье „мужика", а еслибы онъ сунулъ туда носъ, то рисковалъ бы также жестоко поплатиться, какъ поплатился однажды покойный Рѣшетниковъ, вздумавшій въ „русскомъ" простонародномъ костюмѣ проникнуть на какой-то публичный концертъ.

Нигдѣ въ Петербургѣ не сосредоточено такого множества трактировъ, кабаковъ и всякихъ другихъ гостепріимныхъ притоновъ, какъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ скучивается промышленно-рабочій классъ населенія. Мы это говоримъ на основаніи статистическихъ справокъ. Такимъ образомъ, рабочій, по окончаніи трудовой недѣли, выйдя изъ фабрики или мастерской, съ заработкомъ въ карманѣ, сразу попадаетъ какъ бы въ заколдованный кругъ соблазна и искушенія. Каждая встрѣчная на пути его уличная дверь есть не дверь, а—„входъ въ заведеніе", каждое окно сверкаетъ веселыми огнями, сквозь нихъ волною несется забористый грохотъ „машины", скрипящее тиликанье гармоники, удалая пѣсня, шумъ, говоръ, смѣхъ... Словомъ, тутъ праздникъ жизни,— положимъ, фальшивый, искусственный, съ тяжелымъ похмѣльемъ,—но простой человѣкъ, измаянный, утомленный и отупѣвшій отъ фабричной каторги, не станетъ вдаваться въ анализъ и разбирать—добро или худо сдѣлаетъ онъ для себя, окунувшись въ этотъ разставленный на его пути омутъ, который съ такой гостепріимной наглостью хватаетъ его за полы изъ каждой двери, соблазнительно манитъ со стѣнъ пышно-расписанными вывѣсками, канальски мигаетъ ему изъ оконъ, сладко шепчетъ изъ каждой щели о блаженствѣ разгула и забытья?.. А тутъ товарищи-собутыльники, зазнобы-„душеньки" или расхожія уличныя сирены, обыкновенно во множествѣ бродящія въ такихъ мѣстностяхъ и усердно, насчетъ увлекаемыхъ ими рабочихъ, поддерживающія комерцію кабаковъ и трактировъ, нерѣдко по заранѣе слаженному уговору съ кабачиками. Какъ тутъ устоять и не запутаться въ этой сѣти искушеній, подзадориваній и огульной взаимной поблажки всей окружающей среды?

Устоять тѣмъ труднѣе, что русскій человѣкъ вообще податливъ, слабохарактеренъ по натурѣ и плохо воспитанъ въ нравственныхъ правилахъ, а русскій простолюдинъ, кромѣ того, вслѣдствіе своей некультурности, очень терпимъ и снисходителенъ къ „пьяному образу" на людяхъ и не очень стыдится его въ самомъ себѣ. Напиться „мертвецки" и въ такомъ безобразномъ состояніи выйти „гулять" на улицу, чертить по ней „мыслете" и, въ заключеніе, лечь костьми гдѣ нибудь подъ заборомъ, съ тѣмъ чтобы вытрезвиться въ „кутузкѣ" на попеченіи блюстительнаго началь-

ства,—перспектива самая обычная и ровно ничего позорнаго въ себѣ не заключающая въ глазахъ большинства „мужичковъ". Погулялъ человѣкъ, выпилъ лишнее — что̀ за грѣхъ! У молодыхъ парней, только что начинающихъ запивать, въ этомъ заключается даже особенный „форсъ", щегольство, какъ это не разъ случалось намъ не безъ удивленія наблюдать. Бываетъ, что человѣкъ совсѣмъ ужь не въ такой мѣрѣ пьянъ, чтобы шататься и безобразничать, а между тѣмъ плететъ ногами въ растерзанномъ видѣ, оретъ не своимъ голосомъ, задѣваетъ прохожихъ, валится въ грязь, и все это для того, чтобы похвастать, какъ-де добрый молодецъ урѣзалъ хватски, „погулялъ", отличился на всю улицу... Это своего рода хлестаковщина, художественная игра въ молодецкую удаль, въ „пьяную дурость", въ фанфаронскій „куражъ". Повадка эта очень характеристическая и могла явиться только въ такой средѣ, гдѣ личность человѣческая вѣками принижалась и забивалась рабствомъ и произволомъ всякаго сорта.

Между тѣмъ, эти-то шатающіяся по улицамъ, въ пьяномъ образѣ, фигуры обыкновенно принимаются на поверхностный взглядъ, за жестокихъ, закоренѣлыхъ пропойцъ и, по нимъ, по ихъ виду и числу, составляется наглядное представленіе о народномъ пьянствѣ, какъ въ качественномъ, такъ и въ количественномъ отношеніяхъ. Дальше этого не идутъ наблюденія „свѣдущихъ людей". Въ дѣйствительности же, такая справка лишена всякой основательности, какъ результатъ своего рода оптическаго обмана.

Начать съ того, что среди этихъ шатающихся въ зазорномъ видѣ гулякъ очень рѣдко встрѣчается настоящій, заправскій пьянчуга. На это указываетъ уже самое ихъ состояніе—неумѣнье остановиться на роковой, съ ногъ сшибающей чаркѣ, соблюсти себя и охранить отъ позора и всѣхъ непріятныхъ послѣдствій „безчувственности" на улицѣ. Опытный, впившійся пропойца никогда не доходитъ до такихъ крайностей, до такого „безумія". Онъ постоянно пьянъ, но—„въ препорцію", онъ пьетъ очень много, но—съ чувствомъ, толкомъ и разстановкой. Положительно, такіе спеціалисты составляютъ исключенье среди городскаго рабочаго населенія. Да и какой ужь изъ него рабочій, когда онъ постоянно „мокрый" и изображаетъ изъ себя какого-то ходячаго паралитика? Его никуда не пустятъ, ни на какую работу, и отовсюду станутъ гнать. Такихъ, совсѣмъ уже неисправимыхъ, потерянныхъ пьянчужекъ въ Петербургѣ много, но только не въ производящей промышленно-рабочей средѣ, а въ ея отбросѣ, комплектующемъ ряды „неблагонадежнаго" класса нищихъ, бродягъ, воришекъ и *иныхъ разновидностей* трущобной зоологіи. Есть ихъ немало

въ культурныхъ, болѣе или менѣе достаточныхъ слояхъ, но объ этихъ—послѣ.

Можно сказать опредѣлительно, что рабочіе и всякій иной дѣятельный промышленный людъ, въ массѣ, только по праздникамъ и пьютъ, т. е., точнѣе, „запиваютъ", потому что пить „не умѣютъ", а, дорвавшись до хмѣльнаго зелья, кончаютъ безмѣрнымъ опьяненіемъ со всѣми его безобразными послѣдствіями. Русскій простой человѣкъ „празднику радъ" и инымъ путемъ, кромѣ бражничества и загула, христіанской радости своей проявить не угораздился, по вышеуказаннымъ причинамъ. Оттого, чѣмъ больше и святѣе православный праздникъ, тѣмъ больше пьяныхъ на улицахъ, въ трактирахъ, на „народныхъ гуляньяхъ",—повсюду. Въ Петербургѣ есть такіе закоулки, гдѣ въ иной, особенно радостный праздникъ трудно встрѣтить трезваго человѣка. Все пьяно и, главное, безъ стѣсненій и церемоній лѣзетъ на глаза, галдитъ, шумитъ и дебоширствуетъ, дико бравируя своей хмѣльной срамотой, отъ степени искуснаго сокрытія которой и зависитъ въ сущности разница репутаціи, въ данномъ пунктѣ, высшихъ и низшихъ классовъ.

Отъ этого же зависитъ, между прочимъ, и цифра задерживаемыхъ полиціей пьяныхъ. Цифра эта, сравнительно, очень значительная и образуютъ ее исключительно простолюдины, притомъ—не закоренѣлые пьяницы, а по преимуществу праздничные кутилы. Вотъ любопытная вѣдомость за одиннадцатилѣтіе арестованныхъ полиціей пьяныхъ и „нарушителей" общественнаго порядка, который они попираютъ въ большинствѣ случаевъ, разумѣется, въ нетрезвомъ состояніи.

Годы.	Задерживалось: пьяныхъ.	нарушителей.
Въ 1867 . . .	26,646	4,199
„ 1868 . . .	32,217	7,001
„ 1869 . . .	34,622	5,566
„ 1870 . . .	23,693	5,423
„ 1871 . .	29,085	5,991
„ 1872 . . .	29,334	7,105
„ 1873 . . .	33,745	6,647
„ 1874 . . .	31,115	6,337
„ 1875 . . .	27,566	5,793
„ 1876 . . .	24,771	6,870
„ 1877 . . .	24,223	5,292

Среднимъ счетомъ, въ годъ подвергалось, значитъ, аресту за пьянство около 27,000, а за пьянство, сопряженное съ буйствомъ, около 6,000,—всего же 33,000 чел. Цифра эта весьма значительна

и постыдна для нравственной репутаціи столицы. Выходитъ, что за взятый промежутокъ времени ежегодно *одинъ* изъ 20-ти человѣкъ общаго числа населенія лишался свободы и попадалъ въ „кутузку“ за безобразное пьянство. Сколько же еще виновныхъ въ такомъ пьянствѣ избѣгало блюстительныхъ рукъ полиціи! Но вопросъ въ томъ—можно ли приведенную цифру принимать за точный указатель развитія пьянства въ Петербургѣ? Нѣкоторые моралисты въ такомъ именно смыслѣ и обращаются съ нашей статистикой пьянства, но, кажется, мы достаточно доказали здѣсь, что всѣ подобнаго рода наблюденія и цифры свидѣтельствуютъ не мѣру дѣйствительнаго пропойства и число дѣйствительныхъ пьяницъ, а лишь степень неумѣнья простолюдина пить, не напиваясь до безчувствія, и своевременно уединяться въ неприличномъ пьяномъ видѣ. Такимъ образомъ, и приведенная здѣсь цифра арестуемыхъ пьяницъ поучительна лишь, какъ указатель крайней некультурности рабочей среды и грубости ея нравовъ, а отнюдь не размѣра самаго пьянства. Значительность ея объясняется еще тѣмъ обстоятельствомъ, что рабочій привыкъ (да ему иначе и неудобно) напиваться всенародно въ трактирахъ и кабакахъ, откуда обыкновенно, когда онъ до послѣдняго гроша пропьется и окончательно захмѣлѣетъ,—его безъ церемоніи выталкиваютъ на улицу, прямо, такъ сказать, въ объятія блюстительныхъ стражей.

Въ опредѣленіи пьянства существенное значеніе имѣютъ,—какъ его спеціальныя послѣдствія,—случаи нарушенія общественнаго порядка и алкоголизма, но значеніе скорѣе качественное, чѣмъ количественное. Мы видѣли, что въ Петербургѣ, по свѣдѣніямъ полиціи, за обозрѣваемый періодъ задерживалось ежегодно до 6-ти тысячъ лицъ, изобличавшихся въ нарушеніи тишины и порядка, и—какъ нужно полагать—въ нетрезвомъ, большею частью, состояніи. Безъ сомнѣнія, въ дѣйствительности такихъ нарушеній происходитъ несравненно больше, такъ какъ нетрезвое состояніе, по натурѣ своей вообще, а на Руси въ особенности, сопровождается сильнымъ возбужденіемъ въ человѣкѣ грубыхъ звѣриныхъ инстинктовъ.

Русское пьянство—шумное, буйное и драчливое. Русскій человѣкъ пьетъ хотя рѣдко, но метко—такъ метко, что о немъ всегда знаетъ цѣлая улица, и чтобы сладить съ нимъ, нужны сильныя мѣры укрощенія. Обыкновенно смирный и кроткій въ трезвомъ состояніи, въ подпитіи онъ развертывается и скандалезно импонируетъ своимъ буйствомъ требованіямъ общежитія и публичнаго благочинія, а то, случается, и оказываетъ сопротивленіе властямъ, даже ненарокомъ причиняетъ имъ „оскорбленіе“... Стихійный протестъ и горькая отрада раба, въ которомъ цѣлыми вѣками по

пиралось человѣческое достоинство! Поэты называли иногда это качество—русской широкой удалью... Богъ имъ судья! Криминалисты и моралисты XVII вѣка, можетъ быть, были ближе къ правдѣ, заклеймивъ это свойство русскаго хмѣля „пьяной дуростью".

Удаль эта или „дурость" очень неизобрѣтательна, но всегда необузданна и жестока въ нашемъ простолюдинѣ. Французы говорятъ, что „нѣтъ такой веселой бесѣды, которая не расходилась бы"... безъ ругани и драки—слѣдуетъ добавить въ русской редакціи этой поговорки. У насъ каждая пирушка, каждая пріятельская попойка неизбѣжно, такъ сказать, органически кончается ссорой, бранью и потасовкой, въ большинствѣ случаевъ, безъ всякихъ логическихъ основаній. Спросите передравшихся въ пьяномъ видѣ закадычныхъ пріятелей, когда они проспятся,—изъ-за чего это они растерзали другъ друга и изувѣчили;—они отвѣтятъ наивно-добродушнымъ недоумѣніемъ:—„Нечистый попуталъ", или еще лучше:—„Да это мы, *любя*, побаловали малость!" Дѣлу дается чаще всего такой смыслъ, и притомъ вполнѣ искренно, что—какая это была бы гулянка безъ драки, безъ дебоша, безъ „шабарши", по техническому термину кабака.

Что подпившіе добры-молодцы такимъ членовредительнымъ образомъ „балуются" между собою—это еще туда-сюда, но обыкновенно „пьяная дурость" разражается дикой, жестокой, омерзительной грозой на существахъ слабыхъ, не принимающихъ участія въ загулѣ,—на женщинахъ и дѣтяхъ. Можно утвердительно сказать, что бо̀льшая часть тѣхъ семейныхъ драмъ, тѣхъ свирѣпыхъ истязаній, а не то и убійствъ, которыя такъ нерѣдки въ простонародномъ быту и дѣлаютъ такою тяжкою и ужасною судьбу русской простой бабы,—совершаются въ чаду спиртныхъ паровъ. И безъ того деспотъ у себя дома, загулявшій буянъ совершенно сатанѣетъ и, естественно, ни на комъ другомъ нѣтъ ему столько простора и искушенія „побаловать", утолить свои расходившіеся звѣриные инстинкты, какъ на рабски закрѣпощенной ему, слабой и беззащитной женѣ.

Вообще пьянство, какъ это замѣчено криминалистами, особенно въ некультурной сферѣ, играетъ роль одного изъ существенныхъ стимуловъ дурной воли и темныхъ инстинктовъ, разнуздывающихся, подъ вліяніемъ вина, до насилій и преступленій. Прямыхъ и точныхъ статистическихъ указаній на это не имѣется, но нѣтъ недостатка въ косвенныхъ и наглядныхъ. Извѣстно—какъ мы говорили выше—что у насъ въ низшихъ классахъ пьютъ, т. е. пьянствуютъ преимущественно на праздникахъ, и чѣмъ торжественнѣе чѣмъ продолжительнѣе праздникъ, тѣмъ безумнѣе и ужаснѣе

пьянство. Впрочемъ, такой вакханальный характеръ носили народные праздники съ незапамятныхъ временъ и не у насъ однихъ, если уже библейскій Богъ, устами псалмопѣвца, сказалъ: „Праздниковъ вашихъ ненавидитъ душа моя и кадило ваше есть мерзость предо мною!“ Въ такомъ же прямомъ отношеніи къ праздникамъ находится и развитіе всяческой человѣческой „мерзости“— преступленій, насилій, нарушеній тишины и благочинія, раздоровъ, разврата и т. д., а также и физическихъ немощей, увѣчій и всякихъ, по полицейскому термину, „несчастныхъ происшествій“. Въ итогѣ—чѣмъ важнѣе праздникъ Господень, тѣмъ неукротимѣе пьянство и, слѣдовательно, тѣмъ больше грѣха и всякой богомерзкой скверны совершается людьми. Это можно принять за аксіому— очень обидную, правда, для человѣческой логики и нравственности. Ее хорошо сознавали и чувствовали уже наши мудрые предки, кратко и сильно формулировавъ въ знаменитомъ „Стоглавѣ“ съ такой выразительностью: „Праздньство бо и піанство всему злу начало есть и погубленіе“...

Въ Петербургѣ указанное значеніе праздниковъ — наглядное, само по себѣ, для всякаго очевидца—выражается прежде всего на числѣ арестовъ. Такъ, напримѣръ, въ 1869 г. maximum ежедневныхъ арестовъ доходилъ до 1,030 чел., „бо̀льшую часть которыхъ, по словамъ полицейскаго отчета, составляли пьяные“. За весь же этотъ годъ, всѣхъ пьяныхъ было задержано 34,622, что̀, въ среднемъ годичномъ разсчетѣ, составляло менѣе 100 чел. въ день, слѣдовательно, слишкомъ въ *десять* разъ менѣе вышеприведеннаго maximum'а арестовъ, приходившагося, безъ всякаго сомнѣнія, на праздничные дни. На основаніи сдѣланной выкладки (къ сожалѣнію, за другіе годы полицейскіе отчеты не даютъ этихъ подробностей), можно принять за приблизительную норму, что во время большихъ праздниковъ въ Петербургѣ задерживается за пьянство 1 изъ 660 жителей ежедневно, тогда какъ въ будни всего—1 изъ 6,700 жит. Разница достаточно внушительная безъ коментарій! Вѣроятно, въ такой же пропорціи праздничное время относится къ будничному и по числу проступковъ и преступленій. Во всякомъ случаѣ, слѣдуетъ предположить, что изъ всѣхъ побужденій въ преступленіяхъ противъ благочинія и отчасти противъ личности нетрезвое состояніе должно занимать первенствующее мѣсто. И поэтому-то на большихъ праздникахъ, когда такъ много пьяныхъ и когда пьянство доходитъ до такого изступленія, полиція едва успѣваетъ справляться со всенародными буянами, скандалистами, драчунами и прямыми преступниками. Довольно пробѣжать публикуемый въ полицейской газетѣ „дневникъ происшествій“ за эти

дни, постоянно изъ года въ годъ поражающіе чрезмѣрнымъ обиліемъ всякаго рода безобразій, несчастій и преступныхъ дѣяній.

Очень назидательныя имѣются указанія на растлѣвающее дѣйствіе пьянства вообще и праздничнаго въ особенности, по одной деликатной сторонѣ петербургской нравственности. Статистическимъ путемъ дознано, что въ средней годичной пропорціи самый бо̀льшій процентъ внѣбрачныхъ зачатій приходится на время праздничныхъ вакханалій. „Вліяніе праздниковъ, — говорится въ трудахъ центральнаго статистическаго комитета,—такъ велико (въ данномъ отношеніи), что выдвигаетъ количествомъ незаконнорожденныхъ такіе мѣсяцы, которые для всѣхъ вообще рожденій стоятъ на самомъ заднемъ планѣ". Комитетъ разумѣетъ наши большіе, годовые праздники—рождество Христово и пасху. По его вычисленію, оказывается, что самый бо̀льшій процентъ внѣбрачныхъ зачатій выпадаетъ на мѣсяцы: январь (9,5), апрѣль (9,2), май (8,5), и т. д. Менѣе всего грѣхопаденій и прелюбодѣяній происходитъ въ лѣтніе и осенніе мѣсяцы, когда большихъ праздниковъ не бываетъ и, слѣдовательно, не бываетъ слишкомъ большаго повальнаго пьянства.

Степень деморализующаго вліянія праздничнаго пьянства и разгула, въ данномъ отношеніи, можетъ быть обозначена еще кое-какими небезъинтересными цифрами. У насъ имѣется статистика врачебно-полицейскихъ освидѣтельствованій падшихъ женщинъ (т. е. профессіональныхъ проститутокъ) за три года (1869—1871 гг.). И здѣсь оказывается, что самая большая масса освидѣтельствованій и—въ то же время—заболѣваній „секретной" болѣзнью выпадаетъ на мѣсяцы, въ которые бываютъ большіе праздники. По среднему разсчету за трехлѣтіе, такихъ освидѣтельствованій происходило ежегодно до 125 т., и изъ этой цифры на праздничный сезонъ (съ конца декабря по апрѣль) выпадало болѣе одной трети, а равномѣрно былъ высокъ за эти мѣсяцы и процентъ заболѣваній. Отношеніе это ясно указываетъ, что во время праздничнаго разгула сильно увеличивается число падшихъ женщинъ, промышляющихъ своимъ тѣломъ, соотвѣтственно, разумѣется, оживленію спроса на этотъ „товаръ" и вообще на развратъ.

Вліяніе пьянства на заболѣваніе и на смертность опять таки всего нагляднѣе выражается у насъ на праздникахъ. Замѣчено, что ни въ какое другое время не бываетъ столько скоропостижныхъ смертей, какъ именно въ дни, посвященные праздничному ликованію. Мрутъ люди совершенно неожиданно и отнюдь не драматично въ большинствѣ случаевъ. Смерть застигаетъ ихъ на улицѣ, въ публичныхъ мѣстахъ, въ трактирѣ, въ гостяхъ, нерѣдко въ

самый патетическій моментъ угощенія и возліянія. Чаще всего это—классическій „неизвѣстный мужчина“ болѣе или менѣе неприличнаго вида, о которомъ жизнеописатель только и можетъ сказать:—жилъ-былъ человѣкъ, взялъ, да и умеръ... Вѣчная ему память! Мрутъ скоропостижно тѣ, что̀ „смертно пьютъ“, по старинному выраженію, т. е., *опившіеся*. Высчитано, что въ Россіи ежегодно до смерти опивается около 2,000 чел. или, приблизительно, 1 на 50 т. чел. Въ Петербургѣ же, въ частности, по вычисленію извѣстнаго д-ра Гюбнера, ежегодно умирало, за обозрѣваемый нами періодъ, скоропостижно отъ пьянства болѣе 170 чел. (до 140 мужчинъ и 30 женщинъ), что̀ на 670 т. жит. составляло несравненно болѣе грозную и скандалезную пропорцію, а именно: 1 случай на 3.300 жит., приблизительно! Тотъ же изслѣдователь высчиталъ, что въ Петербургѣ бывало ежегодно 6,436 случаевъ заболѣванія отъ „отравленія спиртомъ“. Въ однихъ столичныхъ больницахъ лѣчится ежегодно до 2,500 алкоголиковъ, изъ коихъ умираетъ 4,3%. Какъ ни велики однако приведенныя цифры смертельныхъ „опитій“ и случаевъ алкоголизма въ Петербургѣ,—онѣ только указываютъ на свирѣпость пьянства періодическаго, именно праздничнаго, а не на его хроничность и тягучесть, если можно такъ выразиться. Это подтверждаетъ отчасти распредѣленіе алкоголиковъ по сезонамъ. Такъ, оказывается, что maximum ихъ приходится на весну, когда бываетъ пасха, а иногда и масляница. Подобное же отношеніе замѣчается и въ распредѣленіи внезапныхъ смертей отъ пьянства. Напр., съ марта по іюнь опивалось до 55 чел., а съ іюля по сентябрь около 35. Слѣдовало бы еще остановиться на вліяніи—весьма ощутительномъ—пьянства на статистику сумашествій и самоубійствъ, но объ этомъ мы будемъ имѣть случай говорить въ особомъ этюдѣ, посвященномъ спеціально данной области общественной патологіи.

Разсмотрѣли мы здѣсь посильно общую картину пьянства и, въ частности, „народное“ пьянство петербургскаго плебея; въ слѣдующій разъ мы познакомимъ читателей съ пьянствомъ болѣе или менѣе культурнымъ, съ разгуломъ представителей классовъ болѣе просвѣщенныхъ, болѣе изысканныхъ.

В. Михневичъ.

ФИЛИСТЕРЫ.

РОМАНЪ

Германа **Шульце-Делича.**

I.

По передовымъ возвышенностямъ постепенно поднимающагося горнаго склона проходитъ дорога, ведущая въ главный городъ провинціи. На томъ мѣстѣ, гдѣ она образуетъ многочисленныя извилины, спускаясь съ крутизны, въ одно воскресное утро остановилась почтовая карета. Оттуда ловко выпрыгнулъ молодой человѣкъ, пожелавшій пройти пѣшкомъ остальную часть пути. Онъ быстро вскарабкался на край обрыва, чтобы полюбоваться живописнымъ видомъ. Все вокругъ, насколько можно было окинуть взглядомъ, цвѣло и зеленѣло, утопая въ яркомъ сіяніи весенняго солнца. Рѣка, выступая въ этомъ мѣстѣ изъ узкой лощины, разливалась на просторѣ у подножія горы, виноградныя лозы обвивали скалистые склоны съ южной и восточной стороны, между тѣмъ какъ вершины горъ были увѣнчаны прекраснымъ буковымъ лѣсомъ. На заднемъ планѣ этого ландшафта, на довольно высокой равнинѣ, раскинулся городъ, а мѣстечко съ минеральными водами, разроставшееся съ каждымъ годомъ, поднялось на самый склонъ горы. Путешественникъ долго не могъ оторваться отъ этой картины. Наконецъ онъ спустился со скалистаго обрыва, и едва успѣлъ дойти до первыхъ дачъ, какъ въ одномъ палисадникѣ послышались громкіе голоса:

— Вотъ онъ! воскликнулъ какой-то молодой человѣкъ, заглядывая черезъ заборъ.

— Правда! подтвердилъ другой, но куда-же онъ помчался, очертя голову? Эй, Функъ, остановись! послушай, Функъ!

Услышавъ свое имя, пріѣзжій съ удивленіемъ обернулся и узналъ въ подбѣжавшемъ къ нему человѣкѣ своего товарища Гуго, работавшаго съ нѣкотораго времени при городской юстицъ-коллегіи, куда онъ самъ былъ недавно прикомандированъ для даль-

нѣйшей подготовки къ государственной службѣ. Молодые люди дружески обнялись, послѣ чего пріѣзжій съ возраставшимъ удивленіемъ поздоровался съ другимъ, также подошедшимъ къ нему, господиномъ.

— Эбергардъ, ты ли это? Скажите, ради Бога, какъ мы могли такъ неожиданно встрѣтиться?

Вскорѣ все объяснилось. Гуго, знавшій заранѣе о пріѣздѣ товарища, поджидалъ въ этомъ мѣстѣ почтовую карету; городскіе жители вообще охотно посѣщали въ теплое время года очаровательныя окрестности минеральныхъ водъ. Между тѣмъ, Эбергардъ, въ качествѣ врача жившій постоянно въ столицѣ, пріѣхалъ на воды съ нѣсколькими паціентами.

— Какъ недавно разстались мы послѣ окончанія университетскаго курса, началъ Гуго, а между тѣмъ какъ много воды утекло въ эти нѣсколько лѣтъ!

— Я ужасно радъ видѣть васъ обоихъ,замѣтилъ Функъ:—мнѣ такъ надоѣло жить въ нашемъ захолустьѣ! А теперь я буду опять вмѣстѣ съ вами и притомъ среди этой восхитительной природы! Мнѣ бы хотѣлось сейчасъ же отправиться гулять: намъ нужно такъ много передать другъ другу.

— Ну, нѣтъ, избави Богъ отъ твоихъ прогулокъ! возразилъ Гуго. Я вижу, что ты до сихъ поръ остался дикаремъ. но теперь тебѣ пора усвоить себѣ привычки культурнаго человѣка. Кромѣ того, сегодня именно такой день, когда ты можешь сразу познакомиться съ половиною состава коллегіи и увидѣть всю здѣшнюю аристократію. Мы распорядимся, чтобы кондукторъ сдалъ твои вещи въ гостинницу.

Гуго безъ всякихъ возраженій повелъ туда пріѣзжаго товарища, между тѣмъ какъ Эбергардъ простился съ ними, чтобы идти къ больнымъ. Молодые люди непринужденно болтали между собою, разглядывая другъ друга.

— Ты вовсе не измѣнился! воскликнулъ Гуго, пожимая руку товарища.

— Я думаю, братъ, что это рѣшительно все равно, возразилъ тотъ,—только бы зерно оставалось такимъ, какъ было прежде, а оболочка дѣло не важное.

Внѣшность обоихъ товарищей служила коментаріемъ къ этимъ словамъ. Крѣпкая, мускулистая фигура Функа съ открытымъ лицомъ представляла рѣзкую противоположность съ высокимъ ростомъ,—стройной таліей и тонкими чертами его товарища, отличавшимися легкимъ отпечаткомъ ироніи. Между тѣмъ, наступило *время обѣда*, и Гуго повелъ пріѣзжаго въ столовую, куда собра-

лось много молодежи, по большей части изъ коллегіи. Общество было очень оживлено; между присутствующими завязался веселый споръ, потому что одинъ изъ гостей, необычайно тучный господинъ, настаивалъ на томъ, что сегодня необходимо устроить жженку, подкрѣпляя свое предложеніе всевозможными доводами.

— Вспомните, воскликнулъ онъ при входѣ Гуго съ товарищемъ, вспомните, что девятьсотъ лѣтъ назадъ въ этотъ день...

— Слушайте, господа, со смѣхомъ подхватили другіе, сегодня юбилей! Перестаньте, толстякъ; намъ давно извѣстенъ вашъ календарь!

Здѣсь Гуго представилъ Функа собравшемуся обществу. Многіе привѣтствовали его, какъ бывшаго товарища по академіи, что̀ послужило тучному Швундту основательнымъ поводомъ немедленно потребовать шампанскаго. Однако время проходило, а его требованіе не исполнялось. Нѣкоторые изъ присутствующихъ хотѣли сами распорядиться угощеніемъ. Всѣ принялись утверждать, что Швундъ много задолжалъ въ гостинницѣ и потому хозяинъ закрылъ ему кредитъ. Толстякъ сталъ размахивать руками, возражая на обидныя для него догадки, и наконецъ ему удалось перекричать поднявшійся въ залѣ шумъ.

— На что̀ желаете вы держать пари, что мое приказаніе будетъ исполнено? Я сейчасъ такъ проберу хозяина, что онъ сдѣлается у меня тише воды, ниже травы.

— Хорошо, воскликнули другіе, идетъ! посмотримъ, какъ ты задашь страху Герцфельду!

Вслѣдъ затѣмъ въ столовую вошелъ кельнеръ и въ замѣшательствѣ сказалъ, что хозяинъ исчезъ, неизвѣстно куда, и унесъ съ собою ключи.

— Попросите г. Герцфельда немедленно пожаловать къ намъ, замѣтилъ Швундъ рѣшительнымъ тономъ, мы его ждемъ.

Хозяинъ дѣйствительно явился и спросилъ, чего желаютъ его гости. Между тѣмъ Швундъ въ раздраженіи ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, какъ будто ему стоило большихъ усилій подавить свое справедливое негодованіе. Наконецъ онъ обратился къ трактирщику тономъ сдержаннаго гнѣва:

— Это вы сами выдумали такую штуку, Герцфельдъ, или въ дѣло вмѣшалась ваша глупая прислуга?

Однако хозяинъ не сдавался, стараясь уклониться отъ прямаго отвѣта.

— Тысячу разъ прошу извиненія, если въ чемъ нибудь не угодилъ вамъ, но я со дня на день жду присылки свѣжаго вина; теперь у меня осталось шампанское очень плохаго качества.

— Перестаньте болтать пустяки! прервалъ его Швундъ, наступая на трактирщика. Скажите мнѣ въ двухъ словахъ: получу я вино или нѣтъ?

Швундъ хорошо зналъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло. Осторожный, вѣжливый Герцфельдъ былъ совершенно неспособенъ къ рѣзкому отпору настоятельныхъ требованій. Кромѣ того, въ немъ глубоко вкоренилось расположеніе къ своему старѣйшему и постоянному посѣтителю. Послѣ минуты нерѣшительности, Герцфельдъ отправился съ кельнеромъ за виномъ. Вскорѣ на столѣ появились засмоленныя бутылки и бокалы. Между тѣмъ Швундъ, съ видомъ оскорбленнаго достоинства, бросилъ на столъ нѣсколько золотыхъ и сказалъ, обращаясь къ Герцфельду:

— Вотъ вамъ бездѣлица за шампанское, а завтра вы пришлете мнѣ счетъ.

Хозяинъ съ удивленіемъ смотрѣлъ то на своего гостя, то на золото, и въ его душѣ завязалась новая борьба. Однако Швундъ съумѣлъ такъ чувствительно задѣть его деликатность, что Герцфельдъ тотчасъ подавилъ свое корыстное движеніе и, отвернувшись отъ соблазнительныхъ золотыхъ монетъ, воскликнулъ:

— Не обижайте меня, пожалуйста, г. Швундъ! Распоряжайтесь, какъ вамъ угодно, всѣмъ, что̀ есть у меня въ домѣ, и не говорите ни про какіе счеты: время терпитъ. А васъ, Луи, я буду просить, чтобы подобныя вещи не повторялись, обратился онъ, выходя изъ залы, къ оторопѣвшему кельнеру.

Эта комедія развеселила всѣхъ присутствующихъ, и Гуго посовѣтовалъ Швунду заняться финансовыми предпріятіями, гдѣ его ловкость могла бы составить ему громадное состояніе. Между тѣмъ Швундъ хладнокровно забралъ обратно въ карманъ брошенное на скатерть золото.

— Глупому Герцфельду долго придется ждать уплаты, замѣтилъ онъ съ пренебреженіемъ, и общество не стало противорѣчить его словамъ.

Пробки полетѣли вверхъ; всѣ присутствующіе дружно чокались съ Функомъ и пили за его здоровье. Однако веселая компанія стала расходиться, что̀ сильно огорчило Швунда. Толстякъ принялся бранить своихъ собесѣдниковъ и выходилъ изъ себя. Гуго уговаривалъ его быть осторожнѣе послѣ ѣды, увѣряя, что онъ можетъ обратиться въ творогъ, если гнѣвъ бросится ему на жиръ.

— Убирайся прочь, искуситель! съ жаромъ возразилъ ему Швундъ. Кто, кромѣ тебя, выдумалъ разныя тонкости, прогулки *съ дамами*, собранія и т. п.? Вы ввели въ соблазнъ даже Либ-

мана, такъ что онъ замышляетъ въ настоящую минуту предательство и измѣну, только бы примкнуть къ вамъ.

Названный молодой человѣкъ въ замѣшательствѣ опустилъ глаза; онъ былъ новичокъ и съ величайшимъ уваженіемъ относился ко всякому слову предсѣдателя. Между тѣмъ Швундъ не спускалъ съ него испытующаго взгляда и продолжалъ:

— Признайтесь-ка, мой милый, въ своихъ грѣшныхъ намѣреніяхъ! Дайте взглянуть на себя: бѣлый жилетъ, нарукавники... Что это значитъ?.. Но я не хочу допустить подобной мысли... И ты, Брутъ!...

Съ этими словами тучный Швундъ такъ порывисто привлекъ къ себѣ сконфуженнаго Либмана, что облилъ шампанскимъ изъ своего стакана жабо и жилетъ молодаго человѣка. Общій хохотъ вывелъ жертву Швунда изъ терпѣнія. Нѣкоторые стали говорить, что сегодня его ждутъ у гофрата, и что ему пора идти. „Однако Либману невозможно показаться въ дамскомъ обществѣ въ такомъ туалетѣ“, возражали другіе. Дѣйствительно, костюмъ его былъ неприличенъ.

— Итакъ, я былъ правъ! торжественно воскликнулъ Швундъ, обращаясь къ Либману; но не жалѣй объ этомъ недостойномъ, дурацкомъ апаратѣ, добавилъ онъ, указывая на жилетъ, а лучше поблагодари своего добраго генія, который рукою твоего преданнаго друга избавилъ тебя отъ противнаго лѣченья теплой водою въ домѣ гофрата. Знай, что я спасъ тебя отъ неминуемой гибели.

Либманъ въ послѣдній разъ съ отчаяніемъ оглянулся на дверь, потомъ окинулъ грустнымъ взглядомъ свой пострадавшій костюмъ и безропотно покорился своей участи. Практическія утѣшенія Швунда въ видѣ бутылки шампанскаго и общество немногихъ избранныхъ, не измѣнившихъ культу Бахуса, скоро заставили молодаго человѣка забыть постигшую его неудачу. Большинство присутствующихъ однако ушло изъ гостинницы и между ними Гуго съ товарищемъ и еще съ другимъ господиномъ, слывшимъ подъ титуломъ барона, который нѣсколько высокомѣрно предложилъ представить въ домѣ гофрата пріѣзжаго Функа. Они отправились на ближайшую дачу, гдѣ жило аристократическое и высоко образованное семейство тайнаго совѣтника фонъ-Фюрстенштейна, состоявшее изъ отца, матери, двухъ дочерей и племянницы. Баронъ и Гуго были встрѣчены очень радушно, какъ старые знакомые; Функу былъ оказанъ также самый любезный пріемъ. Молодыя дѣвушки видимо обрадовались гостямъ. Пока семейство совѣтника разспрашивало ихъ о городскихъ новостяхъ, Функъ внимательно присмат-

и постыдна для нравственной репутаціи столицы. Выходитъ, что за взятый промежутокъ времени ежегодно *одинъ* изъ 20-ти человѣкъ общаго числа населенія лишался свободы и попадалъ въ „кутузку“ за безобразное пьянство. Сколько же еще виновныхъ въ такомъ пьянствѣ избѣгало блюстительныхъ рукъ полиціи! Но вопросъ въ томъ—можно ли приведенную цифру принимать за точный указатель развитія пьянства въ Петербургѣ? Нѣкоторые моралисты въ такомъ именно смыслѣ и обращаются съ нашей статистикой пьянства, но, кажется, мы достаточно доказали здѣсь, что всѣ подобнаго рода наблюденія и цифры свидѣтельствуютъ не мѣру дѣйствительнаго пропойства и число дѣйствительныхъ пьяницъ, а лишь степень неумѣнья простолюдина пить, не напиваясь до безчувствія, и своевременно уединяться въ неприличномъ пьяномъ видѣ. Такимъ образомъ, и приведенная здѣсь цифра арестуемыхъ пьяницъ поучительна лишь, какъ указатель крайней некультурности рабочей среды и грубости ея нравовъ, а отнюдь не размѣра самаго пьянства. Значительность ея объясняется еще тѣмъ обстоятельствомъ, что рабочій привыкъ (да ему иначе и неудобно) напиваться всенародно въ трактирахъ и кабакахъ, откуда обыкновенно, когда онъ до послѣдняго гроша пропьется и окончательно захмѣлѣетъ,—его безъ церемоніи выталкиваютъ на улицу, прямо, такъ сказать, въ объятія блюстительныхъ стражей.

Въ опредѣленіи пьянства существенное значеніе имѣютъ,—какъ его спеціальныя послѣдствія,—случаи нарушенія общественнаго порядка и алкоголизма, но значеніе скорѣе качественное, чѣмъ количественное. Мы видѣли, что въ Петербургѣ, по свѣдѣніямъ полиціи, за обозрѣваемый періодъ задерживалось ежегодно до 6-ти тысячъ лицъ, изобличавшихся въ нарушеніи тишины и порядка, и—какъ нужно полагать—въ нетрезвомъ, большею частью, состояніи. Безъ сомнѣнія, въ дѣйствительности такихъ нарушеній происходитъ несравненно больше, такъ какъ нетрезвое состояніе, по натурѣ своей вообще, а на Руси въ особенности, сопровождается сильнымъ возбужденіемъ въ человѣкѣ грубыхъ звѣриныхъ инстинктовъ.

Русское пьянство—шумное, буйное и драчливое. Русскій человѣкъ пьетъ хотя рѣдко, но метко—такъ метко, что о немъ всегда знаетъ цѣлая улица, и чтобы сладить съ нимъ, нужны сильныя мѣры укрощенія. Обыкновенно смирный и кроткій въ трезвомъ состояніи, въ подпитіи онъ развертывается и скандалезно импонируетъ своимъ буйствомъ требованіямъ общежитія и публичнаго благочинія, а то, случается, и оказываетъ сопротивленіе властямъ, даже ненарокомъ причиняетъ имъ „оскорбленіе“... Стихійный протестъ и горькая отрада раба, въ которомъ цѣлыми вѣками по-

пиралось человѣческое достоинство! Поэты называли иногда это качество—русской широкой удалью... Богъ имъ судья! Криминалисты и моралисты XVII вѣка, можетъ быть, были ближе къ правдѣ, заклеймивъ это свойство русскаго хмѣля „пьяной дуростью".

Удаль эта или „дурость" очень неизобрѣтательна, но всегда необузданна и жестока въ нашемъ простолюдинѣ. Французы говорятъ, что „нѣтъ такой веселой бесѣды, которая не расходилась бы"... безъ ругани и драки—слѣдуетъ добавить въ русской редакціи этой поговорки. У насъ каждая пирушка, каждая пріятельская попойка неизбѣжно, такъ сказать, органически кончается ссорой, бранью и потасовкой, въ большинствѣ случаевъ, безъ всякихъ логическихъ основаній. Спросите передравшихся въ пьяномъ видѣ закадычныхъ пріятелей, когда они проспятся,—изъ-за чего это они растерзали другъ друга и изувѣчили;—они отвѣтятъ наивно-добродушнымъ недоумѣніемъ:—„Нечистый попуталъ", или еще лучше:—„Да это мы, *любя*, побаловали малость!" Дѣлу дается чаще всего такой смыслъ, и притомъ вполнѣ искренно, что—какая это была бы гулянка безъ драки, безъ дебоша, безъ „шабарши", по техническому термину кабака.

Что подпившіе добры-молодцы такимъ членовредительнымъ образомъ „балуются" между собою—это еще туда-сюда, но обыкновенно „пьяная дурость" разражается дикой, жестокой, омерзительной грозой на существахъ слабыхъ, не принимающихъ участія въ загулѣ,—на женщинахъ и дѣтяхъ. Можно утвердительно сказать, что бо́льшая часть тѣхъ семейныхъ драмъ, тѣхъ свирѣпыхъ истязаній, а не то и убійствъ, которыя такъ нерѣдки въ простонародномъ быту и дѣлаютъ такою тяжкою и ужасною судьбу русской простой бабы,—совершаются въ чаду спиртныхъ паровъ. И безъ того деспотъ у себя дома, загулявшій буянъ совершенно сатанѣетъ и, естественно, ни на комъ другомъ нѣтъ ему столько простора и искушенія „побаловать", утолить свои расходившіеся звѣриные инстинкты, какъ на рабски закрѣпощенной ему, слабой и беззащитной женѣ.

Вообще пьянство, какъ это замѣчено криминалистами, особенно въ некультурной сферѣ, играетъ роль одного изъ существенныхъ стимуловъ дурной воли и темныхъ инстинктовъ, разнуздывающихся, подъ вліяніемъ вина, до насилій и преступленій. Прямыхъ и точныхъ статистическихъ указаній на это не имѣется, но нѣтъ недостатка въ косвенныхъ и наглядныхъ. Извѣстно—какъ мы говорили выше—что у насъ въ низшихъ классахъ пьютъ, т. е. пьянствуютъ преимущественно на праздникахъ, и чѣмъ торжественнѣе чѣмъ продолжительнѣе праздникъ, тѣмъ безумнѣе и ужаснѣе

пьянство. Впрочемъ, такой вакханальный характеръ носили народные праздники съ незапамятныхъ временъ и не у насъ однихъ, если уже библейскій Богъ, устами псалмопѣвца, сказалъ: „Праздниковъ вашихъ ненавидитъ душа моя и кадило ваше есть мерзость предо мною!“ Въ такомъ же прямомъ отношеніи къ праздникамъ находится и развитіе всяческой человѣческой „мерзости“— преступленій, насилій, нарушеній тишины и благочинія, раздоровъ, разврата и т. д., а также и физическихъ немощей, увѣчій и всякихъ, по полицейскому термину, „несчастныхъ происшествій“. Въ итогѣ—чѣмъ важнѣе праздникъ Господень, тѣмъ неукротимѣе пьянство и, слѣдовательно, тѣмъ больше грѣха и всякой богомерзкой скверны совершается людьми. Это можно принять за аксіому— очень обидную, правда, для человѣческой логики и нравственности. Ее хорошо сознавали и чувствовали уже наши мудрые предки, кратко и сильно формулировавъ въ знаменитомъ „Стоглавѣ“ съ такой выразительностью: „Празднъство бо и піанство всему злу начало есть и погубленіе“...

Въ Петербургѣ указанное значеніе праздниковъ — наглядное, само по себѣ, для всякаго очевидца—выражается прежде всего на числѣ арестовъ. Такъ, напримѣръ, въ 1869 г. maximum ежедневныхъ арестовъ доходилъ до 1,030 чел., „бо̀льшую часть которыхъ, по словамъ полицейскаго отчета, составляли пьяные“. За весь же этотъ годъ, всѣхъ пьяныхъ было задержано 34,622, что̀, въ среднемъ годичномъ разсчетѣ, составляло менѣе 100 чел. въ день, слѣдовательно, слишкомъ въ *десять* разъ менѣе вышеприведеннаго maximum'а арестовъ, приходившагося, безъ всякаго сомнѣнія, на праздничные дни. На основаніи сдѣланной выкладки (къ сожалѣнію, за другіе годы полицейскіе отчеты не даютъ этихъ подробностей), можно принять за приблизительную норму, что во время большихъ праздниковъ въ Петербургѣ задерживается за пьянство 1 изъ 660 жителей ежедневно, тогда какъ въ будни всего—1 изъ 6,700 жит. Разница достаточно внушительная безъ коментарій! Вѣроятно, въ такой же пропорціи праздничное время относится къ будничному и по числу проступковъ и преступленій. Во всякомъ случаѣ, слѣдуетъ предположить, что изъ всѣхъ побужденій въ преступленіяхъ противъ благочинія и отчасти противъ личности нетрезвое состояніе должно занимать первенствующее мѣсто. И поэтому-то на большихъ праздникахъ, когда такъ много пьяныхъ и когда пьянство доходитъ до такого изступленія, полиція едва успѣваетъ справляться со всенародными буянами, скандалистами, драчунами и прямыми преступниками. Довольно пробѣжать публи*куемый въ* полицейской газетѣ „дневникъ происшествій“ за эти

дни, постоянно изъ года въ годъ поражающіе чрезмѣрнымъ обиліемъ всякаго рода безобразій, несчастій и преступныхъ дѣяній.

Очень назидательныя имѣются указанія на растлѣвающее дѣйствіе пьянства вообще и праздничнаго въ особенности, по одной деликатной сторонѣ петербургской нравственности. Статистическимъ путемъ дознано, что въ средней годичной пропорціи самый бо̀льшій процентъ внѣбрачныхъ зачатій приходится на время праздничныхъ вакханалій. „Вліяніе праздниковъ, — говорится въ трудахъ центральнаго статистическаго комитета,—такъ велико (въ данномъ отношеніи), что выдвигаетъ количествомъ незаконнорожденныхъ такіе мѣсяцы, которые для всѣхъ вообще рожденій стоятъ на самомъ заднемъ планѣ". Комитетъ разумѣетъ наши большіе, годовые праздники—рождество Христово и пасху. По его вычисленію, оказывается, что самый бо̀льшій процентъ внѣбрачныхъ зачатій выпадаетъ на мѣсяцы: январь (9,5), апрѣль (9,2), май (8,5), и т. д. Менѣе всего грѣхопаденій и прелюбодѣяній происходитъ въ лѣтніе и осенніе мѣсяцы, когда большихъ праздниковъ не бываетъ и, слѣдовательно, не бываетъ слишкомъ большаго повальнаго пьянства.

Степень деморализующаго вліянія праздничнаго пьянства и разгула, въ данномъ отношеніи, можетъ быть обозначена еще кое-какими небезъинтересными цифрами. У насъ имѣется статистика врачебно-полицейскихъ освидѣтельствованій падшихъ женщинъ (т. е. профессіональныхъ проститутокъ) за три года (1869—1871 гг.). И здѣсь оказывается, что самая большая масса освидѣтельствованій и—въ то же время—заболѣваній „секретной" болѣзнью выпадаетъ на мѣсяцы, въ которые бываютъ большіе праздники. По среднему разсчету за трехлѣтіе, такихъ освидѣтельствованій происходило ежегодно до 125 т., и изъ этой цифры на праздничный сезонъ (съ конца декабря по апрѣль) выпадало болѣе одной трети, а равномѣрно былъ высокъ за эти мѣсяцы и процентъ заболѣваній. Отношеніе это ясно указываетъ, что во время праздничнаго разгула сильно увеличивается число падшихъ женщинъ, промышляющихъ своимъ тѣломъ, соотвѣтственно, разумѣется, оживленію спроса на этотъ „товаръ" и вообще на развратъ.

Вліяніе пьянства на заболѣваніе и на смертность опять таки всего нагляднѣе выражается у насъ на праздникахъ. Замѣчено, что ни въ какое другое время не бываетъ столько скоропостижныхъ смертей, какъ именно въ дни, посвященные праздничному ликованію. Мрутъ люди совершенно неожиданно и отнюдь не драматично въ большинствѣ случаевъ. Смерть застигаетъ ихъ на улицѣ, въ публичныхъ мѣстахъ, въ трактирѣ, въ гостяхъ, нерѣдко въ

самый патетическій моментъ угощенія и возліянія. Чаще всего это—классическій „неизвѣстный мужчина“ болѣе или менѣе неприличнаго вида, о которомъ жизнеописатель только и можетъ сказать:—жилъ-былъ человѣкъ, взялъ, да и умеръ... Вѣчная ему память! Мрутъ скоропостижно тѣ, что̀ „смертно пьютъ“, по старинному выраженію, т. е., *опившіеся*. Высчитано, что въ Россіи ежегодно до смерти опивается около 2,000 чел. или, приблизительно, 1 на 50 т. чел. Въ Петербургѣ же, въ частности, по вычисленію извѣстнаго д-ра Гюбнера, ежегодно умирало, за обозрѣваемый нами періодъ, скоропостижно отъ пьянства болѣе 170 чел. (до 140 мужчинъ и 30 женщинъ), что̀ на 670 т. жит. составляло несравненно болѣе грозную и скандалезную пропорцію, а именно: 1 случай на 3,300 жит., приблизительно! Тотъ же изслѣдователь высчиталъ, что въ Петербургѣ бывало ежегодно 6,436 случаевъ заболѣванія отъ „отравленія спиртомъ“. Въ однихъ столичныхъ больницахъ лѣчится ежегодно до 2,500 алкоголиковъ, изъ коихъ умираетъ 4,3%. Какъ ни велики однако приведенныя цифры смертельныхъ „опитій“ и случаевъ алкоголизма въ Петербургѣ,—онѣ только указываютъ на свирѣпость пьянства періодическаго, именно праздничнаго, а не на его хроничность и тягучесть, если можно такъ выразиться. Это подтверждаетъ отчасти распредѣленіе алкоголиковъ по сезонамъ. Такъ, оказывается, что maximum ихъ приходится на весну, когда бываетъ пасха, а иногда и масляница. Подобное же отношеніе замѣчается и въ распредѣленіи внезапныхъ смертей отъ пьянства. Напр., съ марта по іюнь опивалось до 55 чел., а съ іюля по сентябрь около 35. Слѣдовало бы еще остановиться на вліяніи—весьма ощутительномъ—пьянства на статистику сумашествій и самоубійствъ, но объ этомъ мы будемъ имѣть случай говорить въ особомъ этюдѣ, посвященномъ спеціально данной области общественной патологіи.

Разсмотрѣли мы здѣсь посильно общую картину пьянства и, въ частности, „народное“ пьянство петербургскаго плебея; въ слѣдующій разъ мы познакомимъ читателей съ пьянствомъ болѣе или менѣе культурнымъ, съ разгуломъ представителей классовъ болѣе просвѣщенныхъ, болѣе изысканныхъ.

В. Михневичъ.

ФИЛИСТЕРЫ.

РОМАНЪ

Германа **Шульце-Делича.**

I.

По передовымъ возвышенностямъ постепенно поднимающагося горнаго склона проходитъ дорога, ведущая въ главный городъ провинціи. На томъ мѣстѣ, гдѣ она образуетъ многочисленныя извилины, спускаясь съ крутизны, въ одно воскресное утро остановилась почтовая карета. Оттуда ловко выпрыгнулъ молодой человѣкъ, пожелавшій пройти пѣшкомъ остальную часть пути. Онъ быстро вскарабкался на край обрыва, чтобы полюбоваться живописнымъ видомъ. Все вокругъ, насколько можно было окинуть взглядомъ, цвѣло и зеленѣло, утопая въ яркомъ сіяніи весенняго солнца. Рѣка, выступая въ этомъ мѣстѣ изъ узкой лощины, разливалась на просторѣ у подножія горы, виноградныя лозы обвивали скалистые склоны съ южной и восточной стороны, между тѣмъ какъ вершины горъ были увѣнчаны прекраснымъ буковымъ лѣсомъ. На заднемъ планѣ этого ландшафта, на довольно высокой равнинѣ, раскинулся городъ, а мѣстечко съ минеральными водами, разроставшееся съ каждымъ годомъ, поднялось на самый склонъ горы. Путешественникъ долго не могъ оторваться отъ этой картины. Наконецъ онъ спустился со скалистаго обрыва, и едва успѣлъ дойти до первыхъ дачъ, какъ въ одномъ палисадникѣ послышались громкіе голоса:

— Вотъ онъ! воскликнулъ какой-то молодой человѣкъ, заглядывая черезъ заборъ.

— Правда! подтвердилъ другой, но куда-же онъ помчался, очертя голову? Эй, Функъ, остановись! послушай, Функъ!

Услышавъ свое имя, пріѣзжій съ удивленіемъ обернулся и узналъ въ подбѣжавшемъ къ нему человѣкѣ своего товарища Гуго, работавшаго съ нѣкотораго времени при городской юстицъ-коллегіи, куда онъ самъ былъ недавно прикомандированъ для

нѣйшей подготовки къ государственной службѣ. Молодые люди дружески обнялись, послѣ чего пріѣзжій съ возраставшимъ удивленіемъ поздоровался съ другимъ, также подошедшимъ къ нему, господиномъ.

— Эбергардъ, ты ли это? Скажите, ради Бога, какъ мы могли такъ неожиданно встрѣтиться?

Вскорѣ все объяснилось. Гуго, знавшій заранѣе о пріѣздѣ товарища, поджидалъ въ этомъ мѣстѣ почтовую карету; городскіе жители вообще охотно посѣщали въ теплое время года очаровательныя окрестности минеральныхъ водъ. Между тѣмъ, Эбергардъ, въ качествѣ врача жившій постоянно въ столицѣ, пріѣхалъ на воды съ нѣсколькими паціентами.

— Какъ недавно разстались мы послѣ окончанія университетскаго курса, началъ Гуго, а между тѣмъ какъ много воды утекло въ эти нѣсколько лѣтъ!

— Я ужасно радъ видѣть васъ обоихъ,замѣтилъ Функъ:—мнѣ такъ надоѣло жить въ нашемъ захолустьѣ! А теперь я буду опять вмѣстѣ съ вами и притомъ среди этой восхитительной природы! Мнѣ бы хотѣлось сейчасъ же отправиться гулять: намъ нужно такъ много передать другъ другу.

— Ну, нѣтъ, избави Богъ отъ твоихъ прогулокъ! возразилъ Гуго. Я вижу, что ты до сихъ поръ остался дикаремъ, но теперь тебѣ пора усвоить себѣ привычки культурнаго человѣка. Кромѣ того, сегодня именно такой день, когда ты можешь сразу познакомиться съ половиною состава коллегіи и увидѣть всю здѣшнюю аристократію. Мы распорядимся, чтобы кондукторъ сдалъ твои вещи въ гостинницу.

Гуго безъ всякихъ возраженій повелъ туда пріѣзжаго товарища, между тѣмъ какъ Эбергардъ простился съ ними, чтобы идти къ больнымъ. Молодые люди непринужденно болтали между собою, разглядывая другъ друга.

— Ты вовсе не измѣнился! воскликнулъ Гуго, пожимая руку товарища.

— Я думаю, братъ, что это рѣшительно все равно, возразилъ тотъ,—только бы зерно оставалось такимъ, какъ было прежде, а оболочка дѣло не важное.

Внѣшность обоихъ товарищей служила коментаріемъ къ этимъ словамъ. Крѣпкая, мускулистая фигура Функа съ открытымъ лицомъ представляла рѣзкую противоположность съ высокимъ ростомъ,—стройной таліей и тонкими чертами его товарища, отличавшимися легкимъ отпечаткомъ ироніи. Между тѣмъ, наступило *время обѣда*, и Гуго повелъ пріѣзжаго въ столовую, куда собра-

лось много молодежи, по большей части изъ коллегіи. Общество было очень оживлено; между присутствующими завязался веселый споръ, потому что одинъ изъ гостей, необычайно тучный господинъ, настаивалъ на томъ, что сегодня необходимо устроить жженку, подкрѣпляя свое предложеніе всевозможными доводами.

— Вспомните, воскликнулъ онъ при входѣ Гуго съ товарищемъ, вспомните, что девятьсотъ лѣтъ назадъ въ этотъ день...

— Слушайте, господа, со смѣхомъ подхватили другіе, сегодня юбилей! Перестаньте, толстякъ; намъ давно извѣстенъ вашъ календарь!

Здѣсь Гуго представилъ Функа собравшемуся обществу. Многіе привѣтствовали его, какъ бывшаго товарища по академіи, что̀ послужило тучному Швунду основательнымъ поводомъ немедленно потребовать шампанскаго. Однако время проходило, а его требованіе не исполнялось. Нѣкоторые изъ присутствующихъ хотѣли сами распорядиться угощеніемъ. Всѣ принялись утверждать, что Швундъ много задолжалъ въ гостинницѣ и потому хозяинъ закрылъ ему кредитъ. Толстякъ сталъ размахивать руками, возражая на обидныя для него догадки, и наконецъ ему удалось перекричать поднявшійся въ залѣ шумъ.

— На что̀ желаете вы держать пари, что мое приказаніе будетъ исполнено? Я сейчасъ такъ проберу хозяина, что онъ сдѣлается у меня тише воды, ниже травы.

— Хорошо, воскликнули другіе, идетъ! посмотримъ, какъ ты задашь страху Герцфельду!

Вслѣдъ затѣмъ въ столовую вошелъ кельнеръ и въ замѣшательствѣ сказалъ, что хозяинъ исчезъ, неизвѣстно куда, и унесъ съ собою ключи.

— Попросите г. Герцфельда немедленно пожаловать къ намъ, замѣтилъ Швундъ рѣшительнымъ тономъ, мы его ждемъ.

Хозяинъ дѣйствительно явился и спросилъ, чего желаютъ его гости. Между тѣмъ Швундъ въ раздраженіи ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, какъ будто ему стоило большихъ усилій подавить свое справедливое негодованіе. Наконецъ онъ обратился къ трактирщику тономъ сдержаннаго гнѣва:

— Это вы сами выдумали такую штуку, Герцфельдъ, или въ дѣло вмѣшалась ваша глупая прислуга?

Однако хозяинъ не сдавался, стараясь уклониться отъ прямаго отвѣта.

— Тысячу разъ прошу извиненія, если въ чемъ нибудь не угодилъ вамъ, но я со дня на день жду присылки свѣжаго вина; теперь у меня осталось шампанское очень плохаго качества.

отражавшіяся въ зеркальной поверхности рѣки. Зубчатыя стѣны эффектно выдѣлялись на ясномъ небѣ, а высокая сторожевая башня по прежнему гордо высилась надъ ними. Съ балкона, выступавшаго надъ крутымъ обрывомъ берега, послышались веселыя привѣтствія публики, пріѣхавшей заранѣе. Молодежь торопливо высадилась изъ лодки и побѣжала осматривать уцѣлѣвшія комнаты замка, которыя вовсе не поражали видомъ запустѣнія. Радушный хозяинъ какъ будто готовился къ пріему желанныхъ гостей; полуразрушенныя стѣны были увѣшаны мягкими коврами изъ свѣжей зелени; здѣсь хозяйничала и полновластно царила волшебница-весна, какъ будто полюбившая этотъ очаровательный пріютъ уединенія. Широкій дворъ укрѣпленнаго замка покрылся роскошной растительностью; ползучія растенія вились по стѣнамъ, изъ всѣхъ угловъ вырывались побѣги тиссовыхъ кустовъ и орѣшника; изъ каждой расщелины росла сочная трава и молодые кустики, гдѣ гнѣздились птицы. Компанія пожилыхъ людей расположилась внутри замка, на возвышеніи, покрытомъ зеленью, а молодые люди отправились въ лѣсъ у подножія горы, гдѣ было рѣшено оставаться вплоть до обѣда. Здѣсь они отыскали лѣсную лужайку, покрытую цвѣтами, и бросились собирать ихъ. А дѣвушки усѣлись на обросшихъ мхомъ каменныхъ глыбахъ, подъ тѣнью буковыхъ деревьевъ; сюда кавалеры приносили имъ цвѣты для гирляндъ и вѣнковъ. Одичавшій лѣсной уголокъ ожилъ, представляя самую веселую картину. Лейтенантъ опустился на колѣни передъ Еленой, наблюдая, какъ она плела вѣнокъ для своей красивой головки. Молодая дѣвушка часто вспыхивала отъ рѣчей своего поклонника, который нарочно произносилъ ихъ довольно громко, чтобы задѣть самолюбіе Гуго. Однако его соперникъ, повидимому, не обращалъ на это вниманія; онъ былъ очень веселъ и не отходилъ отъ Иды. Еще во время переѣзда на лодкѣ, онъ сдѣлался ея кавалеромъ. Молодая дѣвушка непринужденно принимала его услуги, какъ нѣчто вполнѣ естественное. Сегодня она казалась еще прелестнѣе обыкновеннаго. Свѣтлозеленое платье изъ легкой шолковой матеріи прекрасно обрисовывало стройную фигуру Иды между тѣмъ какъ ея блѣдное лицо разгорѣлось на свѣжемъ воздухѣ. Самое обращеніе дѣвушки было гораздо непринужденнѣе. Очевидное вниманіе лучшаго кавалера изъ всего общества, повидимому, поддерживало въ ней увѣренность въ своей красотѣ и привлекательности.

На этотъ разъ Ида была разговорчива, и каждое слово, произнесенное ею, получало особенное значеніе. Она также разбирала

мана, такъ что онъ замышляетъ въ настоящую минуту предательство и измѣну, только бы примкнуть къ вамъ.

Названный молодой человѣкъ въ замѣшательствѣ опустилъ глаза; онъ былъ новичокъ и съ величайшимъ уваженіемъ относился ко всякому слову предсѣдателя. Между тѣмъ Швундъ не спускалъ съ него испытующаго взгляда и продолжалъ:

— Признайтесь-ка, мой милый, въ своихъ грѣшныхъ намѣреніяхъ! Дайте взглянуть на себя: бѣлый жилетъ, нарукавники... Что это значитъ?... Но я не хочу допустить подобной мысли... И ты, Брутъ!...

Съ этими словами тучный Швундъ такъ порывисто привлекъ къ себѣ сконфуженнаго Либмана, что облилъ шампанскимъ изъ своего стакана жабо и жилетъ молодаго человѣка. Общій хохотъ вывелъ жертву Швунда изъ терпѣнія. Нѣкоторые стали говорить, что сегодня его ждутъ у гофрата, и что ему пора идти. „Однако Либману невозможно показаться въ дамскомъ обществѣ въ такомъ туалетѣ“, возражали другіе. Дѣйствительно, костюмъ его былъ неприличенъ.

— Итакъ, я былъ правъ! торжественно воскликнулъ Швундъ, обращаясь къ Либману; но не жалѣй объ этомъ недостойномъ, дурацкомъ апаратѣ, добавилъ онъ, указывая на жилетъ, а лучше поблагодари своего добраго генія, который рукою твоего преданнаго друга избавилъ тебя отъ противнаго лѣченья теплой водою въ домѣ гофрата. Знай, что я спасъ тебя отъ неминуемой гибели.

Либманъ въ послѣдній разъ съ отчаяніемъ оглянулся на дверь, потомъ окинулъ грустнымъ взглядомъ свой пострадавшій костюмъ и безропотно покорился своей участи. Практическія утѣшенія Швунда въ видѣ бутылки шампанскаго и общество немногихъ избранныхъ, не измѣнившихъ культу Бахуса, скоро заставили молодаго человѣка забыть постигшую его неудачу. Большинство присутствующихъ однако ушло изъ гостинницы и между ними Гуго съ товарищемъ и еще съ другимъ господиномъ, слывшимъ подъ титуломъ барона, который нѣсколько высокомѣрно предложилъ представить въ домѣ гофрата пріѣзжаго Функа. Они отправились на ближайшую дачу, гдѣ жило аристократическое и высоко образованное семейство тайнаго совѣтника фонъ-Фюрстенштейна, состоявшее изъ отца, матери, двухъ дочерей и племянницы. Баронъ и Гуго были встрѣчены очень радушно, какъ старые знакомые; Функу былъ оказанъ также самый любезный пріемъ. Молодыя дѣвушки видимо обрадовались гостямъ. Пока семейство совѣтника разспрашивало ихъ о городскихъ новостяхъ, Функъ внимательно присмат-

ривался къ дамамъ. Его больше всѣхъ заинтересовала Ида, дочь фонъ-Фюрстенштейна отъ перваго брака; она сидѣла у окна, углубившись въ свое вышиванье, и не принимала участія въ общемъ разговорѣ. Высокій ростъ, безукоризненный овалъ лица и темные серьезные глаза придавали ей что-то древне-классическое. Болѣе всего поражали въ этой дѣвушкѣ ея мраморная бѣлизна и молчаливость. Функъ сказалъ ей нѣсколько незначительныхъ фразъ о красотѣ мѣстности, но Ида едва подняла голову, чтобы взглянуть на говорившаго. Только благодаря вмѣшательству мачихи, она отвѣтила гостю немногосложнымъ замѣчаніемъ. Другіе мужчины держались отъ нея въ сторонѣ. Вся молодежь была сгруппирована вокругъ младшей дочери совѣтника, Люси, которая вела оживленный разговоръ о новыхъ книгахъ, потому что она выписывала всѣ сочиненія, принадлежавшія, такъ сказать, къ салонно-романтической литературѣ, бывшей въ то время въ большомъ ходу.

— Какъ нѣжно умѣетъ обрисовывать женскіе типы эта глубокомысленная писательница, говорила молодая дѣвушка, приходя въ несовсѣмъ естественный восторгъ:—какъ тонко схватываетъ она малѣйшія подробности, какъ чутко понимаетъ движенія женской души! Въ ея произведеніяхъ всегда преобладаютъ возвышенныя идеи, между тѣмъ какъ новѣйшая литература поражаетъ своимъ легкомыслісмъ, и мало-мальски серьезный человѣкъ не можетъ удовлетвориться пустыми современными романами.

— Однако я вижу у васъ произведенія Сю и Дюма, сухо замѣтилъ Гуго, указывая на рабочую корзинку Люси.

— Я перелистываю ихъ только ради того, чтобы лучше усвоить разговорную французскую рѣчь, замѣтила съ небрежной гримаской молодая дѣвушка.

—Однако эти вещи, кромѣ стилистическихъ красотъ, имѣютъ еще и другія существенныя достоинства, возразилъ Гуго и затѣмъ обратился къ двоюродной сестрѣ Люси, Еленѣ, которой видимо наскучили разсужденія объ эстетикѣ. Въ это время, къ обществу присоединилось еще нѣсколько пожилыхъ гостей, и молодежь воспользовалась этимъ, чтобы погулять въ саду, раскинутомъ до самыхъ виноградниковъ на горномъ склонѣ, откуда открывался восхитительный видъ на долину. Въ воздухѣ чувствовалась вечерняя прохлада, и молодыя дѣвушки принялись шутить и рѣзвиться, причемъ Елена не уступала никому въ живости и остроуміи. Она была высока ростомъ; яркій румянецъ игралъ на ея щекахъ; бѣлый, снѣжный лобъ обрамлялся свѣтлорусыми волосами, а синіе глаза сіяли оживленіемъ. Трудно было представить себѣ что нибудь *привлекательнѣе* этой юной красоты. Елена не переставала под-

дразнивать барона, стараго знакомаго, съ которымъ она не стѣснялась, и ему стоило большаго труда защищаться отъ ея остротъ. Гуго незамѣтно принялъ сторону молодой дѣвушки: она не ограничилась одними словесными нападеніями на свою жертву, но подняла съ нимъ веселую возню, прерываемую смѣхомъ и громкими восклицаніями. Баронъ скоро выбился изъ силъ; красный, какъ піонъ, едва переводя духъ, онъ постарался отдѣлаться отъ Елены и присоединиться къ остальному обществу, которое поднималось въ гору въ сопровожденіи Функа. Гуго исчезъ со своей спутницей въ крытой аллеѣ изъ виноградныхъ лозъ, гдѣ они не могли слышать звавшихъ ихъ голосовъ и видѣть, какъ имъ махали платками и шляпами. Функъ вздумалъ отправиться на поиски за исчезнувшей парой, но Ида остановила его:

— Не ходите, имъ будетъ непріятно ваше присутствіе!

Въ первый разъ она добровольно нарушила свое молчаніе, однако Функу не удалось добиться объясненія сказанныхъ ею словъ, естественно подстрекнувшихъ его любопытство. Молодая дѣвушка по прежнему не принимала участія въ общемъ разговорѣ и, очевидно, была поглощена своими собственными мыслями; ея рѣдкія замѣчанія звучали какъ-то странно, потому что Ида не слушала того, что говорилось вокругъ. Между тѣмъ Люси любовалась заходомъ солнца, громко выражая свое восхищеніе при этомъ зрѣлищѣ; наконецъ маленькое общество повернуло обратно; на дорогѣ имъ встрѣтилась исчезнувшая юная пара. Съ той и другой стороны было выражено удивленіе, какъ они могли потерять другъ друга.

— Гдѣ это вы пропадали? колко спросила Люси.—Намъ пришлось безъ васъ полюбоваться чуднымъ закатомъ.

— Ахъ, вечерняя заря! патетически замѣтилъ Гуго и принялся сыпать трескучими фразами; это вышло тѣмъ забавнѣе, что въ его словахъ было повторено многое изъ только что сказаннаго Люси. Онъ какъ будто подслушалъ ея экзальтированныя выраженія. Баронъ уморительно гримасничалъ, съ трудомъ удерживаясь отъ хохота, и, чтобы скрыть свое замѣшательство, предложилъ раздосадованной барышнѣ проводить ее домой.

— Меня упрекаютъ въ томъ, что я не хотѣлъ любоваться зарею, замѣтилъ вполголоса Гуго, обращаясь къ Еленѣ, молчаливо шедшей съ нимъ рядомъ позади всѣхъ, но между тѣмъ я до сихъ поръ вижу отблескъ заката на вашемъ миломъ лицѣ.

Дѣйствительно, колкости Люси вызвали яркій румянецъ на щекахъ взволнованной дѣвушки, и теперь онѣ пылали, какъ зарево. Однако переходъ отъ ироническаго тона къ любезности былъ до того неожиданъ, а комплиментъ звучалъ такъ безцеремонно, что

обращеніе Гуго задѣло дѣвическую гордость Елены, и она опустила глаза, не желая встрѣчаться взглядомъ съ своимъ спутникомъ.

Въ залѣ, выходившей въ садъ, былъ приготовленъ для гостей деревенскій ужинъ, за которымъ общество строило планы предстоящихъ прогулокъ и пикниковъ. Одинъ предлагалъ поѣздку въ экипажѣ, другой катанье на лодкѣ. Гуго умѣлъ такъ краснорѣчиво описывать различныя лѣтнія удовольствія, что дамы заранѣе приходили въ восторгъ. Даже Ида оживилась, когда Функъ предложилъ ей вопросъ относительно прогулки по водѣ.

— Я давно мечтаю завести себѣ небольшой яликъ, замѣтила она съ несвойственнымъ ей одушевленіемъ. Когда я жила у тети, то всегда каталась одна по озеру. Имѣя лодку, я могла бы, когда вздумается, переѣзжать на ту сторону рѣки, чтобы уходить въ рощицу на противоположномъ берегу.

— Наша наяда забываетъ, что между прудомъ въ паркѣ и быстрой рѣкой существуетъ громадная разница, замѣтила съ легкимъ смѣхомъ мачиха Иды; кромѣ того, уединенныя прогулки нѣсколько рискованны для молодой дѣвушки твоего круга.

Хотя хозяйка дома старалась заставить падчерицу принять участіе въ общемъ разговорѣ, но, очевидно, не допускала ее откровенно высказываться. Она постоянно вмѣшивалась въ бесѣду Иды съ Функомъ и не разъ возражала на его замѣчанія сама, не давая молодой дѣвушкѣ времени отвѣтить. Вмѣшательство мачихи, однако, нисколько не удивляло и не сердило падчерицу, которая была какъ будто рада, что ее оставляютъ въ покоѣ. Тѣмъ не менѣе, изо всего этого становилось яснымъ, что ея отношенія къ семьѣ были натянутыми, и это внушало невольное участіе къ прелестной молодой дѣвушкѣ.

По настоятельной просьбѣ совѣтника, былъ открытъ рояль. Люси довольно искусно сыграла какую-то незначительную пьеску, а послѣ нея Функъ, къ общему удовольствію, волей-неволей долженъ былъ выступить передъ публикой въ качествѣ пѣвца. Хозяинъ дома попросилъ его, послѣ перваго романса, исполнить еще нѣкоторыя вещи, хотя совѣтница удерживала мужа, напоминая, что ихъ гость, вѣроятно, усталъ съ дороги.

— Онъ кажется мнѣ слишкомъ крѣпкимъ для этого, возразилъ совѣтникъ, пламенный поклонникъ музыки;—но я вижу, душа моя, что намъ необходимо прійти съ тобою къ обоюдному согласію. Ты, конечно, хотѣла устроить сегодня вечеромъ игру въ карты. Пошли за нашей любезной сосѣдкой; кромѣ того, мы уступимъ вамъ барона съ Еленой и вашъ комплектъ будетъ полонъ.

Если вы при этомъ притворите дверь, то не будете намъ нисколько мѣшать и, сверхъ того, услышите музыку.

Жена совѣтника, улыбаясь, сдалась на капитуляцію, и въ залу вскорѣ вошла приглашенная на карты сосѣдка. Барону очень не хотѣлось садиться за игру; онъ страстно любилъ музыку и предпочелъ бы остаться у рояля. Дамамъ пришлось почти насильно тащить его къ карточному столу. Функъ исполнилъ много романсовъ и арій, пѣніе чередовалось съ игрою и разговорами о музыкальныхъ произведеніяхъ. Вдругъ въ сосѣдней комнатѣ поднялся горячій споръ. Во время виста, баронъ былъ ужасно разсѣянъ, потому что его развлекала музыка, къ которой онъ жадно прислушивался черезъ полуотворенную дверь. Партнеры не разъ дѣлали ему замѣчанія, но ничто не помогало. Вдругъ, какъ нарочно, до его слуха долетѣло нѣсколько критическихъ замѣчаній собесѣдниковъ, толковавшихъ о музыкѣ. Крайне заинтересованный этимъ разговоромъ и раздосадованный тѣмъ, что ему нѣтъ случая похвастаться своимъ знаніемъ предмета, баронъ не выдержалъ своей пассивной роли. Продолжая играть, онъ возвысилъ голосъ и вмѣшался въ разговоръ въ сосѣдней комнатѣ. Дамы не знали, что подумать, когда ихъ невѣжливый партнеръ, вмѣсто условныхъ выраженій при карточной игрѣ, громко произнесъ какой-то музыкальный терминъ. Хозяйкѣ пришлось призвать его къ порядку и напомнить о предстоящемъ ходѣ.

Но что же случилось? Раздосадованный баронъ, по разсѣянности, сбросилъ своего послѣдняго козыря; дама, которой онъ вистовалъ, осталась безъ одной и проиграла отличную игру. Тутъ на виновную голову меломана обрушилась цѣлая буря, и разсерженныя барыни бросили карты. Никто не слушалъ извиненій барона, что ужасно забавляло совѣтника; сосѣдка стала прощаться съ хозяевами, и остальные гости послѣдовали ея примѣру.

По дорогѣ домой, баронъ намекнулъ Гуго на его отношенія къ Еленѣ и сказалъ, что ему непонятно, какимъ образомъ эта красивая, но не особенно развитая дѣвушка можетъ кому нибудь серьезно понравиться.

— Признайся, баронъ, возразилъ Гуго, ты именно потому и нападаешь на бѣдняжку, что она не обращаетъ вниманія на твои разсужденія объ эстетикѣ? Между тѣмъ, мнѣ нравится ея безъискуственность. Елена прямо говоритъ, что не знаетъ толку въ эстетическихъ тонкостяхъ, тогда какъ большинство современныхъ барышень считаетъ долгомъ судить объ этомъ предметѣ, котораго, зачастую, вовсе не понимаетъ. Посмотрите на Люси. Какой пріятный контрастъ съ ея напускной чувствительностью пред-

чаго. Послѣ того несчастный пацiентъ распространялъ вокругъ себя такой убiйственный запахъ, что ему было приказано совершенно удалиться на нѣкоторое время изъ дамскаго общества. Мало по малу къ молодымъ людямъ присоединились и старики, послѣ чего приказали накрывать столъ для ужина. Начинало темнѣть. Совѣтникъ Фюрстенштейнъ сталъ о чемъ-то таинственно перешептываться съ Гуго. Молодой человѣкъ собралъ вокругъ себя пѣвцовъ, и вскорѣ развалины огласились стройнымъ хоромъ мужскихъ голосовъ, которые запѣли пѣсню: „Was ist der Deutschen Vaterland“. Наконецъ они дошли до куплета:

„So weit die deutsche Zunge klingt
Und Gott im Himmel Lieder singt,
Das soll es sein,
Das, wackrer Deutscher, nenne Dein!“

Тогда на зубчатыхъ стѣнахъ вспыхнуло яркое пламя. Совѣтникъ, потихоньку ото всѣхъ, велѣлъ разставить по развалинамъ приготовленныя заранѣе плошки, которыя мгновенно запылали, когда онъ подалъ условный знакъ. Неожиданная иллюминацiя вызвала у присутствующихъ невольный крикъ восторга и удивленiя. Пламя обливало красноватымъ свѣтомъ неподвижныя массы сѣраго камня, вырываясь изо всѣхъ расщелинъ и угловъ, вспыхивая въ оконныхъ нишахъ, отражаясь заревомъ подъ сводами. Одна только уцѣлѣвшая сторожевая башня отбрасывала отъ себя мрачную исполинскую тѣнь. Эффектъ этой картины былъ поразителенъ. Все вокругъ приняло фантастическiе размѣры и очертанiя; присутствующимъ казалось, будто-бы они перенеслись въ какой-то странный, загадочный міръ. Патрiотическая пѣсня, кромѣ того, настроила всѣхъ особеннымъ образомъ. Общество поспѣшило наполнить стаканы, и когда пѣвцы кончили, былъ предложенъ единодушный тостъ за отечество. На одинъ моментъ была забыта печальная разрозненность нѣмецкаго народа, и всѣ современныя несогласiя потонули въ воспоминанiи о великомъ общемъ прошломъ, что̀ заставило мужскую половину общества обмѣняться задушевными рукопожатiями. Въ порывѣ энтузiазма и дружелюбiя, баронъ обратился къ своимъ друзьямъ:

— Пусть историческая миссiя дворянства пришла къ концу въ современную намъ эпоху, сказалъ онъ, но когда мы обращаемся къ славному прошедшему, нашъ взглядъ невольно приковываютъ къ себѣ могущественные графы, дворяне и рыцари, настоящiе представители гордой силы нѣмецкой нацiи. Они будутъ всегда интересовать насъ, какъ интересуютъ путешественника живописныя развалины ихъ укрѣпленныхъ замковъ. Мы обя-

валъ за Еленой. Напрасно Люси старалась переманить его на свою сторону восторженными замѣчаніями о красотѣ разстилавшагося передъ ними ландшафта. По отношенію къ ней, молодой человѣкъ ограничивался соблюденіемъ обыкновенныхъ правилъ вѣжливости, но далѣе этого не шелъ, занимаясь исключительно Еленой.

— Я боюсь, сударыня, насмѣшливо замѣтилъ Гуго, что ваши вполнѣ вѣрныя замѣчанія, пропадаютъ даромъ. Лейтенантъ, повидимому, гораздо болѣе расположенъ восхищаться красотой природы во фрейлейнъ Еленѣ, чѣмъ въ здѣшнихъ окрестностяхъ.

Молодые люди не замедлили стать въ натянутыя отношенія, и даже сама Елена пришла въ замѣшательство, почувствовавъ себя предметомъ вниманія двоихъ самыхъ красивыхъ мужчинъ изо всего общества. Между нею и Гуго недавно стали завязываться отношенія, очень обыкновенныя и не представляющія ничего серьезнаго въ свѣтскихъ кружкахъ; при ихъ неопредѣленности, трудно сказать, основаны ли они на пустомъ кокетствѣ или на болѣе искреннемъ чувствѣ. Въ то же время, въ домѣ совѣтника появился привлекательный молодой человѣкъ; онъ явно ухаживалъ за Еленой; жизнь въ одномъ домѣ какъ нельзя болѣе благопріятствовала ихъ сближенію, и дѣвушка не могла оставаться равнодушной къ его любезности. Новый поклонникъ безраздѣльно занимался одною Еленою, причемъ она чувствовала себя въ его обществѣ гораздо свободнѣе, чѣмъ съ Гуго, который нерѣдко приводилъ ее въ необъяснимое замѣшательство. Вѣроятно, Елена поощряла ухаживанія лейтенанта, потому что онъ мѣрилъ своего непрошеннаго соперника вызывающими взглядами; Гуго отвѣчалъ ему, въ свою очередь, безмолвной насмѣшкой. Замѣтивъ неискренность поступковъ своенравной красавицы, молодой человѣкъ началъ относиться къ ней съ напускнымъ равнодушіемъ, стараясь въ то же время занимать веселыми шутками все общество. По желанію доктора, онъ представилъ его присутствующимъ; едва только пожилые мужчины и дамы узнали о томъ, что Эбергардъ пріѣхалъ прямо изъ столицы, какъ засыпали его вопросами о своихъ знакомыхъ. Отвѣты доктора были точны и кратки, причемъ онъ не стѣснялся высказывать свои мнѣнія. Такъ, между прочимъ, разговоръ коснулся внезапной смерти одной молодой дѣвушки, принадлежавшей къ высшей придворной знати. Ея трагическій конецъ вызвалъ общее сочувствіе, но Эбергардъ невозмутимо замѣтилъ по этому поводу, что умершая сама была причиной своей смерти.

— Въ данномъ случаѣ я не вижу ничего необыкновеннаго,

сказалъ онъ. Названная особа, какъ половина нашихъ барышень, умирающихъ въ юномъ возрастѣ, сдѣлалась жертвою самоубійства, которое она подготовляла въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, путемъ преднамѣреннаго разрушенія благороднѣйшихъ органовъ; я хочу сказать, что во всемъ виноватъ здѣсь корсетъ, это адское приспособленіе, подрывающее здоровье нашей молодежи женскаго пола.

Дамы переглянулись съ недоумѣніемъ; ихъ недовѣріе еще больше подстрекнуло доктора; онъ схватилъ бумагу, въ которую были завернуты пирожки, и набросалъ на ней карандашемъ положеніе и форму легкихъ, селезенки и печени въ нормальномъ состояніи, а затѣмъ наглядно объяснилъ, какъ эти органы уродуются постояннымъ искусственнымъ сдавливаніемъ стана. Ученыя объясненія молодаго врача сопровождались молчаніемъ присутствующихъ, которое было прервано насмѣшливыми словами фонъ-Вестерна.

— Сударыня, сказалъ онъ Терезѣ, дочери адвоката Гелля, довольно безцеремонно лорнируя молодую дѣвушку, какъ жаль, что красота женской таліи влечетъ за собою увѣчье! Неправда ли, что все сказанное г. докторомъ очень интересно и поучительно?

Фонъ-Вестернъ обыкновенно любилъ казаться человѣкомъ пресыщеннымъ и скучающимъ, но его небрежная мина перешла въ смущенную улыбку, когда Эбергардъ спокойно возразилъ ему:

— Въ вашемъ замѣчаніи, милостивый государь, кроется гораздо больше правды, чѣмъ вы думаете; жаль только, что многіе франты обращаются за излѣченіемъ своихъ увѣчій къ портному, замѣняющему у нихъ домашняго врача.

Съ этими словами докторъ подошелъ къ Вестерну, потому что его искусственно облагороженныя формы возбудили любопытство Эбергарда. Однако фонъ-Вестернъ поспѣшилъ увернуться отъ непрошенной экспертизы. Молодой врачъ до того увлекся объясненіями правилъ разумной гигіены, что, пожалуй, могъ обнаружить передъ всѣми тайны сложнаго туалета моднаго щеголя. Но его преслѣдователь, къ счастью, занялся другимъ предметомъ наблюденій. Онъ отыскалъ въ толпѣ своего товарища Гуго и просилъ немедленно представить его гофрату Вемеру. Польщенный такимъ знакомъ вниманія, гофратъ сдѣлался очень любезенъ и съ нетерпѣніемъ ждалъ, что̀ скажетъ ему только что прибывшій изъ столицы молодой врачъ. Лицо почтеннаго сановника вытянулось отъ непріятной неожиданности, когда Эбергардъ безъ обиняковъ началъ разспрашивать его о затвердѣлой опухоли, безобразившей *лѣвую щеку* Вемера. Гофратъ старался замять непріятный для

него разговоръ, но докторъ сталъ увѣрять, что ему необходимо сдѣлать операцію, которая не только не опасна, но даже не причинитъ пацієнту ни малѣйшей боли. Прежде чѣмъ мнительный старикъ успѣлъ опомниться, Эбергардъ схватилъ его за голову и принялся, нисколько не стѣсняясь, ощупывать злополучный нарость. Не смотря на обычную вѣжливость, нервозный гофратъ совершенно растерялся; ему казалось, что въ рукахъ его мучителя уже сверкаетъ острый ланцетъ, которымъ тотъ готовъ сдѣлать ужасную операцію. Онъ освободился отъ врача отчаяннымъ усиліемъ и старался не попадаться больше на глаза пытливому доктору. Послѣ такихъ опытовъ, всѣ тѣ, кто чувствовалъ за собой какой нибудь тѣлесный недостатокъ, избѣгали Эбергарда, скрываясь отъ его проницательнаго взгляда. Такое настроеніе собравшейся публики не ускользнуло отъ наблюдательности Гуго, который замѣтилъ Функу, что ихъ товарищъ крейсируетъ между присутствующими, точно корсаръ среди мирныхъ купеческихъ судовъ.

— Полюбуйся его изящными манерами! сказалъ Функъ.

— Ну, нѣтъ, иронически возразилъ Гуго, нашъ Эбергардъ не можетъ быть свѣтскимъ человѣкомъ: онъ черезчуръ большой оригиналъ для этого.

Молодой человѣкъ снова вмѣшался въ толпу, но Функу приходилось по неволѣ ограничиваться ролью посторонняго наблюдателя. Онъ не успѣлъ сдѣлать обычныхъ визитовъ и не былъ представленъ собравшемуся обществу, которое было ему почти совершенно незнакомо. Кромѣ того, пріѣзжій не могъ немедленно присоединиться къ участникамъ прогулки, потому что безотлагательныя дѣла удерживали его въ городѣ. Между тѣмъ Функу пришло въ голову придать особенное разнообразіе программѣ праздника, и онъ принялся обдумывать свой планъ на обратномъ пути къ дому.

Наконецъ собравшееся общество размѣстилось въ лодкахъ, которыя давно ожидали публику у пристани. Пожилые мужчины и дамы отправились впередъ на просторномъ катерѣ, вмѣстѣ съ прислугой и большими запасами провизіи. Вторую лодку заняла молодежь; ей не было необходимости спѣшить, и она имѣла въ виду разнообразить свою поѣздку различными забавами. Мало по малу, молодыя дѣвушки, робѣвшія сначала, сдѣлались смѣлѣе; пріятная прохлада и постоянно мѣнявшіеся передъ глазами ландшафты привели всѣхъ въ отличное настроеніе. Веселый говоръ и смѣхъ ни на минуту не умолкали въ цвѣтущемъ кружкѣ молодежи до того момента, когда передъ ихъ глазами появились, въ своемъ строгомъ величіи, живописныя развалины стариннаго замка,

съ обѣихъ сторонъ гибкими вѣтками, набросилъ на костлявыя плечи короткій плащъ изъ плотной шолковой матеріи и принялся очень удачно изображать изъ себя Мефистофеля, скользя неслышной походкой между танцующими парами и стараясь по возможности ссорить влюбленныхъ. Между тѣмъ Гуго устраивалъ кадриль и пригласилъ кавалера Елены танцовать съ нимъ визави. Это былъ первый шагъ къ примиренію, не замедлившій оказать свое дѣйствіе. Хотя капризная красавица не отвѣчала на его тихіе намеки о происшедшемъ между ними недоразумѣніи, но Гуго все таки удалось объяснить свой образъ дѣйствій ревностью, что̀ сильно польстило молодой дѣвушкѣ. Ея визави все настойчивѣе молилъ о прощеніи; имъ приходилось, по правиламъ кадрили, то расходиться, то сближаться, и наконецъ раскраснѣвшаяся, смущенная Елена, не говоря ни слова, отвѣтила Гуго легкимъ рукопожатіемъ. Послѣ танца они окончательно примирились. Непродолжительная размолвка превратила ихъ мимолетное чувство въ настоящую страсть, и молодые люди украдкой обмѣнивались словами любви въ промежуткахъ между танцами.

Ярко освѣщенныя развалины представляли очень красивую картину, и Функъ любовался ею съ выступа стѣны, откуда были отлично видны танцующія пары. Въ эту минуту, странная сцена въ отдаленномъ углу привлекла его вниманіе. Онъ оставилъ свой наблюдательный постъ и рѣшился поближе посмотрѣть, что̀ тамъ происходило. Гофратъ Вемеръ позволилъ себѣ немного вздремнуть въ уединенномъ мѣстечкѣ послѣ выпитаго вина и утомительной прогулки. Его дамы не думали ѣхать домой до окончанія пикника. Вдругъ надъ спящимъ склонилась какая-то темная фигура; всмотрѣвшись пристальнѣе, Функъ узналъ въ ней доктора, которому удалось выслѣдить свою жертву въ этомъ уединенномъ убѣжищѣ. Съ хирургическимъ наборомъ въ рукѣ, Эбергардъ съ такимъ восхищеніемъ смотрѣлъ на затвердѣлую опухоль гофрата, какъ будто онъ былъ влюбленнымъ и любовался ямочкой на румяной щекѣ своей красавицы. Поза и выраженіе лица Эбергарда обнаруживали въ немъ сильную внутреннюю борьбу. Дѣйствительно, искушеніе было велико, и наростъ точно поддразнивалъ его своимъ видомъ. Пацієнту такъ легко помочь... не было ли обязанностью врача сдѣлать ему операцію даже противъ воли?... Послѣ нѣкотораго колебанія, Эбергардъ со вздохомъ положилъ свои инструменты обратно въ карманъ и, собираясь уйти, бросилъ прощальный взглядъ на предметъ своихъ страстныхъ желаній. Опухоль такъ соблазнительно закруглялась у нижней челюсти гофрата, что докторъ не *могъ устоять* отъ искушенія, по крайней мѣрѣ, внимательно ее ощу-

пать. Старикъ спалъ такъ крѣпко, что не проснулся отъ прикосновенія докторскихъ пальцевъ, не особенно нѣжно давившихъ ему желвакъ. Тутъ Эбергарду блеснула счастливая мысль оперировать пацiента во время сна, и онъ немедленно привелъ ее въ исполненіе. Послѣ нѣсколькихъ ловкихъ надрѣзовъ, вызвавшихъ очень незначительную потерю крови, наростъ былъ вынутъ. Въ эту минуту пацiентъ открылъ глаза и съ ужасомъ увидѣлъ передъ собою своего неумолимаго преслѣдователя, съ ланцетомъ въ рукѣ. Схватившись за больное мѣсто, онъ сообразилъ все случившееся и съ громкимъ воплемъ хотѣлъ вскочить и спасаться бѣгствомъ. Но непоколебимое хладнокровіе Эбергарда заставило гофрата опомниться; молодой врачъ удержалъ его и наложилъ на рану нѣсколько полосокъ липкаго пластыря, любезно объясняя въ то же время, какія мѣры нужно принять на слѣдующій день, чтобы совершенно вылѣчиться. Жалобно стоная и прикладывая къ щекѣ платокъ, бѣгалъ почтенный сановникъ туда и сюда, не зная, какъ онъ появится въ такомъ видѣ передъ дамами. Наконецъ докторъ, поднесъ къ лицу гофрата миньятюрное зеркальце, вдѣланное въ его карманную щетку, и убѣдилъ старика, что онъ вовсе не такъ страшенъ, какъ думаетъ. Однако пацiентъ продолжалъ подозрительно коситься на Эбергарда и избѣгать его, а тотъ, въ свою очередь, старался не попадаться на глаза его супругѣ, которая показалась ему весьма энергичной особой.

Мало по малу плошки стали горѣть тусклѣе, а въ иныхъ мѣстахъ грозили и совершенно погаснуть; это послужило сигналомъ къ возвращенію домой. Гуго совсѣмъ забылъ свою обязанность относительно Иды; онъ заботился только о томъ, чтобы найти себѣ въ экипажѣ мѣстечко возлѣ Елены. Такимъ образомъ, Функу пришлось довести царицу любви до кареты. Самъ онъ предпочелъ вернуться домой пѣшкомъ и на обратномъ пути, при тихомъ мерцаніи звѣздъ, въ его воображеніи рисовался прелестный образъ молодой дѣвушки, съ которою ему пришлось танцовать. Функъ серьезно сожалѣлъ, что не замѣтилъ раньше этого милаго ребенка и разстался съ нею, не узнавъ даже ея имени.

(*Продолженіе будетъ*).

Южный вѣтеръ.

Шелъ я. Вешній сумракъ, пестрое движенье,
Снѣгъ наполовину стаявшій,—во мнѣ
Все будило только тайное презрѣнье
Къ сѣверной природѣ, къ сѣверной веснѣ.
Но пахнуло вѣтромъ, влажнымъ вѣтромъ южнымъ,
Мнѣ въ лицо плеснуло теплою волной —
И вздохнулось легче, и въ умѣ недужномъ
Зароились грёзы дѣвственной толпой.
Точно вся природа вдругъ помолодѣла,
Точно новымъ солнцемъ все освѣщено,
Точно издалека, весело и смѣло,
Припорхнуло съ вѣтромъ счастье заодно!

К. Фофановъ.

молодежи было свободнѣе прогуливаться по двору въ своихъ средневѣковыхъ костюмахъ. Общество одушевилось еще болѣе прежняго; всѣ веселились отъ души и благодарили за пріятную неожиданность изобрѣтательнаго Функа; только Эбергардъ, переодѣтый капуциномъ, поддразнивалъ товарища, называя его романтикомъ.

Молодыя пары выстроились въ рядъ и начали обходить кругомъ крѣпостной стѣны, какъ будто вступая во владѣніе старинным замкомъ отъ имени прежнихъ хозяевъ. Музыканты шли впереди, а остальная публика любовалась оригинальнымъ зрѣлищемъ. Гуго съ Идой и Люси съ бароном открывали шествіе. Младшая сестра забыла свою прежнюю досаду и была очень оживлена. Между тѣмъ лейтенантъ чувствовалъ себя несовсѣмъ ловко въ одеждѣ рыцаря, и его дама какъ будто начала тяготиться обществомъ своего поклонника. Елена казалась вдвое красивѣе въ своемъ живописномъ нарядѣ; ея грудь и плечи выступали изъ чернаго бархатнаго корсажа съ вырѣзнымъ воротомъ, сверкая ослѣпительной бѣлизной. Она уже начала раскаиваться въ томъ, что отвергла ухаживанія Гуго, который непремѣнно сдѣлалъ бы ее царицей праздника. Дѣвушка украдкой слѣдила за нимъ глазами съ смѣшнымъ чувствомъ досады и нѣжности. Молодой человѣкъ очаровывалъ всѣхъ своимъ обращеніемъ и много способствовалъ общему веселью, но онъ явно избѣгалъ Елены. Ей наскучили любезности лейтенанта, а ея кавалеръ, замѣтивъ это, сдѣлался молчаливъ и окончательно неинтересенъ.

Пожилые мужчины и дамы разбрелись по разнымъ мѣстамъ, чтобы отдохнуть послѣ хлопотъ и обильнаго обѣда, предоставивъ полную свободу молодежи. Между тѣмъ Гуго предложилъ выбрать царицу любви, которой предоставлялась неограниченная власть на цѣлый день до окончанія пикника. Его мысль встрѣтила всеобщее одобреніе. Выборъ присутствующихъ колебался между Идой и Еленой. Старшая дочь совѣтника Фюрстенштейна сегодня, какъ-то неожиданно для всѣхъ, выдвинулась впередъ и стала соперницей по красотѣ своей кузины. Никто изъ мужчинъ не могъ отрицать, что она затмѣвала собою всѣхъ въ своемъ величественномъ нарядѣ и вполнѣ заслуживала первенствующее мѣсто между остальными дамами. Роскошное платье со шлейфомъ, изъ темнокраснаго бархата, съ особенной граціей облегало стройную фигуру Иды, заставляя ее казаться выше обыкновеннаго. Въ этомъ костюмѣ она, дѣйствительно, напоминала своей гордой осанкой царственныхъ женщинъ, которыя присуждали награды на турнирахъ, вдохновляя своей улыбкой храбрыхъ бойцовъ. Ради торжества своей дамы, Гуго вздумалось устроить, по старин-

ному обычаю, состязаніе. Побѣдитель имѣлъ право выбирать царицу любви. Большинство одобрило предложеніе молодаго человѣка, и его мысль нашли необыкновенно удачной. Гуго предлагалъ ограничиться самыми легкими упражненіями: бѣгомъ въ перегонку, прыганьемъ, метаньемъ въ цѣль; но баронъ, забравшій себѣ въ голову, что онъ, по своему знатному происхожденію, непремѣнно долженъ обнаружить природную способность къ военнымъ доблестямъ, поспѣшно выбралъ изъ груды стараго оружія затупленные мечи, годившіеся для фехтованья. Благодаря своему искусству, пріобрѣтенному въ академіи, онъ послѣдовательно одержалъ побѣду надъ нѣсколькими противниками, между тѣмъ какъ Гуго и Функъ, оба искусные въ фехтованьи, состязались между собою. Лейтенантъ оставался постороннимъ зрителемъ этихъ поединковъ; онъ хвастливо разсказывалъ о конныхъ турнирахъ въ столицѣ, желая подчеркнуть свое пренебреженіе къ невинной забавѣ присутствующихъ. Его заносчивость взбѣсила Гуго.

— Если вы не хотите состязаться съ нами въ пѣшемъ бою, замѣтилъ лейтенанту молодой человѣкъ, то мы предоставимъ вамъ случай сломить копье за избранную вами даму. Ваша лошадь давно здѣсь, а мнѣ легко добыть себѣ другую. Это, дѣйствительно, было бы неслыханнымъ промахомъ, еслибы никто не выступилъ на состязаніе за фрейлейнъ Елену.

Молодой и пылкій лейтенантъ не могъ не принять такого вызова. Увѣренный въ своей отлично выѣзженной лошади и въ своемъ умѣньѣ держаться на сѣдлѣ, онъ горѣлъ нетерпѣніемъ выказать передъ дамами свою ловкость и грацію, побѣдить Гуго и возвыситься своимъ успѣхомъ въ мнѣніи Елены.

— Если у васъ есть хорошая лошадь, то я къ вашимъ услугамъ! отвѣчалъ онъ, съ трудомъ скрывая свою радость. Однако я долженъ васъ предупредить, что я кавалеристъ, и напомнить, что вы сами вызвали меня на состязаніе.

— Будьте покойны, небрежно замѣтилъ его противникъ; я отвѣчаю за послѣдствія.

Оба они въ довольно возбужденномъ состояніи направились къ дому старшаго лѣсничаго, чтобы взять у него верховую лошадь рыжей масти для Гуго. Имъ сопутствовали почти всѣ молодые мужчины, и вскорѣ оба противника въѣхали верхомъ на парадный дворъ замка. Гуго хорошо зналъ своего коня, который весело шелъ подъ сѣдокомъ, охотно повинуясь опытной рукѣ. Лейтенантъ тотчасъ замѣтилъ, что ему приходится имѣть дѣло съ ловкимъ наѣздникомъ. Однако онъ по прежнему былъ заранѣе

увѣренъ въ побѣдѣ. Функъ, принявшій на себя, вмѣстѣ съ Эбергардомъ, устройство поединка, снабдилъ обоихъ противниковъ сосновыми жердями, которыя онъ вытащилъ изъ гороховыхъ грядъ въ огородѣ лѣсничаго. Это оружіе, по своей сухости, должно было разлетѣться въ куски при первомъ ударѣ. Кромѣ того, молодыхъ людей нарядили въ шлемы и нагрудники, взявъ съ нихъ слово напасть другъ на друга всего одинъ разъ. Кому, послѣ того, удастся первому, на всемъ скаку, сорвать „копьемъ“ вѣнокъ, повѣшенный во внутреннемъ дворѣ замка, тотъ будетъ признанъ побѣдителемъ на главномъ состязаніи.

Ожидая условнаго знака, противники неподвижно стояли другъ противъ друга, а всѣ присутствующіе смотрѣли на нихъ съ такимъ напряженнымъ вниманіемъ, какъ будто поединокъ происходилъ на настоящемъ турнирѣ. Раздался звукъ роговъ, и бойцы бросились впередъ. Гуго вѣрно разсчиталъ, что лейтенантъ будетъ цѣлить ему въ грудь. Нагнувшись впередъ, онъ принялъ ударъ, послѣ котораго оружіе лейтенанта дѣйствительно разлетѣлось въ куски. Отлично умѣя владѣть копьемъ, молодой человѣкъ направилъ свою жердь въ голову противника и такъ ловко попалъ въ забрало, что тяжелый шлемъ тотчасъ откинулся лейтенанту на затылокъ. Его копье также сломилось, но при этомъ лейтенантъ былъ отброшенъ назадъ. Хотя ему удалось удержаться въ сѣдлѣ, однако онъ невольно дернулъ поводья. Его породистый конь, одаренный большою чувствительностью, взвился на дыбы, и наѣзднику понадобилось много ловкости, чтобы не опрокинуться. Пока онъ успокоивалъ лошадь, Гуго успѣлъ въѣхать во внутренній дворъ. Ему тотчасъ подали новое копье; онъ на всѣмъ скаку сорвалъ имъ вѣнокъ и выигралъ призъ. Когда лейтенантъ вернулся на арену, Гуго стоялъ передъ дамами и съ почтительнымъ поклономъ подавалъ Идѣ свой трофей, висѣвшій на концѣ его импровизированнаго оружія. Неудача на поединкѣ страшно раздосадовала и сконфузила побѣжденнаго; онъ уѣхалъ и не являлся до самаго ужина.

Все общество свободно расположилось вокругъ дернового трона, который занимала прекрасная, задумчивая царица. Она почти не слышала веселыхъ шутокъ окружающихъ и отвѣчала на нихъ одной разсѣянной улыбкой. Возлѣ нея образовался дворъ любви, въ которомъ на долю каждаго приходилась какая нибудь спеціальная обязанность; здѣсь даже чинили судъ и расправу, разбирая ссоры влюбленныхъ паръ. Первая жалоба была принесена баронемъ. Во время фехтованья, онъ получилъ ударъ, отъ котораго у него распухли суставы руки. За неимѣніемъ лѣкарства, Эбергардъ натеръ ему ушибленное мѣсто водкой изъ охотничьей фляжки лѣсни-

чаго. Послѣ того несчастный паціентъ распространялъ вокругъ себя такой убійственный запахъ, что ему было приказано совершенно удалиться на нѣкоторое время изъ дамскаго общества. Мало по малу къ молодымъ людямъ присоединились и старики, послѣ чего приказали накрывать столъ для ужина. Начинало темнѣть. Совѣтникъ Фюрстенштейнъ сталъ о чемъ-то таинственно перешептываться съ Гуго. Молодой человѣкъ собралъ вокругъ себя пѣвцовъ, и вскорѣ развалины огласились стройнымъ хоромъ мужскихъ голосовъ, которые запѣли пѣсню: „Was ist der Deutschen Vaterland“. Наконецъ они дошли до куплета:

„So weit die deutsche Zunge klingt
Und Gott im Himmel Lieder singt,
Das soll es sein,
Das, wackrer Deutscher, nenne Dein!“

Тогда на зубчатыхъ стѣнахъ вспыхнуло яркое пламя. Совѣтникъ, потихоньку ото всѣхъ, велѣлъ разставить по развалинамъ приготовленныя заранѣе плошки, которыя мгновенно запылали, когда онъ подалъ условный знакъ. Неожиданная иллюминація вызвала у присутствующихъ невольный крикъ восторга и удивленія. Пламя обливало красноватымъ свѣтомъ неподвижныя массы сѣраго камня, вырываясь изо всѣхъ расщелинъ и угловъ, вспыхивая въ оконныхъ нишахъ, отражаясь заревомъ подъ сводами. Одна только уцѣлѣвшая сторожевая башня отбрасывала отъ себя мрачную исполинскую тѣнь. Эффектъ этой картины былъ поразителенъ. Все вокругъ приняло фантастическіе размѣры и очертанія; присутствующимъ казалось, будто-бы они перенеслись въ какой-то странный, загадочный міръ. Патріотическая пѣсня, кромѣ того, настроила всѣхъ особеннымъ образомъ. Общество поспѣшило наполнить стаканы, и когда пѣвцы кончили, былъ предложенъ единодушный тостъ за отечество. На одинъ моментъ была забыта печальная разрозненность нѣмецкаго народа, и всѣ современныя несогласія потонули въ воспоминаніи о великомъ общемъ прошломъ, что̀ заставило мужскую половину общества обмѣняться задушевными рукопожатіями. Въ порывѣ энтузіазма и дружелюбія, баронъ обратился къ своимъ друзьямъ:

— Пусть историческая миссія дворянства пришла къ концу въ современную намъ эпоху, сказалъ онъ, но когда мы обращаемся къ славному прошедшему, нашъ взглядъ невольно приковываютъ къ себѣ могущественные графы, дворяне и рыцари, настоящіе представители гордой силы нѣмецкой націи. Они будутъ всегда интересовать насъ, какъ интересуютъ путешественника живописныя развалины ихъ укрѣпленныхъ замковъ. Мы обя-

заны пробужденіемъ нашего національнаго чувства въ такой сильной степени именно тому мѣсту, гдѣ мы находимся въ данную минуту.

— Ну, я думаю, что вы, напротивъ, выбрали неподходящее мѣсто для своихъ изліяній, благородный рыцарь, сухо замѣтилъ ему докторъ.—Извѣстно, что это ничѣмъ не замѣчательное разбойничье гнѣздо было разорено въ четырнадцатомъ столѣтіи гражданами города, которые безъ церемоніи расправились съ его благородными владѣльцами, потому что не усматривали никакой „исторической миссіи“ въ ихъ грабежахъ по большимъ дорогамъ.

Возмущенный такимъ банальнымъ объясненіемъ, историческая вѣрность котораго не подлежала никакому сомнѣнію, баронъ поспѣшилъ стушеваться. Между тѣмъ публика очистила средину двора, и Гуго съ Идой начали танцы. Всѣ присутствующіе съ восхищеніемъ смотрѣли на эту пару, плавно кружившуюся въ нѣмецкомъ вальсѣ. Никогда Ида не танцовала съ такимъ удовольствіемъ, никогда не была такъ прекрасна. Замѣтно взволнованный Гуго сказалъ ей, что она безспорно признана всѣми настоящей царицей праздника. Дѣвушка спокойно выслушала своего кавалера, и ея тонко очерченныя губы сложились въ мимолетную улыбку.

— Мы съ вами перенеслись сегодня въ міръ волшебныхъ грёзъ, сказала Ида, и мнѣ не хотѣлось бы возвращаться къ дѣйствительности. Я бы желала куда нибудь безслѣдно исчезнуть съ первымъ проблескомъ утренней зари.

Гуго съ удивленіемъ заглянулъ ей въ лицо, освѣщенное фантастической игрой красноватаго пламени. Глаза дѣвушки сіяли одушевленіемъ, которое противорѣчило грустному смыслу сказанныхъ ею словъ, но ея крѣпко сжатыя губы выражали печаль. Какое-то неясное предчувствіе закралось въ душу Гуго, и загадочная личность Иды еще сильнѣе влекла его къ себѣ. Она казалась ему заколдованной принцессой сказочнаго міра, которую онъ долженъ былъ освободить отъ всесильныхъ чаръ, но его собственное сердце не умѣло подсказать ему магическаго слова, необходимаго для ея освобожденія. Онъ только что хотѣлъ обратиться къ Идѣ съ серьезнымъ вопросомъ, какъ вдругъ мимо него промелькнула Елена, бросивъ въ сторону молодаго человѣка жгучій, вызывающій взглядъ. Въ ту же минуту вальсъ былъ оконченъ. Роскошная красота этой дѣвушки, разгорѣвшейся отъ танцевъ, и страстная истома въ ея темносинихъ глазахъ отуманили разсудокъ Гуго, заслонили собою просыпавшееся въ его душѣ серьезное чувство. Тайна Иды осталась неразгаданной, и соблазнительная сирена заставила молодаго человѣка забыть печальнаго сфинкса.

Онъ торопливо вмѣшался въ толпу, чтобы быть ближе къ Кленѣ. Кавалеры приглашали дамъ на слѣдующій танецъ. Функъ также осматривался вокругъ, отыскивая себѣ даму, какъ вдругъ къ нему присоединился докторъ.

— Откройте глаза и взгляните, что дѣлается на свѣтѣ, если вы можете хоть на минуту отрезвиться для здраваго сужденія, съ жаромъ сказалъ онъ товарищамъ, указывая на группу молодыхъ дѣвушекъ.—Посмотрите на это чахлое поколѣніе! Вотъ, напримѣръ, передъ вами хорошенькая блондинка; ея тонкія руки ясно видны сквозь кружевной рукавъ: разложеніе, разжиженіе соковъ такъ и сквозитъ въ этомъ еще не сложившемся существѣ! Блѣдное лицо, безцвѣтныя губы, жалкій ростъ указываютъ на источникъ того зла, которое обрекаетъ цѣлые классы общества на болѣзненное прозябаніе, вмѣсто жизни, и на преждевременную смерть.

Говоря такимъ образомъ, Эбергардъ потащилъ Функа къ дамамъ и тотчасъ пригласилъ танцовать блѣдную дѣвочку, но ея мать энергически воспротивилась этому. Однако умоляющій взглядъ дочери и увѣренія доктора, что танцы вовсе не вредны молодымъ барышнямъ, поправили дѣло. Въ то же время Функъ ангажировалъ подругу болѣзненной дѣвушки. Прежде чѣмъ принять его приглашеніе, она вопросительно посмотрѣла на пожилую даму и, только получивъ ея согласіе, оперлась на руку своего кавалера. Это было прехорошенькое и также очень юное созданіе. Молодая дѣвушка представляла граціозное соединеніе дѣтской простоты и юношеской зрѣлости. Нѣжная округленность формъ, легкій румянецъ, задумчивый лобъ, обрамленный массою темныхъ кудрей, говорили о дѣвическомъ возрастѣ, между тѣмъ какъ невинная простота въ разговорѣ и движеніяхъ напоминали беззаботное дѣтство. Темные глаза дѣвушки обнаруживали въ ней глубокую впечатлительность въ счастливомъ сочетаніи съ самымъ очаровательнымъ невѣдѣніемъ. Прозрачный вуаль изъ бѣлаго тюля спускался съ ея легкаго головнаго убора, падая граціозными складками на плечи и талію. Онъ придавалъ особенную воздушность стройной фигурѣ дѣвушки. Танцовала она легко и съ очевиднымъ удовольствіемъ. Ея робость скоро разсѣялась; она сообщила Функу, что пріѣхала на воды съ больной теткой, которая не встаетъ съ постели и потому отпустила племянницу на пикникъ съ матерью ея молоденькой подруги.

— Какъ мило, что мы всѣ переодѣлись, весело болтала дѣвушка; благодаря вамъ, праздникъ необыкновенно удался! Мнѣ вовсе не хотѣлось ѣхать сюда сегодня утромъ; я слишкомъ оди-

чала дома безъ всякаго общества, возлѣ больной тетки. Мнѣ было ужасно неловко среди незнакомыхъ лицъ, но какъ только мы надѣли костюмы, я забыла свое смущеніе.

— Этотъ нарядъ вамъ очень къ лицу, замѣтилъ Функъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, здѣсь дѣло не въ красотѣ туалета, а въ томъ, что, надѣвъ средневѣковой костюмъ, я не на шутку вообразила себя не тѣмъ, что я есть, со смѣхомъ сказала дѣвушка. Я вошла въ чужую роль; недаромъ въ училищѣ меня прозвали маленькой актрисой.

Докторъ также былъ сильно заинтересованъ своей дамой. Если-бы посторонній наблюдатель замѣтилъ его взгляды, его продолжительныя рукопожатія, и услышалъ серьезный тонъ Эбергарда, то навѣрно вывелъ бы заключеніе, что молодой врачъ объясняется въ любви избранницѣ своего сердца; а между тѣмъ онъ только щупалъ ей пульсъ и освѣдомлялся о болѣзненныхъ припадкахъ. Больная, сама того не замѣчая, откровенно передала ему обо всемъ, не переставая въ то же время исправно вальсировать. По окончаніи танца, Эбергардъ не вытерпѣлъ, чтобы не замѣтить Функу: „Представь себѣ: вполнѣ развитая хлороза; очень рѣдкое явленіе въ такомъ юномъ возрастѣ. Строгая діэта, гимнастика помогли бы паціенткѣ гораздо больше лѣченья минеральными водами.“

Нѣсколько кавалеровъ подошли ангажировать миловидную даму Функа, однако мать ея подруги стала собираться домой и немедленно уѣхала, къ немалой досадѣ молодаго человѣка, которому очень хотѣлось ближе познакомиться съ заинтересовавшей его дѣвушкой.

Между тѣмъ танцы продолжались безъ перерыва. Молодежь расходилась, и старики были принуждены покориться своей участи. Лейтенантъ также принялъ участіе въ танцахъ, неутомимо кружась то съ одной, то съ другой дамой. Только одна Елена явно избѣгала его, почти не отвѣчая на слова своего недавняго обожателя. Она хорошо поняла превосходство Гуго надъ ея двоюроднымъ братомъ и, лишившись первенствующаго мѣста въ обществѣ, жестоко страдала отъ уязвленной гордости. Она слѣдила ревнивымъ взглядомъ за измѣнникомъ, отворачиваясь отъ любезностей лейтенанта. Однако молодой человѣкъ скоро утѣшился, потому что роль отвергнутаго поклонника была ему вовсе не по вкусу. Поведеніе Елены заставило его обратиться къ Люси, которая очень кстати перемѣнила съ нимъ тактику, видя, что она не можетъ очаровать юношу своей начитанностью и умственнымъ развитіемъ. Конечно, баронъ былъ въ проигрышѣ, но нашелся и въ этомъ критическомъ положеніи. Онъ украсилъ свою шапочку

съ обѣихъ сторонъ гибкими вѣтками, набросилъ на костлявыя плечи короткій плащъ изъ плотной шолковой матеріи и принялся очень удачно изображать изъ себя Мефистофеля, скользя неслышной походкой между танцующими парами и стараясь по возможности ссорить влюбленныхъ. Между тѣмъ Гуго устраивалъ кадриль и пригласилъ кавалера Елены танцовать съ нимъ визави. Это былъ первый шагъ къ примиренію, не замедлившій оказать свое дѣйствіе. Хотя капризная красавица не отвѣчала на его тихіе намеки о происшедшемъ между ними недоразумѣніи, но Гуго все таки удалось объяснить свой образъ дѣйствій ревностью, что̀ сильно польстило молодой дѣвушкѣ. Ея визави все настойчивѣе молилъ о прощеніи; имъ приходилось, по правиламъ кадрили, то расходиться, то сближаться, и наконецъ раскраснѣвшаяся, смущенная Елена, не говоря ни слова, отвѣтила Гуго легкимъ рукопожатіемъ. Послѣ танца они окончательно примирились. Непродолжительная размолвка превратила ихъ мимолетное чувство въ настоящую страсть, и молодые люди украдкой обмѣнивались словами любви въ промежуткахъ между танцами.

Ярко освѣщенныя развалины представляли очень красивую картину, и Функъ любовался ею съ выступа стѣны, откуда были отлично видны танцующія пары. Въ эту минуту, странная сцена въ отдаленномъ углу привлекла его вниманіе. Онъ оставилъ свой наблюдательный постъ и рѣшился поближе посмотрѣть, что̀ тамъ происходило. Гофратъ Вемеръ позволилъ себѣ немного вздремнуть въ уединенномъ мѣстечкѣ послѣ выпитаго вина и утомительной прогулки. Его дамы не думали ѣхать домой до окончанія пикника. Вдругъ надъ спящимъ склонилась какая-то темная фигура; всмотрѣвшись пристальнѣе, Функъ узналъ въ ней доктора, которому удалось выслѣдить свою жертву въ этомъ уединенномъ убѣжищѣ. Съ хирургическимъ наборомъ въ рукѣ, Эбергардъ съ такимъ восхищеніемъ смотрѣлъ на затвердѣлую опухоль гофрата, какъ будто онъ былъ влюбленнымъ и любовался ямочкой на румяной щекѣ своей красавицы. Поза и выраженіе лица Эбергарда обнаруживали въ немъ сильную внутреннюю борьбу. Дѣйствительно, искушеніе было велико, и наростъ точно поддразнивалъ его своимъ видомъ. Паціенту такъ легко помочь... не было ли обязанностью врача сдѣлать ему операцію даже противъ воли?... Послѣ нѣкотораго колебанія, Эбергардъ со вздохомъ положилъ свои инструменты обратно въ карманъ и, собираясь уйти, бросилъ прощальный взглядъ на предметъ своихъ страстныхъ желаній. Опухоль такъ соблазнительно закруглялась у нижней челюсти гофрата, что докторъ не *могъ устоять* отъ искушенія, по крайней мѣрѣ, внимательно ее ощу-

пать. Старикъ спалъ такъ крѣпко, что не проснулся отъ прикосновенія докторскихъ пальцевъ, не особенно нѣжно давившихъ ему желвакъ. Тутъ Эбергарду блеснула счастливая мысль оперировать паціента во время сна, и онъ немедленно привелъ ее въ исполненіе. Послѣ нѣсколькихъ ловкихъ надрѣзовъ, вызвавшихъ очень незначительную потерю крови, наростъ былъ вынутъ. Въ эту минуту паціентъ открылъ глаза и съ ужасомъ увидѣлъ передъ собою своего неумолимаго преслѣдователя, съ ланцетомъ въ рукѣ. Схватившись за больное мѣсто, онъ сообразилъ все случившееся и съ громкимъ воплемъ хотѣлъ вскочить и спасаться бѣгствомъ. Но непоколебимое хладнокровіе Эбергарда заставило гофрата опомниться; молодой врачъ удержалъ его и наложилъ на рану нѣсколько полосокъ липкаго пластыря, любезно объясняя въ то же время, какія мѣры нужно принять на слѣдующій день, чтобы совершенно вылѣчиться. Жалобно стоная и прикладывая къ щекѣ платокъ, бѣгалъ почтенный сановникъ туда и сюда, не зная, какъ онъ появится въ такомъ видѣ передъ дамами. Наконецъ докторъ, поднесъ къ лицу гофрата миньятюрное зеркальце, вдѣланное въ его карманную щетку, и убѣдилъ старика, что онъ вовсе не такъ страшенъ, какъ думаетъ. Однако паціентъ продолжалъ подозрительно коситься на Эбергарда и избѣгать его, а тотъ, въ свою очередь, старался не попадаться на глаза его супругѣ, которая показалась ему весьма энергичной особой.

Мало по малу плошки стали горѣть тусклѣе, а въ иныхъ мѣстахъ грозили и совершенно погаснуть; это послужило сигналомъ къ возвращенію домой. Гуго совсѣмъ забылъ свою обязанность относительно Иды; онъ заботился только о томъ, чтобы найти себѣ въ экипажѣ мѣстечко возлѣ Елены. Такимъ образомъ, Функу пришлось довести царицу любви до кареты. Самъ онъ предпочелъ вернуться домой пѣшкомъ и на обратномъ пути, при тихомъ мерцаніи звѣздъ, въ его воображеніи рисовался прелестный образъ молодой дѣвушки, съ которою ему пришлось танцовать. Функъ серьезно сожалѣлъ, что не замѣтилъ раньше этого милаго ребенка и разстался съ нею, не узнавъ даже ея имени.

(*Продолженіе будетъ*).

Южный вѣтеръ.

Шелъ я. Вешній сумракъ, пестрое движенье,
Снѣгъ наполовину стаявшій,—во мнѣ
Все будило только тайное презрѣнье
Къ сѣверной природѣ, къ сѣверной веснѣ.
Но пахнуло вѣтромъ, влажнымъ вѣтромъ южнымъ,
Мнѣ въ лицо плеснуло теплою волной —
И вздохнулось легче, и въ умѣ недужномъ
Зароились грёзы дѣвственной толпой.
Точно вся природа вдругъ помолодѣла,
Точно новымъ солнцемъ все освѣщено,
Точно издалека, весело и смѣло,
Припорхнуло съ вѣтромъ счастье заодно!

К. Фофановъ.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ЗА ОКЕАНОМЪ.

(Американскія письма).

Двадцать второй президентъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ.—Демократическая партія въ правленіе прежнихъ президентовъ.—Клевеландъ до его избранія.—Сложный механизмъ президентскихъ выборовъ.—День четвертаго марта въ Вашингтонѣ.—Рѣчь Клевеланда.—Новое министерство.—Офиціальный балъ.—Перемѣна въ управленіи.—Погоня за мѣстами.—Будущая политика.

Въ лицѣ Гровера Клевеланда великая американская республика получила двадцать втораго президента, и вмѣстѣ съ тѣмъ вступила въ двадцать пятую олимпіаду своей исторіи. Правда, „Соединенные Штаты Америки“ были провозглашены независимыми знаменитымъ актомъ 1776 года, но тогда еще предстояло отстоять независимость и самостоятельность новаго государства; съ того времени началась ожесточенная война, продолжавшаяся до 1783 года, когда англійское правительство признало американскія колоніи независимыми; но и тогда американская республика скорѣе существовала въ идеѣ, чѣмъ на дѣлѣ: общая конституція еще не была выработана и федеральное правительство еще не было организовано. Только въ 1787 году депутаты отъ тринадцати первоначальныхъ штатовъ пришли къ соглашенію относительно общаго правительства и составили конституцію, одобренную въ слѣдующемъ году большинствомъ штатовъ. Только тогда было признано возможнымъ приступить къ выборамъ президента и вице-президента. Въ 1789 г. Вашингтонъ присягнулъ на вѣрность конституціи и вступилъ въ должность перваго президента. Съ того времени американскіе историки ведутъ хронику своего конституціоннаго правительства. Поэтому, хотя американцы уже успѣли отпраздновать съ полдюжины разныхъ столѣтнихъ юбилеевъ,—столѣтній юбилей своего правительства имъ предстоитъ еще справить черезъ четыре года.

Со вступленіемъ въ должность Клевеланда, началась новая эра для демократической партіи. Просматривая американскую исторію, мы находимъ, что демократы держали въ своихъ рукахъ кормило правленія въ теченіе одиннадцати четырехлѣтій, т.е. почти столько же, сколько всѣ ихъ политическіе соперники, вмѣстѣ взятые. „Федералисты“ стояли въ главѣ правленія четыре четырехлѣтія (Вашингтонъ и два Адамса), „виги“—два четырехлѣтія (Гаррисонъ и Тэйлоръ) и „республиканцы“—шесть четырехлѣтій. Демократы по справедливости могутъ гордиться своими предводителями въ прошломъ. Если справедливо то, что федералистамъ принадлежитъ великая заслуга—

утвержденіе конституціоннаго правительства въ Соединенныхъ Штатахъ, то не менѣе справедливо и то, что демократамъ принадлежитъ честь громаднаго расширенія предѣловъ страны и полнаго развитія автономіи штатовъ. Правда, демократы склонялись на сторону рабовладѣльчества,—это великій грѣхъ ихъ партіи; но за этотъ грѣхъ они жестоко поплатились. Явилась на сцену новая партія—республиканская, въ существенныхъ чертахъ напоминавшая федералистскую, и отодвинула демократовъ на задній планъ. Цѣлыхъ двадцать четыре года находились они подъ политической эпитеміей. Тѣмъ временемъ, и за господствующей партіей накопилось много грѣховъ, великихъ и малыхъ. При такихъ условіяхъ, народъ призналъ нужнымъ передать снова кормило правленія—демократамъ.

Это событіе очень знаменательно во многихъ отношеніяхъ. Во-первыхъ, народъ не одобряетъ усиленной централизаціи власти,—централизаціи, къ которой республиканцы обнаружили такую чрезмѣрную склонность. Во-вторыхъ, народъ наконецъ вспомнилъ о великихъ принципахъ, провозглашенныхъ Джефферсономъ и Монроэ, и захотѣлъ снова сдѣлать ихъ живою силою. Въ-третьихъ, народъ простилъ демократамъ гражданскую войну и повѣрилъ искренности ихъ раскаянія. Въ виду всего этого, нельзя не согласиться съ демократами, что американская политика вступила теперь въ новую эру. Оправдаютъ ли демократы довѣріе народа—это вопросъ будущаго. Нельзя не имѣть въ виду того, что великіе учители демократовъ не могли оставить политическихъ рецептовъ, пригодныхъ на всякое время и во всѣхъ случаяхъ. Можно и, пожалуй, должно основываться на ученіи Джефферсона, когда дѣло идетъ о правахъ отдѣльныхъ штатовъ. Можно слѣдовать съ выгодою доктринѣ Монроэ въ иностранной политикѣ. Можно брать въ примѣръ Джаксона относительно внутренняго управленія. Но со времени этихъ великихъ демократовъ народились новые важные вопросы, которыхъ они и не предвидѣли. Поэтому, относительно современныхъ вопросовъ, демократамъ нашего времени придется дѣйствовать, что называется, своимъ умомъ. Въ политикѣ, какъ въ наукѣ, возможны эксперименты, и теперь американскій народъ производитъ политическій опытъ. Судя по тому, какъ народъ отнесся ко вступленію въ должность Клевеланда, можно думать, что американцы смотрятъ съ довѣріемъ и сочувствіемъ на возвращеніе демократовъ къ политической дѣятельстнои. Самое торжество четвертаго марта (inauguration) прекрасно характеризуетъ современныхъ намъ американцевъ во многихъ отношеніяхъ. Но прежде надо сказать нѣсколько словъ о виновникѣ торжества.

Гроверъ Клевеландъ родился въ 1837 году, слѣдовательно теперь ему только 48 лѣтъ. Изъ двадцати двухъ президентовъ онъ, за однимъ исключеніемъ,—самый юный: Гранту было 47 лѣтъ, когда онъ былъ выбранъ президентомъ. Отсюда можно бы заключить, что Клевеландъ очень рано успѣлъ заслужить всеобщее довѣріе и уваженіе. Но, до выборовъ, онъ былъ далеко менѣе извѣстенъ странѣ, чѣмъ любой изъ американскихъ президентовъ. Ни въ законодательномъ собраніи своего штата, ни въ конгрессѣ, ни на войнѣ, ни на публичной трибунѣ—Клевеландъ никогда не бывалъ; въ литературѣ онъ также не работалъ; слѣдовательно народъ даже не имѣлъ случая узнать и оцѣнить его по достоинству. При этомъ невольно является вопросъ: чѣмъ же объясняется назначеніе его въ кандидаты и самая побѣда демократовъ? Русскому читателю, не посвященному въ тайны американской политики, ни за что не понять этого. Въ Соединенныхъ Штатахъ нѣтъ плебисцита; граждане не вотируютъ каждый

за своего излюбленнаго кандидата. Здѣсь выборы—очень сложная механика. Прежде всего происходитъ назначеніе кандидатовъ въ президенты, но опять-таки народъ не прямо назначаетъ ихъ, а посредствомъ своихъ депутатовъ. Депутаты каждой партіи съѣзжаются на общій конвентъ и назначаютъ кандидатовъ; сколько партій, столько и кандидатовъ. Въ прошлые выборы ихъ было пять—республиканскій, демократическій, партія народа, партія воздержанія отъ спиртныхъ напитковъ и женской партія. Четвертаго ноября народъ избираетъ президентскихъ электоровъ, при этомъ напередъ извѣстно, какой электоръ за какого кандидата будетъ вотировать. Поэтому, когда электоры избраны, рѣшается вопросъ, кому быть президентомъ, хотя электоры соберутся поштатно только мѣсяца черезъ полтора; да и тогда официальнаго результата нельзя знать, такъ какъ электоры каждаго штата, не объявляя именъ, отсылаютъ свои голоса президенту сената Соединенныхъ Штатовъ. Въ осеннюю сессію конгресса голоса электоровъ считаются и результатъ выборовъ объявляется всенародно.

Теперь спрашивается: за какія же качества и заслуги Клевеландъ, до сихъ поръ почти неизвѣстный странѣ, былъ объявленъ вождемъ демократовъ? Онъ былъ губернаторомъ, но губернаторовъ въ Соединенныхъ Штатахъ до сорока. Этимъ и исчерпывается послужной списокъ Клевеланда, но именно потому-то онъ имѣлъ болѣе шансовъ на успѣхъ, чѣмъ заслуженные и старые вожди демократовъ; тѣхъ народъ хорошо зналъ и по отношенію къ нимъ подраздѣлялся на враждебныя группы. По отношенію же къ Клевеланду, такой сепаратизмъ въ партіи былъ немыслимъ, и его дѣйствительно не было; мало того, группы республиканцевъ, враждебныхъ республиканскому кандидату, легко перешли на сторону демократическаго кандидата. Когда имя Клевеланда впервые было произнесено во время выборовъ, всюду спрашивали: кто онъ? что онъ сдѣлалъ? Въ отвѣтъ на эти вопросы, народъ узналъ, что Клевеландъ не получилъ даже средняго образованія, что сначала онъ сидѣлъ за прилавкомъ, а потомъ, частнымъ образомъ изучивъ американскіе законы, былъ допущенъ къ адвокатурѣ, что впослѣдствіи онъ былъ избранъ сначала мэромъ въ Буффало, а потомъ губернаторомъ штата Нью-Іоркъ. Будучи въ этихъ должностяхъ, онъ энергично и честно исполнялъ свои обязанности. Вотъ и все. И прекрасно, рѣшилъ народъ: такой человѣкъ скорѣе всего будетъ мнѣ вѣрнымъ слугою и стражемъ конституціи. Дѣло въ томъ, что въ странѣ, пользующейся самымъ широкимъ самоуправленіемъ, единичная личность въ администраціи,—пусть эта личность будетъ даже президентомъ,—немного значитъ; тутъ важна система, а не индивидуумы. Единичная личность можетъ имѣть громадное значеніе только въ исключительные моменты жизни народной, т. е. когда дѣло касается самой системы. Такъ, Линкольнъ заслужилъ безсмертную славу, потому что ему на долю выпало не только сохранить, но даже усовершенствовать систему. Правители же, со времени Линкольна, были люди крайне обыденные съ точки зрѣнія государственной дѣятельности; не смотря на это, государственная машина работала вполнѣ исправно. Здѣсь конгрессъ гораздо болѣе значитъ, чѣмъ президентъ. Повторяю, важна система, а не единичные люди. Только съ этой точки зрѣнія можетъ быть понятно, почему американцы рѣшаются назначать на „первое мѣсто“ въ странѣ даже обыденныхъ людей. Въ виду этого, понятно, что нѣтъ никакого резона преувеличивать значеніе Клевеланда. Онъ *попалъ на кресло* Вашингтона, Джефферсона и Линкольна,

но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что онъ обладаетъ свойствами и качествами этихъ великихъ людей. Американцамъ это хорошо извѣстно, поэтому они обыкновенно называютъ его „человѣкомъ судьбы“ (man of destiny) и „счастливымъ человѣкомъ“ (lucky man). Нужно отдать справедливость и Клевеланду: онъ вовсе и не претендуетъ на роль важнаго общественнаго дѣятеля; съ похвальною скромностью онъ обѣщаетъ только честно исполнять законы и быть вѣрнымъ стражемъ конституціи; онъ избѣгаетъ шумныхъ овацій и вообще держитъ себя крайне просто.

Въ Вашингтонѣ Клевеландъ появился рано утромъ 3-го марта; такъ какъ онъ не телеграфировалъ изъ Альбани, столицы штата Нью-Іоркъ, о своемъ выѣздѣ, то въ Вашингтонѣ никто его не встрѣтилъ; ему пришлось ждать въ вагонѣ съ полчаса, пока наконецъ кто-то изъ офиціальныхъ лицъ потребовалъ нѣсколько каретъ и доставилъ новаго президента и его родныхъ въ отель. Одинъ изъ инспекторовъ нью-іоркской полиціи съ четырьмя полицейскими, одѣтыми въ гражданское платье, сопровождалъ Клевеланда. Конечно, о какой бы то ни было опасности не могло быть и рѣчи. Самъ Клевеландъ былъ противъ всякихъ „тѣлохранителей“, но его друзья настояли на своемъ—дали ему провожатыхъ „на всякій случай“.

Въ связи съ этимъ, нельзя не указать на одинъ очень интересный фактъ. Здѣсь считаютъ за правило, что всякое важное событіе служитъ послѣднимъ толчкомъ къ проявленію разстройства умственныхъ способностей въ одномъ или даже въ нѣсколькихъ субъектахъ. Когда президентъ Гарфильдъ, прострѣленный Гито, лежалъ въ агоніи, въ Вашингтонѣ появилось двое сумашедшихъ съ цѣлью излѣчить больнаго; одинъ изъ нихъ хотѣлъ возложить на Гарфильда свои руки, по примѣру апостоловъ, а другой предлагалъ какое-то зелье, до котораго дошелъ своимъ умомъ. Не обошлось безъ комическаго элемента и на этотъ разъ. Въ Нью-Іоркѣ появился человѣкъ, который объявилъ, что Господь послалъ его удалить Клевеланда отъ президентской должности путемъ нравственнаго убѣжденія; этого „миссіонера“ сейчасъ же отправили въ желтый домъ.

3-го марта Клевеландъ и Арчеръ обмѣнялись визитами. Вмѣстѣ съ Клевеландомъ прибыли въ Вашингтонъ его родные: три сестры, изъ нихъ двѣ замужнія, и братъ (пасторъ) съ семьей. Дѣвицѣ Клевеландъ выпала завидная доля, по крайней мѣрѣ, въ глазахъ американокъ,—быть хозяйкой „Бѣлаго дома“. Между тѣмъ столица все болѣе и болѣе принимала видъ чудовищнаго карнавала. Со всѣхъ сторонъ народъ валилъ туда сотнями и даже тысячами. Желѣзнодорожные поѣзды и пароходы неслись цѣлыми процессіями. Говорятъ, всѣхъ гостей было до 150,000. Что это были за гости—мы увидимъ ниже. Всѣ дома, частные и общественные, были украшены флагами, знаменами, гербами или просто матеріей національныхъ цвѣтовъ. Днемъ и вечеромъ гости изъ каждаго штата устраивали овацiи и серенады своимъ представителямъ въ конгрессѣ.

На слѣдующій день проснувшіеся граждане прежде всего спрашивали: какова погода? Погода была отмѣнно хорошая,—былъ теплый, ясный, тихій день. „Just Cleveland's luck“—твердили американцы. Дѣйствительно, насколько запомнятъ вашингтонцы, другимъ президентамъ приходилось вступать въ должность въ дождливую или пасмурную погоду. Въ 10 часовъ 30 минутъ, Клевеландъ отправился въ Бѣлый домъ, откуда черезъ полчаса двинулась, какъ *говорятъ здѣсь*, „президентская процессія“.

Въ процессіи участвовало до 30,000 человѣкъ. Прежде всего слѣдовалъ отрядъ конной полиціи. Затѣмъ ѣхалъ верхомъ генералъ Слокумъ, главный маршалъ процессіи, сопровождаемый сотней адьютантовъ; между адьютантами было много генераловъ и офицеровъ милиціи, были также и простые граждане. Далѣе слѣдовала президентская карета, запряженная четверкой. Въ этой каретѣ сидѣли—Арчеръ по правую и Клевеландъ по лѣвую сторону, а впереди, лицомъ къ нимъ, сидѣли сенаторы Шерманъ и Пендльтонъ, члены распорядительнаго комитета по этой церемоніи. Затѣмъ въ каретѣ, запряженной также четверкой, слѣдовалъ вице-президентъ Гендриксъ. Далѣе въ каретахъ ѣхали родные президентовъ, министры и почетные гости. Народъ привѣтствовалъ президентовъ крикомъ „ура“ и аплодисментами. Дамы махали платками, мужчины—шляпами. Далѣе процессія раздѣлилась на четыре дивизіи; первыя три дивизіи состояли изъ военныхъ—регулярной арміи и милиціи; послѣдняя—изъ частныхъ гражданъ, раздѣленныхъ на шесть бригадъ. Стройная маршировка солдатъ вызывала шумныя одобренія со стороны публики. На долю солдатъ-негровъ выпало еще болѣе аплодисментовъ, чѣмъ на долю бѣлыхъ. Публика хорошо помнила, что во время послѣдняго демократическаго президента (Буханана) негры еще продавались, наравнѣ со скотомъ, а теперь они—полноправные граждане. Изъ штата Пенсильванія на праздникѣ было до восьми тысячъ военныхъ. Третьей дивизіей командовалъ генералъ Ли, племянникъ генерала Роберта Ли, главнокомандующаго арміей южанъ во время гражданской войны; онъ также сражался за южанъ. Едва-ли кто другой во всей процессіи, за исключеніемъ Клевеланда, заслужилъ столько шумныхъ одобреній, какъ этотъ бывшій повстанецъ Ли,—то была необыкновенная овація. Это явленіе—крайне отрадно: оно воочію показало всѣмъ, что южане и сѣверяне дѣйствительно забыли прошлое и что отнынѣ они способны относиться другъ къ другу довѣрчиво, по братски.

Здѣшняя милиція не имѣетъ опредѣленной формы, каждый полкъ въ каждомъ штатѣ одѣвается на свой образецъ, поэтому милиціонеры въ процессіи представляли какъ бы смѣсь армій изъ разныхъ странъ: тутъ виднѣлись прусскія каски, костюмъ французскихъ зуавовъ, своеобразный мундиръ ирландцевъ, старинная форма „гренадеровъ Рошамбо“, мундиръ солдатъ покойной южной конфедераціи и фантастическая форма, выдуманная самими американцами: тутъ были солдаты, щеголявшіе красными, бѣлыми и желтыми эполетами; что же касается цвѣта мундира и штановъ, тутъ можно было наблюдать комбинацію чуть не всѣхъ радужныхъ цвѣтовъ. За военными слѣдовали частные граждане, но и тутъ не было однообразія въ костюмѣ. Такъ, знаменитый политическій клубъ „Таммани“, въ числѣ 1500 человѣкъ, былъ одѣтъ по индѣйски — перья, „военная краска“, томагавки. Другой демократическій клубъ—„Irving Hall Club“—былъ одѣтъ по примѣру праотцевъ временъ Вашингтона — бѣлые парики, фраки, узкіе штаны по колѣна, чулки и башмаки съ металлическими пряжками. Далѣе клубы отличались одинъ отъ другаго по цвѣту шляпъ и пальто. Потомъ слѣдовало 219 наѣздниковъ—по числу электоральныхъ голосовъ, поданныхъ за Клевеланда. Процессія заканчивалась отрядомъ пожарныхъ: тутъ везли старинную пожарную машину, со старомодными лѣстницами и другими принадлежностями, и паровую пожарную машину нашего времени. Какая поразительная разница: современная пожарная машина янки—чудо совершенства въ своемъ родѣ. Въ процессіи было до восьмидесяти оркестровъ музыки; кромѣ обыкновенныхъ оркестровъ трубачей и барабанщиковъ, тутъ были отдѣльные оркестры барабанщиковъ,

также музыкантовъ съ флейтами и свирѣлями. Для процессіи потребовалось цѣлыхъ три часа, чтобы пройти отъ Бѣлаго дома до капитолія.

Въ сенатѣ, между тѣмъ, шло засѣданіе обычнымъ порядкомъ; однимъ изъ послѣднихъ билей 48-го конгресса было назначеніе Гранта „отставнымъ генераломъ" съ полнымъ окладомъ пенсіи (13,500 дол.). Вдругъ показывается въ дверяхъ сената президентъ Арчеръ. Раздается оглушительный взрывъ аплодисментовъ. Чрезъ минуту показывается новоизбранный президентъ, и снова громъ аплодисментовъ, еще болѣе оглушительный. Вице-президентъ Гендриксъ былъ приведенъ къ присягѣ, онъ „торжественно клялся поддерживать конституцію". Въ своей прощальной рѣчи, президентъ сената Эдмундсъ сказалъ, между прочимъ: „я могу сказать за всѣхъ, что мы сильно вѣримъ, что, въ будущемъ, въ нашей республикѣ будутъ все болѣе и болѣе крѣпнуть миръ, свобода, порядокъ и безопасность всего народа."

Новый президентъ сената привелъ къ присягѣ новыхъ сенаторовъ, а затѣмъ президенты, судьи, сенаторы, народные депутаты, дипломаты и почетные гости отправились на платформу, устроенную на восточной сторонѣ капитолія. Съ давнихъ временъ президенты Соединенныхъ Штатовъ присягаютъ передъ лицомъ народа. Новоизбранный президентъ, вставъ съ своего мѣста и обращаясь къ народу, сказалъ слѣдующую рѣчь:

„Сограждане! Въ присутствіи этого громаднаго собранія моихъ соотечественниковъ я завершу и запечатлѣю клятвой выраженіе воли великаго и свободнаго народа. Пользуясь своею властью и правомъ самоуправленія, граждане вручили одному изъ своей среды высокую и священную обязанность, и онъ здѣсь посвящаетъ себя на службу имъ. Эта внушительная церемонія немного прибавляетъ къ тому высокому сознанію отвѣтственности, съ которымъ я смотрю на свои обязанности по отношенію къ народу всей страны. Ничто не можетъ избавить меня отъ безпокойства, дабы его интересы не пострадали чрезъ какое либо мое дѣйствіе; и я не нуждаюсь ни въ чемъ внѣшнемъ для укрѣпленія моей рѣшимости посвятить всѣ мои силы и способности для увеличенія благосостоянія народа. Народный выборъ былъ сдѣланъ среди шума враждебныхъ партій; но всѣ обстоятельства выборовъ снова доказали крѣпость и безопасность правительства въ рукахъ народа. Съ каждымъ годомъ становится все болѣе и болѣе очевиднымъ, что нашъ демократическій принципъ не нуждается въ апологіи и что въ его вѣрномъ и смѣломъ примѣненіи заключается самая надежная гарантія хорошаго правительства. Но лучшіе результаты дѣйствія правительства, въ которомъ участвуетъ каждый гражданинъ, въ значительной степени зависятъ отъ надлежащаго ограниченія чисто партіонныхъ усилій и отъ правильнаго опредѣленія того времени, когда партіонный пылъ надлежитъ охладить гражданскимъ патріотизмомъ. Сегодня исполнительная вѣтвь правительства передается въ новыя руки, но, не смотря на то, правительство все таки остается всенароднымъ, а потому оно заслуживаетъ всеобщаго усерднаго вниманія. Въ настоящее время, вражда политическихъ партій, горечь пораженія и экзальтація тріумфа должны уступить мѣсто покорности народной волѣ и добросовѣстной заботливости объ общемъ благѣ... Нашъ „отецъ отечества" рекомендовалъ принять конституцію, какъ „результатъ чувства дружбы и взаимныхъ уступокъ". Въ этомъ же духѣ она должна быть соблюдаема для того, чтобы увѣковѣчить благосостояніе нашей страны и обезпечить полную мѣру ея безцѣнныхъ благодѣяній какъ самимъ себѣ, такъ и нашимъ потомкамъ. Громадное разнообразіе интересовъ, подлежащихъ федеральному контролю, не помѣшаетъ выполненію законовъ—этого величайшаго блага для величайшаго числа людей—если въ національномъ законодательномъ собраніи будетъ сохраненъ тотъ духъ дружбы и взаимныхъ уступокъ, при которомъ родилась на свѣтъ наша конституція. Если при этомъ придется отказаться отъ нѣкоторыхъ частныхъ интересовъ, то нужно утѣшаться тѣмъ сознаніемъ, что только такимъ путемъ можно обезпечить и увеличить общее благоденствіе. При выполненіи своихъ официальныхъ обязанностей, я имѣю въ виду руководиться правильнымъ пониманіемъ конституціи; *я буду внимательно* различать права, данныя федеральному правительству, и права, *предоставленныя* отдѣльнымъ штатамъ и сохраненныя за народомъ; я буду съ осто-

рожностью пользоваться тѣми правами, которыя конституціей и законами предоставлены спеціально исполнительной вѣтви правительства. Но тотъ, кто сегодня клянется оберегать и защищать конституцію Соединенныхъ Штатовъ, принимаетъ на себя ту же священную обязанность, которую раздѣляютъ съ нимъ всѣ граждане, будь они на фермахъ, на заводахъ, на рынкахъ или въ другихъ мѣстахъ. Мои соотечественники! конституція, предписывающая мнѣ присягу, —ваша; правительство, которое вы поручаете мнѣ на время, – ваше; выборы, которыми опредѣляется народная воля,—ваши; законы и весь гражданскій порядокъ, отъ городскихъ собраній до національнаго капитолія, все это ваше!.. Народные слуги обязаны ограничивать общественныя издержки дѣйствительными потребностями правительства и поставить все на экономную ногу, этимъ и ограничивается право правительства требовать дань отъ сбереженій труда или отъ собственности гражданъ; нужно также имѣть въ виду, что общественная расточительность порождаетъ расточительность и между народомъ. Мы никогда не должны стыдиться простоты и благоразумной экономіи, которыя болѣе приличествуютъ республиканской формѣ правленія и всего болѣе согласны съ миссіей американскаго народа... Духъ нашихъ учрежденій, внутреннія потребности нашего народа, заселеніе нашей обширной территоріи и развитіе природныхъ богатствъ страны—все это требуетъ, чтобы мы неуклонно держались той иностранной политики, которая завѣщана намъ нашей исторіей и преданіями, и которая всего болѣе согласна съ благоденствіемъ нашей республики... Это—политика Монроэ, Вашингтона и Джефферсона: „Миръ, торговля и честная дружба со всѣми націями, но опасный союзъ—ни съ одной изъ нихъ“. Изъ уваженія къ интересамъ и благоденствію цѣлаго народа, мы должны наблюдать, чтобы наши финансовыя операціи имѣли здравое и разумное основаніе, чтобы дѣловыя сношенія были обезпечены, плата рабочимъ гарантирована и народъ былъ избавленъ отъ ненужныхъ налоговъ; налагая общественныя подати, мы должны оберегать интересы капиталистовъ и рабочихъ, и предотвращать накопленіе излишка въ казнѣ, такъ какъ такой излишекъ ведетъ къ расточительности и ненужнымъ тратамъ. Изъ уваженія къ собственности націи и къ нуждамъ будущихъ поселенцевъ, мы должны охранять общественныя земли отъ воровскихъ плановъ и незаконныхъ завладѣній. По голосу народа, съ индѣйцами, живущими въ нашихъ границахъ, нужно обращаться честно, какъ съ людьми, ввѣренными опекѣ правительства: нужно содѣйствовать ихъ образованію и цивилизаціи, чтобы приготовить ихъ къ гражданству. Что же касается полигаміи въ нѣкоторыхъ территоріяхъ, столь разрушительной для семейныхъ узъ и противной нравственному чувству цивилизованнаго міра, то она должна быть подавлена. Слѣдуетъ строго соблюдать законы,—воспрещающіе переселеніе сюда рабскаго (servile) класса, который, соперничая съ американскимъ трудомъ, не пріобрѣтаетъ правъ гражданства; люди этого класса приносятъ сюда обычаи и привычки, на которые цивилизованный міръ смотритъ съ отвращеніемъ. Народъ требуетъ реформы въ администраціи и примѣненія дѣловыхъ принциповъ къ общественнымъ дѣламъ; поэтому реформа гражданской службы должна быть честно соблюдаема. Наши граждане имѣютъ право требовать удаленія неспособныхъ чиновниковъ, получающихъ мѣста только за услуги партіи; въ этомъ случаѣ развращаются тѣ, кто даетъ мѣста, равно какъ и тѣ, кто домогается ихъ... Такъ какъ наше правительство обязано наблюдать одинаковую справедливость по отношенію ко всѣмъ людямъ, то нѣтъ основанія для освобожденныхъ рабовъ опасаться за свои права, дарованныя имъ нашей конституціей и ея добавленіями. Всякіе толки относительно ихъ способности пользоваться всѣми правами американскаго гражданства теперь совершенно безполезны: мы можемъ только желать, чтобы они развивались дальше. Будучи гражданами, они имѣютъ всѣ права и несутъ всѣ обязанности гражданства. Эти пункты и разнообразныя нужды нашего дѣятельнаго и предпріимчиваго народа должны занимать вниманіе всѣхъ тѣхъ, кто создаетъ и кто исполняетъ федеральные законы. Практическія наши нужды требуютъ дѣловаго къ нимъ отношенія со стороны общественныхъ дѣятелей, и всего болѣе отъ нихъ требуется твердая рѣшимость, соединенными усиліями, обезпечить всему народу блага лучшей формы правленія, когда либо данной человѣку. Но не будемъ полагаться только на людскія усилія. Смиренно признавая власть и милость всемогущаго Бога, держащаго въ своихъ рукахъ судьбы всѣхъ народовъ и неоднократно являвшаго свое милосердіе нашей странѣ, призовемъ на помощь и его благословеніе на наши труды!“

Эту рѣчь Клевеландъ произнесъ наизустъ, по примѣру президента Пирса (1853 г.). Всѣ остальные президенты читали свои рѣчи по руко-

писямъ. По окончаніи рѣчи, стотысячная толпа огласила воздухъ одобрительными криками и аплодисментами. Хотя голосъ Клевеланда звонкій и чистый, тѣмъ не менѣе большинство публики не слышало ни единаго слова. Послѣ этого, главный судья верховнаго суда привелъ Клевеланда къ присягѣ, согласно конституціи. Вотъ слова присяги: „Клянусь торжественно, что я буду вѣрно исполнять обязанности президента Соединенныхъ Штатовъ и буду усерднѣйшимъ образомъ сохранять и защищать конституцію Соединенныхъ Штатовъ“ (Ст. II, секція 8). По принесеніи присяги, президентъ поцѣловалъ библію. По его просьбѣ, ему была подана та самая библія, которую вручила ему мать, когда онъ, еще юношей, оставлялъ родительскій домъ, чтобы искать счастья. Послѣ этого, процессія двинулась обратно, отъ капитолія къ Бѣлому дому. На этотъ разъ президентъ Клевеландъ сидѣлъ справа, а экс-президентъ Арчеръ слѣва. Съ площадки Бѣлаго дома Клевеландъ смотрѣлъ на процессію, цѣлыхъ два часа двигавшуюся мимо него. Въ четыре часа онъ, какъ хозяинъ уже Бѣлаго дома, могъ предложить обѣдъ экс-президенту Арчеру, его и своимъ министрамъ или, вѣрнѣе, секретарямъ и немногимъ гостямъ, между которыми было нѣсколько дамъ. Послѣ обѣда, новые обитатели Бѣлаго дома остались одни. Имъ оставалось часа два для отдыха, а потомъ нужно было идти на официальный балъ. На этотъ разъ балъ былъ устроенъ въ зданіи, занимаемомъ департаментомъ пенсій; это зданіе еще не окончено, поэтому распорядителямъ празднествъ легко было устроить такую громадную залу, какой никогда не было въ Америкѣ. На этомъ балу одновременно собралось до десяти тысячъ мужчинъ и женщинъ. Зала была украшена національными флагами, знаменами, гербами всѣхъ штатовъ, зеленью и цвѣтами. Больше всего бросались въ глаза эмблематическія украшенія. Такъ, для Клевеланда было приготовлено громадное кресло, сплошь покрытое цвѣтами. „Кресло Вашингтона“—символъ президентской власти. Въ одномъ мѣстѣ красовался пароходъ изъ цвѣтовъ и зелени—это символъ морскаго министерства. Въ другомъ мѣстѣ виднѣлись двѣ пушки, крестъ на крестъ, тоже изъ цвѣтовъ—это знакъ военнаго министерства. Почтовая сумка съ письмомъ президенту Клевеланду— эмблема министерства почтъ. Въ углу залы стоялъ столъ, на столѣ книга законовъ, а подъ книгой вѣсы,—все изъ цвѣтовъ,—символъ министерства юстиціи. Громадный денежный шкафъ, также изъ цвѣтовъ,—означалъ министерство финансовъ. Эмблема министерства внутреннихъ дѣлъ была красивѣе другихъ: пень съ топоромъ, плугъ, коса и снопъ пшеницы,—все изъ прекраснѣйшихъ цвѣтовъ. Гербъ Соединенныхъ Штатовъ, изъ красныхъ, бѣлыхъ и голубыхъ цвѣтовъ, представлялъ министерство иностранныхъ дѣлъ. Зала освѣщалась электричествомъ.

Вице-президентъ Гендриксъ съ женой прибылъ на балъ ранѣе другихъ магнатовъ республики. Затѣмъ показался *мистеръ* Арчеръ, сопровождаемый своими министрами и ихъ женами. Республиканцы привѣтствовали его очень шумно. Въ 10 ч. 30 м. музыка заиграла президентскій маршъ—Hail to the Chief („Да здравствуетъ начальникъ“) и показался президентъ Клевеландъ. Раздался громъ аплодисментовъ. Президентъ велъ свою сестру, дѣвицу Клевеландъ; за нимъ слѣдовали сестры и братъ президента и нѣкоторые изъ будущихъ министровъ съ женами. Сдѣлавъ два тура кругомъ залы, президентъ удалился въ собственную комнату, гдѣ ему представлялось до сотни *разныхъ* лицъ. Въ полночь президентъ оставилъ балъ, въ самый разгаръ *веселья:* раньше полночи танцы не могли начаться, такъ какъ буквально

негдѣ было повернуться. Дамы были одѣты, конечно, по послѣдней парижской модѣ; многія изъ нихъ спеціально для этого бала выписали себѣ платья изъ Парижа. Американцы,—какъ извѣстно, большіе охотники до вальса,—на этотъ разъ могли наслаждаться созерцаніемъ необыкновенной картины: стоя на хорахъ, они могли видѣть двѣ тысячи паръ, вальсирующихъ за разъ на блестящемъ паркетѣ. Въ девяти комнатахъ былъ накрытъ столъ и гости могли почти за безцѣнокъ утолить свой голодъ и жажду. Къ входной платѣ (пять долларовъ) гости доплачивали долларъ и могли ѣсть, что имъ угодно. Вина продавались по четыре доллара за бутылку.

За исключеніемъ горячихъ блюдъ, весь обѣдъ былъ приготовленъ въ Нью-Іоркѣ, откуда былъ доставленъ въ Вашингтонъ въ вагонахъ-ледникахъ. Балъ продолжался до утра. Красавицы-южанки въ первый разъ за эти 25 лѣтъ охотно танцовали съ янки-кавалерами. Извѣстно, что южане называютъ „янки“ сѣверянъ, а на себя смотрятъ, какъ на особый народъ. Побѣдителямъ легко быть великодушными, а южане (южанки тожъ) теперь считаютъ себя побѣдителями. Вѣдь сила демократовъ заключается, главнымъ образомъ, въ южныхъ штатахъ; слѣдовательно на этотъ разъ южане дѣйствительно побѣдили сѣверянъ, хотя исходъ борьбы вполнѣ зависѣлъ отъ штата Нью-Іоркъ.

Вечеромъ была блистательная иллюминація, какой вашингтонцы еще никогда не видали. Особенно хорошъ былъ видъ электрическаго „водопада“, спущеннаго внизъ съ обелиска Вашингтона, съ высоты 500 футовъ. Такъ кончилось торжество „иновгураціи“. Новая администрація, впрочемъ, еще не была вполнѣ организована. Только четвертаго марта президентъ и вице-президентъ были введены въ должность; назначеніе министровъ было еще впереди. На слѣдующій день, утромъ, президентъ принималъ поздравленія судей верховнаго суда, сенаторовъ, народныхъ представителей, дипломатическаго корпуса и депутатовъ политическихъ клубовъ, участвовавшихъ въ торжествѣ четвертаго марта. Въ полдень, когда открылось засѣданіе сената, одинъ изъ секретарей президента представилъ президенту сената запечатанный пакетъ, содержавшій списокъ новыхъ министровъ: сенаторъ Баярдъ—министръ иностранныхъ дѣлъ; Маннингъ—министръ финансовъ; судья Эндикотъ—военный министръ; Гоптней—морской министръ; сенаторъ Ламаръ—министръ внутреннихъ дѣлъ; Вайласъ—министръ почтъ; сенаторъ Гарландъ — министръ юстиціи. Двое министровъ—изъ южныхъ штатовъ: Ламаръ изъ штата Миссисипи и Гарландъ изъ штата Арканзаса. Сенаторъ Ридльбергеръ протестовалъ противъ назначенія Баярда министромъ иностранныхъ дѣлъ на томъ основаніи, что Баярдъ предложилъ выразить сочувствіе англійскому парламенту по поводу послѣднихъ взрывовъ въ Англіи. Республиканскіе сенаторы были крайне недовольны выходкой Ридльбергера. Засѣданіе было закрыто, такъ какъ сенаторамъ не хотѣлось разсуждать о взрывахъ. На слѣдующій день Ридльбергеръ хранилъ молчаніе, поэтому списокъ министровъ былъ утвержденъ безъ возраженій.

7-го марта одинъ изъ судей обошелъ всѣ министерства и привелъ къ присягѣ новыхъ министровъ; при этомъ старые министры формально передавали дѣла своимъ преемникамъ и прощались со своими подчиненными. Въ этотъ же день, у новой „госпожи Бѣлаго дома“ былъ назначенъ первый пріемъ (reception) дамамъ Вашингтона. Эта церемонія заключалась въ томъ, что дамы входили въ Бѣлый домъ, здоровались съ миссъ Клевеландъ и ея сестрами и выходили вонъ. Это было, такъ сказать, первое знакомство „*первой леди страны*“ съ гражданками. Хозяйка Бѣлаго дома

играетъ важную роль въ Вашингтонѣ: она даетъ тонъ всей столицѣ. При Арчерѣ, въ Бѣломъ домѣ царила его сестра, госпожа Мак-Эльрой, красивая, свѣтская женщина съ развитымъ вкусомъ. Вечера, балы и обѣды, даваемые въ бѣломъ домѣ, отличались изяществомъ и оживленностью. Натурально, жители Вашингтона подражали Бѣлому дому. Жена президента Гейса была усерднымъ членомъ общества воздержанія отъ спиртныхъ напитковъ, поэтому вино было изгнано изъ Бѣлаго дома. Разумѣется, гости не могли оживляться чистою водою, хотя бы и предлагаемою президентомъ. Кромѣ того, госпожа Гейсъ вѣчно одѣвалась въ черное платье—шолковое или бархатное. Вода, черный цвѣтъ и постныя манеры царили тогда въ Вашингтонѣ. Другое дѣло было при Грантѣ. Госпожа Грантъ усердно помогала своему мужу жить весело. Балы и обѣды въ Бѣломъ домѣ отличались пышностью и весельемъ, и весь Вашингтонъ пировалъ на славу. Теперь вашингтонскія дамы и все общество спрашиваютъ: какой же тонъ дастъ дѣвица Клевеландъ? До сихъ поръ она была лектрисой, читала лекціи по исторіи и литературѣ въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Если она останется вѣрна своимъ вкусамъ и привычкамъ, то сдѣлается въ своемъ родѣ „Меценатомъ“. Но веселые вашингтонцы допускаютъ возможность и другаго тона. Не мѣшало бы ей, говорятъ они, воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы отыскать себѣ—мужа, а брату—жену...

Какъ только сформировалась новая администрація, политиканы цѣлыми толпами полѣзли и въ Бѣлый домъ, и въ министерства. Цѣлыхъ 24 года демократы были, такъ сказать, за штатомъ; теперь чуть не каждому изъ нихъ хотѣлось попасть на казенное мѣсто. Но Клевеландъ скоро разочаровалъ ихъ. Во-первыхъ, онъ напомнилъ имъ, что еще на дняхъ онъ всенародно обѣщалъ реформу гражданской службы, а во-вторыхъ, онъ отказался принимать лично прошенія о мѣстахъ, объявивъ разъ навсегда что просители должны обращаться въ министерства. Тогда волна политикановъ отхлынула отъ Бѣлаго дома и залила всѣ министерства. Подражая своему шефу, и министры нашли способъ отдѣлаться отъ докучливыхъ мѣстоискателей; каждый изъ нихъ поручилъ одному изъ секретарей принимать прошенія въ извѣстные часы; сами же министры были доступны только сенаторамъ и народнымъ представителямъ. Само собою разумѣется, что такая „политика“ новой администраціи пришлась не по вкусу демократамъ. Слѣдуя примѣру республиканцевъ, политиканы каждаго штата уже распредѣлили между собою всѣ мѣста въ своемъ штатѣ, и ожидали только санкціи президента. И вдругъ имъ отвѣчаютъ указаніемъ на реформу гражданской службы... Но болѣе дальновидные мѣстоискатели были приготовлены къ этому обороту дѣла. Такъ, нѣкоторые изъ нихъ представили при своемъ прошеніи массу рекомендацій, переплетенныхъ въ красивую книгу. Другіе предпочли поручить ходатайство о себѣ своимъ конгресменамъ. Послѣдній способъ назначенія чиновниковъ въ разныхъ штатахъ самый обыкновенный. Натурально, что представители даннаго штата лучше могутъ знать способныхъ и честныхъ людей въ своемъ штатѣ; поэтому федеральное правительство обыкновенно обращается къ членамъ конгресса при открытіи вакантныхъ должностей. Разумѣется, при этомъ возможны серьезныя злоупотребленія: конгресмены могутъ рекомендовать только тѣхъ, кто поддерживаетъ ихъ собственную кандидатуру, по пословицѣ—„рука руку моетъ“. Словомъ, отъ духа партій тутъ крайне трудно отдѣлаться.

Число федеральныхъ чиновниковъ простирается до ста тысячъ. Разумѣется, нечего и думать, что все это число чиновниковъ подлежитъ сме[illegible]

щенію. Не только въ южныхъ, но и въ другихъ штатахъ многіе чиновники и безъ того демократы. Кромѣ того, неполитично навязывать мѣстамъ, сплошь населеннымъ жителями одной партіи, чиновниковъ другой партіи. Впрочемъ, не смотря на это, составъ служащихъ значительно обновленъ. Особенно радикальной ломкѣ подвергнется составъ служащихъ въ министерствѣ финансовъ и въ министерствѣ почтъ. Министерство финансовъ считается самымъ важнымъ, по понятной причинѣ: деньги вездѣ служатъ основаніемъ какъ частнаго, такъ и государственнаго хозяйства. Федеральное правительство содержится внѣшними налогами и внутренними (на спиртные напитки и табакъ); отсюда понятно, что сборщики этихъ налоговъ должны пользоваться полнымъ довѣріемъ правительства. До сихъ поръ чуть не всѣ таможенные чиновники были изъ республиканцевъ; поэтому ожидаютъ, что всѣ таможни въ скоромъ же времени будутъ ввѣрены чиновникамъ изъ демократовъ. Въ департаментѣ внутреннихъ налоговъ происходятъ чудовищныя злоупотребленія; поэтому, для поддержанія собственной репутаціи, новому министру финансовъ слѣдуетъ назначить надежныхъ чиновниковъ. Большинство почтмейстеровъ будутъ также смѣнены; здѣсь почта содержитъ сама себя, поэтому очень важно, чтобы почтовые доходы находились въ надежныхъ рукахъ. Министерства—военное и морское—почти вовсе не почувствуютъ перемѣну администраціи, такъ какъ въ нихъ духъ партій почти неизвѣстенъ. По министерству иностранныхъ дѣлъ, всѣ посланники и консулы будутъ перемѣщены—таковъ уже здѣсь установившійся порядокъ. Министерства юстиціи и внутреннихъ дѣлъ имѣютъ очень ограниченный кругъ дѣйствія, поэтому ломка въ этихъ министерствахъ останется почти незамѣтной.

Здѣсь всѣ ожидаютъ, что администрація Клевеланда оправдаетъ всесвѣтную поговорку—„новая метла чисто мететъ“. Если Клевеландъ дѣйствительно съумѣетъ очистить государственное поле отъ сорной травы, этимъ однимъ онъ заслужитъ почетное имя въ американской исторіи. Какъ самъ онъ, такъ и его министры—люди безупречнаго характера; они дѣйствительно могутъ честно и энергично выполнить свою присягу—„вѣрно служить конституціи“. Что же касается высшей политики новой администраціи, т. е. по отношенію ея къ современнымъ жгучимъ вопросамъ, интересующимъ всю страну, то говорить объ этомъ теперь невозможно. Извѣстно только, что самъ Клевеландъ главнымъ образомъ останавливаетъ вниманіе на своихъ „исполнительныхъ“ обязанностяхъ, забывая, что конституція предоставляетъ ему также и починъ въ сферѣ законодательной. Въ ст. II, секція 3, сказано: „Онъ (президентъ) долженъ отъ времени до времени увѣдомлять конгрессъ о положеніи дѣлъ Союза и рекомендовать его (конгресса) вниманію такія мѣры, какія найдетъ нужными и удобоисполнимыми“. Вотъ по части-то иниціативы въ дѣлахъ государственныхъ Клевеландъ остается подъ серьезнымъ сомнѣніемъ. Впрочемъ, чего недостаетъ президенту, то можетъ быть найдено въ вице-президентѣ и министрахъ; Гендриксъ и Баярдъ, напримѣръ, принадлежатъ къ числу выдающихся дѣятелей демократическаго лагеря.

Экс-президентъ Арчеръ имѣетъ въ виду снова заняться адвокатурой. Въ Нью-Іоркѣ у него есть собственный домъ. Изъ своего жалованья (50,000 дол.) онъ, говорятъ, сберегъ около 35,000.

Американская пресса, вообще, очень благопріятно относится къ новой администраціи. Главныя газеты Нью-Іорка, а слѣдовательно и цѣлой республики, горячо одобряютъ какъ рѣчь Клевеланда, такъ и списокъ его министровъ. Herold и Times (республиканскія газеты) и раньше стояли за демокра-

тическаго кандидата; газета Sun (демократическая) хотя прежде ратовала противъ Клевеланда, но теперь одобряетъ составъ новой администраціи. Газета World была и есть демократическая. Одна газета Tribune по прежнему нападаетъ на демократическаго вождя и ничего не видитъ въ немъ хорошаго. Мнѣніе оппозиціонной прессы, быть можетъ, вполнѣ вѣрно выражено слѣдующей карикатурой на Клевеланда: стоитъ громадное „кресло Вашингтона", на немъ сидитъ пигмей, по самый поясъ спрятавшійся подъ шляпою „дяди Сама" (олицетвореніе американскаго народа).

Четвертое марта для Блена, республиканскаго кандидата въ президенты, было днемъ великой печали. Въ то время, когда его счастливый соперникъ шествовалъ во главѣ тріумфальной процессіи въ капитолій, Бленъ шелъ за гробомъ своей родной сестры. Что было больнѣе сердцу Блена—потеря родной сестры или потеря кресла Вашингтона? Впрочемъ, онъ до сихъ поръ еще не потерялъ надежды на достиженіе этого вожделѣннаго кресла. По его мнѣнію, за эти четыре года демократы надѣлаютъ столько серьезныхъ промаховъ, что въ 1888 году страна съ радостью вручитъ ему кормило правленія. Таковы, впрочемъ, надежды всей республиканской партіи; но съ другой стороны демократы крѣпко надѣются, что управленіе останется за ними, по крайней мѣрѣ, на четверть вѣка. Мнѣ кажется, что тѣ и другіе ошибутся въ своихъ разсчетахъ: въ этой странѣ начинаетъ бродить „новое вино", требующее новыхъ мѣховъ.

Нью-Іоркъ, 11 (23) марта, 1885.

П. Поповъ.

ОБЗОРЪ ИСТОРИЧЕСКИХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

Журналистика историческая и обще-литературная.—Наши историческіе журналы.—„Чтенія Общества Исторіи" и „Кіевская Старина".—„Русскій Архивъ".—Его общій характеръ.—Жуковскій о революціи 1848 года.—Гр. Бенкендорфъ о польскомъ возстаніи.—Самоубійство Герштенцвейга.—Вступленіе на престолъ Императора Александра II.—Къ біографіи Д. В. Веневитинова.—„Русская Старина".—Записки Н. И. Пирогова.—„Морской Сборникъ".—Кудрявцевъ.—А. И. Подолинскій.

Въ наше время изданія, посвященныя вопросамъ болѣе или менѣе отжившей старины, нерѣдко оказываются—по отношенію къ читателямъ—въ положеніи гораздо-болѣе благопріятномъ, чѣмъ органы злобы дня. Всякому, даже и не учившемуся въ семинаріи, извѣстно, что редакція журнала, посвященнаго вопросамъ текущей жизни, далеко не всегда имѣетъ возможность свободно располагать тѣмъ матеріаломъ, который предоставленъ въ ея распоряженіе сотрудниками, а иногда должна отказывать своимъ читателямъ въ статьяхъ по такимъ вопросамъ, которые въ данную минуту для нихъ были бы всего интереснѣе. Въ иномъ положеніи — *журналы историческіе*. „Имъ въ грядущемъ нѣтъ желанья, имъ прошедшаго *не жаль*", а потому они во всякое время могутъ вырѣзывать изъ этого *прошедшаго* самые апетитные куски, на потребу своихъ читателей,—и

ритомъ могутъ дѣлать это совершенно безпристрастно, какъ и подобаетъ сторикамъ. Кромѣ этого преимущества, за историческими журналами есть другое: исторія, какъ еще въ незапамятныя времена замѣчено, даетъ уроки"; настоящее время, текущая злоба дня, этимъ правомъ не пользется. Кому даются эти уроки—это вопросъ инаго порядка: во всякомъ лучаѣ, не тѣмъ, кому бы всѣхъ прилежнѣе слѣдовало ихъ изучать. Наши патріоты своего отечества" если и заглядываютъ иногда въ исторію, такъ олько для того, чтобы, словами извѣстнаго щедринскаго персонажа, скаать: „Почитываю... только я понимаю не такъ, какъ прочіе... какъ очу, такъ и понимаю". Всего же больше „почитываютъ", кажется, для ого, чтобы подогрѣвать себя примѣромъ глуповскаго градоначальника грюмъ-Бурчеева, который однажды далъ „страженіе" рѣкѣ, понуждая е идти вспять...

Съ другой стороны, историческіе журналы возбуждаютъ и своего рода адежды. Люди, которымъ приходится быть свидѣтелями событій—крупыхъ или мелкихъ, но характерныхъ для настоящаго времени, могутъ азсчитывать, что тѣ или другіе факты „не умрутъ въ исторіи", если то нибудь возьметъ на себя трудъ записать ихъ: авось либо,—лѣтъ, этакъ, ерезъ пятьдесятъ,—этими фактами и оживятся страницы „Русской Стаины". Конечно, изъ насъ съ вами, читатель, въ это время будетъ, акъ говорилъ Базаровъ, лопухъ расти; но, все-же, потомству назиданіе,—ѣмъ болѣе, что тогда и потомство, можетъ быть, будетъ „назидаться" немножко успѣшнѣе насъ...

Но отъ этихъ мечтаній о будущемъ вернемся къ настоящему и посмотримъ, что̀ даютъ теперь, въ назиданіе намъ, историческіе журналы, о чемъ и какъ бесѣдуютъ эти голоса съ того свѣта. Историческихъ журналовъ у насъ—и много, и мало: какъ считать. Напримѣръ, подъ эту рубрику можно—и даже должно—поставить старѣйшее изъ нашихъ періодическихъ изданій, посвященныхъ прошлому: „Чтенія въ Обществѣ исторіи и древностей россійскихъ при Московскомъ университетѣ", — изданіе, несомнѣнно, весьма почтенное, но не всегда удобочитаемое. „Чтенія" даютъ статьи и изслѣдованія, относящіяся преимущественно къ исторіи до-петровской Руси; печатаютъ много древнихъ текстовъ, диссертацій и т. п., читаемыхъ спеціалистами, но для читателя-профана и недоступныхъ, и неинтересныхъ. Поэтому мы въ своихъ обозрѣніяхъ и не станемъ касаться этого изданія, имѣющаго свои спеціальныя цѣли. По той же причинѣ рѣдко придется намъ упоминать и о „Кіевской Старинѣ". Это—тоже очень почтенный журналъ, вступившій уже въ четвертый годъ своего существованія и давшій немало интереснаго,—но исключительно по исторіи Малороссіи. Для мѣстнаго жителя, занимающагося исторіей, этнографіей, литературою своей родины, всѣ данныя, сообщаемыя „Кіевской стариной", имѣютъ ту или другую важность; съ точки зрѣнія обще-р

ской, они отступаютъ далеко на задній планъ. Остаются, такимъ образомъ, „Русскій Архивъ“, „Русская Старина“ и „Историческій Вѣстникъ“,— изданія, дающія статьи, бо́льшая часть которыхъ имѣетъ интересъ для всякаго образованнаго читателя. Ими мы и займемся въ нашихъ обозрѣніяхъ.

A tout seigneur tout honneur. П. И. Бартеневъ уже двадцать третій годъ подвизается на поприщѣ исторической журналистики, и ему, какъ старшему, принадлежитъ первое мѣсто. Да, много воды утекло съ тѣхъ поръ, какъ „Русскій Архивъ“ впервые увидѣлъ свѣтъ! То было время благихъ начинаній, время, когда передъ изслѣдователями нашей исторіи широко раскрылись заповѣдныя двери архивовъ и библіотекъ, когда всѣ принялись обѣими руками черпать изъ огромнаго запаса неизданныхъ матеріаловъ и работали съ юношескимъ пыломъ и увлеченіемъ. Первые шаги „Архива“ были довольно робки; но вскорѣ онъ выросъ и возмужалъ; въ немъ, въ теченіе многихъ лѣтъ, появилась масса интереснѣйшаго и разнообразнѣйшаго историческаго и историко-литературнаго матеріала, кропотливо собраннаго запасливымъ издателемъ. Затѣмъ наступилъ періодъ упадка и старческаго истощенія силъ, симптомы котораго съ каждымъ годомъ обозначались все яснѣе и яснѣе: стали печататься скучнѣйшія и никому не нужныя записки, наполненныя самыми незначительными подробностями, статьи, лишенныя всякой литературной обработки,—иногда попадались даже вещи, уже напечатанныя раньше въ другихъ изданіяхъ, и притомъ болѣе исправно. Пріобрѣтая себѣ все болѣе и болѣе опаснаго соперника въ лицѣ „Русской Старины“, „Архивъ“, видимо, чувствовалъ себя не въ силахъ бороться съ нею, нѣсколько разъ измѣнялъ сроки выхода и, наконецъ, снова обратился въ ежемѣсячное изданіе,—но уже почти ничѣмъ не напоминаетъ теперь „Архива“ 60-хъ и первыхъ 70-хъ годовъ... Рѣдко-рѣдко проскользнетъ что нибудь такое, что̀ возбуждало бы общее вниманіе и интересъ, статья или матеріалъ не мелочнаго содержанія, живой разсказъ о лицахъ и событіяхъ дѣйствительно важныхъ.

Примѣромъ сказаннаго можетъ служить и первая книжка „Архива“ за нынѣшній годъ. Въ ней довольно видное мѣсто занимаютъ совершенно мелочныя воспоминанія Л. Ѳ. Львова и „Кавказскія воспоминанія“ А. Л. Зиссермана, который уже много лѣтъ пишетъ о Кавказѣ все одно и то же. Изъ трехъ новыхъ писемъ Вольтера, сообщенныхъ Д. Ѳ. Кобеко, интересъ представляетъ только одно, адресованное къ имп. Екатеринѣ II, гдѣ, между прочимъ, говорится, что Екатерина осыпала своими милостями извѣстную семью Каласовъ, жертву католическаго изувѣрства, за которую горячо вступился Вольтеръ. Здѣсь же упоминается объ Арсеніи Мацѣевичѣ, — „томъ *ростовскомъ* епископѣ, который наказанъ за то, что вообразилъ, будто *существуютъ* двѣ власти“. Г. Кобеко полагаетъ, что это письмо до сихъ

поръ не было напечатано, и ссылается на отвѣтъ императрицы, помѣщенный въ Сборникѣ Рус. Ист. Общества, X, 93; между тѣмъ, еслибы онъ потрудился прочесть отвѣтъ Екатерины до конца, то увидѣлъ бы, что въ примѣчаніи къ нему, на стр. 95—96, напечатано слово въ слово то самое письмо Вольтера, которое является теперь въ „Рус. Архивѣ", какъ неизданная новинка.

Дѣйствительно неизданными до сихъ поръ были другія письма, напечатанныя въ той же книжкѣ „Архива", письма Жуковскаго къ Государю Императору Александру Николаевичу и переписка шефа жандармовъ гр. Бенкендорфа съ великимъ княземъ Константиномъ Павловичемъ. Письма Жуковскаго относятся къ 1848 году; они писаны изъ Германіи, въ самый разгаръ революціи, и интересны для характеристики образа мыслей автора. Жуковскій твердо убѣжденъ, и нѣсколько разъ повторяетъ, что Россія есть совершенно отдѣльный, самобытный міръ, представительница чистаго патріархальнаго монархизма, что она, посреди европейскаго потопа, есть ковчегъ спасенія не только для себя, но и для другихъ. „У насъ нѣтъ пролетаріевъ, говоритъ онъ; есть *искусственные* пролетаріи; но правительство, которое само произвело ихъ, можетъ легко ихъ и уничтожить." Жуковскому было, конечно, хорошо извѣстно, что именно въ 1848 году Николай Павловичъ созывалъ комитетъ для обсужденія вопроса объ отмѣнѣ крѣпостнаго права, и что именно мартовскія событія заставили его отшатнуться отъ этого плана. Русской политической печати въ то время не существовало, и отъ читающаго люда всѣ эти событія тщательно скрывались; тѣмъ больше было простора для преувеличенныхъ толковъ, и по письмамъ Жуковскаго можно составить себѣ понятіе о томъ, какое впечатлѣніе берлинскія мартовскія событія должны были произвести на нашъ дворъ и на тогдашнихъ правящихъ людей, которые еще со временъ Александра Павловича были пріучены дѣйствовать по прусскимъ образцамъ.

Переписка Константина Павловича съ гр. Бенкендорфомъ относится ко времени польскаго возстанія 1830—31 годовъ, и также интересна въ томъ отношеніи, что даетъ понятіе о взглядахъ, какими руководились въ польскомъ вопросѣ наши государственные люди того времени. Польскому возстанію приписывалось значеніе международное, даже, можно сказать, общечеловѣческое: оно понималось, какъ возстаніе революціонныхъ идей противъ монархическаго принципа, и вслѣдствіе этого всѣ европейскіе кабинеты, „будучи поколеблены разрушительными замыслами, которые овладѣли молодыми умами, и будучи напуганы возстаніями, изъ которыхъ ни одно не было наказано", желали содѣйствовать Россіи въ подавленіи мятежа. Николай Павловичъ считалъ себя обязаннымъ—и передъ своимъ народомъ, и передъ иностранными кабинетами, и передъ всей Европой—„раздавить демагогическую гидру, которая со всѣхъ сторонъ поднимаетъ свою голову, грозитъ всѣмъ тронамъ и всѣмъ государ-

писямъ. По окончаніи рѣчи, стотысячная толпа огласила воздухъ одобрительными криками и аплодисментами. Хотя голосъ Клевеланда звонкій и чистый, тѣмъ не менѣе большинство публики не слышало ни единаго слова. Послѣ этого, главный судья верховнаго суда привелъ Клевеланда къ присягѣ, согласно конституціи. Вотъ слова присяги: „Клянусь торжественно, что я буду вѣрно исполнять обязанности президента Соединенныхъ Штатовъ и буду усерднѣйшимъ образомъ сохранять и защищать конституцію Соединенныхъ Штатовъ“ (Ст. II, секція 8). По принесеніи присяги, президентъ поцѣловалъ библію. По его просьбѣ, ему была подана та самая библія, которую вручила ему мать, когда онъ, еще юношей, оставлялъ родительскій домъ, чтобы искать счастья. Послѣ этого, процессія двинулась обратно, отъ капитолія къ Бѣлому дому. На этотъ разъ президентъ Клевеландъ сидѣлъ справа, а экс-президентъ Арчеръ слѣва. Съ площадки Бѣлаго дома Клевеландъ смотрѣлъ на процессію, цѣлыхъ два часа двигавшуюся мимо него. Въ четыре часа онъ, какъ хозяинъ уже Бѣлаго дома, могъ предложить обѣдъ экс-президенту Арчеру, его и своимъ министрамъ или, вѣрнѣе, секретарямъ и немногимъ гостямъ, между которыми было нѣсколько дамъ. Послѣ обѣда, новые обитатели Бѣлаго дома остались одни. Имъ оставалось часа два для отдыха, а потомъ нужно было идти на официальный балъ. На этотъ разъ балъ былъ устроенъ въ зданіи, занимаемомъ департаментомъ пенсій; это зданіе еще не окончено, поэтому распорядителямъ празднествъ легко было устроить такую громадную залу, какой никогда не было въ Америкѣ. На этомъ балу одновременно собралось до десяти тысячъ мужчинъ и женщинъ. Зала была украшена національными флагами, знаменами, гербами всѣхъ штатовъ, зеленью и цвѣтами. Больше всего бросались въ глаза эмблематическія украшенія. Такъ, для Клевеланда было приготовлено громадное кресло, сплошь покрытое цвѣтами. „Кресло Вашингтона“—символъ президентской власти. Въ одномъ мѣстѣ красовался пароходъ изъ цвѣтовъ и зелени—это символъ морскаго министерства. Въ другомъ мѣстѣ виднѣлись двѣ пушки, крестъ на крестъ, тоже изъ цвѣтовъ—это знакъ военнаго министерства. Почтовая сумка съ письмомъ президенту Клевеланду— эмблема министерства почтъ. Въ углу залы стоялъ столъ, на столѣ книга законовъ, а подъ книгой вѣсы,—все изъ цвѣтовъ,—символъ министерства юстиціи. Громадный денежный шкафъ, также изъ цвѣтовъ,—означалъ министерство финансовъ. Эмблема министерства внутреннихъ дѣлъ была красивѣе другихъ: пень съ топоромъ, плугъ, коса и снопъ пшеницы,—все изъ прекраснѣйшихъ цвѣтовъ. Гербъ Соединенныхъ Штатовъ, изъ красныхъ, бѣлыхъ и голубыхъ цвѣтовъ, представлялъ министерство иностранныхъ дѣлъ. Зала освѣщалась электричествомъ.

Вице-президентъ Гендриксъ съ женой прибылъ на балъ ранѣе другихъ магнатовъ республики. Затѣмъ показался *мистеръ* Арчеръ, сопровождаемый своими министрами и ихъ женами. Республиканцы привѣтствовали его очень шумно. Въ 10 ч. 30 м. музыка заиграла президентскій маршъ—Hail to the Chief („Да здравствуетъ начальникъ“) и показался президентъ Клевеландъ. Раздался громъ аплодисментовъ. Президентъ велъ свою сестру, дѣвицу Клевеландъ; за нимъ слѣдовали сестры и братъ президента и нѣкоторые изъ будущихъ министровъ съ женами. Сдѣлавъ два тура кругомъ залы, президентъ удалился въ собственную комнату, гдѣ ему представлялось до сотни *разныхъ* лицъ. Въ полночь президентъ оставилъ балъ, въ самый разгаръ *веселья:* раньше полночи танцы не могли начаться, такъ какъ буквально

негдѣ было повернуться. Дамы были одѣты, конечно, по послѣдней парижской модѣ; многія изъ нихъ спеціально для этого бала выписали себѣ платья изъ Парижа. Американцы,—какъ извѣстно, большіе охотники до вальса,—на этотъ разъ могли наслаждаться созерцаніемъ необыкновенной картины: стоя на хорахъ, они могли видѣть двѣ тысячи паръ, вальсирующихъ за разъ на блестящемъ паркетѣ. Въ девяти комнатахъ былъ накрытъ столъ и гости могли почти за безцѣнокъ утолить свой голодъ и жажду. Къ входной платѣ (пять долларовъ) гости доплачивали долларъ и могли ѣсть, что имъ угодно. Вина продавались по четыре доллара за бутылку.

За исключеніемъ горячихъ блюдъ, весь обѣдъ былъ приготовленъ въ Нью-Іоркѣ, откуда былъ доставленъ въ Вашингтонъ въ вагонахъ-ледникахъ. Балъ продолжался до утра. Красавицы-южанки въ первый разъ за эти 25 лѣтъ охотно танцовали съ янки-кавалерами. Извѣстно, что южане называютъ „янки“ сѣверянъ, а на себя смотрятъ, какъ на особый народъ. Побѣдителямъ легко быть великодушными, а южане (южанки тожъ) теперь считаютъ себя побѣдителями. Вѣдь сила демократовъ заключается, главнымъ образомъ, въ южныхъ штатахъ; слѣдовательно на этотъ разъ южане дѣйствительно побѣдили сѣверянъ, хотя исходъ борьбы вполнѣ зависѣлъ отъ штата Нью-Іоркъ.

Вечеромъ была блистательная иллюминація, какой вашингтонцы еще никогда не видали. Особенно хорошъ былъ видъ электрическаго „водопада“, спущеннаго внизъ съ обелиска Вашингтона, съ высоты 500 футовъ, Такъ кончилось торжество „инаугураціи“. Новая администрація, впрочемъ, еще не была вполнѣ организована. Только четвертаго марта президентъ и вице-президентъ были введены въ должность; назначеніе министровъ было еще впереди. На слѣдующій день, утромъ, президентъ принималъ поздравленія судей верховнаго суда, сенаторовъ, народныхъ представителей, дипломатическаго корпуса и депутатовъ политическихъ клубовъ, участвовавшихъ въ торжествѣ четвертаго марта. Въ полдень, когда открылось засѣданіе сената, одинъ изъ секретарей президента представилъ президенту сената запечатанный пакетъ, содержавшій списокъ новыхъ министровъ: сенаторъ Баярдъ—министръ иностранныхъ дѣлъ; Маннингъ—министръ финансовъ; судья Эндикотъ—военный министръ; Гонтней—морской министръ; сенаторъ Ламаръ—министръ внутреннихъ дѣлъ; Вайласъ—министръ почтъ; сенаторъ Гарландъ — министръ юстиціи. Двое министровъи—изъ южныхъ штатовъ: Ламаръ изъ штата Миссисипи и Гарландъ изъ штата Арканзаса. Сенаторъ Ридльбергеръ протестовалъ противъ назначенія Баярда министромъ иностранныхъ дѣлъ на томъ основаніи, что Баярдъ предложилъ выразить сочувствіе англійскому парламенту по поводу послѣднихъ взрывовъ въ Англіи. Республиканскіе сенаторы были крайне недовольны выходкой Ридльбергера. Засѣданіе было закрыто, такъ какъ сенаторамъ не хотѣлось разсуждать о взрывахъ. На слѣдующій день Ридльбергеръ хранилъ молчаніе, поэтому списокъ министровъ былъ утвержденъ безъ возраженій.

7-го марта одинъ изъ судей обошелъ всѣ министерства и привелъ къ присягѣ новыхъ министровъ; при этомъ старые министры формально передавали дѣла своимъ преемникамъ и прощались со своими подчиненными. Въ этотъ же день, у новой „госпожи Бѣлаго дома“ былъ назначенъ первый пріемъ (reception) дамамъ Вашингтона. Эта церемонія заключалась въ томъ, что дамы входили въ Бѣлый домъ, здоровались съ миссъ Клевеландъ и ея сестрами и выходили вонъ. Это было, такъ сказать, первое знакомство *„первой леди страны“* съ гражданками. Хозяйка Бѣлаго дома

водѣ къ этому роковому для поэта аресту до сихъ поръ почти ничего не говорилось въ печати, М. А. Веневитиновъ, въ своей замѣткѣ, подробно описываетъ общество, среди котораго вращался въ Москвѣ его дядя, говоритъ объ отношеніяхъ его къ княгинѣ Зинаидѣ Волконской, родственницѣ декабриста, которыя, по тогдашнимъ обстоятельствамъ, должны были набросить на него тѣнь политической неблагонадежности, и наконецъ разсказываетъ, что Д. В., отправляясь на службу въ Петербургъ, взялъ съ собою въ попутчики недавно пріѣхавшаго изъ Сибири француза Воше, который былъ библіотекаремъ гр. Лаваля, отца кн. Трубецкой, жены декабриста, и провожалъ княгиню, когда она отправилась, вслѣдъ за своимъ сосланнымъ мужемъ, въ Сибирь. Это-то сопутничество съ подозрительнымъ французомъ и было причиною того, что оба спутника, при самомъ въѣздѣ въ Петербургъ, были арестованы. Веневитинову пришлось просидѣть два дня въ крайне сыромъ, холодномъ и нездоровомъ помѣщеніи одной изъ петербургскихъ гауптвахтъ. Простудился ли онъ въ этомъ помѣщеніи, или подвергся какому нибудь другому вредному вліянію,—объ этомъ не сохранилось точныхъ семейныхъ преданій, которыя ограничиваются указаніемъ на гигіеническія условія мѣста заключенія, какъ на главную причину окончательнаго разстройства въ здоровьѣ Дмитрія Владиміровича.

Отъ лица автора біографіи Д. В. Веневитинова, приложенной къ изданію его сочиненій 1862 года, мы можемъ заявить, что авторъ біографіи, пользовавшійся документальными источниками и сообщеніями роднаго брата поэта, хорошо зная всю исторію этого ареста, не могъ подробно сообщить о ней, во-первыхъ, потому, что братъ поэта не желалъ ея оглашенія въ печати, а во-вторыхъ, и потому, что въ то время о подобныхъ предметахъ трудно было говорить печатно, по цензурнымъ условіямъ. Этимъ и объясняются тѣ „неточности“ прежней біографіи, на которыя теперь указываетъ и которыя исправляетъ М. А. Веневитиновъ,—неточности, вообще незначительныя, но которыхъ въ то время трудно было избѣжать.

Отъ „Русскаго Архива“ переходимъ къ „Русской Старинѣ“, которая въ послѣднее время рѣшительно превосходитъ своего московскаго собрата и выборомъ статей, и ихъ разнообразіемъ и содержательностью. Случается, конечно, что и на страницахъ „Рус. Старины“ появляются вещи, никому неинтересныя и ни для кого не нужныя, въ родѣ, напримѣръ, записокъ невѣдомаго „поэта“ Спиридона Дрожжина, печатавшихся въ прошломъ году; попадаются иногда и статьи, написанныя совсѣмъ неумѣлой и неграмотной рукой по поводу фактовъ, всѣмъ давно извѣстныхъ; но, во-первыхъ, это случается сравнительно рѣдко, а во-вторыхъ, этотъ недостатокъ журнала искупается обиліемъ сообщаемыхъ имъ историческихъ и историко-литературныхъ матеріаловъ, нерѣдко имѣющихъ очень важное значеніе. Такъ, *напримѣръ*, въ двухъ первыхъ книжкахъ нынѣшняго года находимъ *чрезвычайно интересный* разсказъ К. К. Гейнса о „Славномъ Баязетскомъ сидѣніи“

щенію. Не только въ южныхъ, но и въ другихъ штатахъ многіе чиновники и безъ того демократы. Кромѣ того, неполитично навязывать мѣстамъ, сплошь населеннымъ жителями одной партіи, чиновниковъ другой партіи. Впрочемъ, не смотря на это, составъ служащихъ значительно обновленъ. Особенно радикальной ломкѣ подвергнется составъ служащихъ въ министерствѣ финансовъ и въ министерствѣ почтъ. Министерство финансовъ считается самымъ важнымъ, по понятной причинѣ: деньги вездѣ служатъ основаніемъ какъ частнаго, такъ и государственнаго хозяйства. Федеральное правительство содержится внѣшними налогами и внутренними (на спиртные напитки и табакъ); отсюда понятно, что сборщики этихъ налоговъ должны пользоваться полнымъ довѣріемъ правительства. До сихъ поръ чуть не всѣ таможенные чиновники были изъ республиканцевъ; поэтому ожидаютъ, что всѣ таможни въ скоромъ же времени будутъ ввѣрены чиновникамъ изъ демократовъ. Въ департаментѣ внутреннихъ налоговъ происходятъ чудовищныя злоупотребленія; поэтому, для поддержанія собственной репутаціи, новому министру финансовъ слѣдуетъ назначить надежныхъ чиновниковъ. Большинство почтмейстеровъ будутъ также смѣнены; здѣсь почта содержитъ сама себя, поэтому очень важно, чтобы почтовые доходы находились въ надежныхъ рукахъ. Министерства—военное и морское—почти вовсе не почувствуютъ перемѣну администраціи, такъ какъ въ нихъ духъ партій почти неизвѣстенъ. По министерству иностранныхъ дѣлъ, всѣ посланники и консулы будутъ перемѣщены—таковъ уже здѣсь установившійся порядокъ. Министерства юстиціи и внутреннихъ дѣлъ имѣютъ очень ограниченный кругъ дѣйствія, поэтому ломка въ этихъ министерствахъ останется почти незамѣтной.

Здѣсь всѣ ожидаютъ, что администрація Клевеланда оправдаетъ всесвѣтную поговорку—„новая метла чисто мететъ“. Если Клевеландъ дѣйствительно съумѣетъ очистить государственное поле отъ сорной травы, этимъ однимъ онъ заслужитъ почетное имя въ американской исторіи. Какъ самъ онъ, такъ и его министры—люди безупречнаго характера; они дѣйствительно могутъ честно и энергично выполнить свою присягу—„вѣрно служить конституціи“. Что же касается высшей политики новой администраціи, т. е. по отношенію ея къ современнымъ жгучимъ вопросамъ, интересующимъ всю страну, то говорить объ этомъ теперь невозможно. Извѣстно только, что самъ Клевеландъ главнымъ образомъ останавливаетъ вниманіе на своихъ „исполнительныхъ“ обязанностяхъ, забывая, что конституція предоставляетъ ему также и починъ въ сферѣ законодательной. Въ ст. II, секція 3, сказано: „Онъ (президентъ) долженъ отъ времени до времени увѣдомлять конгрессъ о положеніи дѣлъ Союза и рекомендовать его (конгресса) вниманію такія мѣры, какія найдетъ нужными и удобоисполнимыми“. Вотъ по части-то иниціативы въ дѣлахъ государственныхъ Клевеландъ остается подъ серьезнымъ сомнѣніемъ. Впрочемъ, чего недостаетъ президенту, то можетъ быть найдено въ вице-президентѣ и министрахъ; Гендриксъ и Баярдъ, напримѣръ, принадлежатъ къ числу выдающихся дѣятелей демократическаго лагеря.

Экс-президентъ Арчеръ имѣетъ въ виду снова заняться адвокатурой. Въ Нью-Іоркѣ у него есть собственный домъ. Изъ своего жалованья (50,000 дол.) онъ, говорятъ, сберегъ около 35,000.

Американская пресса, вообще, очень благопріятно относится къ новой администраціи. Главныя газеты Нью-Іорка, а слѣдовательно и цѣлой республики, горячо одобряютъ какъ рѣчь Клевеланда, такъ и списокъ его министровъ. Herold и Times (республиканскія газеты) и раньше стояли за демокра-

тическаго кандидата; газета Sun (демократическая) хотя прежде ратовала противъ Клевеланда, но теперь одобряетъ составъ новой администраціи. Газета World была и есть демократическая. Одна газета Tribune по прежнему нападаетъ на демократическаго вождя и ничего не видитъ въ немъ хорошаго. Мнѣніе оппозиціонной прессы, быть можетъ, вполнѣ вѣрно выражено слѣдующей карикатурой на Клевеланда: стоитъ громадное „кресло Вашингтона", на немъ сидитъ пигмей, по самый поясъ спрятавшійся подъ шляпою „дяди Сама" (олицетвореніе американскаго народа).

Четвертое марта для Блена, республиканскаго кандидата въ президенты, было днемъ великой печали. Въ то время, когда его счастливый соперникъ шествовалъ во главѣ тріумфальной процессіи въ капитолій, Бленъ шелъ за гробомъ своей родной сестры. Что было больнѣе сердцу Блена—потеря родной сестры или потеря кресла Вашингтона? Впрочемъ, онъ до сихъ поръ еще не потерялъ надежды на достиженіе этого вожделѣннаго кресла. По его мнѣнію, за эти четыре года демократы надѣлаютъ столько серьезныхъ промаховъ, что въ 1888 году страна съ радостью вручитъ ему кормило правленія. Таковы, впрочемъ, надежды всей республиканской партіи; но съ другой стороны демократы крѣпко надѣются, что управленіе останется за ними, по крайней мѣрѣ, на четверть вѣка. Мнѣ кажется, что тѣ и другіе ошибутся въ своихъ разсчетахъ: въ этой странѣ начинаетъ бродить „ново-вино", требующее новыхъ мѣховъ.

Нью-Іоркъ, 11 (23) марта, 1885.

П. Поповъ.

ОБЗОРЪ ИСТОРИЧЕСКИХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

Журналистика историческая и обще-литературная.—Наши историческіе журналы.—„Чтенія Общества Исторіи" и „Кіевская Старина".—„Русскій Архивъ".—Его общій характеръ.—Жуковскій о революціи 1848 года.—Гр. Бенкендорфъ о польскомъ возстаніи.—Самоубійство Герштенцвейга.—Вступленіе на престолъ Императора Александра II.—Къ біографіи Д. В. Веневитинова.—„Русская Старина".—Записки Н. И. Пирогова.—„Морской Сборникъ".—Кудрявцевъ.—*А. И. Подолинскій.*

Въ наше время изданія, посвященныя вопросамъ болѣе или менѣе отжившей старины, нерѣдко оказываются—по отношенію къ читателямъ—въ положеніи гораздо болѣе благопріятномъ, чѣмъ органы злобы дня. Всякому, даже и не учившемуся въ семинаріи, извѣстно, что редакція журнала, посвященнаго вопросамъ текущей жизни, далеко не всегда имѣетъ возможность свободно располагать тѣмъ матеріаломъ, который предоставленъ въ ея распоряженіе сотрудниками, а иногда должна отказывать своимъ читателямъ въ статьяхъ по такимъ вопросамъ, которые въ данную минуту для нихъ были бы всего интереснѣе. Въ иномъ положеніи — журналы историческіе. „Имъ въ грядущемъ нѣтъ желанья, имъ прошедшаго *не жаль*", а потому они во всякое время могутъ вырѣзывать изъ этого *прошедшаго* самые апетитные куски, на потребу своихъ читателей,—и

бы въ этихъ словахъ Пирогова значительной доли основательности. Но въ томъ-то и бѣда, что люди, подобные Пирогову, т. е. безкорыстно преданные интересамъ науки и всецѣло проникнутые стремленіемъ поставить университетъ на ту высоту, на которой онъ долженъ стоять, всегда остаются въ меньшинствѣ; большинство же или не въ состояніи, или не желаетъ отказаться отъ узкаго канцелярскаго міросозерцанія и отрицательнаго отношенія къ высшему образованію вообще, а къ университету въ особенности. Голосъ органа печати, много лѣтъ проповѣдывавшаго, съ усердіемъ, достойнымъ лучшаго дѣла, что университетъ есть врагъ, котораго нужно сокрушить, — къ сожалѣнію, не остается гласомъ вопіющаго въ пустынѣ и приноситъ свои плоды.

Вѣроятно, не многіе изъ нашихъ читателей помнятъ, что знаменитыя въ свое время статьи Пирогова: „Вопросы жизни“ и „Школа и жизнь“ были первоначально напечатаны въ „Морскомъ Сборникѣ“, офиціальномъ журналѣ морскаго вѣдомства. Въ февральской книжкѣ „Рус. Старины“ этому журналу посвящена небольшая статейка, къ сожалѣнію, составленная почти изъ однихъ общихъ фразъ и, притомъ, написанная далеко не грамотно. Между тѣмъ „Морской Сборникъ“ заслуживалъ бы болѣе обстоятельнаго упоминанія, какъ одинъ изъ отрадныхъ фактовъ въ исторіи нашей журналистики, какъ офиціальное изданіе, посвятившее свои страницы на разработку важнѣйшихъ вопросовъ, связанныхъ съ реформами прошлаго царствованія, наконецъ, — какъ журналъ, сотрудниками котораго были многіе изъ самыхъ выдающихся нашихъ писателей. Вообще, исторія нашей журналистики достопамятнаго десятилѣтія 1856—1866 гг. представила бы тему очень интересную и, по настоящему времени, чрезвычайно поучительную, и редакція „Русской Старины“ очень хорошо сдѣлала бы, еслибы обратила свое вниманіе на этотъ предметъ, — тѣмъ болѣе, что въ ея распоряженіи, вѣроятно, найдется по этой части немало любопытнаго матеріала.

Къ другимъ статьямъ „Русской Старины“ мы еще вернемся впослѣдствіи, такъ какъ многія изъ нихъ не закончены. Здѣсь же отмѣтимъ не лишенныя интереса, хотя и нѣсколько разочаровывающія читателя, воспоминанія А. Д. Галахова о Кудрявцевѣ. Здѣсь сообщаются кое-какія свѣдѣнія о жизни Кудрявцева въ Москвѣ въ 1842—45 гг., о его взглядахъ на науку и искусство, о первыхъ его попыткахъ писать въ беллетристическомъ родѣ, объ его увлеченіи итальянской оперой, которая въ ту пору впервые появилась въ Москвѣ, и т. п. Все это разсказано очень живо, но обрывается на самомъ интересномъ мѣстѣ, — а продолженія не обѣщано. Между тѣмъ, отъ автора воспоминаній, который, по его собственнымъ словамъ, долго и неизмѣнно находился съ Кудрявцевымъ въ самыхъ пріятельскихъ отношеніяхъ,—мы могли бы ожидать разсказа болѣе *подробнаго и значительнаго*, чѣмъ тотъ, какой онъ теперь напеча-

ской, они отступаютъ далеко на задній планъ. Остаются, такимъ образомъ, „Русскій Архивъ“, „Русская Старина“ и „Историческій Вѣстникъ“,— изданія, дающія статьи, бо́льшая часть которыхъ имѣетъ интересъ для всякаго образованнаго читателя. Ими мы и займемся въ нашихъ обозрѣніяхъ.

A tout seigneur tout honneur. П. И. Бартеневъ уже двадцать третій годъ подвизается на поприщѣ исторической журналистики, и ему, какъ старшему, принадлежитъ первое мѣсто. Да, много воды утекло съ тѣхъ поръ, какъ „Русскій Архивъ“ впервые увидѣлъ свѣтъ! То было время благихъ начинаній, время, когда передъ изслѣдователями нашей исторіи широко раскрылись заповѣдныя двери архивовъ и библіотекъ, когда всѣ принялись обѣими руками черпать изъ огромнаго запаса неизданныхъ матеріаловъ и работали съ юношескимъ пыломъ и увлеченіемъ. Первые шаги „Архива“ были довольно робки; но вскорѣ онъ выросъ и возмужалъ; въ немъ, въ теченіе многихъ лѣтъ, появилась масса интереснѣйшаго и разнообразнѣйшаго историческаго и историко-литературнаго матеріала, кропотливо собраннаго запасливымъ издателемъ. Затѣмъ наступилъ періодъ упадка и старческаго истощенія силъ, симптомы котораго съ каждымъ годомъ обозначались все яснѣе и яснѣе: стали печататься скучнѣйшія и никому не нужныя записки, наполненныя самыми незначительными подробностями, статьи, лишенныя всякой литературной обработки,—иногда попадались даже вещи, уже напечатанныя раньше въ другихъ изданіяхъ, и притомъ болѣе исправно. Пріобрѣтая себѣ все болѣе и болѣе опаснаго соперника въ лицѣ „Русской Старины“, „Архивъ“, видимо, чувствовалъ себя не въ силахъ бороться съ нею, нѣсколько разъ измѣнялъ сроки выхода и, наконецъ, снова обратился въ ежемѣсячное изданіе,—но уже почти ничѣмъ не напоминаетъ теперь „Архива“ 60-хъ и первыхъ 70-хъ годовъ... Рѣдко-рѣдко проскользнетъ что нибудь такое, что̀ возбуждало бы общее вниманіе и интересъ, статья или матеріалъ не мелочнаго содержанія, живой разсказъ о лицахъ и событіяхъ дѣйствительно важныхъ.

Примѣромъ сказаннаго можетъ служить и первая книжка „Архива“ за нынѣшній годъ. Въ ней довольно видное мѣсто занимаютъ совершенно мелочныя воспоминанія Л. Ѳ. Львова и „Кавказскія воспоминанія“ А. Л. Зиссермана, который уже много лѣтъ пишетъ о Кавказѣ все одно и то же. Изъ трехъ новыхъ писемъ Вольтера, сообщенныхъ Д. Ѳ. Кобеко, интересъ представляетъ только одно, адресованное къ имп. Екатеринѣ II, гдѣ, между прочимъ, говорится, что Екатерина осыпала своими милостями извѣстную семью Каласовъ, жертву католическаго изувѣрства, за которую горячо вступился Вольтеръ. Здѣсь же упоминается объ Арсеніи Мацѣевичѣ, — „томъ *ростовскомъ* епископѣ, который наказанъ за то, что вообразилъ, будто *существуютъ* двѣ власти“. Г. Кобеко полагаетъ, что это письмо до сихъ

поръ не было напечатано, и ссылается на отвѣтъ императрицы, помѣщенный въ Сборникѣ Рус. Ист. Общества, X, 93; между тѣмъ, еслибы онъ потрудился прочесть отвѣтъ Екатерины до конца, то увидѣлъ бы, что въ примѣчаніи къ нему, на стр. 95—96, напечатано слово въ слово то самое письмо Вольтера, которое является теперь въ „Рус. Архивѣ", какъ неизданная новинка.

Дѣйствительно неизданными до сихъ поръ были другія письма, напечатанныя въ той же книжкѣ „Архива", письма Жуковскаго къ Государю Императору Александру Николаевичу и переписка шефа жандармовъ гр. Бенкендорфа съ великимъ княземъ Константиномъ Павловичемъ. Письма Жуковскаго относятся къ 1848 году; они писаны изъ Германіи, въ самый разгаръ революціи, и интересны для характеристики образа мыслей автора. Жуковскій твердо убѣжденъ, и нѣсколько разъ повторяетъ, что Россія есть совершенно отдѣльный, самобытный міръ, представительница чистаго патріархальнаго монархизма, что она, посреди европейскаго потопа, есть ковчегъ спасенія не только для себя, но и для другихъ. „У насъ нѣтъ пролетаріевъ, говоритъ онъ; есть *искусственные* пролетаріи; но правительство, которое само произвело ихъ, можетъ легко ихъ и уничтожить." Жуковскому было, конечно, хорошо извѣстно, что именно въ 1848 году Николай Павловичъ созывалъ комитетъ для обсужденія вопроса объ отмѣнѣ крѣпостнаго права, и что именно мартовскія событія заставили его отшатнуться отъ этого плана. Русской политической печати въ то время не существовало, и отъ читающаго люда всѣ эти событія тщательно скрывались; тѣмъ больше было простора для преувеличенныхъ толковъ, и по письмамъ Жуковскаго можно составить себѣ понятіе о томъ, какое впечатлѣніе берлинскія мартовскія событія должны были произвести на нашъ дворъ и на тогдашнихъ правящихъ людей, которые еще со временъ Александра Павловича были пріучены дѣйствовать по прусскимъ образцамъ.

Переписка Константина Павловича съ гр. Бенкендорфомъ относится ко времени польскаго возстанія 1830—31 годовъ, и также интересна въ томъ отношеніи, что даетъ понятіе о взглядахъ, какими руководились въ польскомъ вопросѣ наши государственные люди того времени. Польскому возстанію приписывалось значеніе международное, даже, можно сказать, общечеловѣческое: оно понималось, какъ возстаніе революціонныхъ идей противъ монархическаго принципа, и вслѣдствіе этого всѣ европейскіе кабинеты, „будучи поколеблены разрушительными замыслами, которые овладѣли молодыми умами, и будучи напуганы возстаніями, изъ которыхъ ни одно не было наказано", желали содѣйствовать Россіи въ подавленіи мятежа. Николай Павловичъ считалъ себя обязаннымъ—и передъ своимъ народомъ, и передъ иностранными кабинетами, и передъ всей Европой—„раздавить демагогическую гидру, которая со всѣхъ сторонъ поднимаетъ свою голову, грозитъ всѣмъ тронамъ и всѣмъ государ-

ской, они отступаютъ далеко на задній планъ. Остаются, такимъ образомъ, „Русскій Архивъ“, „Русская Старина“ и „Историческій Вѣстникъ“,— изданія, дающія статьи, бо̀льшая часть которыхъ имѣетъ интересъ для всякаго образованнаго читателя. Ими мы и займемся въ нашихъ обозрѣніяхъ.

A tout seigneur tout honneur. П. И. Бартеневъ уже двадцать третій годъ подвизается на поприщѣ исторической журналистики, и ему, какъ старшему, принадлежитъ первое мѣсто. Да, много воды утекло съ тѣхъ поръ, какъ „Русскій Архивъ“ впервые увидѣлъ свѣтъ! То было время благихъ начинаній, время, когда передъ изслѣдователями нашей исторіи широко раскрылись заповѣдныя двери архивовъ и библіотекъ, когда всѣ принялись обѣими руками черпать изъ огромнаго запаса неизданныхъ матеріаловъ и работали съ юношескимъ пыломъ и увлеченіемъ. Первые шаги „Архива“ были довольно робки; но вскорѣ онъ выросъ и возмужалъ; въ немъ, въ теченіе многихъ лѣтъ, появилась масса интереснѣйшаго и разнообразнѣйшаго историческаго и историко-литературнаго матеріала, кропотливо собраннаго запасливымъ издателемъ. Затѣмъ наступилъ періодъ упадка и старческаго истощенія силъ, симптомы котораго съ каждымъ годомъ обозначались все яснѣе и яснѣе: стали печататься скучнѣйшія и никому не нужныя записки, наполненныя самыми незначительными подробностями, статьи, лишенныя всякой литературной обработки,—иногда попадались даже вещи, уже напечатанныя раньше въ другихъ изданіяхъ, и притомъ болѣе исправно. Пріобрѣтая себѣ все болѣе и болѣе опаснаго соперника въ лицѣ „Русской Старины“, „Архивъ“, видимо, чувствовалъ себя не въ силахъ бороться съ нею, нѣсколько разъ измѣнялъ сроки выхода и, наконецъ, снова обратился въ ежемѣсячное изданіе,—но уже почти ничѣмъ не напоминаетъ теперь „Архива“ 60-хъ и первыхъ 70-хъ годовъ... Рѣдко-рѣдко проскользнетъ что нибудь такое, что̀ возбуждало бы общее вниманіе и интересъ, статья или матеріалъ не мелочнаго содержанія, живой разсказъ о лицахъ и событіяхъ дѣйствительно важныхъ.

Примѣромъ сказаннаго можетъ служить и первая книжка „Архива“ за нынѣшній годъ. Въ ней довольно видное мѣсто занимаютъ совершенно мелочныя воспоминанія Л. Ѳ. Львова и „Кавказскія воспоминанія“ А. Л. Зиссермана, который уже много лѣтъ пишетъ о Кавказѣ все одно и то же. Изъ трехъ новыхъ писемъ Вольтера, сообщенныхъ Д. Ѳ. Кобеко, интересъ представляетъ только одно, адресованное къ имп. Екатеринѣ II, гдѣ, между прочимъ, говорится, что Екатерина осыпала своими милостями извѣстную семью Каласовъ, жертву католическаго изувѣрства, за которую горячо вступился Вольтеръ. Здѣсь же упоминается объ Арсеніи Мацѣевичѣ, — „томъ *ростовскомъ* епископѣ, который наказанъ за то, что вообразилъ, будто *существуютъ* двѣ власти“. Г. Кобеко полагаетъ, что это письмо до сихъ

Нѣсколько не лишенныхъ интереса свѣдѣній о первыхъ дняхъ царствованія государя Александра Николаевича, характеризующихъ его личность, сообщаетъ авторъ статьи: „Изъ записокъ стараго преображенца“, прочемъ, наполненной подробностями, никакого историческаго значенія не имѣющими. Авторъ приводитъ отрывки изъ одного письма, въ которомъ передаются придворные слухи и впечатлѣнія о новомъ государѣ: „Говорятъ, просто неузнаваемъ! Принимаетъ истинно по-царски! Рѣчь, сказанную дипломатическому корпусу, Александръ Николаевичъ говорилъ безъ приготовленія. Когда посланники просили канцлера сообщить имъ произнесенную царемъ рѣчь, для того, чтобы не было противорѣчія въ ихъ словахъ при передачѣ ея своимъ дворамъ, канцлеръ долженъ былъ отказать имъ въ этомъ, потому что конспекта не имѣлось. Тогда посланники сами составили эту рѣчь и вторично просили ходатайства министра, чтобы государь просмотрѣлъ проэктъ депеши. Но императоръ, не читая, сложилъ бумагу и отдалъ ее обратно канцлеру, съ замѣчаніемъ: „Я говорилъ, ихъ дѣло было слушать“. Адьютантамъ своимъ онъ сказалъ при представленіи: „Вы, господа, теперь не адьютанты и не товарищи Наслѣдника Цесаревича, а флигель-адьютанты Государя Императора. Что было прежде, должно быть забыто. Вы меня понимаете?“ Когда представлялись министры, онъ благодарилъ и цѣловалъ каждаго изъ нихъ; съ Бибиковымъ же (министръ внутреннихъ дѣлъ) обошелся холодно. Клейнмихелю онъ сказалъ: „Вы, графъ, въ лицѣ моего отца, лишились самаго большаго своего покровителя“. Еще разсказываютъ, что одинъ изъ очень высокопоставленныхъ господъ вошелъ къ новому государю безъ доклада и сталъ ходатайствовать за Бибикова, представляя, что онъ человѣкъ хорошій, умный, любитъ отечество и можетъ быть ему полезнымъ. Государь строго взглянулъ на ходатая и возразилъ: „Прошу васъ не вмѣшиваться не въ свои дѣла и впредь не входить ко мнѣ безъ доклада“. Потомъ онъ пошелъ ко вдовствующей императрицѣ и разсказалъ ей объ этомъ случаѣ. „Ты хорошо поступилъ, отвѣчала она: для тебя не должно быть ни матери, ни брата, ни родственника; прежде всего ты—государь.“

Наконецъ отмѣтимъ, въ той же книжкѣ „Архива“, небольшую, но интересную замѣтку: „Къ біографіи поэта Д. В. Веневитинова“, составленную его племянникомъ, М. А. Веневитиновымъ. Здѣсь говорится, главнымъ образомъ, о неизвѣстныхъ еще до сихъ поръ въ печати причинахъ преждевременной смерти поэта. До сихъ поръ былъ извѣстенъ только фактъ непродолжительнаго ареста Д. В. Веневитинова въ Третьемъ Отдѣленіи; сообщалось, что этотъ арестъ ужасно поразилъ его, и что онъ не могъ освободиться отъ тяжелаго впечатлѣнія, произведеннаго на него сдѣланнымъ ему допросомъ. Онъ не любилъ объ этомъ разсказывать, но видно было, что что-то тяжелое лежало у него на душѣ. Вскорѣ послѣ того онъ занемогъ тифозною горячкою, которая въ двѣ недѣли свела его въ могилу. Но о по-

водѣ къ этому роковому для поэта аресту до сихъ поръ почти ничего не говорилось въ печати. М. А. Веневитиновъ, въ своей замѣткѣ, подробно описываетъ общество, среди котораго вращался въ Москвѣ его дядя, говоритъ объ отношеніяхъ его къ княгинѣ Зинаидѣ Волконской, родственницѣ декабриста, которыя, по тогдашнимъ обстоятельствамъ, должны были набросить на него тѣнь политической неблагонадежности, и наконецъ разсказываетъ, что Д. В., отправляясь на службу въ Петербургъ, взялъ съ собою въ попутчики недавно пріѣхавшаго изъ Сибири француза Воше, который былъ библіотекаремъ гр. Лаваля, отца кн. Трубецкой, жены декабриста, и провожалъ княгиню, когда она отправилась, вслѣдъ за своимъ сосланнымъ мужемъ, въ Сибирь. Это-то сопутничество съ подозрительнымъ французомъ и было причиною того, что оба спутника, при самомъ въѣздѣ въ Петербургъ, были арестованы. Веневитинову пришлось просидѣть два дня въ крайне сыромъ, холодномъ и нездоровомъ помѣщеніи одной изъ петербургскихъ гауптвахтъ. Простудился ли онъ въ этомъ помѣщеніи, или подвергся какому нибудь другому вредному вліянію,—объ этомъ не сохранилось точныхъ семейныхъ преданій, которыя ограничиваются указаніемъ на гигіеническія условія мѣста заключенія, какъ на главную причину окончательнаго разстройства въ здоровьѣ Дмитрія Владиміровича.

Отъ лица автора біографіи Д. В. Веневитинова, приложенной къ изданію его сочиненій 1862 года, мы можемъ заявить, что авторъ біографіи, пользовавшійся документальными источниками и сообщеніями роднаго брата поэта, хорошо зная всю исторію этого ареста, не могъ подробно сообщить о ней, во-первыхъ, потому, что братъ поэта не желалъ ея оглашенія въ печати, а во-вторыхъ, и потому, что въ то время о подобныхъ предметахъ трудно было говорить печатно, по цензурнымъ условіямъ. Этимъ и объясняются тѣ „неточности“ прежней біографіи, на которыя теперь указываетъ и которыя исправляетъ М. А. Веневитиновъ,—неточности, вообще незначительныя, но которыхъ въ то время трудно было избѣжать.

Отъ „Русскаго Архива“ переходимъ къ „Русской Старинѣ“, которая въ послѣднее время рѣшительно превосходитъ своего московскаго собрата и выборомъ статей, и ихъ разнообразіемъ и содержательностью. Случается, конечно, что и на страницахъ „Рус. Старины“ появляются вещи, никому неинтересныя и ни для кого не нужныя, въ родѣ, напримѣръ, записокъ невѣдомаго „поэта“ Спиридона Дрожжина, печатавшихся въ прошломъ году; попадаются иногда и статьи, написанныя совсѣмъ неумѣлой и неграмотной рукой по поводу фактовъ, всѣмъ давно извѣстныхъ; но, во-первыхъ, это случается сравнительно рѣдко, а во-вторыхъ, этотъ недостатокъ журнала искупается обиліемъ сообщаемыхъ имъ историческихъ и историко-литературныхъ матеріаловъ, нерѣдко имѣющихъ очень важное значеніе. Такъ, *напримѣръ*, въ двухъ первыхъ книжкахъ нынѣшняго года находимъ *чрезвычайно интересный* разсказъ К. К. Гейнса о „Славномъ Баязетскомъ си-

дѣньѣ" 1877 года, составляющій одну изъ блестящихъ страницъ исторіи послѣдней русско-турецкой войны, которая дала такъ много примѣровъ удивительнаго мужества и самоотверженія. Здѣсь же помѣщены—извлеченные изъ бумагъ, оставшихся послѣ смерти покойнаго М. Я. Морошкина—новые матеріалы, очень цѣнные, для біографіи знаменитаго Арсенія Мацѣевича; воспоминанія о военныхъ поселеніяхъ, о которыхъ составилась уже цѣлая литература; разныя мелочи, большею частью очень интересныя, изъ исторіи прошлаго царствованія и пр. Но самымъ важнымъ вкладомъ въ „Рус. Старину" являются безспорно посмертныя записки Н. И. Пирогова, начатыя печатаніемъ еще въ прошломъ году. Пироговъ подробно и со всею откровенностью—иногда даже не безъ старческой болтливости и многословія—разсказываетъ здѣсь свою жизнь, время отъ времени прерывая разсказъ отступленіями, въ которыхъ онъ излагаетъ свои взгляды на тѣ или другія стороны нашей жизни. Въ этихъ разсужденіяхъ виденъ человѣкъ высокаго ума и таланта, многое пережившій и перечувствовавшій и до преклонной старости сохранившій полную ясность мысли и вдумчивую проницательность. Здѣсь является передъ нами симпатичный образъ одного изъ образованнѣйшихъ людей своего времени, одного изъ самыхъ сильныхъ русскихъ мыслителей,—образъ человѣка, горячо любившаго свою родину и много потрудившагося на ея благо. Высказываемыя имъ мысли по поводу различныхъ фактовъ нашей общественной жизни заслуживаютъ самаго серьезнаго вниманія. Въ тѣхъ главахъ „Записокъ", которыя напечатаны въ январьской и февральской книжкахъ „Старины", Пироговъ говоритъ преимущественно о жизни университетской—и здѣсь его голосъ, безъ всякаго сомнѣнія, есть голосъ человѣка вполнѣ авторитетнаго, такъ какъ онъ, въ продолженіе почти всей своей жизни, стоялъ въ непосредственной близости къ университету, и какъ профессоръ, и какъ попечитель учебнаго округа, и какъ ученый, спеціально занимавшійся вопросомъ о наилучшей постановкѣ университетскаго образованія,—вопросомъ, который всегда его чрезвычайно интересовалъ. Вотъ, напримѣръ, какія думы вызывалъ въ немъ этотъ вопросъ,—и въ настоящее время для насъ самый современный:

„Конечно, молодежь, какъ самый чувствительный къ вѣяніямъ времени барометръ, всегда обнаруживаетъ замѣтнѣе признаки небывалыхъ стремленій; такъ немудрено, что современная молодежь, при появленіи на свѣтъ новыхъ соціальныхъ ученій, тотчасъ же изъявила готовность донкихотствовать и окунаться во взбаламученное море. Я убѣжденъ однако же, что не тяготѣй надъ нашими студентами съ 1826 года, цѣлыя 30 лѣтъ, систематическій гнетъ попечительствъ, инспекторствъ и т. п.,—молодежь встрѣтила бы вѣянія новаго времени совсѣмъ инымъ образомъ. Не смотря на мою незрѣлость, неопытность и дѣтски наивное равнодушіе къ общественнымъ дѣламъ, я все таки тотчасъ же почувствовалъ начавшійся съ 1826 года гнетъ въ университетѣ. Гнетъ этотъ, какъ извѣстно, усиливался crescendo,

и даже до сегодня, съ нѣкоторыми перемежками, слѣдовательно, не 30, какъ сейчасъ сказалъ, позабывъ, что̀ дѣлалось въ послѣднія 20 лѣтъ,— а цѣлыя 50 лѣтъ. Довольно времени, чтобы, исковеркавъ lege artis молодую натуру и ожесточивъ нравы, перепортить и погубить многія сотни и тысячи душъ“ (янв., 27—28).

„...Да, корпоративное устройство студенчества—важное дѣло въ отношеніи порядка и благочинія. Въ этомъ я достаточно убѣдился въ бытность мою въ Дерптѣ учащимся и профессоромъ. Съ неорганизованною, безпорядочною и разношерстною толпою молодыхъ людей ничего не подѣлаешь. По моему, просто безуміе со стороны начальниковъ разглагольствовать съ собравшеюся толпою студентовъ. Это значитъ—вести и себя, и молодежь въ бѣду, безъ всякой пользы для общаго дѣла.

„Учрежденіе корпораціи въ нашихъ русскихъ университетахъ, по образцу дерптскому, конечно, немыслимо. Въ Дерптѣ, какъ и въ германскихъ университетахъ, корпоративное дѣло есть дѣло традиціонное. А у насъ нѣтъ для него почвы. Но, тѣмъ не менѣе, пока въ нашихъ университетахъ не придумаютъ учредить, тѣмъ или другимъ способомъ, студенческаго представительства, правильно организованнаго, до тѣхъ поръ университетское начальство пусть не разсчитываетъ на свое вліяніе и воздѣйствіе на учащуюся молодежь.

„Тогда ничего не остается инаго, какъ: начальство университета, профессора, ректоры сами по себѣ, а студенты — сами по себѣ, а для порядка и благочинія—городская полиція. Это неминуемо. Но нравственно-научное значеніе университета многое утратитъ. А мы, старые студенты, именно дорожимъ тѣми воспоминаніями, которыя, по прошествіи цѣлыхъ 50 лѣтъ, все еще связываютъ насъ съ прошлымъ университетскимъ житьемъ-бытьемъ. А воспоминанія эти дороги именно потому, что они не были бы для насъ такими, еслибы мы не чувствовали могучаго и живучаго вліянія университета на весь нашъ внутренній бытъ, на все человѣческое въ насъ.

„Университеты наши перестаютъ теперь быть университетами въ прежнемъ (и, я полагаю, настоящемъ) значеніи этого слова, сбитые съ толку политическимъ сумбуромъ. Но... я полагаю, что и въ наше время, еслибы кому нибудь изъ излюбленныхъ ученыхъ людей удалось, при учрежденіи студенческаго представительства, положить въ основаніе его вопіющіе интересы, нужды и заботы студенческой труженической жизни и этимъ внести въ представительство практическую жизненную дѣятельность,—то большинство учащихся перестало бы бить лбомъ въ стѣну, теряя безвозвратно и непроизводительно для себя самое золотое время жизни“ (февр., 303—304).

Едва-ли найдется мыслящій человѣкъ, который, говоря искренно и *гнвшись* отъ всякихъ соображеній личнаго характера, не признаетъ

бы въ этихъ словахъ Пирогова значительной доли основательности. Но въ томъ-то и бѣда, что люди, подобные Пирогову, т. е. безкорыстно преданные интересамъ науки и всецѣло проникнутые стремленіемъ поставить университетъ на ту высоту, на которой онъ долженъ стоять, всегда остаются въ меньшинствѣ; большинство же или не въ состояніи, или не желаетъ отказаться отъ узкаго канцелярскаго міросозерцанія и отрицательнаго отношенія къ высшему образованію вообще, а къ университету въ особенности. Голосъ органа печати, много лѣтъ проповѣдывавшаго, съ усердіемъ, достойнымъ лучшаго дѣла, что университетъ есть врагъ, котораго нужно сокрушить, — къ сожалѣнію, не остается гласомъ вопіющаго въ пустынѣ и приноситъ свои плоды.

Вѣроятно, не многіе изъ нашихъ читателей помнятъ, что знаменитыя въ свое время статьи Пирогова: „Вопросы жизни“ и „Школа и жизнь“ были первоначально напечатаны въ „Морскомъ Сборникѣ“, офиціальномъ журналѣ морскаго вѣдомства. Въ февральской книжкѣ „Рус. Старины“ этому журналу посвящена небольшая статейка, къ сожалѣнію, составленная почти изъ однихъ общихъ фразъ и, притомъ, написанная далеко не грамотно. Между тѣмъ „Морской Сборникъ“ заслуживалъ бы болѣе обстоятельнаго упоминанія, какъ одинъ изъ отрадныхъ фактовъ въ исторіи нашей журналистики, какъ офиціальное изданіе, посвятившее свои страницы на разработку важнѣйшихъ вопросовъ, связанныхъ съ реформами прошлаго царствованія, наконецъ, — какъ журналъ, сотрудниками котораго были многіе изъ самыхъ выдающихся нашихъ писателей. Вообще, исторія нашей журналистики достопамятнаго десятилѣтія 1856—1866 гг. представила бы тему очень интересную и, по настоящему времени, чрезвычайно поучительную, и редакція „Русской Старины“ очень хорошо сдѣлала бы, еслибы обратила свое вниманіе на этотъ предметъ, — тѣмъ болѣе, что въ ея распоряженіи, вѣроятно, найдется по этой части немало любопытнаго матеріала.

Къ другимъ статьямъ „Русской Старины“ мы еще вернемся впослѣдствіи, такъ какъ многія изъ нихъ не закончены. Здѣсь же отмѣтимъ не лишенныя интереса, хотя и нѣсколько разочаровывающія читателя, воспоминанія А. Д. Галахова о Кудрявцевѣ. Здѣсь сообщаются кое-какія свѣдѣнія о жизни Кудрявцева въ Москвѣ въ 1842—45 гг., о его взглядахъ на науку и искусство, о первыхъ его попыткахъ писать въ беллетристическомъ родѣ, объ его увлеченіи итальянской оперой, которая въ ту пору впервые появилась въ Москвѣ, и т. п. Все это разсказано очень живо, но обрывается на самомъ интересномъ мѣстѣ, — а продолженія не обѣщано. Между тѣмъ, отъ автора воспоминаній, который, по его собственнымъ словамъ, долго и неизмѣнно находился съ Кудрявцевымъ въ самыхъ пріятельскихъ отношеніяхъ,—мы могли бы ожидать разсказа болѣе подробнаго и значительнаго, чѣмъ тотъ, какой онъ теперь напеч

и даже до сегодня, съ нѣкоторыми перемежками, слѣдовательно, не 30, какъ сейчасъ сказалъ, позабывъ, что дѣлалось въ послѣднія 20 лѣтъ,— а цѣлыя 50 лѣтъ. Довольно времени, чтобы, исковеркавъ lege artis молодую натуру и ожесточивъ нравы, перепортить и погубить многія сотни и тысячи душъ" (янв., 27—28).

„...Да, корпоративное устройство студенчества—важное дѣло въ отношеніи порядка и благочинія. Въ этомъ я достаточно убѣдился въ бытность мою въ Дерптѣ учащимся и профессоромъ. Съ неорганизованною, безпорядочною и разношерстною толпою молодыхъ людей ничего не подѣлаешь. По моему, просто безуміе со стороны начальниковъ разглагольствовать съ собравшеюся толпою студентовъ. Это значитъ—вести и себя, и молодежь въ бѣду, безъ всякой пользы для общаго дѣла.

„Учрежденіе корпораціи въ нашихъ русскихъ университетахъ, по образцу дерптскому, конечно, немыслимо. Въ Дерптѣ, какъ и въ германскихъ университетахъ, корпоративное дѣло есть дѣло традиціонное. А у насъ нѣтъ для него почвы. Но, тѣмъ не менѣе, пока въ нашихъ университетахъ не придумаютъ учредить, тѣмъ или другимъ способомъ, студенческаго представительства, правильно организованнаго, до тѣхъ поръ университетское начальство пусть не разсчитываетъ на свое вліяніе и воздѣйствіе на учащуюся молодежь.

„Тогда ничего не остается инаго, какъ: начальство университета, профессора, ректоры сами по себѣ, а студенты — сами по себѣ, а для порядка и благочинія—городская полиція. Это неминуемо. Но нравственно-научное значеніе университета многое утратитъ. А мы, старые студенты, именно дорожимъ тѣми воспоминаніями, которыя, по прошествіи цѣлыхъ 50 лѣтъ, все еще связываютъ насъ съ прошлымъ университетскимъ житьемъ-бытьемъ. А воспоминанія эти дороги именно потому, что они не были бы для насъ такими, еслибы мы не чувствовали могучаго и живучаго вліянія университета на весь нашъ внутренній бытъ, на все человѣческое въ насъ.

„Университеты наши перестаютъ теперь быть университетами въ прежнемъ (и, я полагаю, настоящемъ) значеніи этого слова, сбитые съ толку политическимъ сумбуромъ. Но... я полагаю, что и въ наше время, еслибы кому нибудь изъ излюбленныхъ ученыхъ людей удалось, при учрежденіи студенческаго представительства, положить въ основаніе его вопіющіе интересы, нужды и заботы студенческой труженической жизни и этимъ внести въ представительство практическую жизненную дѣятельность,—то большинство учащихся перестало бы бить лбомъ въ стѣну, теряя безвозвратно и непроизводительно для себя самое золотое время жизни" (февр., 303—304).

Едва-ли найдется мыслящій человѣкъ, который, говоря искренно и *отрѣшившись* отъ всякихъ соображеній личнаго характера, не признаетъ

лѣнія и не заглядывая въ будущее, во всякомъ случаѣ вполнѣ умѣстно выяснить *историческое* значеніе того столѣтняго событія, которое теперь чествуется. Если мы составимъ правильное понятіе о томъ, какой вкладъ внесла въ русскую жизнь дворянская грамота, изданная императрицею Екатериною II, 21 апрѣля 1785 года, то получимъ лучшее основаніе не только для осмысленія этого дворянскаго праздника, но и для уразумѣнія, въ какой степени и при какихъ условіяхъ это чествованіе можетъ получить значеніе народнаго, общаго всей Россіи торжества. Судя по нѣкоторымъ заявленіямъ, появившимся въ печати, можно думать, что многіе изъ тѣхъ, кто говоритъ теперь именемъ дворянства, не имѣютъ даже понятія о томъ, какъ произошло русское дворянство. Чтобъ не попасть въ число этихъ „непомнящихъ родства", напомнимъ исторію происхожденія нашего высшаго сословія.

Въ древней Руси, рядомъ съ сельскою общиною и городскимъ гражданствомъ, существовала, какъ извѣстно, *дружина*. Она состояла изъ вольныхъ, свободныхъ людей, главнымъ призваніемъ которыхъ была *служба* государству, князю, какъ на войнѣ, такъ и въ мирѣ, какъ въ ратномъ, такъ и правительственномъ или хозяйственно-государевомъ дѣлѣ. Издавна дружина дѣлилась на два разряда: старшую и молодшую, молодь. Въ первую входили ближайшіе совѣтники князя, высшіе должностные начальники, а во вторую—такъ называемые слуги или дворяне. Никакого существеннаго кастоваго различія между тѣми и другими не существовало. Ссылаясь на договорную грамоту великаго князя Симеона Ивановича, извѣстный изслѣдователь нашей народной исторіи Бѣляевъ говоритъ: „Изъ этой грамоты видно, во-первыхъ, что слуги, какъ и бояре, могли переходить отъ одного князя къ другому, и князья, по русскому народному праву того времени, обязывались не держать за это *нелюбья* и не посягать на чужихъ слугъ, но блюсти, какъ и своихъ; во-вторыхъ, что слуги, какъ и бояре, могли покупать села и другія недвижимыя имѣнія". Вся разница между боярами и слугами была должностная. Первые занимаютъ высшія и ближнія должности, а вторые—низшія. Ничто не мѣшало однако переходу изъ низшаго въ высшій разрядъ и наоборотъ. Что слуги и дворяне составляли одинъ и тотъ же классъ вольныхъ людей, все положеніе которыхъ опредѣлялось службою, видно изъ новгородскихъ договорныхъ грамотъ. „И такъ какъ,—говоритъ Бѣляевъ,—въ упомянутыхъ новгородскихъ грамотахъ вездѣ дворяне являются только *низшими* служебными лицами, т. е. сборщиками податей и пошлинъ, разсыльщиками и служителями при судьяхъ, то изъ этого можно заключить, что дворяне или слуги, пользуясь одина-

правами съ боярами относительно перехода изъ службы
ного князя къ другому и относительно владѣнія недвижи-
имѣніями, въ отношеніи къ самой службѣ были на низшей
ли противъ бояръ и могли занимать должности только вто-
ленныя". Такъ продолжалось до половины XVI вѣка. Съ этого
ени, боярство не представляетъ общаго сословнаго понятія и
начаетъ только извѣстный рангъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, на
высшій слой служилыхъ людей переходитъ названіе *дворянъ*;
режніе слуги и дворяне, т. е. низшія должностныя лица, стали
зноваться *дѣтьми боярскими*. Характеризуя этотъ второстепен-
й или низшій классъ служилыхъ людей, появившійся въ XVI вѣкѣ,
зляевъ говоритъ: „Военная служба этого класса не могла ра-
иться со службою лицъ перваго класса (т. е. дворянъ): они н
ыли главными воеводами и начальниками полковъ; это доказы-
ваютъ слова боярскихъ дѣтей въ соборномъ приговорѣ 1566 года
„А мы, государевы холопы, служилые люди, намъ какъ государь
велитъ; и мы, холопы его, на государево дѣло готовы". Это прямо
голосъ людей, не имѣющихъ высшаго значенія въ службѣ, про-
стыхъ воиновъ и много-много сотенныхъ головъ, каковыми точно
и являются боярскія дѣти, по свидѣтельству разныхъ памятни-
ковъ. По другимъ службамъ мы видимъ боярскихъ дѣтей разсыль-
щиками при разныхъ приказахъ и дьячихъ избахъ, также при-
ставами при заставахъ, приставами при перевозахъ. Въ одной
отпискѣ къ тобольскимъ воеводамъ 1640 года, сынъ боярскій
значится сборщикомъ ясака. Дѣти боярскія также выбирались въ
губные старосты, городовые прикащики, ямскіе стройщики и другія подобныя должности. Прежніе дворяне, или позднѣйшія дѣти боярскія, бывали конюхами, псарями, тенетчиками, рѣшеточными прикащиками. Такимъ образомъ, древніе слуги и дворяне, или позднѣйшія дѣти боярскія, во всѣхъ родахъ службы могли занимать только незначительныя должности; но, конечно, имъ не былъ загражденъ путь къ возвышенію, ибо они могли переходить въ высшій классъ служилыхъ людей, и тогда имъ открывалась возможность занимать и высшія должности. Переходъ въ высшій классъ пріобрѣтался службою, а служба обыкновенно соразмѣрялась болѣе или менѣе съ состояніемъ служащаго: кто имѣлъ болѣе средствъ, тотъ могъ лучше служить, ибо, по правиламъ старой московской администраціи, время отъ времени составлялись разборные списки служилыхъ людей; въ этихъ спискахъ отмѣчалось, за кѣмъ какое имѣніе и какъ кто, коненъ, люденъ и оруженъ, можетъ
ться на дѣйствительную службу. Смотря по спискамъ, служилы
въ высшія или низшія статьи."

Къ этому не мѣшаетъ добавить, что самое состояніе служилыхъ людей, большею частью, опредѣлялось службою и добывалось на ней. Служилые люди посылались „на кормленіе“ и получали государево „жалованье“ помѣстьями, угодьями, а потомъ и деньгами.

Такимъ образомъ, дворянство вышло изъ служилаго класса людей и въ основѣ его лежитъ *служебное* положеніе всѣхъ родовъ и степеней. Характерною чертою русскаго дворянства, какъ въ древней, такъ и въ московской Руси, является отсутствіе прочной связи съ землею, съ мѣстностью. Это менѣе всего *земскій* элементъ населенія. Напротивъ, дворянство наше представляло изъ себя наиболѣе подвижной людъ, который, и по своимъ личнымъ интересамъ, и по смыслу своей службы, во всякое время могъ переходить съ мѣста на мѣсто. Дружина приходила и уходила вмѣстѣ съ княземъ, не пуская корней на мѣстѣ своего служенія, не связывая себя съ землею, съ данными удѣлами, общинами, городами или областями. Точно также члены этой дружины, въ качествѣ свободныхъ людей, не были неразрывно связаны съ тѣмъ или другимъ княземъ, но переходили отъ одного къ другому, смотря по тому, гдѣ „кормы“ были получше, гдѣ можно было добиться возвышенія, удовлетворить свои честолюбивыя стремленія. Эта *оторванность* отъ земли, отъ земства была, конечно, несравненно сильнѣе и чувствительнѣе, нежели та оторванность отъ народа, которая ставится въ упрекъ современной интеллигенціи. Оторванность служилаго класса тѣмъ болѣе имѣла значенія, что не только дружина, но и позднѣйшіе ряды дворянства представляли въ значительной степени *космополитическій* характеръ. „Первые государи наши,—говоритъ Соловьевъ,—противодѣйствуя мѣстничеству, вводили въ свою дружину *пришельцевъ изъ разныхъ странъ и народовъ*, такъ что, за исключеніемъ изъ общаго счета 163 княжескихъ родовъ *рюриковичей* и 96 родовъ, неизвѣстно откуда пришедшихъ, оказывается, что на 36 родовъ непришлыхъ *приходится 351 вышавшихъ въ Россію со всѣхъ концовъ міра*: въ томъ числѣ изъ Франціи, Италіи, Англіи, Цесаріи, Венгріи и пр. 35; изъ Пруссіи 65; изъ Польши и Литвы 214; изъ нѣмцевъ и варягъ 56; изъ грековъ, сербовъ и пр. 17; изъ разныхъ татарскихъ ордъ, сарацинъ, Кафы, Персіи, Грузіи — 143. Всѣ эти пришлые роды были знатные, честные или, по крайней мѣрѣ, такъ называли себя; уличить ихъ въ обманѣ было невозможно. Князь вѣрилъ для собственной выгоды, бояре вѣрили по невозможности не вѣрить,—потому послушно раздвигали свои ряды.“ Этотъ *неземскій* характеръ нашего прежняго дворянства подтверждается и самыми прозвищами ихъ. Русскія дворянскія фамиліи имѣютъ или личное, или

и даже до сегодня, съ нѣкоторыми перемежками, слѣдовательно, не 30, какъ сейчасъ сказалъ, позабывъ, что̀ дѣлалось въ послѣднія 20 лѣтъ,— а цѣлыя 50 лѣтъ. Довольно времени, чтобы, исковеркавъ lege artis молодую натуру и ожесточивъ нравы, перепортить и погубить многія сотни и тысячи душъ“ (янв., 27—28).

„...Да, корпоративное устройство студенчества—важное дѣло въ отношеніи порядка и благочинія. Въ этомъ я достаточно убѣдился въ бытность мою въ Дерптѣ учащимся и профессоромъ. Съ неорганизованною, безпорядочною и разношерстною толпою молодыхъ людей ничего не подѣлаешь. По моему, просто безуміе со стороны начальниковъ разглагольствовать съ собравшеюся толпою студентовъ. Это значитъ—вести и себя, и молодежь въ бѣду, безъ всякой пользы для общаго дѣла.

„Учрежденіе корпораціи въ нашихъ русскихъ университетахъ, по образцу дерптскому, конечно, немыслимо. Въ Дерптѣ, какъ и въ германскихъ университетахъ, корпоративное дѣло есть дѣло традиціонное. А насъ нѣтъ для него почвы. Но, тѣмъ не менѣе, пока въ нашихъ университетахъ не придумаютъ учредить, тѣмъ или другимъ способомъ, студенческаго представительства, правильно организованнаго, до тѣхъ поръ университетское начальство пусть не разсчитываетъ на свое вліяніе воздѣйствіе на учащуюся молодежь.

„Тогда ничего не остается инаго, какъ: начальство университета, профессора, ректоры сами по себѣ, а студенты — сами по себѣ, а для порядка и благочинія—городская полиція. Это неминуемо. Но нравственно-научное значеніе университета многое утратитъ. А мы, старые студенты, именно дорожимъ тѣми воспоминаніями, которыя, по прошествіи цѣлыхъ 50 лѣтъ, все еще связываютъ насъ съ прошлымъ университетскимъ житьемъ-бытьемъ. А воспоминанія эти дороги именно потому, что они не были бы для насъ такими, еслибы мы не чувствовали могучаго и живучаго вліянія университета на весь нашъ внутренній бытъ, на все человѣческое въ насъ.

„Университеты наши перестаютъ теперь быть университетами въ прежнемъ (и, я полагаю, настоящемъ) значеніи этого слова, сбитые съ толку политическимъ сумбуромъ. Но... я полагаю, что и въ наше время, еслибы кому нибудь изъ излюбленныхъ ученыхъ людей удалось, при учрежденіи студенческаго представительства, положить въ основаніе его вопіющіе интересы, нужды и заботы студенческой труженической жизни и этимъ внести въ представительство практическую жизненную дѣятельность,—то большинство учащихся перестало бы бить лбомъ въ стѣну, теряя безвозвратно и непроизводительно для себя самое золотое время жизни“ (февр., 303—304).

Едва-ли найдется мыслящій человѣкъ, который, говоря искренно и *отрѣшившись* отъ всякихъ соображеній личнаго характера, не признаетъ

бы въ этихъ словахъ Пирогова значительной доли основательности. Но въ томъ-то и бѣда, что люди, подобные Пирогову, т. е. безкорыстно преданные интересамъ науки и всецѣло проникнутые стремленіемъ поставить университетъ на ту высоту, на которой онъ долженъ стоять, всегда остаются въ меньшинствѣ; большинство же или не въ состояніи, или не желаетъ отказаться отъ узкаго канцелярскаго міросозерцанія и отрицательнаго отношенія къ высшему образованію вообще, а къ университету въ особенности. Голосъ органа печати, много лѣтъ проповѣдывавшаго, съ усердіемъ, достойнымъ лучшаго дѣла, что университетъ есть врагъ, котораго нужно сокрушить, — къ сожалѣнію, не остается гласомъ вопіющаго въ пустынѣ и приноситъ свои плоды.

Вѣроятно, не многіе изъ нашихъ читателей помнятъ, что знаменитыя въ свое время статьи Пирогова: „Вопросы жизни“ и „Школа и жизнь“ были первоначально напечатаны въ „Морскомъ Сборникѣ“, офиціальномъ журналѣ морскаго вѣдомства. Въ февральской книжкѣ „Рус. Старины“ этому журналу посвящена небольшая статейка, къ сожалѣнію, составленная почти изъ однихъ общихъ фразъ и, притомъ, написанная далеко не грамотно. Между тѣмъ „Морской Сборникъ“ заслуживалъ бы болѣе обстоятельнаго упоминанія, какъ одинъ изъ отрадныхъ фактовъ въ исторіи нашей журналистики, какъ офиціальное изданіе, посвятившее свои страницы на разработку важнѣйшихъ вопросовъ, связанныхъ съ реформами прошлаго царствованія, наконецъ, — какъ журналъ, сотрудниками котораго были многіе изъ самыхъ выдающихся нашихъ писателей. Вообще, исторія нашей журналистики достопамятнаго десятилѣтія 1856—1866 гг. представила бы тему очень интересную и, по настоящему времени, чрезвычайно поучительную, и редакція „Русской Старины“ очень хорошо сдѣлала бы, еслибы обратила свое вниманіе на этотъ предметъ, — тѣмъ болѣе, что въ ея распоряженіи, вѣроятно, найдется по этой части немало любопытнаго матеріала.

Къ другимъ статьямъ „Русской Старины“ мы еще вернемся впослѣдствіи, такъ какъ многія изъ нихъ не закончены. Здѣсь же отмѣтимъ не лишенныя интереса, хотя и нѣсколько разочаровывающія читателя, воспоминанія А. Д. Галахова о Кудрявцевѣ. Здѣсь сообщаются кое-какія свѣдѣнія о жизни Кудрявцева въ Москвѣ въ 1842—45 гг., о его взглядахъ на науку и искусство, о первыхъ его попыткахъ писать въ беллетристическомъ родѣ, объ его увлеченіи итальянской оперой, которая въ ту пору впервые появилась въ Москвѣ, и т. п. Все это разсказано очень живо, но обрывается на самомъ интересномъ мѣстѣ, — а продолженія не обѣщано. Между тѣмъ, отъ автора воспоминаній, который, по его собственнымъ словамъ, долго и неизмѣнно находился съ Кудрявцевымъ въ самыхъ пріятельскихъ отношеніяхъ,—мы могли бы ожидать разсказа болѣе подробнаго и значительнаго, чѣмъ тотъ, какой онъ теперь напеча-

талъ. Память такихъ людей, каковъ былъ Кудрявцевъ, не должна умирать въ потомствѣ, и освѣжать ее лежитъ на обязанности тѣхъ, кому приходилось быть свидѣтелями ихъ жизни и дѣятельности.

Въ той же январьской книжкѣ „Русской Старины“ помѣщено собрание неизданныхъ стихотвореній Андрея Ивановича Подолинскаго. Авторъ этихъ стихотвореній, нынѣ старѣйшій изъ русскихъ поэтовъ и единственный оставшійся въ живыхъ представитель пушкинской эпохи, еще недавно напомнилъ о себѣ превосходнымъ, глубоко прочувствованнымъ стихотвореніемъ „Мать“, напечатаннымъ въ Сборникѣ литературнаго фонда. До прошлаго года, въ теченіе цѣлыхъ двадцати лѣтъ, онъ ничего не печаталъ; получило извѣстность только стихотвореніе, написанное имъ на праздникъ 50-лѣтней годовщины петербургскаго университета и заключающееся словами: „Гдѣ высоко стоитъ наука, стоитъ высоко человѣкъ“, которыя были выбиты на медали, отчеканенной въ память юбилея. Въ январьской книжкѣ „Старины“ А. И. Подолинскій напечаталъ небольшую автобіографическую замѣтку и 46 стихотвореній. Почти всѣ они отличаются изяществомъ стиха, обличающемъ въ авторѣ современника и ученика Пушкина; но, по содержанію, самымъ выдающимся между ними все таки остается стихотвореніе на университетскій юбилей.

Объ „Историческомъ Вѣстникѣ“—до слѣдующаго раза.

НАШИ ВНУТРЕННІЯ ДѢЛА.

Столѣтіе дворянской грамоты.—Исторія происхожденія русскаго дворянства.—Древняя дружина.—Служилый людъ московскаго періода.—Возрожденіе высшаго сословія при Петрѣ.—Истинный смыслъ екатерининской реформы.—Идеалы лучшей части русскаго дворянства.—Возрожденіе духа сословности.—Неудачные проэкты.—Государственный земельный банкъ и каховская комисія.—Неожиданная преграда нашему внутреннему развитію и неподготовленность къ войнѣ.—Характеристика того настроенія, съ которымъ встрѣчается опасность войны.

Какъ мы упоминали въ прошломъ обозрѣніи, 21 апрѣля исполнится сто лѣтъ со дня утвержденія Екатериною II „жалованной грамоты россійскому благородному дворянству“. Современное дворянство, въ той его части, которая сохранила сословную организацію, предполагаетъ отпраздновать этотъ юбилей. Съ этимъ чествованіемъ связываются разныя надежды и стремленія, имѣющія цѣлью опредѣлить *будущее* русскаго дворянства, его общественное *положеніе* и государственную роль. Не вмѣшиваясь въ эти вожде-

лѣнія и не заглядывая въ будущее, во всякомъ случаѣ вполнѣ умѣстно выяснить *историческое* значеніе того столѣтняго событія, которое теперь чествуется. Если мы составимъ правильное понятіе о томъ, какой вкладъ внесла въ русскую жизнь дворянская грамота, изданная императрицею Екатериною II, 21 апрѣля 1785 года, то получимъ лучшее основаніе не только для осмысленія этого дворянскаго праздника, но и для уразумѣнія, въ какой степени и при какихъ условіяхъ это чествованіе можетъ получить значеніе народнаго, общаго всей Россіи торжества. Судя по нѣкоторымъ заявленіямъ, появившимся въ печати, можно думать, что многіе изъ тѣхъ, кто говоритъ теперь именемъ дворянства, не имѣютъ даже понятія о томъ, какъ произошло русское дворянство. Чтобъ не попасть въ число этихъ „непомнящихъ родства", напомнимъ исторію происхожденія нашего высшаго сословія.

Въ древней Руси, рядомъ съ сельскою общиною и городскимъ гражданствомъ, существовала, какъ извѣстно, *дружина*. Она состояла изъ вольныхъ, свободныхъ людей, главнымъ призваніемъ которыхъ была *служба* государству, князю, какъ на войнѣ, такъ и въ мирѣ, какъ въ ратномъ, такъ и правительственномъ или хозяйственно-государевомъ дѣлѣ. Издавна дружина дѣлилась на два разряда: старшую и молодшую, молодь. Въ первую входили ближайшіе совѣтники князя, высшіе должностные начальники, а во вторую— такъ называемые слуги или дворяне. Никакого существеннаго кастоваго различія между тѣми и другими не существовало. Ссылаясь на договорную грамоту великаго князя Симеона Ивановича, извѣстный изслѣдователь нашей народной исторіи Бѣляевъ говоритъ: „Изъ этой грамоты видно, во-первыхъ, что слуги, какъ и бояре, могли переходить отъ одного князя къ другому, и князья, по русскому народному праву того времени, обязывались не держать за это *нелюбья* и не посягать на чужихъ слугъ, но блюсти, какъ и своихъ; во-вторыхъ, что слуги, какъ и бояре, могли покупать села и другія недвижимыя имѣнія". Вся разница между боярами и слугами была должностная. Первые занимаютъ высшія и ближнія должности, а вторые—низшія. Ничто не мѣшало однако переходу изъ низшаго въ высшій разрядъ и наоборотъ. Что слуги и дворяне составляли одинъ и тотъ же классъ вольныхъ людей, все положеніе которыхъ опредѣлялось службою, видно изъ новгородскихъ договорныхъ грамотъ. „И такъ какъ,—говоритъ Бѣляевъ,— въ упомянутыхъ новгородскихъ грамотахъ вездѣ дворяне являются только *низшими* служебными лицами, т. е. сборщиками податей и пошлинъ, разсыльщиками и служителями при судьяхъ, то изъ этого можно заключить, что дворяне или слуги, пользуясь одина-

ковыми правами съ боярами относительно перехода изъ службы отъ одного князя къ другому и относительно владѣнія недвижимыми имѣніями, въ отношеніи къ самой службѣ были на низшей степени противъ бояръ и могли занимать должности только второстепенныя". Такъ продолжалось до половины XVI вѣка. Съ этого времени, боярство не представляетъ общаго сословнаго понятія и обозначаетъ только извѣстный рангъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, на весь высшій слой служилыхъ людей переходитъ названіе *дворяне*; а прежніе слуги и дворяне, т. е. низшія должностныя лица, стали именоваться *дѣтьми боярскими*. Характеризуя этотъ второстепенный или низшій классъ служилыхъ людей, появившійся въ XVI вѣкѣ, Бѣляевъ говоритъ: „Военная служба этого класса не могла равняться со службою лицъ перваго класса (т. е. дворянъ): они не были главными воеводами и начальниками полковъ; это доказываютъ слова боярскихъ дѣтей въ соборномъ приговорѣ 1566 года: „А мы, государевы холопы, служилые люди, намъ какъ государь велитъ; и мы, холопы его, на государево дѣло готовы". Это прямо голосъ людей, не имѣющихъ высшаго значенія въ службѣ, простыхъ воиновъ и много-много сотенныхъ головъ, каковыми точно и являются боярскія дѣти, по свидѣтельству разныхъ памятниковъ. По другимъ службамъ мы видимъ боярскихъ дѣтей разсыльщиками при разныхъ приказахъ и дьячихъ избахъ, также приставами при заставахъ, приставами при перевозахъ. Въ одной отпискѣ къ тобольскимъ воеводамъ 1640 года, сынъ боярскій значится сборщикомъ ясака. Дѣти боярскія также выбирались въ губные старосты, городовые прикащики, ямскіе стройщики и другія подобныя должности. Прежніе дворяне, или позднѣйшія дѣти боярскія, бывали конюхами, псарями, тенетчиками, рѣшеточными прикащиками. Такимъ образомъ, древніе слуги и дворяне, или позднѣйшія дѣти боярскія, во всѣхъ родахъ службы могли занимать только незначительныя должности; но, конечно, имъ не былъ загражденъ путь къ возвышенію, ибо они могли переходить въ высшій классъ служилыхъ людей, и тогда имъ открывалась возможность занимать и высшія должности. Переходъ въ высшій классъ пріобрѣтался службою, а служба обыкновенно соразмѣрялась болѣе или менѣе съ состояніемъ служащаго: кто имѣлъ болѣе средствъ, тотъ могъ лучше служить, ибо, по правиламъ старой московской администраціи, время отъ времени составлялись разборные списки служилыхъ людей; въ этихъ спискахъ отмѣчалось, за кѣмъ какое имѣніе и какъ кто, коненъ, люденъ и оруженъ, можетъ явиться на дѣйствительную службу. Смотря по спискамъ, служилые *люди верстались* въ высшія или низшія статьи."

Къ этому не мѣшаетъ добавить, что самое состояніе служилыхъ людей, большею частью, опредѣлялось службою и добывалось на ней. Служилые люди посылались „на кормленіе“ и получали государево „жалованье“ помѣстьями, угодьями, а потомъ и деньгами.

Такимъ образомъ, дворянство вышло изъ служилаго класса людей и въ основѣ его лежитъ *служебное* положеніе всѣхъ родовъ и степеней. Характерною чертою русскаго дворянства, какъ въ древней, такъ и въ московской Руси, является отсутствіе прочной связи съ землею, съ мѣстностью. Это менѣе всего *земскій* элементъ населенія. Напротивъ, дворянство наше представляло изъ себя наиболѣе подвижной людъ, который, и по своимъ личнымъ интересамъ, и по смыслу своей службы, во всякое время могъ переходить съ мѣста на мѣсто. Дружина приходила и уходила вмѣстѣ съ княземъ, не пуская корней на мѣстѣ своего служенія, не связывая себя съ землею, съ данными удѣлами, общинами, городами или областями. Точно также члены этой дружины, въ качествѣ свободныхъ людей, не были неразрывно связаны съ тѣмъ или другимъ княземъ, но переходили отъ одного къ другому, смотря по тому, гдѣ „кормы“ были получше, гдѣ можно было добиться возвышенія, удовлетворить свои честолюбивыя стремленія. Эта *оторванность* отъ земли, отъ земства была, конечно, несравненно сильнѣе и чувствительнѣе, нежели та оторванность отъ народа, которая ставится въ упрекъ современной интеллигенціи. Оторванность служилаго класса тѣмъ болѣе имѣла значенія, что не только дружина, но и позднѣйшіе ряды дворянства представляли въ значительной степени *космополитическій* характеръ. „Первые государи наши,—говоритъ Соловьевъ, —противодѣйствуя мѣстничеству, вводили въ свою дружину *пришельцевъ изъ разныхъ странъ и народовъ*, такъ что, за исключеніемъ изъ общаго счета 163 княжескихъ родовъ *рюриковичей* и 96 родовъ, неизвѣстно откуда пришедшихъ, оказывается, что на 36 родовъ непришлыхъ *приходится 351 выѣхавшихъ въ Россію со всѣхъ концовъ міра*: въ томъ числѣ изъ Франціи, Италіи, Англіи, Цесаріи, Венгріи и пр. 35; изъ Пруссіи 65; изъ Польши и Литвы 214; изъ нѣмцевъ и варягъ 56; изъ грековъ, сербовъ и пр. 17; изъ разныхъ татарскихъ ордъ, сарацинъ, Кафы, Персіи, Грузіи — 143. Всѣ эти пришлые роды были знатные, честные или, по крайней мѣрѣ, такъ называли себя; уличить ихъ въ обманѣ было невозможно. Князь вѣрилъ для собственной выгоды, бояре вѣрили по невозможности не вѣрить,— потому послушно раздвигали свои ряды.“ Этотъ *неземскій* характеръ нашего прежняго дворянства подтверждается и самыми прозвищами ихъ. Русскія дворянскія фамиліи имѣютъ или личное, или

отческое происхожденіе, но совершенно чужды землѣ или мѣстности. „При именахъ вельможъ западной Европы,—говоритъ Соловьевъ,—мы привыкли встрѣчать частицы *фонъ, де*, съ собственными именами земельныхъ участковъ, замковъ. Еслибъ исчезли всѣ извѣстія о происхожденіи западно-европейскаго высшаго сословія, то изъ однихъ фамильныхъ именъ мы заключили бы, что имѣемъ дѣло съ *землевладѣльцами*, что *владѣніе землею* положено въ основу сословнаго значенія. Но обратимся къ нашимъ боярамъ, къ ихъ именамъ: что встрѣтимъ? „Данило Романовичъ Юрьевича Захарина, Иванъ Петровичъ Ѳедоровича". Какъ у древнихъ князей, такъ и у бояръ нѣтъ слѣда отношенія къ земельной собственности, и одно явленіе объясняетъ другое: если князья не имѣли постоянныхъ волостей, мѣняли ихъ по родовымъ счетамъ, то и дружина ихъ мѣняла также волости вмѣстѣ съ ними, не могла усѣсться на однихъ мѣстахъ, глубоко пустить корни въ землю, пріобрѣсти чрезъ землевладѣніе самостоятельное земское значеніе; зависѣла, получала средства существованія и значеніе отъ князя или цѣлаго рода княжескаго, ибо дружинники переходили отъ одного князя къ другому. Какой главный интересъ русскаго боярина, это выражается въ его имени: къ имени, полученному при рожденіи или крещеніи, онъ прибавляетъ имя отца, дѣда и прадѣда, носитъ съ собою свое родословіе и крѣпко стоитъ за то, чтобъ роду не было порухи, униженія..."

Исключительно служилое или служебное происхожденіе и значеніе русскаго дворянства и отчужденность его отъ земства проходятъ черезъ всю его исторію. Отсутствіе сословности, единства интересовъ, какой бы то ни было сословной организаціи и корпоративныхъ правъ являются естественнымъ слѣдствіемъ этихъ условій. Напротивъ, каждый служилый человѣкъ былъ неизбѣжнымъ соперникомъ другаго. Отъ этого зависѣли его личные интересы, возможность выслужиться. По старинному образному выраженію, дворяне вѣчно стремились *заѣхать* другъ друга. Это было самымъ обычнымъ явленіемъ въ служиломъ классѣ. Отсюда такое множество старинныхъ „захудалыхъ" родовъ и такое непрестанное обновленіе служилыхъ слоевъ населенія; отсюда же всѣ тѣ интриги и „крамолы", которыя причинили столько серьезныхъ хлопотъ внутренней политикѣ въ московскій періодъ и слѣды которыхъ замѣчаются даже и въ новѣйшей исторіи нашего государства.

Съ паденіемъ удѣльной системы и съ возвышеніемъ московскаго государства совпадаетъ коренное разъединеніе и различіе въ судьбахъ русскаго служилаго люда. На западной половинѣ Россіи и *отчасти* въ сѣверной (Новгородъ, Псковъ и Тверь) дружина осѣ-

дастъ, крѣпко связывается съ землевладѣніемъ, преобразуется въ сословіе, вырабатываетъ самостоятельныя права и получаетъ такое значеніе, что превращаетъ само государство въ дворянскую республику. Служилый классъ московскаго государства идетъ по совершенно иному пути, хотя и не по своей волѣ. Огульныя обвиненія, общія заключенія или безусловныя рѣшенія менѣе всего умѣстны при характеристикѣ не только цѣлаго слоя населенія, но даже и отдѣльныхъ людей. Если мы затрудняемся даже произнести безповоротный приговоръ о томъ, хорошо или дурно поступилъ Иванъ Грозный, истребляя древнее русское боярство, то тѣмъ болѣе неумѣстно осуждать или оправдывать этотъ верхній слой русскаго народа, сожалѣть или радоваться, что судьбы его сложились такъ или иначе. Достаточно удостовѣриться, какъ сложилась исторія и чѣмъ объясняется тотъ или другой ходъ ея. Побужденія къ воздержности отъ огульныхъ рѣшеній можно найти уже въ одной перепискѣ Ивана Грознаго съ княземъ Курбскимъ. Знаменитый изгнанникъ вопрошаетъ: „Зачѣмъ, о царь, ты избилъ сильныхъ во Израилѣ? Зачѣмъ ты предалъ разнымъ казнямъ воеводъ, данныхъ тебѣ Богомъ? Зачѣмъ ихъ побѣдоносную, святую кровь въ церквахъ Божіихъ и во владыческихъ торжествахъ пролилъ и мученическою кровью ихъ церковные пороги обагрилъ? Зачѣмъ на доброхотовъ твоихъ, жизнь за тебя полагающихъ, неслыханныя мученія и гоненія воздвигъ“, и пр. На эту огульную защиту боярства Иванъ Грозный, какъ извѣстно, не затруднился отвѣчать не менѣе огульнымъ обвиненіемъ: „Они ничего сообразнаго съ нашимъ благомъ не дѣлали, сами предались достиженію богатства и значенія, сговорились другъ съ другомъ. И что они надѣлали! Сколько бояръ, воеводъ, доброжелательныхъ отцу нашему, избили; дворы, села и имѣнія дядей нашихъ присвоили себѣ и водворились въ нихъ.“

Какъ бы то ни было, но московскій періодъ нашей исторіи не благопріятствовалъ превращенію высшаго слоя Россіи въ дворянское сословіе. Въ необходимое условіе образованія дворянства входитъ высокое развитіе личности, сознаніе своихъ правъ, свободы, независимости. Это условіе удовлетворялось отчасти въ удѣльный періодъ. Заслуженный, сильный, сознающій свое человѣческое достоинство дружинникъ не обязанъ былъ терпѣть униженія, обращаться въ раба. Онъ служилъ по волѣ и доброхотству; по волѣ же и отходилъ, искалъ, гдѣ лучше, или гдѣ не приходилось ломать совѣсти и подвергаться безчестью. Если дружинникъ возвышался до идеи служенія государству, родинѣ, то ему незачѣмъ было холопствовать. Отъ этого-то періода

сохранились въ нашемъ народномъ эпосѣ идеальные типы русскихъ богатырей и честныхъ мужей совѣта княжескаго, не боявшихся постоять за правду и сказать слово истины князю. Представители и отпрыски этого истинно-гражданскаго и благороднаго класса, людей совѣсти и чести, встрѣчаются, конечно, и въ московскій періодъ. Въ числѣ ихъ находится и князь Курбскій. Дошедшія до насъ письма и другія письменныя произведенія его проникнуты такимъ личнымъ достоинствомъ и такою любовью къ правдѣ, къ просвѣщенію, ко благу русскаго народа и государства, что и въ настоящее даже время они представляются несравненно назидательнѣе и нравственно возвышеннѣе, нежели многія изъ самоновѣйшихъ литературныхъ и публицистическихъ произведеній. Такое же человѣческое достоинство, такая же крѣпость нравственныхъ началъ и такое же радѣніе о государственныхъ интересахъ воодушевляли многихъ изъ тѣхъ родовитыхъ бояръ, которые кровью и мученическою смертью своею заплатили за нежеланіе стать въ ряды опричниковъ Ивана Грознаго. Наиболѣе безпристрастный цѣнитель грознаго царя, историкъ Соловьевъ, отдавая должную справедливость внѣшней политикѣ Ивана IV, произноситъ слово осужденія его жестокостямъ и расправамъ и не находитъ для нихъ даже историческаго оправданія уже по одному тому, что тогдашнее „русское общество, выставивъ св. Филиппа, провозгласивъ устами этого пастыря требованія своего основнаго начала, высказавъ свое неодобреніе образу дѣйствій Грознаго, показавъ, что имѣло законъ и пророка,—очистилось, оправдалось передъ исторіею...“ Извѣстно, что это обличеніе было высказано митрополитомъ Филиппомъ 22 марта 1568 года всенародно, въ церкви и въ лицо Ивану Грозному, окруженному своими опричниками. Митрополитъ Филиппъ, причтенный къ лику святыхъ, происходилъ „изъ знатнаго рода Колычевыхъ“. Отецъ его былъ одинъ изъ „ближнихъ бояръ“ великаго князя Василія Ивановича и засѣдалъ въ думѣ.

Не изсякли, конечно, эти честные завѣты добродѣтельной старины и въ послѣдующее время; но общія условія московскаго періода, повторяемъ, не были благопріятны развитію этихъ достоинствъ лучшихъ людей и превращенію ихъ въ общія качества и характерные признаки цѣлаго сословія. Уже одна опричнина внесла разлагающее начало въ наше высшее сословіе. Служилый классъ не можетъ уже сохранять свое достоинство и свою личность путемъ отхода. Преслѣдованія съ одной *стороны* и личныя выгоды съ другой заставляютъ его все *болѣе и болѣе* обращаться въ людей несвободныхъ. Они начи-

нають именовать себя не иначе, какъ уменьшительными именами, и слово „холопъ“ является обычною приставкою даже самыхъ родовитыхъ именъ. Служилый классъ и отношенія къ нему въ московскомъ государствѣ скорѣе всего напоминаютъ положеніе дворни у помѣщика. Даже нѣкоторыя государственныя должности носили тѣ самыя названія, которыя встрѣчались въ частныхъ имѣніяхъ и продержались до нашихъ временъ, въ крѣпостныхъ владѣніяхъ. Таковы, напримѣръ, дворецкіе, ключники. Имѣнія, земли, угодья раздавались и отбирались у служилыхъ людей, смотря по случаю, по господству той или другой партіи, по капризу, по интригамъ. Заслуженный, сильный, богатый человѣкъ обращался легко въ опальнаго, въ послѣдняго холопа, въ нищаго, точно также, какъ любимый камердинеръ или прикащикъ, командовавшій крестьянами, превращался, по усмотрѣнію крѣпостнаго барина, въ дворника, сдавался въ солдаты или ссылался въ Сибирь.

Истребленіе прежней „дружины“ или низведеніе ея въ зависимое положеніе особенно ярко выразилось при Иванѣ Грозномъ, въ дѣлѣ учрежденія *опричниковъ*. Это была новая дружина, набранная на мѣсто старой и погубившая лучшія преданія и достоинства ея. Объ учрежденіи *опричнины* Карамзинъ говоритъ: „Приводили молодыхъ дѣтей боярскихъ (*мы видѣли уже, что это былъ низшій разрядъ служилыхъ людей*), отличныхъ не достоинствами, но удальствомъ, распутствомъ, готовностью на все. Іоаннъ предлагалъ имъ вопросы о родѣ ихъ, о друзьяхъ и покровителяхъ; *требовалось именно, чтобы они не имѣли никакой связи* съ знатными боярами; неизвѣстность, самая низость происхожденія вмѣнялась имъ въ достоинство. Вмѣсто тысячи (какъ требовалъ Грозный, въ своихъ условіяхъ, заявленныхъ московскому собору), царь избралъ 6000, взялъ съ нихъ присягу служить ему вѣрою и правдою, доносить на измѣнниковъ, не дружиться съ земскими (то есть со всѣми не записанными въ опричнину), не водить съ ними хлѣба-соли, не знать ни отца, ни матери, знать единственно государя. За это государь далъ имъ не только земли, но и домà и всю движимую собственность старыхъ владѣльцевъ (числомъ 12,000), высланныхъ изъ предѣловъ опричнины съ голыми руками, такъ что многіе изъ нихъ, люди заслуженные, израненные въ битвахъ, съ женами и дѣтьми шли зимою пѣшкомъ въ иныя отдаленныя, пустыя помѣстья. Самые земледѣльцы были жертвою сего несправедливаго учрежденія; *новые дворяне* (sic), которые изъ нищихъ сдѣлались большими господами, хотѣли пышностью закрасить свою подлость, имѣли нужду въ деньгахъ, обременяли крестьянъ налогами, трудами: деревни разорились.“

Послѣ этого не удивительно, что самое названіе высшаго сословія въ Россіи перемѣнилось со временъ Ивана Грознаго. Какъ уже сказано, боярство стало обозначать только *должность*. Названіе же *дворяне*, принадлежавшее прежде только низшему разряду служилыхъ людей, стало съ этого времени общею кличкою высшаго или болѣе знатнаго слоя населенія. Въ этой перемѣнѣ названія обнаруживается и коренная перемѣна въ судьбахъ нашего высшаго сословія, и объясняются роль и значеніе его въ московскій періодъ русской исторіи. Характеристика большой помѣщичьей дворни вполнѣ приложима и къ этому классу служилыхъ людей. Тѣ же черты, тѣ же средства и условія возвышенія и паденія, тотъ же невысокій нравственный уровень, то же униженіе, забвеніе личнаго достоинства, и такія же отношенія ко всѣмъ общимъ интересамъ и всѣмъ недворовымъ, земскимъ людямъ.

Послѣ погрома, перенесеннаго высшимъ слоемъ населенія при Иванѣ Грозномъ, государственное нестроеніе, какъ извѣстно, дошло чуть не до гибели русскаго государства. Былъ уже моментъ, когда Москва видѣла единственное спасеніе въ личной уніи съ Польшею, посредствомъ избранія польскаго королевича Владислава на царство. Земскіе люди, лучшая часть уцѣлѣвшаго высшаго сословія, дружными усиліями, вывели Россію изъ смутнаго времени и возстановили ея государственность, разрушенную „опричниною“. Но не могло такъ скоро оправиться, возвратить свое значеніе и нравственное достоинство само высшее сословіе. Россія стала управляться на подобіе обширнаго имѣнія, цѣлымъ рядомъ помѣщичьихъ конторъ, подъ названіемъ „приказовъ“, въ которыхъ дьяки дѣлали, что хотѣли. При благодушнѣйшемъ и „тишайшемъ“ царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, черная неправда до того господствовала въ судѣ и во всѣхъ отрасляхъ администраціи, что привела къ извѣстнымъ смутамъ и неистовствамъ московской черни. Судья Плещеевъ и главный правитель боярин Морозовъ, поплатившіеся жизнью среди этихъ безпорядковъ, характеризуются въ своей дѣятельности слѣдующими словами современника: „Онъ безъ мѣры дралъ и скоблилъ кожу съ простаго народа; подарками не насыщался, но когда тяжущіеся приходили къ нему въ приказъ, то онъ высасывалъ у нихъ мозгъ изъ костей до того, что обѣ стороны дѣлались нищими“. По изслѣдованію г. Костомарова, еще хуже было внѣ Москвы, въ областяхъ, въ деревенской глуши. „На Донъ стали толпами бѣгать крестьяне, не выносившіе новаго, почти рабскаго положенія и *таившіе* въ глубинѣ сердца ненависть къ своимъ притѣснителямъ.

Обремененіе безчисленными повинностями вело туда же людей изъ посадовъ и черносотенныхъ селъ. Злоупотребленія воеводъ и вообще служебныхъ лицъ и дурныя стороны правосудія увеличивали тягостное положеніе жителей. Воеводы посылались *на кормленіе*, смотрѣли на свою должность, какъ на доходъ. Судъ, находясь въ ихъ рукахъ, былъ до крайности продаженъ. Сила выборнаго управленія со старостами и цѣловальниками—въ XVII вѣкѣ упала; оно подчинялось вліянію воеводъ и дьяковъ: тогда выборные сами по себѣ были грабителями не хуже воеводъ и дьяковъ. Выборы производились подъ вліяніемъ послѣднихъ и притомъ только богатыми членами общины." Жалобы и челобитныя не доходили до царя, который не имѣлъ никакой возможности самъ ихъ разсматривать и вникать въ каждое дѣло. Жалобы эти разсматривались тѣми же дворовыми или приказными людьми. Они добились наконецъ того, что сами жалобщики стали преслѣдоваться. Всѣмъ потерпѣвшимъ стали внушать, что отъ этихъ жалобъ царю „докука великая". Когда выведенный изъ себя и доведенный до крайности народъ обратился непосредственно къ царю, на площади, во время царскаго проѣзда, то добрѣйшій царь Алексѣй Михайловичъ былъ крайне удивленъ и пораженъ всѣми этими неправдами и, обѣщая учинить судъ надъ своими невѣрными слугами, благодушно заявилъ народу, что все это творилось „невѣдомо для него". Послѣдствіемъ, какъ извѣстно, было созваніе земскаго собора и изданіе уложенія 1649 года.

Чтобы полнѣе характеризовать нравственное достоинство и умственный уровень служилаго люда въ московскомъ періодѣ, замѣнившаго разрушенную старую дружину, прежнее родовитое боярство,—остается указать, что не малыхъ усилій стоило собрать выборныхъ на этотъ соборъ, а большинство съѣхавшихся для вершенія этого „великаго государева и земскаго дѣла" усмотрѣло въ немъ или новую тягость, или новую службу, новый случай поправить или расширить свои „*животишки*". Изданные теперь г. В. Латкинымъ „*Матеріалы для исторіи земскихъ соборовъ XVII столѣтія*" составляютъ богатый матеріалъ для выясненія этого вопроса. Беремъ, на выдержку, слѣдующую отписку одного изъ воеводъ:

„Государю, Царю и Великому князю Алексѣю Михайловичу всеа Русіи холопъ твой Ивашка Кошелевъ челомъ бьетъ. Въ нынѣшнемъ, Государь, въ 159 году, генваря въ 31 день, прислана твоя Государева, Царева и Великаго князя Алексѣя Михайловича всеа Русіи грамота изъ разряду, за подписью твоего государева дьяка Ивана Сѣверова ко мнѣ, холопу твоему, въ Болховъ. А по твоей государевѣ грамотѣ велѣно мнѣ, холопу твоему, въ Болховѣ выбрать лучшихъ дворянъ двухъ человѣкъ, да посадскаго одного человѣка, и выбравъ, прислать къ тебѣ, Государю,

къ Москвѣ на срокъ, на сборное воскресенье нынѣшняго 159-го году для твоего государева, царственнаго, и земскаго, и литовскаго дѣла. А выбравъ дворянъ и посадскаго человѣка, велѣно мнѣ, холопу твоему, отписать и имена ихъ прислать къ тебѣ, Государю, въ Москвѣ въ разрядъ. И по твоей, Государевѣ, Царевѣ и Великаго князя Алексѣя Михайловича грамотѣ, я, холопъ твой въ Болховѣ, выбравъ двухъ человѣкъ дворянъ и посадскаго человѣка, послалъ къ тебѣ, Государю, къ Москвѣ подъ сею отпискою и велѣлъ отписку подать и имъ явиться въ разрядѣ твоему государеву думному дворянину Ивану Аѳанасьевичу Гавреневу, да твоимъ государевымъ дьякамъ: думному — Семену Заборовскому да Григорію Ларіонову, да Ивану Сѣверову."

Уже изъ одного языка и тона этой „отписки", изъ этихъ уничижительныхъ именъ и кличекъ, можно судить о томъ нравственномъ и умственномъ переворотѣ, который произошелъ въ средѣ нашего высшаго сословія съ тѣхъ поръ, какъ смолкло независимое и исполненное человѣческаго достоинства слово той высшей дружины, о которой сохранились преданія въ народныхъ былинахъ и представителей которыхъ мы видимъ еще во времена Ивана Грознаго, до введенія опричнины, въ лицѣ митрополита Филиппа и князя Курбскаго. „Ивашки" и „холопы" московскаго періода и ихъ отписныя грамоты скорѣе всего напоминаютъ намъ прикащиковъ крѣпостнаго помѣщика и ихъ холопскія отписыванія изъ далекихъ деревень на тѣ приказы, которые они получали отъ своего барина, живущаго въ городѣ или въ другой деревнѣ.

Приведемъ теперь образчики тѣхъ взглядовъ на государственную службу, которые были свойственны служилому люду московскаго періода. Вотъ, для примѣра, одна изъ сохранившихся челобитенъ, отъ имени тѣхъ выборныхъ, которые были посланы въ Москву, для участія „въ великомъ государевомъ и земскомъ дѣлѣ":

„Царю, Государю и Великому князю Алексѣю Михайловичу всеа Русіи бьетъ челомъ холопъ твой Вереитинъ (т. е. изъ Вереи) Гришка Михайловъ сынъ Левшинъ. Въ прошломъ, Государь, въ 154 году былъ я, холопъ твой, на твоей государевѣ службѣ съ бояриномъ и воеводою съ Василіемъ Петровичемъ Шереметевымъ, да съ Андреемъ Львовичемъ Плещеевымъ въ Курскѣ и въ Карповѣ сторожевьѣ. И въ Карповѣ, Государь, сторожевьѣ я, холопъ твой, всякое твое государево городовое дѣло дѣлалъ, на городъ лѣсъ возилъ и земляной валъ валилъ и былъ я, холопъ твой, на твоей государевѣ службѣ съ пріѣзду и до отпуску. И въ прошломъ, Государь, въ 155 году былъ я, холопъ твой, на твоей государевѣ службѣ въ Курску съ воеводою со княземъ Иваномъ Ѳедоровичемъ Лыковымъ съ пріѣзду и до отпуску. И которые, Государь, наши братья были на твоей государевѣ службѣ и били тебѣ, Государю, о своихъ службахъ, и они, Государь, за ту службу пожалованы помѣстными оклады въ прибавку и денежнымъ жалованіемъ"...

Далѣе слѣдуетъ просьба не только о жалованьѣ, но и о томъ, *чтобы* холопа Гришку „справить по выбору", на что и послѣдовала *резолюція*: „157-го (года), декабря въ 7 день, Государь пожаловалъ:

велѣлъ выписать". Всѣ челобитныя выборныхъ въ такомъ же родѣ: или просятъ о помѣстьяхъ и денежномъ жалованьѣ, или объ отпускѣ со службы, ссылаясь на свое „разореніе", на свои „нужды и голодъ".

Объ умственномъ уровнѣ тогдашняго служилаго люда можно судить на основаніи тѣхъ данныхъ, которыя мы привели въ прошломъ обозрѣніи, по поводу современныхъ сомнѣній въ цивилизаціи. Въ настоящемъ случаѣ вполнѣ достаточно, поэтому, указать, что изъ числа 330 выбранныхъ изъ всей „Русіи", въ 1649 году, *лучшихъ людей* не менѣе 139 оказалось просто *неграмотныхъ*, не имѣвшихъ возможности поставить даже свое имя для скрѣпы „соборнаго столбца". Въ числѣ этихъ безграмотныхъ, насчитывается 73 дворянина, то есть людей болѣе или менѣе видныхъ и знатныхъ; въ томъ числѣ *бояре*—князь Борисъ Александровичъ Рѣпнинъ и князь Михайло Михайловичъ Телкинъ-Ростовскій.

Разрушеніе древняго высшаго слоя населенія не только не сопровождалось благомъ для государства и народа, но и совпало, какъ извѣстно, съ закрѣпощеніемъ всего населенія. Общее умственное приниженіе, растлѣвавшее нравственность и не дозволявшее возвыситься личному достоинству человѣка, являлось самымъ важнымъ препятствіемъ къ возрожденію нашего высшаго слоя населенія, которому придается обыкновенно названіе *общества*. Этотъ слой пропитался зловреднымъ духомъ опричнины эмблемами которой служили собачья пасть и метла. По справедливому заключенію одного изъ новѣйшихъ изслѣдователей исторіи нашего культурнаго класса, профессора Романовича-Славатинскаго *), русское дворянство, до екатерининской реформы, т. е. до изданія дворянской грамоты, „было *тяглымъ, крѣпостнымъ состояніемъ*, отличавшимся отъ другихъ крѣпостныхъ классовъ только родомъ тягла и крѣпости".

Таково происхожденіе и таково значеніе нашего дворянства. Новое значеніе оно пріобрѣло только въ позднѣйшій періодъ русской исторіи. Какъ все болѣе или менѣе свѣтлое зачинается въ Россіи съ Петра Великаго, такъ и обновленіе нашего общества, среди котораго первая роль принадлежитъ дворянству, стало на новую и твердую почву только со времени петровскихъ преобразованій. Нынѣшніе чествователи Екатерины II, въ благодарность за дарованіе дворянской грамоты, вспомнили бы о Петрѣ Великомъ,

*) „Дворянство въ Россіи, отъ начала XVIII вѣка до отмѣны крѣпостнаго права". Спб., 1870 г.

еслибы были знакомы съ исторіей и не задавались цѣлями, совершенно чуждыми интересамъ русскаго народа и государства.

До какой степени дворянство московской Руси было принижено и невысоко стояло надъ уровнемъ дворни и холопства, видно уже изъ того, что при обновленіи его потребовалось даже новое названіе, заимствованное изъ сосѣдней славянской страны. Высшее сословіе именуется у насъ „шляхетствомъ“ почти въ теченіе всего прошлаго вѣка, какъ официально, въ государственныхъ актахъ, такъ и въ литературѣ и на разговорномъ языкѣ. Только съ половины XVIII вѣка начинаютъ получать право гражданства слова *дворянинъ*, *дворянство* и окончательно устанавливаются съ 21 апрѣля 1785 года. Оно и понятно. Къ этому времени исчезаетъ ясное представленіе о московской старинѣ, и новому дворянству желалось въ самомъ названіи своемъ показать древность своего корня, свою родовитость, играющую, какъ извѣстно, такую важную роль въ сословіи.

Въ основу создаваемаго имъ высшаго класса Петръ Великій положилъ два начала. Одно изъ нихъ было совершенно русское, другое—общечеловѣческое. Первою обязанностью дворянина была служба, какъ и въ московской Руси. Но Петръ I ввелъ въ нее совершенно другое основаніе. Создавая опричнину, Иванъ Грозный требовалъ, чтобы эта новая дружина рабски повиновалась только ему и не имѣла другихъ интересовъ, кромѣ службы ему лично. Онъ даже прямо поставилъ требованіе, чтобы опричнина была чужда и враждебна всему *земскому*, то есть народному, государственному. Петръ Великій, наоборотъ, на первое мѣсто поставилъ службу *государству*, самъ показывалъ личный примѣръ этой службы и считалъ себя первымъ слугою государства. Иванъ Грозный загубилъ своего сына въ порывѣ гнѣва и каприза. Смерть царевича Алексѣя Петровича явилась послѣдствіемъ непримиримаго разлада между нимъ и его отцомъ, какъ государемъ, ставящимъ выше всего пользы государства и общіе интересы народа. Этотъ основной взглядъ Петра на государственную службу сказывается во всѣхъ случаяхъ. На немъ основаны идеи Петра объ условіяхъ престолонаслѣдія. Но ярче и возвышеннѣе всего проявляется это воззрѣніе въ знаменитомъ обращеніи Петра къ учрежденному имъ сенату, по поводу извѣстнаго мира съ Турціей, когда великій государь и первый гражданинъ русскаго народа предлагаетъ сенату взвѣсить условія этого мира и не признавать ихъ, если они окажутся невыгодными для Россіи, не заботясь объ участи самого Петра. Общечеловѣческая исторія мало знаетъ такихъ *героическихъ* подвиговъ, которые сравнялись бы съ этимъ возвышен-

нымъ самоотреченіемъ и самопожертвованіемъ Петра. Этотъ же высокій гражданскій духъ, воодушевлявшій нѣкогда Курбскаго и проявившійся въ избранныхъ личностяхъ смутнаго времени, Петръ I желалъ вселить въ ту новую дружину, которую онъ создавалъ въ интересахъ государства. Выросшій въ понятіяхъ и правахъ деспотизма, имѣвшій полное право быть диктаторомъ, Петръ хотѣлъ однако царить надъ гражданами, надъ людьми, а не надъ холопами или человѣческимъ стадомъ. А такъ какъ человѣка возвышаетъ надъ природою и животнымъ міромъ только умъ, оплодотворенный знаніемъ то образованіе составило другое непремѣнное условіе петровской дружины. Внѣ государственной службы и помимо образованія, по взглядамъ Петра, не могло быть и дворянина. Путемъ образованія и государственной службы, каждому открыта была возможность возвыситься надъ общимъ уровнемъ, дойти до первой роли въ государствѣ. Помимо этихъ условій, никакая знатность, никакое происхожденіе не создавали и не упрочивали никакихъ особыхъ правъ. Обязательная служба и обязательное образованіе явились непремѣнными условіями шляхетства, и ради этого Петръ завелъ своего рода рекрутскіе наборы.

Новыя начала не разомъ, однако, прививаются къ жизни. Старое холопство и невѣжественное предубѣжденіе противъ знаній невозможно было скоро искоренить. По справедливому замѣчанію Тэна, совѣсть и честь составляютъ два устоя современнаго образованнаго міра. Чѣмъ болѣе распространены эти два устоя во всѣхъ слояхъ народа, тѣмъ сильнѣе и жизненнѣе его организація и міровое значеніе. Свободная личность, ограниченная только интересами общежитія,—таковъ вѣковѣчный идеалъ человѣчества. Въ московской Руси, пропитавшейся татарщиной, азіатской неподвижностью и византійскимъ подавленіемъ ума и совѣсти, была угнетена личность, и крѣпостной духъ господствовалъ надо всѣмъ. Даже тѣ, кто мнилъ себя свободнымъ, были рабами привычекъ, суевѣрій, непробуднаго невѣжества. Въ возрождавшейся Россіи надо было постепенно воскрешать эту задавленную личность. Приходилось, естественно, начинать съ верховъ. Мало по малу слагается новое общество, которое не только хочетъ подражать внѣшнему облику образованнаго міра, но проникнуться его сущностью. Когда во всей Европѣ, къ концу вѣка, заговорили о естественныхъ „правахъ человѣка“, у насъ государственнымъ путемъ навязываются эти человѣческія права, это сознаніе человѣческаго достоинства и духъ гражданственности, хотя только высшимъ слоямъ населенія. Подъ напоромъ этого вліянія, уничтожается обязательность службы дворянства (въ 1762 году), какъ несовмѣстная съ свободою лич-

пости, и на мѣсто ея ставится добровольное побужденіе служить государству. Этимъ же объясняются заботы Екатерины дать гражданскія права двумъ высшимъ слоямъ населенія: служилому и торговому люду. Теперь кажется очень страннымъ и уродливымъ, что въ то время, когда въ Европѣ наносились самые тяжелые удары сословной организаціи и рушились остатки феодализма, у насъ заводятся сословія и тратятся государственныя заботы на созданіе сословной отчужденности и замкнутости, сословныхъ привилегій и перегородокъ, совершенно чуждыхъ всей исторіи и духу русскаго народа; но исторически понять и оправдать это явленіе—не трудно. Это была необходимая ступень, чтобы выйти изъ общаго крѣпостнаго состоянія московской Руси къ общему свободному состоянію, признаки котораго мы замѣчаемъ еще въ древнемъ, до-татарскомъ складѣ русской жизни, въ славянской общинѣ, въ Новгородѣ. Нѣсколько нерѣшительно становится на эту точку зрѣнія г. Романовичъ-Славатинскій, говоря: „Можно, пожалуй, призадуматься надъ вопросомъ, какой государственный строй лучше и справедливѣе—тотъ ли, который ни въ комъ не признаетъ правъ человѣческой личности, святости и неприкосновенности человѣческаго духа и тѣла, труда и имущества; или тотъ, который признаетъ эти права въ незначительномъ меньшинствѣ и отдаетъ большинство, массу народа, въ жертву всяческимъ неправдамъ и насиліямъ меньшинства? Но если это признаніе человѣческихъ правъ меньшинства является только переходнымъ моментомъ, шагомъ къ признанію ихъ и въ массѣ народа—то историку нельзя не привѣтствовать такого явленія, нельзя не признать его цивилизующимъ. Такимъ явленіемъ были личныя права дворянства.“ Въ настоящее время, можно безусловно согласиться, что дарованныя дворянству, а отчасти и городскимъ сословіямъ, личныя права были естественною ступенью къ уничтоженію крѣпостнаго состоянія и признанію *личности*, совѣсти и чести за каждымъ членомъ русскаго народа. Лучшая, образованнѣйшая часть дворянства, наиболѣе вѣрная своему народу и пользамъ государства, наиболѣе проникнутая духомъ общечеловѣческой образованности, всегда такъ и смотрѣла на свои права, на свое призваніе. Она пользовалась ими не какъ привилегіей, а какъ средствомъ и обязанностью послужить всему государству, всему народу. Поэтому-то, едва была издана „дворянская грамота“, какъ государственные люди Россіи, вышедшіе изъ рядовъ дворянства, начиная отъ Александра I и не исключая даже Николая Павловича, не перестаютъ, время отъ времени, помышлять или о полной отмѣнѣ крѣ*постнаго* состоянія, или хотя бы только о смягченіи „неправдъ и

насилій", проистекающихъ отъ сословнаго господства меньшинства надъ большинствомъ русскаго народа. Мы знаемъ даже немногихъ человѣчныхъ и просвѣщенныхъ дворянъ, которые въ самой екатерининской комисіи по составленію проэкта уложенія заявляли голоса противъ крѣпостнаго права и предлагали всѣ слои народа пріобщить къ гражданскимъ правамъ. На этомъ же основаніи, вышедшая изъ рядовъ дворянства русская литература, начиная отъ Радищева, не переставала выставлять такихъ *идейныхъ* борцевъ за освобожденіе народа и гражданскую равноправность, какихъ мы имѣемъ въ лицѣ русскихъ дворянъ: Пушкина, Тургенева, Некрасова и современнаго намъ графа Л. Н. Толстаго, дошедшаго, какъ извѣстно, даже до крайности въ своемъ стремленіи *опроститься*; поэтому мы съ глубочайшимъ уваженіемъ произносимъ имена такихъ дворянъ, которые въ своихъ ученыхъ и публицистическихъ трудахъ или въ государственной и общественной дѣятельности были вѣрны прекрасному *идеалу* русскаго дворянства: отказаться отъ всякихъ привилегій, существующихъ на счетъ народа, и распространить на весь русскій народъ право гражданства. Таковы, для примѣра, кн. В. Ѳ. Одоевскій и многіе изъ „декабристовъ"; таковы Аксаковы, Самаринъ, Милютины, Соловьевъ, Кавелинъ, Заблоцкій-Десятовскій и всѣ, кто потрудился честно и искренно въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ и другихъ великихъ преобразованіяхъ.

Такимъ образомъ, въ духѣ лучшаго и достойнѣйшаго русскаго дворянства и согласно исторіи Россіи, чествованіе столѣтняго юбилея „дворянской грамоты" можетъ имѣть только одинъ смыслъ. Это — признаніе въ помянутой государственной хартіи перваго шага къ освобожденію у насъ личности и созданію гражданства. Какъ извѣстно, въ силу „дворянской грамоты", дворянинъ не могъ быть лишенъ свободы и правъ иначе, какъ по суду, какъ — судебному приговору, постановленному при участіи избранныхъ дворянствомъ судей; честь и человѣческое достоинство его обезпечивались изъятіемъ отъ всякаго рода тѣлесныхъ наказаній. Эти права, во многихъ случаяхъ, оставались однако на бумагѣ, во время крѣпостнаго быта. Это лучшее доказательство, что прочность ихъ не можетъ создаться на началѣ сословности или привилегированности.

Что бы ни принесло намъ чествованіе юбилея 21 апрѣля, но въ одномъ лишь можно не сомнѣваться: современныя нравственно-умственныя условія неблагопріятны для правильнаго пониманія этого историческаго событія. Тѣмъ важнѣе, тѣмъ обязательнѣе для печати помочь этому сознанію. Съ другой стороны, однако,

общественное мнѣніе противъ Россіи, взваливъ на нее вину и безъ того запутаннаго положенія, которое, однако, самъ еще болѣе спутываетъ. Не удались запугиванія—прибѣгаютъ къ явной лжи. Какъ все это мелко и недостойно великой державы!

Въ теченіе всего прошлаго мѣсяца, политическое положеніе Европы представляло такую любопытную картину, надъ которой невольно остановится историкъ и мыслитель. Двѣ большія державы готовились вступить между собою въ войну, которая была бы величайшимъ бѣдствіемъ для нихъ и могла повести къ неожиданнымъ, хотя для многихъ и желаемымъ послѣдствіямъ. Одна изъ этихъ державъ съ такимъ шумомъ дѣлала военныя приготовленія, собирала резервы, вооружала флоты, передвигала войска, а еще болѣе угрожала и съ парламентской трибуны и со столбцовъ газетъ своей мнимой соперницѣ, что могла бы возбудить подозрѣніе въ искренности своихъ воинственныхъ намѣреній, еслибы вся эта бьющая на эффектъ подготовка не сопровождалась грубыми обвиненіями своей противницы въ двусмысленной политикѣ, въ захватѣ чужихъ земель, во всемъ томъ, въ чемъ такъ часто, но съ гораздо бо̀льшимъ основаніемъ упрекали ее самоё. Роли тутъ, очевидно, мѣнялись съ худо скрываемой передёржкой. „Коварный Альбіонъ“ вздумалъ упрекать другихъ въ коварствѣ. Сваливалось явно съ больной головы на здоровую. И между тѣмъ, все дѣло шло о двухъ туркменскихъ солончакахъ и трехъ урочищахъ въ голой степи, едва-ли знакомыхъ даже по названію самымъ усидчивымъ географамъ. И изъ-за этихъ Пендждеховъ и Ак-робатовъ страшная война грозила и образованной Европѣ, и полудикой Азіи. Мальбругъ дѣйствительно собирался въ походъ, забывъ даже,что не со всякаго похода возвращаешься когда вздумается—какъ говорилось въ пѣснѣ о немъ, написанной еще въ прошломъ столѣтіи, когда Англія была гораздо грознѣе, чѣмъ нынче: „Malbroug s'en va-t-en guerre —Ne sait quand reviendra“. По русски начало этой исторической пѣсни переводилось такъ: „Когда же онъ пріѣдетъ? авось въ Троицынъ день. День Троицынъ проходитъ—Мальбруга не видать—и вѣсти не приходитъ: нельзя о немъ узнать“. Вотъ эта-то неизвѣстность о томъ, когда и, главное, въ какомъ видѣ можно будетъ вернуться съ затѣяннаго наобумъ похода и должна была бы заставить раздуматься современныхъ Мальбруговъ. Мало ли ихъ, даже въ самое послѣднее время, сложили свои кости хотя бы въ томъ же Суданѣ, откуда англичане дѣлаютъ такую неожиданную диверсію въ афганскій Туркестанъ. Но давно извѣстно, что уроки ни прошедшей, ни современной исторіи ничему не научаютъ. Парламентскіе громы, газетныя обвиненія продолжаютъ раздаваться съ прежнею силою. По неволѣ вспоминаются слова философа: Tant de bruit pour une omelette!

Но ничтожность поводовъ къ войнѣ, въ виду всѣхъ этихъ шумныхъ *демонстрацій*, крикливыхъ угрозъ, бряцанія дѣйствительнымъ и словеснымъ *оружіемъ*, заставляетъ въ то же время искать настоящей причины воинствен-

„безъ вѣры невозможно угодити Богу". Оказывается, что безъ вѣры и искренняго убѣжденія нельзя никому угодить, даже при всемъ стараніи казаться угодливымъ. Неудивительно, что спѣшно сочиненный проэктъ „государственнаго земельнаго банка" встрѣтилъ такую неудачу въ государственномъ совѣтѣ. Подобная же участь постигла и пресловутую „кахановскую комисію", по вопросу о преобразованіи мѣстнаго управленія. Вопросъ этотъ возбужденъ былъ еще въ 1880 году, въ сознаніи необходимости улучшить и развить условія мѣстнаго самоуправленія. Цѣлыя горы бумаги и рѣки чернилъ потрачены были въ этомъ направленіи. Между тѣмъ, съ осени прошлаго года, въ возобновившіяся занятія комисіи примѣшались совершенно иныя цѣли и стремленія, имѣющія во многихъ отношеніяхъ связь съ возродившимся „сословнымъ направленіемъ". Сверхъ того, не могла не отразиться на ходѣ этихъ работъ и извѣстная московская проповѣдь, направленная противъ законности суда, государственныхъ и общественныхъ учрежденій и проникнутая не только явною враждою къ преобразованіямъ прошлаго царствованія, но и самымъ невѣжественнымъ непониманіемъ и отрицаніемъ всего лучшаго, существовавшаго даже въ эпоху „тридцатилѣтія". Эта московская проповѣдь прямо враждебна всякаго рода „самоуправленію", даже чисто сословному, существовавшему со временъ Екатерины II. Понятно, что, встрѣтившись другъ съ другомъ, всѣ эти противоположныя теченія нейтрализовались и свели дѣло на нѣтъ. Безсильныя создать что нибудь, они оказались достаточными, чтобы произвести отрицательное вліяніе другъ на друга. Уступки и компромиссы, замѣчавшіеся въ послѣднихъ работахъ комисіи, не повели ни къ чему, и она прекратила свое многовѣщательное бытіе, не удовлетворивъ никого. Вмѣстѣ съ нею погребенъ и вопросъ о преобразованіи мѣстнаго управленія, до тѣхъ поръ, пока не возродитъ его къ жизни ясная и жизненная мысль, не отрѣшающаяся отъ исторіи и вѣрная закону исторической необходимости.

Нежданно нагрянувшія, чрезвычайной важности событія способны не только предать волѣ Божіей всѣ эти проэкты и отогнать далеко всѣ возставшія по поводу ихъ могильныя и мертвящія похоти, но, быть можетъ, и надолго отвлечь все вниманіе нашего правительства и общества отъ интересовъ внутренней политики. Вѣрнѣе сказать, является серьезное опасеніе, что вся наша жизнь будетъ поглощена всецѣло однимъ, самымъ существеннымъ и вѣковѣчнымъ внутреннимъ вопросомъ,—вопросомъ о внѣшней безопасности, о защитѣ государства, объ охраненіи первѣйшаго блага человѣка и народа—*мира*. Пустое съ виду, мало кому из-

эпохи. Все, что̀ могутъ сдѣлать современники — это быть только безпристрастными лѣтописцами. Политическая хроника можетъ только констатировать и резюмировать событія. Причины ихъ узнаются въ будущемъ. Теперь ясно только то, что, раздраженный неудачами въ Суданѣ и принужденный во всемъ уступить желѣзному канцлеру по вопросамъ колоніальной политики, англійскій министръ иностранныхъ дѣлъ убѣдилъ своего товарища по министерству, Гладстона, сдѣлать политическую диверсію отъ Нила и Нигера къ Мургабу и Герируду. Общественное мнѣніе было возбуждено противъ кабинета; необходимо было дать ему другое направленіе. Что же могло быть удобнѣе возбужденія страха за Индію? Предметъ всѣмъ знакомый, хоть и устарѣлый, а серьезными людьми давно отнесенный къ разряду тѣхъ „букъ“, которыми можно пугать только маленькихъ дѣтей. Но толпа—тѣ же дѣти, предразсудки въ ней также сильны и живучи, какъ и въ доброе старое время — и вотъ Россія явилась козломъ отпущенія за грѣхи графа Гренвиля. Генералы Уольслей и Граамъ оказались бездарными полководцами: одинъ едва унесъ ноги отъ махди, потерявъ весь Суданъ, другаго Османъ-Дигма гонитъ въ море отъ Суакима. Пришлось извиняться и унижаться передъ Бисмаркомъ, раздѣливъ съ Германіей владычество въ Африкѣ, въ Австраліи, въ колоніяхъ. Все это такъ,—но во всемъ этомъ виновата Россія. Мы, конечно, не взяли де-Хартума, гдѣ спокойно дали застрѣлить бѣднаго Гордона, но зато Россія хотѣла занять Пенде, а Пенде ключъ къ Герату, какъЕратъ ключъ къ Афганистану, а Афганистанъ—ключъ къ Индіи. Цѣлая связка ключей! и поэтому слѣдуетъ объявить войну Россіи. Изумительная логика, но въ дипломатіи встрѣчаются выводы еще болѣе изумительные. Весь вопросъ только въ томъ: бросилась ли Англія, очертя голову, въ эту политику приключеній, или заручилась какимъ нибудь надежнымъ помощникомъ, который будетъ орудовать на западѣ, въ то время, когда Англія будетъ дѣйствовать на востокѣ. Это, конечно, вскорѣ же обнаружится, хоть намъ и не мѣшало бы знать это заранѣе. Теперь наши западные сосѣди осуждаютъ и воинственныя стремленія и претензіи Гладстона, и благосклонно относятся къ несомнѣнному праву Россіи—не отступать передъ угрозами Англіи, которая хочетъ, будто бы, только воспользоваться нашей уступчивостью и миролюбіемъ. Но если дѣло дойдетъ до военныхъ дѣйствій, чего будетъ намъ стоить опять хоть бы такой „строгій нейтралитетъ“, какой соблюдала Австрія въ крымскую компанію или въ послѣднюю восточную войну? Вообще, искра, вспыхнувшая даже въ какомъ нибудь Пенде, можетъ охватить пожаромъ бо̀льшую часть Европы—и поэтому надо употребить всѣ усилія, чтобы не дать ей разгорѣться. Не зная хода дипломатическихъ переговоровъ, мы можемъ быть убѣждены, что правительство наше дѣластъ все возможное, чтобы отвратить бѣдствія грозящей войны, но вѣдь и у возможнаго есть предѣлы, перейти которые не *позволитъ* достоинство націи, да и не отъ насъ однихъ зависитъ рѣшеніе

вопроса о войнѣ или мирѣ. Для третейскаго суда между державами, по недоразумѣніямъ между ними, Европа еще не созрѣла, а третья держава, которая, ставъ открыто на сторону права и справедливости, могла бы сдѣлать невозможной борьбу между враждующими націями, — даетъ только благіе совѣты, уклоняясь отъ рѣшенія спора, который ей съ руки по многимъ причинамъ. Что же остается, въ такомъ случаѣ, для націи, которую осыпаютъ и угрозами и подозрѣніями, на которой хотятъ выместить свои прошлыя неудачи, отъ которой требуютъ невозможныхъ уступокъ, взваливая на нее незаслуженныя обвиненія?..

Послѣдній отвѣтъ Россіи однѣ англійскія газеты, какъ „Morning Post“, находятъ неудовлетворительнымъ; другія, какъ „Standard“, говорятъ, что разногласія еще могутъ быть устранены путемъ взаимныхъ уступокъ; третьи, какъ „Times“, прямо заявляютъ, что отвѣтъ не можетъ быть принятъ Англіей. Чуть не всякій день органы общественнаго мнѣнія, въ послѣднее время, собираютъ самыя противорѣчивыя извѣстія, то успокоивая публику мирными соглашеніями, то тревожа ее неминуемой войной. Что въ претензіяхъ, заявляемыхъ Англіею Россіи, видны высокомѣріе, неуступчивость и раздражительность, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія, особенно если сравнить предвзятую рѣшимость не только англійскаго министерства, но и палаты общинъ—не обижаться ничѣмъ со стороны Германіи. Это лучше всего подтверждаетъ фактъ, прошедшій почти незамѣтно среди воинственныхъ выходокъ противъ Россіи. Въ англійской колоніи Викторія былъ сорванъ британскій флагъ и замѣненъ нѣмецкимъ. Сообщая объ этомъ несомнѣнномъ фактѣ въ палатѣ общинъ, Гладстонъ счелъ нужнымъ объявить, что хотя объ этомъ дѣлѣ не получено еще обстоятельныхъ свѣдѣній, но что исторія съ англійскимъ флагомъ „ни въ какомъ случаѣ не поведетъ ни къ какимъ непріязненнымъ осложненіямъ“, то есть даже и въ такомъ случаѣ, когда этимъ сорваніемъ флага нанесено Англіи дѣйствительное оскорбленіе. И палата общинъ привѣтствовала рукоплесканіями это благодушное рѣшеніе. А горсть русскихъ казаковъ, стоящихъ въ Пуль-и-Хатумѣ—представляетъ casus belli. На официальной картѣ, составленной по распоряженію министерства, граница Афганистана показана на 19 миль южнѣе Пенде, но министръ заявилъ въ палатѣ общинъ, что карта эта—не составляетъ авторитетнаго документа. Но вѣдь занятіе русскими Пуль-и-Хатума произошло вслѣдствіе того, что афганцы заняли Пенде. Гладстонъ въ послѣднее время сталъ на сторону войны. Его газета „Daily News“—послѣ „Times“, самая ярая противница Россіи. Напрасно „Pall Mall“ называетъ нелѣпостью требованіе, чтобы русскіе удалились изъ занятыхъ ими спорныхъ пунктовъ, говоря, что „всякое нарушеніе мира изъ за такой бездѣлицы между двумя великими державами было бы преступленіемъ противъ цивилизаціи, которое совершенно помрачило бы самые худшіе поступки лорда Биконсфильда“. Напрасно „Saint James Gazette“,

съ ненавистью относящаяся къ внутреннему положенію Россіи, утверждаетъ, что „война съ Россіей въ настоящее время просто немыслима для Англіи“ и доказываетъ это тѣмъ, что финансовые тузы не желаютъ этой войны и не роняютъ русскихъ бумагъ на биржѣ, хотя „Россія на краю банкротства“. Но плохое состояніе англійскихъ военныхъ силъ всѣмъ извѣстно, и послѣдствія какой бы то ни было неудачи въ Индіи были бы роковыми для экономическаго положенія Англіи. Она ежегодно извлекаетъ изъ Индіи болѣе 20-ти милліоновъ фунт. стерл. Допустите хотя временную задержку этой суммы,—и вся хлопчатобумажная промышленность, вся торговля остановится. И безъ того, въ февралѣ, въ Англію привезено всѣхъ товаровъ на $29^1/_2$ милліоновъ, на 7 слишкомъ меньше сравнительно съ февралемъ 1884 года; особенно крупный упадокъ произошелъ во ввозѣ сырыхъ матеріаловъ для англійскихъ фабрикъ, а параллельно съ этимъ уменьшился вывозъ фабричныхъ продуктовъ изъ этихъ матеріаловъ (на 3 милліона слишкомъ въ два послѣдніе мѣсяца). Всѣ эти экономическіе выводы не укрощаютъ явной воинственности министерскихъ газетъ и самого Гладстона, котораго „Pall Mall“ не напрасно обвиняетъ въ томъ, что у него недостаетъ мужества отказаться отъ предъявленныхъ имъ несправедливыхъ требованій. Министръ заявилъ категорически, что Англія должна отстоять территорію, принадлежащую афганцамъ. Но въ томъ-то и дѣло, говоритъ газета, что территорія эта никогда не была афганскою, и министерство, подославши афганцевъ занять Пенде, должно и заставить ихъ очистить эту мѣстность, а не возбуждать страну къ войнѣ и требовать отъ Россіи отступленія, несовмѣстнаго съ ея достоинствомъ. Отдавая всегда, въ нашихъ политическихъ очеркахъ, полную справедливость государственной и общественной дѣятельности перваго министра Англіи, мы говорили однако, что, при всѣхъ его достоинствахъ, онъ все таки англичанинъ и относится къ другимъ націямъ съ точки зрѣнія англійскихъ, даже своихъ личныхъ интересовъ. Въ частныхъ сношеніяхъ онъ не позволилъ бы себѣ никакой несправедливости, но въ политикѣ и по отношенію къ Россіи, которую онъ считаетъ врагомъ своего отечества, опаснымъ для индо-британскаго владычества, министръ не считаетъ предосудительнымъ поступать такъ, какъ не поступилъ бы онъ въ качествѣ частнаго лица. Послѣ суданскаго погрома, онъ едва удержался на мѣстѣ; чтобы поддержать кабинетъ, ему необходимо было отвлечь вниманіе страны отъ печальныхъ послѣдствій египетской путаницы — и онъ вздумалъ перенести центръ внѣшней политики въ Афганистанъ, зная, что всего легче возбудить опасенія Англіи за ампутацію ея ахиллесовой пяты—Индіи.

Но между голосами газетъ, высказывающихъ самыя разнородныя мнѣнія, всего любопытнѣе сужденія австрійской печати. Въ то время, когда *бисмарковскій* „Norddeutsche Zeitung“ воздерживается высказать свое *мнѣніе объ* англо-русскомъ „инцидентѣ“ и замѣчаетъ только, что онъ утра-

тилъ свой острый характеръ, вѣнская „Neue freie Presse“ подсмѣивается надъ Англіею, утверждая, что войны боится она, а не Россія, и что въ то время, когда эта война можетъ имѣть самыя гибельныя послѣдствія для Англіи, „Россія едва-ли можетъ выбрать болѣе удобный моментъ для рѣшительнаго столкновенія въ Азіи со своею соперницею“. Австрійско-еврейская газета до того обязательна, что беретъ на себя трудъ опровергнуть предположенія, высказываемыя нѣкоторыми публицистами, будто втянувшись въ войну съ Англіей въ Азіи, Россія упуститъ свое политическое значеніе въ Европѣ. „Новыя территоріальныя пріобрѣтенія въ Азіи послужатъ къ усиленію Россіи и плоды побѣды вознаградятъ ее за всѣ усилія и жертвы. Не за Гератъ, а за обладаніе Индіей будетъ воевать Россія. Неужели кто нибудь можетъ думать въ Европѣ, что отъ столкновенія съ Англіей пострадаетъ могущество Россіи?“ Какъ утѣшительно такое благорасположеніе! А вотъ и по части дружелюбно-успокоительной: „Россіи нѣтъ надобности особенно слѣдить за европейскими событіями: ея громадныя вооруженныя силы позволятъ ей вести большую войну въ Азіи, не выводя ни одного солдата изъ польскихъ губерній“. А выводить, значитъ, все таки не слѣдуетъ? Этого газета не совѣтуетъ. Почему же? Ужь если высказывать добродушіе и благосклонность,—такъ высказывать вполнѣ. А то все это плохо замаскированное и выдающее себя подстрекательство переводится простыми словами: вступай, сосѣдъ, смѣло въ драку, и если тебѣ придется скверно, мнѣ будетъ очень хорошо. Но въ то время, когда одна половина австрійской имперіи такъ благодушно относится къ Россіи, другая половина, устами своего оракула Вамбери, говоритъ въ Офиціальномъ „Pesther Lloyd“: „Венгрія не можетъ никогда и ни въ чемъ, слѣдовательно и въ среднеазіатскомъ вопросѣ, держать сторону Россіи“. Съ интересами Англіи газета тѣсно связываетъ интересы не только Венгріи, но и Австріи, и утверждаетъ, что „пораженіе англичанъ въ Афганистанѣ гибельно отразится на положеніи Балканскаго полуострова“. При такомъ откровенномъ заявленіи, остается только спросить: развѣ Австрія заключила съ Англіей такой тѣсный союзъ, что пораженіе одной державы должно отозваться на другой—и еще именно на Балканскомъ полуостровѣ? Какимъ же газетамъ больше вѣрить: съ транс- или съ цис-лейтанской половины имперіи? Ни тѣмъ, ни другимъ, да и вообще никакимъ—говорятъ скептики, потому что всѣ газеты врутъ—какъ нѣкогда врали всѣ календари. Но вѣдь откуда же нибудь надо почерпать свѣденія о томъ, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ, чтобы обстоятельства не застали насъ врасплохъ, неприготовленными. Дипломатія молчитъ или, какъ нашъ „Journal de St.-Pétersbourg“, въ тѣ дни, когда Россія ждетъ отъ него хоть какихъ нибудь опроверженій тревожныхъ слуховъ, занимается опроверженіемъ слуха, что князь Лобановъ-Ростовскій англофобъ. Въ англійскомъ парламентѣ министры находятъ неудобнымъ давать прямые отвѣты на запро(

оппозиціи, имѣющіе, можетъ быть, дипломатическій смыслъ, но не отличающіеся здравымъ смысломъ, какъ запросъ о томъ: можетъ ли англійскій флотъ поспѣть въ Балтійское море съ открытіемъ навигаціи? Когда же Гладстона спросили: какой отвѣтъ дала Россія на требованіе отвести назадъ свои войска за Сераксъ, премьеръ отвѣчалъ, что на требованіе Англіи Россія отвѣчала отказомъ, такъ какъ территорія, на которой стоятъ ея войска,—русская. Англичане, видите ли, этого не знали, но все таки не взяли формально назадъ своего требованія, а оно само собой пало фактически. Какая странная діалектика у этой дипломатіи! Какъ во всѣхъ отвѣтахъ министра видна боязнь, чтобы консерваторы не возбудили противъ него общественнаго мнѣнія и не вырвали изъ рукъ его власть, сохраняемую съ такимъ трудомъ. Боязнь эта еще увеличилась послѣ утвержденія державами египетскаго финансоваго соглашенія, которымъ очень недовольна Англія. Соглашеніе это, подписанное 18 марта, состоитъ въ опредѣленіи цифры расходовъ по управленію Египтомъ, въ новомъ займѣ въ 9 милліоновъ фунт. ст., съ международною гарантіею; уменьшеніи платежей по купонамъ на 5%; отстрочкѣ на два года изслѣдованія источниковъ доходовъ Египта, и въ международномъ обсужденіи вопроса о нейтрализаціи Суэзскаго канала. Англійское министерство приняло это соглашеніе, но его еще долженъ утвердить парламентъ, а въ немъ многіе недовольны тѣмъ, что Англія допускаетъ если не вмѣшательство Европы въ египетскія дѣла, то ея контроль. Надо, стало быть, отвлечь вниманіе палаты и отъ этого вопроса и замѣнить его афганскимъ.

27-го марта было прочтено въ палатѣ общинъ посланіе королевы, въ которомъ говорилось, что „въ виду нынѣшняго положенія государственныхъ дѣлъ и большой потребности въ военныхъ силахъ, рѣшено созвать резервы арміи и милиціи, для охраненія интересовъ имперіи“. Это была очевидная демонстрація, съ цѣлью произвести давленіе на Россію и понудить ее къ уступкамъ по вопросу объ афганской границѣ. Въ то же время приступлено къ вооруженію и мобилизаціи судовъ англійскаго флота, и изъ Индіи получены извѣстія о формированіи новыхъ корпусовъ и движеніи войскъ къ границѣ. Давно ли Гладстонъ, находясь въ оппозиціи, осуждалъ мѣры, принятыя лордомъ Биконсфильдомъ для „нравственнаго воздѣйствія“ на Россію и состоявшія въ отправленіи флота въ Дарданеллы и отряда сипаевъ на островъ Мальту. Времена перемѣнились или, вѣрнѣе, перемѣнились люди, а мѣры, принимаемыя Англіею въ разныя времена, все одни и тѣ же. Но Россія не та, какою была въ 1878 году. Урокъ, данный ей берлинскимъ трактатомъ, не прошелъ для нея безъ пользы: она узнала, къ чему ведетъ излишняя уступчивость. Въ дипломатическихъ переговорахъ, лицомъ къ лицу со всею Европою, послѣ счастливо оконченной войны, *Россія* могла согласиться на неполное осуществленіе своихъ плановъ *относительно* освобожденной Болгаріи, но передъ лицомъ азіатскихъ дикарей

и конвоя генерала Лемсдена, въ виду воинственныхъ приготовленій правителя Индіи, обнимающагося съ афганскимъ эмиромъ—согласиться на уступки Англіи, для сохраненія ея престижа въ Азіи и съ ослабленіемъ своего собственнаго вліянія и значенія въ этой части свѣта—мыслимо ли подобное положеніе для Россіи? Гладстонъ сказалъ, что Англія готова на уступки „въ предѣлахъ возможнаго". Неужели онъ находитъ возможными предѣлы, какими думаетъ ограничить Россію? Если онъ даже въ этомъ случаѣ, противъ своей воли, уступаетъ давленію консервативной оппозиціи—и тогда вина разрыва падетъ на него, запятнавъ его полувѣковую почетную государственную дѣятельность. Биконсфильда, возвращавшагося съ берлинскаго конгресса, лондонская чернь встрѣчала восторженными овиціями, но сомнительно, чтобы Гладстонъ стремился къ подобнымъ овиціямъ, вспомнивъ, какъ скоро послѣ нихъ интеллигенція палаты низвергла Биконсфильда и его министерство, а самъ онъ сошелъ въ могилу при общемъ равнодушіи Англіи и всего образованнаго міра. Англія смотритъ, конечно, совершенно своеобразно на заслуги своихъ государственныхъ дѣятелей, но и въ ней раздаются безпристрастные голоса, не скрывающіе позорной стороны ихъ поступковъ. Еще недавно газета „Pall Mall", нисколько не расположенная къ Россіи, но относящаяся съ безпристрастіемъ и справедливостью къ нашему спору съ англичанами, рѣзко возстала противъ обвиненія насъ въ коварствѣ и, напомнивъ, что сама исторія придала эпитетъ „коварной" не Россіи, а Англіи, привела по этому поводу слова Эдмонда Борка, сказанныя въ парламентѣ еще въ концѣ прошлаго столѣтія и относившіяся къ средствамъ, какими Англія упрочила свое владычество надъ Индіей. „Я могу, говорилъ знаменитый ораторъ, доказать съ документами въ рукахъ, что отъ Гималайскаго хребта до мыса Коморина, во всей Индіи, нѣтъ ни одного государства, ни одного повелителя, великаго или незначительнаго, которые не сдѣлались бы жертвой обмана со стороны остъиндской компаніи; что компанія эта не исполнила ни одного изъ договоровъ, заключенныхъ ею съ туземцами; что во всей странѣ нѣтъ ни одного князя или государя, которыхъ бы она не разорила и которые бы не питали сильнѣйшей ненависти къ Англіи". Прошло еще почти столѣтіе съ тѣхъ поръ, какъ были сказаны эти слова; Англія еще болѣе расширила свои владѣнія въ Индіи, но система ея управленія осталась все та же —жестокая, корыстная, унизительная для туземцевъ, не разъ возстававшихъ съ оружіемъ въ рукахъ противъ своихъ безчеловѣчныхъ притѣснителей. И теперь лордъ Дефферинъ хочетъ увѣрить Европу, что туземные властители предлагаютъ свои арміи англичанамъ для войны съ Россіею, что непальскій магараджа отдаетъ пятнадцатитысячный корпусъ отборныхъ гуркасовъ подъ начальство англійскихъ офицеровъ. И въ то время, когда подобныя извѣстія печатаются въ лондонскихъ газетахъ наряду съ описаніемъ праздниковъ, смотровъ войскъ и парадовъ, даваемыхъ въ честь афганскаго эмира, явившагося къ намѣст-

нику Индіи заявить ему свою дружбу, въ тѣхъ же газетахъ являются офиціальныя сообщенія о перевозкѣ въ Индію изъ Египта остававшагося тамъ восьмитысячнаго корпуса англо-египетскихъ войскъ. Но если индусы съ такой готовностью сбираются защищать англичанъ противъ русскихъ, на что же понадобилось: ничтожный по численности отрядъ выводить изъ Египта, оставляя страну во власти побѣдившаго англичанъ махди и тайнаго врага ихъ хедива?

Собирая серьезные отзывы болѣе значительныхъ газетъ, нельзя не остановиться на слѣдующихъ словахъ органа англійскаго министерства „Daily News“: „признаемся, мы не понимаемъ, какимъ образомъ дѣло можетъ обойтись безъ войны, если Россія не откажется отъ своихъ притязаній. Если эмиръ обратится къ Англіи съ требованіемъ защитить его противъ русскаго вторженія, Англія, конечно, не можетъ ему отказать въ этомъ — и тогда театръ войны не ограничится одною только Азіею.“ Въ послѣднихъ словахъ опять угроза, и „Kölnische Zeitung“ совершенно напрасно утверждаетъ, что въ Англіи перестали думать о возможности войны. Напротивъ, толкуя о русскихъ притязаніяхъ, англичане даже не заикаются о необходимости умѣрить притязанія Англіи. „Pall Mall“ одна говоритъ, что еслибы русское правительство послѣдовало недавнему примѣру германскаго въ вопросѣ о колоніальной политикѣ и опубликовало свою дипломатическую переписку по афганскому вопросу, Англія получила бы о немъ совершенно иное понятіе, чѣмъ то, которое навязываетъ странѣ большинство газетъ: всѣ захваты Россіею Пуль-и-Хатума, Зюльфакара, Ак-робата, Пуль-и-Хисти — были только отвѣтомъ на движеніе афганцевъ въ спорную территорію. Провинціальныя англійскія газеты почти всѣ—противъ войны. Нѣмецкія газеты приняли въ послѣднее время ужь черезчуръ успокоительный тонъ и твердятъ, что войны не будетъ, а „Nazional Zeitung“ утверждаетъ, что Англія пошла на уступки. Французская газета „Gaulois“ объявляетъ, что Англія готова уступить Пенде. „Daily Telegraph“ идетъ еще дальше въ измышленіяхъ о причинахъ распри въ туркменскихъ степяхъ и видитъ въ ней начало борьбы съ Англіей изъ-за Дарданеллъ и Босфора. Свои мнѣнія газета приписываетъ какому-то русскому сановнику, приближенному ко двору, выразившемуся будто такимъ образомъ: „Не думайте, что мы нуждаемся въ Константинополѣ ради религіозныхъ, историческихъ или другихъ тому подобныхъ сантиментальныхъ причинъ. Наша единственная цѣль—имѣть въ своихъ рукахъ проходы въ Черное море. Но такъ какъ невозможно завладѣть Дарданеллами, не обладая Босфоромъ и фортами по обоимъ берегамъ его, то мы должны употребить всѣ усилія, чтобы взять ихъ въ свои руки. А такъ какъ этому мѣшаетъ Англія, то мы и становимся во враждебныя отношенія къ ней.“ Англійская газета „Observer“ сообщила еще страннѣе свѣдѣнія, *которыя тотчасъ* же поспѣшила опровергнуть бисмарковская „Norddeutsche *Zeitung*“. Газета утверждаетъ, что изъ Петербурга было сдѣлано предло-

женіе германскому канцлеру поддержать его колоніальную политику, если онъ будетъ поддерживать русское движеніе въ Афганистанѣ. Гербертъ Бисмаркъ будто-бы посланъ былъ въ Лондонъ съ копіею этой депеши и отвѣтомъ канцлера, отклонявшимъ предложеніе. Это открытіе тотчасъ заставило Англію, примирившись съ Германіей, обратиться противъ Россіи. „Norddeutsche Zeitung“ даже по телеграфу опровергла это извѣстіе. Другая офиціозная берлинская газета „Post“, говоря о томъ, что Англія ищетъ поддержки въ Германіи, замѣчаетъ: „Ни одно германское правительство не рѣшится взять на себя отвѣтственности—возложить на свой народъ колоссальное бремя войны съ Россіей только изъ-за однихъ прекрасныхъ глазъ Англіи, которая полагаетъ, что Германіи достаточно было бы сказать одно слово, и это, пожалуй, справедливо. Но вся выгода, какую Германія извлекла бы изъ такого вмѣшательства, состояла бы въ томъ, что русскій народъ пришелъ бы къ убѣжденію въ желаніи Германіи идти наперекоръ всѣмъ его намѣреніямъ.“—Для чего же намъ возбуждать противъ себя ненависть Россіи? спрашиваетъ далѣе газета. Конечно, даромъ возбуждать—неразсчетливо. Ну, а если Англія предложитъ какое нибудь вознагражденіе—не въ туркменской степи? „Kölnische Zeitung“ напоминаетъ недавнія слова канцлера въ рейхстагѣ, что „Германія въ своей иностранной политикѣ будетъ всегда руководиться національными интересами, а не родственными связями своихъ государей“ и говоритъ прямо, что если Англіи угодно начать войну въ Индіи, не смотря на урокъ, данный въ Суданѣ, то она легко можетъ потерять и самую Индію. Газета „Economist“ доказываетъ комерческому и финансовому міру, что Россія не можетъ дѣлать уступокъ въ Средней Азіи, что русская военная партія желаетъ отплатить Англіи за уничтоженіе ею сан-стефанскаго договора, что еслибы даже пришлось согласиться на раздѣлъ Балканскаго полуострова, въ этомъ не заключалось бы униженія, какъ въ уступкахъ Англіи, и что вообще война съ нею будетъ очень популярна въ Россіи. Органъ аристократическаго міра „Morning Post“ горячо настаиваетъ на необходимости скорѣйшаго разрѣшенія спора съ Россіею. „Русскій кошмаръ долженъ быть устраненъ какимъ нибудь рѣшительнымъ ударомъ. Ни наши финансы, ни нашъ престижъ не вынесутъ неопредѣленности угрожающаго положенія.“ Вѣнскія офиціозныя газеты говорятъ о прямыхъ и косвенныхъ предложеніяхъ совмѣстнаго дѣйствія трехъ державъ, Австріи, Англіи и Турціи, „интересы которыхъ требуютъ не допустить сѣвернаго колосса до захвата проливовъ“. Но первая изъ этихъ державъ, хотя весьма благосклонно отнеслась къ предложеніямъ, но, будто-бы, отклонила ихъ, ссылаясь на нерасположеніе къ нимъ четвертой державы, сосѣдки Австріи. Другіе австрійскіе листки говорятъ прямо, что война будетъ для Австріи очень выгодна, такъ какъ черезъ нее и черезъ Пруссію пойдетъ вся сухопутная торговля Россіи, когда прекратится морская. Ирландскія газеты съ трудомъ скрываютъ свое удовольствіе по поводу хорошаго урока.

съ ненавистью относящаяся къ внутреннему положенію Россіи, утверждаетъ, что „война съ Россіей въ настоящее время просто немыслима для Англіи" и доказываетъ это тѣмъ, что финансовые тузы не желаютъ этой войны и не роняютъ русскихъ бумагъ на биржѣ, хотя „Россія на краю банкротства". Но плохое состояніе англійскихъ военныхъ силъ всѣмъ извѣстно, и послѣдствія какой бы то ни было неудачи въ Индіи были бы роковыми для экономическаго положенія Англіи. Она ежегодно извлекаетъ изъ Индіи болѣе 20-ти милліоновъ фунт. стерл. Допустите хотя временную задержку этой суммы,—и вся хлопчатобумажная промышленность, вся торговля остановится. И безъ того, въ февралѣ, въ Англію привезено всѣхъ товаровъ на $29^1/_2$ милліоновъ, на 7 слишкомъ меньше сравнительно съ февралемъ 1884 года; особенно крупный упадокъ произошелъ во ввозѣ сырыхъ матеріаловъ для англійскихъ фабрикъ, а параллельно съ этимъ уменьшился вывозъ фабричныхъ продуктовъ изъ этихъ матеріаловъ (на 3 милліона слишкомъ въ два послѣдніе мѣсяца). Всѣ эти экономическіе выводы не укрощаютъ явной воинственности министерскихъ газетъ и самого Гладстона, котораго „Pall Mall" не напрасно обвиняетъ въ томъ, что у него недостаетъ мужества отказаться отъ предъявленныхъ имъ несправедливыхъ требованій. Министръ заявилъ категорически, что Англія должна отстоять территорію, принадлежащую афганцамъ. Но въ томъ-то и дѣло, говоритъ газета, что территорія эта никогда не была афганскою, и министерство, подославши афганцевъ занять Пенде, должно и заставить ихъ очистить эту мѣстность, а не возбуждать страну къ войнѣ и требовать отъ Россіи отступленія, несовмѣстнаго съ ея достоинствомъ. Отдавая всегда, въ нашихъ политическихъ очеркахъ, полную справедливость государственной и общественной дѣятельности перваго министра Англіи, мы говорили однако, что, при всѣхъ его достоинствахъ, онъ все таки англичанинъ и относится къ другимъ націямъ съ точки зрѣнія англійскихъ, даже своихъ личныхъ интересовъ. Въ частныхъ сношеніяхъ онъ не позволилъ бы себѣ никакой несправедливости, но въ политикѣ и по отношенію къ Россіи, которую онъ считаетъ врагомъ своего отечества, опаснымъ для индо-британскаго владычества, министръ не считаетъ предосудительнымъ поступать такъ, какъ не поступилъ бы онъ въ качествѣ частнаго лица. Послѣ суданскаго погрома, онъ едва удержался на мѣстѣ; чтобы поддержать кабинетъ, ему необходимо было отвлечь вниманіе страны отъ печальныхъ послѣдствій египетской путаницы — и онъ вздумалъ перенести центръ внѣшней политики въ Афганистанъ, зная, что всего легче возбудить опасенія Англіи за ампутацію ея ахиллесовой пяты—Индіи.

Но между голосами газетъ, высказывающихъ самыя разнородныя мнѣнія, всего любопытнѣе сужденія австрійской печати. Въ то время, когда *бисмарковскій* „Norddeutsche Zeitung" воздерживается высказать свое *мнѣніе объ* англо-русскомъ „инцидентѣ" и замѣчаетъ только, что онъ утра-

натискомъ непріятеля, оставили и Лангсонъ, гдѣ ихъ могли отрѣзать отъ Красной рѣки, и всю страну на пространствѣ болѣе ста миль, и остановились только въ горныхъ ущельяхъ Кепъ и Чу, близъ рѣки, гдѣ могли укрѣпиться. Въ Парижѣ разнеслись слухи, что Бріеръ-де-Лиль давно уже извѣстилъ правительство о дурномъ оборотѣ, принимаемомъ военными дѣлами, но оно надѣялось, что съ подоспѣвшимъ уже 24-го марта небольшимъ подкрѣпленіемъ обстоятельства поправятся. Четырехтысячный отрядъ свѣжихъ войскъ, увеличившій численность корпуса Негріе до десяти тысячъ, участвовалъ въ сраженіи подъ Лангсономъ, но, вмѣстѣ съ главными силами, принужденъ былъ къ отступленію, такъ какъ, по донесеніямъ Бріеръ-де-Лиля, силы китайцевъ доходили до сорока тысячъ. 26-го марта, въ палатѣ, Ферри старался представить неудачу французовъ простой военной случайностью и просилъ довѣрять генераламъ. „Мы имъ довѣряемъ, но не вѣримъ вамъ!“ кричали министру, а бонапартистъ Делафоссъ прямо обвинилъ Ферри въ томъ, что онъ обманываетъ страну, увѣряя, что все обстоитъ благополучно, когда дѣла идутъ все хуже и хуже. Въ слѣдующіе дни, волненіе въ Парижѣ достигло высшей степени напряженія. На бульварахъ появились литографированные листки съ заголовкомъ: „Отечество въ опасности!“ и съ воззваніемъ къ народу—низвергнуть правительство. Кричали: à mort, Ferry! Въ мелкихъ газетахъ осыпали Ферри и Греви площадными ругательствами. Рошфоръ въ своемъ „Intransigeant“ говорилъ, что не хочетъ позорить Наполеона III, сравнивая его съ Ферри. Органъ Клемансо „Justice“ требовалъ предать его суду. Крайніе радикальные листки требовали, чтобы его „разстрѣляли въ спину“, какъ измѣнника. Въ палатѣ, въ засѣданіи 29 марта, послѣ первыхъ словъ министра объ отправленіи новыхъ подкрѣпленій въ Тонкинъ и назначеніи 200 милліоновъ на войну съ Китаемъ, раздались крики: à la porte! le misérable! Клемансо потребовалъ прежде всего низверженія министерства. Большинство 308 голосовъ поддержало оратора. Ферри объявилъ, что министерство оставляетъ свой постъ. Сто пятьдесятъ два депутата потребовали предать суду министровъ, какъ измѣнниковъ отечества, но большинство палаты не согласилось на это. У нея однако не достало столько благоразумія, чтобы сначала вотировать суммы на военныя дѣйствія, а потомъ уже разбирать, кто виноватъ въ томъ, что дѣла приняли дурной оборотъ. Но французы дѣйствуютъ всегда подъ первымъ впечатлѣніемъ и, не задумываясь, низвергли министерство, два года и два мѣсяца управлявшее Франціей и поставившее республику на почетное мѣсто по внутреннему управленію и по внѣшнимъ сношеніямъ. На враждующія между собою партіи не подѣйствовалъ даже недавній примѣръ Англіи, когда, при извѣстіи о паденіи Хартума, партіи, враждебныя Гладстону, если не сплотились вокругъ министра, то и не обвиняли его въ несчастіяхъ отечества. Но французы, легко увлекающіеся первымъ успѣхомъ, еще легче теряютъ голову при первой неудачѣ. Самъ генералъ Бріеръ-де-Лиль также не избѣгнулъ общей участи и вслѣдъ за

съ ненавистью относящаяся къ внутреннему положенію Россіи, утверждаетъ, что „война съ Россіей въ настоящее время просто немыслима для Англіи" и доказываетъ это тѣмъ, что финансовые тузы не желаютъ этой войны и не роняютъ русскихъ бумагъ на биржѣ, хотя „Россія на краю банкротства". Но плохое состояніе англійскихъ военныхъ силъ всѣмъ извѣстно, и послѣдствія какой бы то ни было неудачи въ Индіи были бы роковыми для экономическаго положенія Англіи. Она ежегодно извлекаетъ изъ Индіи болѣе 20-ти милліоновъ фунт. стерл. Допустите хотя временную задержку этой суммы,—и вся хлопчатобумажная промышленность, вся торговля остановится. И безъ того, въ февралѣ, въ Англію привезено всѣхъ товаровъ на $29^1/_2$ милліоновъ, на 7 слишкомъ меньше сравнительно съ февралемъ 1884 года; особенно крупный упадокъ произошелъ во ввозѣ сырыхъ матеріаловъ для англійскихъ фабрикъ, а параллельно съ этимъ уменьшился вывозъ фабричныхъ продуктовъ изъ этихъ матеріаловъ (на 3 милліона слишкомъ въ два послѣдніе мѣсяца). Всѣ эти экономическіе выводы не укрощаютъ явной воинственности министерскихъ газетъ и самого Гладстона, котораго „Pall Mall" не напрасно обвиняетъ въ томъ, что у него недостаетъ мужества отказаться отъ предъявленныхъ имъ несправедливыхъ требованій. Министръ заявилъ категорически, что Англія должна отстоять территорію, принадлежащую афганцамъ. Но въ томъ-то и дѣло, говоритъ газета, что территорія эта никогда не была афганскою, и министерство, подославши афганцевъ занять Пенде, должно и заставить ихъ очистить эту мѣстность, а не возбуждать страну къ войнѣ и требовать отъ Россіи отступленія, несовмѣстнаго съ ея достоинствомъ. Отдавая всегда, въ нашихъ политическихъ очеркахъ, полную справедливость государственной и общественной дѣятельности перваго министра Англіи, мы говорили однако, что, при всѣхъ его достоинствахъ, онъ все таки англичанинъ и относится къ другимъ націямъ съ точки зрѣнія англійскихъ, даже своихъ личныхъ интересовъ. Въ частныхъ сношеніяхъ онъ не позволилъ бы себѣ никакой несправедливости, но въ политикѣ и по отношенію къ Россіи, которую онъ считаетъ врагомъ своего отечества, опаснымъ для индо-британскаго владычества, министръ не считаетъ предосудительнымъ поступать такъ, какъ не поступилъ бы онъ въ качествѣ частнаго лица. Послѣ суданскаго погрома, онъ едва удержался на мѣстѣ; чтобы поддержать кабинетъ, ему необходимо было отвлечь вниманіе страны отъ печальныхъ послѣдствій египетской путаницы — и онъ вздумалъ перенести центръ внѣшней политики въ Афганистанъ, зная, что всего легче возбудить опасенія Англіи за ампутацію ея ахиллесовой пяты—Индіи.

Но между голосами газетъ, высказывающихъ самыя разнородныя мнѣнія, всего любопытнѣе сужденія австрійской печати. Въ то время, когда бисмарковскій „Norddeutsche Zeitung" воздерживается высказать свое *мнѣніе объ* англо-русскомъ „инцидентѣ" и замѣчаетъ только, что онъ утра-

тилъ свой острый характеръ, вѣнская „Neue freie Presse“ подсмѣивается надъ Англіею, утверждая, что войны боится она, а не Россія, и что въ то время, когда эта война можетъ имѣть самыя гибельныя послѣдствія для Англіи, „Россія едва-ли можетъ выбрать болѣе удобный моментъ для рѣшительнаго столкновенія въ Азіи со своею соперницею“. Австрійско-еврейская газета до того обязательна, что беретъ на себя трудъ опровергнуть предположенія, высказываемыя нѣкоторыми публицистами, будто втянувшись въ войну съ Англіей въ Азіи, Россія упуститъ свое политическое значеніе въ Европѣ. „Новыя территоріальныя пріобрѣтенія въ Азіи послужатъ къ усиленію Россіи и плоды побѣды вознаградятъ ее за всѣ усилія и жертвы. Не за Гератъ, а за обладаніе Индіей будетъ воевать Россія. Неужели кто нибудь можетъ думать въ Европѣ, что отъ столкновенія съ Англіей пострадаетъ могущество Россіи?“ Какъ утѣшительно такое благорасположеніе! А вотъ и по части дружелюбно-успокоительной: „Россіи нѣтъ надобности особенно слѣдить за европейскими событіями: ея громадныя вооруженныя силы позволятъ ей вести большую войну въ Азіи, не выводя ни одного солдата изъ польскихъ губерній“. А выводить, значитъ, все таки не слѣдуетъ? Этого газета не совѣтуетъ. Почему же? Ужь если высказывать добродушіе и благосклонность,—такъ высказывать вполнѣ. А то все это плохо замаскированное и выдающее себя подстрекательство переводится простыми словами: вступай, сосѣдъ, смѣло въ драку, и если тебѣ придется скверно, мнѣ будетъ очень хорошо. Но въ то время, когда одна половина австрійской имперіи такъ благодушно относится къ Россіи, другая половина, устами своего оракула Вамбери, говоритъ въ официальномъ „Pesther Lloyd“: „Венгрія не можетъ никогда и ни въ чемъ, слѣдовательно и въ среднеазіатскомъ вопросѣ, держать сторону Россіи“. Съ интересами Англіи газета тѣсно связываетъ интересы не только Венгріи, но и Австріи, и утверждаетъ, что „пораженіе англичанъ въ Афганистанѣ гибельно отразится на положеніи Балканскаго полуострова“. При такомъ откровенномъ заявленіи, остается только спросить: развѣ Австрія заключила съ Англіей такой тѣсный союзъ, что пораженіе одной державы должно отозваться на другой—и еще именно на Балканскомъ полуостровѣ? Какимъ же газетамъ больше вѣрить: съ транс- или съ цис-лейтанской половины имперіи? Ни тѣмъ, ни другимъ, да и вообще никакимъ—говорятъ скептики, потому что всѣ газеты врутъ—какъ нѣкогда врали всѣ календари. Но вѣдь откуда же нибудь надо почерпать свѣденія о томъ, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ, чтобы обстоятельства не застали насъ врасплохъ, неприготовленными. Дипломатія молчитъ или, какъ нашъ „Journal de St.-Pétersbourg“, въ тѣ дни, когда Россія ждетъ отъ него хоть какихъ нибудь опроверженій тревожныхъ слуховъ, занимается опроверженіемъ слуха, что князь Лобановъ-Ростовскій англофобъ. Въ англійскомъ парламентѣ министры находятъ неудобнымъ давать прямые отвѣты на запросы

оппозиціи, имѣющіе, можетъ быть, дипломатическій смыслъ, но не отличающіеся здравымъ смысломъ, какъ запросъ о томъ: можетъ ли англійскій флотъ поспѣть въ Балтійское море съ открытіемъ навигаціи? Когда же Гладстона спросили: какой отвѣтъ дала Россія на требованіе отвести назадъ свои войска за Сераксъ, премьеръ отвѣчалъ, что на требованіе Англіи Россія отвѣчала отказомъ, такъ какъ территорія, на которой стоятъ ея войска,—русская. Англичане, видите ли, этого не знали, но все таки не взяли формально назадъ своего требованія, а оно само собой пало фактически. Какая странная діалектика у этой дипломатіи! Какъ во всѣхъ отвѣтахъ министра видна боязнь, чтобы консерваторы не возбудили противъ него общественнаго мнѣнія и не вырвали изъ рукъ его власть, сохраняемую съ такимъ трудомъ. Боязнь эта еще увеличилась послѣ утвержденія державами египетскаго финансоваго соглашенія, которымъ очень недовольна Англія. Соглашеніе это, подписанное 18 марта, состоитъ въ опредѣленіи цифры расходовъ по управленію Египтомъ, въ новомъ займѣ въ 9 милліоновъ фунт. ст., съ международною гарантіею; уменьшеніи платежей по купонамъ на 5%; отсрочкѣ на два года изслѣдованія источниковъ доходовъ Египта, и въ международномъ обсужденіи вопроса о нейтрализаціи Суэзскаго канала. Англійское министерство приняло это соглашеніе, но его еще долженъ утвердить парламентъ, а въ немъ многіе недовольны тѣмъ, что Англія допускаетъ если не вмѣшательство Европы въ египетскія дѣла, то ея контроль. Надо, стало быть, отвлечь вниманіе палаты и отъ этого вопроса и замѣнить его афганскимъ.

27-го марта было прочтено въ палатѣ общинъ посланіе королевы, въ которомъ говорилось, что „въ виду нынѣшняго положенія государственныхъ дѣлъ и большой потребности въ военныхъ силахъ, рѣшено созвать резервы арміи и милиціи, для охраненія интересовъ имперіи“. Это была очевидная демонстрація, съ цѣлью произвести давленіе на Россію и понудить ее къ уступкамъ по вопросу объ афганской границѣ. Въ то же время приступлено къ вооруженію и мобилизаціи судовъ англійскаго флота, и изъ Индіи получены извѣстія о формированіи новыхъ корпусовъ и движеніи войскъ къ границѣ. Давно ли Гладстонъ, находясь въ оппозиціи, осуждалъ мѣры, принятыя лордомъ Биконсфильдомъ для „нравственнаго воздѣйствія“ на Россію и состоявшія въ отправленіи флота въ Дарданеллы и отряда сипаевъ на островъ Мальту. Времена перемѣнились или, вѣрнѣе, перемѣнились люди, а мѣры, принимаемыя Англіею въ разныя времена, все однѣ и тѣ же. Но Россія не та, какою была въ 1878 году. Урокъ, данный ей берлинскимъ трактатомъ, не прошелъ для нея безъ пользы: она узнала, къ чему ведетъ излишняя уступчивость. Въ дипломатическихъ переговорахъ, лицомъ къ лицу со всею Европою, послѣ счастливо оконченной войны, Россія могла согласиться на неполное осуществленіе своихъ плановъ *относительно* освобожденной Болгаріи, но передъ лицомъ азіатскихъ дикарей

и конвоя генерала Лемсдена, въ виду воинственныхъ приготовленій правителя Индіи, обнимающагося съ афганскимъ эмиромъ—согласиться на уступки Англіи, для сохраненія ея престижа въ Азіи и съ ослабленіемъ своего собственнаго вліянія и значенія въ этой части свѣта—мыслимо ли подобное положеніе для Россіи? Гладстонъ сказалъ, что Англія готова на уступки „въ предѣлахъ возможнаго". Неужели онъ находитъ возможными предѣлы, какими думаетъ ограничить Россію? Если онъ даже въ этомъ случаѣ, противъ своей воли, уступаетъ давленію консервативной оппозиціи—и тогда вина разрыва падетъ на него, запятнавъ его полувѣковую почетную государственную дѣятельность. Биконсфильда, возвращавшагося съ берлинскаго конгресса, лондонская чернь встрѣчала восторженными овиціями, но сомнительно, чтобы Гладстонъ стремился къ подобнымъ овиціямъ, вспомнивъ, какъ скоро послѣ нихъ интеллигенція палаты низвергла Биконсфильда и его министерство, а самъ онъ сошелъ въ могилу при общемъ равнодушіи Англіи и всего образованнаго міра. Англія смотритъ, конечно, совершенно своеобразно на заслуги своихъ государственныхъ дѣятелей, но и въ ней раздаются безпристрастные голоса, не скрывающіе позорной стороны ихъ поступковъ. Еще недавно газета „Pall Mall", нисколько не расположенная къ Россіи, но относящаяся съ безпристрастіемъ и справедливостью къ нашему спору съ англичанами, рѣзко возстала противъ обвиненія насъ въ коварствѣ и, напомнивъ, что сама исторія придала эпитетъ „коварной" не Россіи, а Англіи, привела по этому поводу слова Эдмонда Борка, сказанныя въ парламентѣ еще въ концѣ прошлаго столѣтія и относившіяся къ средствамъ, какими Англія упрочила свое владычество надъ Индіей. „Я могу, говорилъ знаменитый ораторъ, доказать съ документами въ рукахъ, что отъ Гималайскаго хребта до мыса Коморина, во всей Индіи, нѣтъ ни одного государства, ни одного повелителя, великаго или незначительнаго, которые не сдѣлались бы жертвой обмана со стороны остъиндской компаніи; что компанія эта не исполнила ни одного изъ договоровъ, заключенныхъ ею съ туземцами; что во всей странѣ нѣтъ ни одного князя или государя, которыхъ бы она не разорила и которые бы не питали сильнѣйшей ненависти къ Англіи". Прошло еще почти столѣтіе съ тѣхъ поръ, какъ были сказаны эти слова: Англія еще болѣе расширила свои владѣнія въ Индіи, но система ея управленія осталась все та же —жестокая, корыстная, унизительная для туземцевъ, не разъ возставшихъ съ оружіемъ въ рукахъ противъ своихъ безчеловѣчныхъ притѣснителей. И теперь лордъ Дефферинъ хочетъ увѣрить Европу, что туземные властители предлагаютъ свои арміи англичанамъ для войны съ Россіею, что непальскій магараджа отдаетъ пятнадцатитысячный корпусъ отборныхъ гуркасовъ подъ начальство англійскихъ офицеровъ. И въ то время, когда подобныя извѣстія печатаются въ лондонскихъ газетахъ наряду съ описаніемъ праздниковъ, смотровъ войскъ и парадовъ, даваемыхъ въ честь афганскаго эмира, явившагося къ намѣст-

нику Индіи заявить ему свою дружбу, въ тѣхъ же газетахъ являются офиціальныя сообщенія о перевозкѣ въ Индію изъ Египта остававшагося тамъ восьмитысячнаго корпуса англо-египетскихъ войскъ. Но если индусы съ такой готовностью сбираются защищать англичанъ противъ русскихъ, на что же понадобилось: ничтожный по численности отрядъ выводить изъ Египта, оставляя страну во власти побѣдившаго англичанъ махди и тайнаго врага ихъ хедива?

Собирая серьезные отзывы болѣе значительныхъ газетъ, нельзя не остановиться на слѣдующихъ словахъ органа англійскаго министерства „Daily News“: „признаемся, мы не понимаемъ, какимъ образомъ дѣло можетъ обойтись безъ войны, если Россія не откажется отъ своихъ притязаній. Если эмиръ обратится къ Англіи съ требованіемъ защитить его противъ русскаго вторженія, Англія, конечно, не можетъ ему отказать въ этомъ — и тогда театръ войны не ограничится одною только Азіею.“ Въ послѣднихъ словахъ опять угроза, и „Kölnische Zeitung“ совершенно напрасно утверждаетъ, что въ Англіи перестали думать о возможности войны. Напротивъ, толкуя о русскихъ притязаніяхъ, англичане даже не заикаются о необходимости умѣрить притязанія Англіи. „Pall Mall“ одна говоритъ, что еслибы русское правительство послѣдовало недавнему примѣру германскаго въ вопросѣ о колоніальной политикѣ и опубликовало свою дипломатическую переписку по афганскому вопросу, Англія получила бы о немъ совершенно иное понятіе, чѣмъ то, которое навязываетъ странѣ большинство газетъ: всѣ захваты Россіею Пуль-и-Хатума, Зюльфакара, Ак-робата, Пуль-и-Хисти — были только отвѣтомъ на движеніе афганцевъ въ спорную территорію. Провинціальныя англійскія газеты почти всѣ—противъ войны. Нѣмецкія газеты приняли въ послѣднее время ужь черезчуръ успокоительный тонъ и твердятъ, что войны не будетъ, а „Nazional Zeitung“ утверждаетъ, что Англія пошла на уступки. Французская газета „Gaulois“ объявляетъ, что Англія готова уступить Пенде. „Daily Telegraph“ идетъ еще дальше въ измышленіяхъ о причинахъ распри въ туркменскихъ степяхъ и видитъ въ ней начало борьбы съ Англіей изъ-за Дарданеллъ и Босфора. Свои мнѣнія газета приписываетъ какому-то русскому сановнику, приближенному ко двору, выразившемуся будто такимъ образомъ: „Не думайте, что мы нуждаемся въ Константинополѣ ради религіозныхъ, историческихъ или другихъ тому подобныхъ сантиментальныхъ причинъ. Наша единственная цѣль—имѣть въ своихъ рукахъ проходы въ Черное море. Но такъ какъ невозможно завладѣть Дарданеллами, не обладая Босфоромъ и фортами по обоимъ берегамъ его, то мы должны употребить всѣ усилія, чтобы взять ихъ въ свои руки. А такъ какъ этому мѣшаетъ Англія, то мы и становимся во враждебныя отношенія къ ней.“ Англійская газета „Observer“ сообщила еще страннѣе свѣдѣнія, которыя тотчасъ же поспѣшила опровергнуть бисмарковская „Norddeutsche *Zeitung*“. Газета утверждаетъ, что изъ Петербурга было сдѣлано предло-

женіе германскому канцлеру поддержать его колоніальную политику, если онъ будетъ поддерживать русское движеніе въ Афганистанѣ. Гербертъ Бисмаркъ будто-бы посланъ былъ въ Лондонъ съ копіею этой депеши и отвѣтомъ канцлера, отклонявшимъ предложеніе. Это открытіе тотчасъ заставило Англію, примирившись съ Германіей, обратиться противъ Россіи. „Norddeutsche Zeitung“ даже по телеграфу опровергла это извѣстіе. Другая офиціозная берлинская газета „Post“, говоря о томъ, что Англія ищетъ поддержки въ Германіи, замѣчаетъ: „Ни одно германское правительство не рѣшится взять на себя отвѣтственности—возложить на свой народъ колоссальное бремя войны съ Россіей только изъ-за однихъ прекрасныхъ глазъ Англіи, которая полагаетъ, что Германіи достаточно было бы сказать одно слово, и это, пожалуй, справедливо. Но вся выгода, какую Германія извлекла бы изъ такого вмѣшательства, состояла бы въ томъ, что русскій народъ пришелъ бы къ убѣжденію въ желаніи Германіи идти наперекоръ всѣмъ его намѣреніямъ.“—Для чего же намъ возбуждать противъ себя ненависть Россіи? спрашиваетъ далѣе газета. Конечно, даромъ возбуждать—неразсчетливо. Ну, а если Англія предложитъ какое нибудь вознагражденіе—не въ туркменской степи? „Kölnische Zeitung“ напоминаетъ недавнія слова канцлера въ рейхстагѣ, что „Германія въ своей иностранной политикѣ будетъ всегда руководиться національными интересами, а не родственными связями своихъ государей“ и говоритъ прямо, что если Англіи угодно начать войну въ Индіи, не смотря на урокъ, данный въ Суданѣ, то она легко можетъ потерять и самую Индію. Газета „Economist“ доказываетъ комерческому и финансовому міру, что Россія не можетъ дѣлать уступокъ въ Средней Азіи, что русская военная партія желаетъ отплатить Англіи за уничтоженіе ею сан-стефанскаго договора, что еслибы даже пришлось согласиться на раздѣлъ Балканскаго полуострова, въ этомъ не заключалось бы униженія, какъ въ уступкахъ Англіи, и что вообще война съ нею будетъ очень популярна въ Россіи. Органъ аристократическаго міра „Morning Post“ горячо настаиваетъ на необходимости скорѣйшаго разрѣшенія спора съ Россіею. „Русскій кошмаръ долженъ быть устраненъ какимъ нибудь рѣшительнымъ ударомъ. Ни наши финансы, ни нашъ престижъ не вынесутъ неопредѣленности угрожающаго положенія.“ Вѣнскія офиціозныя газеты говорятъ о прямыхъ и косвенныхъ предложеніяхъ совмѣстнаго дѣйствія трехъ державъ, Австріи, Англіи и Турціи, „интересы которыхъ требуютъ не допустить сѣвернаго колосса до захвата проливовъ“. Но первая изъ этихъ державъ, хотя весьма благосклонно отнеслась къ предложеніямъ, но, будто-бы, отклонила ихъ, ссылаясь на нерасположеніе къ нимъ четвертой державы, сосѣдки Австріи. Другіе австрійскіе листки говорятъ прямо, что война будетъ для Австріи очень выгодна, такъ какъ черезъ нее и черезъ Пруссію пойдетъ вся сухопутная торговля Россіи, когда прекратится морская. Ирландскія газеты съ трудомъ скрываютъ свое удовольствіе по поводу хорошаго урока,

первыми, почти отчаянными депешами началъ присылать успокоительныя, о томъ, что китайцы и не думаютъ его преслѣдовать, что полковникъ Гербенже, принявшій начальство надъ отрядомъ, слишкомъ поторопился очистить Лангсонъ и отступить отъ Донгсона, когда въ этомъ не предстояло надобности—за что и былъ смѣненъ въ командованіи войскомъ. Въ то же время разнеслось извѣстіе, что низвергнутый министръ успѣлъ уже заключить миръ съ Китаемъ на основаніи Тянь-цзинскаго договора, только безъ уплаты военныхъ издержекъ, и что въ Пекинѣ вышелъ императорскій указъ, приказывающій очистить весь Тонкинъ отъ китайскихъ войскъ. Дѣйствительно, мирные переговоры съ Китаемъ возобновились передъ самымъ паденіемъ министерства, но они, вѣроятно, только новая уловка со стороны китайцевъ, желающихъ выиграть время и обмануть французовъ, хотя Срединная имперія склоняется къ миру съ варварами, потому что въ ней самой возникло возмущеніе: въ Кашгарѣ сынъ покойнаго хана Якубъ-бека поднялъ мусульманъ противъ китайскихъ властей. Объ этомъ возстаніи получены, впрочемъ, еще очень сбивчивыя извѣстія.

Не легко было Жюлю Греви составить новое министерство. Выдающихся государственныхъ дѣятелей вовсе нѣтъ во Франціи. Къ радикальной партіи президентъ не рѣшился прибѣгнуть; она возбудила бы опасенія въ Европѣ и не нашла бы себѣ опоры въ большинствѣ палаты, составленной все таки преимущественно изъ собственниковъ-буржуа, не расположенныхъ къ соціальнымъ реформамъ. Представителемъ ихъ былъ Жюль Ферри, содѣйствовавшій много къ утвержденію порядка въ республикѣ, къ установленію между нею и ея сосѣдями добрыхъ отношеній, но даже не пытавшійся сколько нибудь измѣнить крупные недостатки общественнаго строя во Франціи. Держась во всемъ умѣренности, компромиссовъ, золотой середины, Ферри приходился какъ разъ по плечу буржуазному большинству палаты, слѣпо вотировавшей всѣ его законопроэкты, не отличавшіеся энергическими мѣрами, которыя онъ принималъ только противъ анархическихъ вспышекъ. Онъ и въ войнѣ съ Китаемъ держался той же осторожности, постепенности, отправляя на театръ войны ничтожныя силы, испрашивая незначительныя суммы на военныя издержки. И палата, поддерживавшая его, пока дѣла шли относительно недурно, покинула его при первой, нѣсколько крупной неудачѣ, потерявъ голову, какъ потерялъ ее и онъ самъ, и его плохіе генералы, и умѣренные министры. И тѣ же буржуа, которые наканунѣ 29-го марта шли, какъ бараны, за первымъ министромъ, первые кричали ему въ этотъ день: A bas Ferry! à la porte! какъ будто онъ виноватъ въ томъ, что система его управленія, которую больше двухъ лѣтъ находили превосходною, оказалась несостоятельною, когда потребовались рѣшительныя, энергическія мѣры. Если нерѣшительность и медленность Ферри заслуживали осужденія, все таки не слѣдовало прогонять съ

натискомъ непріятеля, оставили и Лангсонъ, гдѣ ихъ могли отрѣзать отъ Красной рѣки, и всю страну на пространствѣ болѣе ста миль, и остановились только въ горныхъ ущельяхъ Кепъ и Чу, близь рѣки, гдѣ могли укрѣпиться. Въ Парижѣ разнеслись слухи, что Бріеръ-де-Лиль давно уже извѣстилъ правительство о дурномъ оборотѣ, принимаемомъ военными дѣлами, но оно надѣялось, что съ подоспѣвшимъ уже 24-го марта небольшимъ подкрѣпленіемъ обстоятельства поправятся. Четырехтысячный отрядъ свѣжихъ войскъ, увеличившій численность корпуса Негріе до десяти тысячъ, участвовалъ въ сраженіи подъ Лангсономъ, но, вмѣстѣ съ главными силами, принужденъ былъ къ отступленію, такъ какъ, по донесеніямъ Бріеръ-де-Лиля, силы китайцевъ доходили до сорока тысячъ. 26-го марта, въ палатѣ, Ферри старался представить неудачу французовъ простой военной случайностью и просилъ довѣрять генераламъ. „Мы имъ довѣряемъ, но не вѣримъ вамъ!“ кричали министру, а бонапартистъ Делафоссъ прямо обвинилъ Ферри въ томъ, что онъ обманываетъ страну, увѣряя, что все обстоитъ благополучно, когда дѣла идутъ все хуже и хуже. Въ слѣдующіе дни, волненіе въ Парижѣ достигло высшей степени напряженія. На бульварахъ появились литографированные листки съ заголовкомъ: „Отечество въ опасности!“ и съ воззваніемъ къ народу—низвергнуть правительство. Кричали: à mort, Ferry! Въ мелкихъ газетахъ осыпали Ферри и Греви площадными ругательствами. Рошфоръ въ своемъ „Intransigeant“ говорилъ, что не хочетъ позорить Наполеона III, сравнивая его съ Ферри. Органъ Клемансо „Justice“ требовалъ предать его суду. Крайніе радикальные листки требовали, чтобы его „разстрѣляли въ спину“, какъ измѣнника. Въ палатѣ, въ засѣданіи 29 марта, послѣ первыхъ словъ министра объ отправленіи новыхъ подкрѣпленій въ Тонкинъ и назначеніи 200 милліоновъ на войну съ Китаемъ, раздались крики: à la porte! le misérable! Клемансо потребовалъ прежде всего низверженія министерства. Большинство 308 голосовъ поддержало оратора. Ферри объявилъ, что министерство оставляетъ свой постъ. Сто пятьдесятъ два депутата потребовали предать суду министровъ, какъ измѣнниковъ отечества, но большинство палаты не согласилось на это. У нея однако не достало столько благоразумія, чтобы сначала вотировать суммы на военныя дѣйствія, а потомъ уже разбирать, кто виноватъ въ томъ, что дѣла приняли дурной оборотъ. Но французы дѣйствуютъ всегда подъ первымъ впечатлѣніемъ и, не задумываясь, низвергли министерство, два года и два мѣсяца управлявшее Франціей и поставившее республику на почетное мѣсто по внутреннему управленію и по внѣшнимъ сношеніямъ. На враждующія между собою партіи не подѣйствовалъ даже недавній примѣръ Англіи, когда, при извѣстіи о паденіи Хартума, партіи, враждебныя Гладстону, если не сплотились вокругъ министра, то и не обвиняли его въ несчастіяхъ отечества. Но французы, легко увлекающіеся первымъ успѣхомъ, еще легче теряютъ голову при первой неудачѣ. Самъ генералъ Бріеръ-де-Лиль также не избѣгнулъ общей участи и вслѣдъ за

первыми, почти отчаянными депешами началъ присылать успокоительныя, о томъ, что китайцы и не думаютъ его преслѣдовать, что полковникъ Гербенже, принявшій начальство надъ отрядомъ, слишкомъ поторопился очистить Лангсонъ и отступить отъ Донгсона, когда въ этомъ не предстояло надобности—за что и былъ смѣненъ въ командованіи войскомъ. Въ то же время разнеслось извѣстіе, что низвергнутый министръ успѣлъ уже заключить миръ съ Китаемъ на основаніи Тянь-цзинскаго договора, только безъ уплаты военныхъ издержекъ, и что въ Пекинѣ вышелъ императорскій указъ, приказывающій очистить весь Тонкинъ отъ китайскихъ войскъ. Дѣйствительно, мирные переговоры съ Китаемъ возобновились передъ самымъ паденіемъ министерства, но они, вѣроятно, только новая уловка со стороны китайцевъ, желающихъ выиграть время и обмануть французовъ, хотя Срединная имперія склоняется къ миру съ варварами, потому что въ ней самой возникло возмущеніе: въ Кашгарѣ сынъ покойнаго хана Якубъ-бека поднялъ мусульманъ противъ китайскихъ властей. Объ этомъ возстаніи получены, впрочемъ, еще очень сбивчивыя извѣстія.

Не легко было Жюлю Греви составить новое министерство. Выдающихся государственныхъ дѣятелей вовсе нѣтъ во Франціи. Къ радикальной партіи президентъ не рѣшился прибѣгнуть; она возбудила бы опасенія въ Европѣ и не нашла бы себѣ опоры въ большинствѣ палаты, составленной все таки преимущественно изъ собственниковъ-буржуа, не расположенныхъ къ соціальнымъ реформамъ. Представителемъ ихъ былъ Жюль Ферри, содѣйствовавшій много къ утвержденію порядка въ республикѣ, къ установленію между нею и ея сосѣдями добрыхъ отношеній, но даже не пытавшійся сколько нибудь измѣнить крупные недостатки общественнаго строя во Франціи. Держась во всемъ умѣренности, компромиссовъ, золотой середины, Ферри приходился какъ разъ по плечу буржуазному большинству палаты, слѣпо вотировавшей всѣ его законопроэкты, не отличавшіеся энергическими мѣрами, которыя онъ принималъ только противъ анархическихъ вспышекъ. Онъ и въ войнѣ съ Китаемъ держался той же осторожности, постепенности, отправляя на театръ войны ничтожныя силы, испрашивая незначительныя суммы на военныя издержки. И палата, поддерживавшая его, пока дѣла шли относительно недурно, покинула его при первой, нѣсколько крупной неудачѣ, потерявъ голову, какъ потерялъ ее и онъ самъ, и его плохіе генералы, и умѣренные министры. И тѣ же буржуа, которые наканунѣ 29-го марта шли, какъ бараны, за первымъ министромъ, первые кричали ему въ этотъ день: A bas Ferry! à la porte! какъ будто онъ виноватъ въ томъ, что система его управленія, которую больше двухъ лѣтъ находили превосходною, оказалась несостоятельною, когда потребовались рѣшительныя, энергическія мѣры. Если нерѣшительность и медленность Ферри заслуживали осужденія, все таки не слѣдовало прогонять съ

слова рѣчи Кнопа были:—„Чехи и поляки своимъ образомъ дѣйствій могутъ довести дѣло до того, что нѣмецкій народъ вспомнитъ о томъ, что австрійскихъ нѣмцевъ притѣсняютъ, и что сами поляки и чехи только пасынки нѣмецкой расы". Еще бо̀льшій антагонизмъ, чѣмъ между расами, въ Австріи проявляется между вѣрованіями. Ультрамонтаны, видя, что имперія начинаетъ склоняться къ равноправности всѣхъ своихъ подданныхъ въ политическомъ отношеніи, задумали взять верхъ въ отношеніи религіозномъ и средствомъ къ этому вздумали избрать празднованіе тысячелѣтней памяти св. Меѳодія въ Велеградѣ. 6-го апрѣля, въ городѣ, гдѣ умеръ въ 885 году святитель, всю жизнь боровшійся противъ латинскаго языка, его прославляли на этомъ языкѣ, не допуская служить литургію на славянскомъ языкѣ, захвативъ, полицейскими мѣрами, во Львовѣ жизнеописанія св. Кирилла и Меѳодія съ ихъ изображеніями, присланныя изъ Петербурга для раздачи подписчикамъ русинской газеты „Проломъ". Самый нумеръ газеты, гдѣ говорилось о значеніи этого праздника для славянъ, былъ конфискованъ. Но всѣ эти мѣры ни къ чему не послужили: славяне, даже католики, не явились въ Велеградъ, не желая участвовать въ протестѣ противъ православія и Россіи—и торжество, подготовляемое съ такими демонстраціями, не удалось.

НОВЫЯ КНИГИ.

Фаминцынъ, А. С. **Божества древнихъ славянъ.** Выпускъ I. Спб. 1884. Ц. 3 р.

Авторъ этого изслѣдованія приведенъ къ своему предмету чисто случайнымъ сцѣпленіемъ обстоятельствъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, онъ поставилъ себѣ задачею изслѣдовать вопросъ о пѣснопѣніи древнихъ славянъ-язычниковъ. Для разрѣшенія этой задачи потребовалось предварительно нѣсколько ближе вглядѣться въ тѣ условія, при которыхъ славянинъ-язычникъ могъ проявлять, и дѣйствительно проявлялъ поэтически-музыкальную дѣятельность,—ознакомиться съ тѣми сторонами его общественной и частной жизни, которыя могли давать поводъ къ поэтическому и музыкальному выраженію его чувствованій, побуждать его къ музыкальнымъ упражненіямъ, хотя-бы въ самыхъ элементарныхъ формахъ. Вслѣдствіе этого г. Фаминцынъ и занялся изученіемъ наиболѣе темнаго и спутаннаго отдѣла славянскихъ древностей, именно—славянской миѳологіей. Плодомъ этого изученія вышла довольно объемистая книга, которую авторъ скромно называетъ „статьею" и въ которой собраны и приведены въ систему свѣдѣнія, почерпнутыя изъ всевозможныхъ источниковъ, старыхъ и

новыхъ,—изъ лѣтописей, произведеній народной поэзіи, памятниковъ древней письменности, ученыхъ изслѣдованій и т. д. О славянской миѳологіи вообще и о различныхъ частныхъ вопросахъ, имѣющихъ къ ней отношеніе, было написано немало,—и едва ли въ какой нибудь другой области славяновѣдѣнія было высказано столько противорѣчащихъ другъ другу взглядовъ, самыхъ произвольныхъ догадокъ и толкованій, ни на чемъ не основанныхъ сближеній и аналогій, какъ именно здѣсь. Дѣло въ томъ, что здѣсь въ распоряженіи изслѣдователя находится слишкомъ мало фактовъ, на которые онъ могъ бы опираться, какъ на несомнѣнные; поэтому, естественное желаніе расширить область изслѣдованія нерѣдко заставляетъ искать миѳологію тамъ, гдѣ, на самомъ дѣлѣ, ея вовсе нѣтъ, порождаетъ увлеченіе субъективнымъ методомъ и отводитъ отъ строго научнаго пути. Въ этихъ дебряхъ и до г. Фаминцына заблудилось немало ученыхъ,—и ему также не удалось выбраться изъ нихъ на свѣтъ, отчасти по ихъ непроходимости, отчасти же и по своей собственной винѣ.

Научная разработка миѳовъ ведетъ свое начало съ знаменитаго труда Якова Гримма: „Германская миѳологія“. Въ этомъ трудѣ Гриммъ явился своего рода Колумбомъ, открывшимъ новую, до тѣхъ поръ неизвѣдомую область, и—что было вполнѣ естественно при тогдашнемъ положеніи науки—придалъ своему методу изслѣдованія слишкомъ широкое и слишкомъ исключительное значеніе. Этотъ методъ—сравнительно-историческій—заключался въ стремленіи привести всю народную поэзію въ сказкѣ, пѣснѣ, былинѣ, загадкѣ, къ одному общему миѳологическому знаменателю, все объяснить остатками языческаго, первобытнаго міросозерцанія. Послѣдователи Гримма, въ числѣ которыхъ были и наши ученые, занявшіеся разработкою народной поэзіи,—Буслаевъ, Аѳанасьевъ и мн. др., довели примѣненіе этого метода до такихъ широкихъ предѣловъ, что неминуемо должны были вызвать отпоръ со стороны ученыхъ, строже державшихся критическаго анализа и требовавшихъ бо́льшей осмотрительности въ аналогіяхъ. Въ концѣ концовъ, гриммовскому методу были положены должные предѣлы и изученіе народной поэзіи вступило на новый, реальный путь; „царству миѳологіи“ пришелъ конецъ; но изученіе дѣйствительно миѳологическихъ фактовъ не только не подвинулось впередъ, но стало еще труднѣе, чѣмъ прежде. Въ самомъ дѣлѣ, отъ изслѣдователя, который стоялъ бы на высотѣ современныхъ научныхъ требованій и не поддавался бы яркимъ приманкамъ фантазіи, которыми въ этомъ случаѣ очень легко увлечься, требуется величайшая осмотрительность, строгая, педантически-мелочная критика и солидная филологическая и историческая подготовка. Этими качествами, которыя въ наше время и вообще встрѣчаются не особенно часто, а у насъ, на Руси, и совсѣмъ рѣдко, г. Фаминцынъ не *обладаетъ* въ той мѣрѣ, въ какой они необходимы для того, чтобы хоть *нѣсколько* освѣтить темную область славянской миѳологіи. Авторъ книги

о божествахъ древнихъ славянъ—не болѣе, какъ трудолюбивый диллетантъ, много читавшій и кропотливо дѣлавшій выписки изъ массы книгъ и статей, далеко не всегда отдавая себѣ отчетъ въ ихъ научномъ достоинствѣ. Въ результатѣ получилось множество данныхъ, годныхъ и негодныхъ, которыя всѣ свалены въ одну кучу. Г. Фаминцынъ prend son bien partout où il le trouve: ему все равно, что̀ памятникъ письменности, что̀ народная пѣсня; лѣтописи для него имѣютъ такую же цѣну, какъ показанія завѣдомаго враля Стрыйковскаго или какъ Краледворская рукопись, на которую, при нынѣшнемъ положеніи вопроса о ея происхожденіи, ни одинъ серьезный изслѣдователь не позволитъ себѣ ссылаться. Ягичъ и Веселовскій цитируются наряду съ Аѳанасьевымъ и Сахаровымъ и пользуются одинаковою съ ними степенью довѣрія; Анна, упоминаемая въ малороссійскихъ колядкахъ, признается за славянское божество и сравнивается съ древне-италійскою Anna Perenna, и т. д. Словомъ, въ трудѣ г. Фаминцына очень много начитанности, но также много и диллетантскихъ увлеченій и слишкомъ мало того, чего въ подобныхъ работахъ должно бы быть всего больше: слишкомъ мало научной критики. Впрочемъ, за неимѣніемъ другаго свода извѣстій о славянской миѳологіи, и вообще миѳологическихъ данныхъ, трудъ этотъ все таки заслуживаетъ полнаго вниманія. Онъ можетъ быть очень полезенъ для начинающаго еще и потому, что на немъ наглядно можно убѣдиться во всѣхъ недостаткахъ субъективнаго метода въ научной работѣ и увидѣть результаты, къ которымъ приводитъ недостаточное вниманіе къ требованіямъ критики. Не соглашаясь съ авторомъ въ оцѣнкѣ собранныхъ имъ фактовъ, въ пріемахъ и выводахъ его изслѣдованія, все таки нужно поблагодарить его за полноту—даже излишнюю—собраннаго имъ матеріала.

Книга о божествахъ древнихъ славянъ, второй выпускъ которой, по обѣщанію автора, долженъ выйти въ свѣтъ въ непродолжительномъ времени, составляетъ какъ бы введеніе къ другому, болѣе обширному труду: „Пѣсни и отражающіеся въ нихъ обряды и обычаи древнихъ славянъ“. Въ составъ этого труда авторъ предполагаетъ включить изслѣдованія о праздникахъ, обрядахъ, молитвахъ, стихосложеніи и музыкальномъ составѣ пѣсенъ древнихъ славянъ.

Каблуковъ, Н. **Вопросъ о рабочихъ въ сельскомъ хозяйствѣ.** М. 1884. Ц. 2 р.

Извѣстно, что наши землевладѣльцы, ведущіе свое хозяйство при помощи наемнаго труда, постоянно указываютъ на разныя препятствія, поставляемыя успѣшному развитію сельскаго хозяйства со стороны рабочихъ. Жалобы на это не перестаютъ раздаваться съ самаго момента освобожденія крестьянъ и какъ бы служатъ подтвержденіемъ тѣхъ опасеній, которыя высказывались многими землевладѣльцами, какъ только зашла рѣчь *объ „улучшеніи быта* помѣщичьихъ крестьянъ“. Такія повсемѣстно повто-

нику Индіи заявить ему свою дружбу, въ тѣхъ же газетахъ являются офиціальныя сообщенія о перевозкѣ въ Индію изъ Египта остававшагося тамъ восьмитысячнаго корпуса англо-египетскихъ войскъ. Но если индусы съ такой готовностью сбираются защищать англичанъ противъ русскихъ, на что же понадобилось: ничтожный по численности отрядъ выводить изъ Египта, оставляя страну во власти побѣдившаго англичанъ махди и тайнаго врага ихъ хедива?

Собирая серьезные отзывы болѣе значительныхъ газетъ, нельзя не остановиться на слѣдующихъ словахъ органа англійскаго министерства „Daily News“: „признаемся, мы не понимаемъ, какимъ образомъ дѣло можетъ обойтись безъ войны, если Россія не откажется отъ своихъ притязаній. Если эмиръ обратится къ Англіи съ требованіемъ защитить его противъ русскаго вторженія, Англія, конечно, не можетъ ему отказать въ этомъ — и тогда театръ войны не ограничится одною только Азіею.“ Въ послѣднихъ словахъ опять угроза, и „Kölnische Zeitung“ совершенно напрасно утверждаетъ, что въ Англіи перестали думать о возможности войны. Напротивъ, толкуя о русскихъ притязаніяхъ, англичане даже не заикаются о необходимости умѣрить притязанія Англіи. „Pall Mall“ одна говоритъ, что еслибы русское правительство послѣдовало недавнему примѣру германскаго въ вопросѣ о колоніальной политикѣ и опубликовало свою дипломатическую переписку по афганскому вопросу, Англія получила бы о немъ совершенно иное понятіе, чѣмъ то, которое навязываетъ странѣ большинство газетъ: всѣ захваты Россіею Пуль-и-Хатума, Зюльфакара, Ак-робата, Пуль-и-Хисти — были только отвѣтомъ на движеніе афганцевъ въ спорную территорію. Провинціальныя англійскія газеты почти всѣ—противъ войны. Нѣмецкія газеты приняли въ послѣднее время ужь черезчуръ успокоительный тонъ и твердятъ, что войны не будетъ, а „Nazional Zeitung“ утверждаетъ, что Англія пошла на уступки. Французская газета „Gaulois“ объявляетъ, что Англія готова уступить Пенде. „Daily Telegraph“ идетъ еще дальше въ измышленіяхъ о причинахъ распри въ туркменскихъ степяхъ и видитъ въ ней начало борьбы съ Англіей изъ-за Дарданеллъ и Босфора. Свои мнѣнія газета приписываетъ какому-то русскому сановнику, приближенному ко двору, выразившемуся будто такимъ образомъ: „Не думайте, что мы нуждаемся въ Константинополѣ ради религіозныхъ, историческихъ или другихъ тому подобныхъ сантиментальныхъ причинъ. Наша единственная цѣль—имѣть въ своихъ рукахъ проходы въ Черное море. Но такъ какъ невозможно завладѣть Дарданеллами, не обладая Босфоромъ и фортами по обоимъ берегамъ его, то мы должны употребить всѣ усилія, чтобы взять ихъ въ свои руки. А такъ какъ этому мѣшаетъ Англія, то мы и становимся во враждебныя отношенія *къ ней*.“ Англійская газета „Observer“ сообщила еще страннѣе свѣдѣнія, *которыя* тотчасъ же поспѣшила опровергнуть бисмарковская „Norddeutsche *Zeitung*“. Газета утверждаетъ, что изъ Петербурга было сдѣлано предло-

о божествахъ древнихъ славянъ—не болѣе, какъ трудолюбивый диллетантъ, много читавшій и кропотливо дѣлавшій выписки изъ массы книгъ и статей, далеко не всегда отдавая себѣ отчетъ въ ихъ научномъ достоинствѣ. Въ результатѣ получилось множество данныхъ, годныхъ и негодныхъ, которыя всѣ свалены въ одну кучу. Г. Фаминцынъ prend son bien partout où il le trouve: ему все равно, что памятникъ письменности, что народная пѣсня; лѣтописи для него имѣютъ такую же цѣну, какъ показанія завѣдомаго враля Стрыйковскаго или какъ Краледворская рукопись, на которую, при нынѣшнемъ положеніи вопроса о ея происхожденіи, ни одинъ серьезный изслѣдователь не позволитъ себѣ ссылаться. Ягичъ и Веселовскій цитируются наряду съ Аѳанасьевымъ и Сахаровымъ и пользуются одинаковою съ ними степенью довѣрія; Анна, упоминаемая въ малороссійскихъ колядкахъ, признается за славянское божество и сравнивается съ древне-италійскою Anna Perenna, и т. д. Словомъ, въ трудѣ г. Фаминцына очень много начитанности, но также много и диллетантскихъ увлеченій и слишкомъ мало того, чего въ подобныхъ работахъ должно бы быть всего больше: слишкомъ мало научной критики. Впрочемъ, за неимѣніемъ другаго свода извѣстій о славянской миѳологіи, и вообще миѳологическихъ данныхъ, трудъ этотъ все таки заслуживаетъ полнаго вниманія. Онъ можетъ быть очень полезенъ для начинающаго еще и потому, что на немъ наглядно можно убѣдиться во всѣхъ недостаткахъ субъективнаго метода въ научной работѣ и увидѣть результаты, къ которымъ приводитъ недостаточное вниманіе къ требованіямъ критики. Не соглашаясь съ авторомъ въ оцѣнкѣ собранныхъ имъ фактовъ, въ пріемахъ и выводахъ его изслѣдованія, все таки нужно поблагодарить его за полноту—даже излишнюю—собраннаго имъ матеріала.

Книга о божествахъ древнихъ славянъ, второй выпускъ которой, по обѣщанію автора, долженъ выйти въ свѣтъ въ непродолжительномъ времени, составляетъ какъ бы введеніе къ другому, болѣе обширному труду: „Пѣсни и отражающіеся въ нихъ обряды и обычаи древнихъ славянъ". Въ составъ этого труда авторъ предполагаетъ включить изслѣдованія о праздникахъ, обрядахъ, молитвахъ, стихосложеніи и музыкальномъ составѣ пѣсенъ древнихъ славянъ.

Каблуковъ, Н. **Вопросъ о рабочихъ въ сельскомъ хозяйствѣ.** М. 1884. Ц. 2 р.

Извѣстно, что наши землевладѣльцы, ведущіе свое хозяйство при помощи наемнаго труда, постоянно указываютъ на разныя препятствія, поставляемыя успѣшному развитію сельскаго хозяйства со стороны рабочихъ. Жалобы на это не перестаютъ раздаваться съ самаго момента освобожденія крестьянъ и какъ бы служатъ подтвержденіемъ тѣхъ опасеній, которыя высказывались многими землевладѣльцами, какъ только зашла рѣчь объ „улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ". Такія повсемѣстно повто-

который сбираются дать Англіи за ея макіавелизмъ и высокомѣріе. Но „United Ireland“ сообщаетъ, сверхъ того, о существованіи въ Индіи многочисленной партіи „Молодой Индіи“, поставившей своей задачею свергнуть владычество Англіи. Партія эта сочувствуетъ Ирландіи, махди, русскимъ и только выжидаетъ дня, когда ихъ вѣковые притѣснители двинутся на границу страны, чтобы, въ тылу ихъ, поднять знамя освобожденія. Наконецъ, американская газета „New-York Herald“ прямо объявляетъ: „Такъ какъ русскіе подчинили себѣ Мервъ и всѣ туркменскія племена, то имъ должна принадлежать и вся территорія между Мургабомъ и Герирудомъ, вплоть до границы Афганистана“.

Таковы сужденія главнѣйшихъ органовъ общественнаго мнѣнія. Почти всѣ они, за исключеніемъ нѣсколькихъ англійскихъ и венгерскихъ газетъ, порицаютъ дѣйствія Англіи въ поднятомъ ею спорѣ и въ намѣреніи рѣшить его войною. Но какъ же иначе рѣшить его, если Россія не можетъ исполнить несправедливыхъ требованій? „Pall Mall“ говоритъ, что никакъ нельзя ожидать, чтобы генералы Лемсденъ и Зеленый сошлись въ опредѣленіи границы, и всѣ работы комиссіи будутъ безполезны. Остается, стало быть, одно средство, о которомъ уже и представили англійскому правительству до восьмидесяти членовъ парламента: именно о предоставленіи рѣшить споръ третьей, не заинтересованной въ немъ сторонѣ. Органы англійскихъ шовинистовъ „джинго“, упоминая о предложеніи этого средства, не совѣтуютъ соглашаться на него, сознаваясь откровенно, что въ подобныхъ случаяхъ третейскій судъ былъ бы всегда не на сторонѣ Англіи. Поэтому для многихъ война кажется неизбѣжною. Грозовыя тучи скопились до того, что политическая атмосфера сдѣлалась душною. Громовый ударъ очиститъ ее, но сколько бѣдствій принесетъ онъ!..

Неожиданная гроза разразилась и надъ Франціею. Послѣ блистательныхъ—по бюлетенямъ—побѣдъ французовъ въ Тонкинѣ, послѣ занятія Лангсона и почти всѣхъ пограничныхъ съ Китаемъ крѣпостей, небольшой отрядъ генерала Негріе, окруженный значительными силами китайцевъ, долженъ былъ очистить и Лангсонъ и всю сѣверную границу Тонкина, и со своимъ раненымъ генераломъ отступить поспѣшно къ самому устью Красной рѣки, подъ защиту своего флота. Вся компанія была разомъ проиграна послѣ одного неудачнаго сраженія, и Брієръ-де-Лиль телеграфировалъ, что безъ присылки подкрѣпленій не можетъ возобновить военныхъ дѣйствій. Извѣстіе это было тѣмъ неожиданнѣе, что предшествовавшія депеши говорили о побѣдахъ французовъ. 23-го марта Негріе, въ главѣ своего отряда, дошелъ до границы китайской провинціи Куанг-Си и взорвалъ на границѣ каменную заставу, называемую „воротами Китая“; потомъ онъ аттаковалъ, также на границѣ, у Банг-Ко, укрѣпленный китайскій лагерь и взялъ передовыя укрѣпленія; но на другой день китайцы сами перешли въ наступленіе и, отбросивъ французовъ къ Донг-Сону, начали тѣснить ихъ до того, что тѣ, отступая перехъ

визнѣ рабочихъ рукъ, что тамъ мы не встрѣтимся съ подобными жалобами со стороны землевладѣльцевъ.

Но вотъ авторъ разсматриваемой нами книги, основательно занявшись изслѣдованіемъ экономическихъ условій сельско-хозяйственнаго производства въ Германіи, Англіи и Франціи, изучивъ эти условія по источникамъ, не допускающимъ никакихъ сомнѣній, пришелъ къ выводу, для многихъ совершенно неожиданному: оказалось, что на западѣ вопросъ о наемномъ трудѣ въ сельскомъ хозяйствѣ поставленъ гораздо рѣзче и рельефнѣе, чѣмъ у насъ, и что въ Англіи,—въ той самой Англіи, въ которую такъ любятъ тыкать пальцемъ наши противники крестьянскихъ надѣловъ и въ которой они видятъ какое-то помѣщичье Эльдорадо, этотъ самый вопросъ поставленъ еще рѣзче, чѣмъ гдѣ нибудь, и жалобъ на недостатокъ, плохое качество и дороговизну рабочихъ рукъ—просто не оберешься. Ясно, стало быть, что этотъ вопросъ—вовсе не мѣстный и не спеціально русскій, а имѣетъ характеръ явленія, свойственнаго всѣмъ странамъ, въ которыхъ сельское хозяйство держится наемнымъ трудомъ. Убѣдившись въ основательности этого общаго положенія, авторъ задался цѣлью выяснить, именно на примѣрѣ Англіи, экономическія условія развитія сельскаго хозяйства при данномъ отношеніи различныхъ факторовъ производства, — и выполнилъ эту задачу съ полнымъ знаніемъ дѣла и добросовѣстностью, придающими его труду серьезное значеніе, и теоретически-научное, и практическое. Авторъ разсматриваетъ современное положеніе сельскаго хозяйства въ Англіи; затѣмъ, сдѣлавъ краткій очеркъ сельско-хозяйственныхъ кризисовъ въ Англіи въ теченіе настоящаго столѣтія, переходитъ къ жалобамъ англійскихъ землевладѣльцевъ на дороговизну, недостатокъ и низкое качество рабочаго труда, разбираетъ различныя законодательныя попытки обезпеченія фермъ необходимымъ и дешевымъ трудомъ, изслѣдуетъ особенности сельско-хозяйственнаго производства, стараясь опредѣлить ихъ экономическое значеніе, и наконецъ излагаетъ исторію новаго движенія сельскихъ рабочихъ въ Англіи и его послѣдствія. Мы не имѣемъ возможности подробно слѣдить за авторомъ въ ходѣ его работы, представляющей массу любопытныхъ и весьма поучительныхъ данныхъ, которыя заслуживаютъ серьезнаго вниманія со стороны всѣхъ интересующихся народно-хозяйственными вопросами; приведемъ здѣсь только общее заключеніе, къ которому приходитъ г. Каблуковъ въ своемъ изслѣдованіи.

Заключеніе это сводится къ тому, что въ настоящее время разница между содержаніемъ рабочаго и получаемою отъ него прибылью увеличивается—въ мануфактурѣ и, наоборотъ, уменьшается—въ земледѣліи. Условія оказываются, такимъ образомъ, для обоихъ производствъ далеко не одинаковыми. При плохомъ содержаніи, сельскій рабочій, организмъ котораго не можетъ выносить такого содержанія, идетъ въ городъ, на фабрику, а для земледѣлія остается такой, организмъ котораго требуетъ мень-

первыми, почти отчаянными депешами началъ присылать успокоительныя, о томъ, что китайцы и не думаютъ его преслѣдовать, что полковникъ Гербенже, принявшій начальство надъ отрядомъ, слишкомъ поторопился очистить Лангсонъ и отступить отъ Донгсона, когда въ этомъ не предстояло надобности—за что и былъ смѣненъ въ командованіи войскомъ. Въ то же время разнеслось извѣстіе, что низвергнутый министръ успѣлъ уже заключить миръ съ Китаемъ на основаніи Тянь-цзинскаго договора, только безъ уплаты военныхъ издержекъ, и что въ Пекинѣ вышелъ императорскій указъ, приказывающій очистить весь Тонкинъ отъ китайскихъ войскъ. Дѣйствительно, мирные переговоры съ Китаемъ возобновились передъ самымъ паденіемъ министерства, но они, вѣроятно, только новая уловка со стороны китайцевъ, желающихъ выиграть время и обмануть французовъ, хотя Срединная имперія склоняется къ миру съ варварами, потому что въ ней самой возникло возмущеніе: въ Кашгарѣ сынъ покойнаго хана Якубъ-бека поднялъ мусульманъ противъ китайскихъ властей. Объ этомъ возстаніи получены, впрочемъ, еще очень сбивчивыя извѣстія.

Не легко было Жюлю Греви составить новое министерство. Выдающихся государственныхъ дѣятелей вовсе нѣтъ во Франціи. Къ радикальной партіи президентъ не рѣшился прибѣгнуть; она возбудила бы опасенія въ Европѣ и не нашла бы себѣ опоры въ большинствѣ палаты, составленной все таки преимущественно изъ собственниковъ-буржуа, не расположенныхъ къ соціальнымъ реформамъ. Представителемъ ихъ былъ Жюль Ферри, содѣйствовавшій много къ утвержденію порядка въ республикѣ, къ установленію между нею и ея сосѣдями добрыхъ отношеній, но даже не пытавшійся сколько нибудь измѣнить крупные недостатки общественнаго строя во Франціи. Держась во всемъ умѣренности, компромиссовъ, золотой середины, Ферри приходился какъ разъ по плечу буржуазному большинству палаты, слѣпо вотировавшей всѣ его законопроэкты, не отличавшіеся энергическими мѣрами, которыя онъ принималъ только противъ анархическихъ вспышекъ. Онъ и въ войнѣ съ Китаемъ держался той же осторожности, постепенности, отправляя на театръ войны ничтожныя силы, испрашивая незначительныя суммы на военныя издержки. И палата, поддерживавшая его, пока дѣла шли относительно недурно, покинула его при первой, нѣсколько крупной неудачѣ, потерявъ голову, какъ потерялъ ее и онъ самъ, и его плохіе генералы, и умѣренные министры. И тѣ же буржуа, которые наканунѣ 29-го марта шли, какъ бараны, за первымъ министромъ, первые кричали ему въ этотъ день: A bas Ferry! à la porte! какъ будто онъ виноватъ въ томъ, что система его управленія, которую больше двухъ лѣтъ находили превосходною, оказалась несостоятельною, когда потребовались рѣшительныя, энергическія мѣры. Если нерѣшительность и медленность Ферри заслуживали осужденія, все таки не слѣдовало прогонять съ

представило сколько нибудь обстоятельный разборъ ихъ? А между тѣмъ г. Цвѣтъ, въ короткій промежутокъ времени, издалъ пять выпусковъ статей: „По вопросамъ государственнаго хозяйства“ (о русской валютѣ, питейномъ дѣлѣ, промысловомъ налогѣ и налогѣ съ недвижимыхъ имуществъ, объ организаціи государственнаго счетоводства, 1879); отдѣльное изслѣдованіе: „Деньги XX вѣка“ (1882), разборъ книги „Землевладѣніе и земледѣліе“ князя Васильчикова, брошюру „Къ исторіи русскаго нигилизма“ (по поводу „Отцовъ и дѣтей“ Тургенева, 1880 г.); политическое изслѣдованіе: „Россія и Англія въ восточномъ вопросѣ“. Два сочиненія его: „Спиритизмъ и спириты“ и „Новые реформаторы о четырехъ измѣреніяхъ въ религіи и наукѣ“ опровергаютъ модную и нелѣпую ересь, поддерживаемую даже двумя петербургскими профессорами; наконецъ послѣдній трудъ автора представляетъ подробный разборъ и основательную оцѣнку замѣчательнаго сочиненія американца Генри Джорджа „Прогрессъ и бѣдность“, принятаго сочувственно публикою и серьезною періодическою печатью Европы и Америки. Между тѣмъ, въ послѣднемъ Глазуновскомъ каталогѣ за 1873—1881 годъ нѣтъ даже и имени г. Цвѣта. Habent sua fata libelli.

О книгѣ Джорджа было сказано нѣсколько словъ въ нашихъ періодическихъ изданіяхъ. Мы говорили объ ней по поводу рѣчи автора на митингѣ въ Лондонѣ, гдѣ этотъ журналистъ и пламенный трибунъ, бывшій рабочій и наборщикъ, громилъ ложное направленіе современныхъ экономическихъ теорій. Г. Цвѣтъ не представляетъ систематическаго разбора книги, а дѣлаетъ оцѣнку только ея главныхъ выводовъ. Онъ начинаетъ съ перевода одной изъ самыхъ важныхъ главъ: о томъ, какимъ образомъ можетъ обратиться вспять современная цивилизація, и изслѣдуетъ основныя положенія какъ этой главы, такъ и всего сочиненія. Причину паденія всѣхъ прежнихъ цивилизацій, до римской включительно, Джорджъ видитъ въ возрастающей неравномѣрности распредѣленія богатства и власти, неравномѣрности, угрожающей и современному общественному строю. Коренныя условія общественнаго прогресса, по мнѣнію Джорджа, заключаются въ ассоціаціи и равноправности. Какъ гражданинъ могущественной заатлантической республики, авторъ видитъ въ ней, конечно, идеалъ правленія, восторгается не только тѣмъ, что въ Соединенныхъ Штатахъ каждый мальчикъ можетъ быть президентомъ, но и тѣмъ, что тамъ часто мѣняются чиновники, съ перемѣнами по общественному избранію, такъ какъ эти перемѣны мѣшаютъ возникновенію бюрократіи. Джорджъ говоритъ: „общее стремленіе современной цивилизаціи, съ разсвѣта ея изъ мрака средневѣковаго варварства, было направлено къ установленію политической и гражданской равноправности, къ уничтоженію рабства и крѣпостной зависимости, устраненію наслѣдственныхъ привилегій, замѣнѣ въ правительствѣ произвола народнымъ представительствомъ, къ одинаковому для всѣхъ обезпеченію личности и собственности, свободы труда и передвиженія, слова и печати“. Но онъ не ослѣпляется

мыслей (какъ, напр., съ выраженной на стр. 69-й) нельзя согласиться, но вообще знакомство съ книгою принесетъ несомнѣнную пользу не только мыслителю, но и всякому, кто слѣдитъ за „проклятыми вопросами", составляющими современную злобу дня. Къ недостаткамъ книги принадлежитъ отсутствіе въ ней всякихъ дѣленій на рубрики, резюмированія выводовъ, общихъ тезисовъ, даже простаго оглавленія. Сверхъ того, слѣдовало бы избѣгать неологизмовъ въ родѣ: дрессуры, сингуляризма, принципіализма, диктона, тауматургической религіи и т. п.

Сказки Мельпомены, шесть разсказовъ *А. Чехонте*. Москва. 1884.

Авторъ этихъ разсказовъ придалъ имъ несоотвѣтственное названіе: всѣ они взяты изъ міра театра, но къ музѣ трагедіи не имѣютъ никакого отношенія; ихъ могла скорѣе передать муза комедіи, веселая Талія, такъ какъ въ нихъ преобладаетъ комическій или юмористическій элементъ. Написаны эти разсказы недурно, читаются легко; содержаніе ихъ и выведенные въ нихъ типы близки къ дѣйствительной жизни. Лучшій разсказъ „Онъ и она"—исторія пѣвицы и ея мужа, исторія простая, обыденная, но весьма типичная по своимъ подробностямъ. Она—знаменитая, устарѣлая, некрасивая, безсердечная, но замѣчательная актриса, обладающая превосходнымъ голосомъ, хотя не первой свѣжести. Онъ — не болѣе, какъ „мужъ своей жены", кассиръ, фактотумъ ея, ведущій переговоры съ антрепренерами, заключающій контракты, ангажементы и т. п. Въ то же время онъ пьяница, игрокъ, лѣнтяй, но любитъ искусство и свою жену, между тѣмъ какъ она ничего не любитъ и вышла за него замужъ только потому, что прежніе импрессаріо ее обкрадывали, а онъ влюбился въ нее и останавливаетъ ее, когда она начинаетъ пить. Жизнь этихъ людей, связанныхъ между собою мелкими интересами, не лишена драматизма. Въ разсказѣ „Трагикъ" молоденькая дочь исправника влюбляется въ провинціальнаго странствующаго актера, бѣжитъ съ нимъ, выходитъ за него замужъ, дѣлается актрисой, не имѣя никакого таланта, бѣдствуетъ, ведя скитальческую жизнь, пишетъ къ отцу, отказавшемуся отъ своей дочери: „папа! онъ бьетъ меня! прости насъ, дай намъ денегъ".—„Баронъ"—исторія суфлера, страдающаго, когда бездарный актеръ ломаетъ Лира или Гамлета, и выгоняемаго изъ театра за то, что изъ своей будки началъ самъ читать монологъ за актера. „Месть"—простой анекдотъ о томъ, какъ комикъ, желая отомстить актрисѣ въ день ея бенефиса, вывѣсилъ у кассы надпись „всѣ билеты проданы" и этимъ лишилъ ее сбора. „Два скандала"—исторія любви хористки къ капельмейстеру, который сначала живетъ съ ней, потомъ выгоняетъ ее за то, что она фальшивитъ и однажды произвела скандалъ въ театрѣ, оставшись на сценѣ, когда поднялся занавѣсъ. Потомъ она дѣлается хорошей пѣвицей, и онъ, дирижируя оркестромъ и узнавъ ее, въ свою очередь *теряется*, путаетъ музыкантовъ, останавливаетъ представленіе. Послѣдній

разсказъ: „Жены артистовъ“—довольно забавная карикатура на бездарныхъ писателей, живописцевъ, актеровъ, пѣвцовъ, скульпторовъ.

Положеніе желѣзнодорожнаго инженера передъ обществомъ и судомъ, составилъ *Н. Марковъ*. Москва. 1884.

Въ каждомъ обществѣ во всѣ эпохи были профессіи, занятія, цѣлыя сословія, не пользовавшіяся расположеніемъ общества. Было время, когда, напримѣръ, солдаты возбуждали ужасъ въ мирномъ гражданинѣ—и это весьма понятно: не говоря уже о среднихъ вѣкахъ, войны у всѣхъ народовъ, до позднѣйшаго времени, соединялись съ грабежемъ и насиліемъ всякаго рода. Профессіи палача, шпіона, доносчика никогда и нигдѣ не считались заслуживающими уваженія. У насъ земскіе ярыжки, подьячіе, квартальные, даже судьи и помѣщики стараго времени оставили послѣ себя незавидную извѣстность. Подвиги таможенныхъ, комисаріатскихъ, провіантскихъ чиновниковъ возбуждали общественное негодованіе; двѣ послѣднія категоріи были заклеймены самимъ правительствомъ еще при Александрѣ I, но и при Александрѣ II, въ новомъ званіи интендантовъ, пріобрѣли далеко не почетную славу. При Николаѣ I, подобной же репутаціей пользовались устроители всякаго рода путей на водѣ и сушѣ, носившіе въ обществѣ кличку „путейцевъ“. Когда же обычные пути сообщенія замѣнились желѣзными—та же извѣстность пала и на желѣзнодорожныхъ инженеровъ. Блистательные подвиги ихъ по части сокрушенія реберъ своихъ согражданъ засвидѣтельствованы въ послѣднее время не только голосомъ народа, но и судебными приговорами. И противъ этихъ-то приговоровъ, этого народнаго гласа, возстаетъ г. Марковъ, называя ихъ несправедливыми. Эпиграфомъ къ своей брошюрѣ онъ взялъ стихъ изъ Притчей: „Невѣрные вѣсы—противны Іеговѣ“, тогда какъ къ ней гораздо лучше идутъ слова Мольера: „Vous êtes orfèvre, Monsieur Josse?“ И почему же г. Марковъ полагаетъ, что его собственные и вообще путейскіе вѣсы вѣрнѣе судейскихъ? Онъ горячо возстаетъ противъ „упорнаго убѣжденія“ общества, что желѣзныя дороги, „составляя государство въ государствѣ, остаются безъ обузданія своего произвола и, дѣлая, что̀ хотятъ, въ сущности являются шайкою эксплуататоровъ“. Отчего же г. Маркову не приходитъ въ голову, что это „упорное убѣжденіе“ не можетъ же утвердиться безъ причины, что дыма безъ огня не бываетъ? И развѣ не доказываютъ офиціальныя правительственныя изслѣдованія самый необузданный произволъ, самую наглую эксплуатацію главныхъ желѣзнодорожныхъ обществъ? Инженеровъ путей сообщенія, работающихъ на частныхъ желѣзныхъ дорогахъ, общество наше обвиняетъ въ потворствѣ этому произволу и эксплуатаціи. Г. Марковъ причисляетъ къ этой группѣ 350 человѣкъ,—ему лучше знать счетъ,—и говоритъ, что еще 20 лѣтъ тому назадъ каждое разрѣшеніе о постройкѣ желѣзной дороги считалось способнымъ поднять благосостояніе края, а теперь „общество въ лицѣ печати видитъ въ этихъ *дорогахъ обузу для* государства, а въ лицѣ ихъ дѣятелей и въ

мыслей (какъ, напр., съ выраженной на стр. 69-й) нельзя согласиться, но вообще знакомство съ книгою принесетъ несомнѣнную пользу не только мыслителю, но и всякому, кто слѣдитъ за „проклятыми вопросами", составляющими современную злобу дня. Къ недостаткамъ книги принадлежитъ отсутствіе въ ней всякихъ дѣленій на рубрики, резюмированія выводовъ, общихъ тезисовъ, даже простаго оглавленія. Сверхъ того, слѣдовало бы избѣгать неологизмовъ въ родѣ: дрессуры, сингуляризма, принципіализма, диктона, тауматургической религіи и т. п.

Сказки Мельпомены, шесть разсказовъ *А. Чехонте*. Москва. 1884.

Авторъ этихъ разсказовъ придалъ имъ несоотвѣтственное названіе: всѣ они взяты изъ міра театра, но къ музѣ трагедіи не имѣютъ никакого отношенія; ихъ могла скорѣе передать муза комедіи, веселая Талія, такъ какъ въ нихъ преобладаетъ комическій или юмористическій элементъ. Написаны эти разсказы недурно, читаются легко; содержаніе ихъ и выведенные въ нихъ типы близки къ дѣйствительной жизни. Лучшій разсказъ „Онъ и она"—исторія пѣвицы и ея мужа, исторія простая, обыденная, но весьма типичная по своимъ подробностямъ. Она—знаменитая, устарѣлая, некрасивая, безсердечная, но замѣчательная актриса, обладающая превосходнымъ голосомъ, хотя не первой свѣжести. Онъ — не болѣе, какъ „мужъ своей жены", кассиръ, фактотумъ ея, ведущій переговоры съ антрепренерами, заключающій контракты, ангажементы и т. п. Въ то же время онъ пьяница, игрокъ, лѣнтяй, но любитъ искусство и свою жену, между тѣмъ какъ она ничего не любитъ и вышла за него замужъ только потому, что прежніе импрессаріо ее обкрадывали, а онъ влюбился въ нее и останавливаетъ ее, когда она начинаетъ пить. Жизнь этихъ людей, связанныхъ между собою мелкими интересами, не лишена драматизма. Въ разсказѣ „Трагикъ" молоденькая дочь исправника влюбляется въ провинціальнаго странствующаго актера, бѣжитъ съ нимъ, выходитъ за него замужъ, дѣлается актрисой, не имѣя никакого таланта, бѣдствуетъ, ведя скитальческую жизнь, пишетъ къ отцу, отказавшемуся отъ своей дочери: „папа! онъ бьетъ меня! прости насъ, дай намъ денегъ".—„Баронъ"—исторія суфлера, страдающаго, когда бездарный актеръ ломаетъ Лира или Гамлета, и выгоняемаго изъ театра за то, что изъ своей будки началъ самъ читать монологъ за актера. „Месть"—простой анекдотъ о томъ, какъ комикъ, желая отомстить актрисѣ въ день ея бенефиса, вывѣсилъ у кассы надпись „всѣ билеты проданы" и этимъ лишилъ ее сбора. „Два скандала"—исторія любви хористки къ капельмейстеру, который сначала живетъ съ ней, потомъ выгоняетъ ее за то, что она фальшивитъ и однажды произвела скандалъ въ театрѣ, оставшись на сценѣ, когда поднялся занавѣсъ. Потомъ она дѣлается хорошей пѣвицей, и онъ, дирижируя оркестромъ и узнавъ ее, въ свою очередь теряется, путаетъ музыкантовъ, останавливаетъ представленіе. Послѣдній

разсказъ: „Жены артистовъ“—довольно забавная карикатура на бездарныхъ писателей, живописцевъ, актеровъ, пѣвцовъ, скульпторовъ.

Положеніе желѣзнодорожнаго инженера передъ обществомъ и судомъ, составилъ *Н. Марковъ*. Москва. 1884.

Въ каждомъ обществѣ во всѣ эпохи были профессіи, занятія, цѣлыя сословія, не пользовавшіяся расположеніемъ общества. Было время, когда, напримѣръ, солдаты возбуждали ужасъ въ мирномъ гражданинѣ—и это весьма понятно: не говоря уже о среднихъ вѣкахъ, войны у всѣхъ народовъ, до позднѣйшаго времени, соединялись съ грабежемъ и насиліемъ всякаго рода. Профессіи палача, шпіона, доносчика никогда и нигдѣ не считались заслуживающими уваженія. У насъ земскіе ярыжки, подьячіе, квартальные, даже судьи и помѣщики стараго времени оставили послѣ себя незавидную извѣстность. Подвиги таможенныхъ, комисаріатскихъ, провіантскихъ чиновниковъ возбуждали общественное негодованіе; двѣ послѣднія категоріи были заклеймены самимъ правительствомъ еще при Александрѣ I, но и при Александрѣ II, въ новомъ званіи интендантовъ, пріобрѣли далеко не почетную славу. При Николаѣ I, подобной же репутаціей пользовались устроители всякаго рода путей на водѣ и сушѣ, носившіе въ обществѣ кличку „путейцевъ“. Когда же обычные пути сообщенія замѣнились желѣзными—та же извѣстность пала и на желѣзнодорожныхъ инженеровъ. Блистательные подвиги ихъ по части сокрушенія реберъ своихъ согражданъ засвидѣтельствованы въ послѣднее время не только голосомъ народа, но и судебными приговорами. И противъ этихъ-то приговоровъ, этого народнаго гласа, возстаетъ г. Марковъ, называя ихъ несправедливыми. Эпиграфомъ къ своей брошюрѣ онъ взялъ стихъ изъ Притчей: „Невѣрные вѣсы—противны Іеговѣ“, тогда какъ къ ней гораздо лучше идутъ слова Мольера: „Vous êtes orfèvre, Monsieur Josse?“ И почему же г. Марковъ полагаетъ, что его собственные и вообще путейскіе вѣсы вѣрнѣе судейскихъ? Онъ горячо возстаетъ противъ „упорнаго убѣжденія“ общества, что желѣзныя дороги, „составляя государство въ государствѣ, остаются безъ обузданія своего произвола и, дѣлая, что̀ хотятъ, въ сущности являются шайкою эксплуататоровъ“. Отчего же г. Маркову не приходитъ въ голову, что это „упорное убѣжденіе“ не можетъ же утвердиться безъ причины, что дыма безъ огня не бываетъ? И развѣ не доказываютъ офиціальныя правительственныя изслѣдованія самый необузданный произволъ, самую наглую эксплуатацію главныхъ желѣзнодорожныхъ обществъ? Инженеровъ путей сообщенія, работающихъ на частныхъ желѣзныхъ дорогахъ, общество наше обвиняетъ въ потворствѣ этому произволу и эксплуатаціи. Г. Марковъ причисляетъ къ этой группѣ 350 человѣкъ,—ему лучше знать счетъ,—и говоритъ, что еще 20 лѣтъ тому назадъ каждое разрѣшеніе о постройкѣ желѣзной дороги считалось способнымъ поднять благосостояніе края, а теперь „общество въ лицѣ печати видитъ въ этихъ дорогахъ обузу для государства, а въ лицѣ ихъ дѣятелей и въ

школу въ распоряженіе церковнаго вѣдомства — ничѣмъ не оправдываемый софизмъ. „Церковь, сама по себѣ, ни надъ чѣмъ не имѣетъ *внѣшней* власти. Если ей присвоивается право приказывать и распоряжаться подъ угрозою *внѣшняго* наказанія—это уже даръ государства". Если все, что̀ должно подчиняться духу христіанскихъ началъ, отдать подъ наблюденіе церковнаго вѣдомства, то наблюденіе этого вѣдомства должно распространиться и на литературу, да и на жизнь общества, и тогда мы „придемъ къ началу чистой и исключительной теократіи". Отъ непрошеннаго вмѣшательства спеціалистовъ по богословію въ другія науки, въ управленіе государствомъ и вообще въ жизнь общества, произойдетъ только „явный ущербъ для свободы научнаго изслѣдованія, безъ малѣйшаго выигрыша для усиленія христіанскаго духа".

Много свѣтлыхъ и совершенно вѣрныхъ мыслей разсѣяно въ брошюрѣ г. Дебольскаго, какъ напр., о невозможности обвиненій во „вредномъ вліяніи и направленіи", которое невозможно уловить, о „надзорѣ за благонадежностью, обращающемся въ произволъ со стороны высшихъ лицъ и въ угодливость со стороны низшихъ" и пр. Практическіе выводы автора сводятся къ слѣдующему: необходимо уничтожить нынѣ существующую, посредствующую инстанцію учебнаго вѣдомства —управленія учебныхъ округовъ, стоющія до 500,000 руб. въ годъ,—также уничтожить тормозы этого вѣдомства—училищные совѣты; власть попечителя округа перенести на директора народныхъ училищъ, который сносится непосредственно съ центральнымъ управленіемъ министерства просвѣщенія. Дирекція народныхъ училищъ сосредоточиваетъ въ себѣ всѣ правительственныя функціи по отношенію къ школамъ, не раздѣляя ихъ ни съ земствомъ, ни съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Вліяніе учебнаго вѣдомства на школы должно совершаться путемъ не запрещеній, а цѣлесообразнаго поощренія школъ. Учредитель и содержатель школы долженъ быть освобожденъ отъ лежащихъ нынѣ на немъ стѣсненій въ дѣлѣ выбора типа и программы народной школы, языка преподаванія въ ней, назначенія ея учителей и вообще веденія учебной части. Нашимъ педагогическимъ и правительственнымъ органамъ предстоитъ высказать свое мнѣніе о проэктѣ г. Дебольскаго.

назадъ, не прекращаются и въ настоящее время: въ нихъ г. Дебольскій видитъ борьбу бюрократическаго попечительства съ началомъ свободной самодѣятельности общественныхъ силъ, но въ то же время находитъ, что притязанія земства представляютъ очень часто не протестъ общественной самодѣятельности противъ подавляющаго ее административнаго произвола, а притязанія на власть, на гегемонію надъ народною школою. Споры между учебнымъ вѣдомствомъ и земствомъ сводятся де къ вопросу о правѣ земскаго собранія быть не только *содержателемъ* своихъ школъ, но и *управлять* въ данной мѣстности всѣмъ ходомъ народнаго образованія. Авторъ допускаетъ справедливость принципа, чтобы школами управляли ихъ учредители, но не видитъ основаній, по которымъ центральная власть должна поступиться своими правами въ пользу власти мѣстной, и во фразахъ о земской самостоятельности видитъ сознательное или безсознательное слѣдованіе началу федерализма. Это начало г. Дебольскій считаетъ особенно вреднымъ и даже утверждаетъ, что „торжество австрійскаго федерализма будетъ равносильно погибели австрійскаго государства". Мнѣніе это діаметрально противоположно убѣжденію, господствующему въ политикѣ, что только при распространеніи равноправныхъ и федеративныхъ учрежденій Венгріи на всѣ остальныя области, подчиненныя скипетру Габсбурговъ, Австрія можетъ утвердиться на прочныхъ основаніяхъ. Но оставивъ въ сторонѣ политическія воззрѣнія автора, нельзя не согласиться съ нимъ, что „сущность самоуправленія состоитъ въ свободѣ мѣстной и личной жизни отъ бюрократической опеки и произвола, откуда бы они ни исходили—отъ центральной или мѣстной власти". Спеціально по отношенію къ школамъ, самоуправленіе состоитъ „въ полномъ просторѣ учрежденія школъ и управленія ими со стороны учредителей". Къ земству г. Дебольскій нисколько не пристрастенъ, по временамъ подсмѣивается надъ „автономіею земскихъ штатовъ или кантоновъ" и находитъ, что въ смыслѣ органовъ нравственныхъ, духовныхъ интересовъ народной жизни, земскіе дѣятели „нисколько не заслужили быть поставленными выше правительственнаго чиновничества". Учебному вѣдомству не дано надлежащаго простора для дѣйствія: лютеранскія школы Балтійскаго края и школы при церквяхъ иностранныхъ исповѣданій изъяты изъ вѣдѣнія министерства народнаго просвѣщенія, надзоръ за мусульманскими училищами съ его стороны номинальный, да и власть надъ земскими школами ограничена другими факторами. Вообще авторъ склоняется къ тому, чтобы въ этомъ министерствѣ были сосредоточены начальныя училища всѣхъ названій, мѣстностей и вѣроисповѣданій. На отношенія школы къ церкви авторъ смотритъ совершенно вѣрно, находя, что церковь, въ смыслѣ вѣдомства, такое же государственное учрежденіе, какъ университетъ, и ея „внѣшняя дѣятельность возможна лишь по распоряженію или допущенію государственной власти. Отдать народную

школу въ распоряженіе церковнаго вѣдомства — ничѣмъ не оправдываемый софизмъ. „Церковь, сама по себѣ, ни надъ чѣмъ не имѣетъ *внѣшней* власти. Если ей присвоивается право приказывать и распоряжаться подъ угрозою *внѣшняго* наказанія—это уже даръ государства". Если все, что должно подчиняться духу христіанскихъ началъ, отдать подъ наблюденіе церковнаго вѣдомства, то наблюденіе этого вѣдомства должно распространиться и на литературу, да и на жизнь общества, и тогда мы „придемъ къ началу чистой и исключительной теократіи". Отъ непрошеннаго вмѣшательства спеціалистовъ по богословію въ другія науки, въ управленіе государствомъ и вообще въ жизнь общества, произойдетъ только „явный ущербъ для свободы научнаго изслѣдованія, безъ малѣйшаго выигрыша для усиленія христіанскаго духа".

Много свѣтлыхъ и совершенно вѣрныхъ мыслей разсѣяно въ брошюрѣ г. Дебольскаго, какъ напр., о невозможности обвиненій во „вредномъ вліяніи и направленіи", которое невозможно уловить, о „надзорѣ за благонадежностью, обращающемся въ произволъ со стороны высшихъ лицъ и въ угодливость со стороны низшихъ" и пр. Практическіе выводы автора сводятся къ слѣдующему: необходимо уничтожить нынѣ существующую, посредствующую инстанцію учебнаго вѣдомства —управленія учебныхъ округовъ, стоящія до 500,000 руб. въ годъ,—также уничтожить тормозы этого вѣдомства—училищные совѣты; власть попечителя округа перенести на директора народныхъ училищъ, который сносится непосредственно съ центральнымъ управленіемъ министерства просвѣщенія. Дирекція народныхъ училищъ сосредоточиваетъ въ себѣ всѣ правительственныя функціи по отношенію къ школамъ, не раздѣляя ихъ ни съ земствомъ, ни съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Вліяніе учебнаго вѣдомства на школы должно совершаться путемъ не запрещеній, а цѣлесообразнаго поощренія школъ. Учредитель и содержатель школы долженъ быть освобожденъ отъ лежащихъ нынѣ на немъ стѣсненій въ дѣлѣ выбора типа и программы народной школы, языка преподаванія въ ней, назначенія ея учителей и вообще веденія учебной части. Нашимъ педагогическимъ и правительственнымъ органамъ предстоитъ высказать свое мнѣніе о проэктѣ г. Дебольскаго.

лику изъ любителей спорта и, просто, изъ людей, не знающихъ, куда приклонить голову отъ скуки. Здѣсь можно было любоваться красивымъ полетомъ ловчихъ птицъ (соколовъ, кречетовъ и ястребовъ), а также и кровавыми слѣдами, которые оставляли онѣ на рукахъ приставленныхъ къ нимъ вольнонаемныхъ спортсменовъ; здѣсь раздавался самый гармоническій для уха настоящаго охотника, разнообразный лай и визгъ восхитительнѣйшихъ договъ, бульдоговъ, сетеровъ, понтеровъ и другихъ породъ; здѣсь же ютились въ маленькихъ клѣточкахъ,—иногда подъ неослабнымъ наблюденіемъ самихъ сердобольныхъ хозяекъ,—крошечные экземпляры комнатныхъ собачекъ, разныя Жужу, Амишки, Фидельки, etc. Тутъ былъ и шпицъ—„прелестный шпицъ, не болѣе наперстка“, быть можетъ, потомокъ по прямой линіи того самаго экземпляра, съ которымъ нянчился, въ видахъ карьеры, безсмертный Молчалинъ; возможно, что и этотъ нынѣшній шпицъ помогъ создать карьеру и достичь степеней извѣстныхъ другому, новѣйшему представителю молчалинскаго типа. Болонки, моисики, терьеры щеголяли другъ передъ другомъ красотою своей выхоленной шерстки, и, глядя на нихъ, я невольно подумалъ, что, пожалуй, и за дѣтьми въ тѣхъ домахъ, откуда доставлены эти живыя игрушки, не бываетъ такого внимательнаго ухода, какъ за любимыми собачками. Особенное вниманіе обращали на себя великолѣпныя охотничьи группы и статуи г. Шопена, ружья и охотничьи принадлежности г. В. Лежена, издѣлія и коллекціи фирмы „Шафъ и сыновья“, охотничьи эстампы г. Фельтена. Золотыя, серебряныя (большія и малыя) и бронзовыя медали, а также и „похвальные отзывы“, изъ которыхъ, впрочемъ, шубы не сошьешь,—составляли награды экспонентовъ и раздавались довольно щедрою рукою. Любители псовой охоты за зайцами съ грустью замѣчали однако, что отдѣлъ „борзыхъ“ оказывался слабѣе, чѣмъ другія собачьи коллекціи; очевидно, борзятниковъ стало у насъ гораздо меньше съ тѣхъ поръ, какъ неуклонный „мировой“ сталъ оцѣнивать потравы полей, обыкновенно связанныя съ этой забавою, нѣсколько строже, чѣмъ дореформенные капитанъ-исправники и уѣздные судьи, бравшіе взятки борзыми щенками. Но такъ какъ „природа боится пустоты“, то на смѣну псовой охоты выступаетъ уже другая, столь же достойная благорожденныхъ досужихъ людей. „Въ заключеніе скажемъ—утѣшаютъ насъ въ одной газетной замѣткѣ,—что, не смотря на множество трудностей въ дѣлѣ развитія *соколиной охоты*, нѣтъ сомнѣнія, что *спортъ этотъ встрѣчаетъ болѣе и болѣе сочувствія*, и что слѣдовало бы употребить всѣ старанія, чтобы осуществить полезныя испытанія и состязанія ловчихъ птицъ и собакъ, предполагавшіяся въ прошломъ году; *весьма вѣроятно, что планъ этотъ и осуществится нынѣшнею осенью*“.

Ну, вотъ и чудесно! Охота съ борзыми отжила свое время; но—*le roi est mort, vive le roi!*—на мѣсто ея становится соколиная охота, менѣе

опасная въ смыслѣ „потравъ“ и „взысканій“ (такъ какъ горнія выси еще не отписаны ни въ чью личную собственность), но еще болѣе возвышающая духъ благороднаго человѣка и уносящая его далеко-далеко отъ этого міра насущныхъ заботъ, треволненій и... „наказаній, налагаемыхъ мировыми судьями“. Конечно, и тутъ можетъ случиться, что голодная „ловчая“ птица задеретъ домашнихъ утокъ, гусей или куръ, но это уже будетъ прискорбный инцидентъ, объясняемый только плохимъ уходомъ за пернатымъ хищникомъ. Вообще же соколиная охота предпочтительнѣе съ точки зрѣнія „личной безопасности“ охотника.

Все это хорошо, но намъ приходитъ въ голову другая, болѣе смѣлая и оригинальная мысль. Конечно, выставка ловчихъ птицъ и развитіе спортсменства этого рода заслуживаетъ сочувствія благородныхъ и досужихъ людей; но почему бы, параллельно съ этою выставкою и въ дополненіе къ ней, не устроить иного, аналогичнаго „позорища“, которое, безъ всякаго сомнѣнія, привлекло бы такую уйму посѣтителей, что эту выставку пришлось бы разбить въ шатрахъ на Марсовомъ полѣ или на Семеновскомъ плацу. Духъ захватываетъ отъ одной этой мысли... Что бы, въ самомъ дѣлѣ, вслѣдъ за удачно-исполненною выставкою „ловчихъ“ птицъ и собакъ, не перейти къ коллекціи хищниковъ изъ высшей зоологической породы—homo sapiens—хищниковъ, которые уловляютъ въ свои острые, забористые когти не какихъ нибудь жалкихъ пичугъ и трусливыхъ зайцевъ, а смѣло, поднявши забрало, идутъ на ловитву человѣческихъ жертвъ, могущихъ дать отпоръ и возмездіе?! Эти „ловцы людей“ во сто разъ интереснѣе ловцовъ птицъ и звѣрей. Тутъ и широта ума, и высота полета, и ловкость „выпаденія“ въ битвѣ, и прозорливость, и „правило товарищества“ при дѣлежѣ добычи, чуждое низшей зоологической расѣ — вся эта комбинація душевныхъ свойствъ и практическихъ пріемовъ куда сложнѣе и разнообразнѣе нехитрой механики птичьяго міра! Въ нашемъ воображеніи рисуются уже и нѣкоторыя детали этого любопытнѣйшаго, никогда не виданнаго и небывалаго зрѣлища. Во-первыхъ, иниціативу по устройству этой феноменальной выставки могло бы принять на себя, примѣрно, хотя бы этнографическое отдѣленіе географическаго общества, какъ занимающееся изученіемъ расовыхъ типовъ, особенностей и отличій, или—допустимъ—управленіе коннозаводства, котораго спеціальную обязанность составляетъ забота о сохраненіи и культивированіи отборнѣйшихъ лошадиныхъ породъ. Стоитъ только подвинуть эту заботливость выше на одинъ градусъ, и въ ея районъ можетъ войти и рекомендуемое нами предпріятіе. Выносливые, сильные битюки, хорошія ѣздовыя и прыткія верховыя лошади, конечно, нужны намъ и для хозяйства, и для увеселенія; но „ловцы людей“ даже *въ хозяйственномъ* отношеніи (по части скопленія и перераспредѣленія *имуществъ*) заткнутъ за поясъ всякихъ „особей“ и крылатой, и однокопытной *породы*. За этими ловцами не угоняются самые рѣзвые орловскіе рысаки.

они бываютъ выносливѣе крупнѣйшаго битюка; а что касается до ихъ хищности и безпардонности, то едва ли самые лютые бульдоги и самые задорные кречеты превзойдутъ ихъ въ этихъ качествахъ.

Все это мы говоримъ по вопросу объ „учредительствѣ“, т. е. по вопросу о томъ, кому удобнѣе и приличнѣе взять на себя починъ въ организаціи новаго рода выставки. Здѣсь, конечно, возможны различныя рѣшенія вопроса; на сцену выдвинется, можетъ быть, и *мѣстничество*— изъ-за чести стать во главѣ такого грандіознаго предпріятія. Такъ, напр., въ дѣло могутъ вмѣшаться представители разныхъ общественныхъ группъ, поставляющихъ изъ своей среды наиболѣе совершенные экземпляры „ловцовъ“ человѣческой породы; они, можетъ быть, пожелаютъ бросить жребій о правѣ на учредительство.

Затѣмъ, когда рѣшится такъ или иначе первый, организаціонный вопросъ, придетъ время — намѣтить тѣ „ловческіе типы“, которые должны быть выставлены на показъ; а еще далѣе—надобно будетъ подобрать и экземпляры, выражающіе въ себѣ, съ большей или меньшей опредѣленностью, характернѣйшія черты даннаго типа.

Покуда, накопилось уже достаточно наблюденій, чтобы по нимъ разсортировать нѣсколько выдающихся типовъ человѣческаго хищничества.

Ловческій типъ, № 1. Блудодѣй мысли. Составляетъ помѣсь стариннаго „подьячаго съ приписью“ изъ Разбойнаго приказа и бульварнаго Альфонса XIX-го столѣтія. На низшей стадіи развитія, изображая собой, такъ сказать, бакциллу извѣстнаго типа, „*ходитъ* по дѣламъ“ пѣшечкомъ, на своихъ на двоихъ, и отличается нервною юркостью („ахъ, какъ бы не забыть подать на кассацію!“ „ахъ, какъ бы не упустить векселедателя“) и недостаточной откормленностью („хорошо бы перехватить гдѣ нибудь на обѣдъ: подлецъ Кутузкинъ, вмѣсто трехъ цѣлкачей, обѣщанныхъ за оправданіе у мироваго, швырнулъ только четвертакъ: „собакѣ на орѣхи“); возросши и окрѣпнувъ, блудодѣй „ѣздитъ по дѣламъ“ въ своей собственной эгоисткѣ, заводитъ домъ-особнякъ, купленный за полцѣны у милостивца или подаренный въ награду за усердіе, и въ выборѣ пищи и питія становится очень разборчивъ, не брезгая только невской не профильтрованной водой и утверждая даже публично, что эта-то самая водица и называлась амброзіей въ древнѣйшей миѳологіи.

Ловческій типъ, № 2. Концессіонеръ желѣзной дороги. До полученія концессіи, состоялъ въ десятникахъ какой нибудь ярославской артели, а не то и въ разсыльныхъ у „знатной персоны“; какъ чичиковскій Петрушка, забывалъ по временамъ, есть ли у него какое нибудь лицо, и продовольствовался лазаревымъ кускомъ; достигнувъ „степеней извѣстныхъ“, носитъ гордо свою „физіономію“; для кулинарныхъ услугъ держитъ при себѣ прогорѣвшаго, *но все* еще лакомаго до гастрономическихъ блюдъ ком*ми-вояжера изъ* заштатныхъ полководцевъ или отолтѣлыхъ помѣщиковъ;

одѣвается въ тонкое сукно, но, по старой памяти, все еще не можетъ разстаться со смазными сапогами и брюками „на выпускъ“.

Ловческій типъ, № 3. „Лидахтуръ-издатель“ шантажнаго листка или самаго толстаго иллюстрированнаго кулинарно-политическо-литературно-ребусно-роднаго журнала. Въ первобытномъ состояніи изображалъ „дикаго человѣка“ на ярмаркахъ и ѣлъ живыхъ голубей, или стоялъ за прилавкомъ у торгаша-тятеньки, помогая ему обсчитывать бѣдныхъ авторовъ и переводчиковъ; за недосугомъ, грамотѣ не выучился, но, занявшись торговлею *„расчиточно* и на выносъ“, приспособился подковыривать, съ грѣхомъ пополамъ, свою фамилію; а для болѣе сложныхъ письменныхъ упражненій держитъ при себѣ сговорчиваго *писáчку*, потолкавшагося въ разныхъ редакціяхъ и вынесшаго оттуда кучу сплетенъ, которыми и подслуживается своему патрону на случай „полемики“, понимаемой обоими или въ смыслѣ базарной ругани. Въ своемъ торговомъ дѣлѣ лидахтуръ-издатель не знаетъ никакихъ препонъ и загражденій, руководствуясь первобытнымъ правиломъ русской комерціи: „не обманешь—не продашь“. Такимъ образомъ, онъ воровски скупаетъ по чужимъ конторамъ адресы подписчиковъ и разсылаетъ къ нимъ подметныя письма въ видѣ широковѣщательныхъ рекламъ своего изданія; безъ церемоніи (если онъ книгопродавецъ) высылаетъ свое изданіе вмѣсто требуемаго чужаго, и наконецъ, обѣщая *въ премію* подписчикамъ серебряные чайные сервизы и подлинныя рафаэлевскія картины,—разсылаетъ, „ничесо же сумняся“, ночныя вазы и лубочныя гравюры: „Какъ мыши кота хоронятъ“. А наемные „писáчки“, въ отвѣтъ на жалобы публики, приговариваютъ: „по дѣломъ, по дѣломъ—не будь дуракомъ!“ и со смѣху надрываютъ себѣ животики. Впрочемъ, riга bien qui riга le dernier,—и подобныя милыя шутки иногда приводятъ „лидахтура-издателя“ на скамью подсудимыхъ, а оттуда—въ исправительную тюрьму, за мошенничество.

Ловческій типъ, № 4. „Первоклассный“ пастуховско-вольфовскій писатель. Занималъ нѣкогда „каѳедру“ въ семинаріи, либо въ берейторскомъ училищѣ, но, по нетвердому знанію предмета, часто увольнялся отъ исполненія своихъ обязанностей и кочевалъ съ каѳедры на каѳедру. Потерявъ наконецъ всякую надежду на лучшія кондиціи въ преподавательскомъ кругу, перекочевалъ въ газетную прессу, и, обладая всезнаніемъ, строчилъ съ одинаковою храбростью и о Нумѣ-Помпиліѣ, и о Конфуціѣ, и о пушечныхъ лафетахъ, и объ армстронговыхъ ружьяхъ. По части нравственныхъ вопросовъ имѣетъ очень смутныя понятія, ибо называетъ *подлостью*—не подлый поступокъ, а публичное его изобличеніе. По части особыхъ примѣтъ, обладаетъ косноязычіемъ и лапоухостью.

На первый разъ, довольно будетъ и этихъ типовъ...

Ефимъ Простосердовъ.

ВЪ АЛЬБОМЪ

ОДНОМУ ГАЗЕТНОМУ „ЧЕЛОВѢКУ“.

Газетный жалкій лицедѣй,
Убогій умственный калѣка,
Не тщись обманывать людей,
Прикрывшись маской „человѣка“...
Конечно, роль играть любя,
Ты могъ бы дѣйствовать храбрѣе,
Но выдаетъ, увы, тебя
Твоя лакейская ливрея.
И выдаютъ тебя языкъ,
Передней барской всѣ замашки,
Гдѣ ты холопствовать привыкъ
И получать на чай „бумажки“...
Твой баринъ щедрый взять помогъ
Тебѣ въ аренду „заведенье“,
Чтобъ, между прочимъ, въ немъ ты могъ
Хвалить его произведенья...
Служи жъ ему хоть цѣлый вѣкъ,
Не поднимай ты только тона:
Вѣдь ты всего лишь—„человѣкъ“
Страстнобульварнаго Катона...

Эндиміонъ Вампировъ.

СОДЕРЖАНІЕ № 4-го

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА

„НАБЛЮДАТЕЛЬ“.

I. По градамъ и весямъ. Романъ Вологдина 5
II. Джіакомо Леопарди. В. В. Чуйко 50
III. Пѣвцу. Стихотвореніе А. И. Орлова 69
IV. Накипь Парижа. Альберта Вольфа 70
V. Тайная надежда. Стихотвореніе Ѳ. Э. Ромера 113
VI. Александръ Васильевичъ Дружининъ. А. В. Старчевскаго. 114
VII. Скряга Мортибой. Романъ Вальтера Безанта и Джемса Райса 129
VIII. Похороны. Историческій романъ. Д. Л. Мордовцева. 187
IX. Приговоръ. Стихотвореніе Ф. Андреева. 214
X. Жерминаль. Романъ Эмиля Золя. 215
XI. Въ лѣсу. Стихотвореніе Н. Иваницкаго. 302
XII. Тѣни и пятна петербургской нравственности. В. О. Михневича. 303
XIII. Филистеры. Романъ Германа Шульце-Делича. 319
XIV. Южный вѣтеръ. Стихотвореніе К. Фофанова. 344

Современное обозрѣніе.

XV. За океаномъ. П. Попова. 1
XVI. Обзоръ историческихъ журналовъ 12
XIV. Наши внутреннія дѣла 22
XVIII. Политическая хроника 41
XIX. Новыя книги 59
XX. Фонографъ (фельетонъ „Наблюдателя“): 1) И смѣхъ и горе. (Литературныя и житейскія замѣтки). Ефима Простосердова. . 73
2) Въ альбомъ одному газетному „человѣку“. Стихотвореніе Эндиміона Вампирова. 79

О ПОДПИСКѢ НА ЖУРНАЛЪ:

«НАРОДНАЯ ШКОЛА»

ВЪ 1885 ГОДУ.

(семнадцатый годъ).

ъ рекомендованъ учебнымъ комитетомъ Собственной Е. И. В. Канцелярiи по енiямъ Императрицы Марiи; одобренъ ученымъ комитетомъ Министерства аго Просвѣщенiя и удостоенъ золотой медали отъ комитета грамотности, состоящаго при Имп. Вольно-Экономическомъ Обществѣ.

НАРОДНАЯ ШКОЛА» издается въ 1885-мъ году на прежнихъ осно- ъ, при участiи всѣхъ прежнихъ и нѣкоторыхъ новыхъ сотрудниковъ. ограмма журнала состоитъ изъ слѣдующихъ отдѣловъ: I) **Законодатель- по народному образованiю.** II) **Педагогика и дидактика.** III) **Исторiя аго образованiя.** IV) **Критика и библiографiя.** V) **Новости и смѣсь.** отдѣлъ вполнѣ соотвѣтствуетъ «современному обозрѣнiю» въ другихъ жур- ъ. Онъ заключаетъ въ себѣ — кромѣ мелкихъ статей и корреспонденцiй — атическiй обзоръ (подъ названiемъ **педагогической хроники**) всѣхъ наиболѣе ыхъ явленiй въ области народнаго образованiя въ нашемъ отечествѣ; въ ъ же систематическомъ видѣ предлагается, по временамъ, хроника народнаго ванiя въ иностранныхъ государствахъ. Здѣсь же помѣщаются обыкновенно, рубрикою **«Разныхъ извѣстiй»**, любопытные для народнаго учителя факты ественной и собственно крестьянской жизни, свѣдѣнiя по сельскому хозяйству мъ техническимъ предметамъ и пр. VI) **Приложенiя** къ журналу, куда вхо- а) политическiя извѣстiя для народныхъ учителей, въ формѣ связнаго раз- о политическихъ событiяхъ за границею; б) чтенiя для народа по всѣмъ пред- знанiя и пр.

прошломъ году, въ «НАРОДНОЙ ШКОЛѢ» принимали участiе своими ки: *гг. Акатовъ, А. И. Анастасiевъ, Н. Арепьевъ, А. С. Вирениусъ, Воленсъ, В. Р. Зотовъ, В. Э. Иверсенъ, д-ръ Ивинъ, Е. П. Кар- , А. Л. Крыловъ* и друг.

распоряженiи редакцiи имѣется много новыхъ матерiаловъ.

НАРОДНАЯ ШКОЛА» выходитъ въ 1885 году, по прежнему, ежемѣ- ми книжками отъ четырехъ до шести печатныхъ листовъ убористаго а. Годовая цѣна журнала, со всѣми приложенiями, **четыре рубля пять- коп.** съ пересылкою или доставкою. За границу—**6 руб.** Подписка ается: въ С.-Петербургѣ, въ главной конторѣ «НАРОДНОЙ ШКОЛЫ», кой переулокъ, д. № 5; въ Москвѣ: въ книжномъ магазинѣ Карбасникова, , противъ Университета, и въ конторѣ г-жи Печковской, Петровскiя Редакцiя отвѣчаетъ за исправность доставки только передъ лицами, авшимися въ главной конторѣ.

лая сдѣлать доступнымъ пріобрѣтенiе оставшихся полныхъ экземпляровъ журнала за 1878—79—82 гг. и тѣмъ школамъ, которыя, по недо- средствъ, не могли своевременно подписаться на нихъ, редакцiя предла- выписывать ихъ по значительно пониженной цѣнѣ, а именно: вмѣсто руб. за три года, **по 9 руб. съ пересылкою.** При подпискѣ же на 1885 слѣдуетъ высылать, круглымъ счетомъ, 13 руб.

880, 1881, 1883 и 1884 гг. журналъ выписывается по номинальной стоимости.

Редакторъ-издатель **А. П. ПЯТКОВСКIЙ.**

...ЕСТВЕННОЙ ...ВЪ ПЕРМИ ...БЛІОТЕКИ

О ПОДПИСКѢ НА ЖУРНАЛЪ:

НАБЛЮДАТЕЛЬ

въ 1885 году. (Годъ четвертый).

Журналъ издается въ 1885 г. подъ прежней редакціей, ... участіи прежнихъ и новыхъ сотрудниковъ, **безъ предваритель... цензуры.**

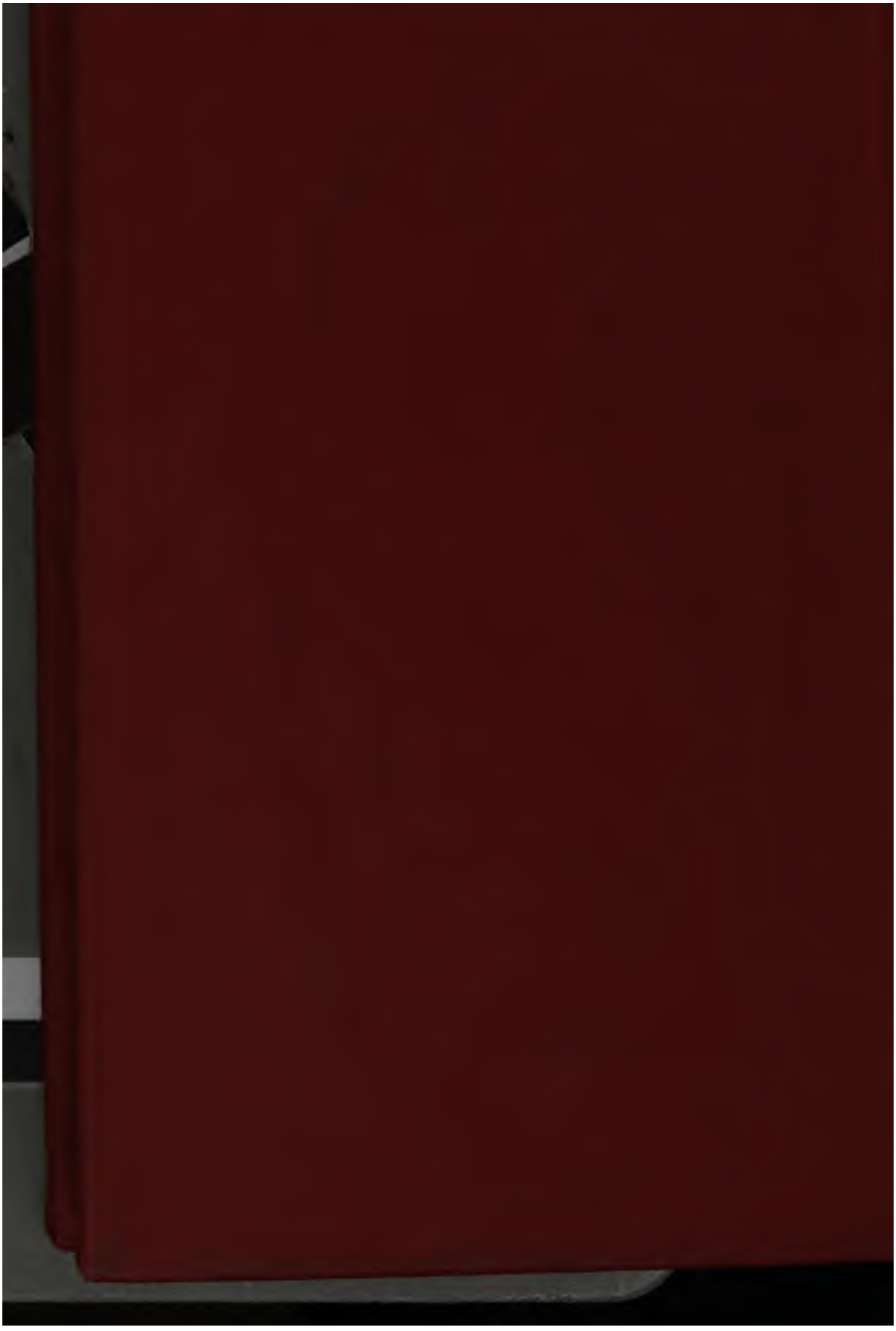
«Наблюдатель» выходитъ ежемѣсячно, 15-го числа. Объемъ кн... значительно увеличенный въ истекшемъ году, будетъ доходить ... текущемъ году отъ 22 до 30 печатныхъ листовъ. Форматъ журнала ... личенъ до размѣра самыхъ большихъ ежемѣсячныхъ журналовъ. Под... ная же цѣна остается прежнею: **12** р. за годъ безъ доставки; **13** р... доставкою въ С.-Петербургѣ; **14** р. съ перес.; **16** р. съ пересылко... границу.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ главной конторѣ ... дакціи (Поварской переулокъ, д. № 5); **въ Москвѣ:** въ книжномъ ... газинѣ Карбасникова (Моховая, противъ Университета) и въ кон... Печковской, Петровскія линіи; **въ Варшавѣ**—въ книжномъ магазинѣ ... басникова; а также во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку изданія только пе... лицами, подписавшимися въ Главной Конторѣ.

Главная контора открыта ежедневно, кромѣ праздничныхъ и вос... ныхъ дней, отъ 10 до 4 часовъ пополудни; въ праздничные ж... воскресные дни—отъ 12—2 ч. Редакторъ принимаетъ по вос... сеньямъ отъ 1—2 ч. дня.

Редакторъ-Издатель **А. П. Пятковскій.**

STANFORD
UNIVERSITY
LIBRARIES

Stanford University Libraries
3 6105 010 701 436
AF
50
N 3
v.4
no.4
1885
Stanford University Libraries
Stanford, California
Return this book on or before date due.